ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ҒЫЛЫМ ЖӘНЕ ЖОҒАРЫ БІЛІМ МИНИСТРЛІГІ
ҒЫЛЫМ КОМИТЕТІ
Ә.Х. МАРҒҰЛАН АТЫНДАҒЫ АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТЫ

МАРҒҰЛАН ОҚУЛАРЫ – 2024

халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары

Баянауыл, Павлодар, 23–25 мамыр 2024 ж.

1-том

Алматы
2024

ISSN: 3007-651X
e-ISSN: 3007-6528
DOI: 10.52967/3007-6528.2024.1
Марғұлан оқулары – 2024 1-том

Басылым ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2025 жж. арналған іргелі ғылыми зерттеулер бағдарламасы, ЖТН BR20280993 аясында жүзеге асырылды

ҚҰРЫЛТАЙШЫ:
Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі
Ғылым комитетінің Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты (Алматы қ., Қазақстан)

БАС РЕДАКТОР:
Ақан Оңғарұлы, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының бас директоры, тарих ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор (Алматы қ., Қазақстан)

ЖАУАПТЫ РЕДАКТОР:
Т.Б. Мамиров, тарих ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор (Алматы қ., Қазақстан)

РЕДАКЦИЯЛЫҚ КЕҢЕС:

А.Е. Ержанова, философия докторы (PhD), Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты (Алматы қ., Қазақстан);
А.М. Муань, төрттік геология докторы, профессор (ассистент), Ұлттық жаратылыстану тарихы музейі (Париж қ., Франция);
В.В. Варфоломеев, тарих ғылымдарының кандидаты, Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті (Қарағанды қ., Қазақстан);
В.Г. Ломан, тарих ғылымдарының кандидаты, Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті (Қарағанды қ., Қазақстан);
В.К. Мерц, тарих ғылымдарының кандидаты, Торайғыров университеті (Павлодар қ., Қазақстан);
В.С. Синика, тарих ғылымдарының докторы, Приднестровск мемлекеттік университеті (Тирасполь қ., Молдова);
Д.В. Ожерельев, тарих ғылымдарының кандидаты, РҒА Археология институты (Москва қ., Ресей);
Ж. Құрманқұлов, тарих ғылымдарының кандидаты, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты (Алматы қ., Қазақстан);
З.Г. Гасанов, тарих ғылымдарының докторы, Азербайджан ҰҒА Археология және антропология институты (Баку қ., Әзербайжан);
И.В. Шевнина, тарих ғылымдарының кандидаты, философия докторы (PhD), А. Байтұрсынов атындағы Қостанай университеті (Қостанай қ., Қазақстан);
И.У. Кан, философия докторы (PhD), профессор, Кён Хи университеті (Сеул қ., Корея);
К.Ш. Табалдиев, тарих ғылымдарының докторы, Қырғыз-Түрік Манас университеті (Бішкек қ., Қырғызстан);
Л. Янц, философия докторы (PhD), антропология профессорының ассистенті, Торонто университеті (Торонто қ., Канада);
М.К. Хабдулина, тарих ғылымдарының кандидаты, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия Ұлттық университеті жанындағы К.А. Ақышев атындағы ҒЗИ (Астана қ., Қазақстан);
Т. Хермес, философия докторы (PhD), антропология профессорының ассистенті, Арканзас университеті (Арканзас қ., АҚШ); Макс Планк атындағы эволюциялық антропология институты (Лейпциг қ., Германия)

РЕДАКЦИЯЛЫҚ АЛҚА:

Ә.М. Манапова, тарих ғылымдарының кандидаты, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты (Алматы қ., Қазақстан);
Г.С. Жұмабекова, тарих ғылымдарының кандидаты, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты (Алматы қ., Қазақстан);
Ғ.А. Базарбаева, тарих ғылымдарының кандидаты, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты (Алматы қ., Қазақстан);
Т.Н. Лошакова, аға ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты (Алматы қ., Қазақстан)

Редакция, баспа-құрылтайшының мекен жайы:
050010 Алматы қаласы, Достық даңғылы, 44
Телефон: (727) 272 06 89
E-mail: margulan_conf@archeo.kz

Жылына бір рет шығады

© Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, 2024
© Марғұлан оқулары: халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары, 2024

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
COMMITTEE OF SCIENCE
MARGULAN INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

MARGULAN READINGS – 2024

Proceedings of the International scientific and practical conference

Bayanaul, Pavlodar, 23–25 May, 2024

Volume 1

Almaty
2024

The publication was carried out according to the program of fundamental scientific research of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2023–2025, IRN BR20280993

FOUNDER:
Margulan Institute of Archaeology of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan)

EDITOR-IN-CHIEF:
Akhan Onggaruly, Candidate of Historical Sciences and Associate Professor, General Director of the Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan)

EXECUTIVE EDITOR:
Talgat B. Mamirov, Cand. of Hist. Sciences, and Associate Professor (Almaty, Kazakhstan)

EDITORIAL COUNCIL:

Albina E. Yerzhanova, PhD, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan);
Anne M. Moigne, Doctor of Quaternary Geology, Professor (Assistant), National Museum of Natural History (Paris, France);
Dmitry V. Ojerelyev, Cand. of Hist. Sciences, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
In Uk Kang, PhD, Professor,Kyung Hee University (Seoul, Korea);
Irina V. Shevnina, PhD, Cand. of Hist. Sciences, A. Baitursynov Kostanay University (Kostanay, Kazakhstan);
Kubatbek S. Tabaldiev, Dr. of Hist. Sciences, Kyrgyz-Turkish Manas University (Bishkek, Kyrgyzstan);
Lisa Janz, PhD, Assistant Professor of Anthropology, University of Toronto (Toronto, Canada);
Maral K. Khabdulina, Cand. of Hist. Sciences, K.A. Akishev Research Institute at L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan);
Taylor Hermes, PhD, Assistant Professor of Anthropology, University of Arkansas (Arkansas, USA); Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology (Leipzig, Germany);
Valeriy G. Loman, Cand. of Hist. Sciences, E.A. Buketov Karagandy University (Karagandy, Kazakhstan);
Victor K. Merts, Cand. of Hist. Sciences, Toraigyrov University (Pavlodar, Kazakhstan);
Victor V. Varfolomeev, Cand. of Hist. Sciences, E.A. Buketov Karagandy University (Karagandy, Kazakhstan);
Vitalij S. Sinika, Doctor of Hist. Sciences, Transnistrian State University (Tiraspol, Moldova);
Zaur Hasanov, Dr. of Hist. Sciences, Institute of Archaeology and Anthropology of the Azerbaijan National Academy of Sciences (Baku, Azerbaijan);
Zholdasbek Kurmankulov, Cand. of Hist. Sciences, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan)

EDITORIAL BOARD:

Aliya M. Manapova, Cand. of Hist. Sciences, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan);
Galiya A. Bazarbayeva, Cand. of Hist. Sciences, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan);
Gulnara S. Jumabekova, Cand. of Hist. Sciences, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan);
Tatiana N. Loshakova, Senior Researcher, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan)

Address of the editorial office, publisher-founder:
050010 Almaty, Dostyk Ave., 44
Phone: (727) 272 06 89
E-mail: margulan_conf@archeo.kz

Published once a year

© Margulan Institute of Archaeology, 2024
© Margulan readings: Proceedings of the International scientific and practical conference, 2024

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
КОМИТЕТ НАУКИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМЕНИ А.Х. МАРГУЛАНА

МАРГУЛАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2024

материалы международной научно-практической конференции

Баянаул, Павлодар, 23–25 мая 2024 г.

Том 1

Алматы
2024

Издание осуществлено по программе фундаментальных научных исследований
Комитета науки МНВО РК на 2023–2025 гг., ИРН BR20280993

УЧРЕДИТЕЛЬ:
Институт археологии имени А.Х. Маргулана Комитета науки
Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (г. Алматы, Казахстан)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:
Акан Онгарулы, кандидат исторических наук, ассоциированный профессор,
генеральный директор Института археологии имени А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР:
Т.Б. Мамиров, кандидат исторических наук, ассоциированный профессор
(г. Алматы, Казахстан)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

А.Е. Ержанова, доктор философии (PhD),
Институт археологии имени А.Х. Маргулана
(г. Алматы, Казахстан);
А.М. Муань, доктор четвертичной геологии,
профессор (ассистент), Национальный музей
естественной истории (г. Париж, Франция);
В.В. Варфоломеев, кандидат исторических наук,
ассоциированный профессор
Карагандинский университет имени Е.А. Букетова
(г. Караганды, Казахстан);
В.Г. Ломан, кандидат исторических наук,
Карагандинский университет имени Е.А. Букетова
(г. Караганды, Казахстан);
В.К. Мерц, кандидат исторических наук, Торайгыров
Университет (г. Павлодар, Казахстан);
В.С. Синика, доктор исторических наук,
Приднестровский государственный университет
(г. Тирасполь, Молдова);
Д.В. Ожерельев, кандидат исторических наук,
Институт археологии РАН (г. Москва, Россия);
Ж. Курманкулов, кандидат исторических наук,
Институт археологии имени А.Х. Маргулана
(г. Алматы, Казахстан);
З.Г. Гасанов, доктор исторических наук,
Институт археологии и антропологии
НАН Азербайджана (г. Баку, Азербайджан);
И.В. Шевнина, кандидат исторических наук, доктор
философии (PhD), Костанайский университет
имени А. Байтурсынова (г. Костанай, Казахстан);
И.У. Кан, доктор философии (PhD), профессор,
Университет Кён Хи (г. Сеул, Корея);
К.Ш. Табалдиев, доктор исторических наук,
Кыргызско-Турецкий университет Манас
(г. Бишкек, Кыргызстан);
Л. Янц, доктор философии (PhD), ассистент
профессора антропологии, Университет Торонто
(г. Торонто, Канада);
М.К. Хабдулина, кандидат исторических наук,
НИИ имени К.А. Акишева при Евразийском
Национальном университете имени Л.Н. Гумилёва
(г. Астана, Казахстан);
Т. Хермес, доктор философии (PhD), ассистент
профессора антропологии, Университет Арканзас
(г. Арканзас, США); Институт эволюционной
антропологии имени Макса Планка
(Лейпциг, Германия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А.М. Манапова, кандидат исторических наук,
Институт археологии имени А.Х. Маргулана
(г. Алматы, Казахстан);
Г.А. Базарбаева, кандидат исторических наук,
Институт археологии имени А.Х. Маргулана
(г. Алматы, Казахстан);
Г.С. Джумабекова, кандидат исторических наук,
Институт археологии имени А.Х. Маргулана
(г. Алматы, Казахстан);
Т.Н. Лошакова, старший научный сотрудник,
Институт археологии имени А.Х. Маргулана
(г. Алматы, Казахстан)

Адрес редакции, издателя-учредителя:
050010 г. Алматы, пр. Достык, 44
Телефон: (727) 272 06 89
E-mail: margulan_conf@archeo.kz

Издаётся один раз в год

© Институт археологии имени А.Х. Маргулана, 2024
© Маргулановские чтения: материалы международной
научно-практической конференции, 2024

Әлкей Хақанұлы Марғұланның туғанына 120 жыл толуына арналады

Dedicated to the 120th anniversary of the birth of Alkey K. Margulan

Посвящается 120-летию со дня рождения Алькея Хакановича Маргулана





Қазақстанның археологиялық ескерткіштерін зерттеу тарихы

The history of the study of archaeological sites in Kazakhstan

История изучения археологических памятников Казахстана

UDC 902.904
MRNTI 03.41.91
https://doi.org/10.52967/3007-6528.2024.1.11.19

The Great Silk Road in the works of Alkey Margulan

© 2024 Musagalieva A., Khabdulina M.

Keywords: *archaeology, Saryarka, Steppe Silk Road, Margulan, medieval city sites*
Түйін сөздер: *археология, Сарыарка, Далалық Жібек жолы, Марғұлан, ортағасырлық қалалар*
Ключевые слова: *археология, Сарыарка, Степной Шелковый путь, Маргулан, средневековые города*

A. Musagalieva[1] and M. Khabdulina[1]*
[1]Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan
**Corresponding author*

The Great Silk Road served as a catalyst for the development of ancient and medieval civilizations. Its study began in the mid-20th century and is associated with the name of A.Kh. Margulan. The article briefly outlines the factors that led A.Kh. Margulan to turn to archaeology, highlights the main methodological approaches used to reconstruct the routes of the Steppe Silk Road from the medieval cities of southern Kazakhstan northward to the cities of the forest-steppe zone of the Urals and Siberia. It is noted that the cartography of transcontinental caravan routes is based on the direct localization of settlements and cities discovered by him, the analysis of medieval written sources, and knowledge of oral steppe historiology. The article presents archaeological evidence of the operation of trade and diplomatic arteries in the Eurasian steppe from ancient times, starting from the mid-1st millennium BC.
Source of funding: The publication was carried out within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2023–2024, project IRN BR 21882346.
Citation: Musagalieva A., Khabdulina, M. 2024. The Great Silk Road in the works of Alkey Margulan. *Margulan readings–2024.* In 2 vol. Vol. 1. Pp. 11–19.

А.С. Мұсағалиева[1], М.Қ. Хабдулина[1]*
[1]Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана қ., Қазақстан
** корреспондент авторы*

Әлкей Марғұлан еңбектеріндегі Ұлы Жібек жолы

Ұлы Жібек Жолы – ерте және ортағасырлардағы өркениеттердің дамуына ықпал еткен қозғаушы күш. Оны зерттеу XX ғасырдың ортасынан басталды және оны алғаш зерттеушілердің бірі Ә.Х. Марғұлан болды. Мақалада Ә.Х. Марғұланның археология саласын келу факторы қысқаша мазмұндалады, Қазақстанның оңтүстігіндегі ортағасырлық қалалардан солтүстікке, Орал мен Сібірдің орманды далалық зоналарындағы қалаларына қарай жалғасқан Далалық жібек жолы трассасының қайта құрылуының негізгі әдіснамалық қадамдары көрсетіледі. Трансконтинентальды керуен жолдарының картографиясы қалалар мен қоныстардың тікелей орналасқан жеріне, дала тарихын ауызша білуіне және ортағасырлық жазба мәліметтерді талдауға негізделгені баса айтылды. Мақалада б.з. дейінгі I мыңжылдықтың ортасынан, яғни сонау ежелгі заманнан бастап далалық Еуразияның дипломатиялық және сауда жолының атқарған қызметі туралы археологиялық фактілер келтірілді.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2024 жж. арналған бағдарламалық-нысаналы қаржыландыруы шеңберінде, ЖТН BR 21882346 жобасы аясында дайындалды.
Сілтеме: Мұсағалиева А.С., Хабдулина М.К. 2024. Әлкей Марғұлан еңбектеріндегі Ұлы Жібек жолы. *Марғұлан оқулары–2024.* 2 том. 1-т. 11–19-бб. (Ағылшынша).

А.С. Мусагалиева[1], М.К. Хабдулина[1]*
[1]Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан
**автор-корреспондент*

Великий Шелковый путь в трудах Алькея Маргулана

Великий Шелковый путь – это катализатор развития цивилизаций древности и Средневековья. Изучение его началось в середине XX века и связано с именем А.Х. Маргулана. В статье кратко изложены факторы обращения А.Х. Маргулана к археологии, показаны основные методологические подходы к реконструкции трасс Степного шелкового пути от средневековых городов юга Казахстана на север, к городам лесостепной зоны Урала и Сибири. Отмечено, что картография трансконтинентальных караванных дорог основана на непосредственной локализации открытых им поселений и городов, на анализе средневековых письменных сведений и знании устной степной историологии. В статье приведены археологические факты функционирования торговых и дипломатических артерий в степной Евразии с глубокой древности – с середины I тыс. до н.э.
Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2024, ИРН проекта BR21882346.
Цитирование: Мусагалиева А.С., Хабдулина М.К. 2024. Великий Шелковый путь в трудах Алькея Маргулана. *Маргулановские чтения–2024.* В 2-х т. Т. 1. С. 11–19 (на англ. яз.).

Introduction

The term “Silk Road” was introduced to academic discourse in 1877 by the German geographer F. von Richthofen. Initially, it referred to a system of routes that, in antiquity and the Middle Ages, connected the main cultural regions of Eurasia: China, India, the Middle and Near East, and the Mediterranean [Лубо-Лесниченко 1988: 361]. Over time, research has broadened the scope of this term. Today, the term “Great Silk Road” encompasses more than the concept of a transportation route alone; it is understood as a unique historical and cultural phenomenon. The Great Silk Road unified diverse civilizations, fostering communication and exchanges across cultural, technological, political, and religious spheres. It became an independent integrative force defining the cultural and historical unity of Eurasia [Байпаков 2013: 386–393].

The aim of the article is to trace the origins of interest in studying the Great Silk Road within Kazakh historiography, to highlight A.Kh. Margulan’s contribution to the historical interpretation of this phenomenon, and to illustrate his use of interdisciplinary methods in mapping caravan routes across the Betpak-Dala desert. This research holds relevance for reconstructing the ethnocultural history of the Eurasian steppe belt and understanding communication networks across different levels of civilization.

In Soviet historiography, A.Kh. Margulan was the first scholar to study the history of the Great Silk Road. Starting his scholarly career as a historian, ethnographer, and linguist, with an outstanding academic background from Leningrad universities where he attended lectures by renowned Orientalists such as S.F. Oldenburg, Yu.I. Krachkovsky, E.E. Bertels, S.E. Malov, V.V. Struve, and S.I. Rudenko, Alkey Khakanovich turned to archaeology at the age of 42. This shift was influenced by the ideological and political climate in the country, which had led to repressions against historians.

Margulan’s archaeological research brought him great recognition, particularly his work on the famous Begazy-Dandybai culture of the Late Bronze Age in Saryarka. Today, no discussion of the Eurasian Bronze Age omits references to the materials of this culture. Another area of A.Kh. Margulan’s archaeological

pursuits focused on the medieval period in the history of the Steppe: types of cult-memorial monuments, mausoleum architecture, urban culture, mining and irrigation, and material traces of the economic activities of the Kimeks, Oghuzes, Kipchaks, and Kazakhs. His research consistently employed interdisciplinary methods, drawing on written sources, ethnography, folklore, epics, legends, and toponymy.

For 30 years, A.Kh. Margulan led the Central Kazakhstan Archaeological Expedition (1946–1976), crossing the Betpak-Dala desert dozens of times on his way to his beloved Saryarka. His annual traversing of the desert along the trails of Kazakh nomads became the foundation for the map of the caravan routes of the Steppe Silk Road that he created.

Methodology

In studying the history of the Great Silk Road, methods of analysis and synthesis were applied to published materials, organized thematically. Modeling and cartographic methods make it possible to correlate the locations of medieval cities with archaeological discoveries of recent decades, resulting in a refined map of trade routes—one that demonstrates the formation of caravan roads in Saryarka millennia before the medieval period. As a result, segments of the Steppe Silk Road were reconstructed, with an emphasis on the toponymy of landscape and cultural sites playing an important role. For the history of Eurasian migration and trade routes, the obtained data expands and complements the transcontinental routes known from ancient sources. To support this assertion, a comparative analysis method was applied to correlate historical events and archaeological sources of the relevant eras.

Materials

A.Kh. Margulan was a prominent Kazakh social scientist and the founder of archaeological and ethnographic schools in Kazakhstan. His remarkable talent and extraordinary erudition, combined with exceptional diligence, enabled him to produce a substantial body of scientific work on the history of the material and spiritual culture of the Kazakh people [Маргулан 1998]. From the vast scope of his work, worthy of the accomplishments of entire academic institutions, our article focuses on academician A.Kh. Margulan's contribution to the historiography of the Great Silk Road, specifically his substantiation of the famous caravan routes of the Steppe Silk Road.

Let us first examine his path into archaeology. On August 9, 1944, the Central Committee of the All-Union Communist Party of the Bolsheviks issued a Resolution "On the State and Measures for Improving Mass-Political and Ideological Work in the Tatar Party Organization" [Коммунистич. партия... 1985: 513–520]. The so-called "nationalist" errors regarding the history of the Golden Horde left a deep impact on the writing of ancient and medieval history in the national republics of the Soviet Union. Alkey Margulan was also subjected to repression during these years. He was accused of "nationalism", and his works "On the Character and Historical Conditionality of Kazakh Epic" and "Edige in History and Legends" (1944) were banned [Степанов 1947: 42, 43]. Such persecutions were a severe blow to Kazakh historians, making it difficult to continue this research. Afterward, Alkey Margulan fully devoted himself to archaeology. In 1946, the Academy of Sciences of the Kazakh SSR was established, and archaeological excavations in Kazakhstan, which had begun before the Great Patriotic War, continued. Archaeological expeditions led by A.Kh. Margulan, A.N. Bernshtam, S.P. Tolstov, S.S. Chernikov, and K.A. Akishev uncovered the urban culture of Central Asia, including Kazakhstan, closely linking the history of the Silk Road to the medieval cities of Kazakhstan.

The Institute of History, Archaeology, and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR organized an expedition led by A.Kh. Margulan to conduct a reconnaissance survey of historical sites in the basins of the Sarysu and Kengir rivers, the areas adjacent to the Betpak-Dala desert, and in Karatau [Маргулан, Аеева 1948: 3]. overing 6,000 km, the expedition documented ancient architecture, irrigation canal remains, and the ruins of medieval cities from the 10th to the 15th centuries.

Alkey Margulan traversed ancient trade routes and nomadic paths across Kazakhstan, identifying archaeological sites in the vast desert steppes and presenting them to the global scientific community. He adeptly combined field data from excavations with written sources, legends, and literary works. His research of caravan routes, including Betpak-Dala's Khanzholy, Karkaralyzholy, Uanaszholy, Zhetikonyrzholy, and Sarysu zholy, detailed roads linking southern Kazakhstan with Central Kazakhstan and Western Siberia, strengthening cultural and trade ties in these regions [Манапова 2021: 50]. His works were invaluable for the study of cities, settlements, and caravanserais in Kazakhstan, as well as for determining the routes of the Silk Road, not only those of the southern and Syr Darya cities but also the steppe roads of Betpak-Dala, Mangystau, and the Caspian region. To this day, Kazakhstani archaeologists and historians use his books as a reference in archaeological surveys and excavations.

Prior to field archaeological work, data was gathered on archaeological discoveries and accidental finds across the Kazakh SSR over a period of 20 years (from 1926 to 1946) [Маргулан, Аеева 1948: 3]. The summary, published in 1948, lists archaeological work and findings across the regions of the republic: Almaty, Aktobe, Semipalatinsk, East Kazakhstan, Gurev, Zhambyl, Karaganda, Kyzylorda, Kokshetau, Kostanay, and Pavlodar.

In 1949, A.Kh. Margulan published his work "Ancient Caravan Routes Through the Betpak-Dala Desert", which remains relevant to this day. He noted "For the caravans circulating between the Kipchak steppes and the Syr Darya cities, the oasis of Zhetikonur served as a resting place. The Betpak-Dala desert was crossed in the past by several major roads from south to north, the traces of which, in the form of paths, abandoned wells, burial monuments, and road signs—omaks—have survived to this day" [Маргулан 1949: 73–75]. Central Kazakhstan was at the heart of caravan route activity, with main routes and their branches passing through it, including Desht-i-Kipchak.

In his book, A.Kh. Margulan accurately identifies the sections of the Silk Road through Central Kazakhstan [Маргулан 1997: 17]. The easternmost of these roads in the early Middle Ages connected the cultural oases of the Talas and Chu/Shu river valleys (the city of Kulan and Talas) with the nomads and settlements of the Kimeks along the Irtysh River and in the Irtysh steppe region. In later times, it also connected to the cities of Western Siberia.

The route began in the middle reaches of the Chu River (the Kokterek region) heading north and northeast through the vast Betpak-Dala desert, passing the Zhambyl, Kaiyptyn-Kzylzhartasy, and Bolattau mountains, and reaching the upper Sarysu River (Zhanaarka village). From there, it continued through the Nury River valley and the steppe regions near the Irtysh River, ultimately reaching the lower courses of the Ishim, Tobol, and Irtysh rivers. By the mid-18th century, this route became known as Khanzhol (the "Khan's Road") after it was traversed by Khan Abai and his retinue.

Margulan also noted that "in the Middle Ages, this road had great economic importance, maintaining trade connections between the cities of the Chu and Talas valleys and the steppes of Central Kazakhstan, as well as with the cities along the lower reaches of the Ishim, Tobol, and Irtysh rivers. Numerous caravans traveling from the south passed along this road to the Irbit, Petropavlovsk, and Tyumen fairs, where lively trade in both Eastern and Russian industrial goods took place" [Маргулан 1997: 17]. A.Kh. Margulan, describing this route, provides a detailed account of numerous branches of the ancient caravan roads that traversed the Betpak-Dala desert in a meridional direction. These roads connected the southern cities with the vast steppes of Central Kazakhstan and extended to the lower reaches of the Ishim, Tobol, and Irtysh rivers. Between the 8th and 10th centuries, Kimek settlements emerged here, and by the medieval period, these areas were home to the flourishing cities of Western Siberia [Маргулан 1997: 20].

Currently, several expeditions have been organized following the traces of A.Kh. Margulan across the Betpak-Dala desert. These expeditions have led to the discovery of petroglyphs and Stone Age settlements. The archaeological investigation of the Atasu microdistrict in northern Betpak-Dala is currently the most active. According to archaeologists, Betpak-Dala «has not yet been fully explored archaeologically; the

monuments of this vast, low-water, and desert region still appear as separate 'clusters', although they cover relatively large areas" [Бейсенов, Бедельбаева 2017: 174–181]. As we can see, the steppe part of the Silk Road remains largely unexplored. In 1950, the book "From the History of Cities and Architectural Art of Ancient Kazakhstan" was published [Маргулан 1950]. In this work, A.Kh. Margulan unveils the history of cities and caravanserais in Semirechye, Southern Kazakhstan, and the Syrdarya cities. Utilizing both written and archaeological sources, for instance, when mentioning the city of Taraz (Talas), he cites the notes of the Byzantine historian Menander Protector and the Chinese historian Xuanzang. In describing the cities, he consistently connects each one to the Silk Road. For example, about Kumkent: "It lies at the crossroads of ancient caravan routes coming from ancient Talas and Sayram to the region of the Kipchaks, who inhabited the steppes of Central Kazakhstan." About Koilyk and Almalyk: "Numerous caravans stretch from both the west and the east." And about Otrar: "It became one of the most important trade cities in Central Asia, situated on the caravan route from Urgench to Almalyk" [Маргулан 1950: 31, 55, 58, 72].

In the 1950 book, A.Kh. Margulan was the first in Kazakh historiography to note the cities and settlements of Western and Central Kazakhstan that were situated on branches of the Silk Road. This included a discussion of the city of Saraychik as a major political and trading center of the Kipchaks in the 14th–15th centuries. Describing the city, he writes: "It was located on a major caravan route that connected Rus' with the Central Asian territories; through it passed numerous caravans loaded with goods from various cities, along with merchants, travelers, and diplomatic agents from feudal Western Europe, who left various records about this city" [Маргулан 1950: 86]. To support his claims, A.Kh. Margulan references the notes of Ibn Battuta (14th century). As he pointed out, between the 13th and 15th centuries, there was a major caravan route between Saraychik and Urgench, along which postal stations and caravanserais with residential buildings were constructed. He also connects the city of Saraychik to a vast group of monuments uncovered by the archaeological expedition of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR in Central Kazakhstan.

The Silk Road routes through Mangystau and Ustyurt are also described as significant, forming an important corridor from the lower Syrdarya to the Southern Urals, the land of the Bulgars, and Ancient Rus. In the medieval period, this was a vital route connecting Eastern Europe with Kazakhstan and Central Asia [Маргулан 1997: 28].

This section of the caravan routes was investigated between 1949 and 1953 by the Khorezm Archaeological and Ethnographic Expedition of the USSR Academy of Sciences, led by S.P. Tolstov. The expedition uncovered and surveyed the settlements of Shemakha-kala, Devkesken, Erburun, Assikeaudan, the caravanserai Kosskuduk, as well as the sites of Churuk, Beleiuli, and Uchkuduk [Толстов 1958]. From 1991 to 2000, archaeological work in Mangystau was resumed by the Western Kazakhstan Archaeological Expedition, led by Z. Samashev of the Margulan Institute of Archaeology, under the Ministry of Education and Science of Kazakhstan [Самашев и др. 1997: 68–69]. These expeditions uncovered new settlements and caravanserais, shedding light on the ancient trade infrastructure in this region [Самашев и др. 1999: 72–74].

Discussion

The study of the caravan routes of the Great Silk Road can be divided into several key aspects. The first is chronological, which involves determining the age of the Great Silk Road through the history of sericulture, silk weaving, and the spread of silk yarn beyond China. The second aspect is identifying specific trade routes, rawing upon written records, political circumstances, and environmental factors. The third aspect concerns the rise and development of cities as key hubs along strategically important trade routes. The fourth issue is the Great Silk Road as a pathway for the spread and mutual penetration of various religious beliefs, with a focus on tolerance and religious tolerance. In these cities, communities of Zoroastrians, Buddhists, Christians, and Muslims coexisted peacefully. Churches, mosques, Buddhist

temples, and monasteries were built, and historical records show that often members of the same family adhered to different faiths

The earliest remnants of silk fabrics were discovered in China in 1958 during the excavation of Neolithic burials. The quality of the yarn indicated that by this time, sericulture had already advanced beyond its primitive stage. Therefore, the history of silk weaving in China spans over five thousand years.

According to Chinese historians, the beginning of the “Silk Road” dates back to the 2nd century BC, during the period when the Great Han Empire explored the “Western Regions.” This was prompted by the desire to find allies in the fight against the Xiongnu (Huns). In 139 BCE, Emperor Wu Di of the Han Dynasty sent the prince Zhang Qian as an envoy to the West. He returned after 13 years, having passed through Eastern Turkestan, the Tian Shan mountains, and learned the route to Central Asia, western Semirechye, Ferghana, and northern Afghanistan. From that point on, the systematic exploration of the western territories began, and caravans loaded with silk reached the borders of the Roman Empire.

Several primary routes of the Silk Road are identified by specialists, all connected to the ancient cultural regions of the Near and Middle East. The caravan route from China passed through Eastern Turkestan, Central Asia, Northern Mesopotamia, and the Syrian desert to the Eastern Mediterranean. The journey across the vast expanses of Central Asia was not easy, especially through the desolate desert near Lop Nor, the mountain passes of the Pamirs, Tian Shan, and the Syrian desert. The journey could take 7–8 years, but in case of success, the trade operation would bring a fortune in profits.

One of the oldest routes of the Silk Road, known as the “northern route”, passed through the region between the Amudarya and Syrdarya rivers, the Aral Sea region, and continued west through the steppe to the Black Sea and Western Europe.

The Great Silk Road, throughout history, had numerous branches, covering not only the southern agricultural regions but also the Eurasian steppes. In determining the routes of the Steppe Silk Road, archaeological data take precedence. These indicate that silk fabrics appeared in Central Asia and deeper regions of Eurasia five centuries earlier than the official starting point of the Silk Road, i.e., before the 2nd century BCE.

Evidence of Chinese silk garments, including a silk cloak embroidered with a phoenix and a Chinese bronze mirror, has been found in burial mounds in the Altai region, dating back to the 7th–5th centuries BCE. Silk fabrics and silk fringes were discovered in graves from the 6th-5th centuries BCE in various regions of Southern and Western Europe. All of this allows us to assert that the oldest «Silk Road», stretching from the Huang He to the Northern Alps, was established around three thousand years ago and passed through Altai, the steppes of Kazakhstan, and southern European Russia. The existence of this route is confirmed by ancient written sources.

Herodotus, in his Histories, describes a Scythian trade route running from Olbia northeastward to the “foothills of the high mountains”. This route passed through the lands of peoples who spoke different languages, so the Scythians had to communicate with the Argippeans in seven languages, using seven translators. Scholars have debated specific segments and the endpoint of this route, but most agree that it stretched from the Black Sea through the Southern Urals, the Kazakh steppes, and reached the Altai, home to the “griffins guarding gold”.

Excavations of Altai’s “frozen” burial mounds at the Pazyryk, Berel, and Ukok plateaus have yielded well-preserved artifacts made of leather, bone, felt, and wood, due to unique climatic conditions.. The favorite motif of the art of these tribes was the fantastic griffins. All items were wrapped in gold foil, providing archaeological evidence for the truthfulness of Herodotus. Among these mounds, Chinese silk clothing, lacquerware, Chinese umbrellas, mirrors, and a cart with a canopy were discovered. These burial mounds belong to the Pazyrik archaeological culture and date back to the 6th–4th centuries BCE. Alongside Chinese items, woolen carpets from the Near East were found in these mounds.

The 6th–4th centuries BCE was the time of the first world empire – the Achaemenid Empire, which united lands from Egypt to Northwestern India, imposing tribute on many neighboring countries. A well-

established connection, postal system, and state roads existed between the most distant corners of this empire, and trade flourished. Thus, we can assert that many sections of the future «Silk Road» were functioning as early as the 1st millennium BCE.

Herodotus's "trade route" is indeed the Steppe Silk Road. Its formation dates back to the Bronze Age when the steppes of Eastern Europe and Kazakhstan were inhabited by related tribes of the Timber and Andronovo cultural-historical communities.

The existence of established connections is confirmed by the discovery of bronze items in the Northern Black Sea region and the North Caucasus, whose chemical composition indicates their origin from Eastern Kazakhstan. These facts demonstrate that the steppe was not a wild and barbaric periphery; its most distant parts were interconnected. The Eurasian steppes were not only a corridor for migrations and resettlements of peoples but also a well-organized transportation route, linking Western and Eastern civilizations into a unified cultural and historical space.

In the Soviet Union, the academic publication of the Institute of History of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR coordinated all historical science in Kazakhstan. In 1957, a new two-volume academic publication titled «History of the Kazakh SSR» was released. The fourth chapter, authored by A.Kh. Margulan, discussed the Great Silk Road. The key ideas presented in his earlier book were continued in this work.

In the chapter «Culture of the Tribes and Peoples of Kazakhstan in the 6th–12th Centuries,» it is written: «In the 6th-7th centuries, the territory of Kazakhstan was connected by caravan routes through Central Kazakhstan and Altai with southwestern Siberia. These routes ran along the right bank of the Syr Darya in the Aral Sea region and to the Southern Urals. The caravan road from Central Asia to China, called the 'Great Silk Road', passed through the southern regions of Kazakhstan» [История КазССР 1957: 84]. Thus, the routes and scope of the Silk Road in Kazakhstan were expanded, and its role in the history of Kazakhstan significantly increased. Compared to the previous academic edition of 1943, the section on the history of the Turkic Khaganate in the 6th–12th centuries frequently mentioned the Great Silk Road, noting that it had not lost its previous significance, or highlighting its expanded scale. It also mentioned trade between China and Central Asia, with data about Byzantine ambassadors to the Turkic Khagan Istemi, led by Zemarchus. The section on "Art and Architecture" describes the development of cities in Southern Kazakhstan and their role on the major caravan route and in trade relations with China, Central Asia, and Eastern Europe. However, not all of A.Kh. Margulan's ideas were fully explored in this book. The reason for this, it is believed, lies in the fact that the author had been persecuted by the Soviet government and the academic publication itself was under strict state censorship.

After the publication of this academic book, A.Kh. Margulan began to explore earlier periods of ancient Kazakh history, conducting archaeological excavations of the Bronze Age in Central Kazakhstan.

Conclusion

The steppe is interwoven with numerous caravan trails running in both latitudinal and longitudinal directions. The key factors in the emergence of caravan routes were the availability of drinking water and pastures for horses. These were plentiful, as many steppe rivers and streams provided an unimpeded way for travelers to penetrate from the distant south into the deep forest areas for the delivery and exchange of exotic goods for furs, which were highly valued in the markets of the cities along the Great Silk Road. Archaeological finds of Eastern Iranian silver, Chinese coins, mirrors, lacquerware, and jewelry in ancient and medieval burials in Western and Eastern Siberia and Northern Ural testify to this.

In contemporary Kazakh historiography, the routes of the Silk Road leading to Central Asia have mainly been studied. The vast territory of Kazakhstan, with its numerous branches, opened the way not only to Central Asian states but also towards the Caucasus and through the Caspian to the Black Sea, the Urals, and Siberia. This route eventually led to Europe. The Silk Road covered the entire territory of

Kazakhstan; however, unfortunately, the Ural-Caspian and Saryarka sections (the western and northern regions of Kazakhstan) have not received sufficient attention from researchers. These branches were no less important in terms of trade, economy, culture, and politics, as they connected the various cultural worlds of the Eurasian peoples. It was these paths that were first explored by Alkey Margulan.

Today, renewed interest in the Great Silk Road extends beyond academia; it has become a political and economic factor, symbolizing Eurasia's cultural and historical unity and highlighting the need to preserve cultural heritage amid global civilization's advances.

ӘДЕБИЕТ

1 *Байпаков К.М.* Урбанизация Казахстана во второй половине VIII – начале XIII в. / Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований ЮККАЭ). Кн. II. Алматы: ИА КН МОН РК, 2013. 516 с.
2 *Бейсенов А.З., Бедельбаева М.В.* Из истории изучения памятников Бетпакдалы // Теория и практика археологических исследований. 2017. № 3 (19). С. 164–186.
3 История Казахской ССР. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1957. 608 с.
4 Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях сьездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 7. М.: Изд-во политической литературы, 1985. 700 с.
5 *Лубо-Лесниченко Е.И.* Великий Шелковый путь // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье / Под ред. С.Л. Тихвинского, Б.А. Литвинского. М.: Наука, ГРВЛ, 1988. С. 352–391.
6 *Манапова Ә.*М. Ә.Х. Марғұлан еңбектеріндегі керуен жолдары // Қазақстан археологиясы. 2021. № 4 (14). 50–63-бб. DOI: 10.52967/akz2021.4.14.50.63
7 *Маргулан А.Х.* Древние караванные пути через пустыню Бетпак-Дала // Вестник АН КазССР. 1949. № 1. С. 68–78.
8 *Маргулан А.Х*. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1950. 122 с.
9 *Маргулан А.Х.* Мир казаха. Алматы: Институт развития Казахстана, 1997. 57 с.
10 *Маргулан А.Х*. Сочинения. В 14-ти т. Т. 1. Бегазы-Дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Сост. Д.А. Маргулан, Д. Маргулан. Алматы: Атамұра, 1998. 400 с.
11 *Маргулан А.Х., Агеева Е.И.* Археологические работы и находки на территории Казахской ССР (с 1926 по 1946 гг.) // Известия АН КазССР. Серия археологическая. 1948. № 46. С. 125–135.
12 *Самашев З.С., Ермолаева А.С., Тепловодская Т.М*. Поселение Токсанбай на Устюрте // Известия НАН РК. 1999. № 1. С. 49–69.
13 *Самашев З.С., Ольховский В.С., Веселовская Е.В., Жетибаев М.Ж.* Население Арало-Каспийского региона в сарматскую эпоху // История исследования культуры Казахстана. Алма-Ата: Қазақ Университеті, 1997. С. 132–165.
14 *Степанов Б.* Об идеологических ошибках работников общественных наук Казахстана // Большевик Казахстана. 1947. № 1. С. 34–47.
15 *Толстов С.П.* Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949–1953 гг. // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. 2: Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции, 1949–1953 / Под ред. С.П. Толстова, Т.А. Жданко. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 7–258.

REFERENCES

1 Baipakov, K. M. 2013. *Drevnyaya i srednevekovaya urbanizatsiya Kazakhstana (po materialam issledovaniyYuzhno-Kazakhstanskoy kompleksnoy arkheologicheskoy ekspeditsii) (Ancient and medieval urbanization of Kazakhstan (based on research materials of the South Kazakhstan complex archaeological expedition)*. Book II. Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
2 Beisenov, A. Z., Bedelbayeva, M. V. 2017. In: *Teoriya i praktika arkheologicheskik hissledovaniy (Theory and practice of archaeological research)*, 3 (19), 164–186 (in Russian).
3 Istoriya Kazakhskoy SSR. 1957. Alma-Ata: Kazakh SSR Academy of Sciences (in Russian).
4 *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'yezdov, konferentsiy i plenumov TsK (The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee).* Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury, 1985 (in Russian).

5 Lubo-Lesnichenko, Ye. I. 1988. In: Tikhvinsky, S. L., Litvinsky, B. A. (eds.). *Vostochnyy Turkestan v drevnosti i rannem srednevekov'ye (Eastern Turkestan in antiquity and the early Middle Ages).* Moscow: "Nauka" Publ., 352–391 (in Russian).
6 Manapova, A. M. 2021. In: *Kazakstan arkheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 4 (14), 50–63 (in Russian).
7 Margulan, A. Kh. 1949. In: *Vestnik AN KazSSR (Bulletin of the Academy of Sciences of the KazSSR),* I, 68–78 (in Russian).
8 Margulan, A. Kh. 1950*. Iz istorii gorodov i stroitelnogo iskusstva drevnego Kazakhstana (From the history of cities and construction art of ancient Kazakhstan).* Alma-Ata: KazSSR Academy of Sciences (in Russian).
9 Margulan, A. Kh. 1997. *Mir kazaha (The Kazakhs world).* Almaty: Institute for Development of Kazakhstan (in Russian).
10 Margulan, A. Kh. 1998. Margulan, D. A. (ed.). Sochineniya (Writings). In 14 vol. Vol. 1. *Begazy-Dandybayevskaya kultura Tsentralnogo Kazakhstana (Begazy-Dandybaevskaya culture of Central Kazakhstan)*. Almaty: "Atamura" Publ. (in Russian).
11 Margulan, A., Ageeva, E. 1948. In: *Izvestiya Akademii Nauk Kazakhskoy SSR. Seriya arkheologicheskaya (News of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Archaeological series)*, 46, 125–135 (in Russian).
12 Samashev, Z. S., Yermolayeva, A. S., Teplovodskaya, T. M. 1999. In*: Izvestiya NAN RK (News of the National Academy of Sciences Republic of Kazakhstan)*, I, 49–69 (in Russian).
13 Samashev, Z. S., Olkhovskiy, B. C., Veselovskaya, Y. V., Zhetibayev, M. Z. 1997. In: *Istoriya issledovaniya kultury Kazahstana (History of the study of the culture of Kazakhstan)*. Alma-Ata: Kazakh University, 132–165 (in Russian)
14 Stepanov, B. 1947. In*: Bol'shevik Kazakhstana (Bolshevik of Kazakhstan)*, 1, 34–47 (in Russian).
15 Tolstov, S. P. 1958. In: *(S.P. Tolstov, T.A. Zhdanko ed.) Trudy Khorezmskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Khorezm archaeological and ethnographic expedition).* Moskva. II: 7–258 (in Russian).

About the Authors

Musagalieva Arailym – Doctor of Historical Sciences, Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan. ORCID: 0000-0002-1812-7152 E-mail: arai0410@mail.ru

Khabdulina Maral – Candidate of Historical Sciences, associate professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan. ORCID: 0000-0002-7195-5723 E-mail: mk_khabdulina@mail.ru

Авторлар туралы мәліметтер

Мұсағалиева Арайлым Сәбитқызы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана қ., Қазақстан

Хабдулина Марал Қалымжанқызы – тарих ғылымдарының кандидаты, доцент, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана қ., Қазақстан

Сведения об авторах

Мусагалиева Арайлым Сабитовна – доктор исторических наук, профессор, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан

Хабдулина Марал Калымжановна – кандидат исторических наук, доцент, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 25.04.2024.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 25.05.2024.
Авторлар жұмысқа бірдей үлес қосты. / Авторы внесли равноценный вклад в работу. / The authors have made an equal contribution to the work.

ӘОЖ 902(092)
ҒТАХР 03.41.91
https://doi.org/10.52967/3007-6528.2024.1.20.31

Алматы және Жетісу облыстары аумағында XX ғ. 30 жылдарынан бастап жүргізілген археологиялық зерттеулер тарихынан

© 2024 ж. Айтбаева А.Е.

Keywords: *Zhetisu, A.N. Bernshtam, K.A. Akishev, settlement, expedition*
Түйін сөздер: *Жетісу, А.Н. Бернштам, К.А. Ақышев, елді мекен, экспедиция*
Ключевые слова: *Жетысу, А.Н. Бернштам, К.А. Акишев, поселение, экспедиция*

A. Aitbayeva[1]
[1]*Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan*

The history of archaeological research conducted on the territory of Almaty and Zhetisu regions since the 30s of the 20th century

This article is devoted to the history of archaeological research in the Almaty and Zhetisu regions. It presents a systematic overview of materials on the region's monuments, collected by researchers from the 1930s to the early years of national independence. During this period, numerous ancient monuments spanning from the Bronze Age to the Middle Ages were discovered and partially studied in these two regions. The article analyzes the scientific reports of the Semirechye and Ili archaeological expeditions and highlights the contributions of prominent researchers such as A.N. Bernshtam, K.A. Akishev, G.A. Kushaev, E.I. Ageeva, and K.M. Baipakov. These studies facilitated the international recognition of the unique and rich Saka culture of Zhetisu and established a robust foundation for dating Saka antiquities in the region. For example, the Besshatyr Kurgan, discovered by K.A. Akishev, has become a significant monument alongside such sites as the Pazyryk and Bashadar kurgans in the Altai. Findings from the Myngshukur burial site (12th–10th centuries BCE) are also notable, where gold ornaments were discovered, indicating a high level of metallurgical technology and artistic skill in the "animal style" as early as the Bronze Age. The discovery of numerous centers of sedentary culture has led to a substantial shift in scholarly perspectives on the historical significance of this territory. Furthermore, the article discusses key discoveries, methodological advancements, and interdisciplinary approaches that have deepened the understanding of the historical importance of the Almaty and Zhetisu regions.
Source of funding: The publication was carried out within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2023–2025, project IRN BR21882346.
Citation: Aitbayeva, A. 2024. The history of archaeological research conducted on the territory of Almaty and Zhetisu regions since the 30s of the 20th century. *Margulan readings–2024.* In 2 vol. Vol. 1. Pp. 20–31 (in Kazakh).

А.Е. Айтбаева[1]
[1]*Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан*

Алматы және Жетісу облыстары аумағында XX ғ. 30 жылдарынан бастап жүргізілген археологиялық зерттеулер тарихынан

Мақала Алматы және Жетісу облыстары аумағында орналасқан археологиялық ескерткіштердің зерттелу тарихына арналады. XXғ. 30 жылдарынан бастап тәуелсіздіктің алғашқы жылдарына дейінгі осы аумақ ескерткіштері туралы зерттеушілер жинақтаған материалдар жүйеленіп ұсынылды. Осы уақыт аралығында екі облыс аумағынан қола дәуірінен орта ғасырға дейінгі ежелгі ескерткіштер ашылып, кейбірі зерттелді. Жетісу және Іле археологиялық экспедицияларының архив қорларында сақталған есептері қарастырылды.

Аталған өлкенің ежелгі және орта ғасырлық тарихы бойынша білімнің негізін құрайтын, әрі Жетісудағы сақ дәуірі ескерткіштерін кезеңдеудің бастамасы болған А.Н. Бернштам, К.А. Ақышев, Г.А. Кушаев, Е.И. Агеева, К.М. Байпақов секілді көрнекті ғалымдардың ізденістеріне ерекше көңіл аударылды. Осы жылдары алғаш рет әлемдік деңгейде ғалымдар Жетісудың бай және өзіндік сақ мәдениетімен кеңінен танысты. К.А. Ақышев ашқан Бесшатыр обасы Алтайдағы Пазырық және Башадар обалары, Солтүстік Қара теңіз маңындағы сақ обалары секілді атақты ескерткіштер қатарынан орын алды. Б.д.д. XII–X ғғ. жататын Мыңшұқыр обасынан табылған сырғалардағы жылқылардың алтын құймасы қола дәуірінің өзінде ақ металл технологиясының жоғары деңгейде дамығандығын және аң стилінде жоғары дәрежедегі шығармашылық образдарды құруға дайын болғандығын көрсететін факт болды. Отырықшы мәдениет ошақтарының да көптеп табылуы осы аумақ туралы ғылыми көзқарастың түбегейлі өзгеруіне әсер етті. Мақалада сонымен қатар, Алматы және Жетісу облыстарының тарихи маңызын терең түсінуге көмектесетін ашылымдар мен әдістемелік өзгерістер талқыланды.
Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2025 жж. арналған іргелі ғылыми зерттеулер бағдарламасы шеңберінде, ЖТН BR21882346 жобасы аясында дайындалды.
Сілтеме: Айтбаева А.Е. 2024. Алматы және Жетісу облыстары аумағында ХХ ғ. 30 жылдарынан бастап жүргізілген археологиялық зерттеулер тарихынан. *Марғұлан оқулары–2024.* 2 том. 1-т. 20–31-бб.

А.Е. Айтбаева[1]
[1]*Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан*

Из истории археологических исследований, проведенных на территории Алматинской и Жетысуской областей с 30-х годов XX века

Статья посвящена истории археологических исследований в Алматинской и Жетысуйской областях. В ней представлен систематизированный обзор собранных исследователями материалов о памятниках региона, начиная с 1930-х годов и до первых лет независимости нашей страны. В этот период в пределах двух областей были открыты и частично изучены древние памятники, охватывающие хронологический диапазон от бронзового века до средневековья. Анализируются научные отчеты Семиреченской и Илийской археологических экспедиций, а также вклад выдающихся исследователей — А.Н. Бернштама, К.А. Акишева, Г.А. Кушаева, Е.И. Агеевой и К.М. Байпакова. Эти исследования впервые способствовали широкому признанию уникальной и богатой сакской культуры Жетысу на мировом уровне и заложили прочную основу датирования сакских древностей в Жетысу. Например, открытый К.А. Акишевым Бесшатырский курган стал значимым памятником, наряду с такими объектами, как курганы Пазырык и Башадар на Алтае. Также значимы находки из могильника Мыншукур (XII–X вв. до н.э.), где были обнаружены золотые украшения, свидетельствующие о высоком уровне металлургических технологий и художественного мастерства в «зверином стиле» ещё в бронзовом веке. Обнаружение многочисленных очагов оседлой культуры позволило существенно изменить научный взгляд на историческую значимость данной территории. Кроме того, в статье рассматриваются ключевые открытия, методологические изменения и междисциплинарные подходы, которые способствовали углублению понимания исторической значимости Алматинской и Жетысуской областей.
Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2025, ИРН проекта BR21882346.
Цитирование: Айтбаева А.Е. 2024. Из истории археологических исследований, проведенных на территории Алматинской и Жетысуской областей с 30-х годов XX века. *Маргулановские чтения–2024.* В 2-х т. Т. 1. С. 20–31 (на каз. яз.).

Кіріспе

Тарихымыздың ауқымды әрі маңызды кезеңдерін зерттеуде заттай дереккөздер үлкен рөл атқарады. Осы заттай деректерді өткеннің қойнауынан алып, ғылыми айналымға енгізетін археологияның алар орны ерен. Қазақстанның табиғаты көркем, шұрайлы аумақтарының бірі, жер жәннаты Жетісудың тарихи археологиялық ескерткіштерге бай болуы – заңды құбылыс. Жалпы қазақ өлкесін ғылыми тұрғыдан зерттеу Ресей империясының құрамына енген соң басталды.

Дегенмен, археологиялық зерттеу жұмысы бұл кезеңде мардымды жүргізілмеді. Өйткені, Ресейде де, Қазақстанда да ғылымның бұл саласымен айналысатын мамандар жоқтың қасы еді. Ресейден әртүрлі ғылым саласының мамандары келіп, отарланған жаңа жерлерді жан-жақты зерттеп, оның байлығын игеру үшін жұмыс істеді. Отаршылдық жылдардан бастау алатын археологиялық зерттеулер Қазан төңкерісінен кейін ғылыми орталықтардың ұйымдастыруымен жалғасты. Бұл кезеңде аталған өлкеде жүргізілген ғалымдардың зерттеулері жетерлік. Мақаламызда осы өңірдің РҒА Материалдық мәдениет тарихы институты ұйымдастырған, ұжымның ғалымдары мен жергілікті тарихшы, археологтары бірлесе еңбек еткен Жетісу археологиялық экспедициясының жұмысынан бастамақпыз.

Мақаланы жазудағы алға қойған мақсат – Жетісу өлкесінің археологиялық зерттелу тарихын, негізгі даму кезеңдерін, бағыттарын, аумақта жұмыс істеген археологиялық экспедициялардың жұмыстарын және нәтижелерін, көрнекті археологтардың ғылымдағы орнын баяндау. Осы мақсаттан туындайтын міндет – аталған аумақта жүргізілген зерттеулер, археологиялық экспедициялар мен жекелеген зерттеушілердің зерттеу жұмыстарын территориялық және хронологиялық жағынан баяндау және баға беру.

Материалдар мен әдістер

Зерттеу әдістері. Мақаланы жазу барысында тарихилық, объективтілік принциптері басшылыққа алынды. Тарихилық принцип бойынша археология ғылымының нақты тарихи жағдайда даму жолдары мен бағыттары анықталды. Әсіресе, жұмыс құрылымына байланысты аймақтық принцип жете басшылыққа алынды. Мәселенің жекелеген аспектілерін қарастыруда баяндау, жүйелеу, қорытындылау, логикалық талдау, салыстырмалы, хронологиялық, хронологиялық-проблемалық әдістер қолданылды.

Материалдарды сипаттау. Мақала жазуда автор Ә.Х. Марғұлан атынд. Археология институтының Архив қорын, РҒА Материалдық мәдениет тарихы институты Архивінің қолжазба қоры материалдарын, Археология бөлімі мен Археология институтының жүргізген зерттеулері жайлы есептік материалдарын, осы өлкені зерттеген ғалымдардың монографиялары мен ғылыми мақалаларын қолданды.

Нәтижелер

Қазақстан археология ғылымына өлшеусіз үлес қосқан ғалым А.Н. Бернштам жетекшілік еткен Жетісу археологиялық экспедициясы 1936 жылдан 1940 жылға дейін Қазақстан мен Қырғызстан аумағында қола дәуірінен XIX ғасырға дейінгі уақытты қамтитын археологиялық ескерткіштерде зерттеу жұмыстарын жүргізді.

Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының архивіндегі есебінде ғалым 1939 жылы экспедиция Алматы облысының ескерткіштерін ашуды және олардың арасынан ең маңыздыларын анықтап, қазба жүргізуді мақсат еткенін айтады. Сондай-ақ осы есепте сол жылы экспедиция құрамына ҒА Қазақ филиалының және ММТИ-дің ғылыми қызметкерлері – Л.Г. Розина, М.В. Луппиан, И.В. Щербаков, Ленинград университеті Тарих факультетінің және Қазақ педагогикалық институтының студенттері қатысқаны айтылған [ҚР ҒЖБМ ҒК АИ ҒА. 195-іс].

1939 жылы Жетісу археологиялық экспедициясының маршруты Талғар, Есік, Түрген, Шелек, Сөгеті жазығы, Шарын, Көктал, Алтын Емел, Қаратал, Талдықорған, Қапал және Алматы секілді елді мекендерді аралады, жалпы ұзындығы 1500 км құрады. Сондай-ақ Алматы қаласы маңында Үлкен және Кіші Алматы өзендері бойында, Таулы Қырат ауданында барлау жұмыстары жүргізіліп, нәтижесінде кейбір ескерткіштерге сипаттама беріліп, аталған аумақтың археологиялық картасы жасалған екен.

Жұмыстың алғашқы нысаны ретінде таңдалған Талғар қаласын А.Н. Бернштам хронологиялық жағынан да, стратиграфиялық жағынан да бір қабатты деп сипаттап, материалдарына сүйене отырып, ескерткіштің қарахандық кезеңде өмір сүргенін айтып өтеді. Талғар қаласынан шығысқа қарай орналасқан Лаптев қорғаны деп аталып кеткен обаға қазба жүргізіп, мақаласында бұл обалардың өмір сүрген уақыты б.д.д. III ғ. – б.д. I–II ғғ. мерзімдеп, ғұн және үйсін кезеңдеріне жататынына күмән жоқ деп тұжырымдайды [Бернштам 1948: 79].

Жетісу археологиялық экспедициясының Алматы облысы аумағында жүргізілген зерттеулері нәтижесінде жарық көрген А.Н. Бернштамның «Прошлое района Алма-Ата» атты еңбегі 1948 жылы С.С. Черниковтың жауапты редакторлығымен Қазақ КСР Ғылым Академиясының ғылыми-көпшілік сериясы түрінде жарық көрді. Еңбек ғылыми ортамен қатар, қалың көпшілікке арналғандықтан тілі жеңіл әрі ұғынықты. Автор бұл еңбегінде Алматы қаласы аумағынан табылған ескерткіштерді сонау қола дәуірінен бастап, сақ, үйсін және ғұн дәуірлерінде, түркі кезеңінде мекен еткен халықтардың тарихын археологиялық табылған ескерткіштер мен жәдігерлерге сүйене отырып, реконструкциялауға тырысады. Еңбекте қала орнының б.д.д. III мыңжылдықтан кейінгі ортағасырға дейінгі қоныстанылғаны анықталды. Осы еңбегінде ғалым қола дәуірінен ерте темір дәуіріне өтпелі кезеңнің Қарғалы-1 қорымы туралы мәліметтер келтіреді. А.Н. Бернштам қола дәуіріне жататын заттардың Алматы маңынан да көптеп табылғанын тілге тиек етеді, солардың ішінде кездейсоқ табылған Алексеев қазынасына, Ұзынағаштан табылған орақ және т.б. тоқталады [Бернштам 1948**а**: 3–4].

Барлау жұмысы барысында экспедиция Түрген, Қаракемер ауылдары маңындағы, сондай-ақ Маловодное мен Лабасы елді мекені арасында, Шелек өзенінің оң жағалауындағы Бұғыты тауының баурайындағы төрткүлдерді ашты. Бұл ескерткіштерден табылған қыш ыдыстар Талғар қаласынан табылған XI–XII ғғ. жататын асүй қыш ыдыстарының тобымен бірдей екенін анықтайды және сол дәуірмен мерзімдейді. Экспедиция Шелек өзенінен өткен соң, Іле өзенінің оң жағалауынан Сөгеті тауларына дейінгі аумақты алып жатқан үлкен обалардың біріне жүргізілген қазба жұмысы барысында табылған жәдігерлерді негізге ала отырып, бұл ескерткішті VI–IX ғғ. деп мерзімдейді. Ғалым Қытай деректері, нақтылай алғанда Таншу дерегіне сүйене отырып, осы үлкен қорымды түркілердің Дулу тайпаларына жатуы мүмкін екендігін айтады [Бернштам 1948: 80–81].

Ал Шеңгелді ауылы маңынан табылған елді мекенді ортаазиялық типті цитаделі бар қала деп есептеді. Табылған жәдігерлерді сараптай отырып ғалым бұл қаланы мекендеген тұрғындар ірандықтар болған дей келе, қаланың *Эквиус* (Екіоғыз) екені күмән тудырмайды деп есептеді. Ғалым ортағасырлық Эквиус және Қойлық атауларының пайда болуы туралы сол уақытта ғылымда орын алған ой-толғауларға тоқталып, өз тұжырымын алға тартады. Мысалы, Эквиус терминін Махмут Қашқари сөздігіндегі Екі Оғыз атауының өзгертілген түрі деген пікірге қосылатынын білдірсе, Қойлық атауын түркілік «қой бағуға арналған жайылым» мағынасынан туындаған деген ой түйіндейді [Бернштам 1948: 80].

Ғалым Іле өзенінің оң жағалауында орналасқан Жуантөбе, Қойбын, Қоңырөлең, Айнабұлақ, Басшы, Жаңғызағаш секілді обалар тобына сипаттама бере келіп, Жаңғызағаш елді мекенінен Талдықорғанға дейінгі жол бойында Көксу жазығында обалар тобының саны азайып, керісінше елді мекендер қирандылары кездесе бастағанын атап өтеді. Бұл аумақтағы ірі ескерткішке сол Көксу өзенінің оң жағалауында Дүнгене қалашығында тереңдігі кей жерлерде 4,5 метрге дейін жететін жалпы аумағы 60 шаршы метрге тең шурф салынды. Осы қазба нәтижесінде ғалым ескерткішті қарахан дәуіріне, яғни, IX–XIII ғасырларға жатқызып, саяхатшы Вильгельм Рубрук сипаттап кеткен ортағасырлық *Қойлық (Қаялық)* қаласымен баламалады [Бернштам 1948: 81].

Дегенмен кейіннен К.М. Байпақов Іле бойында жүргізген зерттеулері нәтижесінде А.Н. Бернштамның бұл тұжырымын теріске шығарды. К.М. Байпақов ең басты дәлел ретінде бұл қала орнынан XIII ғасырға жататын материалдың табылмауын тілге тиек етеді. Сондай-ақ қаланың

көлемі ортағасырда кеңінен белгілі болған Эквиусқа тең емес, жалпы көлемі 75 × 75 м төрткүл типтес қала немесе керуен сарай болғанын алға тартады. Ал Қойлықпен баламалаған Дүнгене қаласын К.М. Байпақов Эквиус деп есептейді. А.Н. Бернштамның Дүнгене қаласының орнынан іздеген Қаялық қаласын Іле алқабындағы Қойлық (Антоновка) ауылы маңында орналасқан қала орнымен баламалайды [Байпаков 2013: 36].

Өз зерттеулерінің қызықты бір нәтижесі ретінде А.Н. Бернштам сол уақыттағы жергілікті халықтың ерекше орналасуын атап көрсетеді. Ғалым өз пайымдауында: «Түркілерден және арасында аздаған көшіп келген парсылардан тұратын отырықшы жер өңдеуші жергілікті халық VII–XIV ғасырларда суға бай Іле өзенін игермегенін» айтады. Оның себебін автор жер өңдеу ісін игеруге қолайлы Есік, Талғар, Шелек секілді кішірек тау өзендерінің көп болуымен түсіндіреді. Сол себепті де XI–XII ғасырларда жер өңдейтін отырықшы қоныстар Талғар, Есік, Түрген, Шелек, одан әрі оңтүстік шығысқа қарай Кеген, Шарын секілді бастауын биік таулардан алатын кішігірім өзендер бойына орналасқан. Ал малшаруашылығын жүргізуге өте қолайлы Іле алқабында ол уақытта көшпелі түркілер мекен еткен деп жазады. Іленің сол жағалауында жүздеп, тіпті мыңдап шоғырланған обаларда жүргізілген қазба жұмысы олардың VI–VIII ғғ. жататынын көрсетті [Бернштам 1946: 112].

1939 жылғы Алматы облысы аумағында Жетісу археологиялық экспедициясы жүргізген зерттеулер нәтижесінде ғалым Іле жазығы ескерткіштерінің типологиялық өзгешеліктеріне қалалардың «мұсылмандық» қабатында сырлы қыш ыдыстардың болмауы, қыш ыдыстардың оюлары мен бедерленуінің жұтаңдығы, қалаларда цитадельдердің болмауы, елді мекен топографиясының сауда жолдарына тәуелділігі секілді ерекшеліктерді жатқызды [Бернштам 1948: 89–90].

1940 жылы ҒА Қазақстан филиалы мен Н.Я. Марр атындағы ММТИ институты бірлесе ұйымдастырған экспедицияның жұмысы туралы А.Н. Бернштамның есебі ММТИ Архивінің Қолжазба бөлімінде сақталған. 1940 жылғы экспедицияның 1-ші маршруты Алматы облысын қамтыған. Бұл аумақ біріншіден, Іледен Қоянқұзға дейінгі аумақты ежелгі Эквиустың орны деген болжамды түпкілікті айғақтау мақсатында таңдалады. Негізінен Іле өзенінің оң жағалауындағы жұмыстар 1939 жылы жүргізілгенімен, мәселенің толықтай шешілмегендігі айтылады. Ертедегі отырықшы-жер өңдеуші елдімекендерде зерттеу жүргізу мақсатында Іле өзенінің сол жағалуында, Қарғалы стансасынан Шелекке дейін бірнеше қалалардың орындары зерттелді. Бұл елді мекендер белгілі бір жолақта ғана орналасып, Балтабай, Маловодное, Евгеньевка ауылдарынан ары қарай таралмаған деп сипаттайды. Бұл ауданның ең ірі қаласы ретінде ғалым XI–XII ғғ. қарахан кезеңіне жататын Шелек қаласын атап өтеді. Бұл қаланы А.Н. Бернштам ең шеткі, көшпелілердің шегінде орналасқан қала деп сипаттады. Ал одан әрірек, Шарын және Кеген жазықтарында отырықшы елді мекендер кездеспегенін айтады. Бұл аумақтарда тек Кеген ауылы маңындағыдай қорғаныс қабырғалы керуен сарайлар болған. Осыны негізге ала отырып ғалым бұл аумақтан Орта Азияның отырықшы қалаларын Шығыс Түркістанмен және Қытаймен байланыстырған сауда жолының өткенін айтады [РА ИИМК РАН. Ф. 2. Д. 56].

А.Н. Бернштам Алматы облысы аумағындағы көне ескерткіштерге арналған «Памятники старины Алматинской области» атты мақаласында Іле және Жоңғар Алатауларының баурайлары, Іле өзені аңғарының археологиялық картасын жасады [Бернштам 1948].

Шу-Талас өзенаралығы мен Іле алқабы қалаларының басты айырмашылығы ретінде ғалым алғашқыларының құрылымдық жағынан Мәуереннахр қалаларынан айырмашылығының жоқтығын, яғни шахристан, рабад, цитадель секілді архитектониканың болуы деп санаса, Іле алқабының қалаларында цитадельдің жоқтығын атап өтеді. Бұл ерекшелікті ғалым біріншіден, Іле қалаларының неғұрлым кейінгі уақытта, яғни IX–X ғғ. пайда болуымен, екіншіден, көшпелілер ордасының кейіннен қабырғамен қоршалып қалаға айналуымен түсіндіреді. Шу-Талас аумағы мен Іле

аумақтарының ескерткіштерінен табылған материалдардың тағы бір ерекшелігі ретінде – Шу-Талас қалаларының мәдени қабаттарында барлық үй жануарларының сүйектері бірдей табылып отырса, Іле алқабындағы қалаларда, әсіресе, Қойлықта (Дүнгене) қой сүйектері әлдеқайда көп кездесетініне тоқталады. Құймалы қыш ыдыстардың аздығын, тамақты даярлауға, сақтауға арналған тұрпайы әрі ірі ыдыстардың біртектес формаларын Іле алқабы қалаларының ерекшеліктеріне жатқызады. Ғалымның ойынша, пиала, кесе секілді ыдыс түрлерінің аз кездесуі олардың кең таралмауының белгісі болған [Бернштам 1948: 87].

А.Н. Бернштамның Жетісу археологиялық экспедициясына жетекшілік етіп, қазіргі Алматы, Жетісу облыстары аумағында жүргізген жұмыстары өлкенің археологиялық жағынан зерттелуінің бастауы болды. Көптеген ескерткіштерге барлау жұмыстарымен қатар, қазба жұмыстары да жүргізіліп, ой түйіндер айтылды. Олардың кейбіреулері қазір де маңыздылығын жоймаған. Іле жазығы қалаларын алғашқы рет типологиясын жасауға тырысып, ескерткіштерді қабырғасы 50 м ге дейінгі кіші және 100 м және одан да көп ұзындықтағы үлкен деп екі топқа бөлді. Кіші отырықшы ескерткіштерді керуен-сарайлар, ал үлкендердің қала типтес елді мекендер қатарына қосты. Дегенмен ғалым Іле алқабы қалаларының орнын өте төмен көрсетеді. Бұл аймақты Шу ауданының ауылдық аймағы деп те атайды. А.Н. Бернштамның осы аумақты зерттеу барысында В.В. Бартольдтың бұл аумақта қандай да бір ерекше ескерткішті кездестіру мүмкін емес деген ойына қосылып, Шығыс Жетісуға қатысты осындай ойдың жетегінде болды [Бернштам 1948: 87–88]. К.А. Ақышев Қазақстан археологиясының дамуына арналған 1954–1966 жж. мақаласында Жетісуда зерттеу жүргізген В.В. Бартольд пен А.Н. Бернштамның бұл пікірінің қате екеніне көз жеткізді [Акишев 1967: 78]. Мұндай жаңсақ пікірдің пайда болуының себебін археологиялық материалдардың жеткілікті деңгейде жинақталмауымен түсіндіруге болады.

Талқылау

А.Н. Бернштам жетекшілік еткен Жетісу археологиялық экспедициясының жұмысы тәмамдалған соң Алматы, Жетісу облыстарының аумағын археологиялық зерттеу мәселесі ғалымның шәкірті Е.И. Агеева, И.И. Копылов, сонымен қатар К.А. Ақышев, К.М. Байпақов сынды айтулы ғалымдардың зерттеу тақырыптарының өзегіне айналды.

1955 жылы 13–25 маусым аралығында Алматы мемлекеттік педагогикалық институты Тарих факультетінің бірінші курс студенттерінің екі тобы археология бойынша далалық практикадан өтті. Далалық археологиялық практика үшін әр кезеңге тән мол археологиялық ескерткіштері бар Іле ауданы таңдап алынды. Новоалексеевка ауылы маңындағы оба және Талғар қаласы маңындағы Талғар қаласы практикалық зерттеу нысаны болды.

Осы экспедицияның ұйымдастырушысы және жетекшісі И.И. Копылов Новоалексеевка обасын бұған дейінгі қазылған обалармен салыстырып, табылған жәлігерлерді сараптай келе, б.д.д. III ғ.–б.д. I ғ. деп кезеңдеп, үйсін тайпаларына тән деп есептейді. Қазба нәтижесінде И.И. Копылов Талғар қаласының өмір сүру мерзіміне қатысты В.М. Массон және А.Н. Бернштамның пікірлерін айта келіп, қала тарихын мыңжылдыққа дейін кеңейтеді. Археолог өз есебінде қаланың мәдени-саяси және шаруашылық өміріндегі өрлеу қараханидтер дәуірімен тұспа-тұс келетінін айтты [ҚР ҒЖБМ ҒК АИ ҒА. 376-іс].

1954 жылы Іле археологиялық экспедициясы құрылды. Іле археологиялық экспедициясының басты мақсаты – Қапшағай СЭС-нің салынуына байланысты Қапшағай жасанды теңізінің пайда болуы бұл теңіз аумағындағы археологиялық ескерткіштердің су астында қалып қою қаупін туғызған. Іле экспедициясы осы Іле бойындағы өте ерекше, бай ескерткіштерді зерттеудің бастауы болды. Қапшағай, Бесшатыр секілді сақ және үйсін тайпаларының қорымдары табылып, аса маңызды зерттеу жұмыстары басталған еді [ҚР ҒЖБМ ҒК АИ ҒА. 305-іс].

1954 ж., 1957–1961 жж. Іле өзені бойындағы сақтардың Бесшатыр, Қызылауыз, Жуантөбе, Қадырбай, Қарашоқы, Алтынемел ескерткіштеріне жүргізілген алты жылдық зерттеу материалдарының негізінде Қазақ КСР ҒА ТАЭИ Іле археологиялық экспедициясының «Древняя культура саков и усуней долины реки Или» атты монографиясы жарық көреді. Монографияның кіріспесінде сақтардың шығу тегі туралы шетел және сол кездегі кеңес археолог ғалымдарының пікірлеріне жан-жақты талдау жасалады. Осы монографияда археологиялық деректер негізінде К.А. Ақышев сақтардың Орталық Қазақстанның андронов тайпаларынан шыққанын негіздеп, Қазақстандағы қола жебе ұштарының классификациясы мен хронологиясын келтіреді [Акишев, Кушаев 1963: 5–19].

Сонымен қатар 1956 жылы ҚазКСР ҒА Тарих институты Алматы және Талдықорған облыстарының археологиялық картасын құрастыру мақсатында Жетісу археологиялық экспедициясын жасақтады. Осы жылдары бұрын ғылымға белгісіз 597 ескерткіш анықталды. Облыстың әр аумақтарында үйсін кезеңіне жататын обалы қорымдарда қазбалар жүргізілді. Шарын өзені бойында Сарытоғай, Мойынтоғай I және Мойынтоғай II қорымдары, Жамбыл ауданы аумағындағы Ақтерек қорымы, Талғар қорымы, Шелек ауылы Табаксовхоз қасындағы Жуантөбе қорымдары зерттелді. Ежелгі үйсіндер мекен еткен интенсивті көшпелі мал шаруашылығы басымдықта болған бұл аумақта обалы қорымдар өте көп кездесті. Қорымдар тау шатқалдары мен қөзендері бойында шоғырланған. Е.И. Агеева өз мақаласында аумақта отырықшылық пен жер өңдеуге көшу процесі өте баяу жүргенін атап көрсетеді. Осы үрдістің басталу уақытын біздің дәуіріміздің шегі деп санайды [Агеева 1960: 65–66].

1962 жылы Жетісу археологиялық экспедициясы Кеген тауларында қазба жұмыстарын жүргізіп, үйсін дәуірінің Ақтас 2 тұрағын, 15 обасын қазды. Ақтасты I обасын қазу басталды.

1963 жылы Жетісу археологиялық экспедициясына К.А. Ақышев жетекшілік етеді. Оның құрамында алты отряд жұмыс істеді: К.А. Ақышев пен Г.А. Кушаев жетекшілік еткен Кеген отряды осы аттас аудан аумағында үйсіндердің Ақтас 2 тұрағын және Ақтас 1 обасын зерттеді [ҚР ҒЖБМ ҒК АИ ҒА. 940-іс]. Сенигова жетекшілік еткен Тараз отряды ортағасырлық Тараз қаласы цитаделінің орнына, Г.А. Кушаев жетекшілік еткен Алакөл отряды Алакөл көлі маңында зерттеу жүргізді. Отряд 14 жерлеу орнына қазба жүргізіп, екі ортағасырлық қала орнын анықтады. Алакөл ойпатындағы ескерткіштерді зерттеу кезінде ғалымдар Шығыс Қазақстан мен Алтайдың тайпалық бірлестіктері мен Жетісу тұрғындарының арасындағы өзара байланыс іздерін, осы байланыстардың обалар, жерлеу құрылысы, жерлеу жәдігерлері сынды материалдық мәдениетте тапқан көрінісін анықтауды мақсат етті. Далалық кезеңде 39 оба, қола дәуірінің бір жерлеу орны, археологиялық картаға түспеген, бұрын анықталмаған 5 төрткүл-қала зерттелді. Ал экспедицияның К.А. Ақышев жетекшілік еткен барлау отряды Луговое ауылы маңында Құлан қаласы орнында қазба жұмыстарын жүргізді. Екінші Талас отряды М. Мерщиевтің жетекшілігімен Талас өзенінің орта ағысында археологиялық барлау жұмыстарын жүргізді. Х. Алпысбаев басқарған Қаратау отряды Оңтүстік Қазақстан облысы Созақ ауданында жұмыстар жүргізді.

1964 жылы К.А. Ақышев басқарған, үш отрядтан тұратын Жетісу археологиялық экспедициясы ежелгі дәуір ескерткіштеріне стационарлы зерттеу жүргізді. Далалық маусымда 40 обалық жерлеу орындары қазылып, бұрын археологиялық картаға түспеген бес ортағасырлық қаладан материалдар жиналды. Зерттелген обалар Қазақстанның оңтүстік-шығыс аудандарында сақ-үйсін дәуірінде өмір сүрген тайпалардың материалдық мәдениеті мен тарихы туралы мәліметтер береді. К.М. Байпақов жетекшілік еткен Сүмбе-Құлан тобы екі нысанда қазба жүргізді. Маусым айында жұмыстар Сүмбе қаласын қазуға жұмылдырылды. Бұл ескерткіш Алматы қаласынан шығысқа қарай 300 шақырым жердегі өзі аттас ауылдың маңында орналасқан. Қазба барысында Сүмбе қаласында өзіне тән құрылыс салты бар екі хронологиялық кезең болғаны анықталды. Керамикалық материалдар бойынша бірінші кезең б.д. IX–X ғғ., ал екінші кезең б.д. XI–XIII ғғ. жататыны анықталды [ҚР ҒЖБМ ҒК АИ ҒА. 924-іс].

1966 жылы Жетісу археологиялық экспедициясының төрт отряды Кеген, Талас, Арыс өзендері жазықтарында, Алакөл ойпатында әр дәуірге жататын ескерткіштер қазбасын жүргізді. Талғар, Кеген, Есік, Шелек, Шарын, Түрген өзендерінің бойындағы археологиялық ескерткіштер анықталып, Жуантөбе, Талғар, Ақтерек өңірлерінен бірнеше жерлеу орындары таңдап алынып, қазба жұмыстары жүргізілді. И.И. Копылов зерттеген Новоалексеевкадағы пирамидалы обалар, Үшсай сайындағы бірнеше ескерткіштер зерттелді. Мұндағы басты қорытындылар оның кандидаттық диссертациясына арқау болды. Мұнымен бірге Алакөл ойпатында, Лепсі өзені бойында барлау, қазу жұмыстары жүргізілді. Бұл аймақтардағы зерттеу жұмыстарына Г.А. Кушаев басшылық етті. Алакөл отряды Арасан-Қапал шипажайы маңынан ортағасырлық қала орнын, Арасан III обалы қорымдарын тауып, зерттеді. Үйсін ескерткіштері топтастырылып, олардың жерлеу ғұрыптары анықталды. 1970 жылдары Қызылқайнар, Ұзынбұлақ, Жетіжар қорымдарында да зерттеулер жүргізіліп, аймақты археологиялық зерттеуді кеңейтуге және тереңдетуге алғышарттар жасалынды [ҚР ҒЖБМ ҒК АИ ҒА. 949-іс].

1969 жылы Жетісу археологиялық экспедициясы Есік обасын қазуды бастады. Экспедиция нәтижесінде қазақ тарихындағы бірегей ескерткіш жайлы монография жарыққа шықты [Акишев 1978].

1980-жылдардың екінші жартысында К.А. Ақышев Есік обасы, Бесшатыр, Шілікті қорымдары секілді патша обаларының жоспарының құралды түсірілімін (инструментальная съемка) және картографиясын толықтай зерттеуді қолға алады. Жылдар бойы Сырдариядан Тарбағатай тауларына дейінгі, Бетпақдаланың оңтүстік жағалаулары мен Балқаш бойынан Солтүстік Тянь-Шанның таулы аймақтарына дейінгі ұлан-ғайыр аймақ зерттелді. Бұл аймақтан б.д.д. V–II ғғ. жататын 65 оба ашылды, олардың 35-і патшалық обалар болды. Қазақстанның оңтүстік аймағында ғана (әсіресе, Жетісуда) осыншама обаның шоғырлануы К.А. Ақышевтың тілімен айтқанда «Орталық Азия үшін феноменді көрініс» болып саналады. Бүкіл Еуразия кеңістігінде элиталық обалардың мұндай көп мөлшерде шоғырлануы өзге жерде кездеспеген. Бұл ерте мемлекеттік құрылымдар енді қалыптасып жатқан кезеңдегі Жетісудың тарихи-мәдени ерекшелігін, Жетісу тұрғындарының сақ дәуіріндегі жоғары әлеуметтік экономикалық деңгейін көрсетеді.

1980 жылы К.А. Ақышевтың жетекшілігімен Жетісу археологиялық экспедициясы Алматы және Талдықорған облыстарының археологиялық ескерткіштерін қорғау, зерттеу, есепке алу және паспорттау жұмыстарын жалғастырды. Экспедиция құрамында ескерткіштерді есепке алу және паспортау отряды, петроглифтік отряд, қорған отряды және Талғар отрядтары жұмыс істеді.

К.А. Ақышев жетекшілік еткен қорған отряды Қапал өзенінің оң жағалауында, Мыңшұқыр тауынан солтүстікке қарай 3,5 км, Қапал ауылынан оңтүстікке қарай 2 км жерден Мыңшұқыр қорымын тауып зерттеу жұмыстарын жүргізді. Петроглиф отряды да К.А. Ақышевтың жетекшілігімен Мыңшұқыр, Қарасай, Қаракүңгей, Баянжүрек тауларында іздеу жұмыстарын жүргізіп, тас дәуірінен кейінгі орта ғасырға дейінгі кезеңнің бірнеше ірі жиындарын ашты. К.М. Байпақов жетекшілік еткен Талғар отряды Талғар қаласындағы тұрғынжайларда қазба жұмыстарын жалғастырды [ҚР ҒЖБМ ҒК АИ ҒА. 1811-іс].

1980-жылдары Алматының археологиялық тұрғыдан зерттелуінде Ф.П. Григорьевтің есімі жиі атала бастады. Бұл зерттеушінің еңбектеріне ерекше тоқталуымыздың өзіндік себебі бар. Зерттеуші Алматы қаласы мен оның маңайындағы археологиялық ескерткіштер мен кездейсоқ табылған олжалар туралы бірнеше мақала жазып, осы өлкенің зерттелу тарихын толықтырды [Григорьев 2011; 2017; 2024].

Осы өлкені зерттеуге қомақты үлес қосқан К.М. Байпақовтың еңбектеріне тоқталсақ, 2004 жылы К.М. Байпақов пен Т.В. Савельеваның альбом-кітабы жарық көрді [Байпаков, Савельева 2004]. К.М. Байпақов, Т.В. Савельева, К. Чанг бірлесіп жазған Солтүстік-шығыс Жетісудың ортағасырлық елді мекендері мен қалаларына арналған еңбекте қазіргі Алматы қаласының орнындағы отырықшылық

ескерткіштер ретінде Алматы I қаласы, Алматы II қаласы, Весновка қаласы, Түрксіб қаласы, Ақсай қаласы, Ремизовка елді мекені, Тереңқара қаласы деп көрсетілген [Байпақов және т.б. 2005: 39]. Алматы қаласының археологиялық зерттелуіне тоқталатын болсақ, К.М. Байпақовтың Жетісу мен Алматы аумағындағы сақтар мен үйсіндердің қоныстарына арналған монографиясында 20 жылда ашылып, зерттелген сақ-үйсін кезеңінің отырықшы қоныстары толықтай қамтылған [Байпаков 2008]. 2004 жылы «Мәдени мұра» мемлекеттік бағдарламасы бойынша, Талғар, Қойлық қалаларында қазба жұмыстары жалғасты. 2014 жылы Талғар, Қойлық қалалары ЮНЕСКО-ның мәдени мұра тізіміне енді.

Алматы қаласының тарихына арналған монографияларында З. Самашев бастаған авторлар тобы қаланың археологиялық зерттелу тарихы туралы бөлімінде қала аумағынан кездейсоқ табылған бұйымдар мен арнайы ұйымдастырылған зерттеу жұмыстарын хронологиялық ретпен тиянақты баяндайды. Сондай-ақ авторлар жинақталған зерттеу жұмыстарының көп сандылығына қарамастан, көп еңбектерде археологиялық деректер толықтай өңделмегенін, кездескен қателерге де тоқталады. Авторлар 2004 жылы К.М. Байпақов пен Т.В. Савельеваның альбом-кітабында археологиялық материалдармен негізделмеген тұжырымдар мен қателіктер кеткеніне ерекше тоқталған [Самашев және т.б. 2005: 15]. Боралдай обасына арналған ұжымдық еңбегі Алматы қаласының археологиялық зерттелу тарихына қосылған өзіндік үлес болып табылады. Еңбекте Алматы қаласының солтүстігінде орналасқан Боралдай қорымын мұражайландыру жобасы бойынша жүзеге асқан археологиялық зерттеулердің нәтижелері енген [Самашев және т.б. 2006].

Алматы тарихының зерттелу тарихындағы ерекше сүбелі еңбектердің қатарына 2 томдық Алматы қаласының тарихына арналған, палеолит дәуірінен Верный бекінісіне қала дәрежесінің берілгенге дейінгі уақытты қамтитын еңбектің алғашқы томын [История Алматы 2006] және Алматы қаласының ескерткіштер жинағын қосамыз [Свод 2006]. Алматы тарихына, оның зерттелу деңгейіне тереңдей мән берілген бұл ұжымдық еңбекте Алматы аумағының тарихи мәселелері тас дәуірі, қола дәуірі, ерте көшпенділер кезеңі, орта және жаңа дәуірдегі кезеңдер бойынша көрсетілген.

Сондай-ақ Жетісудың қола дәуірін зерттеушілер қатарында Археология институтының А.Н. Марьяшев, А.А. Горячев секілді ғылыми қызметкерлері бар. А.Н. Марьяшев жетекшілік еткен Қазақ педагогикалық университетінің археологиялық экспедициясы 1982 жылдан бастап Алматы облысы Жамбыл ауданындағы Таңбалы шатқалында Тамғалы 1–3 обаларында қазба жұмыстарын жүргізіп, қол жеткен нәтижелермен қорымды б.д.д. XIV–XII ғғ. кезеңдейді [Марьяшев, Горячев 1993]. Сонымен қатар осы аумақтағы тағы бір ерекше ескерткіш – Ой-Жайлау қорымы. Қорым Жамбыл ауданы Отар стансасынан батысқа қарай 40 шақырым жерде орналасқан. 51 қоршаудан тұратын бұл жерлеу орнын А.Н. Марьяшев б.д.д. XIV–XII ғғ. кезеңдейді. Ғалым зерттеу жүргізген ескерткіштер қатарына Жоңғар Алатауының батыс беткейіндегі Ешкіөлмес тауы баурайындағы Құйған қорымы мен қонысы, Талапты 1-3 қорымы мен қонысын жатқызуға болады [Марьяшев, Горячев 1993: 16]. Сонымен қатар А.Н. Марьяшев пен А.А. Горячев 1992 жылдан бастап бірнеше жыл бойы Көлсай 1, Түрген, Ұзынбұлақ-1, Қызылбұлақ 1–2 секілді қола дәуірінің соңғы кезеңіне жататын Көлсай типті ескерткіштеріне қазба жұмыстарын жүргізді. Аталған ғалымдар 1998 жылдан бастап Асы-1, Түрген-2 археологиялық кешендерінде, 2001 жылдан бастап Тасбас қонысында, Қалақай қорымдарында зерттеу жұмыстарын жүргізді. 2007 жылы А.Н. Марьяшев Жетісу археологиялық экспедициясының Көксу жасағын, А.А. Горячев Түрген жасағын басқарып, осы өңірдің қола дәуірі ескерткіштерін зерттеуді одан әрі жалғастырды.

Қорытынды

Қорыта келе айтарымыз, нақты ғылыми ізденіспен археологияның дамуын жаңа сапаға көтерген зерттеушілердің еңбегін жүйелеп, талдаудың маңызы зор. Ғылымға қосқан үлесінің ауқымы уақыт өткен сайын айқындала түсуі де аталған зерттеушілердің бірегейлігін көрсетеді.

А.Н. Бернштамның қазіргі Алматы облысы аумағында Жетісу археологиялық экспедициясына басшылық етіп жүргізген жұмыстары өлкенің археологиялық жағынан зерттелуінің бастауы болды. Көптеген ескерткіштерге барлау жұмыстарымен қатар, қазба жұмыстары да жүргізіліп, ой түйіндер айтылды. Олардың кейбіреулері қазіргі уақытта да өз маңызын жойған жоқ. А.Н. Бернштам, К.А. Ақышев, Е.И. Агеева сынды зерттеушілерден бастау алған өлкенің зерттелу тарихы әлі күнге дейін жалғасын табуда.

ӘДЕБИЕТ

1 *Агеева Е.И*. Некоторые новые данные по археологии Семиречья // КСИИМК. 1960. Вып. 80. С. 65–67.
2 *Акишев К.А.* Археологическая наука в Казахстане // Наука Советского Казахстана 1920–1960 гг. / Отв. ред. Ш.Ч. Чокин. Алма-Ата: АН КазССР, 1960. С. 5–13.
3 *Акишев К.А.* Археология в Казахстане за советский период // СА. 1967. № 4. С. 76–78.
4 *Акишев К.А.* Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: Искусство, 1978. 127 с.
5 *Акишев К.А., Кушаев Г.А.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата: АН КазССР, 1963. 282 с.
6 *Байпаков К.М.* Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований ЮККАЭ). Кн. 2. Алматы: ИА КН МОН РК, 2013. 516 с.
7 *Байпаков К.М.* Поселения саков и усуней на территории Жетысу и Алматы. Алматы: Credo, 2008. 178 с.
8 *Байпаков К.М., Савельева Т.В, Чанг К.* Средневековые города и поселения Северо-Восточного Жетысу. Алматы: ИА МОН РК, 2005. 188 с.
9. *Байпаков К.М., Савельева Т.В.* Древние сокровища Алматы и Жетысу. Алматы: Credo, 2004. 172 с.
10 *Бернштам А.Н.* Некоторые итоги археологических работ в Семиречье // КСИИМК. 1946. Вып. 12.С. 110–118.
11 *Бернштам А.Н.* Памятники старины Алматинской области // Известия АН КазССР. Сер. археол. 1948. Вып. 1. С. 79–91.
12 *Бернштам А.Н.* Прошлое района Алма-Ата. Историко-археологический очерк. Алма-Ата: АН КазССР, 1948**а**. 19 с.
13 *Григорьев Ф.П.* Изучение памятников древности и случайные находки на территории г. Алматы и его окрестностей. Ч. 1: 1854–1917 гг. // История и археология Семиречья. Сб. статей и публикаций. Вып. 4 / Отв. ред. А.Н. Марьяшев, Ю.А. Мотов. Алматы, 2011. С. 15–27.
14 *Григорьев Ф.П.* Археологические исследования и случайные находки на территории г. Алматы и его окрестностей в 1920-е–1960 гг. // История и археология Семиречья. Сборник статей и публикаций. Вып. 5 / Отв. ред. А.А. Горячев. Алматы, 2017. С. 190–210.
15 *Григорьев Ф.П.* Изучение памятников археологии г. Алматы и его пригородной зоны в период в 1960-е–1991 гг. // История и археология Семиречья. Сборник статей и публикаций. Вып. 8 / Отв. ред. А.А. Горячев. Алматы, 2024. С. 5–21.
16 История Алматы с древнейших времен до современности: В 2-х т. Т. I / Гл. ред. К.М. Байпаков. Алматы: ИД «Credo», 2006. 372 с.
17 ҚР ҒЖБМ ҒК АИ ҒА. 195-іс: Бернштам А.Н. Дневник Таласской археологической экспедиции 1936 года.
18 ҚР ҒЖБМ ҒК АИ ҒА. 305-іс: Акишев К.А. Отчет о работе Илийской археологической экспедиции 1954 г.
19 ҚР ҒЖБМ ҒК АИ ҒА. 376-іс: Копылов И.И. Отчет о полевой практике по археологии, со студентами АГПИ имени Абая в 1955 году.
20 ҚР ҒЖБМ ҒК АИ ҒА. 924-іс: Акишев К.А. и др. Отчет о НИР отдела археологии за 1964 г.
21 ҚР ҒЖБМ ҒК АИ ҒА. 940-іс: Нурмуханбетов Б. Дневник Кегенского отряда САЭ-64 (раскопки могильников Актас II, III).
22 ҚР ҒЖБМ ҒК АИ ҒА. 949-іс: Кушаев Г.А. Дневник № 1 АО САЭ 64г. (раскопы могильников Капал, Арасан I, Баскан I, Алакуль I, урочище Онагаш).
23 ҚР ҒЖБМ ҒК АИ ҒА. 1811-іс: Акишев К.А. и др. Отчеты о работе Семиреченской археологической экспедиции и отрядов за 1980 г.
24 *Марьяшев А.Н., Горячев А.А.* К вопросу о типологии и хронологии памятников эпохи бронзы Семиречья // РА. 1993. № 1. С. 5–11.

25 РА ИИМК РАН. Ф. 2. Д. 56: Рукописный Архив Института истории материальной культуры РАН. Ф 2. Д. 56: Личное дело старшего научного сотрудника А. Н. Бернштама.
26 *Самашев З., Григорьев Ф., Жумабекова Г.* Древности Алматы. Алматы: Археология, 2005. 184 с.
27 Самашев З.С., Джумабекова Г.С., Нурпеисов М., Чотбаев А. Древности Алматы: Курганы Боралдая. Алматы: Археология, 2006. 216 с.
28 Свод памятников истории и культуры города Алматы / Гл. ред. Б.Г. Аяган. Алматы: ТОО «Қазақ энциклопедиясы», 2006. 360 с.

REFERENCES

1 Ageeva, E. I. 1960. In *KSIIMK (Brief communications of the Institute for the History of Material Culture)* 80, 65–67 (in Russian).
2 Akishev, K. A. 1960. In: Chokin, S. C. (ed.). *Nauka Sovetskogo Kazahstana 1920–1960 gg (Science of Soviet Kazakhstan in 1920–1960)*. Alma-Ata: KazSSR Academy of Sciences, 5–13 (in Russian).
3 Akishev, K. A. 1967. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet archaeology*) 4, 76–78 (in Russian).
4 Akishev, K. A. 1978. *Kurgan Issyk. Iskusstvo sakov Kazahstana (Issyk Kurgan. The Art of Saks in Kazakhstan).* Moscow: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).
5 Akishev, K. A., Kushaev, G. A. 1963. *Drevnyaya kultura sakov i usunej doliny reki Ili (Ancient culture of the Saka and Usuns of the Ili River Valley).* Alma-Ata: KazSSR Academy of Sciences *(*Russian).
6 Baipakov, K. M., Savelyeva, T. V. 2004. *Drevnie sokrovischa Almaty i Zhetisu (Ancient treasures of Almaty and Zhetisu).* Almaty: "Credo" Publ. (in Russian)
7 Baipakov, K. M., Savelyeva, T. V, Chang, K. 2005. *Srednevekovye goroda i poseleniya severo-vostochnogo Zhetisu (Mediaeval cities and settlements of north-east Zhetisu).*Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
8 Baipakov, K. M. 2008. *Poseleniya sakov i usunej na territorii Zhetisu i Almaty (Settlements of Saki and Uysuns in the territory of Zhetisu and Almaty).* Almaty: "Credo" Publ. (in Russian).
9 Baipakov, K. M. 2013. *Drevnyaya i srednevekovaya urbanizatsiya Kazahstana (po materialam issledovaniy Yuzhno-Kazahstanskoi arheologicheskoi ekspedicii) (Ancient and mediaeval urbanisation of Kazakhstan (by the research material from archaeological expedition in South Kazakhstan)).* Book 2. Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
10 Bernshtam, A. N. 1946. In: *KSIIMK (Brief communications on reports and field studies of the Institute for the History of Material Culture*) 12, 116–118 (in Russian).
11 Bernshtam, A. N.1948. *Proshloe raiyona Alma-Ata. Istoriko-arheologicheskiy ocherk (Past of the Alma-Ata neighbourhood. Historical- archaeological article).* Alma-Ata: KazSSR Academy of Sciences (in Russian).
12 Bernshtam, A. N. 1948**a**. In *Izvestiya AN KazSSR. Seriya arheologicheskaya (News of the Kazakh SSR Academy of Science,* Archaeological series) 1, 79–91 (in Russian).
13 Grigor'ev, F. P. 2011. In: Maryashev, A. N., Motov, Y. A. (eds.). *Istoriya i arheologiya Semirech'ya (History and archaeology of Semirechye)* 4. Almaty, 15–27 (in Russian).
14 Grigor'ev, F. P. 2017. In: Goryachev, A. A. (ed.). *Istoriya i arheologiya Semirech'ya (History and archaeology of Semirechye)* 5*.* Almaty, 190–210 (in Russian).
15. Grigor'ev, F. P. 2024. In: Goryachev, A. A. (ed.). *Istoriya i arheologiya Semirech'ya (History and archaeology of Semirechye)* 8*,* 5–21 (in Russian).
16 In: Baipakov, K. M. (ed.). 2006. *Istoriya Almaty s drevnejshih vremen do sovremennosti (History of Almaty from ancient to nowadays).* In 2 vol. Almaty: "Credo" Publ. (in Russian).
17 SA MIA CS MSHE. D. 195: Bernshtam A.N. Dnevnik Talasskoy arkheologicheskoy ekspeditsii 1936 goda. (Diary of the Talas archaeological expedition of 1936). 1936 (in Russian).
18 SA MIA CS MSHE. D. 305: Akishev K.A. Otchet o rabote Iliyskoy arkheologicheskoy ekspeditsii 1954 g. (Report on the work of the Ili archaeological expedition, 1954). 1954 (in Russian).
19 SA MIA CS MSHE. D. 376: Otchet o polevoy praktike po arkheologii so studentami AGPI imeni Abaya v 1955 godu (Report on field practice in archaeology with students of Abay State Pedagogical Institute in 1955). 1955 (in Russian).
20 SA MIA CS MSHE. D. 924: Otchet o nauchno-issledovatelskoy rabote otdela arkheologii za 1964 god (Report on the research work of the department of archaeology for 1964). 1964 (in Russian).

21 SA MIA CS MSHE. D. 940: Nurmukhanbetov B. Dnevnik Kegenskogo otryada SAE-64 (raskopki mogilnikov Aktas II, III) (Diary of the Kegen team, Central Asian Expedition of 1964 (excavations of the Aktas II, III burial grounds)). 1964 (in Russian).
22 SA MIA CS MSHE. D. 1811: Akishev A.K. et al. Otchety o rabote Semirechenskoy arkheologicheskoy ekspeditsii i otryadov za 1980 g. (Reports on the work of the Semirechenskaya archaeological expedition and teams for 1980). 1980 (in Russian).
23 SA MIA CS MSHE. D. 949: Kushaev G.A. Dnevnik № 1 AO SAE 64g. (raskopy mogilnikov Kapal, Arasan I, Baskhan I, Alakul I, urochische Onagash). (Diary No. 1 of the Semirechenskaya Archaeological Expedition, 1964 (excavations of the Kapal, Arasan I, Baskhan I, Alakol I burial grounds, Onagash site). 1964 (in Russian).
24 Mar'yashev, A. N., Goryachev, A. A. 1993. In *Rossiyskaya arheologiya (Russian archaeology),* 1, 5–11 (in Russian).
25 Manuscript Archive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. Fund No. 2. File 56: Lichnoe delo starshogo nauchnogo sotrudnika A.N. Bernshtama. (Personal file of senior researcher A.N. Bernshtam). (in Russian).
26 Samashev, Z., Grigor'ev, F., Jumabekova, G. S. 2005. *Drevnosti Almaty (Antiquities of Almaty).* Almaty: "Arheologiya" Publ. (in Russian).
27 Samashev, Z. S., Jumabekova, G. S., Nurpeisov, M., Chotbaev, A. 2006. *Drevnosti Almaty: Kurgany Boraldaya (Antiquities of Almaty: Boralday Kurgan)*. Almaty: "Arheologiya" Publ. (in Russian).
28 *Svod pamyatnikov istorii i kultury goroda Almaty (The vault of history of monuments and culture of the Almaty city).* 2006. Almaty: "Kazakh encyclopedia" Publ. (in Russian).

About the Author
Aitbaeva Aigerim – Ph.D, Senior research assistant, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan.
ORCID: 0000-0003-1991-7508 E-mail: aaitbaeva84@mail.ru

Автор туралы мәліметтер
Айгерім Есімқанқызы Айтбаева – Ph.D, аға ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан

Сведения об авторе
Айгерим Есимкановна Айтбаева – Ph.D, старший научный сотрудник, Институт археологии имени А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 10.04.2024.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 10.05.2024.

ӘОЖ 902.904 (574)
ҒТАХР 03.41.91
https://doi.org/10.52967/3007-6528.2024.1.32.42

Мәртөк ауданының археологиялық ескерткіштерінің зерттелу тарихы

© 2024 ж. Мамедов А.М., Мамиров К.Б., Амелин В.А., Жолдыбай Е.Б.

Keywords: *Martuk district, archaeology, researchers, monuments*
Түйін сөздер: *Мәртөк ауданы, археология, зерттеушілер, ескерткіштер*
Ключевые слова: *Мартукский район, археология, исследователи, памятники*

A. Mamedov[1], K. Mamirov[1], V. Amelin[1]* and Y. Zholdybay[1]
[1]Margulan Institute of Archaeology,Aktobe, Kazakhstan
**Corresponding author*

The history of research of archaeological monuments of Martuk district

In the article is considered the history of the study of archaeological monuments of Martuk district of Aktobe region, is noted the contribution of researchers. The authors have analysed reports on archaeological reconnaissance and excavations, as well as published scientific works. Materials on the discovery and research of archaeological objects are given in chronological order. The first information about archaeological monuments is given in the works of travellers and explorers of the 18th century. Targeted excavations of archaeological sites began in the second half of the twentieth century and continue to the present day. Numerous monuments of historical and cultural heritage are known in the Martuk district. The authors provide data on the scientific significance of artefacts found in the burial grounds of the Ilek river basin for Kazakhstan. In 2022, an archaeological survey was carried out in the area under consideration to monitor and record previously known monuments, as well as newly identified ones. As a result, more than 400 archaeological sites were recorded.
Source of funding: The work was carried out as part of the implementation of the tasks of the project of fundamental scientific research of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2023–2025, IRN BR20280993.
Citation: Mamedov, A., Mamirov, K., Amelin, V., Zholdybay, Y. 2024. The history of research of archaeological monuments of Martuk district. *Margulan readings–2024.* In 2 vol. Vol. 1. Pp. 32–42 (in Kazakh).

А.М. Мамедов[1], К.Б. Мамиров[1], В.А. Амелин[1]*, Е.Б. Жолдыбай[1]
[1]Ә.Х. Марғұлан атынд. Археология институты, Ақтөбе қ., Қазақстан
**корреспондент авторы*

Мәртөк ауданының археологиялық ескерткіштерінің зерттелу тарихы

Мақалада Ақтөбе облысы Мәртөк ауданының археологиялық ескерткіштерінің зерттелу тарихы қарастырылып, зерттеушілердің қосқан үлесі сөз болады. Авторлар археологиялық барлау және қазба жұмыстары жөніндегі есептерге, сонымен қатар баспадан шыққан ғылыми еңбектерге талдау жасады. Археологиялық нысандардың ашылуы және зерттелуі бойынша материалдар хронологиялық тәртіппен көрсетілген. Археологиялық ескерткіштер туралы алғашқы мәліметтер XVIII ғ. саяхатшылардың және зерттеушілердің еңбектерінде келтірілген. Археологиялық нысандардың мақсатты қазба жұмыстары XX ғ. екінші жартысында басталып, қазіргі кезге дейін жалғасуда. Мәртөк ауданында әртүрлі уақытқа жататын көптеген тарихи-мәдени мұра ескерткіштері белгілі. Авторлар Қазақстан үшін ғылыми маңызы бар Елек өзені алабындағы қорымдарда табылған жәдігерлер жөнінде мәліметтер келтіреді. 2022 жылы қарастырып отырған аудан аумағында бұрын белгілі және жаңадан ашылған ескерткіштерді мониторингтеу, тіркеу мақсатында археологиялық барлау жүргізілді. Нәтижесінде 400-ден астам археология нысаны тіркелді.

Қаржыландыру көзі: Жұмыс ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2025 жж. арналған іргелі ғылыми зерттеулер жобасы аясында дайындалды, ЖТН BR20280993.
Сілтеме: Мамедов А.М., Мамиров К.Б., Амелин В.А., Жолдыбай Е.Б. 2024. Мәртөк ауданының археологиялық ескерткіштерінің зерттелу тарихы. *Марғұлан оқулары–2024.* 2 том. 1-т. 32–42-бб.

***А.М. Мамедов*[1], *К.Б. Мамиров*[1], *В.А. Амелин*[1]*, *Е.Б. Жолдыбай*[1]**
[1]*Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Актобе, Казахстан*
**автор-корреспондент*

История исследования археологических памятников Мартукского района

В статье рассматривается история археологического изучения Мартукского района (Актюбинская обл.), отмечается вклад исследователей. Авторы проанализировали отчеты об археологических разведках и раскопках, а также опубликованные научные работы. Материалы по открытию и исследованию объектов археологии даны в хронологическом порядке. Первые сведения об археологических памятниках приводятся в трудах путешественников и исследователей XVIII в. Целенаправленные раскопки археологических объектов начинаются во 2-й пол. XX в. и продолжаются по сей день. В Мартукском районе известны многочисленные разновременные памятники историко-культурного наследия. Авторы приводят данные о научной значимости артефактов, обнаруженных в могильниках бассейна р. Илек. В 2022 г. на территории района проведена археологическая разведка с целью мониторинга, фиксации ранее известных и новых памятников. В результате работ зафиксировано более 400 объектов археологии.
Источник финансирования: Работа выполнена в рамках проекта фундаментальных научных исследований Комитета науки МНВО РК на 2023–2025 гг., ИРН BR20280993.
Цитирование: Мамедов А.М., Мамиров К.Б., Амелин В.А., Жолдыбай Е.Б. 2024. История исследования археологических памятников Мартукского района. *Маргулановские чтения–2024.* В 2-х т. Т. 1. С. 32–42 (на каз. яз.).

Кіріспе

Мәртөк ауданы – Ақтөбе облысының солтүстігінде орналасқан әкімшілік аудан. Ол солтүстігінде Ресей Федерациясының Орынбор облысымен, оңтүстік-батысында Қобда ауданымен, оңтүстігінде Алға ауданымен және Ақтөбе қаласы округімен, шығысында Қарғалы ауданымен шектеседі. Мәртөк ауданы 6,6 мың км^2 аумақты алып жатыр.

Табиғи-географиялық жағдайдың қолайлылығы, әсіресе, гидрожүйенің мол болуы және климаттық факторлар осы аудан аумағына адамдардың ежелден-ақ қоныстануына ықпал етті. Сондықтан да Мәртөк ауданы аумағында қазіргі таңда тас ғасырынан этнографиялық қазіргі уақытқа дейінгі көптеген ескерткіштер белгілі. Осыған байланысты мақаланың басты мақсаты аудан аумағында орналасқан археологиялық ескерткіштердің зерттелу тарихын хронологиялық тәртіппен жүйелеу болып табылады.

Мақаланың мақсатына жету үшін бірқатар міндеттер қойылып отыр. Олар: архивтік материалдармен (ғылыми есептер, ескерткіштердің паспорттары мен есептік карталары) жұмыс, ғылыми мақалаларды, монографияларды және т. б. талдау, Мәртөк ауданы аумағында жүргізілген археологиялық ескерткіштердің зерттелу тарихын хронология бойынша сипаттау.

Қазіргі кезде аудан аумағында орналасқан археологиялық ескерткіштердің зерттелу тарихын жүйелі түрде сипаттау келешекте қарастырып отырған аумақта ұйымдастырылатын археологиялық ізденістер үшін маңызды.

Материалдар мен әдістер

Зерттеу әдістері

Мақаланы жазу барысында авторлар Мәртөк ауданы бойынша жинақталған архивтік материалдармен жұмыс істеді. Аудан аумағында, сондай-ақ ауданға қатысты облыс көлемінде немесе Батыс Қазақстан өңірінде ұйымдастырылған археологиялық экспедициялардың (барлаулар, қазба жұмыстары) нәтижелері бойынша жазылған ғылыми есептер талданып, зерттелді. Археологиялық нысандар жөнінде жалпы мәлімет беретін ескерткіштердің паспорттары мен есептік карталары толыққанды ақпарат алу үшін қаралды.

Сонымен қатар Мәртөк ауданы аумағында орналасқан және зерттелген археологиялық ескерткіштерден табылған жәдігерлер бойынша жарық көрген ғылыми мақалалар, монографиялар талданды. Мысалы, 2007 жылы жарық көрген В.В. Ткачевтің «Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы» атты монографиясында Танаберген II қорымынан табылған жәдігерлер сипатталады [Ткачев 2007: 16–46]. Ал 2014 жылы жарық көрген Е.П. Китов пен А.М. Мамедовтың «Ерте темір дәуіріндегі Батыс Қазақстанның көшпелі тұрғындары. Кочевое население Западного Казахстана в раннем железном веке» атты еңбегінде Ақтөбе облысындағы ерте темір дәуірі археологиялық ескерткіштерінің далалық зерттелу тарихы қарастырылады [Китов, Мамедов 2014: 9–26].

Материалдарды сипаттау

Ақтөбе облысының археологиялық ескерткіштері XVIII ғ. бастап зерттеле бастады. XVIII–XIX ғғ. облыс аумағына сапар жасаған саяхатшылар мен зерттеушілер өңірдің археологиялық нысандарын алғашқылардың бірі болып сипаттады. Мысалы, П.И. Рычков, Э. Эверсман өздері көрген ескерткіштер жөнінде мәліметтер қалдырды.

XIX ғ. екінші жартысында құрылған Орынбор архивтік комиссиясы сол заманда өлке тарихын зерттеуге ерекше үлес қосқан алдыңғы қатарлы ғалымдардың басын біріктірді. А.В. Попов, П.Д. Нефедов, А.А. Аниховский және И.А. Кастанье секілді зерттеушілердің ізденісі барысында барысында жасаған қорытындылары «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии» атты арнайы басылымда жарық көрді. Бұл жүргізілген жұмыстар туралы өзіндік есеп өлкенің тарихы мен мәдениетін көпшілікке насихаттайтын бірден-бір еңбекке айналды. 1910 ж. И.А. Кастанье жалпы Батыс Қазақстанның, соның ішінде Мәртөк ауданының көптеген архитектуралық және археологиялық ескерткіштері енген «Древности Киргизской степи и Оренбургского края» атты жалпылама еңбегін жариялады. Ол Батыс Қазақстан аумағында дербес қазба жұмыстарын жүргізіп, өңірдің жерлеу ескерткіштерінің сипаттамасын жасады [Бисембаев және т.б. 2006: 14].

1904 ж. С.П. Баннов Ақтөбе қаласының солтүстігінде орналасқан жер қамалы жөнінде баяндады, қазіргі таңда бұл құрылыс Родниковский I жер қамалы деген атаумен Ақтөбе облысының жергілікті маңызы бар тарих және мәдениет ескерткіштерінің мемлекеттік тізіміне енді [Родионов 1996: 9].

Ақтөбе облысы аумағындағы археологиялық ескерткіштерді зерттеу үрдісі революция және азамат соғысы кезінде үзіліп, XX ғ. 20-шы жылдарының екінші жартысында жалғасты.

1926 жылы өңірде археологиялық жұмыстарды КСРО ҒА Қазақстан экспедициясының антропологиялық отряды жүргізе бастады. Экспедицияны М.П. Грязнов пен М.В. Комарова басқарды. Оның негізгі жұмыстары кейбір обаларға кішігірім қазба жасаумен бірге, археологиялық нысандарды тіркеуге бағытталды. Бағдар негізінен облыстың солтүстік аудандары аумағын, Жайық өзенінің сол жақ салалары болып табылатын Ебейті, Қиялы-Бөрте, Кергелді, Әлімбет, Тереклі және т.б. дала өзендерінің алаптарын қамтыды. Нәтижесінде түрлі кезеңге жататын 28 ескерткіш тіркелді. М.П. Грязнов анықталған ескерткіштерді төрт типке бөлді: жер үйіндісі бар обалар, тас үйіндісі бар обалар, таспен көмкерілген жер үйіндісі бар обалар және тастан құралған сақина тәрізді жалпақ қабірлер (тас сақиналар) [Грязнов 1927: 172].

XX ғ. 50-ші жылдарының екінші жартысында КСРО ҒА Археология институтының Ленинград бөлімі (бұрынғы Материалдық мәдениет тарихы институты) Батыс Қазақстан аумағына тың және тыңайған жерлерді зерттеу мақсатында археологиялық экспедициялар ұйымдастырды. Осылайша, 1955 жылы В.С. Сорокиннің басшылығымен Қарғалы және Мәртөк аудандарының аумақтары бойынша барлау жүргізілді. Нәтижесінде әртүрлі дәуірлерге жататын археологиялық ескерткіштер анықталды [Сорокин 1958: 78].

1970 жылдары қысқа үзілістен кейін ҚазКСР ҒА Тарих, археология және этнография институты Ақтөбе облысында археологиялық ізденістерді жалғастырды. Ақтөбедегі археологиялық зерттеулердің дамуындағы маңызды оқиғалардың бірі осы өңірде қазба жұмыстарының басталуы еді. Институт бастапқы кезде апаттық ескерткіштерді зерттеуге ден қойды. 1970–1980 жылдарды жергілікті археологиялық мектеп қалыптасып, дамыған кезең деп сипаттауға болады.

1974 жылы М.Қ. Қадырбаевтың басшылығымен ҚазКСР ҒА Ш.Ш. Уәлиханов ат. Тарих, археология және этнография институты Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясының Ақтөбе отряды Бесоба қорымының № 3, 10, 12 обаларында, Жалғызоба обасында, Сынтас қорымының № 1 және № 2 обаларында қазба жұмыстарын жүргізді [ҚР ҒЖБМ ҒК АИ ҒА. 1375-іс].

М.Қ. Қадырбаев жетекшілік еткен Ақтөбе облыстық тарихи-өлкетану музейімен Орталық Қазақстан экспедициясының Қаратау отряды бірлесіп 1973–1974 жж., 1976 ж. облыс аумағына зерттеу жұмыстарын жүргізді. Негізінен Елек өзені алабындағы ескерткіштер (Сынтас, Бесоба, Жалғызоба, Күміссай және т.б.) зерттелді. Ақтөбе облыстық тарихи-өлкетану музейінің отрядын В.В. Родионов басқарды [Родионов 1979].

Мәртөк ауданы аумағындағы археологиялық нысандарды зерттеуге облыстың геологтары сүбелі үлес қосты. В.В. Родионовтың жетекшілігімен 1975 жылы Ақтөбе облыстық тарихи-өлкетану музейі Мәртөк ауданы аумағында бұрын анықталған Елек өзенінің сол және оң жағалауында орналасқан ірі обалық қорымдарды тексеру мақсатында археологиялық барлау жұмыстарын ұйымдастырды [ҚР ҒЖБМ ҒК АИ ҒА. 1459 іс].

1976 жылы Ақтөбе облыстық тарихи-өлкетану музейі облыс аумағында іздеу-барлау жұмыстарын жүргізді. Нәтижесінде жаңадан тіркелген археологиялық нысандар қатарына 2 ірі обадан құралған Шпаки обалық қорымы және Үңгір мыс кен орны енді [ҚР ҒЖБМ ҒК АИ ҒА. 1527-іс]. 1977 жылы Родниковка ауылы маңында бұрыннан белгілі ескерткіштердің орналасу жерін нақтылау және жағдайларын анықтау мақсатында барлау жұмыстарын жүргізді. Осымен бірге Қиялы-Бөрте және Теріс-Бұтақ өзендері аралығындағы суайрық төбеде жаңа археологиялық нысандар тіркелді және Бисоба қорымының апаттық 2-ші обасы қазылды [ҚР ҒЖБМ ҒК АИ ҒА. 1595-іс].

1981–1982 жж. М.Қ. Қадырбаевтың басшылығымен Орталық Қазақстан экспедициясы ежелгі ескерткіштерді қорғау мақсатындағы қазба жұмыстарын жүргізді. Суландыру жүйесінің құрылысымен байланысты Нагорненский қорымын Ақтөбе отряды зерттеді. Оны Ж. Құрманқұлов, Т.И. Кулик және В.И. Заитов басқарды. 1981 жылы қорымның № 1–6, 8, 9 обалары қазылды [ҚР ҒЖБМ ҒК АИ ҒА. 1918-іс]. 1982 жылы аталмыш қорымның № 7, 10 және 11 обаларында Т.И. Кулик басқарған Ақтөбе отряды қазба жұмыстарын жүргізді. Нагорненский қорымынан анықталған олжалар көшпелі мәдениеттің қызықты материалдарын берді. Зерттеушілер осы олжаларға сүйене отырып, Елек өзені алабын мекендеген көшпенділердің әлеуметтік және мүліктік дифференциациясы жөніндегі пікірлерін білдірді [ҚР ҒЖБМ ҒК АИ ҒА. 1921-іс].

Облыс археологиясын дамыту, әсіресе, қола және ерте темір ғасырын зерттеу ісінде С.Ю. Гуцалов аянбай еңбек етті. 1980–1990 жж. ол Ақтөбе тарихи-өлкетану музейі және Ақтөбе педагогикалық институтының археологиялық экспедицияларын басқарып, әртүрлі кезеңге жататын ескерткіштерді (обалық қорымдар және жеке обалар) ашып, зерттеді.

1984 ж. С.Ю. Гуцаловтың жетекшілігімен Ақтөбе облыстық тарихи-өлкетану музейі Елек өзенінің сол жағалауында барлау жұмыстарын жүргізді. Нәтижесінде биік суайрық үстіртте жинақы

орналасқан 70 жер үйіндісі бар нысандардан құралған Целинный I бейіті және Хлебодаровка (Сарыжар) ауылы маңындағы егістікте орналасқан Хлебодаровский бейіті тіркелді [ҚР ҒЖБМ ҒК АИ ҒА. 2036-іс].

1985 жылы Сарыжар ауылынан солтүстік-солтүстік-батысқа қарай 2,5 км жерде орналасқан апаттық Қызылжар обалық қорымының № 1 және № 2 обаларында қазба жұмыстары жүргізілді [ҚР ҒЖБМ ҒК АИ ҒА. 2084-іс].

1985 ж. Ақтөбе педагогикалық институтында тарих факультеті ашылды. Осы кезден бастап Ақтөбе облысында жоғарғы оқу орны археологиясы қалыптасты. Р.А. Бекназаров, С.М. Виноградов, В.В. Ткачев, А.А. Бисембаев секілді археологтар мен этнографтар далалық археологиялық тәжірибеден өтті. Педагогикалық институттың археологиялық экспедицияларын С.Ю. Гуцалов басқарды.

1986 ж. Ақтөбе облысының тарихи-өлкетану музейі мен Ақтөбе педагогикалық институтының бірлескен отряды негізгі жұмыстарын Ақтөбе қаласының солтүстігінде Бұтақ, Жақсы және Жаман Қарғалы өзендерінің алаптарында орналасқан ескерткіштерде (Жаман Қарғалы I, Шпаки I, Шеменевский I және III, Бисоба) жүргізді. Осы жылы зерттелген ескерткіштердің басым бөлігі апатты жағдайда болды. 1986 жылы қазылған нысан Шпаки I қорымы еді. Ол суайрықта, Теріс-Бұтақ (Забара) өзенінен шығысқа қарай 6 км жерде орналасқан және 4 обадан тұрады. Қазба жұмыстары № 2 (б.д.д. VI ғ. аяғы – б.д.д. V ғ.) обада, суайрық жотаның үстінде орналасқан Шеменевский I қорымының екі обасында жүргізілді. 10 нысаннан тұратын Бисоба қорымында б.д.д. VI ғ. аяғы – б.д.д. V ғ. жататын (XX ғ. басында С.П. Баннов ашқан) үш оба (1, 4 және 10) зерттелді [ҚР ҒЖБМ ҒК АИ ҒА. 2125-іс].

Археологиялық қазба жұмыстармен қатар облыс аумағында барлау жүргізілді. 1987 ж. Мәртөк ауданы аумағында және Ақтөбе қаласы округінде жалпы барлау жұмыстары жасалды. Нәтижесінде ҚазКСР ҒА Тарих, археология және этнография институты қызметкерлерімен Р.Б. Исмагилов бірігіп, 200-ден астам археология ескерткіштерін тіркеді. Целинный I қорымында алғашқы қазба жұмыстары жүргізілді. № 15 обада кейінгі сармат дәуіріне жататын жерлеу орны анықталды [ҚР ҒЖБМ ҒК АИ ҒА. 2173-іс].

1988 жылы Целинный I қорымында қазба жұмыстары жалғасты. Нысан Мәртөк ауданының Жайсаң ауылынан оңтүстік-оңтүстік-шығысқа қарай 7 км, Көкпекті (Целинный) ауылынан батысқа қарай 1,5 км жерде орналасқан. Қорым Елек өзенінің сол жағалауындағы төбеде тығыз орналасқан. Шамамен 100 оба мен тікбұрышты нысандардан (ғибадатханалар) құралған. Осы жылы қорымда төрт кезеңге бөлінетін (қола дәуірінен ортағасырға дейін) 30 нысан зерттелді. Савромат-сармат уақытына бірнеше нысан (10, 28, 31, 34, 51, 52 және 59) сәйкес келеді. Сонымен қатар Мәртөк, Алға, Хромтау аудандарында және Ақтөбе қаласы округінде жүргізілген барлау жұмыстары нәтижесінде 80-нен астам қорымдар мен жеке обалар тіркелді [ҚР ҒЖБМ ҒК АИ ҒА. 2218 іс].

1989 жылы С.Ю. Гуцаловтың басшылығымен ҚазКСР ҒА Батыс Қазақстан кешенді археологиялық экспедициясының Ақтөбе отряды Целинный I қорымындағы 25 нысанды және Танаберген II қорымдарындағы № 4 обаны зерттеді [ҚР ҒЖБМ ҒК АИ ҒА. 2297-іс].

1990 жылы Целинный I қорымындағы қазба жұмыстар жалғасты. Осы жылы С.Ю. Гуцаловтың басшылығымен Ақтөбе педагогикалық институтының археология экспедициясы 15 обада зерттеу жұмыстарын жүргізді [Гуцалов, Ткачев 1990].

1990 жылдардан бастап қаржыландырудың төмендеуіне байланысты қазба жұмыстарының көлемі азайды. 1991 ж. Танаберген II қорымында ғана қазба жұмыстары жүргізілді. Ақтөбе педагогикалық институты менАқтөбе облыстық жас туристер стансасының біріккен экспедициясын С.Ю. Гуцалов басқарды. Савромат-сармат уақытына жататын жерлеу рәсімі әртүрлі. Жерлеу орындары қарапайым топырақ шұңқылармен қатар, катакомбалар және жанама қабірлер түрінде болып келеді. Осы жылы Ақтөбе облысының Елек, Қобда, Ойыл және Ор секілді негізгі өзендері

алаптарында барлау жұмыстары жүргізілді. Нәтижесінде 119 археологиялық ескерткіш тіркелді. 1991 жылы В.В. Ткачевтің басшылығымен Танаберген II қорымының № 7 обасында қазба жұмыстары жүргізілді. Оба үйіндісінен және оның астынан 36 жерлеу орны анықталды [ҚР ҒЖБМ ҒК АИ ҒА. 2346-іс; 2347-іс].

2001 жылы Целинный I және Целинный VII қорымдарында С.Ю. Гуцаловтың басшылығымен Орал кешенді археологиялық экспедициясы қазба жұмыстарын жүргізді. Целинный VII қорымында № 2 оба қазылды, нәтижесінде табиғи қоршаудың ішінен ортағасырға жататын жерлеу орны анықталды [ҚР ҒЖБМ ҒК АИ ҒА. 2563-іс].

«Мәдени мұра» мемлекеттік бағдарламасын жүзеге асыру үшін 2006 жылы Тарих, этнография және археология облыстық орталығы құрылды. Осы жылы Мәртөк ауданында бұрыннан белгілі археологиялық ескерткіштердің жағдайын анықтауға және жаңа тарихи-мәдени мұра нысандарын айқындауға бағытталған археологиялық барлау жұмыстары нәтижесінде 43 археологиялық ескерткіш тіркелді [ҚР ҒЖБМ ҒК АИ ҒА. 2771-іс].

2022 жылы «Ақтөбе өлкесінің ежелгі тұрғындары: тас және палеометалл дәуірлері ескерткіштері» атты шаруашылық келісімді жобаны іске асыру барысында Т.Б. Мамировтің басшылығымен Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институтының отряды сақталған мәдени қабаты бар тас ғасырының ескерткіштерін анықтау мақсатында шурф қазу арқылы өзен, бұлақ террасалары бойымен барлау жұмыстарын жүргізді. Танаберген, Жамансу, Ақсу және т.б. өзендердің жағалаулары, бұлақ суларының көздері зерттелді [ҚР ҒЖБМ ҒК АИ ҒА. 3455-іс].

2022 жылы А.М. Мамедов басқарған Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институтының отряды тарихи-мәдени мұра нысандарын сақтауды қамтамасыз ету және насихаттау саласындағы Қазақстан Республикасының мемлекеттік саясатын жүзеге асыру мақсатында тарих және мәдениеттің барлық ескерткіштерін анықтау және мониторингтеу үшін іздеу-барлау жұмыстарын жүргізді. Нәтижесінде Мәртөк ауданы аумағында қазіргі кезде 400-ден аса әртүрлі уақытқа жататын археологиялық ескерткіш бар екендігі анықталды [Мамедов және т.б. 2022].

2023 жылы Т.Б. Мамиров басқарған Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институтының отряды Жамансу 2 тұрағында қазба жұмыстарын жүргізді. Жалпы ауданы 200 м^2 болатын үш қазба орны жасалып, ескерткіштің 4 негізгі қабатына сәйкес келетін 500-ден аса тас жәдігерлер табылды [ҚР ҒЖБМ ҒК АИ ҒА. 3469-іс].

Нәтижелер және талқылау

Мәртөк ауданы аумағында зерттелген археологиялық ескерткіштердің нәтижелері ғылыми басылымдарда жарық көрді. Зерттеулер Мәртөк ауданы аумағы бойынша меридиан бағытында ағатын Жайық өзенінің ірі саласы болып табылатын Елек өзенінің алабында орналасқан ескерткіштерде жүргізілді. Алғашқылардың бірі болып Сынтас қорымында жүргізілген қазба жұмыстардың қорытындысы 1976 жылы баспадан шыққан «Прошлое Казахстана по археологическим источникам» атты жинақта жарияланды. Мұнда 1974 жылы зерттелген Сарыжар (Хлебодаровка) ауылынан оңтүстік-батысқа қарай 8,2 км жерде орналасқан Сынтас қорымының шығыстағы №1 және №2 обаларынан табылған жәдігерлер сипатталды [Кадырбаев, Курманкулов 1976: 139–140].

Сонымен қатар Сынтас, Бесоба, Целинный I, Нагорненский секілді нысандарда зерттелген жерлеу орындары және табылған жәдігерлер Батыс Қазақстан үшін маңызды сипатқа ие болды. Осы аталған қорымдардан табылған материалдар 1996 жылы жарық көрген «Қазақстан тарихы (көне заманнан бүгінге дейін)» [История ... 1996: 201–202] еңбегінде жарияланды. Елек өзені бойындағы Сынтас, Бесоба, Жалғызоба қорымдарының жерлеу рәсімі, табылған жәдігерлері Арал маңындағы б.д.д. VII–VI ғғ. көшпенділердің ескерткіштеріне, ең алдымен Сырдариянның төменгі жағындағы Ұйғарақ обаларының жерлеулеріне ұқсас екендігі 2006 жылы баспадан шыққан «Батыс Қазақстан тарихы» [Батыс ... 2006: 28] еңбегінде айтылды.

2006 жылы құрылған Тарих, этнография және археология облыстық орталығының археологиялық барлау жұмыстары облыстың солтүстік аудандарында жүргізілді. Нәтижесінде қарастырып отырған аудан бойынша «Ақтөбе облысының тарихи-мәдени және табиғат мұралары ескерткіштері. Мәртөк ауданы» атты жинақ жарық көрді. Мұнда сол жылғы барлау жұмысы барысында анықталған археологиялық ескерткіштер туралы мәліметтер баяндалды [Бисембаев және т.б. 2006].

2021 жылы Қазақстан Республикасы Тәуелсіздігінің 30 жылдығына арналған және «Ақтөбе облысының киелі географиясы» ғылыми бағдарламасы шеңберінде дайындалған табиғат, археология, сәулет және этнография нысандарының тізілімін қамтитын «Ақтөбе облысының киелі географиясы» атты католог жарық көрді. Кітапқа Мәртөк ауданы аумағында орналасқан келесі киелі археологиялық ескерткіштер енді: қола – ерте темір дәуіріне жататын Танаберген II қорымы, қола – ортағасыр кезеңіне тиісті Целинный I жерлеу-ғұрыптық кешені, ерте темір дәуіріне сәйкес келетін Бесоба, Бисоба қорымдары және Сынтас ғұрыптық-жерлеу кешені, ортағасырға жататын Төбетсай I «мұртты обалары» [Ақтөбе облысының киелі географиясы 2021: 110, 117, 413, 418, 435, 474].

2023 жылы Қ. Жұбанов ат. Ақтөбе мемлекеттік университеті базасында Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институтының Батыс Қазақстан филиалы құрылды. 2022 жылғы Қарғалы ауданында ұйымдастырылған барлау жұмыстарының, архивтік материалдардың талдануы негізінде «Қазақстан Республикасы Тарих және мәдениет ескеткіштерінің жинағы. Ақтөбе облысы. 1-шығарылым. Қарғалы ауданы» атты бұрын тіркелген және жаңадан ашылған археология, қала құрылысы және сәулет ескерткіштері мен қасиетті нысандар енген ғылыми-энциклопедиялық сипаттағы басылым жарық көрді [Свод ... 2023].

Осыған байланысты ағымдағы жылы Мәртөк ауданы бойынша археологиялық ескертіштердің зерттелу тарихы жөнінде мәліметтер берілген Ә.Х. Марғұлан атынд. Археология институтының қызметкерлері «Қазақстан Республикасы Тарих және мәдениет ескеткіштерінің жинағы. Ақтөбе облысы. 2-шығарылым. Мәртөк ауданы» атты ғылыми жинақты баспадан шығаруды жоспарлап отыр.

Қорытынды

Қорыта келгенде Мәртөк ауданының археологиялық ескеткіштерінің зерттелу тарихына арналған мақалада авторлар осы уақытқа дейін жинақталған архивтік материалдарға (ғылыми есептер, ескерткіштердің паспорттары мен есептік карталары) және табылған жәдігерлер бойынша жазылған мақалалар мен монографияларға талдау жасап, ұйымдастырылған археологиялық ізденістер хронологиялық ретпен келтірді. Мақалада баяндалған ақпарат болашақта басқа да ғылыми жарияланымдарда қолданылуы мүмкін.

ӘДЕБИЕТ

1 Ақтөбе облысының киелі географиясы. Табиғат, археология, сәулет және этнография нысандарының тізілімі / *Байтанаев Б.Ә., Мамиров Т.Б., Ахатов Ғ.А., Мықтыбаева Ж.Қ., Шалманова Ә.Б, Бекназаров Р.А., Жұмабекова Г.С., Бисембаев А.А., Базарбаева Ғ.А., Байтілеу Д.А., Мамедов А.М., Шағырбаев М.С., Қалдыбаева Г.А.* Алматы: Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, 2021. 532 б.

2 Батыс Қазақстан тарихы. Екі томдық. 1 том. / Томның редколлегиясы: А.А. Бисембаев, Г.Б. Избасарова, С.Ю. Гуцалов, Р.А. Бекназаров. Актобе: Принт-А, 2006. 436 б. (қазақша, орысша).

3 *Бисембаев А.А., Гуцалов С.Ю., Ткачев В.В., Виноградов С.М., Мендыбаев Е.Х., Курманбеков Е.Ж., Сухиньская И.Н., Мамиров Т.Б., Успанова Г.Е., Бидагулов Н.Т., Уразов А.А.* Ақтөбе облысының тарихи-мәдени және табиғат мұралары ескерткіштері. 13 томдық. 1-т. Мәртөк ауданы. Ақтөбе, 2006. 153 б. (қазақша, орысша).

4 *Грязнов М.П.* Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане // Казаки (антропологические очерки). Вып. 2 / Под ред. С.И. Руденко. Л.: АН СССР, 1927. С. 172–221.

5 *Гуцалов С.Ю., Ткачев В.В.* Отчет о полевых археологических работах в Актюбинской области летом 1990 года. // Фонды АОИКМ. Актюбинск, 1990.

6 История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В 5-ти т. Т. 1. / Ред.: К.А. Акишев и др. Алматы: Атамұра, 1996. 544 с.

7 *Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К.* Захоронения воинов савроматского времени на левобережье р. Илек // Прошлое Казахстана по археологическим источникам / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука КазССР, 1976. С. 103–114.

8 *Китов Е.П., Мамедов А.М.* Ерте темір дәуіріндегі Батыс Қазақстанның көшпелі тұрғындары. Кочевое население Западного Казахстана в раннем железном веке. Астана: ФИА, 2014. 352 с.

9 ҚР ҒЖБМ ҒК АИ ҒА. 1375-іс: Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Отчет Актюбинского археологического отряда АН КазССР за 1974 год.

10 ҚР ҒЖБМ ҒК АИ ҒА. 1459-іс: Петров Н.П., Родионов В.В. Отчет об археологической разведке в Актюбинской области летом 1975 г.

11 ҚР ҒЖБМ ҒК АИ ҒА. 1527-іс: Петров Н.П., Родионов В.В. Отчет об археологической разведке в Актюбинской области летом 1976 г.

12 ҚР ҒЖБМ ҒК АИ ҒА. 1595-іс: Петров Н.П., Родионов В.В. Отчет об археологической разведке в Актюбинской области летом 1977 г.

13 ҚР ҒЖБМ ҒК АИ ҒА. 1918-іс: Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К., Кулик Т.И. Загородний А.С., Заитов В.И., Родионов В.В. Научный отчет о работе Центрально-Казахстанской археологической экспедиции за 1982 год.

14 ҚР ҒЖБМ ҒК АИ ҒА. 1921-іс: Кулик Т.И. Отчет о работе Актюбинского отряда ЦКАЭ (Нагорненский курганный могильник) за 1982 г.

15 ҚР ҒЖБМ ҒК АИ ҒА. 2036-іс: Гуцалов С.Ю., Родионов В.В. Отчет об археологической разведке в Актюбинской области летом 1984 года.

16 ҚР ҒЖБМ ҒК АИ ҒА. 2084-іс: Гуцалов С.Ю., Родионов В.В. Отчет об археологических разведках и раскопках в Актюбинской области летом 1985 года.

17 ҚР ҒЖБМ ҒК АИ ҒА. 2125-іс: Гуцалов С.Ю., Макаревич Г.В. Отчет об археологических разведках и раскопках в Актюбинской области летом и осенью 1986 г.

18 ҚР ҒЖБМ ҒК АИ ҒА. 2173-іс: Гуцалов С.Ю., Макаревич Г.В. Отчет об археологических разведках и раскопках в Актюбинской области летом 1987 г.

19 ҚР ҒЖБМ ҒК АИ ҒА. 2218-іс: Гуцалов С.Ю. Отчет об археологических разведках и раскопках в Актюбинской области летом 1988 г.

20 ҚР ҒЖБМ ҒК АИ ҒА. 2220-іс: Гуцалов С.Ю. Альбом-приложение к отчету С.Ю. Гуцалова о раскопках в Актюбинской области за 1988 г.

21 ҚР ҒЖБМ ҒК АИ ҒА. 2297-іс: Гуцалов С.Ю. Отчет об археологических работах в Актюбинской области / Отчет о работах Западно-Казахстанской археологической экспедиции за 1989 год.

22 ҚР ҒЖБМ ҒК АИ ҒА. 2346-іс: Ткачев В.В., Гуцалов С.Ю. Отчет о раскопках кургана №7 могильника Танаберген II в Актюбинской области летом-осенью 1991 года.

23 ҚР ҒЖБМ ҒК АИ ҒА. 2347-іс: Гуцалов С.Ю. Отчет об археологических работах в Актюбинской области летом 1991 года.

24 ҚР ҒЖБМ ҒК АИ ҒА. 2563-іс: Бисембаев А.А, Гуцалов С.Ю. Отчет о проведении археологических разведок и раскопок в ЗКО в 2001 г.

25 ҚР ҒЖБМ ҒК АИ ҒА. 2771-іс: Бисембаев А.А., Уразов А.А., Дуля В.И., Бидагулов Н.Т. Отчет об археологических разведках в северных районах Актюбинской области в полевом сезоне 2006 года.

26 ҚР ҒЖБМ ҒК АИ ҒА. 3455-іс: Мамиров Т.Б., Байтлеу Д.А., Калиева Ж.С., Куандык С.Р., Мамиров К.Б. Отчет о НИР по теме «Древнейшее население Актюбинского края: памятники эпохи камня и палеометалла». Алматы, 2022.

27 ҚР ҒЖБМ ҒК АИ ҒА. 3469-іс. Мамиров Т.Б., Баиров Н.М., Куандык С.Р., Жусупкалиев Т.Т. Отчет о НИР по теме «Изучение памятников эпохи камня и палеометаллов» (каменный век). Алматы, 2023.

28 *Мамедов А.М., Амантаев Н.А., Мамиров К.Б.* Отчет об археологических разведках памятников Мартукского района в 2022 году // Архив Актюбинского Областного центра исследования, реставрации и охраны историко-культурного наследия.
29 *Родионов В.В.* Очерк истории археологических исследований в Актюбинской области // Вопросы археологии Западного Казахстана: Сб. науч. тр. / Отв. ред. В.В. Ткачев. Самара: Актюб. Обл. Гос. инспекция историко-культурного наследия, 1996. С. 5–22.
30 Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Актюбинская область. Вып. 1. Каргалинский район / Редкол.: А.М. Мамедов, Т.Б. Мамиров, К.Б. Мамиров, Н.А. Амантаев, К. Асылбеков, И. Бекзаткызы. Алматы; Актобе. 2023. 344 с.
31 *Сорокин В.С.* Археологические памятники северо-западной части Актюбинской области // КСИИМК. 1958. Вып. 71. С. 78–85.
32 *Ткачев В.В.* Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе: Актюб. Обл. центр истории, этнографии и археологии, 2007. 384 с.: ил.

REFERENCES

1 Baitanayev, B. A., Mamirov, T. B., Akhatov, G. A., Myktybayeva, Z. Қ., Shalmanova, A. B., Beknazarov, R. A., Jumabekova, G. S., Bissembaev, A. A., Bazarbayeva, G. A., Baitileu, D. A., Mamedov, A. M., Shagirbayev, M. S., Kaldybaeva, G. A. 2021. *Aktobe oblysynyn kieli geografiyasy. Tabigat, arheologija, saulet zhane etnografija nysandarynyn tizilimi (Sacred geography of Aktobe region. Register of objects of nature, archeology, architecture and ethnography).* Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Kazakh).
2 Bissembaev, A. A., Izbasarova, G. B., Gutsalov, S. Y., Beknazarov, R. A. 2006. *Batys Kazakstan tarihy*. Eki tomdyk. 1 tom (*History of Western Kazakhstan.* In 2 vol. Vol. 1). Aktobe: "Print-A" Publ. (in Kazakh, Russian).
3 Bissembaev, A. A., Gutsalov, S. Y., Tkachev, V. V., Vinogradov, S. M., Mendybaev, E. H., Kurmanbekov, E. Z., Suhinskaya, I. N., Mamirov, T. B., Uspanova, G. E., Bidagulov, N. T., Urazov, A. A. 2006. *Aktobe oblysynyn tarihi-madeni zhane tabigat muralary eskertkishteri. 13 tomdyk. 1-t. Martok audany (Monuments of historical, cultural and natural heritage of the Aktobe region. In 13 vol. Vol. 1. Martuk district).* Aktobe (in Kazakh, Russian).
4 Gryaznov, M. P. 1927. In: Rudenko, S. I. (ed.). *Kazaki (antropologicheskie ocherki) (Kazakhs. Anthropological essays).* Issue 2. Leningrad: USSR Academy of Sciences, 172–221 (in Russian).
5 Gutsalov, S. Y., Tkachev, V. V. 1990. In: Aktobe regional museum of local history (in Russian).
6 Akishev, K. A. et al. 1996. *Istoriya Kazahstana (s drevneyshih vremen do nashih dney) (The history of Kazakhstan (from ancient times to the present day)).* In 5 vol. Vol. 1. Almaty: "Atamura" Publ. (in Russian).
7 Kadyrbayev, M. K., Kurmankulov, Z. K. 1976. In: Akishev, K. A. (ed.). *Proshloe Kazahstana po arheologicheskim istochnikam (The past of Kazakhstan based at the archaeological sources).* Alma-Ata: "Nauka" Publ., 103–114 (in Russian).
8 Kitov, E. P., Mamedov, A. M. 2014. *Kochevoe naselenie Zapadnogo Kazahstana v rannem zheleznom veke (The nomadic population of West Kazakhstan at early Iron Age).* Astana: Brunch of the Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
9 SA MIA CS MSHE RK. D. 1375: Kadyrbaev, M. K., Kurmankulov, Z. K. *Otchet Aktjubinskogo arheologicheskogo otrjada AN KazSSR za 1974 god. (Report of the Aktobe archaeological team of the Academy of Sciences of the KazSSR for 1974)*. (in Russian).
10 SA MIA CS MSHE RK. D. 1459: Petrov, N. P., Rodionov, V. V. *Otchet ob arheologicheskoy razvedke v Aktyubinskoy oblasti letom 1975 g. (Report on archaeological exploration in the Aktobe region in the summer of 1975)* (in Russian).
11 SA MIA CS MSHE RK. D. 1527: Petrov, N. P., Rodionov, V. V. *Otchet ob arheologicheskoj razvedke v Aktjubinskoj oblasti letom 1976 g. (Report on archaeological exploration in the Aktobe region in the summer of 1976)* (in Russian).
12 SA MIA CS MSHE RK. D. 1595: Petrov, N. P., Rodionov, V. V. *Report on archaeological exploration in the Aktobe region in the summer of 1977 (Report on archaeological exploration in the Aktobe region in the summer of 1977)* (in Russian).
13 SA MIA CS MSHE RK. D. 1918: Kadyrbayev, M. K., Kurmankulov, Z. K., Kulik, T. I., Zagorodniy, A. S., Zaitov, V. I., Rodionov, V. V. *Nauchnyi otchet o rabote Tsentralno-Kazahstanskoy arheologicheskoy ekspeditsii za 1982 god (Scientific report on the work of the Central Kazakhstan archaeological expedition for 1982)* (in Russian).

14 SA MIA CS MSHE RK. D. 1921: Kulik, T. I. O*tchet o rabote Aktyubinskogo otryada Tsentralno-Kazahstanskoy arheologicheskoy ekspeditsii (Nagornenskiy kurgannyi mogilnik) za 1982 g. (Report on the work of the Aktobe detachment of the Central Kazakhstan archaeological expedition (Nagornensky burial ground) for 1982)* (in Russian).

15 SA MIA CS MSHE RK. D. 2036: Gutsalov, S. Y., Rodionov, V. V. *Otchet ob arheologicheskoy razvedke v Aktyubinskoy oblasti letom 1984 goda (Report on archaeological exploration in the Aktobe region in the summer of 1984)* (in Russian).

16 SA MIA CS MSHE RK. D. 2084: Gutsalov, S. Y., Rodionov, V. V. *Otchet ob arheologicheskih razvedkah i raskopkah v Aktyubinskoy oblasti letom 1985 goda (Report on archaeological exploration and excavations in the Aktobe region in the summer of 1985)* (in Russian).

17 SA MIA CS MSHE RK. D. 2125: Gutsalov, S. Y., Makarevich, G. V. *Otchet ob arheologicheskih razvedkah i raskopkah v Aktyubinskoy oblasti letom i oseniyu 1986 g. (Report on archaeological exploration and excavations in the Aktobe region in the summer and autumn of 1986)* (in Russian).

18 SA MIA CS MSHE. D. 2173: Gutsalov, S. Y., Makarevich, G. V. Otchet ob arheologicheskih razvedkah i raskopkah v Aktyubinskoy oblasti letom 1987 g. (Report on archaeological exploration and excavations in the Aktobe region in the summer of 1987) (in Russian).

19 SA MIA CS MSHE RK. D. 2218: Gutsalov, S. Y. *Otchet ob arheologicheskih razvedkah i raskopkah v Aktyubinskoy oblasti letom 1988 g. (Report on archaeological exploration and excavations in the Aktobe region in the summer of 1988)* (in Russian).

20 SA MIA CS MSHE RK. D. 2220: Gutsalov, S. Y. *Albom-prilozhenie k otchetu S.Y. Gutsalova o raskopkah v Aktyubinskoy oblasti za 1988 g. (Album appendix to the report of S.Y. Gutsalov about excavations in the Aktobe region in 1988)* (in Russian).

21 SA MIA CS MSHE RK. D. 2297: Gutsalov, S.Y. *Otchet ob arheologicheskih rabotah v Aktyubinskoy oblasti / Otchet o rabotah Zapadno-Kazahstanskoy arheologicheskoy ekspeditsii za 1989 god (Report on archaeological work in the Aktobe region / Report on the work of the West Kazakhstan archaeological expedition for 1989)* (in Russian).

22 SA MIA CS MSHE RK. D. 2346: Tkachev, V. V., Gutsalov, S. Y. *Otchet o raskopkah kurgana № 7 mogilnika Tanabergen II v Aktyubinskoy oblasti letom–oseniyu 1991 goda (Report on the excavations of mound No. 7 of the Tanabergen II burial ground in the Aktobe region in the summer-autumn of 1991)* (in Russian).

23 SA MIA CS MSHE RK. D. 2347: Gutsalov, S. Y. *Otchet ob arheologicheskih rabotah v Aktyubinskoy oblasti letom 1991 goda (Report on archaeological work in the Aktobe region in the summer of 1991)* (in Russian).

24 SA MIA CS MSHE RK. D. 2563: Bissembaev, A. A, Gutsalov, S. Y. *Otchet o provedenii arheologicheskih razvedok i raskopok v ZKO v 2001 g. (Report on archaeological surveys and excavations in West Kazakhstan region in 2001)* (in Russian).

25 SA MIA CS MSHE RK. D. 2771: Bissembaev, A. A., Urazov, A. A., Dulya, V. I., Bidagulov, N. T. *Otchet ob arheologicheskih razvedkah v severnyh rayonah Aktyubinskoy oblasti v polevom sezone 2006 goda (Report on archaeological exploration in the northern regions of the Aktobe region in the 2006 field season)* (in Russian).

26 SA MIA CS MSHE RK. D. 3455: Mamirov, T. B., Baitileu, D. A., Kalieva, Z. S., Kuandyk, S. R., Mamirov, K. B. 2022. *Otchet o NIR po teme «Drevneyshee naselenie Aktyubinskogo kraya: pamyatniki epohi kamnya i paleometalla» (Report on research work on the topic "The most ancient population of the Aktobe region: monuments of the era of stone and paleometal")* (in Russian).

27 SA MIA CS MSHE RK. D. 3469: Mamirov, T. B., Bairov, N. M., Kuandyk, S. R., Zhusupkaliev, T. T. 2023. *Otchet o NIR po teme «Izuchenie pamyatnikov epohi kamnya i paleometallov (kamennyi vek)) (Report on research work on the topic "Study of monuments from the era of stone and paleometals (Stone Age) ")* (in Russian).

28 Mamedov, A. M., Amantaev, N. A., Mamirov, K. B. 2022. In: Archive of Aktobe Regional Center for Research, Restoration and Protection of Historical and Cultural Heritage (in Russian).

29 Rodionov, V. V. 1996. In: Tkachev, V. V. (ed.). *Voprosy arheologii Zapadnogo Kazahstana (Issues of archaeology of Western Kazakhstan).* Samara: Aktobe Regional State Inspection of Historical and Cultural Heritage, 5–22 (in Russian).

30 Mamedov, A. M., Mamirov, T. B., Mamirov, K. B., Amantaev, N. A. Asylbekov, K. Bekzatkyzy, I. (eds.). 2023. *Svod pamyatnikov istorii i kultury Respubliki Kazahstan. Aktyubinskaya oblast. Issue 1. Kargalinskiy rayon (The*

official list of historical and cultural monuments of the Republic of Kazakhstan. Aktobe region. Issue 1. Kargaly district). Almaty; Aktobe (in Russian).
31 Sorokin, V. S. 1958. In *KSIIMK (Brief communications of the Institute for the History of Material Culture)* 71, 78–85 (in Russian).
32 Tkachev, V. V. 2007. *Stepi Yuzhnogo Priuraia i Zapadnogo Kazahstana na rubezhe epoh sredney i pozdney bronzy (Steppes of the Southern Urals and Western Kazakhstan at the turn of the Middle and Late Bronze Ages).* Aktobe: Aktobe Region Center of History, Ethnography and Archeology (in Russian).

About the Authors
Mamedov Aslan – Senior Researcher, Director, West Kazakhstan branch of the Margulan Institute of Archaeology, Aktobe, Kazakhstan. ORCID: 0000-0003-0369-5234 E-mail: mamedovaslan@mail.ru
Mamirov Kairat – Junior Researcher, West Kazakhstan branch of the Margulan Institute of Archaeology, Aktobe, Kazakhstan. ORCID:0009-0004-5231-0323 E-mail:kairatm_1985@mail.ru
Amelin Victor – Junior Researcher,West Kazakhstan branch of the Margulan Institute of Archaeology, Aktobe, Kazakhstan. ORCID:0009-0004-0348-8635 E-mail:vityara2706@mail.ru
Zholdybay Yerassyl – Junior Researcher, West Kazakhstan branch of the Margulan Institute of Archaeology, Aktobe, Kazakhstan. ORCID:0009-0007-7501-7797 E-mail:yerassyl.149@mail.ru

Авторлар туралы мәліметтер
Мамедов Аслан Мәлікұлы – аға ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының Батыс Қазақстан филиалының директоры, Ақтөбе қ., Қазақстан
Мамиров Қайрат Базарбайұлы – кіші ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының Батыс Қазақстан филиалы, Ақтөбе қ., Қазақстан
Амелин Виктор Алексеевич – кіші ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының Батыс Қазақстан филиалы, Ақтөбе қ., Қазақстан
Жолдыбай Ерасыл Бейсембіұлы – кіші ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының Батыс Қазақстан филиалы, Ақтөбе қ., Қазақстан

Сведения об авторах
Мамедов Аслан Маликович – старший научный сотрудник, директор Западно-Казахстанского филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана, г. Актобе, Казахстан
Мамиров Кайрат Базарбаевич – младший научный сотрудник, Западно-Казахстанский филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана, г. Актобе, Казахстан
Амелин Виктор Алексеевич – младший научный сотрудник, Западно-Казахстанский филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана, г. Актобе, Казахстан
Жолдыбай Ерасыл Бейсембиулы – младший научный сотрудник, Западно-Казахстанский филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана, г. Актобе, Казахстан

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 02.04.2024.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 02.05.2024.
Авторлар жұмысқа бірдей үлес қосты. / Авторы внесли равноценный вклад в работу. / The authors have made an equal contribution to the work.

UDC 902.904 (574)
MRNTI 03.41.91
https://doi.org/10.52967/3007-6528.2024.1.43.54

The Bronze Age monuments of the West Kazakhstan region in the heritage of G.A. Kushaev

© 2024 Mussayeva R., Kazizova A.

Keywords: *archaeology, G.A. Kushaev, the Bronze Age, monuments, research*
Түйін сөздер: *археология, Г.А. Кушаев, қола дәуірі, ескерткіштер, зерттеулер*
Ключевые слова: *археология, Г.А. Кушаев, эпоха бронзы, памятники, исследования*

R. Mussayeva[1] and A. Kazizova[1]
[1]Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan

The second half of the 20th century was a pivotal period in the development of domestic archaeological science. The establishment of the Archaeology Department at the Institute of History, Archaeology, and Ethnography, the conduction of the first comprehensive field studies, the expansion of reconnaissance routes, and the discovery and study of new historical and cultural heritage sites ultimately led to the creation of the Archaeological Map of Kazakhstan and the emergence of regional archaeological schools. One of these schools was the Ural Archaeological School, founded by G.A. Kushaev. From his beginnings as a senior laboratory assistant in the Archaeology Department to becoming a Candidate of Historical Sciences, the researcher gained invaluable experience in scientific work. His name in domestic science is associated with the study of antiquities in Zhetisu and the Zhayik (Ural) region. The archaeological sites he studied from the Early Iron Age in these regions are of great significance to the history of Kazakhstan. However, the goal of this article is to explore G.A. Kushaev's contribution to the development of archaeology of the Bronze Age in the western part of the country. Over 25 years of work in Uralsk, the scholar discovered and partially studied more than 400 sites from various historical periods, including 63 burials and three Bronze Age settlements. Thanks to the combination of his pedagogical and scientific activities, G.A. Kushaev involved not only university students but also schoolchildren in archaeological research. As a war participant, he was eager to study as many monuments as possible in areas designated for construction. He sought to combat the incompetence of authorities, proving the need for the conservation and preservation of archaeological sites for future generations. His struggle to protect the unique Kresty archaeological site will remain an example for future generations of how to love one's country, fight for the preservation of archaeological monuments, and study one's history until the very end of life.
Source of funding: The work was carried out within the framework of the program of fundamental scientific research of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2023–2025, IRN BR20280993.
Citation: Mussayeva, R., Kazizova, A. 2024. Monuments of the Bronze Age of the West Kazakhstan region in the heritage of G.A. Kushaev. *Margulan readings–2024.* In 2 vol. Vol. 1. Pp. 43–54.

Р.С. Мусаева[1], А.С. Казизова[1]
[1]Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан

Г.А. Кушаев мұрасындағы Батыс Қазақстан облысы қола дәуірінің ескерткіштері

XX ғасырдың екінші жартысы отандық археология ғылымының дамуындағы маңызды кезең болып саналады. Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих, археология және этнография институтында археология бөлімінің құрылуы, алғашқы кешенді далалық зерттеулердің жүргізілуі, барлау бағыттарының кеңеюі, тарихи-мәдени мұра ескерткіштерінің ашылуы мен зерттелуі Қазақстанның археологиялық картасының құрылуына, сондай-ақ өңірлік археологиялық мектептердің қалыптасуына әкелді. Соның бірі — Г.А. Кушаев негізін қалаған Орал археологтар мектебі. Археология бөлімінің аға лаборантынан тарих ғылымдарының кандидаты дәрежесіне

дейінгі ғылым жолында зерттеуші баға жетпес тәжірибе жинақтады. Оның есімі отандық ғылымда ежелгі Жетісу мен Жайықты зерттеумен байланысты аталады. Ғалымның аталған өңірлердегі зерттеген ерте темір дәуірінің ескерткіштері Қазақстан тарихы үшін аса маңызды. Алайда бұл мақаланың мақсаты Г.А. Кушаевтың еліміздің батыс өңірінің қола дәуірі археологиясының дамуына қосқан үлесін зерттеу болып табылады. Оралда жұмыс істеген 25 жыл ішінде ғалым түрлі тарихи кезеңдерге жататын 400-ден астам ескерткішті, оның ішінде қола дәуірінің 63 жерлеу ескерткішін және үш қонысын ашып, оларды ішінара зерттеді. Педагогикалық және ғылыми қызметті ұштастыра отырып, Г.А. Кушаев археологиялық зерттеулерге тек студенттерді ғана емес, оқушыларды да тартты. Соғысқа қатысқан адам ретінде ол құрылысқа арналған аймақтарда мүмкіндігінше көп ескерткіштерді зерттегісі келді; болашақ ұрпақ үшін археологиялық нысандарды сақтау қажеттілігін дәлелдей отырып, биліктің қабілетсіздігімен күресуге тырысты. Оның Кресты кешені үшін күресі өскелең ұрпақ үшін өз еліне деген сүйіспеншіліктің, ескерткіштерді сақтау үшін күресудің және өмірінің соңғы сәтіне дейін өз елінің тарихын зерттеудің жарқын үлгісі болып қалады.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2025 жж. арналған іргелі ғылыми зерттеулер бағдарламасы шеңберінде, ЖТН BR20280993 жобасы аясында дайындалды.
Сілтеме: Мусаева Р.С., Казизова А.С. 2024. Г.А. Кушаев мұрасындағы Батыс Қазақстан облысы қола дәуірінің ескерткіштері. *Марғұлан оқулары–2024.* 2 том. 1-т. 43–54-бб. (Ағылшынша).

Р.С. Мусаева[1], А.С. Казизова[1]
[1]Институт археологии имени А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

Памятники эпохи бронзы Западно-Казахстанской области в наследии Г.А. Кушаева

Вторая половина XX в. занимает важное время в развитии отечественной археологической науки. Учреждение отдела археологии в Институте истории, археологии и этнографии, проведение первых комплексных полевых исследований, расширение сети разведочных маршрутов, открытие и изучение новых памятников историко-культурного наследия страны, в итоге привело к созданию Археологической карты Казахстана и зарождению региональных археологических школ. Одной из таковых являлась Уральская школа археологов, основоположником которой стал Г.А. Кушаев. Пройдя путь от старшего лаборанта в Отделе археологии до кандидата исторических наук, исследователь получил бесценный опыт научной работы. В отечественной науке его имя связано с изучением древностей Жетысу и Жайыка. Изученные им памятники эпохи раннего железа обозначенных регионов имеют большое значение для истории Казахстана. Однако целью данной статьи является изучение вклада Г.А. Кушаева в развитие археологии эпохи бронзы запада страны. За 25 лет работы в Уральске, учёный открыл и частично исследовал более 400 памятников различных исторических периодов, в том числе 63 погребения и три поселения эпохи бронзы. Благодаря совмещению педагогической и научной деятельности, Г.А. Кушаев привлекал к археологическим исследованиям не только студентов, но и школьников. Как участнику войны ему хотелось изучить как можно больше памятников в зонах, предназначенных под строительство; он стремился бороться с некомпетентностью властей, доказывая необходимость консервации и сохранения археологических объектов для будущих поколений. Его борьба за уникальный комплекс Кресты останется как пример потомкам, как нужно любить свою страну, бороться за сохранение памятников археологии и до последнего момента жизни изучать собственную историю.
Источник финансирования: Работа выполнена в рамках программы фундаментальных научных исследований Комитета науки МНВО РК на 2023–2025 гг., ИРН BR20280993.
Цитирование: Мусаева Р.С., Казизова А.С. 2024. Памятники эпохи бронзы Западно-Казахстанской области в наследии Г.А. Кушаева. *Маргулановские чтения–2024.* В 2-х т. Т. 1. С. 43–54 (на англ. яз.).

Introduction

The territory of the West Kazakhstan Region is geographically located in the southeastern part of the East European Plain, within the Caspian Depression. It includes small elevations of the Obshchy Syrt and Sub-Ural Plateau, rising along the northern and eastern edges of the territory, as well as the northern part of the Caspian Lowland, which occupies most of the region [Рамазанов 2012: 137]. The first historical and cultural heritage sites in this area were discovered as early as the 18th century [Лукпанова 2011: 69].

However, the greatest contribution to the study of archaeological sites in the West Kazakhstan region was made by the Kazakhstani archaeologist G. A. Kushaev.

On August 22, 1967, G. A. Kushaev resigned from the Institute of History, Archaeology, and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR [НА ИА КН МНВО РК. Д. 67]. This period marks the beginning of the Ural phase of G. A. Kushaev's research and teaching career, which continued until his death in August 1992. During his 25 years as a professor at the Ural Pedagogical Institute named after A. S. Pushkin, G. A. Kushaev not only trained future archaeologists and laid the foundation for the Ural Archaeological School but also discovered and studied new sites that unveiled previously unknown chapters in the ancient history of the region (fig. 1).

The biographical details of G. A. Kushaev, as well as memories of him as a compassionate person, an inspiring teacher, and a wonderful friend, have been published multiple times. Therefore, such aspects will be omitted in this work [Бейсенов и др. 2017: 37–38, 64; Кушаев Гаяз … 2020; Лукпанова 2011: 73–76; Уралбаева 2020].

Despite the immense scientific legacy left by G. A. Kushaev, not all materials have been processed and published. This increases the need for further research into the scholar's heritage.



Fig. 1. G.A. Kushaev – after – SA MIA CS MSHE RK. D. 67
1-сур. Г.А. Кушаев ([ҚР ҒЖБМ АИ ҒА. 67 іс] бойынша)
Рис. 1. Г.А. Кушаев (по: [НА ИА КН МНВО РК. Д. 67])

Materials and methods

Methodology of research

The main sources on the archaeology of the Bronze Age in the West Kazakhstan region are monuments researched between 1968 and 1992 by the Ural Pedagogical Institute named after A.S. Pushkin (UPI), under the leadership of G.A. Kushaev, as well as by joint expeditions of UPI, the Institute of Archaeology of the USSR, and the Ural Regional Museum, led by M.G. Moshkova and B.F. Zhelezchikov. To identify Bronze Age archaeological sites discovered and partially studied by G.A. Kushaev's expedition, archival materials concentrated in the collections of the Scientific Archive of Margulan Institute of Archaeology were examined. In total, 34 field reports were reviewed, among which 13 files containing information on the studied Bronze Age monuments were selected after systematization and analysis. Scholarly works of G.A. Kushaev related to the study of these objects were also analyzed. In assessing the scholar's contribution to addressing the issues of the Bronze Age in Western Kazakhstan, the overall state of archaeological science during that period and the level of development of certain aspects of the region's history were considered.

Description of the material

By the late 1960s, Bronze Age sites in the West Kazakhstan region were known only from the research conducted by P.S. Rykov [Железчиков 2009: 191], M.P. Gryaznov [Грязнов 1927], I.V. Sinitsyn [Синицын 1950; 1951; 1952; 1959]. There were a total of 9 burial sites and one settlement. Materials from the Yamnaya, Catacomb, Srubnaya (timber-grave), and other cultures were recorded in various parts of Western Kazakhstan. However, against the backdrop of numerous discoveries in the Ural, Trans-Ural, Volga-Ural interfluve, and the Caspian lowland of the USSR, our region stood out as a blank spot.

Undoubtedly, the research focus of G.A. Kushaev as a specialist in early Iron Age archaeology contributed to his more active position in studying monuments from this period. However, among the more than 400 archaeological sites in Western Kazakhstan [Лукпанова 2011; Сдыков, Марыксин 2010], he discovered and partially studied 12 burial sites and 3 Bronze Age settlements (fig. 2).

The focus of the scholar's research went beyond just archaeological student practices. To study archaeological sites, he actively participated in economic and contractual projects, within the framework of which emergency and rescue operations were planned. In particular, the expedition led by G.A. Kushaev conducted research on archaeological sites located in areas designated for the construction of the Aydarkhanskaya and Dzhangalinskaya irrigation systems (here in after referred to as IS) [НА ИА КН МНВО РК. Д. 1389], the Iskalikolskaya irrigation system based on Lake Rybny Sakryl and the Mamaevsky dam on the left bank of the Maliy Uzen River (Saryozen) [Кушаев, Кокебаева 1979; НА ИА КН МНВО РК. Д. 1762;

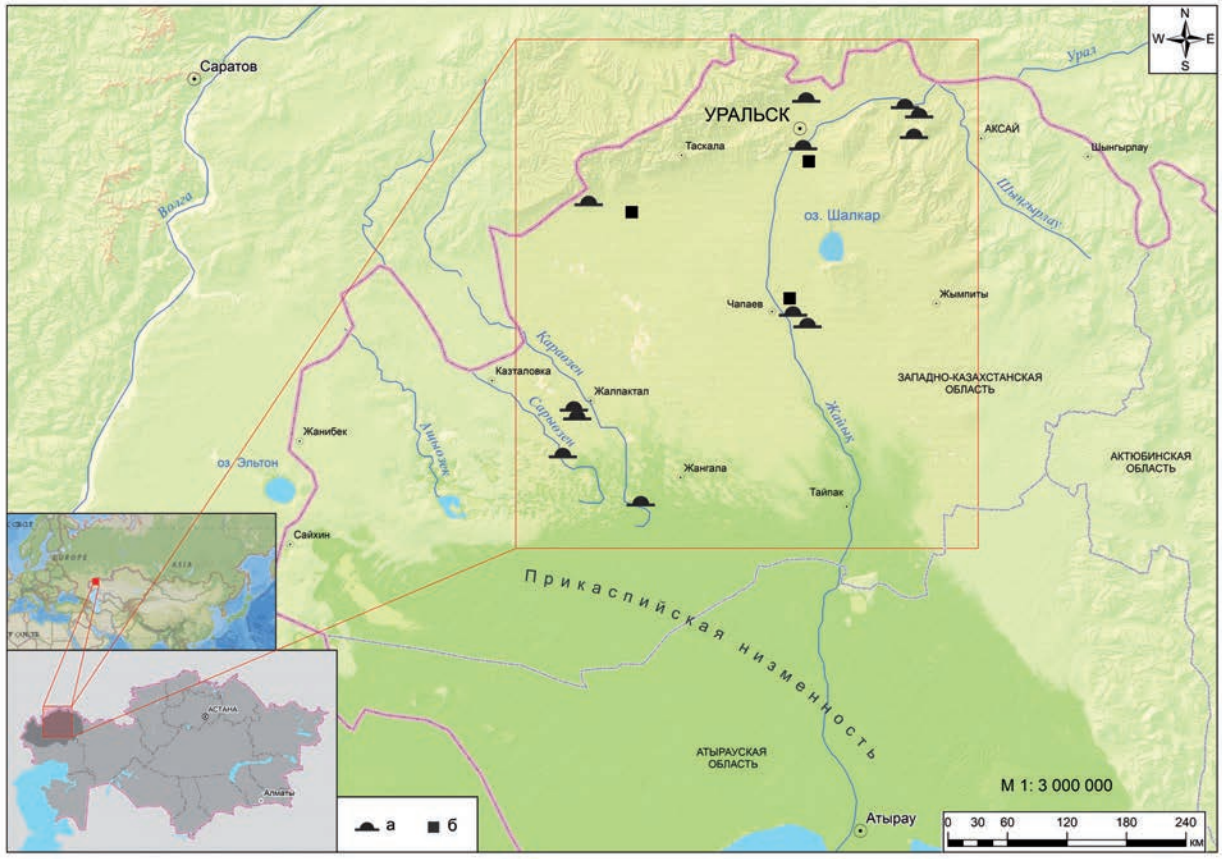


Fig. 2 – A map of the the Bronze Age sites studied by G.A. Kushaev in the West Kazakhstan region. Burial sites: *1* – Alebastrovo I; *2* – Alebastrovo II; *3* – Bubentsy II; *4* – Rybny Sakryl I; *5* – Rybny Sakryl III; *6* – Vodokhranilishe; *7* – Solyanka II; *8* – Mamai; *9* – Fakel; *10* – Kos-Oba; *11* – Kresty; *12* – Konys-Sai. Settlements: *1* – Baurzhan-ayak; *2* – Kresty; *3* – Solyanka. Performer: Aisha Kazizova

2-сур. Г.А. Кушаев зерттеген Батыс Қазақстан облысының қола дәуірі ескерткіштерінің картасы. Жерлеу ескерткіштері: *1* – Алебастрово I; *2* – Алебастрово II; *3* – Бубенцы II; *4* – Рыбный Сакрыл I; *5* – Рыбный Сакрыл III; *6* – Водохранилище; *7* – Солянка II; *8* – Мамай; *9* – Факел; *10* – Қос-Оба; *11* – Кресты; *12* – Қоныс-сай. Қоныстар: *1* – Бауыржан-аяқ; *2* – Кресты; *3* – Солянка. Орындаушы: Айша Казизова

Рис. 2. Карта исследованных Г.А. Кушаевым памятников эпохи бронзы Западно-Казахстанской области. Погребальные памятники: *1* – Алебастрово I; *2* – Алебастрово II; *3* – Бубенцы II; *4* – Рыбный Сакрыл I; *5* – Рыбный Сакрыл III; *6* – Водохранилище; *7* – Солянка II; *8* – Мамай; *9* – Факел; *10* – Кос-Оба; *11* – Кресты; *12* – Коныс-сай. Поселения: *1* – Бауржан-аяк; *2* – Кресты; *3* – Солянка. Исполнитель: Айша Казизова

Д. 1836], The reservoirs from the mouth of the Solyanka River to the Aznabai-Taypak canal's syphon [НА ИА КН МНВО РК. Д. 2017], the irrigation network in the Chizhinsky-Dyurinsky floodplain area [НА ИА КН МНВО РК. Д. 2017; Д. 2149] and the land area on the territory of the Voroshilov Factory [НА ИА КН МНВО РК. Д. 2279]. In addition, he made several attempts to study and preserve the Kresty burial site.

Results

During the collection, systematization, and analysis of the field research results of G.A. Kushaev and his publications, about 70 studied burial sites and three settlements of the Bronze Age in Western Kazakhstan were identified.

The Alebastrovo I burial ground is located in the Terektinsky district, 1.5 km east-southeast of the central farm of the "Dolinsky" state farm (Dolinnoe village, Terektinsky district, West Kazakhstan region), on the elevated part of the second floodplain terrace on the left bank of the Ural River. According to G.A. Kushaev's data, there were 35 burial mounds. [НА ИА КН МНВО РК. Д. 1389: 30]. During the field research, the central burials in mounds No. 1, 5, and 19 were studied; three burials in mound No. 2; two burials in mound No. 12; and five burials in mound No. 21, all dating to the Bronze Age.

The Alebastrovo II burial ground is located 400 meters from the previous site and consists of 37 burial mounds [НА ИА КН МНВО РК. Д. 1389; Д. 1467]. In 1975, three burials were studied in mound No. 1, along with the central burials in mounds No. 6 and 15 [НА ИА КН МНВО РК. Д. 1467: 72–75, 80–81].

The Mamai burial ground is located 7 km south of the village of Kokterek and 12 km north of the village of Zhuldyz (Kaztalovsky district, West Kazakhstan region) [Кушаев, Кокебаева 1979]. The burial site consists of 10 mounds and one square-shaped sacrificial site. Bronze Age burials were studied in burial pit No. 2 of mound No. 1, the lower burial of mound No. 3, and in four burials of mound No. 8 [НА ИА КН МНВО РК. Д. 1675: 17–20, 24, 34–35].

The Kos-Oba burial ground is located 2.5–3 km south of the village of Kokterek (Kaztalovsky district, WKR), 2 km northeast of the village of Mashteksai (Zhangalinsky district, WKR), on a large low plateau, 2 km east of the left bank of the Big Uzen River (Karaozen). Bronze Age burials were studied in two graves of mound No. 2 [НА ИА КН МНВО РК. Д. 1675: 8–10].

The burial sites of Sakryl I and Sakryl II were located at the southeast end of the Rybny Sakryl Lake (Lake Balykty, Kaztalovsky district, WKR). The sites were discovered during a survey in 1971. At that time, the first burial site consisted of 22 mounds, and the second one contained 12 [НА ИА КН МНВО РК. Д. 1836]. During emergency excavations, pit 3 in mound No. 14 of the Sakryl I burial site and a paired burial in mound No. 7 of the Sakryl II burial site, both dating to the Bronze Age, were studied [НА ИА КН МНВО РК. Д. 1836: 6, 23].

The Vodokhranilishche and Solyanka II burial grounds were located in the area of the future reservoir, from the bridge over the Solyanka River to the northeast, up to the duct of the Aznabay-Taypak canal, on both the left and right banks (Akzhaik district, West Kazakhstan region) [НА ИА КН МНВО РК. Д. 2017]. In 1982, the Vodokhranilishche burial site contained 10 mounds, 6 of which were destroyed during the construction of the dam [ИА КН МНВО РК. Д. 2017: 2]. Bronze Age burials were recorded in pits 1 and 6 of mound 3 and in the central burial of mound 4 at the Vodokhranilishche burial site. The Solyanka II burial site consisted of four mounds located on the right bank of the river in the future reservoir area, three of which contained Bronze Age burials [Кушаев 1985]. In addition to the burial sites, material was collected from test pits dug on the territory of the discovered depressions of the eponymous Bronze Age settlement. In particular, numerous fragments of pottery and animal bones were found [НА ИА КН МНВО РК. Д. 2017: 33].

The Bubentsy II burial ground is located along the Kamenka-Podtyazhki highway, on the southern and northern sides (the highway between the villages of Taskala and Mereke in the Taskala district of West Kazakhstan). G.A. Kushaev notes that most of the mounds were plowed over, and a total of 17 mounds

were counted on the northern side of the road [НА ИА КН МНВО РК. Д. 2017]. The burial in pit 2 of mound No. 6 is attributed to the Bronze Age.

In 1986, an expedition from the Ural Pedagogical Institute (UPI), led by G.A. Kushaev, discovered the settlement of Baurzhan-Ayak. The site is located on the Chizha River, 1 km north of the village of Ayak (Taskala district, West Kazakhstan). G.A. Kushaev noted that the settlement is being destroyed by floodwaters. On its territory, 27 stone tools, 49 fragments of tools, 39 large and numerous small animal bones, primarily from horses, were collected. Additionally, 62 fragments of pottery were found [НА ИА КН МНВО РК. Д. 2149: 24–-27].

The Fakel burial ground is located 2.5 km west of the village of Fakel (Zhalyn village, Baiterek district, West Kazakhstan), 4 km north of the village of Makarovo (Makarovo village, Zelenov district, West Kazakhstan), to the left of the road, on a high part of the watershed between the Chagan River to the east and the Krutoy and Solyanka rivers to the west. Out of the 39 mounds identified in 1981, only 18 remained by 1989 [НА НА ИА КН МНВО РК. Д. 2237: 3, 4]. Bronze Age burials were found in mounds No. 4, 5, and 7 [НА ИА КН МНВО РК. Д. 1467: 23–24, 29–30].

The Kresty burial site is located in the Terektinsky district, on the left bank of the Zhaiyk River, in the floodplain of the Barbastau River, 5 km south of the village of Podstepnoye. The site was first discovered in 1969 [НА ИА КН МНВО РК. Д. 2368: 4], the research on this complex, which began in 1987, continued for several years due to its uniqueness and the threat of complete destruction. A total of about 40 burial mounds and several depressions have been recorded. In 1987, five burials were studied in mound No. 3 [НА ИА КН МНВО РК. Д. 2164: 7–15], four burials were studied in mound No. 7 [НА ИА КН МНВО РК. Д. 2164: 18–19, 22] and two in mounds No. 5 and 6 [НА ИА КН МНВО РК. Д. 2164; Д. 2237; Д. 2410]. The following year, two burial pits in mound No. 8, two burials in mound No. 29, and four in mound No. 10 were found to contain Bronze Age burials [НА ИА КН МНВО РК. Д. 2237: 7–8, 13–14]. In 1991, burials were studied in mound No. 10; four burials in mounds No. 5 and 6; and a burial in mound No. 27 [НА ИА КН МНВО РК. Д. 2368: 19–21, 28–29, 32–33, 35]. In addition to the burial sites, the depressions of dwellings at the settlement were partially studied, and surface material was collected [НА ИА КН МНВО РК. Д. 2164: 23].

The Konys-sai burial site is located 1.5 km southeast of the village of Konys-sai (Konys-sai village, Terektinsky district, WKR). Both mounds investigated at the site date to the Bronze Age [НА ИА КН МНВО РК. Д. 2368: 5–6].

Discussion

The conducted excursus demonstrates how G.A. Kushaev's research enriched the history of the region. However, it is not only the number of studied monuments that matters, but also their cultural and chronological range.

Based on the material obtained, the researcher himself draws the following conclusions regarding the periodization of the Bronze Age in the region [Кушаев 1993: 43–44]:

• The earliest sites date back to the Eneolithic period – the ancient Yamnaya culture, dated to the 3rd millennium BCE. The burials were placed in large rectangular pits oriented along the west-east axis, with the deceased lying on their back with their legs bent and turned to the right. The individual is oriented toward the east, and the bones are abundantly covered with ochre. These sites date from the early 2nd millennium BCE to the 12th century BCE.

• Burials of the Catacomb (and Poltavka) cultures. The researcher classifies burials in rectangular pits or under boulders as belonging to this group. For the catacomb burials, the position is on the back with bent legs, while for the Poltavka culture, the body is curled up on the left side. The deceased are oriented to the north, and the bottom of the pits is covered with ochre.

• The final phase of the Bronze Age is marked by monuments of the Srubnaya culture, dating from the second half of the 2nd millennium BCE to the beginning of the 1st millennium BCE.

Considering modern research, it is important to note changes in chronology and an expansion of the main elements of the burial rites, based on new materials [Молодин и др. 2014].

G.A. Kushaev rightly notes that the information obtained demonstrates a complete similarity with materials from the Lower Volga region. By comparing the available data on Bronze Age monuments with similar monuments from nearby areas, it can be asserted that the ancient population of the Steppe Ural Region and Lower Volga shared common roots. Related tribes with shared ancestry inhabited these lands not only in the Bronze Age but also in later periods, carving out ecological niches for themselves and adapting to the climatic conditions. This is supported by the location of monuments from different periods and cultures in certain areas, often near water sources. G.A. Kushaev also highlights this point, noting the uniqueness of the region's burial monuments, where burials from different cultures and periods can be found within the same burial grounds [Кушаев 1993: 41].

G.A. Kushaev notes a decrease in the amount of osteological material in burial monuments from earlier to later periods. In the earlier stages, horse or cattle bones predominated, whereas in the later stages, the bones of small livestock became more common [Кушаев 1993: 42]. According to him, this trend is a prerequisite for the transition to the early Iron Age and nomadic livestock breeding.

This thesis is supported by the research of N.K. Kachalova and L.L. Galkin, who suggested that the tribes of Srubnaya culture led a mobile lifestyle [Качалова 1985: 39; Галкин 1996: 59]. Moreover, the presence of numerous locations with ceramic fragments of various cultural types at sites in the Caspian Lowland and burial sites, which are typically concentrated in the steppe zone, can support this view [Мусаева 2020; 2021].

In addition to the scientific results, G.A. Kushaev, in his reports, expresses hope that the accumulated anthropological materials will contribute to the study of the ethnogenesis of the Kazakhs [НА ИА КН МНВО РК. Д. 2368: 34]. However, in addition to the anthropological collections, the researcher left a vast scientific legacy that requires analysis and publication.

The monograph on the history of the region was published after G.A. Kushaev's death [Кушаев 1993], but his students and followers continue his work. For example, in 2002, 2008, 2010, and 2014, employees of the Center for History and Archaeology of Western Kazakhstan conducted further research on the Kresty and Baurzhan-Ayak settlements, where they discovered and studied burial sites of the timber culture at the Kresty settlement [Берденов и др. 2002; Марыксин, Крыгин 2010: 84; 2013]. In 2004, an article by M.G. Moshkova and G.A. Kushaev was published, dedicated to the studied Sarmatian sites of Western Kazakhstan. In 2023, K.A. Zhambulatov published the results of the analysis of the late Sarmatian burials studied by G.A. Kushaev at the Mamai burial site [Кушаев, Жамбулатов 2023].

In addition to the scientific achievements of the researcher, his legacy is associated with the names of his students and followers, such as B.F. Zhelezchikov, V.A. Krieger, G.K. Kokybaeva, and others. During his time at the Ural-Povolzhye Institute, G.A. Kushaev organized the Ural-Povolzhye Archaeological Student Conference twice (in 1972 and 1977). He also established an archaeological museum and a scientific laboratory at the institute [Сдыков, Марыксин 2010: 254]. Students of G.A. Kushaev, who underwent field practice, participated in student conferences [Кушаев 1993: 17].

Conclusion

Thus, thanks to the research of G.A. Kushaev, individual finds from the Bronze Age were supplemented by new sites with preserved burial rituals from the Yamnaya, Catacomb, and Srubnaya cultures. Unfortunately, due to the destruction of many sites from the intrusion of early Iron Age burials or due to anthropogenic factors, there are relatively few of them. The researcher himself frequently expressed his emotions in his reports about the unique finds that were made or lost in a given year.

Undoubtedly, not all of G.A. Kushaev's report materials were of a strictly scientific nature; at times, he would allow himself to share opinions regarding the actions of officials, express his impressions after field trips, rejoice in new discoveries, or mourn irreplaceable losses. Nevertheless, such materials are all the more interesting to read and analyze.

G.A. Kushaev's research activity demonstrates that many problems in contemporary archaeology are always relevant and have always concerned researchers. Issues such as gaps in history, the search for funding for fieldwork, the study of endangered archaeological sites, and the oversight of the correct interpretation and application of legal norms for the protection of archaeological sites were all challenges G.A. Kushaev faced, and continue to be challenges for many scholars today. Evaluating his contribution to the development of domestic science and the study of the ancient history of Western Kazakhstan, in particular, is quite difficult. He not only raised regional history to a new level and drew the attention of researchers to these sites, but also left a vast legacy, which awaits its time in the scientific archive of the Margulan Institute of Archaeology and in the storage rooms of museums in Uralsk.

ӘДЕБИЕТ

1 *Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А.* Путь к изучению древностей центра страны: история создания первой археологической экспедиции Казахской академии наук // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Сб. науч. ст., посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. В 2-х т. Т. 1. / Отв. ред. А.З. Бейсенов, В.Г. Ломан, Алматы: ИА КН МОН РК; НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. С. 9–64.

2 *Берденов С.А., Дрожевский Н., Марыксин Д., Тулегенова Н.И.* Первые результаты работ 2002 г. на поселении Бауржан-Аяк // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана / Отв. ред. М.Д. Сдыков. Уральск: Западно-Казахстанский областной центр истории и археологии, 2002. Вып. 1. С. 43–47.

3 *Галкин Л.Л.* О роли экологических факторов в истории населения Волго-Уральского междуречья в эпоху бронзы // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып. 1 / Отв. ред. В.В. Ткачев. Самара: Актюбинская обл. госинспекция по охране историко-культурного наследия; «Диалог», 1996. С. 56–82.

4 *Грязнов М.П.* Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане // Казаки: материалы Особого комитета по исследованию союзных и автономных республик. Вып. 11. Серия Казактанская. Л.: АН СССР, 1927. С. 172–221.

5 *Железчиков Б.Ф.* Материалы из раскопок П.С. Рыкова в 1927 году на территории Уральской области // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана / Отв. ред. М.Д. Сдыков. Вып. 2. Уральск: Западно-Казахстанский областной центр истории и археологии, 2009. С. 191–198.

6 *Качалова Н.К.* Периодизация срубных памятников Нижнего Поволжья // Срубная культурно-историческая общность (проблемы формирования и периодизации) / Отв. ред. С.Г. Басин. Куйбышев: Куйбышевский гос. пед. ин-т, 1985. С. 28–59.

7 *Кушаев Г.А.* Работы Акжаикского отряда //АО 1983 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1985. С. 511.

8 *Кушаев Г.А.* Этюды древней истории Степного Приуралья. Уральск: Диалог, 1993. 172 с.

9 Кушаев Гаяз Абдувалиевич: биобиблиографический указатель. Уральск: РИЦ ЗКГУ им. М. Утемисова, 2020. 38 с.

10 *Кушаев Г.А., Жамбулатов К.А.* Позднесарматские погребения могильника Мамай (Западный Казахстан) // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2023. № 3 (21). С. 95–109.

11 *Кушаев Г.А., Кокебаева Г.К*. Работы Мамаевского отряда // АО–1978 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1979. С. 536.

12 *Лукпанова Я.А.* Археологическое изучение Западно-Казахстанской области // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: м-лы междунар. науч. конф., посвящ. 20-летию Независимости РК и 20-летию ИА КН МОН РК (г. Алматы, 12–15 декабря 2011 г.). В 3-х т. Т. 1. / Гл. ред. Б.А. Байтанаев, отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: ИА КН МОН РК, 2011. С. 69–82.

13 *Марыксин Д.В., Крыгин А.П. Новое* погребение срубной культуры в Западном Казахстане // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия: м-лы III Междунар. Нижневолжской археол. конф. (г. Астрахань, 18–21 октября 2010 г.) / Сост. и отв. ред. Д.В. Васильев. Астрахань: Астраханский гос. ун-т, Издательский дом «Астраханский университет», 2010. С. 83-86.

14 *Марыксин Д.В., Крыгин А.П.* Новые исследования на памятнике бронзового века «Кресты» // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана / Отв. ред. М.Д. Сдыков. Вып. 4. Уральск: Западно-Казахстанский областной центр истории и археологии, 2013. С. 93–104.

15 *Молодин В.И., Епимахов А.В, Марченко Ж.В.* Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. Сер.: история. Филология. 2014. Т. 13. Вып. 3: Археология и этнография. С. 136–-167.

16 *Мошкова М.Г., Кушаев Г.А.* Сарматские памятники Западного Казахстана // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 3 / Отв. ред. М.Д. Сдыков. Уральск: Западно-Казахстанский областной центр истории и археологии, 2004. С. 202–212.

17 *Мусаева Р.С.* Предварительные данные о погребальных памятниках срубной культуры Западного Казахстана. // Маргулановские чтения–2020. В 2-х т. Т. 2. / Гл. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: ИА КН МОН РК, 2020. С. 122–129.

18 *Мусаева Р.С.* Поселения срубной культуры Западного Казахстана: история изучения и краткие выводы // Маргулановские чтения–2021. В 3-х т. Т. 1. / Гл. ред. А. Оңғар; отв. ред.: Б.А. Байтанаев, Т.Б. Мамиров. Алматы: ИА КН МОН РК, 2021. С. 145–153.

19 НА ИА КН МНВО РК. Д. 67: Кушаев Г.А. Личное дело.

20 НА ИА КН МНВО РК. Д. 1389: *Кушаев Г.А., Железчиков Б.Ф.* Отчет об археологических исследованиях в Уральской области в 1974 г.

21 НА ИА КН МНВО РК. Д. 1467: *Кушаев Г.А., Железчиков Б.Ф.* Отчет об итогах археологических раскопок Уральского пединститута в 1975 г.

22 НА ИА КН МНВО РК. Д. 1675: *Кушаев Г.А., Кокебаева Г.К.* Научный отчет об итогах археологических раскопках в Уральской области в 1978 г.

23 НА ИА КН МНВО РК. Д. 1762: *Кушаев Г.А., Кокебаева Г.К.* Научный отчет об итогах археологических раскопках в Уральской области в 1979 г.

24 НА ИА КН МНВО РК. Д. 1836: *Кушаев Г.А., Кокебаева Г.К.* Научный отчет об итогах археологических раскопках в Уральской области в 1980 г.

25 НА ИА КН МНВО РК. Д. 2017: *Кушаев Г.А.* Об итогах проведения охранных археологических исследований в зоне водохранилища на р. Солянка в Уральской области в 1983 г.

26 НА ИА КН МНВО РК. Д. 2149: *Кушаев Г.А.* Отчет об итогах полевых исследований в северной части Чижинско-Дюринских разливов в 1986 г.

27 НА ИА КН МНВО РК. Д. 2164: *Кушаев Г.А.* Об археологических исследованиях Уральского пединститута в 1987 г.

28 НА ИА КН МНВО РК. Д. 2237: *Кушаев Г.А.* Отчет о научно-исследовательской работе по раскопкам памятника материальной культуры Казахстана (могильника и поселения Кресты) в 1988 г.

29 НА ИА КН МНВО РК. Д. 2279: *Кушаев Г.А.* Научный отчет об итогах археологических исследований в долине р. Чаган в 1989 году (подхоз завода им. Ворошилова).

30 НА ИА КН МНВО РК. Д. 2368: *Кушаев Г.А.* Отчет о результатах раскопок памятников могильника «Кресты» (могильник и поселение).

31 НА ИА КН МНВО РК. Д. 2410: *Кушаев Г.А.* Отчет о результатах раскопок памятников могильника и поселения «Кресты» и могильника «Турбаза». 1992 г.

32 *Рамазанов С.К.* Физико-географическое районирование Западно-Казахстанской области // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 1 / Отв. ред. М.Д. Сдыков. Уральск: Западно-Казахстанский областной центр истории и археологии, 2012. С. 131–137.

33 *Сдыков М.Н., Марыксин Д.В.* Кушаев Гаяз Абдулвалиевич (к 85-летию) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 1 / Отв. ред. М.Д. Сдыков. Уральск: Западно-Казахстанский областной центр истории и археологии, 2010. С. 253–257.

34 *Синицын И.В.* Археологические исследования в Нижнем Поволжье и Западном Казахстане // КСИИМК. 1951. Вып. 37. С. 97–105.

35 *Синицын И.В.* Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане // КСИИМК. 1952. Вып. 45. С. 62–73.

36 *Синицын И.В.* Археологические исследования Заволжского отряда // МИА. № 60. Древности Нижнего Поволжья (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции) / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: АН СССР, 1959. Т. 1. С. 39–205.

37 *Синицын И.В.* Археологические памятники по реке Малый Узень // КСИИМК. 1950. Вып. 32. С. 101–112.
38 *Уралбаева Ж.* Г.А. Кушаев және Қазақстан археологиясы (Г.А. Кушаевтың 95 жылдығына арналған) // Edu.e-history.kz. 2020. № 2 (22). С. 515–523. URL: https://edu.e-history.kz/index.php/history/article/download/431/732 (дата обращения: 28.01.2024).

REFERENCES

1 Beisenov, A. Z., Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A. 2017. In: Beisenov, A. Z., Loman V. G. (eds.) *Arheologicheskoe nasledie Tsentralnogo Kazahstana: izuchenie i sohranenie (The archaeological heritage of Central Kazakhstan: study and preservation*). In 2 vol. Vol. 1. Almaty: Margulan Institute of Archaeology; Scientific Research Center for History and Archeology "Begazy-Tasmola", 9–64 (in Russian).
2 Berdenov, S. A., Drozhevskiy, N., Maryksin, D., Tulegenova, N. I. 2002. In: Sdykov, M. D. (ed.). *Voprosy istorii i arheologii Zapadnogo Kazahstana (Issues of history and archeology of Western Kazakhstan*), 1. Uralsk: West Kazakhstan Regional Center of History and Archeology, 43–47 (in Russian).
3 Galkin, L. L. 1996. In: Tkachev, V.V. (ed.) *Voprosy istorii i arheologii Zapadnogo Kazahstana (Issues of history and archeology of Western Kazakhstan*). Issue 1. Samara: Aktobe region State Inspectorate for the Protection of Historical and Cultural Heritage; "Dialogue" Publ., 56–82 (in Russian).
4 Gryaznov, M.P. 1927. In: *Kazaki. Antropologicheskie ocherki (Kazaks. Anthropological Essays).* Issue. 11. Kazakstan series. Leningrad: USSR Academy of Sciences. 179–221 (in Russian).
5 Zhelezchikov, B. F. 2009. In: Sdykov, M. D. (ed.). *Voprosy istorii i arheologii Zapadnogo Kazahstana (Issues of history and archeology of Western Kazakhstan*), 2. Uralsk: West Kazakhstan Regional Center of History and Archeology, 191–198 (in Russian).
6 Kachalova, N. K. 1985. In: Basin, S. G. (ed.). *Srubnaya kulturno-istoricheskaya obshchnost' (problemy formirovaniya i periodizatsii)* (*Timber grave cultural and historical community (problems of formation and periodization*)). Kuibyshev: Kuibyshev State Pedagogical Institute, 28–59 (in Russian).
7 Kushayev, G. A. 1983. In: Rybakov, B.A. (ed.). *Arheologicheskie otkrytiya 1983 goda* (*Archaeological discoveries in 1983*), Moscow: "Nauka", 511 (in Russian).
8 Kushayev, G. A. 1993. *Etyudy drevney istorii Stepnogo Priural'ya (Sketches of the ancient history of the Steppe Urals).* Uralsk: "Dialogue" Publ. (in Russian).
9 Kushayev Gayaz Abdulvaliyevich. 2020. *Biobibliograficheskiy ukazatel (bio-bibliographic index).* Uralsk: Editorial and Publishing Center of the M. Utemisov West Kazakhstan State University (in Russian).
10 Kushayev, G. A., Zhambulatov, K. A. 2023. In: *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 3 (21), 95–109 (in Russian).
11 Kushayev, G. A., Kokebayeva, G. K. 1979. In: Rybakov, B. A. (ed.). *Arheologicheskie otkrytiya 1978 goda* (*Archaeological discoveries in 1978*). Moscow: "Nauka" Publ., 536 (in Russian).
12 Lukpanova, Y. A.. 2011. In: Baitanayev, B. A., Beisenov, A. Z. (eds.). *Arheologiya Kazahstana v epohu nezavisimosti: itogi, perspektivy (Archaeology of Kazakhstan in the era of independence: results, prospects).* In 3 vol. Vol. 1. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 69–82 (in Russian).
13 Maryksin, D. V., Krygin, A. P. 2010. In: Vasiliyev, D. V. (ed.). *Arheologiya Nizhnego Povolzh'ya: problemy, poiski, otkrytiya (Archaeology of the Lower Volga Region: problems, searches, discoveries*). Astrakhan: Astrakhan State University, "Astrakhan University" Publ., 83–86 (in Russian).
14 Maryksin, D. V., Krygin, A. P. 2013. In: Sdykov, M. D. (ed.). *Voprosy istorii i arheologii Zapadnogo Kazahstana (Issues of history and archaeology of Western Kazakhstan*). Vol. 4. Uralsk: West Kazakhstan Regional Center of History and Archeology, 93–104 (in Russian).
15 Molodin, V. I., Epimakhov, A. V., Marchenko, Zh. V. 2014. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universitetayu. Seriya: istoriya. Filologiya. (Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: history. Philology).* Vol. 13. Issue 3: Archaeology and ethnography, 136–167 (in Russian).
16 Moshkova, M. G., Kushayev, G. A. 2004. In: Sdykov, M. D. (ed.). *Voprosy istorii i arheologii Zapadnogo Kazahstana (Issues of history and archeology of Western Kazakhstan*). Vol. 3. Uralsk: West Kazakhstan Regional Center of History and Archeology, 203–212 (in Russian).
17 Mussayeva, R. S. 2020. In: Baitanayev, B. A. (ed.). *Margulanovskie chteniya–2020 (Margulan Readings–2020).* In 2 vol. Vol. 2. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 122–129 (in Russian).
18 Mussayeva, R. S. 2021. In: Onggar, A. et al. (ed.). *Margulanovskie chteniya–2021 (Margulan Readings–2021).* In 3 vol. Vol. 1. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 145–153 (in Russian).

19 SA MIA CS MSHE RK. D. 67: Kushayev, G. A. *Lichnoe delo (Personal file)* (in Russian).
20 SA MIA CS MSHE RK. D. 1389: Kushayev, G. A., Zhelezchikov, B. F. *Otchet ob arheologicheskih issledovaniyah v Ural'skoj oblasti v 1974 g (Report on archaeological research in the Ural region in 1974)*. 1974 (in Russian).
21 SA MIA CS MSHE RK. D. 1467: Kushayev, G. A., Zhelezchikov, B. F. *Otchet ob itogah arheologicheskih raskopok Ural'skogo pedinstituta v 1975 g (Report on the results of archaeological excavations of the Ural Pedagogical Institute in 1975).* 1975 (in Russian).
22 SA MIA CS MSHE RK. D. 1675: Kushayev, G. A., Kokebayeva, G. K. *Nauchnyj otchet ob itogah arheologicheskih raskopkah v Ural'skoj oblasti v 1978 g. (Scientific report on the results of archaeological excavations in the Ural region in 1978)*. 1978 (in Russian).
23 SA MIA CS MSHE RK. D. 1762: Kushayev, G. A., Kokebayeva, G. K. *Nauchnyj otchet ob itogah arheologicheskih raskopkah v Ural'skoj oblasti v 1979 g. (Scientific report on the results of archaeological excavations in the Ural region in 1979).* 1979 (in Russian).
24 SA MIA CS MSHE RK. D. 1836: Kushayev, G. A., Kokebayeva, G. K. *Nauchnyj otchet ob itogah arheologicheskih raskopkah v Uralskoy oblasti v 1980 g. (Scientific report on the results of archaeological excavations in the Ural region in 1980)* (in Russian).
25 SA MIA CS MSHE RK. D. 2017: Kushayev, G. A. *Ob itogah provedeniya ohrannyh arheologicheskih issledovanij v zone vodohranilishcha na r. Solyanka v Ural'skoj oblasti v 1983 g. (On the results of archaeological conservation research in the reservoir area on the Solyanka river in the Ural region in 1983).* 1983 (in Russian).
26 SA MIA CS MSHE RK. D. 2149: Kushayev, G. A. *Otchet ob itogah polevyh issledovanij v severnoj chasti CHizhinsko-Dyurinskih razlivov v 1986 g. (Report on the results of field research in the northern part of the Chizhinsky-Durinsky floods in 1986).* 1986 (in Russian).
27 SA MIA CS MSHE RK. D. 2164: Kushayev, G. A. *Ob arheologicheskih issledovaniyah Uralskogo pedinstituta v 1987 g. (On archaeological research of the Ural Pedagogical Institute in 1987)*. 1987 (in Russian).
28 SA MIA CS MSHE RK. D. 2237: Kushayev, G. A. *Otchet o nauchno-issledovatelskoy rabote po raskopkam pamyatnika materialnoy kultury Kazahstana (mogilnika i poseleniya Kresty) v 1988 g. (Report on research work on the excavation of the monument of material culture of Kazakhstan (burial ground and settlement of Kressty) in 1988*) (in Russian).
29 SA MIA CS MSHE RK. D. 2279 Kushayev, G. A. *Nauchnyj otchet ob itogah arheologicheskih issledovanij v doline r. Chagan v 1989 godu (podhoz zavoda im. Voroshilova) (Scientific report on the results of archaeological research in the valley of the Chagan river in 1989 (farm of the plant named after Voroshilov)* (in Russian).
30 SA MIA CS MSHE RK. D. 2368 Kushayev, G. A. *Otchet o rezul'tatah raskopok pamyatnikov mogil'nika «Kresty» (mogil'nik i poselenie) (A report on the results of excavations of the monuments of the Kressty burial ground (burial ground and settlement*)) (in Russian).
31 SA MIA CS MSHE RK. D. 2410: Kushayev, G. A. *Otchet o rezul'tatah raskopok pamyatnikov mogil'nika i poseleniya «Kresty» i mogil'nika «Turbaza» (A report on the results of excavations of the monuments of the burial ground and the settlement "Kresty" and the burial ground "Campaza"*) (in Russian).
32 Ramazanov, S. K. 2012. In: Sdykov, M. D. (ed.). *Voprosy istorii i arheologii Zapadnogo Kazahstana (Issues of history and archaeology of Western Kazakhstan*), 1. Uralsk: West Kazakhstan Regional Center of History and Archeology, 131–137 (in Russian).
33 Sdykov, M. D., Maryksin, D. V. 2010. In: Sdykov, M. D. (ed.). *Voprosy istorii i arheologii Zapadnogo Kazahstana (Issues of history and archeology of Western Kazakhstan*), 1. Uralsk: West Kazakhstan Regional Center of History and Archeology, 253–257 (in Russian).
34 Sinitsyn, I. V. 1950. In: *KSIIMK (Brief Communications of the Institute for* the *History* of *Material Culture),* 32, 101–112 (in Russian).
35 Sinitsyn, I. V. 1951. In: *KSIIMK (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture),* 37, 97–105 (in Russian).
36 Sinitsyn, I. V. 1952. In: *KSIIMK (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture),* 45, 62–73 (in Russian).
37 Sinitsyn, I. V. 1959. In: Krupnov, Ye., I. (ed.). *Materialy i issledovaniya po arheologii (Materials and research on archaeology).* Vol. 1 Moscow: USSR Academy of Sciences, 39–205 (in Russian).
38 Uralbayeva, Zh. 2020. In: *Edu.e-history.kz*, 2 (22), 515–523 URL: https://edu.e-history.kz/index.php/history/article/download/431/732 (accessed 28.01.2024) (in Russian).

About the Authors

Mussayeva Raikhan – Research assistant, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. ORCID: 0000-0001-6615-9223. E-mail: argin_rr@mail.ru

Kazizova Aisha – Cartographer, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. ORCID: 0000-0002-5181-5416 E-mail: aisha_ubaeva@mail.ru

Авторлар туралы мәліметтер

Мусаева Райхан Сериковна – ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан

Казизова Айша Сибатовна – картограф, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан

Сведения об авторах

Мусаева Райхан Сериковна – научный сотрудник, Институт археологии имени А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

Казизова Айша Сибатовна – картограф, Институт археологии имени А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 10.04.2024.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 10.05.2024.
Авторлар жұмысқа бірдей үлес қосты. / Авторы внесли равноценный вклад в работу. / The authors have made an equal contribution to the work.

Тас және палеометалл дәуірі

The Stone Age and Paleometal

Эпоха камня и палеометалла

УДК 902/904 (632/634) (574.11)
МРНТИ 03.41.91

https://doi.org/10.52967/3007-6528.2024.1.55.66

Палеолитический памятник Батпак 17 в Центральном Казахстане

© 2024 г. Волошин В.С.

Keywords: *site, Pleistocene, Palaeolithic, artifact, tool, core, point*
Түйін сөздер: *ескерткіш, плейстоцен, палеолит, артефакт, құрал, нуклеус, сүйір ұштық*
Ключевые слова: *памятник, плейстоцен, палеолит, артефакт, орудие, нуклеус, остроконечник*

V. Voloshin[1]
[1]*Margulan Institute of Archaeology, Astana, Kazakhstan*

The Palaeolithic site Batpak 17 in Central Kazakhstan

The article introduces into scientific circulation materials on a new Palaeolithic site in Central Kazakhstan – Batpak 17, which represents an open location of stone artifacts lying on the surface of a slope, associated with the bank of the Upper Pleistocene channel of the Batpak River. The Middle Palaeolithic group of items (series 3) is described in detail; based on the features of aeolian corrosion on the surfaces of the artifacts, this is the oldest group at the site. Among the tools, various knives, scrapers, tools with projections, and pointed implements predominate. Among the latter, insert forms of tools stand out, representing the hunting weapons of ancient humans. It is noted that the Middle Palaeolithic stone industry is close to the variant of typical Mousterian with local features, including the presence of bifacial tools and the widespread practice of splitting blanks in tool shaping.
Source of funding: The work was carried out within the framework of the program of fundamental scientific research of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2023–2025, IRN BR20280993.
Citation: Voloshin, V. 2024. The Palaeolithic site Batpak 17 in Central Kazakhstan. *Margulan readings–2024.* In 2 vol. Vol. 1. Pp. 55–66 (in Russian).

В.С. Волошин[1]
[1]*Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Астана қ., Қазақстан*

Орталық Қазақстандағы Батпақ 17 палеолит ескерткіші

Мақалада Орталық Қазақстанның Батпақ 17 жаңа палеолит ескерткіші бойынша материалдар ғылыми айналымға енгізілмек, бұл ескерткіш Батпақ өзенінің жоғарғы плейстоцен жағалауына тән беткейдің беткі қабатында жатқан тас артефактілердің ашық орны болып табылады. Артефактілердің беткі қабатының эолдық коррозия белгілеріне қарай құралдар арасында әртүрлі пышақтар, қырғыштар, шығыңқы жері және сүйір ұшы бар құралдар көп кездескен, ескерткіштердің ішіндегі ең көне болып табылатын бұйымдардың орта палеолит тобы (3-серия) жан-жақты сипатталды; соңғы аталған құралдардың арасында ежелгі адамның аңшылық қаруы болған құрамалы құрал түрі ерекше көзге түседі. Орта палеолиттің тас индустриясы жергілікті ерекшеліктері бар типтік мустье нұсқасына ұқсас екені анықталды, бұл екі жақты құралдардың болуынан және құралдар жасауға арналған дайындамаларды арнайы бөлшектеу тәжірибесінің кең таралуынан байқалды.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2025 жж. арналған іргелі ғылыми зерттеулер бағдарламасы шеңберінде, ЖТН BR20280993 жобасы аясында дайындалды.
Сілтеме: Волошин В.С. 2024. Орталық Қазақстандағы Батпақ 17 палеолит ескерткіші. *Марғұлан оқулары–2024.* 2 том. 1-т. 55–66-бб. (Орысша).

В.С. Волошин[1]
[1]*Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г. Астана, Казахстан*

Палеолитический памятник Батпак 17 в Центральном Казахстане

Статья вводит в научный оборот материалы по новому палеолитическому памятнику Центрального Казахстана – Батпак 17, который представляет собой открытое местонахождение каменных артефактов, залегающих на поверхности склона, приуроченное к берегу верхнеплейстоценового русла р. Батпак. Подробно описана среднепалеолитическая группа изделий (серия 3), по признакам эоловой корразии поверхностей артефактов – древнейшая на памятнике, среди орудий которой преобладают различные ножи, скрёбла, орудия с выступами и остроконечники; среди последних выделяются вкладышевые формы изделий, представляющие собой охотничье вооружение древнего человека. Отмечается, что каменная индустрия среднего палеолита близка к варианту типичного мустье с локальными особенностями – присутствием двухсторонних орудий и широко развитой при оформлении орудий практикой рассечения заготовок.
Источник финансирования: Работа выполнена в рамках программы фундаментальных научных исследований Комитета науки МНВО РК на 2023–2025 гг., ИРН BR20280993.
Цитирование: Волошин В.С. 2024. Палеолитический памятник Батпак 17 в Центральном Казахстане. *Маргулановские чтения–2024.* В 2-х т. Т. 1. С. 55–66.

Введение

К числу новых памятников палеолита, выявленных в ходе исследований Целиноградской археологической экспедиции в 1987–1991 гг. в окрестностях с. Батпак (Осакаровский р-н, Карагандинская обл.), относится и памятник Батпак 17. Он расположен на северо-западном краю сложенной древними породами протерозоя возвышенности Актасты [Сваричевская 1958], на правом берегу р. Батпак, немногим севернее памятника Батпак 7, исследованного в 1966–1968 гг. М.Н. Клапчуком [Клапчук 1967], и рядом с другим палеолитическим памятником – Батпак 18 [Волошин 2013]. Последний находится на месте небольшого правобережного овражного отвержка (овраг «А»), разрабатывавшегося в те годы южнее от него земляного карьера – он является стратифицированным пунктом. Памятник же Батпак 17 лежит к северу от оврага «А» – приурочен к склоновой поверхности, преимущественно к средней части склона от каменистой (кварцевой) сопки с восточной стороны и краем русла речки с западной стороны (рис. 1, *А*). Памятник принадлежит к типу открытых местонахождений с залеганием каменного археологического инвентаря на эродированных участках поверхности.

Палеогеографические условия памятника

Геолого-стратиграфические исследования на памятнике Батпак 18, проведённые в 1988–1991 годах, показали, что береговая часть сложно-построенного верхнеплейстоценового русла Батпака находилась вблизи (не более 10–20 м к северу) устья оврага «А». Отсюда она тянулась на северо-запад – вдоль современного русла речки с одной стороны, а с другой стороны, на восток – вдоль южного фланга каменистой сопки и, возможно, далее русло огибало эту сопку с юго-восточной стороны и устремлялось прямо на север, имея доминирующую сопку «Мизар» с западной стороны. Таким образом, на этом участке долины Батпака древнее русло как бы раздваивалось, формируя посередине широкий выступ, к стрелке которого и приурочено местонахождение Батпак 17

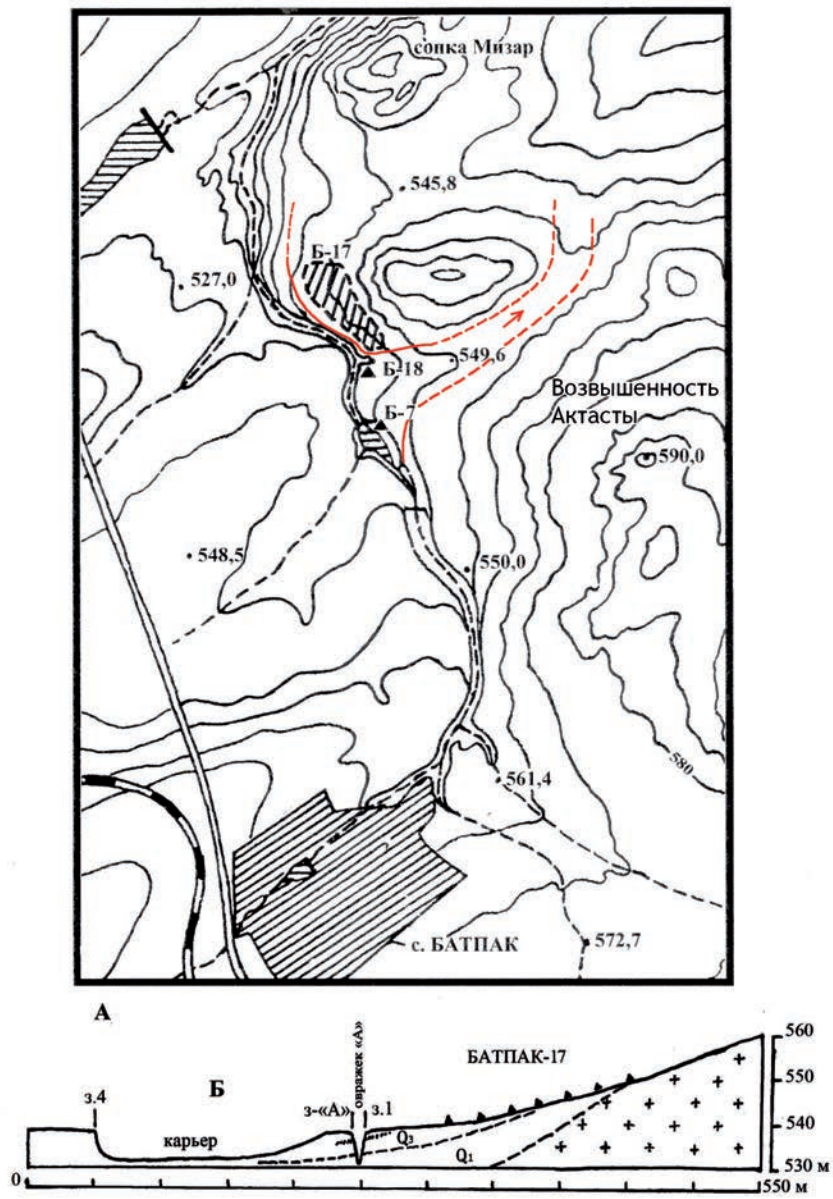


Рис. 1. Местонахождение палеолита Батпак 17: А – топографический план; Б – геоморфологический профиль
1-сур. Батпақ 17 палеолитінің орналасқан жері: А – топографиялық жоспар; Б – геоморфологиялық профиль
Fig. 1. Location of the Batpak 17 Palaeolithic: A – topographic plan; B – geomorphology profile

(рис. 1, *А*). Выступ рядом с каменистой сопкой сложен в нижней части суглинками нижнего плейстоцена, выделенными ранее в свиту Верхняя Актасты [Волошин 1995] в пределах формации «покровных суглинков» северной части Центрального Казахстана [Малиновский 1967], и в верхней части – аллювиальными и делювиальными отложениями верхнего плейстоцена с Батпакским педокомплексом, плавно сокращающимися в мощности выше по склону (рис. 1, *Б*). Те немногие каменные артефакты, которые ранее удалось получить в зачистках в Батпаке 18 (обычно в верхах или на поверхности педокомплекса), нужно рассматривать как переотложенный материал с памятника

Батпак 17 – некогда, вероятно, довольно значительной стоянки палеолитического человека, располагавшейся гипсометрически выше в основании каменистой сопки и в средней части склона на древнем грунте нижнего плейстоцена. По всей видимости, в верхнем плейстоцене – во время активного функционирования русла Батпака, это было одно из немногих наиболее удобных мест проживания человека. Неслучайно здесь были обнаружены артефакты разных эпох вплоть до голоцена, и именно сюда доставлялся в качестве сырья каменный материал с сопки «Мизар», и именно здесь были найдены заглаженные изделия из приносного кремня. Этапы обитания здесь палеолитического человека, вероятно, чередовались с периодами запустений и рассеивания археологического материала вниз по склону (в т.ч. на поверхность Батпакского педокомплекса).

Описание инвентаря

Сборы инвентаря, проведённые автором в 1987–1991 и в 1997 г., позволили получить коллекцию из 537 каменных артефактов, при этом каких-то особенных скоплений инвентаря на площади памятника обнаружено не было – артефакты рассеяны по площади более или менее равномерно и в нижней части склона становятся очень редкими (очевидно, здесь они погребены в толщу делювиальных суглинков верхнего плейстоцена). Артефакты изготовлены в основном из серого и тёмно-серого кремнистого алевролита девона (504 экз.) – местной породы, обнажение которой находится на соседней сопке «Мизар», а также из приносных пород: красного кремнистого алевролита, ближайшие выходы которого имеются в верховьях р. Ишим на месте памятника Вишнёвка 6 (12 экз.), зеленоватого кремня (10 экз.) и кремня разных цветов (11 экз.), происхождение которых не известно. Состояние сохранности поверхностей артефактов значительно варьирует – от сильно заглаженных-оглянцованных до совершенно «свежих». Случаи суперпозиции фасов на целом ряде артефактов позволяют выделять здесь как минимум три хронологические серии: «свежие» артефакты (серия 1), очевидно, относятся к голоцену; артефакты с лёгкой и средней степенью эоловой корразии (серия 2) – ко времени верхнего палеолита (артефакты данной серии обнаружены и в Батпаке 18, в т. ч. в верхах Батпакского педокомплекса); артефакты сильно коррадированные, заглаженные и оглянцованные (серия 3) – ко времени среднего палеолита (нельзя полностью исключать присутствие здесь и образцов изделий раннего палеолита).

Здесь нас интересует исключительно древняя серия, представленная в коллекции лучше всего, в том числе артефактами из приносных пород (33 экз.). Всего для изучения отобрано 294 предмета. Среди них представлены следующие категории артефактов.

Нуклеусы – 14 экз. Здесь имеются дисковидные (радиальные) нуклеусы (6 экз.), одно- и двухплощадочные плоскостные (4 экз.), черепаховидные (2 экз.) и торцовые (2 экз.) нуклеусы. Среди дисковидных нуклеусов наиболее выразительное изделие имеет плоский фронт с двумя встречными негативами отщепов и почти полностью круговую приготовленную фасами ударную площадку (рис. 2, *1*); обе поверхности изделия сильно выветрены – имеют шероховатую фактуру поверх глянца и следы ожелезнения. Аналогичные нуклеусы известны в древнейшей серии Вишнёвка 3, отнесённой ранее к верхнему ашелю [Волошин 1984]. Ещё один дисковидный нуклеус также имеет плоский фронт и частично приготовленную ударную площадку (рис. 2, *4*), однако фасы на нём, хотя и заглаженные, не так критически выветрены, как в первом случае. По этому признаку ему близко другое изделие – небольшой и плоский односторонний дисковидный нуклеус с круговой приготовленной ударной площадкой, представленный фрагментом (рис. 2, *9*). В эту же группу хорошо ложится ещё один небольшой односторонний дисковидный нуклеус с тщательно фасетированной дугообразной ударной площадкой (рис. 2,*5*) – он выполнен из зеленоватого кремня и сходно заглажен. В коллекции имеется два фрагмента односторонних дисковидных нуклеусов, один из которых, как и первое изделие, также предельно коррадирован. Среди площадочных плоскостных нуклеусов особенно выделяется один одноплощадочный продольный с фасетированной ударной

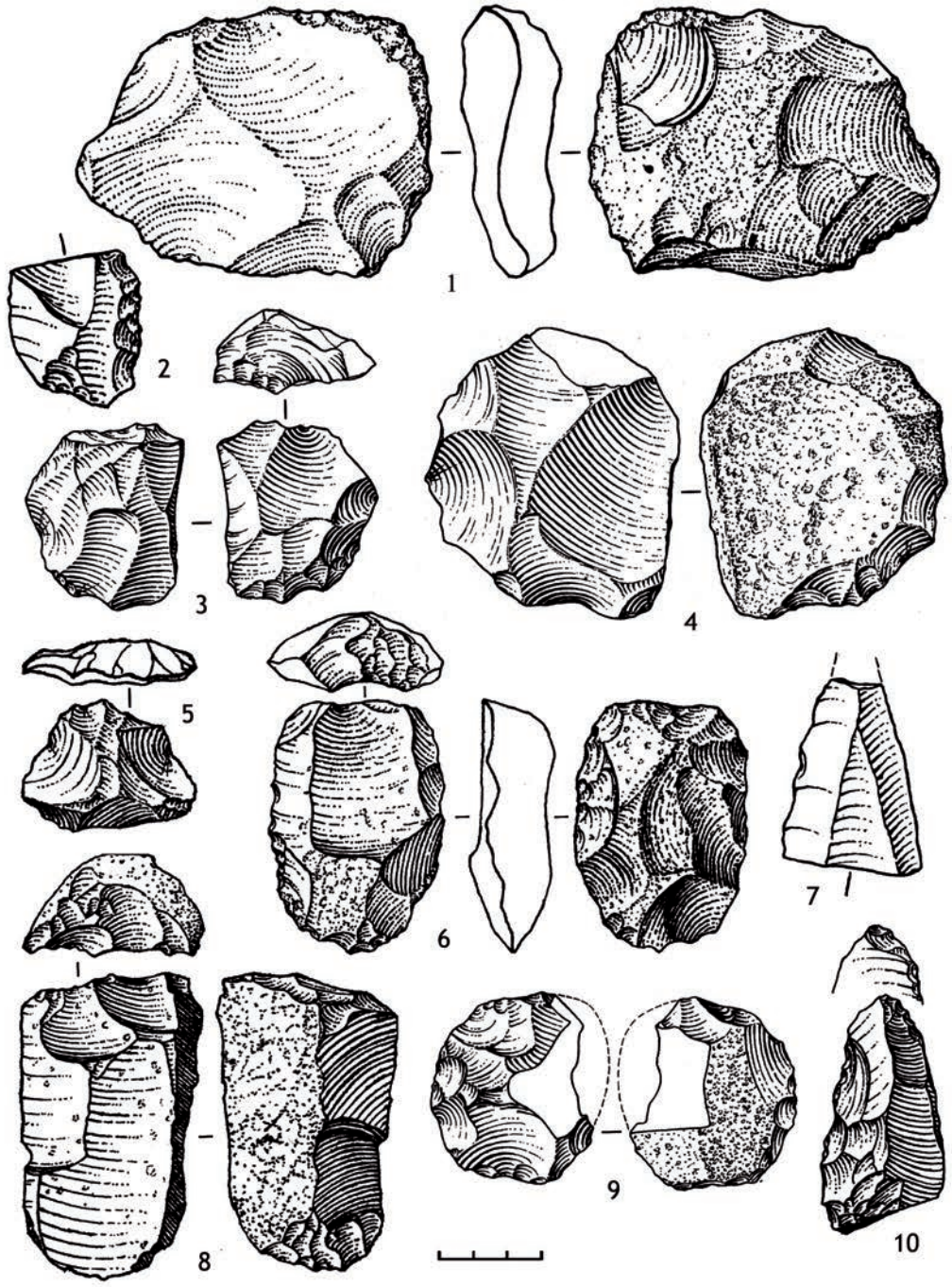


Рис. 2. Батпак 17, находки: 1, 3–6, 8, 9 – нуклеусы; 2 – скребло; 7 – острие леваллуа; 10 – остроконечное орудие
2-сур. Батпақ 17, табылған заттар: 1, 3–6, 8, 9 – нуклеустар; 2 – қырғыш; 7 – леваллуа ұшы; 10 – сүйір ұшты құрал
Fig. 2. Batpak 17, the finds: 1, 3–6, 8, 9 – lithic cores; 2 – scraper; 7 – levallois point; 10 – pointed tool

площадкой и приострённым фасетками с обратной стороны основанием (рис. 2, *8*) – возможно, здесь оформлено лезвие струга. Имеются также две заготовки одноплощадочных нуклеусов: одна подтреугольной формы и грубо приготовлена редкими фасами, другая (из зеленоватого кремня) – массивная, имеет выпуклую фасетированную ударную площадку. Очень выразителен небольшой двухплощадочный двухсторонний нуклеус со встречным расщеплением (с леваллуазской огранкой на лицевой стороне), одна из площадок которого фасетирована в виде *chapeau de gendarme* (рис. 2, *3*). Не менее выразителен другой леваллуазский нуклеус (рис. 2, *6*). Он имеет правильную овальную форму и фасетированную ударную площадку, тщательно обработан двухсторонними фасами и имеет на плоском фронте центральный негатив целевого снятия. Ещё один леваллуазский нуклеус представлен фрагментом с предельной степенью эоловой корразии – это был черепаховидный нуклеус укороченных пропорций с крупным и плоским негативом целевого снятия. Торцовые нуклеусы представлены одним продольным двухплощадочным образцом с встречным расщеплением на одном фронте от скошенных ударных площадок (одна из них фасетированная) – расщепление велось не прямо по торцу, а скорее по боку одной из латералей; а также заготовкой продольного одноплощадочного ядрища с крайне высокой степенью корразии поверхностей.

Нуклеусам близки несколько нуклеовидных орудий рубящего типа. Это, прежде всего, двухстороннее орудие типа кливера (рис. 3, *9*), оформленное широкими фасами и с угловатым острым лезвием на конце – орудие имеет аналоги на памятнике Тюмечин I (Горный Алтай), где оно описано как нуклеус [Шуньков 1990: табл. VIII, 2] – скорее всего, это всё же рубящее орудие с поперечным лезвием и усечённым крутыми фасами основанием. Ещё одно подобное орудие известно в среднем палеолите Крыма – на памятнике Кабази II, горизонт III/1 [Чабай 2004: III-44, *3*], где оно описано как «двустороннее скребло выпуклое, обушковое» [Чабай 2004: 140]. Другое рубящее орудие можно назвать топоровидным – оно изготовлено из плоского обломка (рис. 3, *3*). Это орудие весьма примечательно своей формой и манерой обработки: оно подквадратной формы и обработано преимущественно с лицевой (выпуклой) стороны пологими утончающими фасами и в основании тремя сечениями. Лезвие орудия выпуклое и неровное (с выступом) приострено двухсторонними фасами и фасетками. На одном из боковых краёв напротив сечёного обушка оформлена ретушированная выемка. Нет сомнений, орудие крепилось к рукояти и выполняло функцию топора. Изделие заглажено аналогично другим артефактам данной серии. Отметим также небольшой фрагмент (концевую часть) бифаса с сохранившейся косой привершинной площадкой, оформленной двухсторонними фасетками, и острым боковым лезвием (рис. 3, *7*). К рубящим орудиям следует отнести также изделие типа клевца, выполненное из красного алевролита (рис. 2, *10*). Оно изготовлено из массивной пластины с помощью дорзальной распространённой и чешуйчатой ретуши на краю, заострённое рабочее окончание – альтернативной чешуйчатой ретуши. В основании орудие тщательно утончено серией фасеток с заломами с дорзальной стороны в целях его зажима в рукоятке. Близкое по форме изделие, обозначенное, однако, как скребло, найдено на Алтае – в Чагырской пещере, в слое 6б [Маркин 2013: 6, *2*]. Отметим также два грубых остроконечных орудия, изготовленных из обломков.

Орудия типа струга – 2 экз. Одно из них выполнено из обломка, имеет концевое зубчатое лезвие, оформленное двухсторонними фасами: сначала пологим фасом с нижней стороны, затем – полукрутыми фасами и фасетками с лицевой стороны; нижний конец орудия утончён лицевыми фасами (рис. 3, *1*). Другое орудие изготовлено из массивного укороченного отщепа – лезвие обработано дорзальной крутой чешуйчатой ретушью на его боковом краю (позднее повреждено на углу); ударная площадка отщепа удалена отвесным сколом, оформившим боковой обушок (рис. 3, *2*).

Остроконечники из отщепов и пластин – 11 экз. Здесь представлен удлинённый мустьерский остроконечник с дорзальной чешуйчатой ретушью на краю и на острие (рис. 3, *8*), небольшой

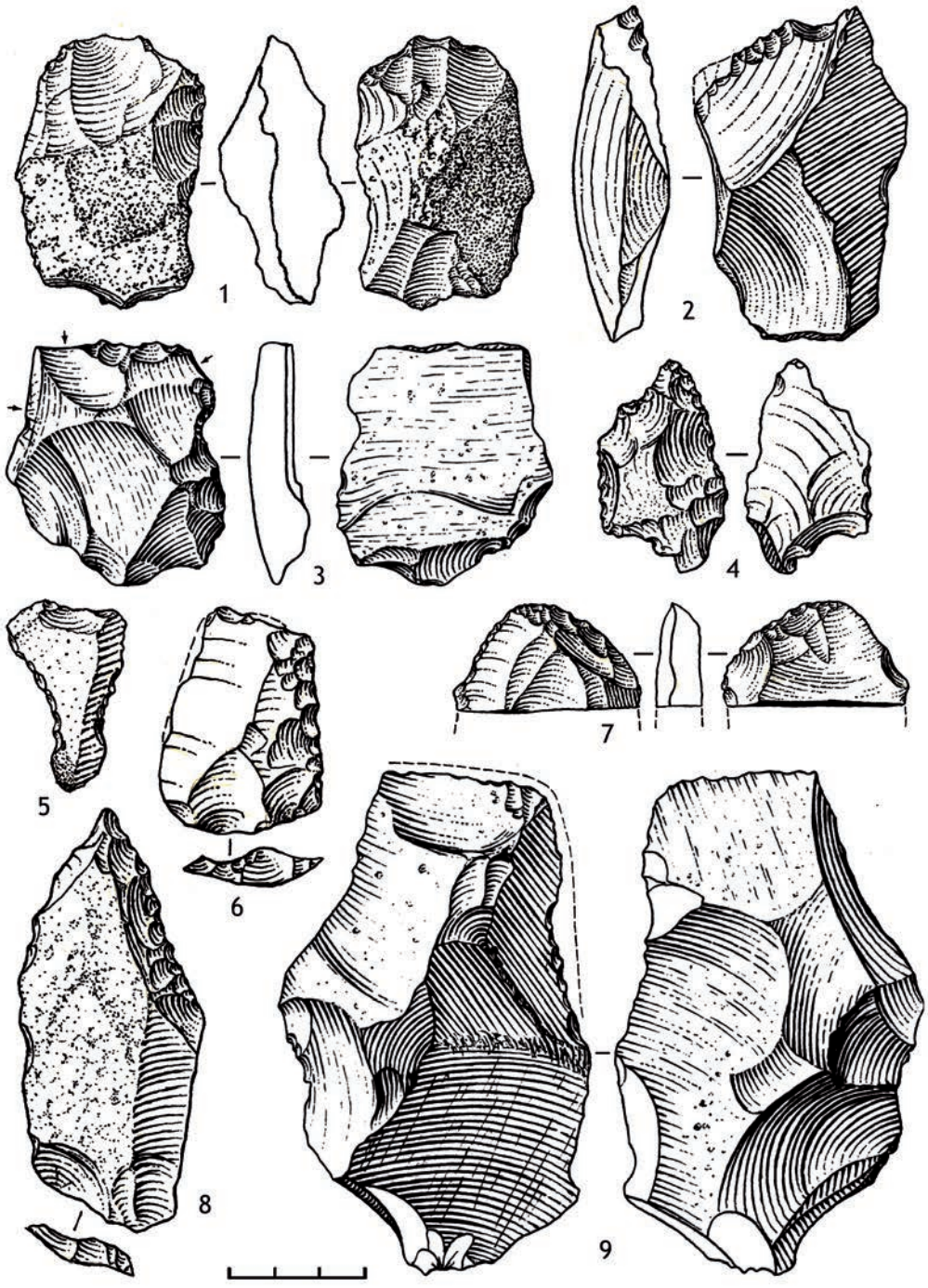


Рис. 3. Батпак 17, находки: 1, 2 – струги; 3 – рубящее орудие; 4, 8 – остроконечники; 5 – орудие с черенком; 6 – скребло; 7 – фрагмент бифаса; 9 – кливер
3-сур. Батпақ 17, табылған заттар: 1, 2 – жонғыштар; 3 – шабатын құрал; 4, 8 – үшкір ұштар; 5 – сапты құрал; 6 – қырғыш; 7 – бифас фрагменті; 9 – кливер
Fig. 3. Batpak 17, artifacts: 1, 2 – planes; 3 – chopping tool; 4, 8 – sharp-pointed weapon; 5 – tool with a handle; 6 – scraper; 7 – fragment of a biface; 9 – cleaver

остроконечник тейякского типа, выполненный из кремнёвого отщепа (рис. 3, *4*) и удлинённый остроконечник из широкой пластины (рис. 4, *3*). Последнее орудие очень выразительное: остриё у него приострено дорзальной чешуйчатой ретушью и дополнительно краевым тонким резцовым сколом, и на боковом краю в верхней части орудия оформлена лёгкая выемка; тонкое основание позволяло крепить изделие к древку метательного орудия (или копья). Сходное орудие найдено на памятнике Барбургазы в Чуйской котловине [Деревянко, Маркин 1987: XXXIII, *1*]. В коллекции имеется ещё несколько изделий, интерпретация которых в качестве наконечников охотничьего оружия представляется нам наиболее адекватной. Среди них – небольшое изделие из плоского отщепа красного алевролита (4,5 × 2,3 × 0,5 см): остриё здесь оформлено на месте маленькой ударной площадки отщепа с помощью вентральной фасетки и дорзальной чешуйчатой ретуши на боковых краях, а дистальный конец отщепа наискось отсечён и очень удобен для зажима изделия на торце древка дротика. Есть ещё два таких же небольших коротких и плоских остроконечных изделия с сечёным наискось основанием – у них, однако, само остриё оформлено также небольшими сечениями; у одного из них имеется и боковая выемка. Интересно также орудие из продолговатого отщепа, у которого маленькую ударную площадку с вентральным изъяном с помощью краевой ретуши превратили в остриё, а на боковом краю вблизи сечёного основания оформили выемку – получился тот же результат, т. е. вероятный наконечник. Ещё одно орудие изготовлено из атипичного острия леваллуа – оно обработано на острых боковых краях отдельными выемчатыми фасетками, а в основании – небольшим скошенным сечением и вентральной ретушью, сделавшими эту часть орудия весьма удобной для крепления к древку. К этому последнему изделию близок фрагмент другого изделия – из типичного острия леваллуа (рис. 2, *7*), у которого основание также скошенное сечёное. И наконец, представим здесь наиболее выразительную форму охотничьего оружия – остриё сердцевидной формы с выемкой в основании, изготовленное из отщепа приносного красного алевролита (рис. 4, *4*). Это изделие в профиль ровное прямое, тщательно оформлено дорзальной пологой распространённой и чешуйчатой ретушью, особенно тонкой по краю орудия и формирующей здесь микро-выемки и зубчики, и в основании – двухсторонними фасами и фасетками. Изделие заглажено. Аналоги ему также известны в среднем палеолите Алтая – на памятнике Тюмечин I [Шуньков 1990: XXII, 3] – здесь оно описано как «конвергентное скребло дорсальное выпуклое – из треугольного отщепа леваллуа», «с вогнутым основанием».

Скрёбла – 29 экз. Орудия изготовлены из отщепов и пластин с помощью чешуйчатой ретуши (а также сечений), доминируют боковые скрёбла (20 экз.) – одинарные и двойные (рис. 2, *2*; 3, *6*), преимущественно с выпуклым лезвием, имеются комбинации с боковым лезвием ножа (рис. 4, *1*); имеются также изделия с вентральной подтёской (рис. 4, 7). У одного орудия в оформлении лезвия использован приём резкого перехода глубокой ретуши с одной стороны на противоположную (рис. 4, *6*). Шарантские формы и угловатые скрёбла (dejete) отсутствуют.

Ножи – 53 экз. Это, прежде всего, орудия с боковым натуральным либо гранёным обушком (12 экз.), среди которых присутствуют формы с удалённой ударной площадкой при помощи вентральной подтёски (рис. 4, *7*) или дорзальных фасов (рис. 4, 5), орудия с намеренно притупленным обушком отсутствуют; изделия из леваллуазских заготовок (13 экз.), осложнённых зачастую сечёными участками и ретушью; орудия с острым лезвием и аккомодационной обработкой ретушью (11 экз.), а также изделия из сечений отщепов и пластин (17 экз.)

Орудия с выступами – 40 экз. Здесь больше всего резчиков с продольной, либо диагональной режущей кромкой, оформленной альтернативной ретушью или отдельными фасетками (22 экз.). Характерны также орудия с более массивными ретушированными выступами скребущего профиля (12 экз.). Имеются и орудия с зубчатым выступом (3 экз.) и выступом-шипом (3 экз.). В оформлении орудий этой группы (а также и всех остальных) широко использовалась практика расчленения заготовок и применения микро-сечений, по размерам, сравнимым с отдельными чешуйками ретуши.

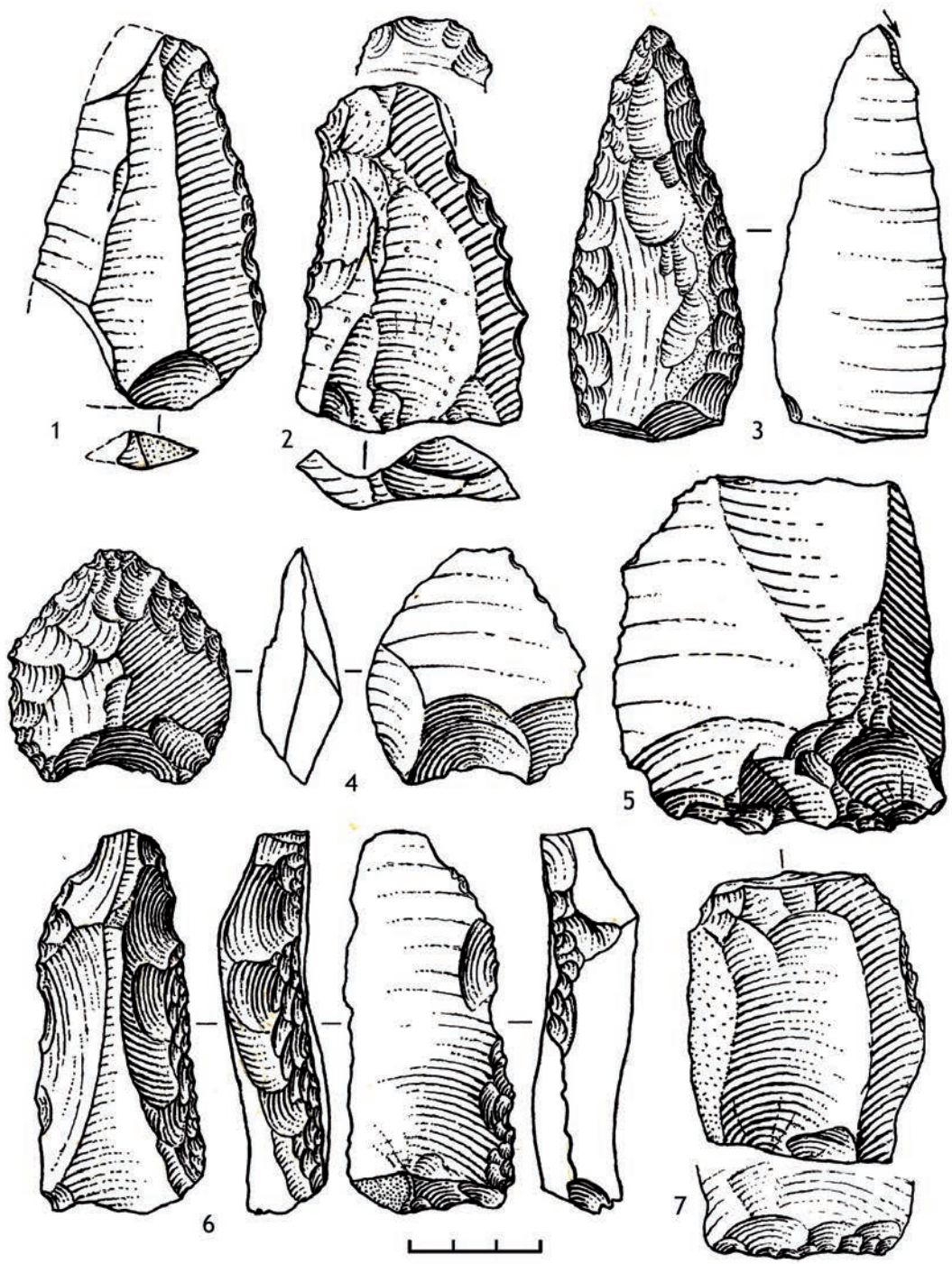


Рис. 4. Батпак 17, находки: 1 – скребло-нож; 2 – зубчатое орудие; 3 – остроконечник; 4 – наконечник копья; 5, 7 – ножи с обушком; 6 – скребло
4-сур. Батпақ 17, табылған заттар: 1 – қырғыш-пышақ; 2 – тісті құрал; 3 – сүйір ұштық; 4 – найзаның ұшы; 5, 7 – қырлы пышақтар; 6 – қырғыш
Fig. 4. Batpak 17, artifacts: 1 – scraper-knife; 2 – serrated tool; 3 – sharp-pointed weapon; 4 – spearhead; 5, 7 – knives with an edge; 6 – scraper

Зубчато-выемчатые орудия – 12 экз. Группа состоит из выемчатых скобелей (8 экз.) и ретушированных зубчатых орудий (4 экз.). Из выемчатых скобелей обращает на себя внимание небольшое изделие, выполненное из плиточки, с ретушированным черенком – это, вероятно, вкладышевое орудие (рис. 3, *5*). Среди зубчатых орудий одно орудие изготовлено из отщепа леваллуа (рис. 4, *2*) в комбинации с боковым вогнутым лезвием ножа с дистальной вентральной подтёской; два других – представляют собой фрагменты вентрально-ретушированных зубчатых орудий.

Скребковидные орудия – 6 экз. Здесь обращает на себя внимание удлинённое орудие из отщепа, оформленное по всему периметру (за исключением небольшой ударной площадки) дорзальной распространённой и чешуйчатой ретушью, с узким скребковидным лезвием на дистальном конце с тонкой и крутой пластинчатой ретушью; изделие повреждено на левом краю. У ещё одного орудия – из небольшого плоского отщепа – узкое скребковидное лезвие с полукрутой чешуйчатой ретушью расположено на углу между боковым краем и скошенным сечением. У третьего орудия – из базального сечения отщепа – неровно-ретушированное скребковидное лезвие расположено на боковом краю отщепа. Четвёртое изделие имеет выпуклое лезвие и оформлено по периметру тремя сечениями – оно изготовлено из обломка зеленоватого кремня, остальные орудия представлены фрагментами. Типичные скребки в группе отсутствуют.

Резцы и резцевидные орудия – 10 экз. Только два орудия можно отнести к резцам: одно из них – резец с поперечной кромкой, оформленной краевым коротким сколом на углу укороченного отщепа, другое (из удлинённого обломка) – имеет также поперечную кромку, оформленную тремя короткими резцовыми сколами на углу с косым сечением. У остальных орудий поперечная или диагональная режущая кромка на углу заготовки оформлялась с помощью смежных сечений, либо ретуши и сечений.

Комбинированные орудия – 14 экз. Число рабочих элементов на орудиях обычно от 2 до 4 (всего 33). Здесь представлены почти все описанные выше группы орудий: режущие лезвия (8 экз.), выступы скребущего профиля (5 экз.), лезвия скрёбел (4 экз.), резцы и выступы с резцевидной кромкой (4 экз.), скребки и скребковидные лезвия (4 экз.), выемчатые скобели (3 экз.), угловые резчики (3 экз.) и т. д. Среди орудий имеется двойное боковое скребло в комбинации с выступом скребущего профиля, ударная площадка у него удалена дорзальным фасом. Другое орудие имеет два лезвия скребка в комбинации с концевым выемчатым скобелем и резцевидной кромкой на углу. У третьего орудия – комбинация бокового лезвия ножа (с вентральной ретушью) с боковым резцом с поперечной кромкой, оформленной тонким краевым резцовым сколом.

Сечёные формы отщепов и пластин – 23 экз. В группе имеются в т. ч. изделия правильной геометрической формы, например, среднее сечение пластины в форме короткой трапеции с острыми краями, подтреугольные сечения с острым лезвием и т. п. Степень заглаженности поверхностей этих изделий не отличается от остальных в данной серии.

Отщепы и их фрагменты – 37 экз. Мелкие сколы и обломки – 38 экз.

Заключение

Если иметь в виду сравнительное соотношение в серии трёх орудий (70%), нуклеусов (5%) и отщепов (12,6%), становится понятно, что данная серия артефактов отражает существование некогда в Батпаке 17 отнюдь не стоянки-мастерской, а вполне обжитой стоянки среднего палеолита. Первичная грубая обработка камня производилась за пределами памятника. Индустрия памятника, ближе всего, мустье типичному с присутствием техники леваллуа (IL=12,8-19,7) и пластинчатой техники (Ilam=8,7), а также техники скалывания обушковых заготовок (14,5%); в среднем палеолите Алтая – она близка материалам памятников Тюмечин I–II [Шуньков 1990], а также Денисовскому варианту [Маркин 2013]. Особенностью индустрии является присутствие двухсторонних орудий

и широкое использования практики намеренного рассечения (фрагментации) заготовок (53,8% всех орудий), включая приёмы отсечения ударной площадки заготовки (21%) и микросечения при оформлении орудий (34,6%); использовались и другие приёмы удаления ударной площадки заготовки (7,4%). Техника фасетирования ударных площадок заготовок также была достаточно развитой (30,3% – общего фасетирования). Геологический возраст среднепалеолитической стоянки остаётся не ясным. Проблема возраста коррадированных артефактов в палеолите Казахстана – равным образом и Горного Алтая, (например, памятник Тюмечин-4) [Деревянко 1998: 138] до сих пор не разрешена. Можно предположить, что памятник одновременен ранним стадиям формирования Батпакского педокомплекса, аналогом которого может быть верхний педокомплекс бочатской свиты Кузбасса [Деревянко и др.1990] и, вероятно, относится ко времени до каргинского межледниковья (интерстадиал брёруп) или же к низам изотопной стадии 3, отмеченным очередной волной потепления климата (57–52 тыс. л.н.) [Bradley 2015: 214].

ЛИТЕРАТУРА

1 *Волошин В.С.* Ашельские бифасы из местонахождения Вишнёвка 3 (Центральный Казахстан) // СА. 1984. № 4. С. 199–203.

2 *Волошин В.С*. Исследования в Батпаке (Центральный Казахстан) // Обозрение. 1993 год. Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 1995. С. 263–267.

3 *Волошин В.С.* Новый палеолитический памятник Батпак 18 в Центральном Казахстане // Степная цивилизация Восточной Евразии. Т. 1. Древние эпохи / Отв. ред. К.А. Акишев. Астана: Күлтегін, 2003. С. 33–38.

4 *Деревянко А.П., Агаджанян А.К., Барышников Г.Ф., Дергачева М.И., Дупал Т.А., Малаева Е.М., Маркин С.В., Молодин В.И., Николаев С.В., Орлова Л.А., Петрин В.Т., Постнов А.В., Ульянов В.А., Феденёва И.К., Форонова И.В., Шуньков М.В*. Археология, геология и палеогеография плейстоцена и голоцена Горного Алтая. Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 1998. 176 с.

5 *Деревянко А.П., Маркин С.В*. Палеолит Чуйской впадины. Новосибирск: Наука, 1987. 113 с.

6 *Деревянко А.П., Маркин С.В., Николаев С.В., Петрин В.Т*. Раннепалеолитический комплекс из Кузбасса // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии. Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 1990. С. 147–160.

7 *Клапчук М.Н.* Обнажение у с. Батпак и его стратиграфическое значение // Научно-техническая конференция НТО геологов Центрально-Казахстанского геологоуправления. Тезисы докладов. Караганда: [б./и.], 1967. С. 53–58.

8 *Малиновский В.Ю*. Кайнозой центральной части Казахского щита // Е.В. Шанцер, Т.М. Микулина, В.Ю. Малиновский. Кайнозой центральной части Казахского щита. М.: МГУ, 1967. С. 179–343.

9 *Маркин С.В.* О выделении сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии / Отв. ред. В.И. Молодин, М.В. Шуньков. Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2013. С. 84–101.

10 *Сваричевская З.А.* Древний пенеплен Казахстана и основные этапы его преобразования. Л.: ЛГУ, 1961. 294 с.

11 *Чабай В.П*. Средний палеолит Крыма: стратиграфия, хронология, типологическая вариабельность, восточно-европейский контекст. Киев: Шлях, 2004. 324 с.

12 *Шуньков М.В.* Мустьерские памятники межгорных котловин Центрального Алтая. Новосибирск: Наука, 1990. 159 с.

13 *Bradley R.S.* Paleoclimatology: Reconstructing Climates of the Quaternary. 3rd edition. Amsterdam: Elsevier, 2015. 675 p.

REFERENCES

1 Voloshin, V. S. 1984. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet Archaeology),* 4, 199–203 (in Russian).

2 Voloshin, V. S. 1995. In: *Obozrenie. 1993 g. (Review. 1993),* Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, 263–267 (in Russian).

3 Voloshin, V. S. 2003. In: Akishev, K. A. (ed.). *Stepnaya tsivilizatsiya Vostochnoy Evrazii (The steppe civilization of Eastern Eurasia),* 1. Astana: Kultegin, 33–38 (in Russian).

4 Derevyanko, A. P., Agadzhanyan, A. K., Baryshnikov, G. F., Dergacheva, M. I., Dupal, T. A., Malaeva, E. M., Markin, S. V., Molodin, V. I., Nikolaev, S. V., Orlova, L. A., Petrin, V. T., Postnov, A. V., Ul'janov, V. A., Fedenyova, I. K., Foronova, I. V., Shunkov, M. V. 1998. *Arheologiya, geologiya i paleogeografiya pleystotsena i golotsena*

Gornogo Altaya (Archaeology, geology and paleogeography of the Pleistocene and Holocene of the Altai Mountains). Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (in Russian).
5 Derevyanko, A. P., Markin, S. V. 1987. *Paleolit Chuyskoy vpadiny (Palaeolithic of the Chui Depression).* Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
6 Derevyanko, A. P., Markin, S. V., Nikolaev, S. V., Petrin, V. T. 1990. In: *Hronostratigrafiya paleolita Severnoy, Tsentralnoy i Vostochnoy Azii (Chronostratigraphy of the Paleolithic of North, Central and East Asia).* Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, 147–160 (in Russian).
7 Klapchuk, M. N. 1967. In: *Nauchno-tekhnicheskaya konferentsiya NTO geologov Tsentralno-Kazahstanskogo geologoupravleniya (Scientific and technical conference of NTO geologists of the Central Kazakhstan Geological Department).* Karaganda, 53–58 (in Russian).
8 Malinovskiy, V. 1967. In: Shancer, E. V. (ed.). *Kaynozoy tsentralnoy chasti Kazahskogo shchita (Cenozoic of the central part of the Kazakh shield).* Moscow: Moscow State University, 179–343 (in Russian).
9 Markin, S V. 2013. In: Molodin, V. I., Shunkov, M.V. (eds.). *Fundamentalnye problemy arheologii, antropologii i etnografii Evrazii (Fundamental problems of archaeology, anthropology and ethnography of Eurasia).* Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, 84–101 (in Russian).
10 Svarichevskaya, Z. A. 1961. *Drevniy peneplen Kazahstana i osnovnye etapy ego preobrazovaniya (Ancient peneplain of Kazakhstan and the main stages of its transformation)*. Leningrad: Leningrad State University, (in Russian).
11 Chabay, V. P. 2004. *Sredniy paleolit Kryma: stratigrafiya, hronologiya, tipologicheskaya variabelnost, vostochno-evropeyskiy kontekst (Middle Palaeolithic of the Crimea: stratigraphy, chronology, typological variability, East European context).* Kiev: "Shlyakh" Publ. (in Russian).
12 Shunkov, M. V. 1990. *Must'erskie pamyatniki mezhgornyh kotlovin Tsentralnogo Altaya (Moustier monuments of the intermountain basins of the Central Altai Mountains)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
13 Bradley, R. S. 2015 *Paleoclimatology: Reconstructing Climates of the Qua*ternary. Third Edition. Amsterdam: "Elsevier" Publ. (in English).

About the Author
Voloshin Valery – Senior Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Astana, Kazakhstan.
ORCID: 0009-0006-5199-0130 E-mail: voloshin49@list.ru

Сведения об авторе
Волошин Валерий Степанович – старший научный сотрудник, Институт археологии имени А.Х. Маргулана, г. Астана, Казахстан

Автор туралы мәліметтер
Волошин Валерий Степанович – аға ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Астана қ., Қазақстан

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 30.03.2024.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 30.04.2024.

УДК 902.904
МРНТИ 03.41.91
https://doi.org/10.52967/3007-6528.2024.1.67.81

К вопросу о культурной принадлежности неолитических памятников Урало-Иртышского междуречья

© 2024 г. Плешаков А.А.

Keywords: *Tobol-Irtysh interfluve, archaeology, Neolithic, traceology, blade industry, culture, periodization*
Түйін сөздер: *Тобыл-Ертіс өзенаралығы, археология, неолит, трасология,* пластинкалық индустрия*, мәдениет, кезеңдеу*
Ключевые слова: *Тоболо-Иртышское междуречье, археология, неолит, трасология, пластинчатая индустрия, культура, периодизация*

A. Pleshakov[1]
[1]*Kozybaev North Kazakhstan University, Petropavlovsk, Kazakhstan*

On the question of the cultural affiliation of the Neolithic monuments of the Ural-Irtysh interfluve

The article examines research on the materials of Neolithic archaeological cultures located in Northern Kazakhstan. It presents the main points regarding the historical and cultural affiliation of Late Stone Age sites, the common and distinctive features of their materials, the history of their study, and the main cultural, chronological, and territorial characteristics of groups of monuments from various geographic zones. It also discusses the origins and historical trajectories of cultural formations identified in Northern Kazakhstan based on the findings of archaeologists. The question is raised about uniting the Late Stone Age of the northern region of Kazakhstan into a single Northern Kazakhstan historical and cultural province, taking into account the minor local features of previously identified cultures.
Source of funding: The publication was carried out within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2023–2024, project IRN BR18574223.
Citation: Pleshakov, A. 2024. On the question of the cultural affiliation of the Neolithic monuments of the Ural-Irtysh interfluve. *Margulan readings–2024.* In 2 vol. Vol. 1. Pp. 67–81 (in Russian).

А.А. Плешаков[1]
[1]*М. Қозыбаев атындағы Солтүстік Қазақстан университеті, Петропавл қ., Қазақстан*

Орал–Ертіс өзенаралығындағы неолиттік ескерткіштердің мәдени тиесілігі мәселесі

Мақалада Солтүстік Қазақстан аумағындағы неолиттің археологиялық мәдениеттерінің материалдары бойынша жүргізілген зерттеулер қарастырылады; археологтардың зерттеу материалдары негізінде Солтүстік Қазақстан аумағында ерекшеленген мәдени құрылымдардың шығуы мен тарихи тағдыры; әртүрлі географиялық аймақтардың ескерткіштер тобының басты мәдени-хронологиялық және аумақтық ерекшеліктері; кейінгі тас дәуірі нысандарының тарихи-мәдени тиесілігінің негізгі қағидалары, ортақтығы мен ерекшелігі, зерттелу тарихы ұсынылған. Бұрын анықталған мәдениеттердің аздаған жергілікті ерекшеліктерін ескере отырып, Қазақстанның солтүстік өңірінің кейінгі тас дәуірін біртұтас Солтүстік Қазақстан тарихи-мәдени провинциясына біріктіру туралы мәселе көтеріледі.
Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2024 жж. бағдарламалық-нысаналы қаржыландыруы шеңберінде, ЖТН BR18574223 жобасы аясында даярланды.
Сілтеме: Плешаков А.А. 2024. Орал–Ертіс өзенаралығындағы неолиттік ескерткіштердің мәдени тиесілігі мәселесі. *Марғұлан оқулары–2024.* 2 том. 1-т. 67–81-бб. (Орысша).

А.А. Плешаков[1]
[1]*Северо-Казахстанский университет имени М. Козыбаева, г. Петропавловск, Казахстан*

К вопросу о культурной принадлежности неолитических памятников Урало-Иртышского междуречья

В статье рассматриваются исследования по материалам археологических культур неолита, расположенных на территории Северного Казахстана; представлены основные положения историко-культурной принадлежности объектов позднего каменного века, общее и особенное в их материалах, история исследования, основные культурно-хронологические и территориальные особенности групп памятников различных географических зон; происхождение и исторические судьбы культурных образований, выделенных на территории Северного Казахстана по материалам исследований археологов. Ставится вопрос об объединении позднего каменного века северного региона Казахстана в единую Северо-Казахстанскую историко-культурную провинцию с учётом небольших локальных особенностей ранее выделенных культур.
Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2024, ИРН проекта BR18574223.
Цитирование: Плешаков А.А. 2024. К вопросу о культурной принадлежности неолитических памятников Урало-Иртышского междуречья. *Маргулановские чтения–2024.* В 2-х т. Т. 1. С. 67–81.

Введение

Целью данной работы является попытка обобщить имеющиеся данные по неолиту Северного Казахстана и определить правомерность выделения культур позднего каменного века Тоболо-Иртышского междуречья. В статье рассматриваются концепции периодизации и хронологии памятников неолитической эпохи территории Северного Казахстана на основе научных построений в публикациях материалов неолита на территории страны и сопредельных регионов. Задачей является анализ историко-культурных концепций, представленных авторами исследованных памятников неолитического времени. Актуальность состоит в том, чтобы при рассмотрении мнений авторов по поводу хронологических рамок эпохи неолита и проблем происхождения и исторических судеб населения Северного Казахстана в VII–IV тыс. до н.э. определить место и время неолита этой территории в концепции Евразийского пространства.

Несмотря на бурное развитие археологической науки с середины прошлого столетия, до сих пор в исследовании и интерпретации раннеголоценовых памятников Казахстана ощущается хроническая недостаточность. В разные годы, начиная с 1920-х годов, в научный оборот включались материалы по мезо-неолиту республики. Особо скудными были сведения в публикациях учёных о мезолите, нет чёткого представления о характере индустрии и нет серии памятников с абсолютными датами для построения хронологии этой важной эпохи, за исключением выделения мезолита на севере Казахстана, отражённого при обосновании атбасарской культуры [Зайберт 1992]. По мнению авторов, следующая – неолитическая эпоха – сложилась на базе местных культур [Зайберт, Потемкина 1981].

Объективно сложилось так, что вопрос о культурной принадлежности неолитических памятников Казахстана не ставился в литературе вплоть до 1960-х гг., или же затрагивался опосредованно в процессе полемики о связях уральского и среднеазиатского неолита. Между тем в Казахстане были известны неолитические материалы, полученные из подъемных сборов, но недостаточно многочисленные для получения общего представления о характере каменной индустрии, и недостаточные для общего построения хронологии и периодизации.

Материалы исследования и методы

На территории Казахстана неолитические памятники были известны ещё с 1920-х годов, сведения о них отражены в Археологической карте Казахстана (1960 г.), где сконцентрирована информация о 500 стоянках и местонахождениях позднепалеолитического времени [АКК 1960: 35; Акишев 1978: 5–6].

Практически во всех регионах Казахстана были обнаружены памятники или местонахождения голоценового периода: Х.А. Алпысбаевым в Каратау [Алпысбаев 1977: 93]; А.Н. Мелентьевым и А.А. Формозовым в Приаралье и Прикаспии, Юго-Западном и Западном Казахстане [Мелентьев 1977: 101; Формозов 1951: 141–147; 1950: 65–75; Драверт 1930].

Начиная с 1970-х годов, стали появляться публикации, отражающие новые материалы и теоретические концепции относительно места и времени неолита региона среди сопредельных культур Евразийского пространства.

В разное время до середины 1970-х годов изучением проблем и исследованием неолитических памятников северного региона занимались А.А. Формозов [Формозов 1951: 115–121], Л.А. Чалая [Чалая 1971: 15], С.С. Черников [Черников 1972: 59–62], которые считали недостаточной степень изученности неолита Казахстана на фоне общего развития археологической науки по другим историческим эпохам из-за малочисленности стационарных работ на памятниках этого времени. В археологической литературе о неолите Казахстана до сих пор фигурируют одни и те же объекты – Усть-Нарым, Пеньки I, II, Караганда XV, Зеленая Балка, которые плохо представлены в публикациях и, на самом деле, не дают полного представления не только об эпохе в целом, но и о самих памятниках.

Несмотря на определённую близость казахстанских материалов уральским, А.П. Окладников в 1941 г. при выделении восточно-уральской культуры ограничил её восточные границы Нижним Приобьем. В лесостепи Зауралья и Казахстана, по его мнению, распространялись в неолите степные культуры [Окладников 1950: 7].

Другие авторы подходили к анализу уральского и казахстанского неолита с иной точки зрения. Вслед за С.П. Толстовым и А.В. Збруевой [Толстов 1948: 243; Збруева 1946: 182], отмечавших близость кельтеминарских и среднеуральских неолитических памятников, В.Н. Чернецов намечает уже определённую урало-среднеазиатскую этнокультурную общность. Он отстаивал точку зрения о близости неолитических комплексов на широкой территории Зауралья и Казахстана [Чернецов 1953].

А.А. Формозов выделил для Приаралья западно-казахстанский вариант кельтеминарской культуры и ограничил его влиянием хорезмского неолита [Формозов 1950: 55; 1951]. В последующем А.А. Формозов выделяет в Казахстане три территориальные группы неолитических памятников – южно-уральскую, приаральскую, семипалатинскую [Формозов 1951: 117]. Вопросы связи Урала и Средней Азии в неолите впоследствии были рассмотрены О.Н. Бадером [Бадер 1970].

В 1969 году М.Н. Клапчук на основе стратиграфии памятника Караганда XV и подъёмных сборов в рамках III тыс. до н.э. выделил три этапа неолита Центрального Казахстана [Клапчук 1969: 108].

С.С. Черников также считал, что между материалами указанных территорий нет особенной разницы, но с открытием поселения Усть-Нарым и раскопок поселения Мало-Красноярка и местонахождений он изменил свою точку зрения и поставил вопрос о выделении особой усть-нарымской культуры и обозначил поздний неолит в рамках III – начала II тыс. до н.э. [Черников 1970: 41]. В тоже время, С.С. Черников на основании одного географического критерия выделил на территории Казахстана шесть локальных территориальных групп неолитических памятников в рамках одной культурно-исторической общности конца IV – начала II тыс. до н.э. Это Восточный, Северный, Северо-Западный, Юго-Западный, часть Центрального Казахстана, Приаралье, Северное Прибалхашье и Бетпак-Дала [Черников 1970: 54].

В начале 1960-х гг. К.В. Сальниковым на базе южно-уральских и частично костанайских материалов была выделена урало-казахстанская общность [Сальников 1962: 17]. В конце 1960-х гг. Л.Я. Крижевская уточняет положение К.В. Сальникова, намечая юго-урало-казахстанскую этнокультурную область [Крижевская 1968: 123]. Она включает и районы Казахстана, которые ещё не были изучены, но допускает существование более дробных археологических культур и вариантов, что отразилось в будущих исследованиях памятников и культурно-хронологических построениях материалов Южного Урала и Северного Казахстана.

Практически все исследователи, на основе одного–двух раскопанных памятников и подъемных сборов с развеянных стоянок построили периодизации и хронологии неолитических комплексов.

В свое время Л.А. Чалая, рассматривая материалы Усть-Нарыма, пришла к выводу о том, что коллекции стоянки не однородны и относятся к разным этапам каменного века [Чалая 1971: 13]. Но, в этом же ключе, самой Л.А. Чалой ставился вопрос о периодизации памятников Центрального и Северо-Восточного Казахстана, которые датировала IV–III тыс. до н.э., где выделила локальные группы или ареалы: каратургайско-прибалхашский, железинский, карагандинский и усть-нарымский [Чалая 1971; 1973: 188–203].

Практически все работы, которые велись в 1950-х–1960-х годах, носили спорадический характер, на небольших по площади памятниках, как правило, неоднородных по материалу и с незначительным культурным слоем. Публикации не отражают в полной мере археологический материал, и все датировки памятников основывались на аналогиях азиатского неолита.

Таким образом, даже к концу 1970-х гг. в литературе не получила общего признания точка зрения о культурной принадлежности неолитических памятников Казахстана. Причина одна – огромная территория и малая изученность. Современные данные по неолиту Северного Казахстана подтверждают, что территория республики в неолите входила в микролитическую зону, куда относятся не только казахстанские памятники, но и сопредельные территории Зауралья и Западной Сибири.

Проблемами неолита в 1970-е годы на севере Казахстана начали заниматься В.Ф. Зайберт и В.Н. Логвин, позднее – В.К. Мерц. Планомерные полевые работы на стратифицированных памятниках открыли новый этап в археологических исследованиях позднего каменного века Северного Казахстана, занимающего на большой территории лесостепную и степную зоны от Тургайского прогиба и Притоболья до Иртышского бассейна, от лесной зоны на севере до отрогов Казахского мелкосопочника на юге. Новые материалы, полученные в процессе стационарных исследований отдельных регионов Северного Казахстана, позволили авторам удревнить нижнюю дату неолитической эпохи в целом, уточнить и выделить отдельные этапы в периодизации неолита северной части республики.

Исследованиям данных авторов постараемся уделить особое внимание.

Последние десятилетия исследованием памятников неолита Северо-Западного Казахстана занимается В.К. Мерц на территории Павлодарского Прииртышья, на остальной же части огромного пространства Северного Казахстана археологические работы по данному периоду, охватывающему четыре тысячелетия истории голоценового периода, работы практически прекращены по различным причинам. В Костанайской области последние исследования относятся к энеолиту, а Северо-Казахстанские – к раннему железному веку и средневековью.

Первые сведения о неолитических памятниках Павлодарского Прииртышья получены в конце 1920-х гг. в результате сборов подъёмного материала на берегу оз. Жасыбай, в окрестностях с. Баянаул. Затем отдельные коллекции и предметы поступали в музей от разных лиц.

Новые данные по неолиту появились с конца 1980-х гг. при изучении Экибастузского археологического комплекса: стоянок-мастерских и поселений каменного века [Волошин 1989: 74] и

других памятников в начале 1990-х гг. Всего в регионе к настоящему времени зафиксировано около ста стоянок и местонахождений эпохи неолита. Это, в основном, памятники с несохранившимся культурным слоем и материалы подъёмных сборов.

Наилучшее представление о неолитических культурах Павлодарского Прииртышья дают материалы многослойной стоянки Шидерты 3, которые отражают развитие неолитических культур в эпоху раннего, среднего и позднего неолита [Мерц 2008].

Планомерные комплексные исследования многослойной стоянки Шидерты 3 с использованием методов естественных наук, в частности метода С14, позволил В.К. Мерцу получить стратиграфическую колонку с подтверждением датирования по гумусу почвы и выделить шесть культурных напластований от мезолитического времени до бронзового века. Представленные даты характеризуют материалы от рубежа VII и VI тыс. до н.э., 2-й пол. VI – 1-й пол. V тыс. до н.э. и до конца V – 1-й пол. – сер. IV тыс. до н.э.

Дополняют информацию стоянки Шидерты 3 материалы некоторых других памятников: соседних стоянок Нурманбет 1, Кудайколь 4, Мичурино 2 и поселении эпохи неолита–энеолита на Борлы [Мерц 1992].

Аналогии данному комплексу находятся во многих памятниках соседних регионов. Он близок материалам мезо-неолита Северного Казахстана стоянок Тельмана VII–IX, XIV, некоторых стоянок Казахстанского Притоболья, Южного Урала, лесостепного Алтая и Юго-Западной Монголии [Зайберт, Потемкина 1981: 119; Логвин 1986]. Близость отмечается раннему неолиту Хорезма и Среднеазиатского междуречья – стоянки Джанбас 4 (нижний слой), Джанбас 31, Кават 5, Кунак 1, Учащи 131 и др., в материалах которых также ещё отсутствуют асимметричные наконечники стрел [Виноградов 1968: 71–74].

Дальнейшие исследования и теоретические выводы на основе тщательно изученных материалов памятников Северо-Западного Казахстана с использованием дополнительных естественнонаучных данных поможет В.К. Мерцу сделать культурно-хронологические построения, которые могут повлиять на периодизацию и хронологию неолитических памятников всего Северного и Центрального Казахстана.

Целый ряд неолитических памятников Кустанайского Притоболья и Торгая исследован В.Н. Логвиным в 1970-х–1990-х гг., обоснована по материалам стоянок маханджарская культура и выполнена хронология и периодизация неолита региона. В настоящее время регион изучается А.В. Логвиным и И.В. Шевниной, которые успешно исследуют памятники разных временных периодов и культур.

В 1970-е годы В.Н. Логвиным были начаты работы в Костанайской и Тургайской областях, где он открыл и частично исследовал стоянки каменного века Евгеньевка, Амангельды, Матросово и др., которые он предварительно датировал VI–V тыс. до н.э. и объединил в маханджарскую культуру, занимающую территорию Тургайского прогиба и Притоболья [Логвин 1977: 273]. На Тоболе им исследована стоянка Алкау 2, все остальные расположены в Тургайской ложбине. Маханджарская стоянка, Солёное Озеро 2, Сор 2 приурочены к озёрам; остальные находятся по берегам мелких степных рек. Стоянка Дузбай расположена на р. Атагай, Бестамак – на р. Буруктал и Амангельды – на р. Кундызды. К сожалению, на этих стоянках не найдены жилищные конструкции и невозможно реконструировать жилое пространство древних насельников Притоболья и Торгая [Логвин 1986].

Стоянки Дузбай 1–3, Бестамак очень удачно расположены в пойменных участках реки при резком сужении русла, удобных для рыболовства и охоты на водоплавающую птицу и копытных животных на водопое.

Кремневая индустрия маханджарских памятников продолжает мезолитические традиции пластинчатого облика стоянок Притоболья. На одном из опорных памятников – Солёное Озеро 2

пластины составляют 44,3%, а орудийный набор на пластинах более 80% из всех орудий коллекции. По мнению В.Н. Логвина, процент пластин на стоянках Евгеньевка 1 и Дузбай 6 несколько ниже, но не принципиально отличается от показателей Солёного Озера 2. Со сменой мезолита на неолитическую эпоху в производстве орудий труда использование уральских кремнистых пород, в основном сменилось на различные кварцитовые породы явно казахстанского происхождения. По нашему мнению, находки предметов из уральских пород на неолитических стоянках говорят не столько о взаимодействиях культур, сколько о разновременности коллекций таких памятников, как стоянки Бестамак, Дузбай 1–3, Алкау 2.

Довольно своеобразна посуда маханджарской культуры, отличие выражается в оформлении дна сосудов, оно коническое, иногда завершается шипом. Три сосуда со стоянки Солёное Озеро 2 реставрированы полностью, а крупные фрагменты керамики стоянки Маханджар позволяют реконструировать форму самих сосудов и оформление дна. Посуда удлинённых пропорций, диаметры горловины и тулова равнозначны, венчик округлой, приострённой или уплощённой форм, как правило, отогнут наружу, иногда загнут внутрь сосуда. Зональный орнамент располагался по венчику, стенкам сосудов и придонной части, довольно часто наносился только по шейке, иногда орнамент наносился по всей поверхности и заходил на срез венчика. Встречается посуда с орнаментом по внутренней части. В технике нанесения орнамента господствует зубчатый штамп. Эта керамика находит аналогии по форме тулова и орнаменту с керамикой – Жабай-Покровка 1, которая датируется ранним этапом неолита Северного Казахстана, конца VII – начала VI тыс. до н.э. до V–IV тыс. до н.э. На юге керамика маханджарской культуры находит наиболее близкие аналогии в материалах стоянок дарьясайского этапа неолита Кызылкумов. Ни на Южном Урале, ни в Нижнем Притоболье сосуды такой формы оформления днища неизвестны, шиповидная посуда не встречается на памятниках всей Евразийской территории [Логвин 1986].

По археологическим материалам Притоболья и Тургайской низменности в настоящее время достаточно уверенно можно говорить лишь о нижней и верхней датах неолитической эпохи. Маханджарская культура была типичным явлением для VII–IV тыс. до н.э. евразийских степей и находит широкие аналогии на соседних территориях. Таким образом, памятники маханджарской культуры должны датироваться в диапазоне от конца VII – начала VI тыс. до н.э. до конца V – начала IV тыс. до н.э. Этому не противоречит и наличие на некоторых памятниках маханджарской керамики с намечающимся воротничком и шиповидным дном, что может являться особенностью отдельных памятников.

Относительно неплохо были изучены неолитические памятники Тоболо-Иртышского междуречья и на материалах стратифицированных памятников региона В.Ф. Зайбертом была выделена атбасарская культура [Зайберт 1992]. В.Ф. Зайберт считает, что неолит региона сложился на базе местных мезолитических традиций, его начало можно считать VII—VI тыс. до н.э. [Зайберт, Потемкина 1981]. В основу определения нижней границы неолитической эпохи послужила единственная для раннего голоцена Тоболо-Иртышского междуречья радиоуглеродная дата С14 (10540+200 от наших дней), полученная по углю, обнаруженному в яме круглой конструкции с заполнением углем и мелкими кальцинированными костями позднемезолитической стоянки Тельмана XIVa. Аналогичные, хорошо датированные памятники Средней Азии и Зауралья авторы исследований относят к VII—VI тыс. до н.э. [Виноградов 1968].

Поскольку технологически и типологически позднемезолитические и ранненеолитические комплексы близки, генетически связаны, то временной разрыв между ними не может быть большим. С учетом имеющейся даты ранний неолит надо датировать концом VII – VI тыс. до н.э. Хронологические рамки конца каменного века определяются началом III тыс. до н.э., появлением на территории Урало-Иртышского междуречья энеолитической ботайской культуры. Хронология

среднего и позднего неолита укладывается в рамки V – начала III тыс. до н.э., это близко к хронологическим этапам, выделенным на сопредельных территориях [Коробкова 1981].

При сравнении памятников Северного Казахстана с материалами поселения Усть-Нарым на основе типологического и трасологического анализа, произведённого Г.Ф. Коробковой, отмечается своеобразие форм нуклеусов – от клиновидного (кокоревского) типа до конического, широко распространённого в неолите и при сопоставлении со стоянкой Караганда XV, Зеленая Балка IV наблюдается высокая степень сходства в технологии и типологии. Это, например, двусторонние наконечники стрел с выемкой в основании и другие типы; тот же принцип вкладышевой техники, большое количество трапеций, резцов. Имеются наконечники стрел на пластинах, идентичные экземплярам из Тельмана I, X, Мичуринская I [Коробкова 1981].

Стоянки Северо-Восточного Казахстана, исследованные Л.А. Чалой, также близки ко многим мезолитическим, ранненеолитическим и энеолитическим памятникам. Стоянка Пеньки I аналогична объектам Тельмана I, X [Чалая 1971: 14].

Ранненеолитические памятники Тоболо-Иртышского междуречья наиболее близки к стоянке Агиспе в Приаралье и ряду орудий стоянки Саксаульской I. Их ранний возраст (в пределах неолита) отмечали А.П. Окладников [Окладников 1950: 313], А.В. Виноградов [Виноградов 1968: 156], А.А. Формозов, опубликовавший эти материалы, датировал их III тыс. до н.э. [Формозов 1950: 141–147].

Определённая близость ишимских памятников наблюдается при сравнении с костанайскими стоянками на Тоболе, опубликованными К.В. Сальниковым [Сальников 1962: 16], А.А. Формозовым [Формозов 1951: 11], В.Н. Логвиным, которые носят явно смешанный характер. Наиболее интересны несколько пунктов, хронологически достаточно однородных – это стоянка Амангельды I, автор раскопок В.Н. Логвин, а затем – Л.Я. Крижевская [Крижевская 1968: 161] отнесли её к рубежу IV–III тыс. до н.э., по всем признакам – сырью, технике расщепления, набору – коллекция близка к материалам типа Тельмана X и относится к раннему неолиту. Другой памятник, Евгеньевка I, исследован сборами. В.Н. Логвин синхронизировал стоянку со слоем Va Джебела и датирует её в пределах IV тыс. до н.э. Коллекция также смешанная. При просмотре артефактов встречены неолитические и более ранние формы [Логвин 1977].

Периодизация неолита Казахстана, в т. ч. Северного, до 1970-х гг. базировалась на ограниченных материалах и зависела от разработанности этого вопроса на сопредельных территориях Средней Азии, Западной Сибири, Урала. Намеченная периодизация и хронология на материалах Приишимья в общих чертах отражает закономерности в материальной культуре неолитического населения бóльшей части Казахстана. В целом казахстанские памятники, особенно северных регионов, входят в круг единой культурно-хронологической традиции развития каменной индустрии и являются единокультурными. Это не исключает определенных хронологических сдвигов, культурного своеобразия отдельных регионов республики на протяжении всего неолита.

В связи с многолетними работами Северо-Казахстанской археологической экспедиции появилась возможность проследить закономерность развития материальной культуры в неолите, начальные этапы которого датируются не позднее VII тыс. до н.э., а в III тыс. появляется первый металл.

В раннем неолите по сравнению с мезолитом стабилизируется характер сырья. Если в мезолитических памятниках наблюдается разнообразная порода – от кремня до молочного кварцита, то в неолите в основном серая или красноватая яшмовидная порода. Однако техника расщепления существенно не меняется. Нуклеусы призматические, конические, карандашевидные, правда, почти нет в неолите клиновидных, которые широко распространены в мезолите. Преемственность наблюдается и в характере использования исходных заготовок. Набор орудий

неолитических коллекций также отражает связь с предшествующей мезолитической эпохой и появление новых форм, вызванных экономическими требованиями на новом историческом этапе. В неолите с новой силой расцветает техника резцового скола, краевое ретуширование пластин. Облик ранненеолитических орудий составляли боковые, угловые резцы, восходящие своими корнями в верхний палеолит, пластины с торцевой выемкой, наконечники стрел на пластинах, трапеции, развертки, скобели и прочие изделия.

Новой является техника двусторонней отжимной ретуши, которая базируется на бифасной технике оббивки эпохи палеолита и мезолита. Основой для построения данной линии развития кремневой индустрии от мезолита до энеолита явились полевые стратиграфические наблюдения. Наши наблюдения и заключения специалистов-почвоведов вполне укладываются в разработанную палеоклиматическую шкалу для всей Евразии [Нейштадт 1969: 5–12].

Для позднекаменного века территории Тоболо-Иртышского междуречья выделены три периода – ранний, средний и поздний. Деление памятников на периоды сделано на основании сопоставления материалов чистых комплексов, их сравнительно-статистической обработки по типам орудийного набора и соотношения с материалами соседних территорий с наличием абсолютных дат.

К раннему неолиту отнесены целые группы памятников атбасарской культуры разных микрорайонов: Жабай-Покровка I, Тельмана I, X, XIV, VIIIб, относящихся к тельманскому микрорайону; явленских памятников – Боголюбово III Явленка VI, VII, Карлуга III; виноградовских – Виноградовка XIV, Виноградовка II (верхний слой). Судя по почвенным напластованиям, культурные слои относятся к началу атлантического периода, т. к. гумусированный культурный слой перекрыт почвой пойменного характера.

В неолите получает дальнейшее развитие пластинчатая индустрия, сохраняется некоторая преемственность в технологии и типологии с мезолитическими, но отличаются по сырью, оно становится более однообразным, в основном применяется яшмовидный качественный кварцит серого или светло-коричневого цвета.

В раннем неолите по сравнению с мезолитом набор типов орудий становится гораздо богаче, разнообразнее становится вторичная обработка. Появляются двусторонние формы, рубящие орудия с частичной пришлифовкой, и появляется керамика.

Разнообразный орудийный набор представлен следующими сериями: наконечники стрел на пластинах с ретушированным пером и прямым основанием; различные резцы; симметричные трапеции с выемкой по верхнему основанию и без таковой; наконечники дротиков листовидной формы с двусторонней обработкой; пластины с торцевой выемкой; развертки; различные скребки на пластинах; ножи на удлиненных отщепах. Характерны и всевозможные макроформы. Керамика в коллекциях немногочисленна, остродонная с примесью в тесте крупного песка, дресвы, или растительных остатков, орнаментом в виде «шагающей гребенки», ямочных вдавлений, всевозможных волнистых прочерченных и накольчатых линий.

Была выделена серия памятников, относящихся к среднему неолиту: стоянки микрорайонов явленской группы – Явленка IV, V, Карлуга IV, Боголюбово II, Булаево I; виноградовской – Виноградовка X, XI; тельманской группы – Тельмана XV, XVII, Жабай-Покровка III и др. Совсем исчезают в кремневой индустрии мезолитические традиции. Культурные слои залегают в гумусированной супеси и чернозёмном слое. В инвентаре прослеживается сочетание пластинчатой индустрии с двусторонне обработанными формами на отщепах. Широко распространены наконечники стрел на отщепах правильной листовидной формы. Встречаются ножи с выделенной рукоятью, наконечники стрел на пластинах, различные трапеции, среди макроформ – отбойники, молоты, скребла, ножи и др. Исчезают мезолитические и ранненеолитические типы орудий. Форму посуды полностью

восстановить не удаётся из-за фрагментарности, она практически идентична ранненеолитической керамике.

К позднему неолиту относится группа явленского микрорайона – Явленка III, Бишкуль I, Карлуга, Красногорка, Энбек; тельманского – Тельман XI–XIII, IXб; и виноградовского микрорайона, известных по разведочным данным – Берлиновка I, Кучковка I, Кенеткуль III и др. Культурные слои залегают в верхнем сильно гумусированном почвенном слое, который относится, вероятно, к IV–III тыс. до н.э.

Каменный инвентарь резко отличается от материалов предшествующих этапов по всем признакам. Для инвентаря используется некачественное сырье – крупнозернистый кварцит, который пригоден для изготовления орудий на отщепах и двусторонних форм. Пластинчатая техника деградирует, в коллекциях присутствуют единичные пластины, которые применялись в основном без вторичной обработки. Керамика практически идентична предшествующей, сосуды тонкостенные, круглодонные или с приострённым дном, с орнаментом в виде «гребенчатого штампа», прочерченных волнистых и ломаных линий и накольчатая.

Предложенная периодизация, безусловно, не представляет собой окончательного варианта, но достаточно полно отражает современный уровень источниковедческой базы в Северном Казахстане. Сложнее обстоит дело с абсолютным датированием каждого из выделенных периодов. Хозяйственные комплексы памятников атбасарской культуры были реконструированы на основании экспериментально-трасологических исследований инвентаря стоянок А.А. Плешаковым [Плешаков 2019]. В результате были выделены орудия труда, соответствующие определённым трудовым операциям, применяемым при различных функциональных трудовых операциях, которые позволили восстановить процессы жизнедеятельности древнего населения.

Обилие и разнообразие животного мира в каменном веке на территории лесостепи несомненно. Подвижка зон с изменением климата в разные этапы мезо-неолита подразумевает увеличение количества одних животных на данной территории за счёт уменьшения поголовья других. Предметом охоты были крупные копытные животные, обитавшие в этом районе в позднекаменном веке, которые давали мясную массу пищи и шкуры, а также, пушные звери, которые водились в лесостепной и степной зонах. Среди остеологического материала стоянки Виноградовка XIV Л.А. Макаровой обнаружены кости тура, бизона, лошади [Зайберт 1992: 5–24].

Основными орудиями охоты служили луки со стрелами и всевозможные силки и ловушки разных конструкций. Определена целая серия орудий труда, составляющих основу охотничьего хозяйства, они представлены в коллекциях памятников наконечниками стрел и копий, вкладышами ножей и кинжалов, вкладышами составных охотничьих орудий (Виноградовка XIV – 41,8%; Виноградовка II – 46,7%; Тельмана XIV – 39,7%; Жабай-Покровка I – 42,4%; Явленка II – 48%; Тельмана XII – 41,7%). Кроме того, известны многие способы охоты на животных с применением разнообразных загородок, ловушек лабиринтного типа, ловчих ям, силков и прочих орудий лова, которые использовались с древности. В охоте на пушных зверей применялись тупые, но увесистые костяные и деревянные наконечники стрел. Животные, живущие в норах, до сих пор добываются с помощью петель и капканов различной системы [Плешаков 2019]. В то же время на стоянках Тельмана XIV, Виноградовка XIX и др. найден набор орудий, по которым можно судить о комплексном хозяйстве присваивающего типа [Зайберт и др. 2012].

Сырьевой базой для памятников атбасарской культуры и соседних территорий служили отроги Казахского мелкосопочника. В зоне Тельманского микрорайона обнаружен Тимашевский комплекс по добыче камня. Яшмокварцитовые породы, обнаруженные здесь в валунах, давали сырьё для изготовления орудий труда на протяжении всего каменного века. В окрестностях с. Новомихайловка (бывш. Кокшетауская обл.), на берегу р. Ишим обнаружены выходы яшмокварцитовых пород,

которыми обеспечивались стоянки каменного века Среднего Приишимья. Вероятно, кроме валунного сырья использовались яшмокварцитовые породы, добываемые из кремневых шахт.

В развитом неолите появляются крупные пластины и нуклеусы. На стоянке Тельмана X нуклеусы достигают 10 см и более. Судя по экспериментальным данным, практиковалось снятие пластин без применения отжимников с дополнительной конструкцией рычага, посредством которого достигалось давление большой силы.

В связи с развитием и совершенствованием техники снятия пластин развивается вкладышевая техника. На смену орудиям мезолита, где использовались несколько вкладышей, приходят неолитические изделия с одной–двумя пластинами. Наиболее пригодными для изготовления орудий труда являются медиальные части, но из-за нехватки сырья проксимальные и дистальные части тоже находят применение. Оправы и рукояти для орудий изготавливались из кости, рога и дерева.

В коллекции практически нет определённых типов изделий, предназначенных для конкретных операций, за исключением скребков и наконечников стрел. Поэтому типы орудий, скорее, характеризуют технологические традиции обработки камня и изготовления орудий труда, а не свидетельствуют о разнообразии производственных операций. Большое количество изделий имеют следы от применения в нескольких трудовых операциях, т. е. являлись многофункциональными [Плешаков 1993].

Обсуждение

В азиатской микролитической культурной зоне в настоящее время достаточно чётко выделяется северо-казахстанская этнокультурная область. Она занимает территорию Тоболо-Иртышского междуречья – от Тюменского Приишимья на севере до Карагандинского бассейна на юге. Наиболее изучены и, соответственно, более широко представлены на археологической карте районы Приишимья и Притоболья. Выделяемая этнокультурная область охватывает широкий хронологический диапазон – от мезолита до халколита. В среднем неолите продолжает прослеживаться генезис явленского варианта и нивелирование тельманского за счёт их активного взаимодействия. В ранненеолитическое время памятники атбасарской культуры были распространены в пределах намеченной северо-казахстанской этнокультурной области и в ряде случаев за её пределами. Аналогичные памятники известны в Прииртышье: Пеньки и Омская стоянка [Матющенко 1966: 79].

Северо-западной границей распространения атбасарской культуры является Притоболье, а западной и юго-западной – Тургайская ложбина. Из раскопанных памятников этих районов наиболее близка Тельманскому стоянка Амангельды. Притоболье и Тургайская ложбина в неолите являлись контактной зоной между казахстанским, южно-уральским и южно-зауральским населением, что в полной мере отразилось в облике материальной культуры. Эта близость наблюдается в контактной зоне Притоболья и Тургайской ложбине. Южная граница распространения атбасарской культуры доходит до Карагандинского бассейна, где раскопаны две стоянки Караганда XV, Зеленая Балка 4 [Клапчук 1970: 153]. На юге Акмолинской области В.Н. Волошиным исследована родниковая стоянка Жанбобек 4. В культурном слое мощностью до 50 см найдены керамика и кремень, аналогичные поселению Тельмана X.

Западнее, восточнее и южнее карагандинских памятников известны лишь материалы, полученные в результате сборов [Маргулан, Агеева 1948: 129]. Типологически коллекции неоднородны, поэтому трудно говорить что-либо определённое. Однако не исключено, что с изучением Центрального и Юго-Западного Казахстана здесь будут выявлены ранненеолитические комплексы. На более отдалённой от Северного Казахстана территории Средней Азии выявлены

неолитические комплексы, причем датированные по радиокарбону, которые хронологически можно сопоставлять с памятниками атбасарской культуры. Это стоянка Учащи 13, которая дала серию «рогатых трапеций», и аналогичная стоянка Бешбулак 15. Известен памятник Оюклы, расположенный в юго-восточном Прикаспии [Марков 1961: 68]. В 1970-е гг. на Устюрте Е. Бижановым выявлены стоянки, давшие серии трапеций с выемкой, резцов и другие типы [Бижанов 1978: 18].

Хорошо изучен регион Южного Урала, но нет памятников, которые дают материал, близкий по набору к ранненеолитическим памятникам атбасарской культуры. На позднем этапе атбасарской культуры в среднем неолите культурное окружение уже несколько иное. Изменяется и облик выделяемой культуры, где доминирует явленский вариант с отщеповой индустрией. Изменения, прослеженные в облике кремневого инвентаря на данном этапе, однозначно объяснить трудно. Но очевидно, что доминантой в этом процессе явились внутренние причины – развитие производительных сил общества.

Особенностью позднего этапа атбасарской культуры является наличие среди кремневого инвентаря некоторых памятников (пос. Виноградовка X) архаических типов – пластинок с притуплённой спинкой и ретушированным торцом, наиболее характерных для позднего мезолита Северного Казахстана. В коллекциях со среднего неолита существенно возрастает процент остеологического материала и изделий из костей животных. Керамика, представленная в материальных комплексах, по-прежнему малочисленна и невыразительна, она тонкостенная, с примесью дресвы, растительных остатков, песка. Форма – круглодонная или яйцевидная, орнамент беден – «шагающая» гребёнка, гребенчатый зигзаг, накольчатые линии или ямочные вдавления.

Памятники этого времени, локализуясь в пределах северо-казахстанской этнокультурной области, являются, как и ранненеолитические, несколько своеобразными на фоне окружающих территорий. Однако для этого периода наблюдаются некоторые близкие параллели в сырье, типологии инвентаря, керамике между районами Северного Казахстана и Западной Сибири. Наиболее близким памятником, который раскопан в Тюменском Приишимье, является стоянка Кокуй I. Авторы раскопок связывают её керамику с посудой Екатерининской и Омской стоянок. Эта керамика идёт в комплексе с кремневыми орудиями; истоки которой, а также кремня, авторы связывают с югом Тюменского Приишимья. Материалы подтверждают предположения Л.Я. Крижевской и других исследователей, определивших время существования памятников типа Кокуй I – конец V – IV тыс. до н.э. Близость инвентаря стоянки Кокуй I с материалами памятников Явленка IV, V, Виноградовка X, Жабай-Покровка III и др. прослеживается по всем основным показателям – сырью, технике расщепления, типологии и морфологии.

Черты сходства в инвентаре и территориальная близость объектов позволяют поставить вопрос о культурном единстве памятников раннего этапа среднеиртышской и позднего этапа атбасарской культур. Эту близость можно объяснить двояко: 1) активной культурной и этнической взаимосвязью населения двух регионов, расположенных в одной долине реки, которая облегчала эти связи в течение круглого года; 2) результат меридиональной миграции населения Северного Казахстана вдоль водных транспортных магистралей степных и лесостепных районов Казахстана до северной кромки лесостепи Западной Сибири.

Памятники следует считать однокультурными, поскольку связи населения, оставившего кокуйские памятники, с аборигенами Тоболо-Исетского бассейна археологически менее выражены, нежели Ишимского. На западе северо-казахстанской этнокультурной области материалы памятников явленского варианта уже не находят таких близких комплексных аналогий, как с районом Тюменского Приишимья. На Южном Урале, примыкающем к Притоболью с востока, в настоящее время известно большое количество памятников, изученных раскопками. Это стоянки Чебаркуль 1-й, Учалинская I, Сабакты 6, Суртанды 6 и др. [Крижевская 1968: 69; Матюшин 1976].

Южно-уральские средненеолитические памятники составляют своеобразную культурную группу с выраженной пластинчатой индустрией, имеющей ряд сходных черт общего порядка с казахстанским неолитом. Сходство соответствует, вероятно, не уровню южно-уральско-казахстанской общности, а понятию единой культурной зоны.

Выводы

Центрально-казахстанские, восточно-казахстанские параллели в настоящее время выражены слабо, сравнение комплексов затруднено из-за отсутствия раскопанных стратифицированных однослойных или многослойных стоянок с чёткой стратиграфией. В позднем неолите в пределах северо-казахстанской этнокультурной области происходит дальнейшее развитие средств производства на базе отщеповой индустрии и сложение уже качественно новой культуры, распространяющейся в пределах этнокультурной области – ботайской.

В это время повсеместно наблюдается процесс активного внедрения в практику древнего мастерства техники двусторонней обработки камня и шлифования. Характерно, что изменяется и сырьё – на смену достаточно качественным яшмовидным породам приходит крупнозернистый кварцит. Пластинчатая техника, хотя и остаётся, но уже не играет той ведущей роли, которая была отведена ей в предыдущие эпохи. Археологический материал показывает его однообразие на изучаемой территории республики. Если в раннем неолите наблюдалось два чётких варианта атбасарской культуры, то в позднем происходит нивелирование этих вариантов и однообразие технологии и набора на широкой территории, выходящей за пределы Тоболо-Иртышского междуречья.

Данная тенденция в изменении облика орудий труда и керамики наблюдается на широкой лесостепной и полупустынной части Азии, куда входит и северо-казахстанская этнокультурная область. Если в пределах большой микролитической культурной зоны евразийской лесостепи в позднем мезолите и раннем неолите она являлась лишь фоном для образования локальных этнических группировок, то в позднем неолите и особенно халколите мы можем говорить о сложении на этой территории крупных культурно-исторических общностей, объединённых, вероятно, не только сходной экономикой.

ЛИТЕРАТУРА

1 *Акишев К.А*. Археология Казахстана: основные направления и итоги // СА. 1978. № 1. С. 5–14.
2 АКК – Археологическая карта Казахстана. Реестр. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. 498 с.
3 *Бижанов Е.Б.* Неолитические памятники юго-восточного Устюрта // Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта / Отв. ред. С.М. Камалов. Ташкент: ФАН. 1978. С. 18–78.
4 *Бадер О.Н.* Уральский неолит // Каменный век на территории СССР. Материалы и исследования по археологии СССР. М.: АН СССР, 1970. № 166. С. 157–171.
5 *Виноградов А.В*. Неолит Устюрта // История, археология и этнография Средней Азии. К 60-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР, доктора исторических наук, профессора С.П. Толстова / Ред. кол.: А.В. Виноградов, М.Г. Воробьёва, Т.А. Жданко, М.А. Итина, Л.М. Левина, Ю.А. Рапопорт. М., 1968. С. 64–75.
6 *Волошин В.С.* К типолого-стратиграфической схеме по палеолиту Центрального Казахстана // Маргулановские чтения / Отв. ред. К.М. Байпаков. Алма-Ата, 1989. С. 70–74.
7 *Драверт П.* Грот с писаницей на озере Джасыбай в окрестностях Баян-Аула // Известия Западно-Сибирского отдела русского географического общества. 1930. Вып. VII. С. 231–234.
8 *Зайберт В.Ф.* Атбасарская культура. Екатеринбург: УрО РАН, 1992. 222 с.
9 *Зайберт В.Ф., Плешаков А.А., Төлебаев А.* Атбасарская культура / МИАК. Астана: ФИА, 2012. 352 с.

10 *Зайберт В.Ф., Потемкина Т.М.* К вопросу о мезолите лесостепной части Тоболо-Иртышского междуречья // СА. 1981. № 3. С. 107–128.
11 *Збруева А.В.* Древние культурные связи Средней Азии и Приуралья // ВДИ. 1946. № 3. С. 182–190.
12 *Клапчук М.Н.* Неолитические стоянки Караганда 15 и Зеленая Балка 4 // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. 1969. № 36. С. 108–118.
13 *Клапчук М.Н.* Стоянка Караганда XV // СА. 1970. № 4. С. 153–160.
14 *Коробкова Г.Ф.* Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР: автореф. дис. … докт. ист. наук. М., 1981. 40 с.
15 *Крижевская Л.Я*. Неолит Южного Урала. Л.: Наука, 1968. 183 с.
16 *Логвин В.Н.* Новый памятник каменного века Кустанайской области // СА. 1977. № 4. С. 270–275.
17 *Логвин В.Н*. Неолит и энеолит степного Притоболья: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1986. 26 с.
18 *Маргулан А.Х., Агеева Е.И.* Археологические работы и находки на территории Казахской ССР // Известия АН КазССР. Сер. археол. Вып. 1. 1948. С. 129–135.
19 *Марков Г.Е.* Раскопки первобытной стоянки Оюклы // Вестник МГУ. Сер. IX, история. 1961. № 3. С. 67–82.
20 *Матюшин Г.Н*. Мезолит Южного Урала. М.: Наука, 1976. 386 с.
21 *Матющенко В.И*. Омская стоянка // Вопросы археологии и этнографии Западной Сибири. Томск, 1966. С. 79–93.
22 *Мелентьев А.Н.* Мезолит Северного Прикаспия (памятники сероглазовской культуры) // КСИА. 1977. Вып. 149. С. 100–108.
23 *Мерц В.К.* Периодизация голоценовых комплексов Северного и Центрального Казахстана по материалам многослойной стоянки Шидерты 3: автореф. дис. … канд. ист. наук. Кемерово, 2008. 27 с.
24 *Мерц В.К.* Раскопки на стоянке Шидерты 3 // Маргулановские чтения / Сост. В.Ф. Зайберт. Петропавловск: Лаб. археол. исслед. Петропавл. пед. ин-та, 1992. С. 24–26.
25 *Нейштадт М.И.* Введение // Голоцен. К VIII конгрессу INKWA. М, 1969. С. 5–12.
26 *Окладников А.П*. Неолит и бронзовый век Прибайкалья / МИА СССР. М.: АН СССР, 1950. № 18. 412 с.
27 *Плешаков А.А.* Характер и развитие орудий труда населения каменного века эпохи голоцена Приишимья: автореф. дис. … канд. ист. наук. Алматы, 1993. 23 с.
28 *Плешаков А.А.* Хозяйство населения Атбасарской культуры на основе результатов трасологического анализа артефактов // Вестник СКГУ им. М. Козыбаева. 2019. № 1 (42). С. 116–122.
29 *Сальников К.В*. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы // Археология и этнография Башкирии / Под ред. Р.Г. Кузеева, К.В. Сальникова. Т. I. Уфа: БФАН СССР, 1962. С. 16–58.
30 *Толстов С.П.* Древний Хорезм: опыт историко-археологического исследования. М.: МГУ, 1948. 352 с.
31 *Формозов А.А*. Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем // КСИИМК. 1950. Вып. 31. С. 141–147.
32 *Формозов А.А.* К вопросу о происхождении андроновской культуры // КСИИМК. 1951. Вып. 39. С. 3–18.
33 *Чалая Л.А*. Неолит Северо-Восточного и Центрального Казахстана: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1971. 24 с.
34 *Чалая Л.А.* Поздненеолитический инвентарь и хозяйство стоянки Иман-Бурлук // Археологические исследования в Казахстане / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1973. С. 188–203.
35 *Чернецов В.Н*. Древняя история Нижнего Приобья // МИА СССР. М.: АН СССР, 1953. № 35. С. 7–71.
36 *Черников С.С.* Восточный Казахстан в эпоху неолита и бронзы: автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1970. 60 с.
37 *Черников С.С*. Локальные и хронологические группы в неолите Казахстана // Каменный век Средней Азии и Казахстана: Тезисы докладов / Ред. У.И. Исламов. Ташкент: ФАН, 1972. С. 59–62.

REFERENCES

1 Akishev, K. A. 1978. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet archaeology)* 1, 5–14 (in Russian).
2 *Arkheologicheskaya karta Kazakhstana* (*Archaeological map of Kazakhstan)*. 1960. Alma-Ata: KazSSR Academy of Sciences (in Russian).
3 Bizhanov, Ye. B. 1978. In: Kamalov, S. M. (ed.). *Drevnyaya i srednevekovaya kultura yugo-vostochnogo Ustyurta (Ancient and medieval culture of south-eastern Ustyurt).* Tashkent: “FAN” Publ., 18–78 (in Russian).

4 Bader, O. N. 1970. In: *Kamennyy vek na territorii SSSR. Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR (Stone Age on the territory of the USSR. Materials and research on the archeology of the USSR).* Issue 166. Moscow: USSR Academy of Sciences, 57–171 (in Russian).
5 Vinogradov, A. V. 1968. In: Vinogradov, A.V. et al. (eds.). *Istoriya, arkheologiya i etnografiya Sredney Azii* (*History, archaeology and ethnography of Central Asia).* Moscow, 64–75 (in Russian).
6 Voloshin, V. S. 1989. In: Baipakov, K. M. (ed.). *Margulanovskiye chteniya (Margulan readings),* Alma-Ata, 70–74 (in Russian).
7 Dravert P. *1930.* In *Izvestiya Zapadno-Sibirskogo otdela russkogo geograficheskogo obshchestva (Proceedings of the West Siberian Department of the Russian Geographical Society)* VII, 231–234 (in Russian).
8 Zaibert, V. F. 1992. *Atbasarskaya kultura (Atbasar culture).* Yekaterinburg: Ural Branch of the RAS (in Russian).
9 Zaibert, V. F., Pleshakov, A. A., Tolebayev, A. Z. 2012. *Atbasarskaya kultura* (*Atbasar culture)*. Astana: Branch of the Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
10 Zaibert, V. F., Potemkina, T. M. 1981. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet archaeology)* 3, 107–128 (in Russian).
11 Zbruyeva, A. V. 1946. In *Vestnik drevney istorii (Bulletin of ancient history),* 3, 182–190 (in Russian).
12 Klapchuk, M. N. 1969. In *Byulleten Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda (Bulletin of the Commission for the Study of the Quaternary Period),* 36, 108–118 (in Russian).
13 Klapchuk, M. N. 1970. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet archaeology)* 4, 153–160 (in Russian).
14 Korobkova, G. F. 1981. *Khozyaystvennyye kompleksy rannikh zemledelchesko-skotovodcheskikh obshchestv yuga SSSR (Economic complexes of early agricultural and pastoral societies in the south of the USSR)* (in Russian).
15 Krizhevskaya, L. Y. 1968. *Neolit Yuzhnogo Urala (Neolithic of the Southern Urals.).* Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
16 Logvin, V. N. 1977. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet archaeology)* 4, 270–275 (in Russian).
17 Logvin, V. N. 1986. *Neolit i eneolit stepnogo Pritobol'ya* (*Neolithic and Chalcolithic of the steppe Tobol region)*: Abstract of the Thesis Cand. Hist. Sc. Moscow (in Russian).
18 Margulan, A. K., Ageyeva, Ye. I. 1948. In *Izvestiya Akademii Nauk KazSSR (Proceedings of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR)* 1, 29–135 (in Russian).
19 Markov, G. Ye. 1961. In *Vestnik MGU (Bulletin of the Moscow State University).* Ser. IX, 3, 67–82 (in Russian).
20 Matyushin, G. N. 1976 *Mezolit Yuzhnogo Urala* (*Mesolithic of the Southern Urals).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
21 Matyushenko, V. I. 1966. In: *Voprosy arkheologii i etnografii Zapadnoy Sibiri (Issues of archaeology and ethnography of Western Siberia.).* Tomsk, 79–93 (in Russian).
22 Melent'yev, A. N. 1977. In *KSIA (Brief communications of the Institute of Archaeology)* 149, 100–108 (in Russian).
23 Merts, V. K. 2008. *Periodizatsiya golotsenovykh kompleksov Severnogo i Tsentralnogo Kazakhstana po materialam mnogosloynoy stoyanki Shiderty 3 (Periodization of Holocene complexes of Northern and Central Kazakhstan based on the materials of the multilayer Shiderty site 3).* Abstract of the Thesis Cand. Hist. Sc. Kemerovo (in Russian).
24 Merts, V. K. 1992. In *Margulanovskiye chteniya (Margulan readings).* Petropavlovsk: Petropavlovsk Pedagogical Institute, 24–26 (in Russian).
25 Neyshtadt, M. I. 1969. In: *Golotsen. K VIII kongressu INKWA,* 5–12 (in Russian).
26 Okladnikov, A. P. 1950. *Neolit i bronzovyi vek Pribaikaliya (Neolithic and Bronze Age of the Baikal region).* Moscow: USSR Academy of Sciences (in Russian).
27 Pleshakov, A. A. 1993. *Harakter i razvitie orudiy truda naseleniya kamennogo veka epohi golotsena Priishimiya (The nature and development of tools of the Stone Age population of the Holocene epoch of the Ishim river region)*: Abstract of the Thesis Cand. Hist. Sc. Almaty (in Russian).
28 Pleshakov, A. A. 2019. In *Vestnik Severo-Kazahstanskogo Universiteta (Bulletin of the North Kazakhstan University)* 1, 116–122 (in Russian).
29 Salnikov, K. V. 1962. In: Kuzeev, R. G., Salnikov, K. V. (eds.). *Arheologiya i etnografiya Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)*, I, 16–58 (in Russian).
30 Tolstov, S. P. 1948. *Drevniy Khorezm: opyt istoriko-arheologicheskogo issledovaniya (Ancient Khorezm: the experience of historical and archaeological research).* Moscow: Moscow State University (in Russian).

31 Formozov, A. A. 1950. In *KSIIMK (Brief communications of the Institute for the History of Material Culture)* 31, 141–147 (in Russian).
32 Formozov, A. A. 1951. In *KSIIMK (Brief communications of the Institute for the History of Material Culture)* 39, 3–18 (in Russian).
33 Chalaya, L. A. 1971. *Neolit Severo-Vostochnogo i Tsentralnogo Kazakhstana (Neolithic of North-Eastern and Central Kazakhstan)*: Abstract of the Thesis Cand. Hist. Sc. Moscow (in Russian).
34 Chalaya, L. A. 1973. In: Akishev, K. A. (ed.). *Arheologicheskie issledovaniya v Kazahstane (Archaeological research in Kazakhstan).* Almaty: "Nauka" Publ., 188–203 (in Russian).
35 Chernetsov, V. N. 1953. In: *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR (Materials and research on the archaeology of the USSR).* Issue 35. Moscow: USSR Academy of Sciences, 7–71 (in Russian).
36 Chernikov, S. S. 1970. *Vostochnyi Kazakhstan v epokhu neolita i bronzy (East Kazakhstan in the Neolithic and Bronze Age)*: Abstract of the Thesis Doct. Hist. Sc. Moscow (in Russian).
37 Chernikov, S. S. 1972. In: Islamov, U. I. (ed.). *Kamennyi vek Sredney Azii i Kazahstana (The Stone Age of Central Asia and Kazakhstan).* Tashkent: "FAN" Publ., 59–62 (in Russian).

About the Author
Pleshakov Anatoly – Candidate of Historical Sciences, merited Professor, M. Kozybaev North Kazakhstan University, Petropavlovsk, Kazakhstan. ORCID: 0009-0008-3707-3859 E-mail: a.apleshakov@gmail.com

Сведения об авторе
Плешаков Анатолий Андреевич – кандидат исторических наук, заслуженный профессор, Северо-Казахстанский университет им. М. Козыбаева, г. Петропавловск, Казахстан

Автор туралы мәліметтер
Плешаков Анатолий Андреевич – тарих ғылымдарының кандидаты, құрметті профессор, М. Қозыбаев атындағы Солтүстік Қазақстан университеті, Петропавл қ., Қазақстан

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 01.04.2024.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 01.04.2024.

УДК 902. 03. 904. (574)
МРНТИ 03.41.91
https://doi.org/10.52967/3007-6528.2024.1.82.91

Работы на поселении Костомар

© 2024 г. Мерц В.К.

Keywords: *Stone Age, Mesolithic of Kazakhstan, Kostomar settlement, Shiderty culture*
Түйін сөздер: *тас ғасыры, Қазақстанның мезолиті, Қостомар қонысы, шідерті мәдениеті*
Ключевые слова: *каменный век, мезолит Казахстана, поселение Костомар, шидертинская культура*

V. Merts[1, 2]
[1]*Toraigyrov University, Pavlodar, Kazakhstan*

Works at the Kostomar settlement

The article presents preliminary results of field research at the multi-period settlement of Kostomar, located in the northern part of Pavlodar Region. It contains layers from the Late to Early Bronze Age and the Late Mesolithic, representing remnants of the lithic industry of the Shiderty archaeological culture. This is the most prominent complex of Early Holocene lithic industries known in Northern and Central Kazakhstan, distinguished by several typological features and the raw materials used. It is localized within the northeastern part of the Kazakh Uplands and the transboundary zone of the Middle Irtysh region. The settlement is actively being destroyed by flood processes and requires urgent study as one of the most significant sites for understanding Mesolithic and Early Bronze Age monuments in northern Kazakhstan.
Source of funding: The publication was carried out within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2023–2024, project IRN BR18574223.
Citation: Merts, V. 2024. Works at the Kostomar settlement. *Margulan readings–2024.* In 2 vol. Vol. 1. Pp. 82–91.

В.К. Мерц[1, 2]
[1]*Торайғыров университеті, Павлодар қ., Қазақстан*

Қостомар қонысындағы жұмыстар

Мақалада Павлодар облысының солтүстік бөлігінде орналасқан әртүрлі кезеңдердің Қостомар қонысындағы далалық зерттеулердің бастапқы нәтижелері ұсынылған. Бұл қабаттар кейінгі және ерте қола дәуірі мен кейінгі мезолит кезеңдеріне тән, шідерті археологиялық мәдениетінің тас индустриясының қалдықтарын көрсетеді. Бұл Солтүстік және Орталық Қазақстан территориясындағы ерте голоцен кезеңіндегі барлық танымал тас индустрияларының кешендерінің ішіндегі ең көрнекісі, типологиялық ерекшеліктері мен қолданылған шикізат бойынша ерекшеленеді және Қазақтың ұсақ тау шоқыларының солтүстік-шығыс бөлігі мен Орта Ертіс бойы трансшекаралық аймағында таралған. Қоныс су тасқыны салдарынан тез қатты бұзылуда және Қазақстанның солтүстігіндегі мезолит, ерте қола дәуірі ескерткіштері қатарындағы мүмкіндігінше тез арада зерттелуді қажет ететін маңызды нысанның бірі болып табылады.
Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2024 жж. бағдарламалық-нысаналы қаржыландыруы шеңберінде, ЖТН BR18574223 жобасы аясында даярланды.
Сілтеме: Мерц В.К. 2024. Қостомар қонысындағы жұмыстар. *Марғұлан оқулары–2024.* 2 том. 1-т. 82–91-бб. (Орысша).

В.К. Мерц[1, 2]
[1]*Торайгыров университет, г. Павлодар, Казахстан*

Работы на поселении Костомар

В статье приводятся предварительные результаты полевых исследований разновременного поселения Костомар, расположенного в северной части Павлодарской области. Оно содержит слои эпохи поздней - ранней бронзы и позднего мезолита, представляющего остатки каменной индустрии шидертинской археологической культуры. Это наиболее яркий из всех известных на территории Северного и Центрального Казахстана комплексов каменных индустрий раннего голоцена, отличающийся по ряду типологических особенностей и используемому сырью, локализующийся в пределах северо-восточной части Казахского мелкосопочника и трансграничной зоны Среднего Прииртышья. Поселение активно разрушается паводковыми процессами и нуждается в скорейшем изучении, как один из наиболее важных объектов для изучения памятников эпохи мезолита и ранней бронзы на севере Казахстана.
Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2024, ИРН проекта BR18574223.
Цитирование: Мерц В.К. 2024. Работы на поселении Костомар. *Маргулановские чтения–2024.* В 2-х т. Т. 1. С. 82–91.

Введение

Поселение Костомар расположено в северной части Павлодарской области в 0,5 км к северо-востоку от одноименного села. Оно приурочено к краю второй надпойменной террасы левого берега Иртыша, подмываемой его протокой р. Орловской, образующей крутой обрыв высотой до 10 м (рис. 1, *1–2*). Памятник открыт в 2001 г. и изучался по подъёмным материалам [Мерц 2012], сборы которого, периодически проводились до проведения раскопок. Накопление коллекции укрепляло понимание его значения и необходимости дальнейшего изучения как наиболее информативного объекта для некоторых направлений в изучении древнейших этапов истории региона. Сейчас он является одним из наиболее содержательных мезолитических объектов на территории Северного и Северо-Восточного Казахстана с безупречными стратиграфическими условиями залегания культурного слоя. Рекогносцировочные раскопки на памятнике начаты в 2022 г. В результате этих работ изучена стратиграфия, особенности и содержание культурного слоя (рис. 1, *3, 5*). В 2023 г. работы на поселении были продолжены, получено большое количество новой информации.

Целью данного сообщения является информация о ходе работ на памятнике и краткая характеристика новых материалов, связанных с комплексом позднего мезолита, необходимая для понимания культурно-исторических процессов, происходивших в этот период на территории Северного Казахстана и Юга Западной Сибири. Двух крупнейших регионов, культурные и экономические взаимосвязи, которых существовали в течение многих тысячелетий, но ещё слабо изучены. В данной связи необходимо сказать, что одним из важнейших экономических факторов обеспечивавших их культурное взаимодействие, являлась сырьевая база Казахского мелкосопочника, изобиловавшая источниками каменного сырья, совершенно отсутствующего на территории равнинной части Прииртышья, Кулунды и Барабинской Лесостепи. Об этом свидетельствуют материалы не только поселения Костомар, находящегося на территории Прииртышской равнины, недалеко от границы с РФ, но и памятники Омского Прииртышья [Толпеко 2005: 12]. В том числе, таких известных, как Омская стоянка и Черноозерская группа поселений, расположенных в 150 км севернее Омска, каменные индустрии которых базировались на казахстанском сырье [Генинг и др. 1973: 36].

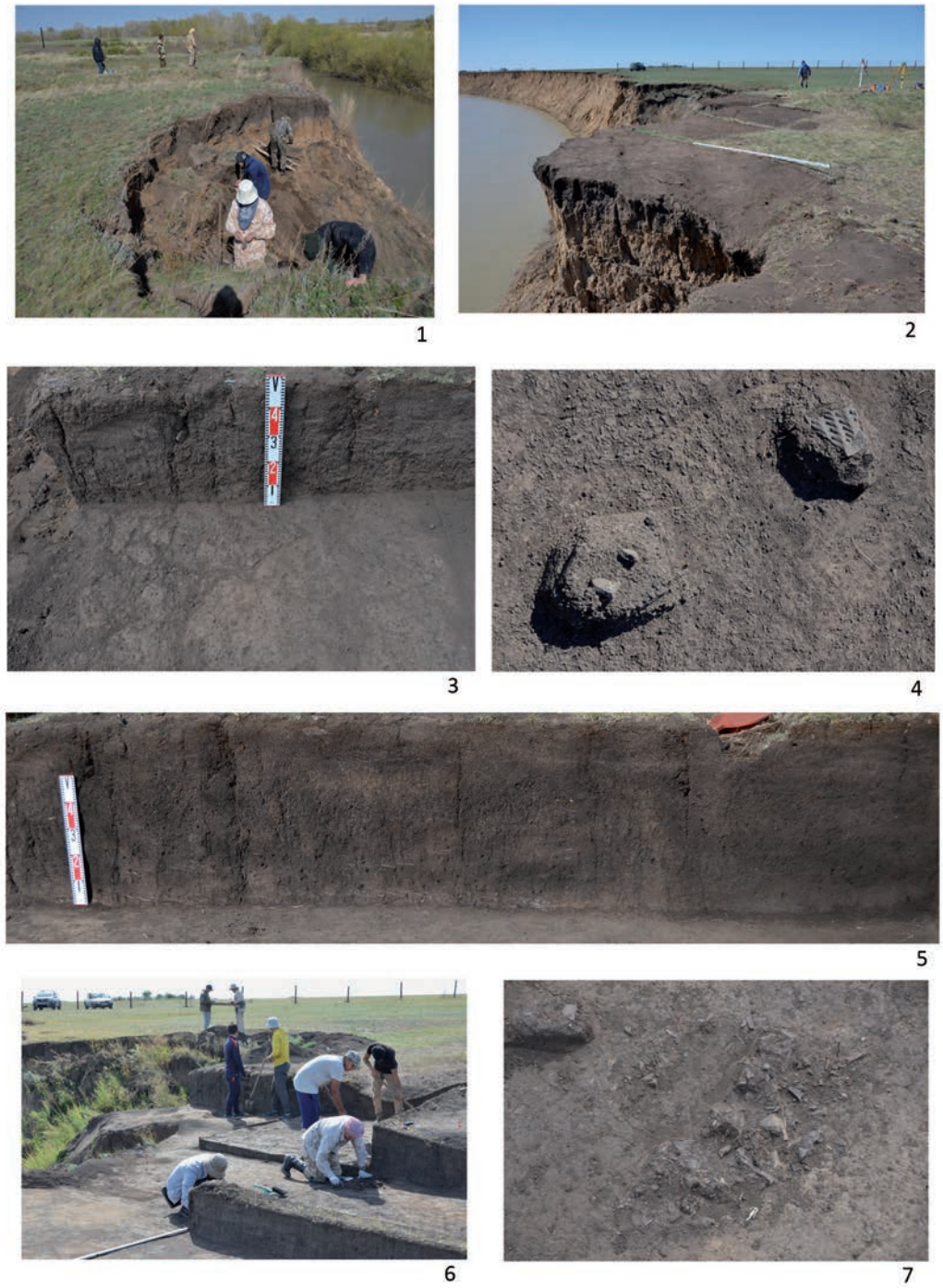


Рис. 1. Поселение Костомар: *1–2* – сбор подъёмного материала, разбивка раскопа с намеченной площадью и характер разрушения поселения; *3–4* – вскрытый участок верхнего культурного слоя с керамикой эпохи ранней бронзы; *5* – общая стратиграфия разреза после зачистки бровки; *6* – вскрытие нижнего культурного слоя; *7* – скопление мелких костей и артефактов в нижнем культурном слое

Материалы и методы

Исходя из охранной цели работ на поселении Костомар, раскоп был заложен вдоль края обрыва (рис. 1, *2*), между двумя промоинами, образовавшимися на наклонной части террасы. Здесь культурный слой был частично поврежден котлованами от выборки дёрна, использовавшегося для сооружения мазаров, расположенного рядом старого казахского кладбища и его ограничительной траншеей. Однако разрушения коснулись в основном верхних слоёв эпохи бронзы. Работы велись по квадратной сетке 3 × 3 м горизонтальной зачисткой слоев от 1–2 до 5 см. Всего здесь вскрыто около 70 кв. м площади памятника, откуда собрано более 10000 предметов, представленных каменными изделиями, керамикой, бронзовыми предметами и фаунистическими остатками. В целом культурный слой очень насыщен артефактами, его выборка производилась с последующим просеиванием грунта, что даёт значительное дополнение в получении археологического материала, особенно микролитического.

Верхняя часть культурных отложений поселения Костомар, приуроченных к гумусированному суглинку и современному почвенному горизонту, содержит материалы эпохи поздней и ранней бронзы (рис. 1, *3–4*). Нижняя часть, отделённая прослоем погребённой почвы, привязана к поверхности светло-коричневого суглинка, переходящего в разрушенной почвообразованием части серого цвета в раннеатлантическую почву. Она содержит остатки индустрии позднего мезолита, соотносимого с комплексами шидертинской археологической культуры [Мерц 2023]. Хронологический разрыв между культурными слоями, позволяет воспринимать данный комплекс, как цельный, без более поздних примесей. Встречающиеся на памятнике единичные предметы эпохи неолита, составляющие менее 1%, не искажают общую картину, так как легко вычленяются из всей массы каменных изделий по типологии и используемому сырью. Мезолитический же комплекс, выполненный в основном из жёлтого и вишнёвого яшмокварцита, светло-коричневого кремня, кремнистого алевролита, халцедона и незначительного количества других разновидностей кремня, показывает устойчивую типологию с очень широкой номенклатурой изделий из микропластин, особый характер вторичной обработки заготовок и способов расщепления. В более поздние периоды эти типы каменных пород использовались древним населением региона только в эпоху энеолита и ранней бронзы, представленные отщепно-бифасными изделиями, поэтому типологически сильно отличаются от данного комплекса. Не исключено, что часть мезолитического материала, могла быть переиспользована более поздними поселенцами, но на облик основного комплекса, это никак не могло повлиять.

Описание материала

Остатки каменной индустрии, полученной на памятнике, представлены коническими нуклеусами, в том числе, микроформами, доходящими в высоту до 1,2 см (рис. 4, *1–5*). Такой способ утилизации ядрищ, видимо, не может объясняться только дефицитом сырья, поскольку на

1-сур. Қостомар қонысы: *1–2* – табылған материалдарды жинау, қазбаны белгіленген аудандарға бөлу және қоныстың бұзылу сипаты; *3–4* – ерте қола дәуірінің керамикасы бар жоғарғы мәдени қабаттың ашылған бөлігі; *5* – қиманы тазалаудан кейінгі кесіндінің жалпы стратиграфиясы; *6* – төменгі мәдени қабатты ашу; *7* – төменгі мәдени қабаттағы ұсақ сүйектер мен жәдігерлердің жиналуы

Fig. 1. Kostomar settlement: *1–2* – collection of surface finds, laying out of the excavation of the intended area and the nature of the destruction of the settlement; *3–4* – uncovered area of the upper occupational layer with ceramics from the Early Bronze Age; *5* – general stratigraphy of the section after clearing the edge; *6* – excavation of the lower occupational layer; *7* – accumulation of small bones and artifacts in the lower occupational layer



Рис. 2. Поселение Костомар: *1–3* – зачищенная поверхность мезолитического слоя с очажными ямками и их вид после вскрытия; *4* – общий вид ямы и траншеи; *5* – клад каменных заготовок

2-сур. Қостомар қонысы: *1–3* – ошақ шұңқырлары бар мезолит қабатының тазартылған беті және ашылғаннан кейінгі көрінісі; *4* – траншея және шұңқырдың жалпы көрінісі; *5* – дайындалған тастар үйіндісі

Fig. 2. Kostomar settlement: *1–3* – the cleaned surface of the Mesolithic layer with fire pits and their appearance after excavation; *4* – general view of the pit and trench; *5* – trove of stone blanks

памятнике найдено много крупных нуклеусов и первичных отщепов. Вероятно, это еще какая-то культурная специфика, сформировавшаяся у равнинной части населения этой культуры, или какой-то ее вариант, имеющий хронологические или региональные различия, если сравнивать его с шидертинским или борлинским комплексом [Мерц, 2006, 2023].

Необходимо отметить также, большое разнообразие нуклевидных резцов (рис. 4, *6–7*) и способов резцовой техники для вторичной обработки орудий, в том числе, скребков на отщепах. Помимо таких крупных резцов, здесь чаще встречаются угловые и боковые резцы на сечениях пластинок (рис. 3, *5*; 4, *8–9*) и обломках орудий. Необычны и скребки на отщепах с пологими противолежащими лезвиями на вентральной и дорзальной части, с высоким лезвием и резцовыми сколами по краям, аналогов такой технологии на памятниках региона ранее не встречалось. В костомарском комплексе мало скрёбел, почти все они представлены обломками с вентральной подтёской.

Кроме обычных концевых скребков с боковой дорзальной ретушью по одному или двум краям, есть скребки с вентральной ретушью по одному краю на медиальных сечениях пластин, в том числе, двойные и микроскребки на дистальных частях пластинок. Среди них выделяется двойной боковой скребок на медиальном сечении крупной пластины (рис. 3, *12*), скобели на проксимальном сечении пластины (рис. 3, *2*) и на пластинках с боковой не регулярной ретушью (рис. 3, *3–5, 7*).



Рис. 3. Поселение Костомар. Каменные орудия мезолитического комплекса
3-сур. Қостомар қонысы. Мезолит кешенінің тас құралдары
Fig. 3. Kostomar settlement. Stone tools of the Mesolithic complex



Рис. 4. Поселение Костомар. Каменные орудия мезолитического комплекса
4-сур. Костомар қонысы. Мезолит кешенінің тас құралдары
Fig. 4. Kostomar settlement. Stone tools of the Mesolithic complex

В целом, комплекс характеризуется микропластинчатой технологией расщепления с использованием отжима. Среди микролитов выделяются проксимальные части пластинок и сколов с косым или прямым сечением дистальной части со следами мелкой рабочей ретуши или затёртости на ней (рис. 3, *13*; 5, *19–20, 25–28*). Есть и одно такое изделие на пластине (рис. 3, *10*). Данный тип орудий фиксировался и раньше в материалах шидертинского комплекса [Мерц 2006: рис. 3; 32, 4.21], но в данной коллекции их гораздо больше. Здесь для их изготовления широко используются пластинчатые и обычные сколыи их сечения (рис. 3, *6, 14*), что отмечено и в шидертинском комплексе [Мерц 2006: рис. 2.42].

Множество микропластин с усечённой дистальной частью и их медиальных частей обработанных крутой вентральной микроретушью по одному или двум краям, реже с дорзальной ретушью по краю или по двум краям и односторонней вентральной ретушью (рис. 5, *1–9, 11–18*). Таких изделий больше всего остального инвентаря. Подобная обработка встречается и на пластинках. Среди них выделяются также проколки и перфораторы на массивных узких пластинках с конвергентной ретушью, использовались и дистальные части реберчатых пластин и сколов (рис. 3, *9–11*). Изделий на пластинах немного, но они есть, в том числе, и очень крупные пластины с ретушью (рис. 3, *1–2, 12*), свидетельствующие, что первоначальные размеры нуклеусов бывали весьма внушительны.



Рис. 5. Поселение Костомар. Каменные орудия мезолитического комплекса
5-сур. Қостомар қонысы. Мезолит кешенінің тас құралдары
Fig. 5. Kostomar settlement. Stone tools of the Mesolithic complex

Не обычным является одно изделие на микропластине с выемкой на торце, сделанной сколом с дорзальной стороны ударной площадки (рис. 5, *10*). Ещё одна микропластинка имеет боковую подтеску на дистальной части с вентральной стороны (рис. 5, *17*). Геометрические формы представлены низкой широкой трапецией и обломками трапеций и прямоугольников с торцовой и чешуйчатой, вентральной ретушью (рис. 5, *21–24, 30*).

В слое также часто встречаются кусочки не размятой обожженной глины, характер происхождения которой пока не понятен, но отмечено использование их в качестве абразивов. На жилой поверхности мезолитической стоянки, кроме очажных ямок с мелкими костями животных, были также зафиксированы: четырехугольная трапециевиднатная яма площадью около 1,7 кв. м. глубиной до 30–35 см ориентированная углами по сторонам света с небольшим удлиненным выступом подпрямоугольной формы с северо-западной стороны размерами 80 × 40 см; небольшая траншейка длиной 307 см шириной от 55 до 37 см с выступом в средней части в сторону северо-запада длиной 60 см шириной 70 см (рис. 2, *4*), направленная с юго-запада на северо-восток. В их заполнении найдено небольшое количество каменных орудий, но назначение данных конструкций пока не понятно.

На краю ямы с северо-западной стороны обнаружено компактное скопление артефактов, видимо, находившихся в какой-то ёмкости или ямке (рис. 2, *5*). В нём было 59 предметов

представленных нуклевидным обломком, восемью первичными отщепами с желвачной коркой, пять из них с ретушью, одним рассечённым надвое отщепом, 43 сколами, 15 из них с ретушью, 10 сеченых сколов, семь из которых с ретушью, тремя неправильными микропластинками, одним дистальным сечением и одним пластинчатым сколом. Среди предметов нет ни одной законченной формы и много отходов производства в виде мелких сколов, в т. ч. чешуек. Однако они были собраны и уложены вместе. Из этого следует, что они могли иметь какую-то технологическую значимость для производства орудий труда и возможно охотничьего оружия. Это ещё раз заставляет обращать внимание на отходы производства, многие из которых носят следы использования в виде ретуши, что подтверждает и общая статистика каменной индустрии поселения. Выборка материалов одного из квадратов показала, что до 75% сколов могут быть ретушированными или имеют вторичную обработку в виде сечения из которых также ретушированными бывают от 50 до 70%. На основании компактного залегания данных предметов их можно рассматривать как клад, что является довольно частым явлением на памятниках каменного века изучаемого региона [Мерц и др. 2022: 312–313, рис. 1–2], нуждается в специальном исследовании и оценке. В настоящее время, здесь уже известно около десятка таких находок на поселениях и за их пределами.

Обсуждение

Каменная индустрия и другие материалы мезолитического слоя поселения Костомар как нельзя лучше отражают специфику комплексов данного типа, в изучении которых очень важным является определение их хронологии и культурных связей, указывающих на их происхождение и территориальное распространение. В этом отношении нужно отметить, что совершенно неизученным остается южный и западный вектор связей ближнего круга. На востоке это поселение Борлы. Крайнюю северную точку обитания носителей данного культурного типа представляет комплекс уже упоминавшегося поселения Черноозерье VIa, севернее Омска [Генинг и др. 1973; Мерц 2023]. В связи с этим, одной из задач в дальнейшем изучении данной культуры, является выявление новых памятников и определение её границ.

Относительно каменной индустрии поселения Костомар нужно отметить, что она является промежуточной между стоянкой Шидерты 3 и поселением Черноозерье VIa и, помимо общих черт, имеет свою специфику в утилизации нуклеусов, использовании резцовой техники для вторичной обработки орудий на отщепах и некоторые другие особенности. Культурный слой поселения содержит не только большое количество каменных орудий, но и множество мелких костей животных, рассредоточенных по всей поверхности и сконцентрированных у очажных ямок и внутри них. Наличие на стоянке ям и траншей, возможно, являющихся частью более крупных конструкций, позволяет надеяться в дальнейшем на выявление остатков жилищ или иных сооружений.

Заключение

Таким образом, в результате исследований поселения Костомар были получены новые материалы, которые дают совершенно иную информацию по мезолиту Северного Казахстана. Как один из наиболее сложных периодов древней истории страны, он ещё слабо изучен и требует более пристального внимания со стороны научного сообщества. В последние годы памятник сильно пострадал, он постоянно разрушается паводковыми процессами и нуждается в проведения дальнейших комплексных исследований, направленных на его охрану и изучение, так как имеет большое значение для изучения культуры древнего населения Среднего Прииртышья эпохи мезолита и ранней бронзы. Помимо полевых работ, связанных с сохранением объекта и получением нового материала, особое значение будут иметь лабораторно-аналитические исследования по изучению типологии каменной индустрии, её локальных особенностей в рамках шидертинской культуры и уточнение хронологии археологических комплексов.

ЛИТЕРАТУРА

1 *Генинг В.Ф., Петрин В.Т., Косинская Л.Л.* Первые поселения эпохи позднего палеолита и мезолита в Западной Сибири // Из истории Сибири. Вып. 5. Томск: Изд-во ТГУ, 1973. С. 24–47.

2 *Мерц В.К.* Индустрия четвертого слоя стоянки Шидерты 3 // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Вып. 2 / Ред. В.К. Мерц. Павлодар: ЭКО, 2006. С. 10–23.

3 *Мерц В.К.* Археологические комплексы поселения Костомар // Археология и история Сарыарки / Отв. ред. В.Г. Ломан. Караганда: КарГУ, 2012. С. 36–47.

4 *Мерц В.К.* К проблеме изучения мезолита Казахстана // Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований. 2023. № 1. С. 102–119. DOI: 10.31600/2658-3925-2023-1-102-119.

5 *Мерц В.К., Мерц И.В., Демидкова Е.Д.* Работы Центра археологических исследований Торайгыров университета в 2021 году в Павлодарской области // Археологические исследования в Казахстане – 2021: сб. науч. ст. / Отв. ред. А.Е. Касенали. Астана: Национальный музей Республики Казахстан, 2022. С. 311–315.

6 *Толпеко И.В.* Каменная индустрия поселений эпохи ранней бронзы окуневского археологического комплекса: автореф. дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2005. 22 с.

REFERENCES

1 Gening, V. F., Petrin, V. T., Kosinskaya, L. L. 1973. In: Iz istorii Sibiri (From the History of Siberia). Issue 5. Tomsk: Tomsk State University, 24–47 (in Russian).

2 Merts, V. K. 2006. In: Merts, V. K. (ed.). *Izuchenie pamyatnikov arheologii Pavlodarskogo Priirtyshiya (The study of archaeological monuments of the Pavlodar Irtysh region). Isue 2.* Pavlodar: "EKO" Publ., 10–23 (in Russian).

3 Merts, V. K. 2012. In: Loman, V. G. (ed.). *Arheologiya i istoriya Saryarki (Archaeology and history of Saryarka).* Karaganda: Karaganda State University, 36–47 (in Russian).

4 Merts, V. K. 2023. In *Pervobytnaya arheologiya. Zhurnal mezhdistsiplinarnyh issledovaniy (Prehistoric Archaeology. Journal of Interdisciplinary Studies)* 1, 102–119. DOI: 10.31600/2658-3925-2023-1-102-119. (in Russian).

5 Merts, V. K., Merts, I. V., Demidkova, E. D. 2022. In: Kassenaly, A. (ed.). *Arheologicheskie issledovaniya v Kazaxstane–2021 (Archaeological researches in Kazakhstan – 2021).* Astana: National Museum of the Republic of Kazakhstan, 311–315 (in Russian).

6 Tolpeko, I. V. 2005. *Kamennaya industriya poseleniy epohi ranney bronzy okunevskogo arheologicheskogo kompleksa (The Stone industry of settlements of the Early Bronze Age of the Okunevsky archaeological complex):* abstract of the Thesis Cand. of Hist. sciences. Barnaul (in Russian).

About the Author

Merts Viktor – Candidate of Historical Sciences, Director of the Center for Archaeological Research of Toraigyrov University, Pavlodar, Kazakhstan. ORCID: 0000-0003-3163-1609 E-mail: v_merz@mail.ru

Автор туралы мәліметтер

Мерц Виктор Карлович – тарих ғылымдарының кандидаты, Торайғыров университетіндегі археологиялық зерттеулер орталығының директоры, Павлодар қ.,Қазақстан

Сведения об авторе

Мерц Виктор Карлович – кандидат исторических наук, директор Центра археологических исследований Торайгыров университета, г. Павлодар, Казахстан

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 30.04.2024.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 30.05.2024.

ӘОЖ 902/904 (574)
ҒТАХР 03.41.91
https://doi.org/10.52967/3007-6528.2024.1.92.100

Шығыс Сарыарқадағы Аршалы қонысы: алдын-ала нәтижелері

© 2024 ж. Утубаев Ж.Р., Дүйсенбай Д.Б., Кучеров П.Ю.

Key words: *archaeology, settlement, Dongal period, excavation site, stone tool, animal bones, ceramic fragments*
Түйін сөздер: *археология, қоныс, доңғал кезеңі, қазба, тас құрал, жануар сүйектері, қыш бөлшектері*
Ключевые слова: *археология, поселение, донгалский период, раскоп, каменное орудие, кости животные, фрагменты керамики*

Z. Utubayev[1], D. Duisenbay[2]* and P. Kucherov[1]
[1]Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Petropavlovsk, Kazakhstan
[2]National Museum of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan
**Corresponding-author*

Arshaly settlement in Eastern Saryarka: preliminary report

As a result of reconnaissance work conducted in 2021 by the Saryarka Unit of the Margulan Institute of Archaeology in the Maysky district of the Pavlodar region, the Arshaly settlement was discovered. During the 2023 field season, excavations were carried out on an area covering 160 square meters. One dwelling was studied. The excavations yielded a significant collection of artifacts, including 30 stone tools, over 600 fragments of pottery, and approximately 1,400 animal bones. To achieve cultural and chronological attribution of the site, an analysis of the structure and findings was conducted. The article presents preliminary results of the research. The Arshaly settlement is approximately contemporaneous with Dongal period sites such as Tagybaibulak and Edyrei-2 (Central Kazakhstan). It is preliminarily dated to the 11th–10th centuries BCE.
Source of funding: The article was prepared within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan 2023–2024, IRN BR18574223.
Citation: Utubayev, Z., Duisenbay, D., Kucherov, P. 2024. Arshaly settlement in Eastern Saryarka: preliminary report. *Margulan readings–2024.* In 2 vol. Vol. 1. Pp. 92–100 (in Kazakh).

Ж.Р. Утубаев[1], Д.Б. Дүйсенбай[2]*, П.Ю. Кучеров[1]
[1]Ә.Х. Марғұлан атынд. Археология институты, Алматы, Петропавл, Қазақстан
[2]Қазақстан Республикасы Ұлттық музейі, Астана, Қазақстан
**корреспондент авторы*

Шығыс Сарыарқадағы Аршалы қонысы: алдын-ала нәтижелері

2021 жылы Павлодар облысы Май ауданында Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институтының Сарыарқа отрядының жүргізілген іздеу-барлау жұмысының нәтижесінде Аршалы қонысы табылды. 2023 жылғы далалық маусымда жалпы ауданы 160 ш. м. жерге қазба жүргізілді. Бір тұрғын үй зерттелді. Қазба барысында 600 астам қыш бөлшектері, 1400ге жуық жануар сүйектері және отыз тас құралдар табылды. Ескерткіштің мәдени-хронологиялық атрибуциясын нақтылау мақсатында құрылыс пен табылған заттарға талдау жүргізілді. Мақалада зерттеудің алдын ала нәтижелері берілген. Аршалы қонысы Тағыбайбұлақ және Едірей-2 (Орталық Қазақстан) сияқты доңғал кезеңінің ескерткіштерімен шамамен бір хронологиялық аралықта тұр. Алдын ала б.д.д. XI–X ғасырлармен мерзімдеуге болады.
Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2024 жж.арналған бағдарламалық-нысаналы қаржыландыруы, ЖТН BR18574223 жобасы аясында дайындалды.
Сілтеме: Утубаев Ж.Р., Дүйсенбай Д.Б., Кучеров П.Ю. 2024. Шығыс Сарыарқадағы Аршалы қонысы: алдын-ала нәтижелері. *Марғұлан оқулары–2024.* 2 том. 1-т. 92–100-бб.

Ж.Р. Утубаев[1], Д.Б. Дуйсенбай[2]*, П.Ю. Кучеров[1]
[1]Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Петропавловск, Казахстан
[2]Национальный музей Республики Казахстан, Астана, Казахстан
**автор-корреспондент*

Поселение Аршалы в Восточной Сарыарке: предварительное сообщение

В результате поисково-разведочных работ, проведенных в 2021 г. Сарыаркинском отрядом Института археологи им. А.Х. Маргулана в Майском р-не Павлодарской обл., обнаружено поселение Аршалы. В полевом сезоне 2023 г. на нем проведены раскопки, охватившие площадь 160 кв. м. Изучено одно жилище. В ходе раскопок получен значительный предметный комплекс, насчитывающий 30 каменных орудий труда, более 600 фрагментов керамики и около 1400 костей животных. С целью осуществления культурно-хронологической атрибуции памятника выполнен анализ сооружения и находок. В статье приводятся предварительные результаты исследования. Поселение Аршалы находится примерно в одном хронологическом интервале с такими памятниками донгальского периода, как Тагыбайбулак и Едирей-2 (Центральный Казахстан). Предварительно его можно датировать XI–X вв. до н.э.

Источник финансирования: Работа выполнена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК на 2023–2024 гг., ИРН BR18574223.
Цитирование: Утубаев Ж.Р., Дүйсенбай Д.Б., Кучеров П.Ю. 2024. Поселение Аршалы в Восточной Сарыарке: предварительное сообщение. *Маргулановские чтения–2024.* В 2-х т. Т. 1. С. 92–100 (на каз. яз.).

Кіріспе

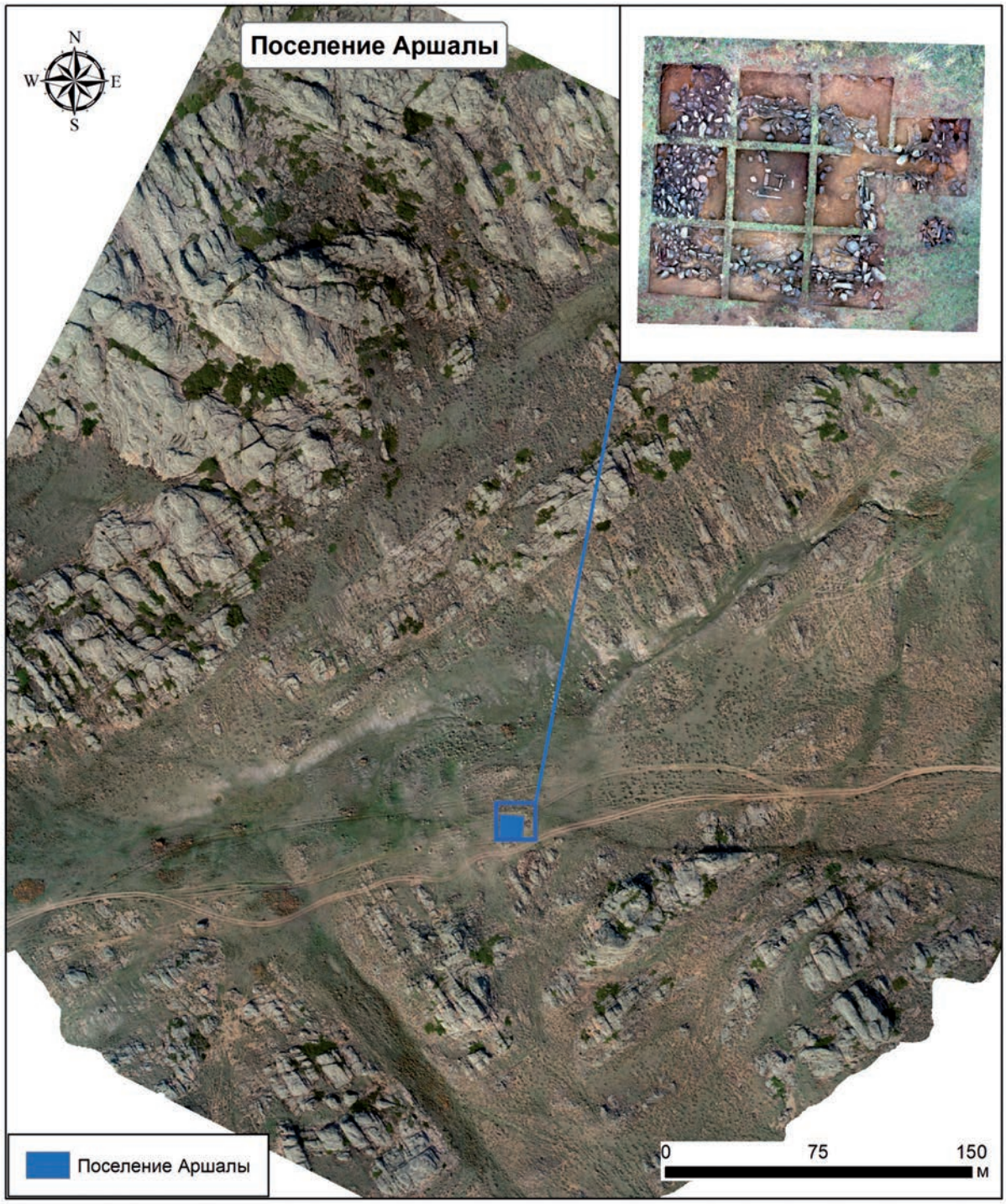
Аршалы қонысы Павлодар облысы, Май ауданы, Жұмыскер ауылдық округінің аумағында орналасқан. Аршалы тау жүйесінің ішінде, Аршалы қыстауынан батысқа қарай 1 км жерде. Топографиялық тұрғыдан жан-жағын таулар қоршап жатыр. Солтүстігі мен оңтүстігі таудың жартасты тастарымен шектеседі. Батыс және шығыс жағы ашықтау келген. Оңтүстіктен солтүстікке қарай сәл көлбеу орналасқан. СШ қарай 80 м жерде бұлақ ағып жатыр. Ескерткіштің оңтүстік жағынан батыс-шығыс бағытта дала жолы өтеді. Ескерткіш 2021 жылы археологиялық барлау жұмыстары барысында табылып, зерттеу мәліметтері жарыққа шықты [Қасенова және т.б. 2021: 20]. Ғылыми жұмыстар негізінен сипаттама мен сызбалық жұмыстар бойынша атқарылды. Зерттеу жұмыстары 2023 жылы қайта жалғасын тапты.

Қоныс аумағы шамамен 6000 ш.м. жерді құрайды (1-сур.). Ескерткіште 13 тас құрылыс пен үш тұрғын үй шұңқыры бар. Қоныс аумағын қалың шөп басып кеткендіктен тас құрылыстар әрең байқалады. Құрылыс тастарының басым көпшілігін шым басқан. Тас құрылыстар шаршы-тікбұрыш пішінді, ескерткіштің оңтүстік жағында биіктеу жерде орналасқан. Өлшемдері 14 × 10 м және 12 × 9 м. Құрылыстың кейбір тастары шым қабатынан 0,1–0,4 м биіктікте шығып жатыр. Екі қатар тастан салынған қабырғаның қалыңдықтары 1,0–1,3 м. № 1 тас құрылыс ОШ қарай 40 м жерде, таудың етегінде жеке орналасқан. Ойықтар қоныс аумағының солтүстігіне қарай, төмендеу орналасқан. Төбеден қарағанда сопақша пішінді, өлшемдері 13 × 11 м и 11 × 9 м, тереңдігі 0,2–0,35 м. Ішінен тас құрылыстар байқалмайды.

Қоныстағы № 2 құрылысқа 2023 жылы қазба жұмыстары жүргізілді. Аумағы 160 ш.м. болатын қазбаға тұрғын үй құрылысы толықтай енді. Мәдени қабаты 0,45–0,5 м болатын ескерткіш үш қабаттан: шым қабатынан, қоңыр-сұр түсті қабат және ең төменгі күл қабатынан тұрады. Тас құрылыстың шығыс жағынан ұзынша келген кіре беріс-коридоры жалғасқан (2-сур., *1*).

Материалдар мен зерттеу әдістері

Қазба жұмыстары ескерткіштегі № 2 құрылысқа салынды. Қазба аумағы 4 × 4 м-ден археологиялық тәсілмен он шаршы «квадрат» салынды. Шаршылар батыс-шығыс бағытта алфавиттік



1-сур. Аршалы қонысы. Ескеркіштің топографиясы. Фотосурет: Д. Дүйсенбай, Қ. Асылбеков
Fig. 1. Arshaly settlement. The topography of the site. Photo: D. Duisenbay, K. Asylbekov
Рис. 1. Поселение Аршалы. Топография памятника. Фото: Д. Дүйсенбай, К. Асылбеков



Сур. 2. Аршалы қонысы, № 2 тұрғын үй: *1* – қазба; *2* – қыш; *3* – тас құралдар; *4* – құю қалыбы; *5* – сүйектен жасалған құрал. Фотосурет: Ж. Утубаевтікі
Fig. 2. Arshaly settlement, dwelling No. 2: *1* – excavation site; *2* – ceramics; *3* – stone tools; *4* – casting mold; *5* – bone tools. Photo: Z. Utubayev
Рис. 2. Поселение Аршалы, жилище № 2: *1* – раскоп; *2* – керамика; *3* – каменные орудия; *4* – литейная форма; *5* – орудия из кости. Фото: Ж. Утубаев

тәртіппен, солтүстік-оңтүстік бағытта сандық ретпен белгіленді. Аумағы 160 ш.м. Қазба аумағына тұрғын үй құрылысы толықтай кірді. Тікбұрыш пішінді шаршы өлшемдері шамамен 10 × 9 м. Құрылыс тастары анық байқалады. Аумағын шөп басып кеткен. Оңтүстік қабырғасы таудың жартас тастарымен шектесіп жатыр. Шығыс қабырғасына ұзыншалау келген құрылыс тіркесе салынған. Алдымен, шым қабаты алынды. Шым қабатының қалыңдығы 0,15–0,2 м. Б2 шаршыда шым қалыңдығы 0,25 м-ге дейін жетеді. Шым қабатынан тас құралдар, қыш ыдыстарының бөліктері мен жануар сүйектері табылды. Олардың барлығы арнайы кестеге салынып, статистикалық мәліметтері алынды (1-кесте). Барлығы 430 астам жануар сүйектері, 185 дана қыш ыдыс бөліктері және 14 дана тас құрал табылды. Оның ішінде тас кетпен, соғуға, қыруға арналған тас құрал бар.

Нәтижелер

Құрылыс қабырғалары шым қабатынан кейін анық көрінді. Құлаған қабырға тастарының жалпақтықтары 2,0–2,5 м. Құрылыс қабырғасы анық байқалып жатыр. Оңтүстік және батыс жағында жалпағынан екі қатар таспен қойылса, шығыс және солтүстік қабырғаларындағы тастар тігінен қойылған. Ірі тақта тастардың өлшемдері 1,1 × 0,5 × 0,2 м. Шым қабатының астынан кездескен сұр-қоңыр түсті қабат материк деңгейіне дейін жетеді. Мәдени қалыңдығы құрылыс қабырғасының маңында 0,4 м-ге дейін жетсе, орталық бөлігінде 0,3 м. Тұрғын үй құрылысының орталық бөлігінен тікбұрыш пішінді тас құрылыс-ошақ табылды (сур. 2, *1*). Ошақтың батыс-шығыс ұзындығы 0,85 м, оңтүстік-солтүстік 1 м, материк деңгейінен биіктігі 0,2 м. Ошақтың ішкі және сыртқы жағын қара түсті күл қабаты алып жатыр. Қабаттың қалыңдығы 4 см. Айналасынан жануар сүйектері мен қыш ыдыс бөліктері табылды.

1-кесте – Аршалы қонысы. Шым қабатынан табылған артефактілер
Table 1 – Arshaly settlement. Artifacts found in the turf layer
Таблица 1 – Поселение Аршалы. Артефакты, найденные в слое дерна

Шаршы	Жануар сүйектері	Қыш бөліктері	Тас құрал
А1	18	11	0
А2	9	7	0
А3	44	11	2
Б1	108	28	3
Б2	1	0	0
Б3	15	12	1
В1	98	34	0
В2	26	28	1
В3	63	15	3
Г1	42	17	1
Г2	14	8	1
Жиыны	**430**	**185**	**14**

Құрылыс қабырғалары толық аршылып, фототүсірілімдер жасалды. Құрылыстың батыс-шығыс ұзындығы 9,9 м. Оңтүстік-солтүстік – 10,1 м. Қабырғаларының жалпақтығы (құлаған тастармен алғанда) батыс – 3,2 м, шығыс – 1,2 м. Солтүстік – 1,8 м, оңтүстік – 2,2 м. Негізгі қабырға тастарының жалпақтығы 1,2–1,6 м. Екі қатар тастан қойылған. Шығыс және солтүстік жақтарында тігінен тұрған тастар байқалады. Қабырғаның сақталған биіктігі 0,4–0,65 м. Төбеден қарағанда шаршы пішінді.

Құрылыстың шығыс қабырғасында шығысқа қарай ұзыншалау келген қосымша құрылыс салынған. Қосымша құрылыстың ұзындығы 4,9 м. Ені 1,8 м. Ішкі жағының жалпақтығы:

құрылыспен жалғасқан жері – 0,75 м, ортасы – 0,65 м, табалдырық бөлігі – 0,47 м. Қабырғасының тастарының биіктігі 0,5–0,95 м. Барлық тастары тігінен қойылған. Басым көпшілігі сақталған. Есіктің табалдырығына көлденеңінен жалпақ тас қойылған. Тастың өлшемдері 0,56 × 0,4 × 0,21 м.

Негізгі құрылыстың іші бір қатар тастармен бөлінген. Құрылыстың орталық бөлігінде солтүстік қабырғадан оңтүстікке қарай екі қатар тастардан тұратын қабырға тастарының төменгі бөлігі сақталған. Бұл тұрғын үйдің ішін бөлген қабырғаның қалдықтары болуы мүмкін. Ұзындықтары 4,1–4,2 м. Екеуінің арасы 2,3 м. Тас қабырғаның жалпақтығы 0,8–1 м (сур. 2, *1*).

Заттық табылымдардан 1000 жуық жануар сүйектері, 419 қыш бөліктері, 16 тас құрал табылды. Жануар сүйектері Б2, В2 шаршыдан көп шықты (сур. 2, *2–5*) (2-кесте).

2-кесте – Аршалы қонысы. Негізгі мәдени қабаттан табылған артефактілер
Table 2 – Arshaly settlement. Artifacts found in the main cultural layer
Таблица 2 – Поселение Аршалы. Артефакты, найденные в основном культурном слое

Шаршы	Жануар сүйектері	Қыш бөліктері	Тас құрал
А1	38	24	0
А2	19	11	0
А3	14	6	0
Б1	56	31	1
Б2	396	184	8
Б3	181	45	3
В1	8	4	0
В2	147	70	3
В3	105	35	1
Г1	11	5	0
Г2	13	4	0
Жиыны	**988**	**419**	**16**

А2, Б1 шаршылардан шаруашылық шұңқырлары табылды. А2 шаршыдағы сопақша пішінді шаруашылық шұңқырының өлшемдері 0,65 × 0,5 м, тереңдігі 0,2 м. Толтырылған күл арасынан жануар сүйектері табылды. Б1 шаршыда орналасқан шаруашылық шұңқырының өлшемдері 0,65 × 0,38 м. Тереңдігі 0,22 м. Солтүстік қабырғаға жақын орналасқан. Іші күл аралас топырақпен толтырылған.

Сонымен қатар, қоныстағы басқа құрылыстарға аумағы 1 × 1 м болатын барлау шурфтар салынды. Тереңдіктері 0,45–0,65 м. Жануар сүйектері, қыш бөліктері мен тас құралдар табылды. Артефактілер арнайы кестеде көрсетілген (3-кесте).

Кесте 3 – Аршалы қонысы. Шурфтан табылған артефактілер
Table 3 – Arshaly settlement. Artifacts found in the pit
Таблица 3 – Поселение Аршалы. Артефакты, найденные в шурфе

Шаршы	Жануар сүйектері	Қыш бөліктері	Тас құрал
1	24	0	0
2	10	4	1
3	33	6	0
4	26	4	1
5	18	11	0
Жиыны	**102**	**22**	**2**

Талқылау

Тұрғын үйден табылған қыш ыдыстардың өрнектері мен олардың пішіндері бойынша доңғал кезеңіне тән. Алғаш 1987 жылы қыш кешені бойынша доңғал кезеңін В.Г. Ломан бөліп шығарды [Ломан 1987]. Осы уақытқа дейін Доңғал, Тағыбайбұлақ [Маргулан 1979: 225–233], Едірей-2 [Бейсенов, Ломан 2009] және тағы басқа доңғал кезеңінің қоныстары зерттелді. Ернеуі бойынша белдеулі қыш ыдыстардың сынықтары, сонымен қатар, зигзаг тәрізді, бармақ және тырнақ іздерімен салынған өрнектер, «маржан» тәрізді өрнектелген қыш бөліктері табылды. Мұндай қыш өрнектері Тағыбайбұлақ, Доңғал, Қаратал 2, Едірей 2 қоныстарынан кездесті. Аршалы қонысына ең жақын орналасқан доңғал кезеңіне жататын ескерткіш 1974 жылы М.Қ. Қадырбаев қазба жүргізген Тағыбайбұлақ қонысы. Кейін Ә.Х. Марғұлан соңғы қола дәуірімен мерзімдейді. Ә.Х. Марғұлан қоныстан табылған сақ дәуірі өрнектерінің элементтері бар қыш ыдыстары бойынша мынадай: «Оригинален сосуд шаровидной формы с венчиком, слегка отогнутым наружу. Характерную особенность сосуда составляет сливной носик, выступающий на 2 см. Шейку окружают ряды жемчужного орнамента в виде цепочки бугорков. По форме он очень похож на сакскую керамику. Несомненно, он является прототипом сосуда со сливным носиком, широко распространенного в сакское время» [Маргулан 1979: 231] қорытынды келтіреді.

А.З. Бейсенов 2013 жылы екі құрылысқа зерттеу жұмыстарын жүргізіп, радиокөміртекті зерттеулердің қорытындысы бойынша б.д.д. VIII–V ғғ. жартысымен мерзімдеді. 1974 жылғы М.Қ. Қадырбаев зерттеу жасағанда тұрғынжайда доңғал кезеңінің қыш бөліктері мол кездессе, 2013 жылғы А.З. Бейсенов қазбасынан табылған қыш бөліктері сақ кезеңіне жатады. Бір қоныстағы екі құрылыстан доңғал және сақ кезеңдеріне жататын қыш бөліктерінің кездесуі Тағыбайбұлақ қонысында доңғал және ерте сақ кезеңінің нысандары әртүрлі уақытта қатар орналасқанын көрсетеді [Бейсенов 2014: 40]. Мұндай ұқсас материалдар екі мәдени қабаттан тұратын Едірей-2 қонысының материалдарын атап өткен жөн [Бейсенов, Ломан 2009: 113]. Қазіргі уақытта доңғал кезеңі ерте және кейінгі саты болып екі кезеңге бөлінген болатын [Касеналин 2017: 207]. Авторлар бұл тұжырымды қуаттай отырып, ескерткіштегі құрылыс пен қыш кешені бойынша доңғал кезеңінің ерте сатысымен мерзімдейді. Оған қыш кешенінде сақ дәуіріне тән қыш бөліктерінің кездеспеуі, шығысқа бағытталған ұзын коридордың болуы және соңғы қола дәуіріне тән тікбұрыш пішінді ошақтың шығуы дәлел бола алады.

Доңғал кезеңін жеке мәдениет ретінде қарастыру бойынша өткен ғасырдың аяғында бірқатар пікірлер айтылды [Евдокимов 1988]. Алайда, мерзімдеу уақытына кейін қайта қарастырулар жасалды. Бұған С14 радиокарбон сараптамалардың жоқтығы және осы кезең бойынша зерттеу нәтижелерінің аздығы себеп болды [Евдокимов 2000].

Жерлеу ескерткіштерінің уақытын анықтау бойынша бірқатар ғылыми нәтижелерге қол жеткізілді. Доңғал кезеңіне жататын қорымдардан алынған радиокөміртекті сараптамалар нәтижелері бір-екі ғасырға ерте мерзімдерді көрсетіп отыр. Бұл мерзімдеу мәселелерінде пәнаралық зерттеулерді көптеп кірістіруді қажет етеді. Сонымен қатар, жаңа кезеңдеу мәселелерін қарастыруды талап етпек [Beisenov 2016].

Қорытынды

Доңғал кезеңіне жататын ескерткіштерді жаңаша әдіс-тәсілдерді қатыстыра отырып зерттеу оларды тақырыптық ұғымнан жаңа мәдени кезеңге көтеруге мүмкіндік береді. Осы уақытқа дейін жүргізілген жұмыстардың нәтижесінде доңғал кезеңінің өзі екі сатыға бөлінгендігі белгілі болды. Олардың хронологиялық уақыттары тек Орталық Қазақстанның материалдарымен тығыз байланысты [Касеналин 2017]. Аршалы қонысына ең жақын орналасқан Тағыбайбұлақ қонысының доңғал кезеңінің қыш кешені табылған тұрғын үйден радиокөміртегілік сараптамалардың алынбауы солтүстік өлкелердегі доңғал типтес ескерткіштер туралы мерзімдеу мәселелерін қайта қарастыруды қажет етеді. Бұл мәселелерді зерттеуде Аршалы қонысының маңында Аршалы-2

сақ дәуірінің қонысына кешенді зерттеу бағыты керек. Аршалы қонысына ең жақын орналасқан Тағыбайбұлақ қонысында екі дәуірдің тұрғындары өмір сүргендігін сараптама нәтижелері көрсетіп отыр [Бейсенов 2014: 39]. Демек, осы аймақта доңғал кезеңінің тұрғын үйіне жақын аумақта сақ дәуірінің тұрғындары да үй салуды дәстүрге айналдырған деп жорамал келтіруге болады.

Авторлар Аршалы қонысын заттық материалдары бойынша доңғал кезеңінің алғашқы сатысымен б.д.д. XII–XI ғасырлармен мерзімдейді. Бұл тұжырымдар пәнаралық зерттеулер негізінде, хронологиялық уақытын анықтау барысында белгілі болды. Қоныста сақ дәуірінің элементтерінің жоқ болуы және қоныстың солтүстік бөлігінде орналасқан тұрғын үй ойықтарының болуы ескерткіштің өмір сүру мерзімінің тереңдеуіне ықпал етуі мүмкін.

Әдебиет

1 *Бейсенов А.З.* Поселение Тагыбайбулак в Центральном Казахстане // Известия АлтГУ. 2014. № 4–1 (84). С. 35–41.

2 *Бейсенов А.З., Ломан В.Г.* Древние поселения Центрального Казахстана. Алматы, 2009. 264 с.

3 *Бейсенов А.З., Ломан В.Г., Касеналин А.Е.* Новое в археологии Сарыарки: донгальские погребения могильника Кызыл // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: ИА КН МОН РК; НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2013. С. 59–73.

4 *Евдокимов В.В.* Историческая среда эпохи бронзы степей Центрального и Северного Казахстана. Алматы: ИА КН МОН РК, 2000. 140 с.

5 *Евдокимов В.В.* О выделении донгальской культуры переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку в Центральном Казахстане // Проблемы археологии Степной Евразии: м-лы науч. конф / Отв. ред. В.Н. Добжанский. Кемерово, 1988. С. 101–103.

6 *Касенова А.Д., Утубаев Ж.Р., Казизов Е.С.* О результатах разведки 2021 г. в Северо-восточной Сарыарке: предварительное сообщение // Маргулановские чтения–2021 / Гл. ред. А. Онгарулы. В 3-х т. Т. 2. Алматы: ИА КН МОН РК, 2021. С. 11–22.

7 *Қасеналин А.Е.* Сарыарқаның өтпелі кезең ескерткіштерінің кезеңделуі мен мерзімделуі // Археологическоенаследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение / Отв. ред. А.З. Бейсенов, В.Г. Ломан. В 2-х т. Т. 2. Алматы: ИА КН МОН РК; НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. С. 203–208.

8 *Ломан В.Г.* Донгальский тип керамики // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана / Отв. ред. В.В. Евдокимов. Караганда: Карагандинский гос. ун-т, 1987. С. 115–129.

9 *Маргулан А.Х.* Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1979. 360 с.

10 Beisenov A.Z., Svyatko S.V., Kassenalin A.E., Zhambulatov K.A., Duisenbai D., Reimer P.J. First Radiocarbon Chronology for the Early Iron Age Sites of Central Kazakhstan (Tasmola Culture and Korgantas Period) // Radiocarbon. 2016. Vol. 58. Issue 1. Pp. 179–191.

References

1 Beisenov, A. Z. 2014. In *Izvestiya AltGU (News of the Altai State University)* 4–1(84), 35–41 (in Russian).

2 Beisenov, A. Z., Loman, V. G. 2009. *Drevniye poseleniya Tsentralnogo Kazakhstana (Ancient settlements of Central Kazakhstan).* Almaty (in Russian).

3 Beisenov, A. Z., Loman, V. G., Kassenalin, A. E. 2013. In: Beisenov, A. Z. (ed.). *Begazy-dandybayevskaya kultura Stepnoy Yevrazii (Begazy-Dandybai culture of Steppe Eurasia).* Almaty: Margulan Institute of Archaeology; “Begazy-Tasmola”, 59–73 (in Russian).

4 Evdokimov, V. V. 2000. *Istoricheskaya sreda epokhi bronzy stepey Tsentralnogo i Severnogo Kazakhstana (Historical environment of the Bronze Age of the steppes of Central and Northern Kazakhstan).* Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).

5 Evdokimov, V. V. 1988. In: Dobzhanskiy, V. N. (ed.). *Problemy arkheologii Stepnoy Yevrazii (Problems of archeology of Steppe Eurasia).* Kemerovo, 101–103 (in Russian).

6 Kasenova, A. D., Utubayev, Z. R., Kazizov, E. S. 2021. In*:* Onggaruly, A. (ed.). *Margulanovskiye chteniya–2021 (Margulanov readings–2021).* In 3 vol. Vol. 2. Almaty: Margulan Institute of Archeology, 11–22 (in Russian).

7 Kassenalin, A. E. 2017. In: Beisenov, A. Z., Loman, V. G. (eds.). *Arkheologicheskoe naslediye Tsentralnogo Kazakhstana: izucheniye i sokhraneniye (Archaeological heritage of Central Kazakhstan: study and preservation).* In 2 vol. Vol. 2. Almaty: Margulan Institute of Archeology; "Begazy-Tasmola", 203–208 (in Kazakh).

8 Loman, V. G. 1987. In: Evdokimov, V. V. (ed.). *Voprosy periodizatsii arkheologicheskikh pamyatnikov Tsentralnogo i Severnogo Kazakhstana (Issues of periodization of archaeological monuments of Central and Northern Kazakhstan).* Karaganda, 115–129 (in Russian).

9 Margulan, A. Kh. 1979. *Begazy-dandybayevskaya kultura Tsentralnogo Kazakhstana (Begazy-Dandybay culture of Central Kazakhstan).* Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).

10 Beisenov, A. Z., Svyatko, S. V., Kassenalin, A. E., Zhambulatov, K. A., Duisenbai, D. B., Reimer, P. J. 2016. In *Radiocarbon,* vol. 58. Issue 01, 179–191 (in English).

About the Authors

Utubayev Zhanbolat – PhD, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan.
ORCID: 0000-0002-6484-2923 E-mail: utubaev_z@mail.ru

Duisenbay Daniyar – Researcher, National Museum of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan.
ORCID: 0000-0002-3461-1390 E-mail: daniar_db88@mail.ru

Kucherov Pavel – Junior Researcher, Margulan Institute of Archeology, Petropavlovsk, Kazakhstan.
ORCID: 0000-0002-7378-0904 E-mail: pavlentij_05_09_94@mail.ru

Авторлар туралы мәліметтер

Утубаев Жанболат Райымқұлұлы – тарих ғылымдарының кандидаты, философия докторы (PhD), Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы, Қазақстан

Дүйсенбай Данияр Болатбекұлы – ғылыми қызметкер, Қазақстан Республикасы Ұлттық музейі, Астана, Қазақстан

Кучеров Павел Юрьевич – кіші ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Петропавловск қ., Қазақстан

Сведения об авторах

Утубаев Жанболат Райымкулович – кандидат исторических наук, доктор философии (PhD), Институт археологии имени А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан

Дуйсенбай Данияр Болатбекулы – научный сотрудник, Национальный музей Республики Казахстан, Астана, Казахстан

Кучеров Павел Юрьевич – Институт археологии имени А.Х. Маргулана, г. Петропавловск, Казахстан

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 01.04.2024.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 01.05.2024.
Авторлар жұмысқа бірдей үлес қосты. / Авторы внесли равноценный вклад в работу. / The authors have made an equal contribution to the work.

УДК 902.904 (470.57)
МРНТИ 03.41.91
https://doi.org/10.52967/3007-6528.2024.1.101.116

Антропогенные ландшафты позднего бронзового века Южного Приуралья: влияние пасторализма на экологию

© 2024 г. Щербаков Н.Б., Гольева А.А., Шутелева И.А., Леонова Т.А.

Keywords: *archaeology, Southern Trans-Urals, Late Bronze Age, paleoecology, paleosoils, pastoralism*
Түйін сөздер: *археология, Оңтүстік Урал бойы, кейінгі қола дәуірі, палеоэкология, палеотопырақ, малшаруашылығы*
Ключевые слова: *археология, Южное Приуралье, поздний бронзовый век, палеоэкология, палеопочвы, пасторализм*

N. Shcherbakov[1]*, A. Golyeva[2], I. Shuteleva[1] and T. Leonova[1]
[1]M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University, Ufa, Russia
[2]Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
**Corresponding author*

Anthropogenic landscapes of the Late Bronze Age of the Southern Trans-Urals: the impact of pastoralism on ecology

This article focuses on the study of agriculture and land use in ancient societies of the Southern Trans-Urals in the Late Bronze Age. The geographical position of the study area between the European part of Eurasia and Central Asia allows us to trace the movement dynamics of people and technologies. The object of the study is a group of archaeological sites (settlements and burial mounds) united by the middle course of the Urshak River and its tributaries. In the period of ~ 1890–1630 cal BC, this region became the contact zone of two population groups: the Srubnaya and the Alakul archaeological cultures. Each of these groups brought their own traditions of agriculture, house building and burial rites. The populations of the Alakul archaeological culture moved from the arid and extra-arid climate of Central Asia to the humid climate of the Southern Trans-Urals. The population of the Srubnaya archaeological culture moved from the territory of the Middle Volga from a similar climate. The article discusses how Srubnaya, Alakul and Srubno-Alakul population formed the anthropogenic landscape by completely changing the soils around the settlements and burial complexes. Pastoralism as a form of economy completely destroyed the topsoil near the settlements.
Citation: Shcherbakov, N., Golyeva, A., Shuteleva, I., Leonova, T. 2024. Anthropogenic landscapes of the Late Bronze Age of the Southern Trans-Urals: the impact of pastoralism on ecology. *Margulan readings–2024.* In 2 vol. Vol. 1. Pp. 101–116 (in Russian).

Н.Б. Щербаков[1]*, А.А. Гольева[2], И.А. Шутелева[1], Т.А. Леонова[1]
[1]М. Акмулла атындағы Башқұрт мемлекеттік педагогикалық университеті, Уфа қ., Ресей
[2]РҒА География институты, Мәскеу қ., Ресей
**корреспондент авторы*

Оңтүстік Урал бойындағы кейінгі қола дәуірінің антропогендік ландшафтылары: малшаруашылығының экологияға әсері

Мақала Оңтүстік Урал бойындағы кейінгі қола дәуірі кезеңіндегі ежелгі қоғамдардағы ауыл шаруашылығы мен жер игеруді зерттеуге арналған. Еуразияның еуропалық бөлігі мен Орталық Азия арасындағы зерттелетін аймақтың географиялық жағдайы адамдар мен технологияның қозғалыс динамикасын бақылауға мүмкіндік береді. Зерттеу объектісі Үршақ өзенінің орта ағысы мен оның салаларын біріктірген археологиялық ескерткіштер (қоныстар мен обалық қорымдар) тобы болды. Біздің дәуірімізге дейінгі ~1890–1630 аралығында.

бұл аумақ қима және алакөл екі археологиялық мәдениеті тұрғындарының байланыс аймағына айналды. Бұл топтардың әрқайсысы егіншіліктің, үй салудың, жерлеу рәсімдерінің өзіндік дәстүрлерін әкелді. Алакөлдік тұрғындар Орта Азияның құрғақ және экстраритті климатынан Оңтүстік Орал маңының ылғалды климатына жылжыды. Орталық Еділ аумағынан қима тұрғындары келді. Мақалада қима, алакөл және қима-алакөлдік тұрғындар қоныстар мен жерлеу кешендерінің айналасындағы топырақты толықтай өзгертіп, антропогендік ландшафт қалыптастырғаны талқыланады. Малшаруашылығы шаруашылықтың формасы ретінде қоныс айналасындағы топырақтың үстіңгі қабатын толығымен жойды.
Сілтеме: Щербаков Н.Б., Гольева А.А., Шутелева И.А., Леонова Т.А. 2024. Оңтүстік Урал бойындағы кейінгі қола дәуірінің антропогендік ландшафтылары: малшаруашылығының экологияға әсері. *Марғұлан оқулары–2024.* 2 том. 1-т. 101–116-бб. (Орысша).

***Н.Б. Щербаков*[1]*, *А.А. Гольева*[2], *И.А. Шутелева*[1], *Т.А. Леонова*[1]**
[1]*Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа, Россия*
[2]*Институт географии РАН, г. Москва, Россия*
**автор-корреспондент*

Антропогенные ландшафты позднего бронзового века Южного Приуралья: влияние пасторализма на экологию

Статья посвящена изучению сельского хозяйства и землепользования в древних обществах позднего бронзового века Южного Приуралья. Географическое положение исследуемой территории между Европейской частью Евразии и Центральной Азией позволяет проследить динамику движения людей и технологий. Объектом исследования стала группа археологических памятников (поселений и курганных могильников), объединённая средним течением р. Уршак и её притоков. В период ~ 1890–1630 до н.э. эта территория стала контактной зоной для населения двух археологических культур – срубной и алакульской. Каждая из этих групп принесла свои традиции сельского хозяйства, домостроения и погребальных обрядов. Алакульское население двигалось из аридного и экстрааридного климата Центральной Азии в гумидный климат Южного Приуралья. С территории Средней Волги из сходного климата двигалось срубное население. В статье обсуждается как срубное, алакульское и срубно-алакульское население сформировало антропогенный ландшафт, полностью изменив почвы вокруг поселений и погребальных комплексов. Пасторализм, как форма хозяйства, полностью разрушил верхний слой почвы вокруг поселений.
Цитирование: Щербаков Н.Б., Гольева А.А., Шутелева И.А., Леонова Т.А. 2024. Антропогенные ландшафты позднего бронзового века Южного Приуралья: влияние пасторализма на экологию. *Маргулановские чтения–2024.* В 2-х т. Т. 1. С. 101–116.

Введение

В географическом отношении Южное Приуралье расположено по обе стороны Уральских гор, соединяя Центральную Азию и Восточно-Европейскую равнину. Эта территория является контактной зоной для населения Европейской части Евразии. В позднем бронзовом веке в период II тыс. до н.э. здесь происходили контакты андроновского населения, алакульской археологической культуры и представителей срубной археологической культуры. Население срубной культуры пришло в Южное Приуралье с территории Степного Поволжья и Средней Волги; алакульское население – с территории Центральной Азии. В климатическом отношении территория Южного Приуралья в период II тыс. до н.э. соотносилась с континентальным, умеренно холодным, гумидным климатом. Это соответствует выделенному II этапу срубной культуры на Южном Урале [Купцова и др. 2018: 103–105]. В то время как значительная часть населения срубных и андроновских племен этого периода находилась на территории зон с аридным и экстрааридным климатом [Бочкарёв, Рысин 2006: 64], с маловодными речками [Епимахов, Берсенева 2012: 167].

Каждая из групп населения привносила на Южное Приуралье свои модели хозяйства и навыки адаптации к особенностям климата и ландшафта в новых ареалах обитания. Целью

исследования стало изучение антропогенных ландшафтов позднего бронзового века с учётом адаптации домостроительных и погребальных практик древнего населения в новых природных условиях, а также пасторализма как основы хозяйства древнего социума. Объектом исследования стала территория Казбуруновского археологического микрорайона (рис. 1).



Рис. 1. Географическое положение (ERSI) Казбуруновского археологического микрорайона на территории Южного Урала (красный круг). Рисунок И.А. Шутелевой. Карта QGIS с использованием данных Natural Earth, бесплатные векторные и растровые картографические данные ©naturalearthdata.com

1-сур. Оңтүстік Урал аумағындағы Казбурунов археологиялық шағынауданының географиялық орны (ERSI) (қызыл шеңбер). Сурет И.А. Шутелеванікі. Natural Earth деректері, еркін векторлық және растрлық картография деректері пайдаланылған QGIS картасы, ©naturalearthdata.com

Fig. 1. Geographical location (ERSI) of the Kazburun archeological micro-district on the territory of the Southern Urals (red circle). Figure by I. Shuteleva. QGIS map using Natural Earth data, free vector and raster map data ©naturalearthdata.com

Казбуруновский археологический микрорайон – это единая группа археологических памятников (поселений и курганных могильников) позднего бронзового века, расположенная в среднем течением реки Уршак и ее притоков. На территории Казбуруновского археологического микрорайон находится группа из семи поселений и трёх курганных могильника (всего 72 кургана) (рис. 2).

Применение комплексного мультидисциплинарного подхода при изучении антропогенных ландшафтов позволяет решить следующие задачи: 1) исследовать природные ландшафты; 2) выделить антропогенные ландшафты на памятниках позднего бронзового века; 3) определить границы

распространения антропогенных ландшафтов вокруг памятников археологии; 4) изучить факторы формирования антропогенных ландшафтов на погребальных и поселенческих памятниках позднего бронзового века; 5) определить динамику постантропогенного развития ландшафта, после ухода населения позднего бронзового века и снятия с этой территории антропогенного прессинга.

Примененный в исследовании комплексный подход включает в себя собственно археологические методы исследования, а также естественно-научные методы, такие как палеопочвоведение, археозоология, применение результатов изотопных и серии палеогенетических анализов. Такой подход является наиболее актуальным, так как позволяет снять ограничения, существующие в каждом отдельном методе исследования. Он дает возможность проследить развитие антропогенных ландшафтов, сформированных в позднем бронзовом веке на территории Южного Приуралья, в течение всего исторического периода до настоящего времени, с учётом изменения как самого населения, так и форм хозяйства.

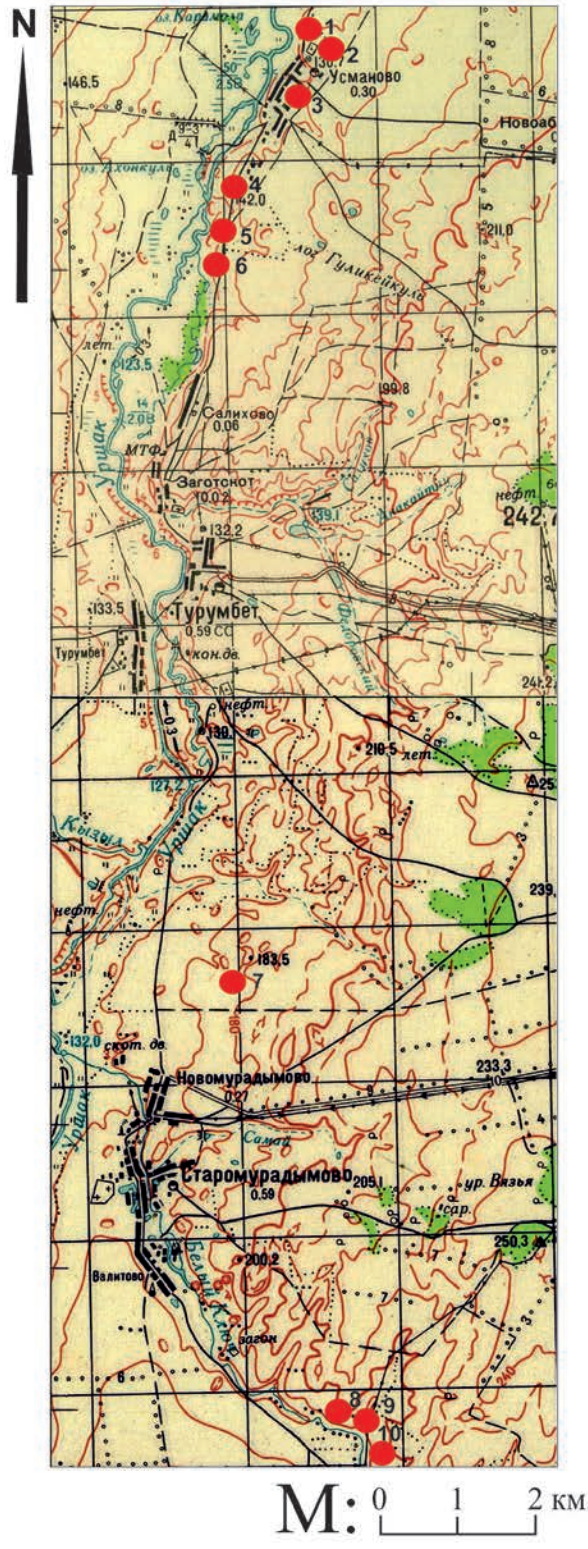


Рис. 2. Карта Казбуруновского археологического микрорайона с памятниками позднего бронзового века (красный круг). Рисунок И.А. Шутелевой. Памятники археологии: 1 – Усмановское I; 2 – Казбуруновские III курганы; 3 – Казбуруновские II курганы; 4 – Казбуруновские I курганы; 5 – Усмановское III; 6 – Усмановское II; 7 – Мурадым-4; 8 – Мурадым-9; 9 – Мурадым-7; 10 – Мурадым-8. 1, 5–7, 9 – поселение; 8, 10 – селище

2-сур. Кейінгі қола дәуірінің ескерткіштері бар Казбурунов археологиялық шағынауданының картасы (қызыл шеңбер). И.А. Шутелева суреті. Археологиялық ескерткіштер: 1 – Усмановское I; 2 – Казбурунов III обалары; 3 – Казбурунов II обалары; 4 – Казбурунов I обалары; 5 – Усмановское III; 6 – Усмановское II; 7 – Мурадым-4; 8 – Мурадым-9; 9 – Мурадым-7; 10 – Мурадым-8. 1, 5-7, 9 – қоныс; 8, 10 – ауыл

Fig. 2. The map of the Kazburun archeological microdistrict with location of the settlements and kurgans of the Late Bronze Age (red circle). Figure by I. Shuteleva. The archeological sites: 1 – Usmanovo I; 2 – Kazburun III kurgans; 3 – Kazburun II kurgans; 4 – Kazburun I kurgans; 5 – Usmanovo III; 6 – Usmanovo II; 7 – Muradym-4; 8 – Muradym-9; 9 – Muradym-7; 10 – Muradym-8. 1, 5–7, 9 – settlement; 8, 10 – habitation site

Материалы и методы

Методика исследования

Первый этап исследования состоял в определении круга археологических памятников позднего бронзового века, где древний социум наиболее сильно повлиял на природную среду, почвы и сформировал антропогенный ландшафт. Территориально исследование было проведено на поселениях и курганных могильниках Казбуруновского археологического микрорайона, которые находились в одном хронологическом горизонте. Выбранные памятники археологии, в основном, содержали материалы срубной, алакульской и срубно-алакульской культурных традиций. Формирование антропогенного ландшафта происходило под влиянием нового типа хозяйства, основанного на животноводстве (пасторализме).

Второй этап исследования был связан с археологическими раскопками группы, состоящей из семи поселений и трех курганных могильников: Усмановские I–III поселения; Мурадым-4, поселение; Мурадым-7, поселение; Мурадым-8, селище; Мурадым-9, селище; Казбуруновские I курганы, Казбуруновские II курганы и Казбуруновские III курганы, которые, вероятно, являются единым курганным комплексом, застроенным современной деревней Усманово (Казбурун).

Третьим этапом исследования стал отбор образцов (костей человека и животных) для проведения радиоуглеродного датирования (AMS) и проведения анализа на стабильные изотопы азота ($\delta^{15}N$) и углерода ($\delta^{13}C$). Это позволило соотнести исследованные археологические памятники Казбуруновского археологического микрорайона с одним этапом позднего бронзового века и определить палеодиету населения микрорайона.

Четвёртым этапом исследования стал сбор и изучение найденного на археологических памятниках Казбуруновского археологического микрорайона археозоологического материала (пищевых остатков, костяных орудий труда и украшений из костей животных). Для определения возраста и видового состава использовались специальные методики и атласы [Петренко 2009: 169–184].

Пятым этапом исследования стало проведение палеопочвенных анализов, которые позволили выявить этапы генезиса культурного слоя, формирование антропогенного ландшафта как на самих археологических памятниках (на поселениях исследовались жилища и межжилищное пространство), так и на примыкающей к ним территории. Были исследованы археологические поселения позднего бронзового века, имеющие наиболее репрезентативную морфологию культурных слоев (рис. 3, *3, 4*).

В ходе археологических исследований и исследований почв были получены результаты об антропогенном воздействии на почвы между близко расположенными памятниками археологии (рис. 4, *1, 2*).

Были проведены исследования фоновых почв (эталонных почв). Фоновые почвы (эталонные почвы) были взяты на левом, противоположном, обследуемым археологическим памятникам берегу р. Уршак (рис. 5, *3*).

В этом районе концентрация памятников археологии значительно ниже, как и современное антропогенное воздействие. Фоновые почвы (эталонные почвы) Казбуруновского археологического микрорайона представлены лугово-чернозёмными почвами и карбонатами по трещинам [Гольева и др. 2018: 45–58].

По стандартной методике были изучены колонки образцов из поселений (Усмановское II и Усмановское III), а так же погребённые почвы и археологические грунты из Казбуруновского I курганного могильника. Всего рассмотрено 34 образца. Для работы использовался оптический микроскоп Nikon ECLIPSE E200, рабочее увеличение x400.

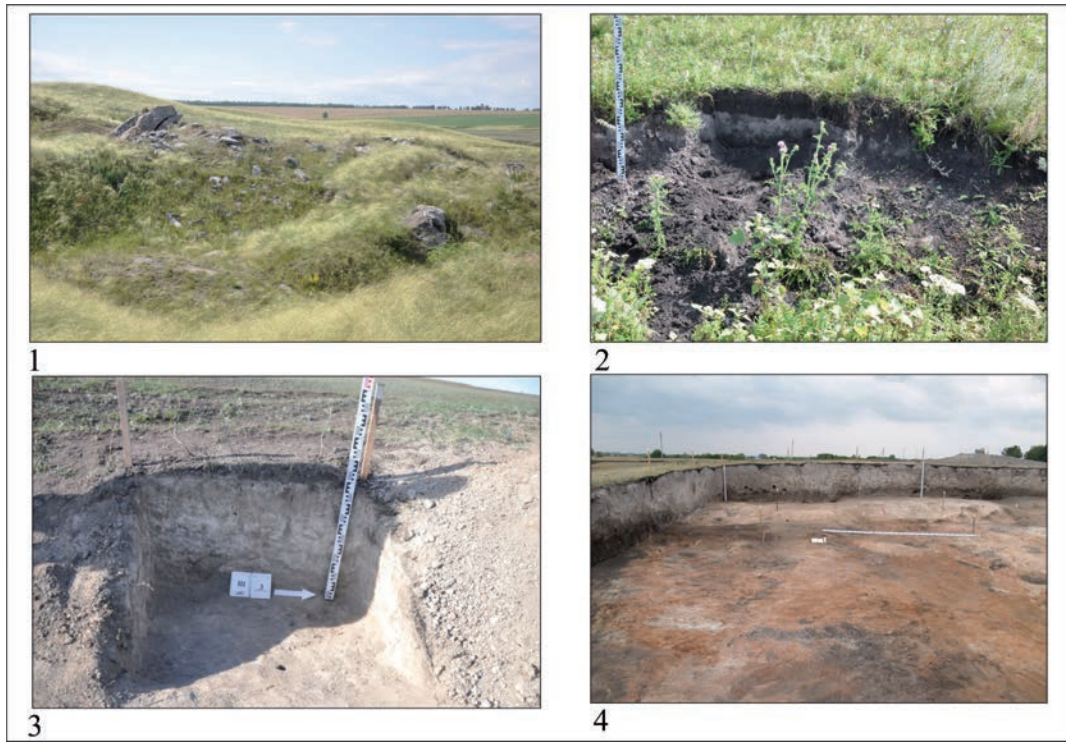


Рис. 3. *1, 2* – природные выходы карста и гипса; *3, 4* – использование гипса при строительстве жилищ позднего бронзового века. Фотографии Н.Б. Щербакова
3-сур. *1, 2* – карст пен гипстің табиғи өсінділері; *3, 4* – кейінгі қола дәуірінің тұрғын үйлерін салуда гипстің қолданылуы. Фотосурет Н.Б. Щербаковтікі
Fig. 3. *1, 2* – natural outcrops of karst and gypsum; *3, 4* – the use of gypsum in the construction of dwellings from the Late Bronze Age. Photo by N. Shcherbakov

Описание материала

Казбуруновский археологический микрорайон (N54°03’44,08’’ E055°32’08,1’’) расположен в Южном Приуралье на территории современной Республики Башкортостан. Исследованные поселения и курганные могильники позднего бронзового века локализованы на правом берегу р. Уршак и её правого притока – р. Белый Ключ, на протяжении 12 км вдоль русла реки. Река Уршак является крупным левобережным притоком р. Белой, входит в Камско-Бельский речной бассейн. Долина р. Уршак лежит в районе интенсивного развития карста в гипсах и ангидритах.

Современный климат данной местности континентальный, умеренно-увлажнённый, средняя годовая температура 2,5°С, январь -15,4°С, июль 19,3°С. В настоящее время территория исследования относится к степи, которая занимает пограничную зону Южного Приуралья с Прикаспийской низменностью. Горячие воздушные потоки проникают сюда из Центральной Азии [Турикешев и др. 2016].

Все изученные археологические памятники расположены в сходных топографических условиях – по берегу р. Уршак, недалеко от поселений находятся выходы карста, гипса и карбонатов, карстовые воронки (рис. 3). Естественные выходы гипса небольшой мощности 10,0–40,0 см и практически открыты или расположены под тонким почвенно-растительным слоем [Смирнов, Аглетдинова 2020: 5], что делает доступным их использование.

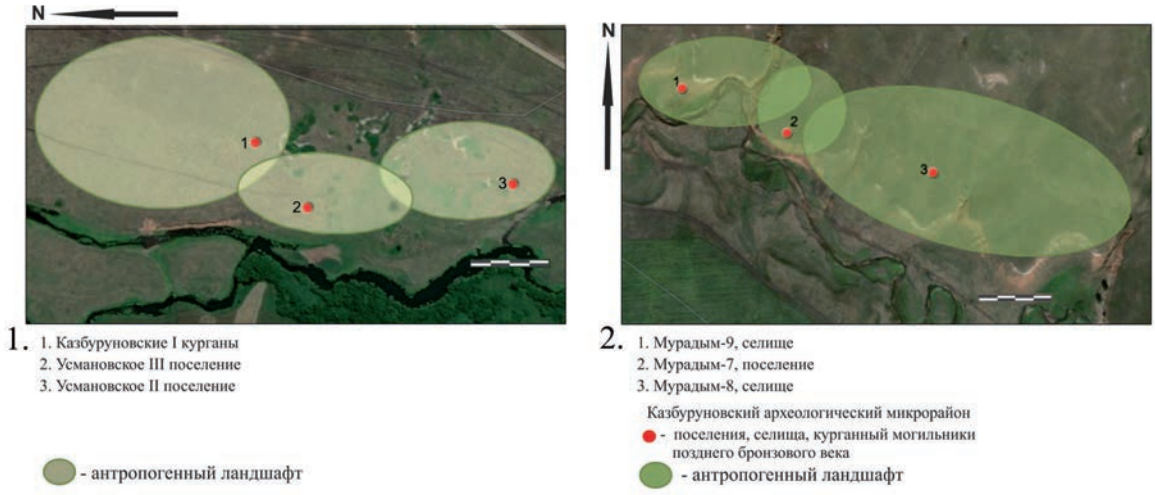


Рис. 4. Общая территория поселений и курганных могильников с едиными антропогенными ландшафтами. Рисунок И.А. Шутелевой. (1) 1 – Казбуруновские I курганы; 2 – Усмановское III поселение; 3 – Усмановское II поселение. (2) 1 – Мурадым-9, селище; 2 – Мурадым-7, поселение; 3 – Мурадым-8, селище

4-сур. Бірыңғай антропогендік ландшафтылары бар қоныстар мен обалы қорымдардың жалпы аумағы. И.А. Шутелева суреті. (1) 1 – Казбуруновский I обалары; 2 – Усмановское III қонысы; 3 – Усмановское II қонысы. (2) 1 – Мурадым-9 қыстауы; 2 – Мурадым-7 қонысы; 3 – Мурадым-8, ауыл

Fig. 4. The general territory of settlements and burial grounds with a single anthropogenic landscapes. Figure by I. Shuteleva. (1) 1 – Kazburun I burial mounds; 2 – Usmanovo III settlement; 3 – Usmanovo II settlement. (2) 1 – Muradym-9, habitation site; 2 – Muradym-7, settlement; 3 – Muradym-8, habitation site

Хронологически начало освоения территории Казбуруновского археологического микрорайона связано с древними обществами позднего бронзового века и находится в тренде миграций больших групп населения как с востока, так и с запада Евразии. Это население алакульской и срубной (срубно-алакульской) археологических культур. В культурном отношении Казбуруновский археологический микрорайон расположен в контактной зоне срубного и алакульского населения и связан, в том числе, со срубно-алакульским населением [Рутто 2003]. В отношении погребальных памятников он включает как самостоятельные срубные и алакульские погребальные традиции, так и их смешанные варианты. На поселенческих объектах в выявленном керамическом комплексе, по данным культурно-исторического анализа керамики, доминирующим стал срубный керамический комплекс (свыше 70%), срубно-алакульский (около 20%) и абашевский (менее 5%) [Морозов 2001; Шутелева и др. 2017].

На Казбуруновском археологическом микрорайоне фиксируется значительное преобразование ландшафтов на поселенческих и погребальных объектах и вокруг них. Исторически территория, ранее занимаемая поселениями и курганными могильниками позднего бронзового века, в дальнейшем могла использоваться только как пастбище. Места поселенческих и погребальных объектов позднего бронзового века являются островками пастбищ среди возделываемых, засеянных сельскохозяйственными культурами современных полей (рис. 5). Это связано с сохранением последствий антропогенного прессинга хозяйства древних обществ позднего бронзового века.

Формирование антропогенных ландшафтов и воздействие на экологическую среду социумами позднего бронзового века было изучено на семи памятниках: Усмановских I, II, III поселений; Казбуруновских I курганах; Мурадым-4, поселении; Мурадым-8, селище; Мурадым-9, селище (рис. 2). Для ряда поселений и курганных могильников удалось выделить единый территориальный ареал (Усмановские II, III поселения и Казбуруновские I курганы (рис. 4, *1*); Мурадым-7, поселение;

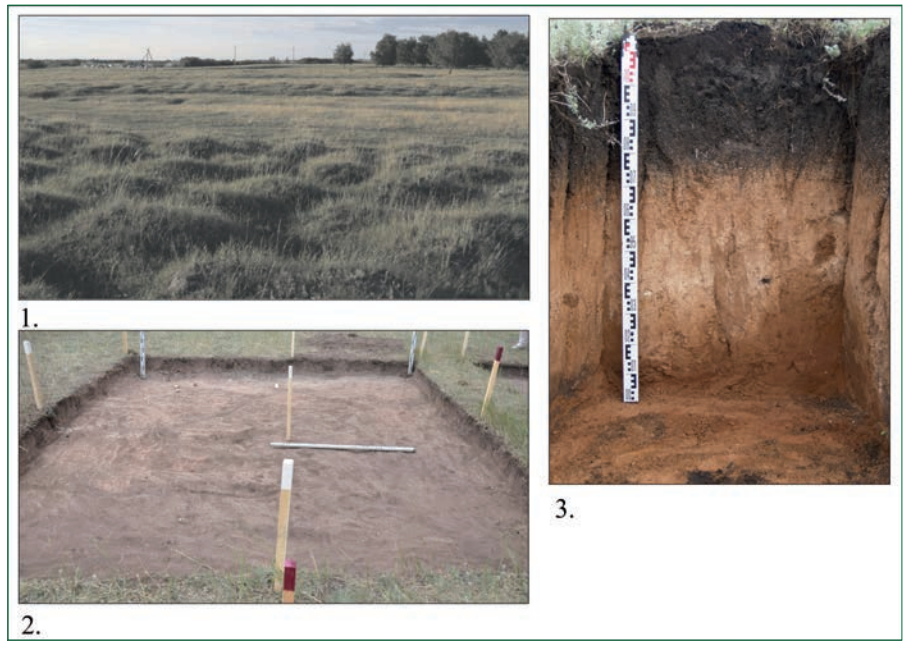


Рис. 5. Почвенные разрезы Казбуруновского археологического микрорайона.
1, 2 – антропогенные ландшафты; *3* – фоновые почвы. Фотографии Н.Б. Щербакова

5-сур. Казбурун археологиялық ықшамауданының топырақ қимасы.
1, 2 – антропогендік ландшафтылар; *3* – фондық топырақтар. Фото Н.Б. Щербаковтікі

Fig. 5. Soil profiles of the Kazburun archaeological micro-district.
1, 2 – anthropogenic landscapes; *3* – background soils. Photo by N. Shcherbakov

Мурадым-8, селище; Мурадым-9, селище (рис. 4, *2*)). Территории, входящие в круг поселений и курганных могильников, не просто примыкали друг к другу, а перекрывались, создавая единый антропогенный ландшафт между поселениями и курганными могильниками. В хронологическом отношении исследованные памятники соотносятся с периодом (~1890–1616 до н.э. калиброваны по 1 сигме). Так как Казбуруновский археологический микрорайон содержит памятники разных видов – поселений и курганных могильников, то было проведено радиоуглеродное датирование (AMS-датирование) коллагена костной ткани костей погребённых в Казбуруновских I курганах и погребённых на пос. Мурадым-4. На Казбуруновских I курганах было проведено датирование девяти погребённых, на Мурадым-4, поселении – двух погребённых в культурном слое людей. Так же на пос. Мурадым-4 было проведено датирование сосудов из культурного слоя поселения. Изученные археологические памятники являются одновременными, что подтверждается единством материальной культуры, в т. ч. архитектурных традиций, а также кровнородственными связями части погребённых в Казбуруновских I курганах [Krzewińska et al. 2018].

В ходе исследования удалось выделить кусты памятников археологии в рамках Казбуруновского археологического микрорайона. Первая группа археологических памятников, включающая в себя Усмановское II поселение (площадь поселения – 1375 кв.м), Усмановское III поселение (площадь поселения – 21 660 кв.м), Казбуруновские I курганы (всего 57 курганов), расположена на второй высокой надпойменой террасе правого берега р. Уршак, где с юга расположена старица р. Уршак.

Вторая группа археологических памятников включает в себя единую территорию Мурадым-7, поселение; Мурадым-8, селище (объединённая площадь поселений – 8962 кв.м) и Мурадым-9, селище (площадь поселения – 27 018 кв.м) (рис. 5). Они расположены на мысу первой высокой надпойменной террасы правого берега р. Белый Ключ, правого притока р. Уршак.

Мурадым-4, поселение (площадь поселения – 25 855,42 кв.м) находится на первой высокой надпойменной террасе правого берега р. Уршак, вдоль северной границы поселения протекает ручей (рис. 2) [Golyeva et al. 2016].

Развитие животноводства как основы хозяйства древнего социума на Казбуруновском археологическом микрорайоне подтверждается выводами анализа археозоологического материала. На исследованных поселениях собраны костные останки животных хорошей сохранности, что объясняет значительное содержанием карбонатов в почвах. Кости животных встречены и в погребениях, сосудах, насыпях Казбуруновских I курганов, хорошей сохранности, у них была небольшая фрагментированность (раздробленность). Для пищевых («кухонных») отходов это достаточно редкое явление.

Результаты

Территория, занимаемая Усмановскими II и III поселениями и Казбуруновскими I курганами, концентрирует достаточно неоднородные антропогенные ландшафты. Почва, на которой возводились Казбуруновские I курганы, не имела верхних слоев и основной части гумусового горизонта (15–20 см), была сильно эродирована (рис. 5, *2*). Ландшафт этого курганного могильника примыкает к расположенным рядом поселениям (Усмановским II и III) с достаточно насыщенным культурным слоем мощностью 50–60 см. У формирования этого антропогенного ландшафта есть несколько объяснений. Во-первых, искусственное ритуальное снятие дернины и основной части гумусового горизонта при строительстве курганного могильника, который функционировал в течение жизни трёх поколений близких родственников, по результатам палеогенетических анализов [Krzewińska et al. 2018] и радиоуглеродным данным (рис. 6).

Таким образом, процесс изменения ландшафта на этой площадке был произведён достаточно быстро. Во-вторых, причинами антропогенного эродирования почвы, примыкающей к Усмановским II и III поселениям, мог быть процесс перевыпаса скота, что характерно для раннего этапа развития пасторализма [Ventresca Miller et al. 2022]. При этом типе хозяйства население использует одни и те же пастбища круглый год. В-третьих, кроме антропогенных причин, эродирование почвы может происходить в связи с природным процессом опустынивания. Но этот процесс должен был прослеживаться на всем протяжении Казбуруновского археологического микрорайона и других массивах среднего течения р. Уршак. В данном случае эродирование встречено только на территории Казбуруновских I курганов и вокруг них.

На пос. Мурадым-4, зафиксировано несколько периодов реконструкции одного и того же жилища. Гипс растворялся и концентрированными солевыми растворами стекал в ручей [Щербаков и др. 2017]. На территории Усмановских II и III поселениях общий вид занятой ими площади с типичными буграми гипсового засоления позволяет предполагать, что и там была аналогичная картина. Кроме того, гипсы, растворяясь в грунтовых водах и оседая в почве, приводят и к улучшению роста лугово-злаковой растительности. Этот антропогенный ландшафт был следствием строительства и функционирования поселенческих объектов, раннего животноводческого хозяйства обществ позднего бронзового века.

Тенденция совпадения тренда с фоном наблюдается и для распределения органического углерода – максимальное количество вверху и уменьшение с глубиной. Распределение гипса не столь однозначно. В фоновых почвах региона гипса нет и не должно быть до глубины 60–80 см, да и ниже вплоть до 150–170 см его количества минимальны. Но в ряде жилищных впадин чётко видны горизонты накопления этих солей, особенно мощные для одного из жилищ поселения Мурадым-4. Это однозначно связано с искусственным привнесением гипса жителями поселений, причем исключительно для создания жилищ, поскольку на том же Мурадым-4, поселение в расположенном неподалеку от жилища загоне для скота гипса нет (рис. 7).

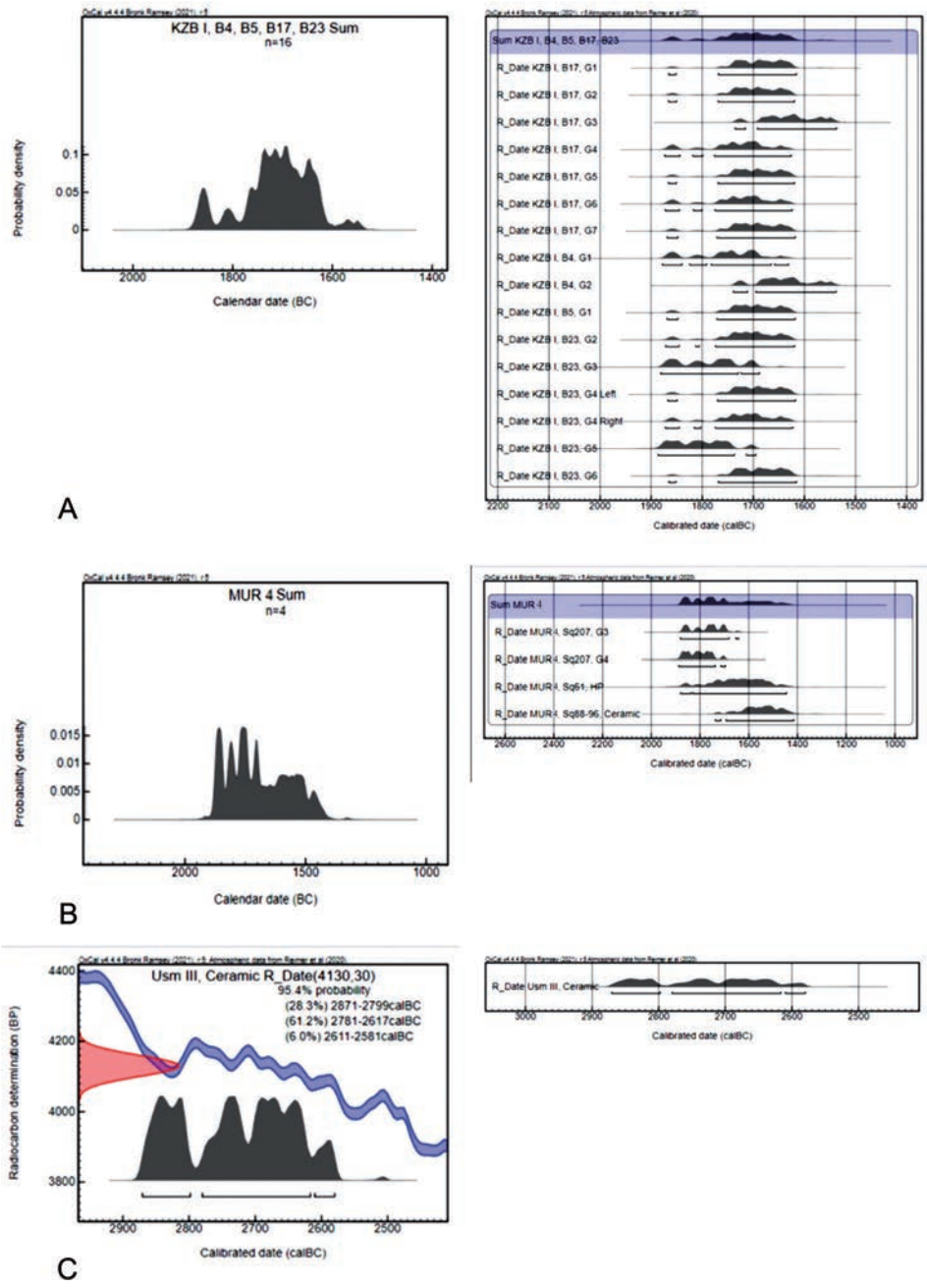


Рис. 6. Результаты датирования памятников археологии Казбуруновского археологического микрорайона. А – Казбуруновские I курганы; В – Мурадым-4, поселение; С – Усмановское III поселение. Рисунок Н.Б. Щербакова. OxCal v.4.4.4 Bronk Ramsey (2021) Atmospheric data from Reimer et al (2020)

6-сур. Казбурун археологиялық ықшамауданындағы археологиялық ескерткіштердің мерзімін анықтау нәтижелері. А – Казбуруновский I обасы; Б – Мурадым-4, қоныс; С – Усмановский III қонысы. Сурет: Н.Б. Щербаковтікі. OxCal v.4.4.4 Bronk Ramsey (2021) Atmospheric data from Reimer et al (2020)

Fig. 6. Results of the dating of archaeological sites in the Kazburun archaeological micro-district. A – Kazburun I burial mounds; B – Muradym-4 settlement; C – Usmanovo III settlement. Figure by N. Shcherbakov. OxCal v.4.4.4 Bronk Ramsey (2021) Atmospheric data from Reimer et al (2020)

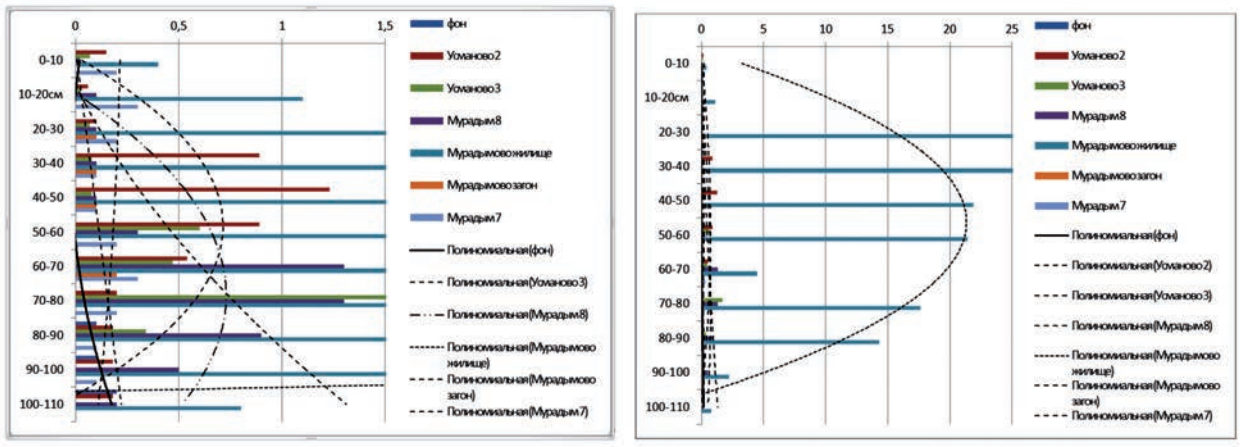


Рис. 7. Тренды химических свойств культурных слоев поселений (Сравнительный тренд фоновой почвы выделен сплошной черной линией). Рисунок А.А. Гольевой: A – pHH_2O; B – распределения органического углерода (Corg, %); C – валовой фосфор (P_2O_5%); D – карбонаты (CO_2); E – гипс (SO_4%), без учета тренда Muradym-4 (dwelling); F– гипс (SO_4) для всех объектов

7-сур. Қоныстардың мәдени қабаттарының химиялық қасиеттерінің трендтері (фондық топырақтың салыстырмалы тренді тұтас қара сызықпен белгіленген). Сурет А.А. Гольеванікі: A – pHH_2O; B – органикалық көміртектің таралуы (Corg, %); C – жалпы фосфор (P_2O_5%); D – карбонаттар (CO_2); E – гипс (SO_4%), Мурадым-4 трендін есепке алмағанда (dwelling); F – барлық объектілерге арналған гипс (SO_4).

Fig. 7. Trends in the chemical properties of the cultural layers of the settlements (Comparative trend of the background soil is marked with a solid black line). Figure A. Golyeva: A – pHH_2O; B – distribution of organic carbon (Corg, %); C – total phosphorus (P_2O_5%); D – carbonates (CO_2); E – gypsum (SO_4%), without trend Muradym-4 (dwelling); F– gypsum (SO_4) for all objects

За период порядка 3,5 тыс. лет постселитебного экспонированного функционирования исходные культурные слои меняются под воздействием природных процессов. Интенсивность преобразования зависит от мощности исходного культурного слоя и его состава. Различные признаки имеют разную устойчивость во времени. Такие показатели, как pH растворов и содержание органического углерода являются наименее устойчивыми во времени, особенно в верхних 50 см. Остальные характерные признаки культурных слоев: содержание валового фосфора, карбонатов, гипса и фитолитов достаточно устойчивы и могут использоваться в качестве надёжных диагностических критериев. Необходимо отметить, что сильнее всего изменяются свойства верхних 10 см, где действие природных факторов наиболее значимо. С глубиной сохранность исходных параметров культурного слоя возрастает. Жилищные впадины сохранили свои исходные свойства практически без изменений, по сравнению с межжилищным пространством или местами загонов для скота.

Археозоологические коллекции со следами кухонного и технологического воздействия (на костях фиксируются следы термической обработки, следы срезания мышечной ткани с костей металлическими предметами и так далее) представили кости в хорошей сохранности. Это дало возможность получить сведения о породной морфологии найденных на Казбуруновском археологическом микрорайоне животных. Крупный рогатый скот и лошади стали основой хозяйства. Охотничья фауна представлена незначительно. Преобладающим в видовом составе стада был крупный рогатый скот (*Bos taurus*) – свыше 40%, затем лошадь (*Equus caballus*) – 19–20%, мелкий рогатый скот (*Ovis et Capra hircus*) – 16–17%, оставшийся материал представлен костными остатками

свиньи (*Sus scrofa domestica*) и собаки (*Canis familiaris*) [Петренко, Асылгараева 2007; Гасилин и др. 2013]. В небольшом количестве присутствуют свидетельства охоты: встречены кости зайца (*Lepus timidus*), волка (*Canis lupus*), медведя (*Ursus arctos*), куницы (*Martes martes*), лося (*Alces alces*), бобра (*Castor fiber*), барсука (*Meles leucurus*), косули (*Capreolus pygargus*) [Петренко, Асылгараева 2007; Гасилин и др. 2013]. Статистические данные показывают, что одновременно одно поселение Казбуруновского археологического микрорайона содержало свыше 500 особей крупного рогатого скота cattle (*Bos taurus*) и почти 200 особей мелкого рогатого скота (*Ovis et Capra hircus*).

Использование скота и молочного животноводства как основы мясомолочной диеты древнего населения одинаково как для взрослых мужчин, так и для женщин (табл. 1), что показывают анализы стабильных изотопов азота костей погребённых на Казбуруновском археологическом микрорайоне азота ($\delta^{15}N$) среднее значение – 11,50 о/оо и углерода ($\delta^{13}C$) костей 19,38 о/оо.

Проведённый анализ генетического маркера, ассоциированного с лактозной непереносимостью погребённых (11 человек) на Казбуруновских I курганах и Мурадымовском поселении, показали доминирование (90%) непереносимости лактозы в группе людей, погребённых в курганах Казбуруновского археологического микрорайона [Krzewińska et al. 2018]. Эти результаты также подтверждают начало массового развития скотоводства и ведущую роль животноводства в сельском хозяйстве, а также небольшую долю охоты в древних обществах позднего бронзового века [Shishlina et al. 2020].

Обсуждение

Миграционные потоки, пришедшие с обеих сторон, востока и запада, Уральских гор во II тыс. до н.э., принесли с собой новые технологические тренды и новые формы хозяйства. В экологическом отношении население алакульской археологической культуры, пришедшее из сухих степей, практически полупустынь, выбирало для проживания территории, ландшафт которых был наиболее близок к Центральной Азии.

По результатам комплексных исследований можно выдвинуть гипотезу о привнесении ряда хозяйственных традиций населением алакульской культуры, среди которых традиции домостроительства из гипса, особенности возведения погребальных комплексов, не только с использованием камня в погребальных конструкциях, но и на площадках, где отсутствовал гумусовый горизонт почв. Также можно выделить дискуссионное положение о том, что Казбуруновский археологический микрорайон не является уникальным комплексом. Сходным с ним является находящийся на расстоянии 20 км к северо-западу от последнего комплекс памятников в окрестностях д. Старо-Яппарово (Давлекановский р-н, РБ) в бассейне р. Демы, в Демско-Уршакском междуречье.

Выводы

Результаты проведённых исследований на Казбуруновском археологическом микрорайоне в Южном Приуралье позволяют сделать выводы о значительном антропогенном тренде в изменении ландшафтов древними обществами позднего бронзового века. Этот процесс можно рассмотреть как одну из моделей адаптации населения к новой для него экологической среде. Основными факторами изменения ландшафта стало сооружения жилищ с применением гипса, строительство курганных комплексов с первоначальным полным снятием верхнего слоя почвы на всей площадке памятника. Также изменение ландшафта происходило в результате воздействия перевыпаса скота на раннем этапе развития скотоводства в форме пасторализма на прилегающей к поселениям округе. Все эти факторы привели к эродированию почв вокруг памятников археологии. Таким образом, население существенно изменило ландшафт и водные ресурсы этой территории, что привело к

Таблица 1 – Результаты изотопных анализов стабильных изотопов азота костей ($\delta^{15}N$) среднее значение – 11,50 о/оо и углерода костей ($\delta^{13}C$) материалов Казбуруновского археологического микрорайона
1-кесте – Казбурунов археологиялық ықшамауданынан алынған материалдардағы сүйек азотының ($\delta^{15}N$) тұрақты изотоптарының орташа мәні – 11,50 о/оо және сүйек көміртегінің ($\delta^{13}C$) изотоптық талдауларының нәтижелері
Table 1 – Results of isotope analyzes of stable isotopes of bone nitrogen ($\delta^{15}N$) average value – 11.50 o/oo and bone carbon ($\delta^{13}C$) from materials from the Kazburun archaeological micro-district

№	Памятник, год исследования	Образец	Изотопы углерода ($\delta^{13}C$)	Изотопы азота ($\delta^{15}N$)	Биологический пол погребенного / возраст
1	Казбуруновский I курганный могильник 2009, курган №4, погребение №1	коллаген корня зуба	-19,7 о/оо / -19,3 о/оо	11,0 о/оо / 10,7 о/оо	мужской (XY) adultus
2	Казбуруновский I курганный могильник 2014, курган №23, погребение №4 (левое)	коллаген фрагмента компакты бедренной кости	-19,4 о/оо	12,1 о/оо	женской (XX) adultus
3	Казбуруновский I курганный могильник 2014, курган №23, погребение №5	коллаген фрагмента компакты бедренной кости	-19,7 о/оо / -19,4 о/оо	10,6о/оо / 11,9 о/оо	мужской (XY) adultus
4	КазбуруновскийI курганный могильник 2014, курган №23, погребение №4 (правое)	коллаген корня зуба	-19,3 о/оо	12,6 о/оо	мужской (XY) adultus
5	Казбуруновский I курганный могильник 2014, курган №23, погребение №3	коллаген фрагмента компакты бедренной кости	-19,0 о/оо / -19,2 о/оо	10,7о/оо / 12,2 о/оо	мужской (XY) adultus
6	КазбуруновскийI курганный могильник 2014, курган №23, погребение №2(инфант)	коллаген фрагмента компакты бедренной кости	-19,4 о/оо / -19,3 о/оо	11,2о/оо / 12,6о/оо	женской (XX) adultus
7	Казбуруновский I курганный могильник 2009, курган №4, погребение №2	коллаген фрагмента компакты бедренной кости	-19,3 о/оо	10,8 о/оо	женской (XX) infant
8	Казбуруновский I курганный могильник 2004, курган №5, погребение №1	коллаген фрагмента компакты бедренной кости	-19,6	10,7 о/оо	мужской (XY) adultus
9	Казбуруновский I курганный могильник 2014, курган №23, погребение №6	коллаген фрагмента компакты бедренной кости	-19,7 о/оо	12,5 о/оо	женской (XX) adultus
10	Мурадым-4, поселение, кв.207, погребение №3	коллаген фрагмента компакты бедренной кости	-19,2 о/оо	11,3 о/оо	мужской (XY) adultus
11	Мурадым-4, поселение, кв.207, погребение №4	коллаген фрагмента компакты бедренной кости	-19,1 о/оо	10,4 о/оо	женской (XX) adultus

невозможности её использования, и древним жителям пришлось покинуть эти места. После опустения данной территории Казбуруновского археологического микрорайона в конце позднего бронзового века и снятия антропогенного прессинга территория испытывает последствия экологического кризиса и не пригодна к ведению современного земледелия.

ЛИТЕРАТУРА

1 *Бочкарев В.С., Рысин М.Б.* Пространственный анализ памятников археологии Нижнего Поволжья (по материалам погребений энеолита – раннего железа) // Археология Восточно-Европейской степи: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. доц. В.А. Лопатина. Вып. 4. Саратов: Научная книга, 2006. С. 58–66.

2 *Гасилин В.В., Гимранов Д.О., Косинцев П.А.* Промысел куниц (род *Martes*) населением Поволжья и Южного Урала в голоцене // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 1 (20). С. 139–148.

3 *Гольева А.А., Шутелева И.А., Щербаков Н.Б.* Проблематика палеоэкологических реконструкций экспонированных культурных слоев длительного постселитебного функционирования (на примере памятников эпохи поздней бронзы Республики Башкортостан) // Поволжская археология. 2018. № 3 (35). С. 45–58.

4 *Епимахов А.В., Берсенева Н.А.* Традиция сооружения колодцев в аридной части Северной Евразии в эпоху бронзы // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с другими цивилизациями. СПб.: ИИМК РАН, 2012. Кн. 2. С. 164–168.

5 *Купцова Л.В., Моргунова Н.Л., Салугина Н.П., Хохлова О.С.* Периодизация срубной культуры западного Оренбуржья по археологическим и естественно-научным данным // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Т. 46. № 1. С. 100–107.

6 Морозов Ю.А. Усмановский комплекс памятников срубной культуры в Башкирском Приуралье // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. М-лы междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы» / Под ред. Ю.И. Колева, П.Ф. Кузнецова, О.В. Кузьминой, А.П. Семенова, М.А. Турецкого и Б.А. Агузарова. Самара, 2001. С. 437–440.

7 *Петренко А.Г.* Взаимовлияния природно-климатических и антропогенных факторов на изменения типов ведения хозяйства в эпоху поздней бронзы – раннего железа у населения Среднего Поволжья и Предуралья // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника). Археология евразийских степей. 2009. Вып. 8. С. 169–184.

8 *Петренко А.Г., Асылгараева Г.Ш.* Остеологические материалы животных из раскопок Мурадымовского поселения эпохи поздней бронзы // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография. М-лы Междунар. конф. «Чтения памяти К.В. Сальникова (1900–1966)» / Под ред. В.С. Горбунова, В.А. Иванова, Г.Т. Обыденновой, И.А. Шутелевой, Н.Б. Щербакова. Уфа, 2007. С. 87–92.

9 *Рутто Н.Г.* Срубно-алакульские связи на Южном Урале. Уфа: Гилем, 2003. 212 с.

10 *Смирнов А.И., Аглетдинова Э.Р.* Карст Аургазинского района в Южном Предуралье // Национальная ассоциация ученых. 2020. № 51-2 (51). С. 4–10.

11 *Турикешев Г.Т.-Г., Данукалова Г.А., Кутушев Ш.-И.Б.* Южное Предуралье: география, геология, тектоника и геоморфология. М.: ИНФРА-М, 2016. 260 с.

12 *Шутелева И.А., Щербаков Н.Б., Гольева А.А., Луньков В.Ю., Лунькова Ю.В., Леонова Т.А., Орловская Л.Б., Радивоевич М.* Результаты интердисциплинарных исследований памятников срубно-алакульского типа Башкирского Приуралья (на примере Казбуруновского археологического микрорайона) // КСИА. 2017. Вып. 246. С. 261–279.

13 *Щербаков Н.Б., Шутелева И.А., Гольева А.А., Леонова Т.А*. Модели степной технологической и миграционной мобильности позднего бронзового века башкирского Приуралья // V (XXI) Всероссийский археологический съезд (Барнаул, 30 октября – 3 ноября 2017 г.). Сб. науч. тр. / Отв. ред.: А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул, 2017. С. 1193–1194.

14 *Golyeva A., Khokhlova O., Shcherbakov N., Shuteleva I*. Negative Effects of Late Bronze Age Human Activity on Modern Soils and Landscapes, a Case-Study on the Muradymovo Settlement, Urals, Russia // Interdisciplinaria Archaeologica. Natural Sciences in Archaeology. 2016. Vol. VII. Iss. 2. Pp. 169–178. DOI: 10.24916/IANSA.2016.2.2

15 *Krzewińska M., Kılınc G.M., Juras A., Koptekin D., Chyleński M., Nikitin A.G., Shcherbakov N., Shuteleva I., Leonova T., Kraeva L., Sungatov F.A., Sultanova A.N., Potekhina I., Łukasik S., Krenz-Niedbała M., Dalen L., Sinika V., Jakobsson M., Stora J., Gotherstrom A*. Ancient genomes suggest the eastern Pontic-Caspian steppe

as the source of western Iron Age nomads // Science Advances. American Association for the Advancement of Science. 2018. Vol. 4 (10). Pp. 1–12.

16 *Miller Ventresca A.R., Wilkin S., Hendy J., Turbat T., Batsukh D., Bayarkhuu N., Giscard P.H., Bemmann J., Bayarsaikhan J., Miller B.K., Clark J., Roberts P., Boivin N*. The spread of herds and horses into the Altai: How livestock and dairying drove social complexity in Mongolia // Plos one. 2022. Vol. 17 (5):e0265775. DOI: 10.1371/journal.pone.0265775.

17 *Shishlina N., Roslyakova N., Kolev Y., Bachura O., Kuznetsova O., Kiseleva D., Retivov V., Tereschenko E*. Animals, metal and isotopes: Mikhailo-Ovsyanka I, the Late Bronze Age mining site of the steppe Volga region // Archaeological Research in Asia. 2020. Vol. 24. 100229.

REFERENCES

1 Bochkarev, V. S., Rysin, M. B. 2006. In: Lopatin, V. A. (ed.). *Arheologiya Vostochno-Evropejskoj stepi (Archaeology of the East European Steppe).* Issue 4. Saratov: "Nauchnaya kniga" Publ., 58–66 (in Russian).

2 Gasilin, V, Gimranov, D, Kosintsev, P. 2013. In *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography)*, 1 (20), 139–148 (in Russian).

3 Golyeva, A. A., Shuteleva, I. A., Shcherbakov, N. B. 2018. In *Povolzhskaya arheologiya (The Volga River Region Archaeology)*, 3 (35), 45–58 (in Russian).

4 Epimakhov, A. V., Berseneva, N. A. 2012. In: *Kultury stepnoy Evrazii i ih vzaimodejstvie s drugimi tsivilizatsiyami (Cultures of steppe Eurasia and their interaction with other civilizations)*. Book 2. St. Petersburg: Institute for the History of Material Culture RAS, 164–168 (in Russian).

5 Kuptsova, L. V., Morgunova, N. L., Salugina, N. P., Khokhlova, O. S. 2018. In *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia)*, 46, 1, 100–107 (in Russian).

6 Morozov, Yu. A. 2001. In: Kolev, Yu. I. et al. (eds.). *Bronzovyi vek Vostochnoy Evropy: harakteristika kultur, hronologiya i periodizatsiya (Bronze Age in Eastern Europe: characteristics of cultures, chronology and periodization)*. Samara, 437–440 (in Russian).

7 Petrenko, A. G. 2009. In *Arheologiia evraziiskih stepei (Archaeology of the Eurasian steppes),* 8, 169–184 (in Russian).

8 Petrenko, A. G., Asylgaraeva, G. Sh. 2007. In: Gorbunov, V. S. et al. (eds.). *Formirovanie i vzaimodejstvie uralskih narodov v izmenyayushcheysya etnokulturnoy srede Evrazii: problemy izucheniya i istoriografiya (Formation and interaction of the Ural peoples in the changing ethnocultural environment of Eurasia: problems of study and historiography).* Ufa, 87–92 (in Russian).

9 Rutto, N. G. 2003. *Srubno-alakulskie svyazi na Yuzhnom Urale (Srubno-Alakul connections in the Southern Urals).* Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).

10 Smirnov, A. I., Agletdinova, E. R. 2020. In *Natsionalnaya associatsiya uchenyh (National Association of Scientists),* 51-2 (51), 4–10 (in Russian).

11 Turikeshev, G., Danukalova, G., Kutushev, Sh. 2016. *Yuzhnoe Preduralie: geografiya, geologiya, tektonika i geomorfologiya (Southern Cis-Urals: geography, geology, tectonics and geomorphology)*. Moscow: "INFRA-M" Publ. (in Russian).

12 Shuteleva, I. A., Shcherbakov, N. B., Golyeva, A. A., Lunkov, V. Yu., Lunkova, Yu. V., Leonova, T. A., Orlovskaya, L. B., Radivoevich, M. 2017. In *KSIA (Brief communications of the Institute of Archeology)*, 246, 261–279 (in Russian).

13 Shcherbakov, N. B., Shuteleva, I. A., Golyeva, A. A., Leonova, T. A. 2017. In: Derevyanko, A. P., Tishkin, A. A. (eds.). *V (XXI) Vserossiiskiy arheologicheskiy s"ezd (V (XXI) All-Russian Archaeological Congress).* Barnaul, 1193–1194 (in Russian).

14 Golyeva, A., Khokhlova, O., Shcherbakov, N., Shuteleva, I. 2016. In *Interdisciplinaria Archaeologica. Natural Sciences in Archaeology,* VII, 2, 169–178 (in English).

15 Krzewińska, M., Kılınc, G. M., Juras, A., Koptekin, D., Chyleński, M., Nikitin, A. G., Shcherbakov, N., Shuteleva, I., Leonova, T., Kraeva, L., Sungatov, F. A., Sultanova, A. N., Potekhina, I., Łukasik, S., Krenz-Niedbała M., Dalen, L., Sinika, V., Jakobsson, M., Stora, J., Gotherstrom, A. 2018. In *Science Advances*, 4 (10), 1–12 (in English).

16 Miller Ventresca, A. R., Wilkin, S., Hendy, J., Turbat, T., Batsukh, D., Bayarkhuu, N., Giscard, P. H., Bemmann, J., Bayarsaikhan, J., Miller, B. K., Clark, J., Roberts, P., Boivin, N. 2022. In *PloS one*, 17(5):e0265775 (in English).

17 Shishlina, N., Roslyakova, N., Kolev, Y., Bachura, O., Kuznetsova, O., Kiseleva, D., Retivov, V., Tereschenko, E. 2020. In *Archaeological Research in Asia*, 24, 100229 (in English).

About the Authors
Shcherbakov Nikolai – Leading Researcher, Docent, M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University, Ufa, Russia. ORCID 0000-0001-7731-7178 E-mail: nbsherbakov@gmail.com
Golyeva Alexandra – Chief Researcher, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. ORCID 0000-0002-4392-0339 E-mail: golyeva@igras.ru
Shuteleva Iia – Leading Researcher, Docent, M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University, Ufa, Russia. ORCID 0000-0002-6852-5415 Email: shutelevai@gmail.com
Leonova Tatiana – Leading Researcher, Docent, M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University, Ufa, Russia. ORCID 0000-0003-1605-4479 Email: leonotan@mail.ru

Авторлар туралы мәліметтер
Щербаков Николай Борисович – аға ғылыми қызметкер, доцент, М. Акмулла атындағы Башқұрт мемлекеттік педагогикалық университеті, Уфа қ., Ресей
Гольева Александра Амуриевна – бас ғылыми қызметкер, РҒА География институты, Мәскеу қ., Ресей
Шутелева Ия Александровна – аға ғылыми қызметкер, доцент, М. Акмулла атындағы Башқұрт мемлекеттік педагогикалық университеті, Уфа қ., Ресей
Леонова Татьяна Алексеевна – аға ғылыми қызметкер, доцент, М. Акмулла атындағы Башқұрт мемлекеттік педагогикалық университеті, Уфа қ., Ресей

Сведения об авторах
Щербаков Николай Борисович – старший научный сотрудник, доцент, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа, Россия
Гольева Александра Амуриевна – главный научные сотрудник, Институт географии РАН, г. Москва, Россия
Шутелева Ия Александровна – старший научный сотрудник, доцент, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа, Россия
Леонова Татьяна Алексеевна – старший научный сотрудник, доцент, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа, Россия

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 31.03.2024.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 15.04.2024.
Авторлар жұмысқа бірдей үлес қосты. / Авторы внесли равноценный вклад в работу.
/ The authors have made an equal contribution to the work.

УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03.41.91
https://doi.org/10.52967/3007-6528.2024.1.117.125

Результаты полевых археологических исследований на поселении и могильнике Тасбас в 2023 г.

© 2024 г. Киясбек Г.К., Ташманбетова Ж.Х., Доумани Дюпюй П.Н.

Keywords: *Bayanzhurek, Tasbas, settlement, stone-lined burials, Iron Age, Wusun, Bronze Age, cave burial*
Түйін сөздер: *Баянжүрек, Тасбас, қоныс, тас қоршау, темір дәуірі, үйсін, қола дәуірі, үңгірдегі жерлеу*
Ключевые слова: *Баянжурек, Тасбас, поселение, каменная ограда, железный век, усунь, бронзовый век, пещерное погребение*

G. Kiyasbek[1], Z. Tashmanbetova[2] and P. Doumani Dupuy[3]
[1]Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan
[2]Washington University in St. Louis, USA
[3]Nazarbayev University, Astana, Kazakhstan

Results of archaeological field research at the site of Tasbas in 2023

This article provides a brief report on archaeological field research conducted at the site of Tasbas in the Bayan-Zhurek valley. We excavated the multi-period and a multi-component settlement and a Late Bronze Age burial ground at Tasbas. At the settlement we recovered the Bronze Age and ethnographic period stone dwellings, as well as numerous fire features and thin layers of clay floors. Two burials were found within the confines of the Bronze Age settlement, one belongs to Wusun Late Iron Age period and the second one was found in the Early Bronze Age layer of the site. The latter is a double burial found in a cave of the boulder that is connected to the prehistoric settlement; the burial ritual has no analogies within the Bayan-Zhurek and broader Zhetisu. In addition, we researched a burial ground located adjacent to the settlement. It consisted of 7 stone fences connected to each other; inventory consisted of ceramic items and bronze jewelry. The 2023 excavations yielded several new avenues for research into all periods of the site's use. In terms of the EBA, previous research at the site had recovered a fire hearth feature with ritual offerings, raising questions as who the people were that initially settled in this place.
Source of funding: The work was carried out within the framework of the program of fundamental scientific research of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2023–2025, IRN BR20280993.
Citation: Kiyasbek, G., Tashmanbetova, Z., Doumani Dupuy, P. 2024. Results of archaeological field research at the site of Tasbas in 2023. *Margulan readings–2024.* In 2 vol. Vol. 1. Pp. 117–125 (in Russian).

Ғ.Қ. Қиясбек[1], Ж.Х. Ташманбетова[2], П.Н. Доумани Дюпюй[3]
[1]Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан
[2]Сент-Луистегі Вашингтон университеті, Сент-Луис қ., АҚШ
[3]Назарбаев университеті, Астана қ., Қазақстан

Тасбас қонысы мен қорымындағы 2023 жылғы далалық археологиялық зерттеулердің нәтижелері

Мақалада 2023 жылы Баянжүрек шатқалындағы Тасбас кешенінің қоныстары мен қорымдарында жүргізілген далалық археологиялық зерттеулердің қысқаша есебі берілді. Атқарылған жұмыстар нәтижесінде Тасбас қонысынан қола, темір дәуірлерінен этнографиялық уақытқа дейінгі баспана құрылыстары, көптеген ошақ орындары анықталды. Қоныс шекарасындағы ерте қола және кейінгі темір дәуірлерінің қабаттарынан екі түрлі дәуірге жататын жерлеу орны табылды. Ерте қола дәуіріне жататын жерлеу орны қонысқа іргелес жатқан жартастың шетінде пайда болған үңгірге жерленген қос жерлеу орны болып шықты. Бұл жерлеу орны – Жетісу жерлеу орындарының ішіндегі бірегейі. Тасбас қорымындағы қола дәуіріне жататын тас қоршаулардан керамикалық бұйымдар мен әшекейлері бар жеті балалар қорымы табылды. 2023 жылғы зерттеулердің

нәтижесінде Баянжүрек шатқалы мен жалпы Жетісу Алатауы ескерткіштері бойынша жаңа материалдар алынды.
Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2025 жж. арналған іргелі ғылыми зерттеулер бағдарламасы шеңберінде, ЖТН BR20280993 жобасы аясында дайындалды.
Сілтеме: Қиясбек Ғ.Қ., Ташманбетова Ж.Х., Доумани Дюпюй П.Н. Тасбас қонысы мен қорымындағы 2023 жылғы далалық археологиялық зерттеулердің нәтижелері. *Марғұлан оқулары–2024.* 2 том. 1-т. 117–125-бб. (Орысша).

Г.К. Киясбек[1], Ж.Х. Ташманбетова[2], П.Н. Доумани Дюпюй[3]
[1]Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан
[2]Вашингтонский Университет в Сент-Луисе, Сент-Луис, США
[3]Назарбаев Университет, Астана, Казахстан

Результаты полевых археологических исследований на поселении и могильнике Тасбас в 2023 г.

В статье дан краткий отчёт о полевых археологических исследованиях, проведённых в 2023 году на поселении и могильнике комплекса Тасбас в ущелье Баян-Журек. В результате выполненных работ на поселении были обнаружены жилищные постройки и многочисленные очажные устройства эпохи бронзы, железа и этнографического периода. В границах поселения было найдено два разновременных погребения в слоях ранней бронзы и позднего железного века. Погребение ранней бронзы является двойным захоронением, совершенным в пещере, образовавшейся в скальном выходе, к которому прилегало поселение. Данное погребение является уникальным среди известных нам погребений Жетысу. На могильнике Тасбас в каменных оградах эпохи бронзы было обнаружено семь детских захоронений с керамическими изделиями и украшениями. Благодаря исследованиям 2023 года, получены новые материалы по памятникам ущелья Баян-Журек и Жетысуского Алатау в целом.
Источник финансирования: Работа выполнена в рамках программы фундаментальных научных исследований Комитета науки МНВО РК на 2023–2025 гг., ИРН BR20280993.
Цитирование: Киясбек Г.К., Ташманбетова Ж.Х., Доумани Дюпюй П.Н. Результаты полевых археологических исследований на поселении и могильнике Тасбас в 2023 г. *Маргулановские чтения–2024.* В 2-х т. Т. 1. С. 117–125.

Введение

В полевом сезоне 2023 года командой Казахстанско-Американской экспедиции были проведены археологические исследования комплекса Тасбас (Аксуский р-н, обл. Жетысу). Археологические раскопки проводились международной группой исследователей Института археологии им. А.Х. Маргулана, Назарбаев Университета и Вашингтонского Университета в г. Сент-Луис в рамках проекта «Археологические исследования древних культур Жетысу». В результате исследованы поселенческий комплекс и могильник Тасбас.

Археологический комплекс Тасбас находится в 25 км к востоку от с. Капал в ур. Баян-Журек на высоте 1496 м над уровнем моря. Долина Баян-Журек – высокогорное плато жайлау, протяженностью в 35 км и шириной 2–6 км. В 360 м к западу от комплекса Тасбас расположено поселение бронзового века Дали [Hermes et al. 2021: 345] и в 2,5 км к югу от него – археологическая стоянка бронзового века Калакай [Горячев 2007: 21]. Тасбас расположен на юго-восточном склоне (т.е. на солнечной стороне – «күнгей») гор Баян-Журек, на левом берегу р. Сункарбуйен, берущей начало с вершин Жетысу Алатау и, впадающей в русло р. Буркутбуйен, а затем – в главную артерию – р. Буйен. В урочище также протекают множество других рек, впадающие в Буйен: Карагайбуйен, Ортабуйен, Коксай, Тастыбуйен. В 240 м к востоку и в 150 м к юго-западу от комплекса расположены холмы высотой 35–40 м и 15–16 м. Таким образом, комплекс Тасбас окружен горами, холмами и реками, что указывает на благоприятное и выгодное расположение для безопасного ведения скотоводства и земледелия.

Археологический комплекс Тасбас растягивается по трём природным террасам вдоль горной речки. В 150 м к востоку от поселения, на первой надпойменной террасе, расположен могильник

Тасбас. Поселение Тасбас, состоящее из нескольких разновременных жилищ, занимает среднюю террасу. Исследованное нами жилище находилось вдоль одного из естественных гранитных скальных выходов. На верхней террасе находятся развалины жилищ и погребений этнографического периода.

Поселенческий комплекс Тасбас был неоднократно исследован А.Н. Марьяшевым, сотрудниками Института археологии им. А.Х. Маргулана и командой Казахстанско-Американской экспедиции под руководством Майкла Фрачетти и Паулы Доумани-Дюпюй [Марьяшев 2002; Doumani et al. 2015: 17; Доумани-Дюпюй и др. 2019: 85]. Полевые исследования 2001 года под руководством А.Н. Марьяшева выявили материалы эпохи финальной бронзы и два жилища на средней террасе. А.Н. Марьяшев выделил четыре строительных горизонта на поселении, включая строения этнографического периода в верхних слоях и каменные выкладки домов эпохи финальной бронзы. Археологические исследования 2011 года на поселении Тасбас выявили культурные слои ранней бронзы с находками, указывающими на выполнение ритуальных действий в виде кремации, сезонное проживание на поселении и земледельческую и скотоводческую деятельность.

Методика исследования

Перед началом и в процессе раскопок отсняты и составлены топографический и ситуационный планы археологического комплекса Тасбас. Топографическая съёмка памятников проводилась с помощью технологии цифровой фотограмметрии с использованием БПЛА DJI Mavic Air 2 и лазерного тахеометра Leica TCR-407. В результате обработки были получены ортофотопланы, цифровые модели местности и топо-планы. В процессе раскопок поселения выполнен отбор образцов для проведения радиоуглеродного, макро- и микро- ботанического анализа.

Описание материала

Многослойное поселение Тасбас. Раскопки 2023 года являются продолжением шурфов 2001 и 2011 гг. и завершающим этапом исследований поселения Тасбас. В 2023 г. всего было заложено четыре траншеи на поселении, общая площадь исследованного участка составила 60 м^2: шурф 1 (4×6 м), шурф 2 (4×6 м), шурф 3 (2×3 м), шурф 4 (2×3 м), два из которых (шурфы 1 и 2) являются прямым продолжением раннее исследованных шурфов; шурфы 3 и 4 – заложены к югу от шурфов 1 и 2 на нижней террасе стоянки Тасбас (рис. 1). Таким образом, исследовано как древнее жилище, расположенное на террасе и прилегающее к каменной глыбе, так и его окрестности.

В процессе исследований выявлено, что данная территория осваивалась с раннего бронзового века до этнографического периода. Верхний слой представлял собой остатки каменно-земляного жилища казахского периода и кухни с помещением для приготовления пищи. В шурфе 1 было найдено жилище этнографического периода, состоящее из каменной выкладки в основании стен. Камни среднего размера были уложены в прямую линию с севера на юг и формировали стены комнат с прямыми углами, обрушившиеся в восточном направлении вниз по склону. Важно отметить, что шурф 1 был заложен на склоне, соответственно слой казахского периода находился под слоем эрозийной почвы с верхней террасы. Внутренняя часть жилища состояла из глиняного слоя с гравием от забутовки стен. В глинистой земле в основании стен был найден очаг с крупными фрагментами древесного угля. Внутри и за границами жилища – фрагменты кожи и дерева, железные и керамические предметы, фрагменты костей крупного и мелкого рогатого скота.

Под слоем этнографического периода залегал слой железного века. В нем выявлена хозяйственная яма (юго-восточный угол шурфа 2). Горизонт железного века содержал обильное количество жжёной толстостенной керамики и костей животных. Наличие многочисленных очажных устройств в данном слое указывает на ведение активной хозяйственной и ритуальной деятельности в этот период. Однако на выбранном нами участке горизонт железного века не содержал чётко выраженной жилищной архитектуры.



Рис. 1. Ортофотоплан урочища Баян-Жүрек с поселением (слева) и могильником (справа) Тасбас. Исполнитель: Галымжан Киясбек
1-сур. Тасбас қорымы (оң жақта) мен қонысы (сол жақта) орналасқан Баянжүрек шатқалының ортофотожоспары. Орындаған: Ғалымжан Қиясбек
Fig. 1. Orthophotoplan of the Bayan-Zhurek site with the Tasbas settlement (left) and burial ground (right). Performer: Galymzhan Kiyasbek

В слое железного века также выявлено погребение молодой женщины (южн. часть шурфа 2, глубина – 70 см от совр. поверхн.). Сверху захоронение выложено камнями. Скелет находился на спине, в вытянутом положении, головой на запад. Сопроводительный комплекс представлен налобным украшением с нашивными бляшками из бронзы, костяные и стеклянные бусины, а также бусины из раковин моллюсков. В изголовье найдены кости МРС. Налобное украшение, по всей видимости, было изначально пришито к текстильной ленте (на бронзе видны следы тонкой ткани); остатки охры на лбу указывают на то, что текстиль был, вероятно, пришит к куску кожи, обработанной охрой. Идентичное налобное украшение происходит из кургана № 12 погребально-поминального комплекса Каркара, расположенного в северной части горной системы Тянь-Шань [Онгар и др. 2014: 53]. Под захоронением и под погребальными камнями залегал слой сильно прокалённой земли чёрного цвета, по всей видимости, связанный с ритуальной деятельностью перед совершением погребения.

Горизонт бронзового века залегал под слоем раннего железного века и состоял из нескольких слоёв эпохи поздней и ранней бронзы. В горизонте эпохи поздней бронзы обнаружена каменная стена в южной части шурфа 2, на глубине 2,1 м от дневной поверхности. Камни были выложены в прямую линию и покрыты толстым слоем глины серого цвета. Рядом с каменным жилищем найден ряд очажных устройств и тонкие слои глиняных полов в юго-восточном и северо-восточном секторе шурфа 2. В позднебронзовом слое также найдены две столбовые ямы вдоль восточной стенки шурфа 2. Столбовая яма в северо-восточном углу раскопа выложена камнями, имела диаметр 40 см, залегала в слое твёрдой глиняной почвы. В слоях бронзового века найдены фрагменты костей животных, орнаментированная керамика, а также фрагменты горелой не декорированной керамики для приготовления пищи. К северу от каменной стены обнаружены три столбовые ямы диаметром 12–18 см. Необходимо отметить, что в шурфе ОП4 (гл. 50 см от совр. поверхн.) – на нижней террасе поселения Тасбас к югу от шурфа 2 выявлена обрушившаяся глиняная печь-тандыр и пол из сырцового кирпича.

В энеолитическом/раннебронзовом слое найдено парное захоронение в северной части шурфа 2, на глубине 2,2 м от современной поверхности. Захоронение находилось в экзогенной пещере каменного выступа, к которому прилегало исследуемое жилище бронзового века. Захоронение не имело каких-либо наземных признаков погребальной конструкции. Погребенные находились в скорченном положении с подогнутыми ногами, головой направлены на запад, лицом обращены друг к другу. Нижние конечности индивидуума № 1 (находящийся севернее/глубже в пещере) были уложены поверх нижних конечностей индивидуума № 2. Оба индивидуума сохранились в анатомическом порядке *in situ*. Однако череп индивидуума № 1 отсутствовал. В изножье индивидуума № 1 был установлен вертикально плоский камень. Сопроводительный инвентарь отсутствовал. Захоронение находилось за скоплением камней, которые перекрывали вход в убежище. На текущий момент данное захоронение не имеет аналогий среди поселенческих комплексов и могильников урочища Баян-Журек. Дополнительные исследования необходимы для определения культурной принадлежности погребения.

Материк был достигнут на глубине 2,5 м от современной поверхности. Первоначальная поверхность состояла из массивных гранитных скальных выходов и жёлто-коричневого грунта с гравием. Это указывает на то, что древние жители использовали выходы скал как стены, врезав жилище в склон горы.

Могильник Тасбас расположен в 150 м к востоку от одноименного поселения, на первой надпойменной террасе, в 20 м к северо-западу от левого берега р. Сункарбуйен. Основываясь на расположении камней, прослеживаемых на современной поверхности, определено, что могильник состоит из 10-ти оград бронзового века. В 1990-х годах археологи Ренато Сала и Жан-Марк Деом исследовали одну из оград (результаты не опубликованы). В 2023 г. нами исследована юго-западная (крайняя) ограда (рис. 1). В процессе раскопок выявлено, что данная ограда имела сложную конструкцию – несколько оград меньшего размера пристроены друг к другу как соты (рис. 2).

Из-за сильной задернованности было сложно определить границы оградок, которые явно связаны между собой. Так как аналогичная конструкция исследовалась сотрудниками Института археологии имени А.Х. Маргулана на могильнике бронзового века Калакай, то принцип нумерации, использованный коллегами на этом памятнике, взят на вооружение и на Тасбасе [Горячев 2007: 27]. Ограда обозначена как конструкция 1. По окончании зачистки каменных выкладок выявлено семь оградок, предназначенных для захоронения детей. Все погребения представляют собой, выложенные в два ряда, кольцевые ограды округлой формы, в центре которых находилась погребальная камера. Погребальные камеры напоминают каменный ящик, сооруженные из вертикально (или ребром) поставленных небольших неотесанных гранитных булыжников. Погребения находились на глубине 30 см от современной поверхности и были засыпаны тонким однородным слоем грунта. В двух



Рис. 2. Могильник Тасбас, конструкция 1. Детские погребения в оградах. Фото авторов
2-сур. Тасбас қорымы, 1-конструкция. Қоршаулардағы балалар жерлеуі. Фото авторлардікі
Fig. 2. Tasbas burial site, structure 1. Childrens' stone-lined graves. Photo by authors

погребениях обнаружены кости человека и элементы сопроводительного комплекса – керамическая посуда, бронзовые пуговицы и кольца.

Ограда № 1 находится в южной части конструкции 1, имеет стену в два ряда. Внутренняя ограда сильно разрушена и поэтому примыкает к внешней ограде с заметным зазором между камнями. Внешняя ограда выложена камнями средних размеров и имеет диаметр 2,37 м. С северной стороны к ней примыкает ограда № 2, с северо-западной – ограда № 7, с восточной – ограды № 5 и 6. Внутренняя ограда сооружена из разных камней, как средних, так и более мелких. Имеет диаметр 1,6 м. Центральная конструкция так же сильно потревожена – каменный ящик отсутствует. В северо-западном углу внутренней стенки ограды, на глубине 23 см, обнаружен неорнаментированный керамический сосуд.

Ограда № 2 расположена в центре конструкции. Была так же, как и ограда № 1, выложена в два ряда, однако в некоторых местах имела три ряда, что возможно указывает на спиралевидную форму. С юго-запада к ограде № 2 примыкает ограда № 7, с северо-запада – ограда № 4, с севера – ограда № 3, а южная часть стен «переплетена» с камнями ограды № 1. С юго-восточной стороны ограда № 2 соединена с оградой № 5 «мостиком» в виде четырёх камней средних размеров. Внутренняя ограда

диаметром 2,40 м сооружена из лежащих плашмя и вертикально поставленных камней. Третий ряд ограды № 2, длиной 1,90 м, отсутствует в восточной части ограды. Центральная конструкция (60 × 75 см), состоящая из вертикально установленных крупных камней, ориентирована по оси СЗ–ЮВ. Глубина ямы 30 см. В верхней части каменного ящика зафиксировано каменное перекрытие в виде плиты крупного размера. Погребальный инвентарь отсутствует. Следов погребения внутри ящика не было обнаружено.

Ограда № 3 расположена к северу ограды № 2 и выложена из крупных однородных каменных валунов. Диаметр внешней ограды – 2,70 м. К внешней ограде с западной стороны примыкает ограда № 4. Внутренняя часть ограды вплотную примыкает к внешнему ряду ограды. Центральная камера состоит из вертикально поставленных камней на глубине 55 см, имеет размеры 70 × 70 см, ориентирована по оси С–Ю. В восточной части погребальной камеры обнаружен фрагмент кости МРС (-20 см) и под ним, на глубине 30 см, три бронзовых кольца. У западной стенки погребения, на глубине 30 см, обнаружена трубчатая кость человека и под ней фрагмент керамики.

Ограда № 4 расположена с юго-западной стороны ограды № 3. Примыкает также к ограде № 2. Ограда диаметром 2 м, имеет один ряд, сооруженный в основном из средних и мелких камней, которые прерываются в западной части. Стены каменного ящика возведены из вертикально установленных камней, размеры 50 × 60 см, ориентированы по оси С–Ю. На глубине 30 см, вплотную к западной стенке камеры, был обнаружен детский скелет в скорченном положении, на правом боку, головой ориентированный на юг.

Ограда № 5 расположена в юго-восточной части конструкции, с запада примыкает к ограде № 1 и с юго-запада к ограде № 6. С северо-западной части ограда соединена перемычкой («мостиком») из четырех камней, которые также относятся к ограде № 2. Имеет одну кольцевую стену из средних и мелких камней, диаметр 2,25 м. Каменный ящик ориентирован по оси северо-запад–юго-восток, размерами 60 × 70 см, сооружён из вертикально поставленных каменных плит. Ближе к южному углу ящика, на глубине 20 см, обнаружен бронзовый колпачок грибовидной формы с коротким стержнем. В центральной части погребальной камеры, на глубине 32 см, был найден фрагмент керамики.

Ограда № 6 примыкает к ограде № 5 с юго-западной стороны и с юго-восточной – к ограде № 1. Данная часть конструкции 1 не имеет каменную кольцевую ограду, состоит лишь из камеры-ящика, сооруженного из трёх вертикально уложенных камней, ориентирован по оси СЗ–ЮВ, размеры 45 × 55 см. Юго-восточная стена камеры находилась в горизонтальном положении, по всей видимости упала во внешнюю сторону. Юго-западная каменная плита полностью отсутствует. Следов захоронения или поминально-погребального ритуала не обнаружено.

Ограда № 7 примыкает к ограде № 1 с северо-западной стороны и к ограде № 2 с юго-западного края. Так же, как и ограда № 6, не имеет каменную кольцевую оградку. Каменный ящик состоял из вертикально уложенных массивных камней, размеры 40 × 50 см. Внутри ящика никаких следов захоронения и поминального ритуала не было обнаружено.

Обсуждение результатов и выводы

Таким образом, поселение и могильник Тасбас являются частью комплекса стратифицированных памятников, рассредоточенных по Жетысускому Алатау и долине Баян-Журек, расположенных на высоте 1500 м над уровнем моря. Долгая история изучения археологического комплекса Тасбас позволила реконструировать многие аспекты ритуальной, социальной и экономической жизни древних жителей, населявших Жетысуское Алатау начиная с III тыс. до н.э. и до современности. В частности, полевой сезон 2023 г. позволил открыть новые направления в исследовании всех периодов заселения данного поселения и ответить на некоторые вопросы, обозначенные в ходе предыдущих полевых сезонов. Найденное

парное погребение в пещере является важным дополнением к нашему пониманию ритуальной деятельности и погребального обряда в раннем бронзовом веке на поселении Тасбас и является уникальной находкой, не имеющей аналогии в Жетысу.

В период поздней бронзы наблюдается строительство каменных жилищ на поселении с несколькими эпизодами перестройки, выявлены зоны для приготовления пищи и производства керамики. Результаты археоботанического и археозоологического анализов указывают на то, что древнее население пос. Тасбас практиковало скотоводство и многовидовое земледелие (пшеница, ячмень, просо и горох) [Doumani et al. 2015: 22; Доумани-Дюпюй 2019: 91–95; Eiko Endo 2023: 5–7]. Период поздней бронзы также сопровождается материалами с могильника Тасбас, откуда происходят бронзовые и керамические предметы, выявленные в семи детских погребениях андроновской культуры. Исследованные оградки бронзового века мог. Тасбас по конструктивным особенностям и по обряду погребения аналогичны оградкам мог. Калакай 1, а также и другим погребальным комплексам Северо-Восточного Жетысу [Горячев 2007: 39; Карабаспакова 2011: 189]. В железном веке данный участок также использовался для совершения погребений. В пользу чего свидетельствует погребение усуньского времени, выявленное в пределах поселения эпохи бронзы. В этнографический период данный участок использовался для строительства жилища, врезанного в скальный выход.

ЛИТЕРАТУРА

1 *Горячев А.А.* Археологический комплекс поздней бронзы Калакай-I из Северного Приджунгарья // История и археология Семиречья. Сб. ст. и публ. Вып. 3 / Отв. ред. Марьяшев А.Н., Мотов Ю.А. Алматы, 2007. С. 21–39.

2 *Доумани-Дюпюй П.Н., Фрачетти М.Д., Гермес Т., Гумирова О.Н., Марьяшев А.Н*. Кремация, сельское хозяйство и ремесленное производство на поселении бронзового века Тасбас (Семиречье) // История и археология Семиречья. Сб. ст. и публ. Вып. 6 / Отв. ред. Горячев А.А. Алматы, 2019. С. 85–100.

3 *Карабаспакова К.М*. Жетысу и Южный Казахстан в эпоху бронзы. Алматы: ИА КН МОН РК; НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2011. С. 18–219.

4 *Марьяшев А.Н.* Новые материалы о поселениях эпохи бронзы в горах Баян-Журык // Известия МОН РК, НАН РК. Сер. обществ. наук. 2002. № 1 (236). С. 23–30.

5 *Онгар А., Киясбек Г., Хасенова Б., Бесетаев Б., Кожахметов Б.* Новые результаты исследования погребально-поминального комплекса Каркара (по материалам раскопок 2012–2014 гг.) // Всадники великой степи: традиции и новации. Труды ФИА. Т. IV. Астана: ФИА, 2014. С. 49–55.

6 *Doumani P.N., Frachetti M.D., Beardmore R., Schmaus T.M., Spengler R.N., Mar'yashe A.N*. Burial ritual, agriculture and craft production among Bronze Age pastoralists at Tabas (Kazakhstan) // Archaeological research in Asia. 2015. № 1–2. С. 17–32.

7 *Eiko Endo, Shinya Shoda, Michael Frachetti, Zhanargul Kaliyeva, Galymzhan Kiyasbek, Aidyn Zhuniskhanov, Xinyi Liu, Paula Doumani Dupuy.* Pottery Impressions Reveal Earlier Westward Dispersal of Foxtail Millet in Inner Asian Mountain Corridor // Agronomy. 2023 Vol. 13 (7). 1706. DOI: 10.3390/agronomy13071706

8 *Hermes T.R., Doumani Dupuy P.N., Henry E.R., Meyer M., Mar'yashev A.N., Frachetti M.D*. The multi-period settlement Dali in Southeastern Kazakhstan: Bronze Age institutional dynamics along the Inner Asian mountain corridor // Asian perspectives. The Journal of archaeology for Asia and the Pacific. 2021. Vol. 60. No. 2. Pp. 345–381.

REFERENCES

1 Goryachev, A. A. 2007. In: Maryashev, A. N., Motov, Y. A. (eds.). *Istoriya i arheologiya Semirech'ya (History and archaeology of Semirechye),* 3. Almaty, 21–39 (in Russian).

2 Doumani Dupuy, P. N., Frachetti, M. D., Hermes, T. R., Gumirova, O. N., Mar'yashev, A. N. 2019. In: Goryachev, A. A. (ed.). *Istoriya i arheologiya Semirech'ya (History and archaeology of Semirechye),* 6. Almaty, 85–100 (in Russian).

3 Karabaspakova, K. M. 2011. *Zhetisu i Yuzhnyi Kazakhstan v epohu bronzy (Zhetisu and South Kazakhstan in Bronze Age)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology; "Begazy-Tasmola" (in Russian).

4 Mar'yashev, A. N. 2002. In *Izvestiya MON RK, NAN RK. Seriya obshestvennih nauk (Proceedings of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, NAS RK. A series of societies sciences*), 1 (236), 23–30 (in Russian).

5 Onggar, A., Kiyasbek, G., Khassenova, B., Besetayev, B., Kozhakhmetov, B. 2014. In: *Vsadniki velikoy stepi: traditsii i novatsii. Trudy filiala Instituta arheologii imeni A.H. Margulana v g. Astana (Horsemen of the Great Steppe: traditions and innovations. Proceedings of the branch of the Margulan Institute of Archaeology in Astana*). Vol. IV. Astana, 49–55 (in Russian).

6 Doumani, P. N., Frachetti, M. D. Beardmore, R., Schmaus, T. M., Spengler, R. N., Mar'yashev, A. 2015. In *Archaeological research in As*ia, 1–2, 17–32 (in English).

7 Eiko Endo, Shinya Shoda, Michael Frachetti, Zhanargul Kaliyeva, Galymzhan Kiyasbek, Aidyn Zhuniskhanov, Xinyi Liu, Paula Doumani Dupuy. 2023. In *Agronomy*, 13 (7), 1706 (in English). https://doi.org/10.3390/agronomy13071706

8 Hermes, T. R., Doumani Dupuy, P. N., Henry, E. R., Meyer, M., Mar'yashev, A. N., Frachetti, M. D. 2021. In *Asian perspectives. The Journal of archaeology for Asia and the Pacific,* 60, 2, 345–381 (in English).

About the Authors

Kiyasbek Galymzhan – Senior Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan, ORCID: 0000-0003-1531-4742 E-mail: samuryq2103@gmail.com

Tashmanbetova Zhuldyz – PhD Candidate, Washington University in St. Louis, USA, ORCID: 0009-0002-7625-9871 E-mail: zhuldyz.tashmanbetova@wustl.edu

Doumani Dupuy Paula N. – PhD, associate Professor, Nazarbayev University, Astana, Kazakhstan, ORCID: 0000-0003-0505-0480 E-mail: paula.dupuy@nu.edu.kz

Авторлар туралы мәліметтер

Қиясбек Ғалымжан Қиясбекұлы – аға ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан

Ташманбетова Жұлдыз Худайбергеновна – PhD докторант, Сент-Луистегі Вашингтон Университеті, Сент-Луис қ., АҚШ

Доумани Дюпюй Паула Н. – PhD, қауымдастырылған профессор, Назарбаев Университеті, Астана қ., Қазақстан

Сведения об авторах

Киясбек Галымжан Киясбекулы – старший научный сотрудник, Институт археологии имени А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

Ташманбетова Жулдыз Худайбергеновна – PhD докторант, Вашингтонский Университет в Сент-Луисе, г. Сент-Луис, США

Доумани Дюпюй Паула Н. – PhD, ассоциированный профессор, Назарбаев Университет, г. Астана, Казахстан

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 27.04.2024.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 27.05.2024.
Авторлар жұмысқа бірдей үлес қосты. / Авторы внесли равноценный вклад в работу.
/ The authors have made an equal contribution to the work.

УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03.41.91
https://doi.org/10.52967/3007-6528.2024.1.126.142

Результаты археологической разведки древних памятников долины реки Шелек в 2023 году

© 2024 г. Горячев А.А., Егорова Т.А.

Keywords: *Almaty region, Shelek River, Bronze Age, Early Iron Age, Middle Ages, settlement, burial ground*
Түйін сөздер: *Алматы облысы, Шелек өзені, қола дәуірі, ерте темір дәуірі, орта ғасырлар, қоныс, қорым*
Ключевые слова: *Алматинская область, река Шелек, эпоха бронзы, ранний железный век, Средневековье, поселение, могильник*

A. Goryachev[1] and T. Egorova[1]
[1]Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan

Results of archaeological reconnaissance of ancient monuments of the Shelek River valley in 2023

Studies of Kolsai scientific detachment 2023 in Kegen district of Almaty region were conducted in the middle reaches of the Shelek river valley from the Taldy gorge (15 km west of Saty aul) to the Toraigyr ridge (near Algabas aul). Preliminary survey of the microdistrict on space images showed the presence of about 400 archaeological monuments (settlements and burial grounds), which seemed promising in terms of studying the culture of the ancient population of the Bronze Age and Early Iron Age. A physical and geographical characterization of the microdistrict was made and materials characterizing the living conditions and economic activities of the ancient population were obtained. The total area surveyed amounted to about 50 km². As a result of the reconnaissance, 84 archaeological monuments were documented, among which the field documentation on 10 ancient, medieval and New Age settlement sites and 74 burial sites of the Bronze Age, Early Iron Age of the Middle Ages and New Age was compiled. On the basis of previously conducted studies, a brief characterization of the main types of archaeological sites is given and the prospects for their study are presented.
Source of funding: The publication was carried out within the framework of granted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2023–2025, project IRN BR21882346.
Citation: Goryachev, A., Egorova, T. 2024. Results of archaeological reconnaissance of ancient monuments of the Shelek River valley in 2023. *Margulan readings–2024.* In 2 vol. Vol. 1. Pp. 126–142 (in Russian).

А.А. Горячев[1], Т.А. Егорова[1]
[1]Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан

Шелек өзені аңғарындағы ежелгі ескерткіштерді археологиялық барлаудың 2023 жылғы нәтижелері

Көлсай ғылыми отрядының 2023 жылғы зерттеулері Алматы облысының Кеген ауданы Шелек өзенінің орта ағысында Талды шатқалынан (Саты ауылынан батысқа қарай 15 км) Торайғыр жотасына дейін (Алғабас ауылының маңайында) жүргізілді. Шағынауданды космосуреттер бойынша алдын-ала зерттеу 400-ге жуық археология ескерткіштерінің (қоныстар мен қорымдар) бар екенін көрсетті, бұл қола дәуірі мен ерте темір дәуіріндегі ежелгі тұрғындардың мәдениетін зерттеу тұрғысынан перспективалы болды. Осы шағынауданның физикалық-географиялық сипаттамасы жасалды және ежелгі тұрғындардың өмір сүру жағдайы мен тұрмыс-тіршілігін сипаттайтын материалдар алынды. Зерттелген аумақтың жалпы ауданы шамамен 50 км² құрады. Барлау нәтижесінде 84 археологиялық ескерткіш құжатталды, олардың ішінде 10 ежелгі, ортағасырлық және қазіргі заманғы қоныс-тұрақтар мен қола дәуірінің, ерте темір дәуірінің және қазіргі заманның 74 қорымының

далалық құжаттамасы жасалды. Бұрын жүргізілген зерттеулер негізінде археологиялық нысандардың негізгі түрлеріне қысқаша сипаттама беріліп, оларды алдағы уақытта зерттеу керектігі сөз болды.
Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2025 жж. бағдарламалық-нысаналы қаржыландыруы шеңберінде, ЖТН BR21882346 жобасы аясында даярланды.
Сілтеме: Горячев А.А., Егорова Т.А. 2024. Шелек өзені аңғарының ежелгі ескерткіштерін 2023 жылғы археологиялық барлау нәтижелері**.** *Марғұлан оқулары–2024*. 2 том. 1-т. 126–142-бб. (Орысша).

А.А. Горячев[1], Т.А. Егорова[1]
[1]Институт археологии имени А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

Результаты археологической разведки древних памятников долины реки Шелек в 2023 году

Исследования Кольсайского научного отряда 2023 года в Кегенском районе Алматинской области проводились в среднем течении реки Шелек от ущелья Талды (в 15 км к западу от аула Саты) до хребта Торайгыр (в районе аула Алгабас). Предварительное обследование микрорайона по космоснимкам показало наличие здесь около 400 памятников археологии (поселений и могильников), что представлялось перспективным в плане изучения культуры древнего населения эпохи бронзы и раннего железного века. Составлена физико-географическая характеристика данного микрорайона и получены материалы, характеризующие условия проживания и хозяйственной деятельности древнего населения. Общая площадь обследованной территории составила около 50 км^2. В результате разведки было документировано 84 археологических памятника, среди которых составлена полевая документация на 10 древних, средневековых и Нового времени поселений-стоянок и 74 могильника эпохи бронзы, раннего железного века Средневековья и Нового времени. На основе ранее проведенных исследований дана краткая характеристика основных типов археологических объектов и представлены перспективы их изучения.
Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2025, ИРН проекта BR21882346.
Цитирование: Горячев А.А., Егорова Т.А. 2024. Результаты археологической разведки древних памятников долины реки Шелек в 2023 году. *Маргулановские чтения–2024.* В 2-х т. Т. 1. С. 126–142.

Введение

В июне–июле 2023 года начаты исследования Кольсайского научного отряда на территории Кегенского района Алматинской области. Основной практической задачей экспедиции ставилось полномасштабное документирование археологических объектов в долине р. Шелек, разделяющей горные хребты Северного Тянь-Шаня. При этом левобережье реки является предгорной зоной юго-восточных склонов Илейского Алатау, а правобережье составляет устья горных ущелий и предгорную подошву северо-западных склонов Кунгей Алатау. В общей сложности данный участок занимает 53 км течения реки с шириной речных долин от 2 до 10 км (русла крупных притоков). Общая площадь исследуемой территории составляет ~ 250 км² (рис. 1, *1*)* (*Иллюстрации авторов). Цель работ: получение материалов для анализа хозяйственного и культурного развития населения эпохи бронзы и раннего железного века данного микрорайона.

Материалы и методы исследования

Изучение археологических памятников долины р. Шелек начато с анализа архивных и опубликованных материалов исследований, в ходе которого в качестве наиболее перспективного района для изучения культуры древнего населения стал участок по обоим берегам реки от хребта Торайгыр до ее среднего течения, где доступная зона составляет 15 км к западу от аула Саты. До начала полевых работ в этом микрорайоне было известно 95 археологических памятников, преимущественно могильников раннего железного века (РЖВ), открытых в ходе полевых работ 1984 года Алматинского археологического отряда Семиреченской археологической экспедиции (рук. Б.Н. Нурмуханбетов) Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова. Тогда

были обнаружены древнейшие могильники эпохи бронзы горной зоны региона – Узынбулак и Саты (позднее переименованный в Кольсай-I) [Карабаспакова 2011: 34–35, 42, 45–47].

Описание материала

В 1990–1991 гг. археологической экспедиции КазГПУ им. Абая (рук. А.Н. Марьяшев) проведена разведка верхней части исследуемого участка и начаты полномасштабные раскопки могильника Кульсай-I (Кольсай-I), на материалах которого была выделена кульсайская культурная традиция эпохи поздней бронзы Жетысу [Марьяшев, Горячев 1993: 19–27; Maryashev, Goryachev 1998: 71–80]. В 2004–2007 гг. в рамках проекта Института археологии им. А.Х. Маргулана по созданию Свода памятников истории и культуры Алматинской области (рук. К.М. Байпаков) Тургенским отрядом (А.А. Горячев) проведена полномасштабная археологическая разведка микрорайона, которая существенным образом расширила сведения о памятниках долины р. Шелек [Алматинская обл. (II) 2018: 300–302, 307, 317–319, 343–345, 352–357, 364–398]. В ходе изучения архивных и опубликованных материалов получены аналитические данные для хозяйственно-культурных реконструкций в результате систематизации природно-географических сведений и проведённых ранее геоморфологических исследований в горных районах и на северных склонах Илейского Алатау [Чупахин 1987: 125–138; Аубекеров и др. 2009: 48–58; Национальный атлас РК ... 2010].

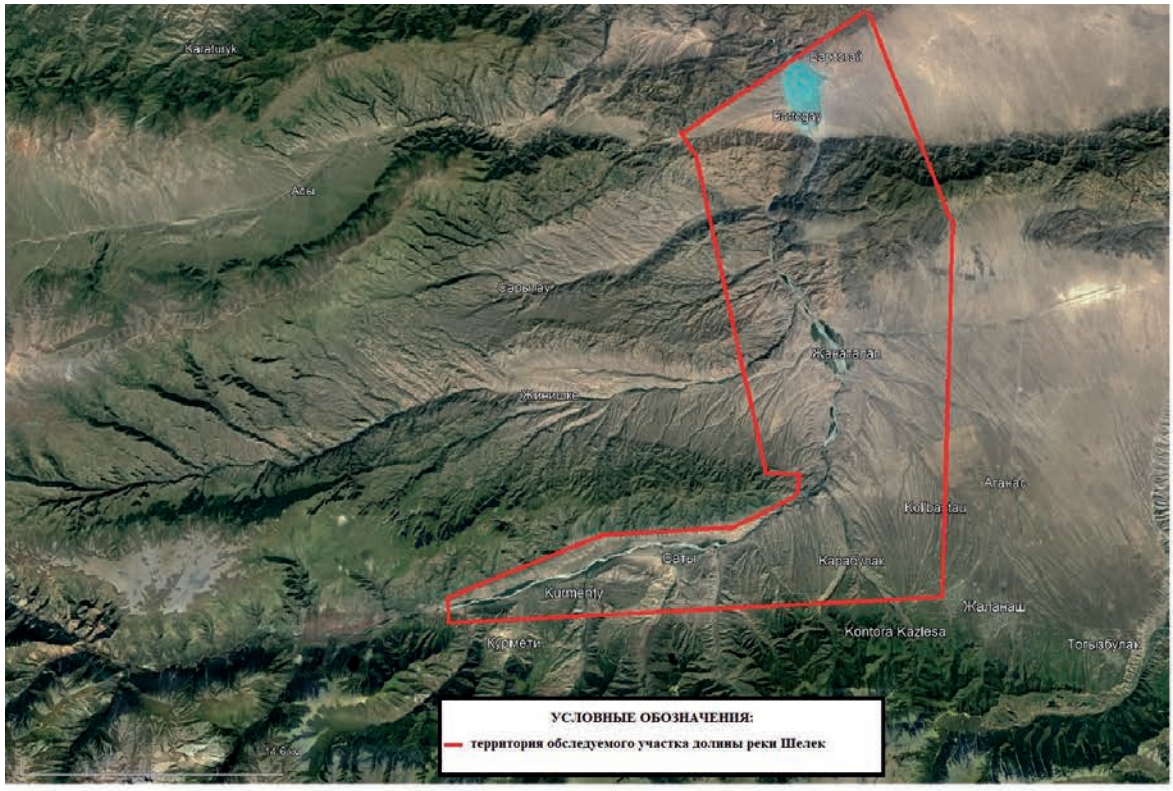
Основным методом исследований являлись разведка археологических памятников по космическим снимкам с последующим их натурным изучением. Обследование микрорайона с целью выявления археологических памятников проводилось на основе визуального обнаружения и документальной фиксации признаков жизнедеятельности древнего населения региона (следы древних жилищ, курганы и ограды, каменные сооружения). Атрибуция и предварительная датировка объектов производилась по их внешним конструктивным особенностям и на основе зафиксированных в них фрагментов керамики, каменного инвентаря и других материалов. В ходе работ произведено картирование всех видов памятников на базе ГИС технологий, что способствовало созданию предварительной археологической карты микрорайона (рис. 1, *2*).

Специализированное обследование по космоснимкам показало наличие в данном микрорайоне около 400 памятников археологии (поселений и могильников) разных исторических этапов. В связи с особыми погодными условиями микрорайона (3–4 часа светового дня идут дожди) в целях безопасности исследования велись только по правобережью р. Шелек там, где есть асфальтированные дороги (участок аулов Курметы–Саты–Карабулак), либо песчанистый грунт полевых дорог (в районах аулов Жанаталап–Алгабас у южных и западных склонов хребта Торайгыр). Общая площадь обследованной территории составила около 50 км². По итогам полевых работ документировано 84 археологических памятника, из которых в более ранних списках было известно 15 объектов. Полевая документация составлена на 10 стоянок-поселений, датируемых древностью, Средневековьем и Новым временем, а также на 74 могильника эпохи бронзы и раннего железа, Средневековья и Нового времени.

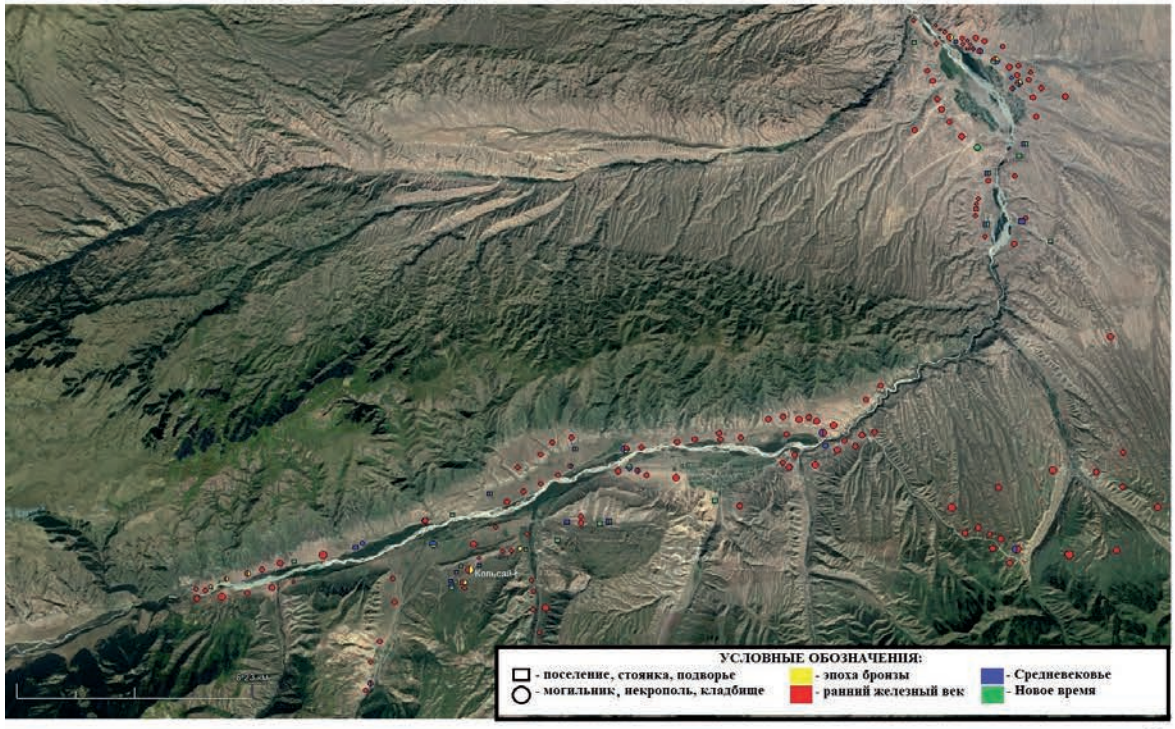
Рис. 1. Территория среднего течения реки Шелек на космоснимке:
1 – границы обследуемого участка;
2 – предварительная карта расположения археологических памятников

1-сур. Космосуреттердегі Шелек өзенінің орта ағысының аумағы:
1 – зерттелген аймақтың шекаралары;
2 – археологиялық ескерткіштер орналасқан алғашқы карта

Fig. 1. The territory of the middle reaches of the Shelek River on the satellite image:
1 – boundaries of the surveyed area;
2 – preliminary map of the location of archaeological monuments


Kalaltuyk
Ақы
Жаңатұрмыс
Kontora Kazlesa
Тогызбұлақ
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:
территория обследуемого участка долины реки Шелек

1


УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:
- поселение, стоянка, подворье
- могильник, некрополь, кладбище
- эпоха бронзы
- ранний железный век
- Средневековье
- Новое время

2

Наиболее ранние памятники среди исследованных по архивным материалам и в результате натурного обследования (рис. 1, *2*) относятся к эпохе бронзы. Всего здесь документировано два поселения и семь могильников, большинство из которых находится в структуре многослойных комплексов. В частности, археологический комплекс Таушелек-I расположен на третьей надпойменной террасе левого берега р. Шелек у подножия хребта Иле Алатау и состоит из поселения эпохи бронзы и могильника раннего железного века. Конструкции поселения устанавливаются по фрагментам каменных оснований фундаментов жилищ и нахождению возле них фрагментов керамики и костей животных (рис. 2, *1*). По предварительным данным, жилища были установлены в два ряда вдоль берега реки, образуя древний поселок. Достаточно точно устанавливаются контуры 3–4 жилищ, которые представляли собой прямоугольные конструкции, размерами от 4 × 6 м до 8 × 12 м. Общая площадь поселения составляет около 6000 м².

Ещё одно древнее поселение, где были обнаружены артефакты бронзового века отмечено в 3 км к северо-востоку от аула Курметты с южной стороны увала внутри замкнутой вкруговую долины (рис. 2, *2*). Поселение состоит из серии землянок и полуземлянок кадратной и прямоугольной форм размерами от 4 × 4 м до 4 × 6 м, устроенных на площадках с южной экспозицией. Зафиксировано 5–6 жилых конструкций и серия хозяйственных сооружений, включая огороженные каменными выкладками площадки (до 6 × 15 м) и невысокий акведук, доставлявший к поселению воду из родника. Общая площадь территории с домостроениями не превышала 4000 м². Внешние наружные признаки этих поселений соответствуют аналогичным памятникам высокогорной зоны Илейского Алатау [Марьяшев, Горячев 2001: 112–123; Горячев 2020: 15–16].

Погребальные конструкции в виде оград эпохи бронзы обнаружены в структуре семи могильников, в которых основную часть объектов составляли курганы РЖВ. Однако отмечено, что погребения бронзового века занимают компактно центральную либо западную часть древних кладбищ, а более поздние курганы являются как бы продолжением этого погребального комплекса. По два могильника эпохи бронзы обнаружены близ поселений того же времени на левом берегу р. Шелек и во внутренней долине между ущельями Кольсай и Курметы, в т.ч. и известный исследованный комплекс Кульсай-I, давший название местной культурной традиции бронзового века (рис. 2, *3, 4*). Ещё в структуре трёх разновременных погребальных комплексов близ аулов Жанаталап–Алгабас отмечены захоронения из оград и каменных могил бронзового века (рис. 2, *5, 6*).

Структура таких могильных сооружений известна по материалам мог. Кульсай-I (рис. 3). Они представляли собой каменные ограды прямоугольной, размерами от 4 × 5 м до 7,5 × 9 м, и квадратной, размерами от 4 × 4 м до 10 × 10 м, форм были сложены из крупных окатанных валунов или плоских плит, установленных на ребро или уложенных плашмя в 2–3 слоя. Ограды ориентированы по оси З (ЮЗ)–В (СВ). Внутреннее пространство в некоторых случаях плотно забутовано камнями мелких и средних размеров до дна погребальной конструкции. Погребения в ограде расположены на глубине от 1 до 2 м от современной поверхности и представляют собой деревянную раму в 1–2 венца, сложенную из брёвен округлой формы. Следов крепления брёвен друг к другу не обнаружено. Сверху рама накрывалась плахами-горбылями, обращёнными плоской стороной вниз, а по периметру – из камней крупных и средних размеров выкладывалась внутренняя ограда, либо брёвна укреплялись мелкими камнями-подпорками. Погребения с деревянными рамами подпрямоугольной формы, размерами от 0,7 × 2,7 м до 2,2 × 3,6 м, чаще всего были ориентированы по оси З (СЗ)–В (ЮВ).

Все захоронения, исследованные в этой части распространения памятников кульсайской культуры, совершались по обряду трупосожжения, либо представляли собой кенотафы. Кремированные кости укладывались обычно у западной стенки деревянной рамы кучно (прах часто напоминает по форме перевернутый керамический сосуд). Обряд сожжения умершего происходил

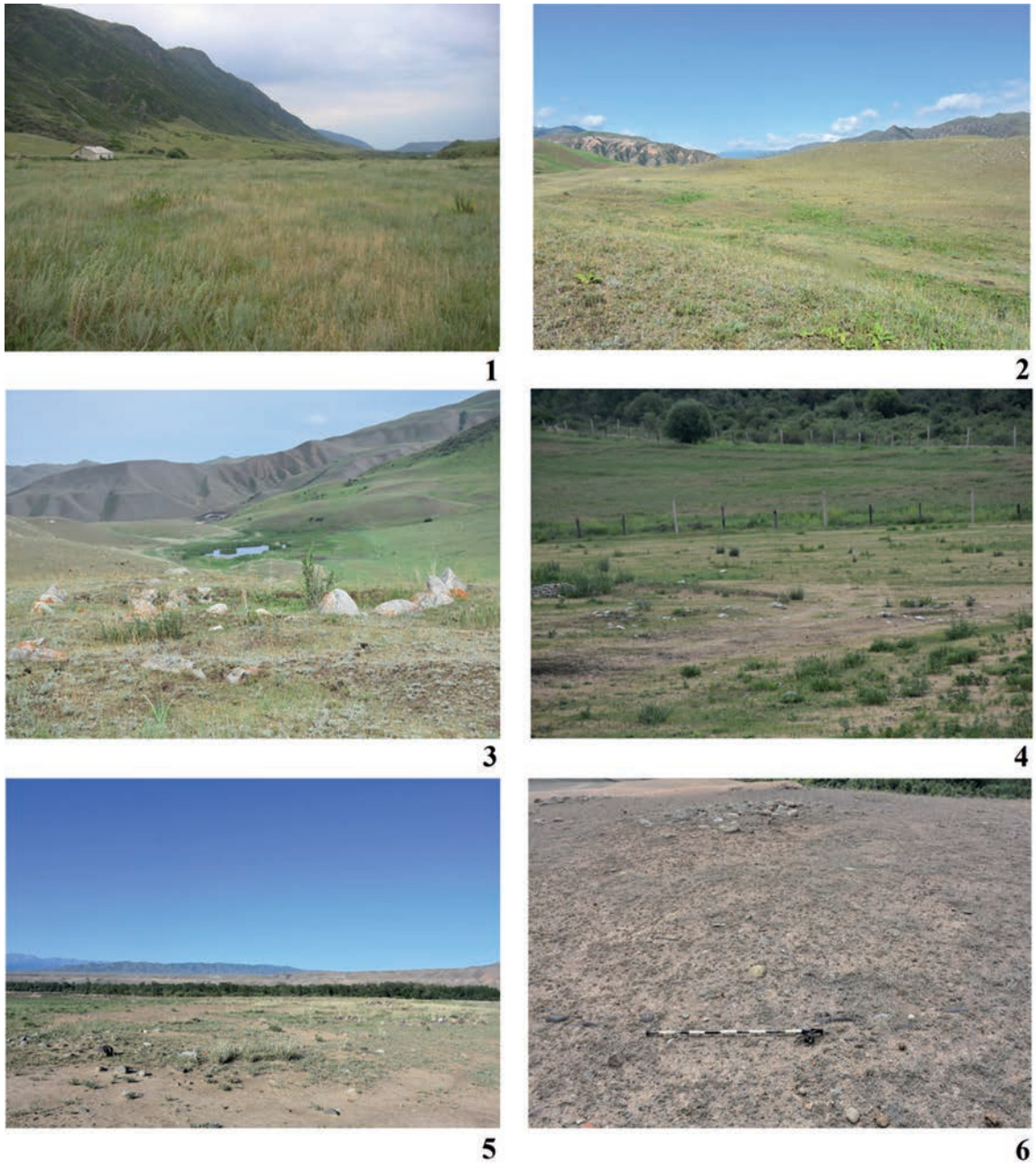


Рис. 2. Памятники эпохи бронзы (ЭБ) в долине р. Шелек: *1* – поселение Таушелек-I;
2 – древнее поселение близ мог. ЭБ Кульсай-I; *3* – каменная ограда ЭБ мог. Кульсай-I; *4* – мог. ЭБ Кульсай-II;
5 – погребальные конструкции ЭБ разновременного комплекса Жанаталап-III;
6 – ограда ЭБ среди курганов РЖВ на мог. Жанаталап-I

2-сур. Шелек өзені алқабының қола дәуірі (ҚД) ескерткіштері: *1* – Таушелек-I қонысы;
2 – Көлсай-I ҚД қорымына жақын ежелгі қоныс; *3* – Көлсай-I ҚД қорымының тас қоршауы;
4 – Көлсай-II ҚД қорымы; *5* – Жаңаталап-III әртүрлі уақыт кешенінің ҚД жерлеу конструкциялары;
6 – Жаңаталап-I қорымындағы ерте темір дәуірінің обалары арасындағы ҚД қоршауы

Fig. 2. Bronze Age (BA) monuments of the Shelek River valley: *1* – Taushelek-I settlement;
2 – ancient settlement near the BA b.g. Kulsai-I; *3* – BA stone fence of the b.g. Kulsai-I; *4* – BA b.g. Kulsai-II;
5 – BA burial structures of the multi-temporal complex Zhanatalap-III;
6 – BA fence among the Early Iron Age kurgans at the b.g. Zhanatalap-I

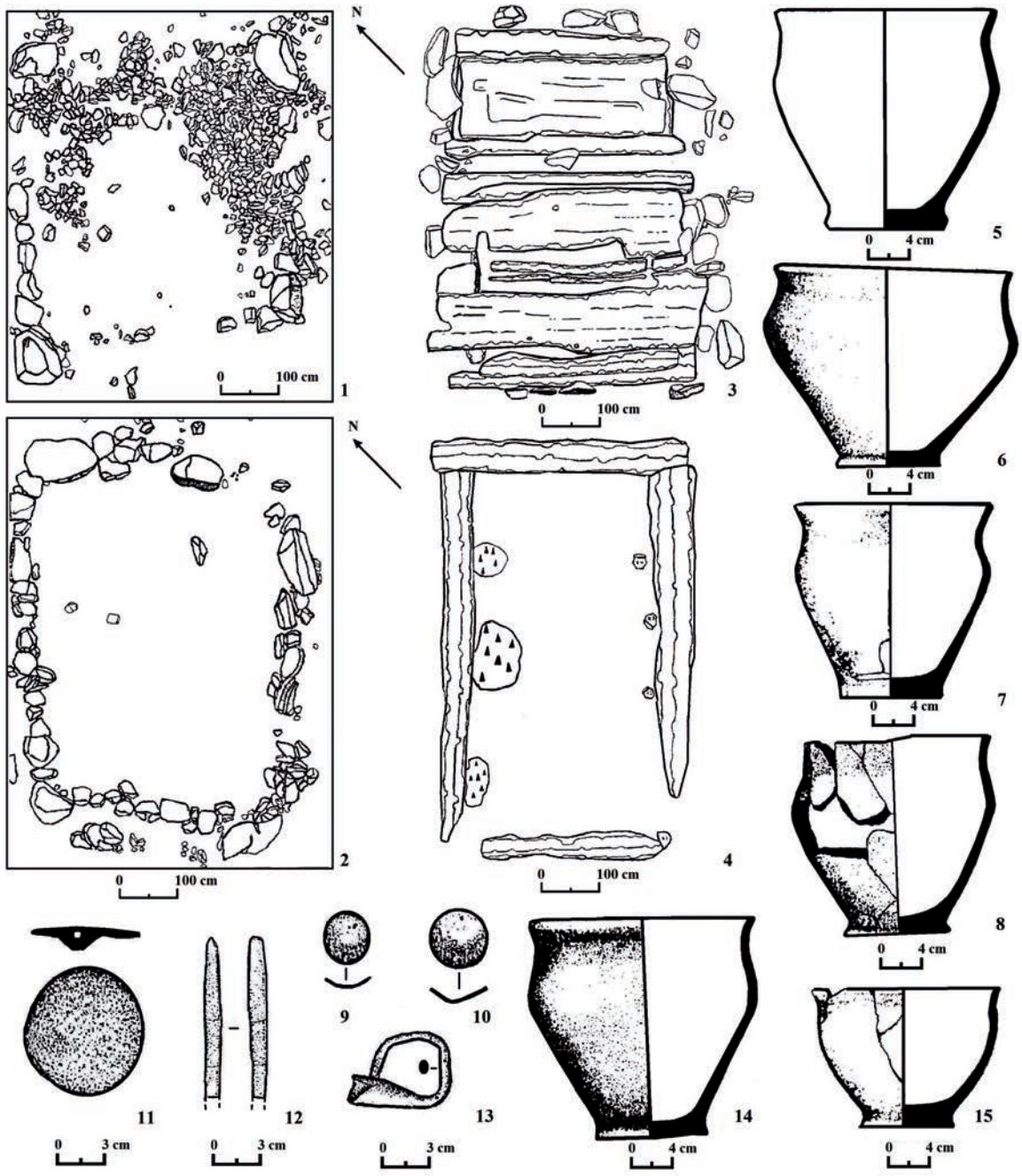


Рис. 3. Мог. Кульсай-I (ЭБ): *1, 2* – каменные ограды; *3, 4* – погребальные камеры в виде деревянных рам; *5–8, 14, 15* – керамическая посуда из погребений; *9–13* – бронзовые изделия из могил (9–11 – нашивные бляшки, 12 – проколка, 13 – серьга с раструбом)

3-сур. Көлсай-I қорымы (ҚД): *1, 2* – тас қоршаулар; *3, 4* – ағаш жақтаулар түріндегі жерлеу камералары; *5–8, 14, 15* – қабірлерден алынған керамикалық ыдыс; *9–13* – қабірден табылған қола бұйымдар (9–11 – жапсырмалар, 12 – тескіш, 13 – қоңыраулы сырғалар)

Fig. 3. Kulsai-I b.g. (BA): *1, 2* – stone fences; *3, 4* – burial chambers in the form of wooden frames; *5–8, 14, 15* – pottery from the burials; *9–13* – bronze articles from the graves (9–11 – patch plaques, 12 – piercer, 13 – earring with socket)

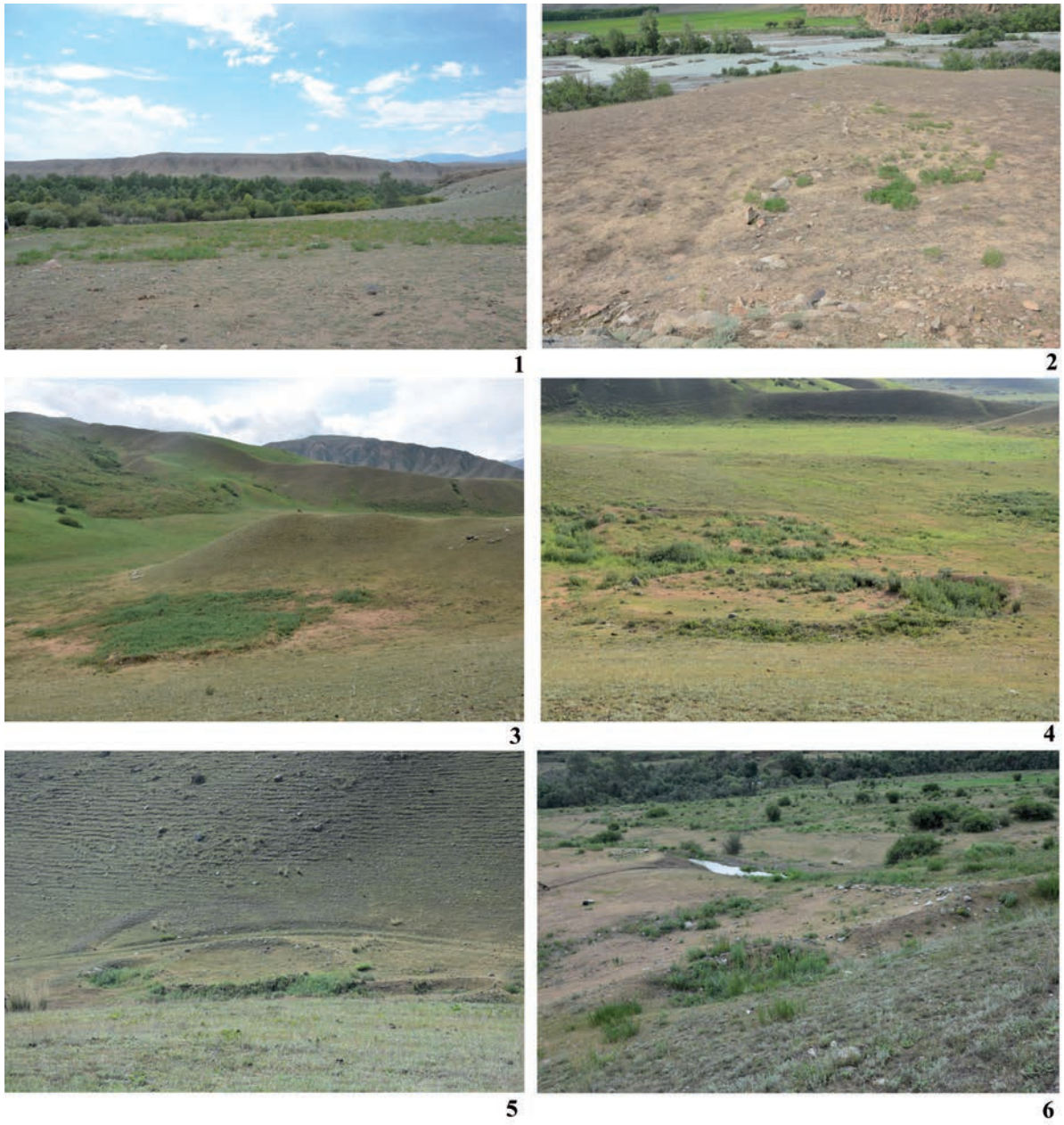


Рис. 4. Древние и средневековые стоянки долины р. Шелек: *1, 2* – стоянки-подворья РЖВ на берегу р. Шелек у южных склонов хребта Торайгыр; *3* – раннесредневековая стоянка во внутригорной долине между ущельями Кольсай и Курметты; *4, 5* – позднесредневековые подворья во внутригорной долине между ущельями Кольсай и Курметты; *6* – стоянка-подворье Нового времени на берегу р. Кольсай
4-сур. Шелек өзені алқабындағы ежелгі және ортағасырлық тұрақтар: *1, 2* – Торайғыр жотасының оңтүстік беткейлеріндегі Шелек өз. жағасындағы ерте темір дәуірінің аула-тұрағы; *3* – Көлсай және Құрметті шатқалдары арасындағы тауаралық алқаптағы ерте ортағасырлық тұрақ; *4, 5* – Көлсай және Құрметті шатқалдары арасындағы тауарасы алқаптағы кейінгі ортағасырлық аулалар; *6* – Көлсай өз. жағасындағы Жаңа заман аула-тұрағы
Fig. 4. Ancient and medieval sites of the Shelek River valley: *1, 2* – Early Iron Age farmsteads on the bank of the Shelek River at the southern slopes of the Toraigyr Ridge; *3* – Early Medieval site in the intra-mountain valley between the Kolsai and Kurmetty gorges; *4, 5* – Late Medieval farmsteads in the intra-mountain valley between the Kolsai and Kurmetty gorges; *6* – New Age farmstead on the bank of the Kolsai River

за пределами могильной ямы, судя по находкам угольков древесного происхождения среди кальцинированных костей скелетов на деревянной конструкции. Один или два керамических сосуда устанавливались у восточной стенки напротив останков погребённого. Рядом с посудой нередко находились отдельные металлические изделия (бляшки, серьги с раструбом, низки бронзовых бус). Все последующие подзахоронения (в основном индивидуумов детского возраста) производились снаружи основной ограды в виде каменных пристроек с неглубокими грунтовыми ямами внутри (до 0,5–0,7 м). В этом случае обряд кремации останков умершего соблюдался не во всех случаях (порядка 30–40%).

Уточнённые данные по хронологии памятников эпохи бронзы данной группы показали, что они получили в регионе распространение не только в период общности культур валиковой керамики (XV/XIV–X вв. до н.э.), но и на андроновском этапе эпохи бронзы (XX/XIX–XV вв. до н.э.) [Марьяшев, Горячев 1993; Gass 2016: 204–205; Горячев 2020: 122–127]. Высокая степень концентрации могильников кульсайского типа фиксируется на северных склонах Илейского и Кунгей Алатау и в районе гор Кулуктау долины р. Шарын. В обеих зонах распространения погребальные памятники располагаются на местах со схожими природно-географическими характеристиками и в зоне произрастания тянь-шаньской ели, в которую долина р. Шелек входит на всём своём протяжении.

Древние поселения-стоянки РЖВ отмечены на трёх памятниках в районе ущелья Курметы и вдоль основного русла по правому берегу р. Шелек у западной оконечности хребта Торайгыр. По берегу реки и в устьях горных ущелий от древних полуземлянок сохранились следы врезанных в склон котлованов жилищ и выровненные участки под хозяйственные конструкции. Размеры домостроений варьируют от 4 × 4 до 8 × 6 м, площадок – от 6 × 6 м до 15 × 10 м (рис. 4, *2*). Общая площадь таких посёлков достигает 500–1000 м². Как правило, стоянки РЖВ являются частью многослойных комплексов, где на поселениях эпохи бронзы занимают верхние слои. На левом берегу р. Шелек в 1994 г. исследовано одно двухкомнатное жилище размерами 6,6 × 9,0 м с каменными основаниями стен на поселении Осербай-I [Байпаков 2008: 70–71]. Материалы исследований позволили отнести его к усуньскому периоду.

Выделяется одно поселение в 1,7 км к северу от аула Алгабас на правом берегу р. Шелек, представляющее собой единое подворье (35 × 40 м), ориентированное по оси ЮЗ–СВ (рис. 4, *1*). Территория памятника полностью заросла адраспаном; по периметру обнесено изгородью, от которой сохранились фрагменты каменной кладки её основания. Комплекс из двух жилых помещений и хозяйственных построек располагался в северо-восточной части подворья и занимал площадь 20 × 20 м. Вся остальная часть единой конструкции, вероятно, представляла собой большой открытый двор Г-образной формы. Помимо этого, предполагается, что часть средневековых поселений в устьях боковых ущелий с выходом в долину р. Шелек также могут содержать слои древних стоянок и жилищ.

Ещё около 20 стоянок раннего и позднего Средневековья, а также Нового времени зафиксированы по обоим берегам р. Шелек и во внутренних долинах между ущельями Каинды, Кольсай и Курметы (рис. 4, *3*–*6*). Как правило, они состояли из 1–2 наземных подворий с жилыми и хозяйственными конструкциями и большими хозяйственными дворами – загонами. Подобные объекты устроены внутри закрытых горных долин, либо в глубине ущелий в пределах 500–700 м от выхода на предгорную равнину. В данном районе они также встречаются на ровных площадках по берегам рек, укрытых от ветров сопками.

Результаты

Основную серию памятников в долине р. Шелек составляют могильники и отдельные курганы РЖВ, которые документированы в 70 погребальных комплексах. Насыпи курганов этого времени по типологическим признакам можно отнести к четырем основным видам – курганы с насыпью

полусферической формы земляные (1) или со сплошной каменной наброской (2), насыпи курганов пирамидальной формы с уплощенными вершинами и кольцевой каменной обкладкой по периметру (3) и приземистые насыпи с кольцевой оградой по периметру – фактически курганы-ограды (4).

Могильники первой группы с курганными сооружениями, превышающими диаметр 25 м, принято считать элитарными погребальными комплексами. Такие памятники зафиксированы только в районе аулов Саты и Карабулак. Обычно они насчитывают в своей структуре от 5–6 до 10–12 курганов, в тех случаях, где присутствуют «царские» курганы диаметром свыше 30 м число насыпей доходит до 20–30 (могильники Карабулак-I, II). По периметру насыпей такие курганы окружены рвами, глубиной от 0,5 до 1 м, и шириной до 3–5 м (рис. 5, *1*). Аналогичные по структуре курганные сооружения в регионе наиболее широко распространены в Кегенской долине между хребтами Узынкора и Кунгей Алатау, а также в Кугалинской и Каратал-Коксуской долинах западных отрогов Жетысу Алатау [Онгарулы и др. 2020; Антонов и др. 2022: 126–150].

Серия могильников с крупными курганами – диаметр от 30 до 50 м – зафиксирована по левому берегу р. Шелек в районе аулов Саты и Курметты (Саты-I и Кульсай-III). Они представляют собой цепочки из трёх курганов, ориентированных по оси С–Ю (рис. 5, *2*). Обычно в округе таких курганов фиксируются целые серии могильников с аналогичными по устройству погребальными сооружениями, но малых по размерам (от 4 м до 18–20 м). Важной конструктивной деталью их насыпей является наличие сплошных каменных набросок – «панцирей» по всему периметру насыпей. Эти детали устанавливаются как визуально при осмотре кургана, так и в случаях преднамеренных их повреждений. Подобным же образом устроены погребальные объекты РЖВ могильников Улжан, Новоалексеевка, Иссык и Тургень у северных склонов Илейского Алатау и в ряде погребальных комплексов долины р. Шарын и Кегенской долины [Акишев 1978: 6; НА ИА КН МНВО РК. Д. 2496: 16–17; Амиров 2008: 29–34; Gass 2016: 208, 209, 342, 346, 353; Горячев, Егорова 2022: 222–232, рис. 2].

В районе мог. Саты-I в насыпи небольшого (7 м) кургана по третьей надпойменной террасе правого берега р. Шелек обнаружен стелообразный камень с высеченным на нём «солярным» символом (рис. 5, *6*). Аналогичный символ обнаружен на «оленном» камне в мог. Каракудук-II известного петроглифического комплекса Тамгалы (Танбалытас), датируемом V–IV вв. до н.э. [Рогожинский 2011: 177–178].

Один из курганов РЖВ с насыпью из сплошной каменной броски был исследован в 1993 году на мог. Кульсай-I отрядом отдела Свода памятников Института археологии им. А.Х. Маргулана (рук. А.Н. Марьяшев). По периметру насыпи была расчищена внешняя каменная обкладка овальной формы, где её внутренний периметр имеет прямоугольную форму. Внутренняя надмогильная каменная выкладка из уложенных в 2–3 слоя камней имеет также овальную форму, размерами до 1,2 × 2,6 м. Поверх могильных ям укладывались плахи горбыли. На дне могильных ям на глубине до 2 м устанавливалась деревянная рама, сложенная из крупных брёвен тянь-шаньской ели. Умерших хоронили на дне в вытянутом положении, руки вдоль туловища, головой на запад. В изголовье обычно устанавливалась керамическая посуда. Опираясь в основном на конструктивные особенности и некоторые детали погребального обряда, предполагается датировка курганных захоронений раннесакским периодом (VIII–VI вв. до н.э.) [Алматинская обл. (II) 2018: 364].

Ещё два «царских» кургана с формой насыпи третьего типа известны по левому берегу р. Шелек [Алматинская обл. (II) 2018: 389–390]. Они составляют основу могильника, который состоит из 150 курганов РЖВ. Диаметр насыпей этих курганов по 50 м, высота – 5 м, кроме того в их насыпи встроены более мелкие курганы – диаметр по 10 и 15 м (рис. 5, *3*). Другие курганы вытянуты в несколько разнонаправленных цепочек вдоль хребта и берега реки, ориентированные по оси В–З и ЮЗ–СВ. Насыпи курганов сложены из земли и камней, пологие, оплывшие, в верхней части уплощены и имеют следы ограбления, задернованы. Диаметры насыпей курганов от 4 до



Рис. 5. Курганные могильники РЖВ долины р. Шелек: *1* – «царский» кург. мог. Карабулак-I; *2* – «царский» кург. мог. Саты-I; *3* – «царские» кург. мог. Таушелек-VI; *4* – крупный могильник на южн. склонах хребта Торайгыр; *5* – мог. Жанаталап-II по правому берегу реки; *6* – «солярный» знак в каменной насыпи кургана по правому берегу реки в районе аула Саты

5-сур. Шелек өзені алқабындағы ерте темір дәуірінің обалы қорымдары:
1 – Қарабұлақ-I қорымындағы «патшалық» оба; *2* – Саты-I қорымындағы «патшалық» оба;
3 – Таушелек-VI қорымындағы «патшалық» оба; *4* – Торайғыр жотасының оңтүстік беткейлеріндегі ірі қорым;
5 – өзеннің оң жағалауы бойындағы Жаңаталап-II қорымы; *6* – Саты ауылы аймағындағы өзеннің оң жағалауындағы обаның тас үйіндісіндегі «күн» белгісі

Fig. 5. Kurgan burial mounds of the Early Iron Age of the Shelek River valley: *1* – «royal» kurg. of Karabulak-I b.g.; *2* – «royal» kurg. of Saty-I b.g.; *3* – «royal» kurg. of Taushelek-VI b.g.; *4* – large b.g. on the southern slopes of Toraigyr ridge; *5* – Zhanatalap-II b.g. on the right bank of the river; *6* – «solar» sign in the stone kurg. on the right bank of the river near Saty village

30 м, высотой от 0,2 до 2 м. По основанию насыпей курганов прослеживаются кольцевые каменные ограды (бóльшая часть из них раскопана в период 2018–2020 гг. ТОО «Казархеология» однако материалы не опубликованы).

В долине р. Шелек у южных склонов хребта Торайгыр курганные могильники РЖВ занимают как предгорные подошвы, так и надпойменные террасы (рис. 5, *4, 5*). Численность погребальных конструкций в них достигает от нескольких десятков (20) до 100–150 сооружений. Могильники второй и третьей надпойменных террас в своей структуре содержат надмогильные каменные выкладки средневековой эпохи и Нового времени. Это свидетельствует о длительности функционирования данных памятников.

Курганы второй и третьей групп составляют основную часть могильников РЖВ долин не только среднего, но и нижнего течения р. Шелек [Байпаков и др. 2016]. По конструктивным особенностям они имеют аналогии среди курганных сооружений долины р. Иле, предгорной и горной зон северных склонов Илейского и Кунгей Алатау [Агеева 1961: 21–40; Акишев, Кушаев 1963: 233–256; Максимова 1980: 114–122; Заднепровский 1992: 73–87; Акишев, Хабдулина 2007: 74–79; Нурмуханбетов, Трифонов 2016: 10–19; Gass 2016: 205–209; Горячев 2020: 55–69, 90–97]. Датировка подобных сооружений в публикациях достаточно обширна, однако основная часть курганов с данными признаками была распространена в регионе на этапах позднесакского (V–III вв. до н.э.) и усуньского (II в. до н.э.–II в. н.э.) времени.

Курганы-ограды четвёртой группы встречаются только в районе аулов Алгабас–Жанаталап и характер их таков, что помимо известных сооружений РЖВ, они могут представлять и неизвестные пока погребальные комплексы более ранней эпохи бронзы. В этом же микрорайоне отмечена ещё одна группа курганных сооружений в виде насыпей со сплошной каменной наброской, устроенных на земляных платформах подквадратной формы, обозначенных каменными выкладками по периметру. Аналогичные по устройству курганы известны в данном регионе в долине р. Шарын (в районе аулов Жайдакбулак и Шыбышы, а также по правобережью р. Кеген в окрестностях аула Актасты). Подобный тип организации курганных сооружений был распространен на территории Жетысу в гунно-сарматское время (II–V вв. н.э.) [Акишев, Хабдулина 2007: 75].

В структуре около 10 могильников по надпойменным террасам долины р. Шелек зафиксированы средневековые захоронения, которые преимущественно находятся по периметру насыпей курганов РЖВ. Раннесредневековые курганы отличаются плотной каменной обкладкой насыпей, диаметр которых варьируется от 3 до 8 м. Выделяются четыре погребальных комплекса с захоронениями только средневековой эпохи, составляющие локальные некрополи (рис. 6, *1*). На одном из них в районе аула Алгабас отмечена поминальная тюркская ограда размерами 4 × 10 м, состоящая из трёх секций по 3 × 3 м (рис. 6, *2*). Такие сооружения обнаружены в основном на южных склонах хребта Торайгыр, по правобережью р. Шелек близ аула Жанаталап и ущелья Курметты. Аналогичные по структуре погребальные конструкции в регионе, датируемые ранним средневековьем известны в горной зоне Илейского Алатау, у северных склонов хребта Кулуктау долины р. Шарын и в Кегенской долине [Алматинская обл. (I) 2018: 347, 352, 370, 388–390, 403; Алматинская обл. (II) 2018: 429–430, 452–453, 475–477; Горячев 2020: 22–23].

Могилы позднего Средневековья и Нового времени отличаются высокими каменно-земляными насыпями овальной формы (рис. 6, *3–5)*. Прежде всего, они отмечены в структуре могильников Жанаталап-1 и 3 по правому берегу р. Шелек и во внутригорной долине между ущельями Кольсай и Курметы. Здесь же обнаружено кладбище Нового времени, организованное земляными валами по периметру округлых и квадратных оград (рис. 6, *6*). Все позднесредневековые погребальные комплексы и кладбища Нового времени насчитывают по несколько десятков

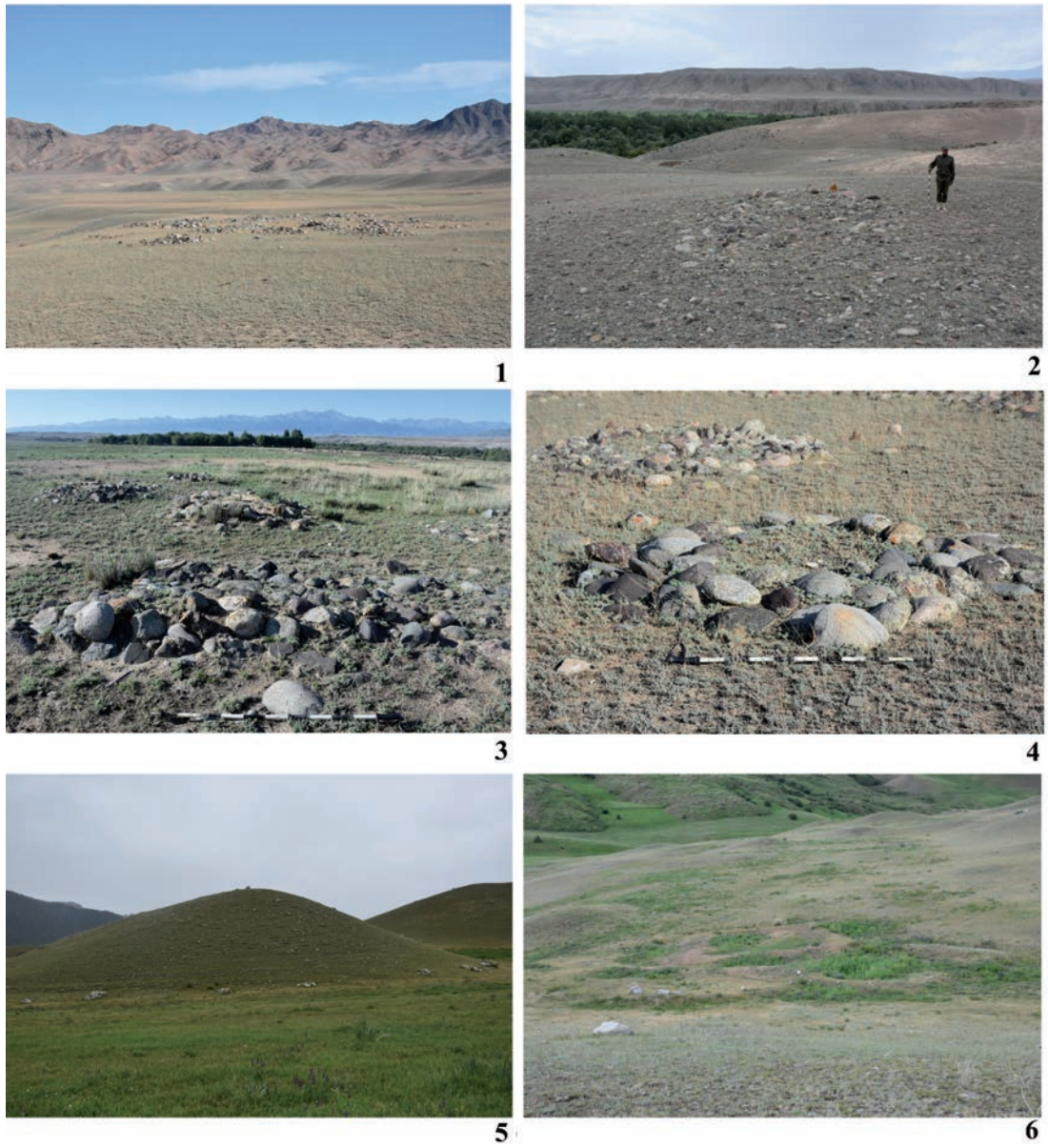


Рис. 6. Некрополи и кладбища эпохи Средневековья и Нового времени долины р. Шелек:
1 – раннесредневековое кладбище в районе аула Алгабас; *2* – древнетюркская поминальная ограда по правому берегу реки; *3* – позднесредневековые захоронения мог. Жанаталап-III;
4 – могилы позднего Средневековья; *5* – захоронения Нового времени у подножия сопки;
6 – кладбище Нового времени во внутренней долине между ущельями Кольсай и Курметты

6-сур. Шелек өзені алқабының орта ғасырлар кезеңі және Жаңа заман қорымдары мен зираттары:
1 – Алғабас ауылы аймағындағы ерте ортағасырлық зират; *2* – өзеннің оң жағалауындағы көне түркілік ғұрыптық қоршау; *3* – Жаңаталап-III қорымындағы кейінгі ортағасырлық жерлеу;
4 – кейінгі ортағасырлардағы қабірлер; *5* – төбенің етегіндегі Жаңа заманның жерлеуі;
6 – Көлсай мен Құрметті сайларындағы ішкі аңғарлық Жаңа заман бейіттері

Fig. 6. Necropolises and cemeteries of the Middle Ages and New Age of the Shelek River valley: *1* – early medieval cemetery in the area of Algabas aul; *2* – ancient Turkic memorial fence on the right bank of the river;
3 – late medieval burials of Zhanatalap-III b.g.; *4* – late medieval graves; *5* – New Age burials at the foot of the hill;
6 – New Age cemetery in the inner valley between the Kolsai and Kurmetty gorges

могил. Отдельные одиночные средневековые захоронения организованы в насыпях, либо вблизи элитных курганов РЖВ. Для горной зоны Илейского и Кунгей Алатау, а также Кегенской долины похожие погребальные конструкции широко распространены практически по всему микрорегиону [Алматинская обл. (I, II) 2018].

Заключение

Анализ результатов разведки и предварительная карта археологических объектов среднего течения р. Шелек показали, что, документированные в ходе разведки 84 памятника, составляют около 20% от всех, имеющихся в данном микрорайоне. Для русла горной реки с достаточно узкими долинами протяженностью около 40 км такой показатель свидетельствует об очень плотном заселении данного участка на всех исторических этапах, особенно в древности. Этому в немалой степени способствовали локальные природно-климатические условия как русел рек Шелек и Шарын, а также разделяющей их среднегорной долины Жаланаш.

Довольно высокая степень увлажнения данной территории (в июле–августе в послеобеденное время в течение 2–3 часов регулярно идут дожди) способствовала не только формированию богатых травой пастбищных угодий, но и развитию богарного земледелия [Чупахин 1987: 128–130]. Однако на всём протяжении исследуемого участка регулярно встречаются многочисленные каналы, по которым вода из реки выводилась на высокие надпойменные террасы и распределялась по арыкам на отдельные участки, где, видимо, были поля. Вероятно, подобные ирригационные сооружения стали возникать в отдельные засушливые периоды ещё в древности, а развитие получили в средневековую эпоху, что соответствует общему сценарию хозяйственного использования людьми горных ущелий и долин Северного Притяньшанья, включая северные склоны Илейского Алатау [Сараев 2010: 252–264; 2017: 69–90; Байтанаев и др. 2017: 40–42].

Плотную концентрацию населения в эпоху бронзы и РЖВ на участке демонстрируют широкие долины правого и левого берега р. Шелек в районе аулов Саты–Курметты и Алгабас–Жанаталап. Здесь древние поселения распределялись зонально – от надпойменных террас по берегам реки до внутригорных долин и высокогорных плато вдоль русел основных её притоков. Поселения древних скотоводов фиксируются как в среднегорье, так и на высокогорных высотных отметках. Помимо основных хозяйственных занятий у населения горной зоны значительную роль играли охота, садоводство и ремёсла, в первую очередь те, которые были обеспечены сырьём на основе скотоводческого хозяйства либо природных условий. В позднебронзовый период (XV/XIV–X вв. до н.э.) и РЖВ (VII в. до н.э. – V в. н.э.) древние скотоводы горной зоны Жетысу переходят к яйлажному скотоводству при вертикальном способе кочевания как наиболее эффективной форме её хозяйственно-экономического освоения. Развитие данных хозяйственно-культурных традиций в последующие исторические периоды является важной практической задачей при изучении социально-экономических процессов в регионе.

Между тем степень изученности данного микрорайона незначительна, особенно наиболее обширной группы памятников РЖВ. Значительная близость культурных традиций памятников эпохи бронзы микрорайона археологическим комплексам северных склонов Илейского Алатау (кульсайская культура) позволяет предполагать подобное единство и для объектов РЖВ. Их изучение и сравнительный анализ в рамках региона Жетысу может существенным образом осветить ряд важных проблем этнокультурного развития древнего населения Казахстана в эти исторические периоды.

ЛИТЕРАТУРА

1 *Агеева Е.И.* К вопросу о типах древних погребений Алма-Атинской области // Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана / ТИИАЭ АН КазССР. 1961. Т. XII (Археология). С. 21–40.

2 *Акишев К.А.* Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: Искусство, 1978. 130 с.

3 *Акишев К.А., Кушаев Г.А.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. 310 с.

4 *Акишев К.А., Хабдулина М.К.* Семиотика и планиграфия культовых памятников Восточной Евразии // История и археология Семиречья. Вып. 3 / Отв. ред. А.А. Горячев. Алматы: ТОО «XXI век», 2007. С. 74–79.

5 Алматинская обл. (I) 2018: Алматинская область. Историко-культурное наследие. В 2-х т. Т. I / Под ред. К.М. Байпакова. Алматы: ТОО «Қос-Қос», 2018. 776 с.

6 Алматинская обл. (II) 2018: Алматинская область. Историко-культурное наследие. В 2-х т. Т. II / Под ред. К.М. Байпакова. Алматы: ТОО «Қос-Қос», 2018. 692 с.

7 *Амиров Е.Ш.* Археологические исследования на могильнике Улжан (предварительные итоги) // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2008. № 1 (254). С. 29–34.

8 *Антонов М.А., Горячев А.А., Хисматуллин Р.К.* Тополандшафтные исследования курганов раннего железного века западной части Жетысу Алатау // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2022. № 3 (17). С. 126–150.

9 *Аубекеров Б., Сала Р., Нигматова С., Деом Ж.М.* Климат, ландшафты и исторические события эпохи номадов на территории Казахстана (зарождение, расцвет и затухание номадизма) // Научные чтения памяти Н.Э. Масанова / Сб. м-лов. науч.-практ. конф. Алматы: Дайк Пресс, 2009. С. 48–58.

10 *Байпаков К.М.* Поселения саков и усуней на территории Жетысу и Алматы. Алматы: Credo, 2008. 173 с.

11 Байпаков К.М., Воякин Д.А., Захаров С.В. Могильник Каратума. Некрополь раннего железного века в Семиречье. Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 2016. 672 с.

12 *Байтанаев Б.А., Горячев А.А., Сараев А.Х., Ергешбаев А.А., Бейсенов Н.Б.* Новые памятники раннего железного века Южного Казахстана. Алматы: ИА КН МОН РК, 2017. 340 с.

13 *Горячев А.А.* Древний археологический комплекс верховьев ущелья Киши-Тургень. Алматы: ИА КН МОН РК, 2020. 260 с.

14 *Горячев А.А., Егорова Т.А.* К вопросу о погребальных традициях населения раннего железного века у северных склонов Иле Алатау (по материалам кургана 17 могильника Тургень-I) // Маргулановские чтения–2022 / Гл. ред. А. Онгарулы; отв. ред. Т.Б. Мамиров. Алматы: ИА КН МОН РК, 2022. С. 222–232.

15 *Заднепровский Ю.А.* Ранние кочевники Семиречья и Тянь-Шаня // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. С. 73–87.

16 *Карабаспакова К.М.* Жетысу и Южный Казахстан в эпоху бронзы. Алматы: ИА КН МОН РК; НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2011. 220 с.

17 *Максимова А.Г.* Курганы близ Талгара // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1980. С. 114–122.

18 *Марьяшев А.Н., Горячев А.А.* Могильник эпохи бронзы Семиречья Кульсай-1 // Археологические памятники на Великом Шелковом пути. Алма-Ата: Изд-во КазГПУ им. Абая, 1993. С. 19–27.

19 *Марьяшев А.Н., Горячев А.А.* Поселения эпохи бронзы в верховьях ущелья Тургень и на плато Асы // История и археология Семиречья. Вып. 2 / Отв. ред. А.А. Горячев. Алматы: ТОО «XXI век», 2001. С. 112–123.

20 НА ИА КН МНВО РК. Д. 2496: Нурмуханбетов Б.Н. Тургенский культурно-ландшафтный комплекс / Отчет совместной казахско-итальянской экспедиции за 1997 год.

21 Национальный атлас Республики Казахстан. Т. 1: Природные условия и ресурсы / Под ред. акад. А.Р. Медеу. Алматы: [б./и.], 2010. 150 с.

22 *Нурмуханбетов Б.Н., Трифонов Ю.И.* Курганные могильники Шубарат и Молалы // Саки и савроматы казахских степей / Отв. ред. А. Онгарулы. Алматы: ИА КН МОН РК, 2016. С. 10–19.

23 *Онгарулы А., Пён Ёнхван, Нам Санвон, Каирмагамбетов А., Ким Ёнхён, Нускабай А., Кызырханов М.* Катартобе. Некрополь сакской элиты Жетысу. Нур-Султан; Тэджон, 2020. 464 с.

24 *Рогожинский А.Е.* Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы. Алматы: Signet Print, 2011. 346 с.

25 *Сараев В.В.* Перспектива выявления фактов развитого оросительного земледелия в предгорьях Семиречья // Роль номадов в формировании культурного наследия Казахстана / Научные чтения памяти Н.Э. Масанова: сб. м-лов междунар. науч. конф. Алматы: Print-S, 2010. С. 252–264.

26 *Сараев В.В.* Каргалинский древний историко-географический микрорайон // История и археология Семиречья. Вып. 5 / Отв. ред. А.А. Горячев. Алматы: ИА КН МОН РК, 2017. С. 69–90.

27 *Чупахин В.М.* Высотно-зональные геосистемы Средней Азии и Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1987. 256 с.

28 *Gass A.* Das Siebenstromland zwischen Bronze- und Fruheisenzeit: Eine Regionalstudie. De Gruyter Open, 2016. XII. 546 s.
29 *Maryashev A.N., Goryachev A.A.* Nouveaux sites du Bronze pecent an Semirech´e (Kazakhstan) // Paleorient. 1998. Vol. 24\1 (CNRS Editions). Pp. 71–80.

REFERENCES

1 Ageeva, E. I. 1961. In *TIIAE AN KazSSR (Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography)* XII. Arkheologiia, 21–40 (in Russian).
2 Akishev, K. A. 1978. Kurgan Issyk. Iskusstvo sakov Kazakhstana (Issyk Kurgan. Art of the Saks of Kazakhstan.). Moscow: “Iskusstvo” Publ. (in Russian).
3 Akishev, K. A., Kushaev, G. A. 1963. *Drevniaia kultura sakov i usunei doliny reki Ili (The ancient culture of the Saks and Usuns of the Ili River Valley).* Alma-Ata: KazSSR Academy of Sciences (in Russian).
4 Akishev, K. A., Khabdulina, M. K. 2007. In: Goryachev, A. A. (ed.). *Istoria i arkheologia Semirechye (History and Archaeology of Semirechye)* 3. Almaty: LLP “XXI vek”, 74–79 (in Russian).
5 Baipakov, K. M. (ed.). 2018. *Almatinskaya oblast. Istoriko-kulturnoe nasledie (Almaty region. Historical and cultural heritage).* In 2 vol. Vol. I. Almaty: “Qos-Qos” Publ. (in Russian).
6 Baipakov, K. M. (ed.). 2018. Almatinskaya oblast. Istoriko-kulturnoe nasledie (Almaty region. Historical and cultural heritage). In 2 vol. Vol. II. Almaty: “Qos-Qos” Publ. (in Russian).
7 Amirov, E. Sh. 2008. In *Izvestiya NAN RK. Ser. obshchestv. nauk (Izvestiya NAS RK. Social sciences ser.)* 1 (254), 29–34 (in Russian).
8 Antonov, M. A. Goryachev, A. A. Khistmatullin, R. K. 2022. In *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)* 3 (17), 126–150 (in Russian).
9 Aubekerov, B., Sala, R., Nigmatova, S., Deom, Zh. M. 2009. In: *Nauchnye chteniya pamyati N.E. Masanova (Masanov readings).* Almaty`: “Dayk Press” Publ., 48–58 (in Russian).
10 Baipakov, K. M. 2008. *Poseleniya sakov i usuney na territorii Zhetisu i Almaty (Sak and Usun settlements on the territory of Zhetisu and Almaty).* Almaty: “Credo” Publ. (in Russian).
11 Baipakov, K. M., Voyakin, D. A., Zaharov, S. V. 2016. *Mogilnik Karatuma. Nekropol rannego zheleznogo veka v Semirechye (Karatuma burial ground. Necropolis of the Early Iron Age in Semirechye).* Almaty: LLP “Arheologicheskaya ekspertiza” (in Russian).
12 Baitanayev, B. A., Goryachev, A. A., Saraev, V. V., Shayakhmetov, A. K., Ergeshbaev, A. A., Beisenov, N. B. 2017. *Novye pamyatniki rannego zheleznogo veka Yuzhnogo Kazahstana (New monuments of the Early Iron Age of South Kazakhstan).* Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
13 Goryachev, A. A. 2020. *Drevniy arheologicheskiy kompleks verkhoviev ushheliya Kishi-Turgen (The ancient archaeological complex of the upper reaches of the Kishi-Turgen gorge).* Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
14 Goryachev, A. A., Egorova, T. A. 2022. In: Onggaruly, A., Mamirov, T. B. (eds.). *Margulanovskie chteniya–2022 (Margulan Readings–2022).* Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 222–232 (in Russian).
15 Zadneprovskiy, Y. A. 1992. In: Moshkova, M. G. (ed.). *Stepnaya polosa aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya (Steppe strip of the Asian part of the USSR in the Scythian-Sarmatian period).* Moscow: “Nauka” Publ., 73–87 (in Russian).
16 Karabaspakova, K. M. 2011. *Zhetisu i Yuzhnyi Kazakhstan v epohu bronzy (Zhetisu and South Kazakhstan in the Bronze Age).* Almaty: Margulan Institute of Archaeology; “Begazy-Tasmola” (in Russian).
17 Maximova, A. G. 1980. In: Akishev, K. A. (ed.). *Arheologicheskie issledovaniya drevnego i srednevekovogo Kazahstana (Archaeological research of ancient and medieval Kazakhstan).* Alma-Ata: “Nauka” Publ., 114–122 (in Russian).
18 Maryashev, A. N., Goryachev, A. A. 1993. In: *Arheologicheskie pamyatniki na Velikom Shelkovom puti (Archaeological sites on the Great Silk Road).* Alma-Ata: Abay University, 19–27 (in Russian).
19 Maryashev, A. N., Goryachev, A. A. 2001. In: Goryachev, A. A. (ed.). *Istoriya i arheologiya Semirechiya (History and Archaeology of Semirechye)* 2. Almaty: LLP “XXI vek”, 112–123 (in Russian).
20 SA MIA CS MSHE. D. 2496: Nurmukhanbetov, B. N. 1997. *Turgenskiy kulturno-landshaftnyi kompleks (Turgen cultural and landscape complex) / Otchet sovmestnoy kazahsko-italyanskoy ekspeditsii za 1997 god (Report of the joint Kazakh-Italian expedition for 1997)* (in Russian).
21 Medeu, A. R. (ed.). 2010. *Natsionalnyi atlas Respubliki Kazahstan (National Atlas of the Republic of Kazakhstan). Vol. 1: Prirodnye usloviya i resursy (Natural conditions and resources).* Almaty (in Russian).

22 Nurmukhanbetov, B. N., Trifonov, Y. I. 2016. In: Onggaruly, A. (ed.). *Saki i savromaty kazakhskih stepey (Sakas and Savromatians of Kazakh Steppes).* Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 10–19 (in Russian).
23 Onggaruly, A., Pyon Yonxvan, Nam Sanvon, Kairmagambetov, A., Kim Yonxyon, Nuskabay, A., Kyzyrkhanov, M. 2020. *Katartobe. Nekropol sakskoy elity Zhetisu (Katartobe. Necropolis of Zhetisu Sak elite).* Nur-Sultan; Tejon (in Korean).
24 Rogozhinskiy, A. E. 2011. *Petroglify arheologicheskogo landshafta Tamgaly (Petroglyphs of Tamgaly archaeological landscape).* Almaty: "Signet Print" Publ. (in Russian).
25 Saraev, V. V. 2010. In: *Nauchnye chteniya pamyati N.E. Masanova (Masanov readings).* Almaty: "Print-S" Publ., 252–264 (in Russian).
26 Saraev, V. V. 2017. In: Goryachev, A. A. (ed.). *Istoriya i arheologiya Semirechiya (History and Archaeology of Semirechye)* 5. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 69–90 (in Russian).
27 Chupakhin, V. M. 1987. *Vysotno-zonalnye geosistemy Sredney Azii i Kazakhstana (Altitude-zonal geosystems of Central Asia and Kazakhstan).* Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).
28 Gass, A. 2016. *Das Siebenstromland zwischen Bronze- und Fruheisenzeit (Semirechye between the Bronze and Early Iron Ages):* Eine Regionalstudie. De Gruyter Open, XII (in German).
29 Maryashev, A. N., Goryachev, A. A. 1998. In *Paleorient*, 24/1 (CNRS Editions), 71–80 (in French).

About the Authors
Goryachev Alexander – Senior Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan.
ORCID: 0000-0001-6952-5567 E-mail: aga.2805@mail.ru
Egorova Tatyana – specialist philologist, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan.
ORCID: 0000-0002-8914-0936 E-mail: ega.0108@mail.ru

Авторлар туралы мәліметтер
Горячев Александр Анатольевич – аға ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан
Егорова Татьяна Александровна – филолог-маман, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан

Сведения об авторах
Горячев Александр Анатольевич – старший научный сотрудник, Институт археологии имени А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан
Егорова Татьяна Александровна – специалист-филолог, Институт археологии имени А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 17.03.2024.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 31.03.2024.
Авторлар жұмысқа бірдей үлес қосты. / Авторы внесли равноценный вклад в работу.
/ The authors have made an equal contribution to the work.

УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03.41.91
https://doi.org/10.52967/3007-6528.2024.1.143.154

Металлические изделия эпохи бронзы и раннего железа из Восточного Казахстана

© 2024 г. Ткачев А.А.

Keywords: *archaeology, Upper Irtysh river region, bronze, random finds*
Түйін сөздер: *археология, жоғарғы Ертіс маңы, қола, кездейсоқ олжалар*
Ключевые слова: *археология, Верхнее Прииртышье, бронза, случайные находки*

A.A. Tkachev[1]
[1]*Tyumen Scientific Center of the SB RAS, Tyumen, Russia*

Metal items from the Bronze Age and Early Iron Age from East Kazakhstan

Inventory from destroyed archaeological sites quite often ends up in school, district or state museums as accidental finds. A small part of them is published, some of them are lost over time or, getting into private collections, are exported outside the state. The article introduces into scientific circulation bronze arrowheads, sickle mower, mirrors, dagger found on the territory of East Kazakhstan. The items are kept in the school museum of the village Toktamys (Abai district, Abai region). Random finds correlate with the antiquities of the Bronze Age and Early Iron Age.
Source of financing: The work was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (No. FWRZ-2021-0006).
Citation: Tkachev, A. A. 2024. Metal items from the Bronze Age and Early Iron Age from East Kazakhstan // Margulan readings–2024. In 2 vol. Vol. 1. Pp. 143–154 (in Russian).

А.А. Ткачев[1]
[1]*РҒА СБ Тюмень ғылыми орталығы, Тюмень қ., Ресей*

Шығыс Қазақстаннан табылған қола және ерте темір дәуірінің металл бұйымдары

Қираған археологиялық ескерткіштердің қалдықтары кездейсоқ олжа ретінде көбіне мектеп, аудан немесе мемлекеттік музейлерге өткізіледі. Олардың азғантай бөлігі ғана жарияланып, қалғандары уақыт өте келе жоғалады немесе жеке адамның коллекциясына түсіп, шетел асып кетеді. Мақалада Шығыс Қазақстан аумағынан табылған қола бұйымдар — жебенің ұштары, орақ-шалғы, айна, қанжар ғылыми айналымға енгізіледі. Бұл заттар Тоқтамыс ауылының (Абай обл., Абай ауд.) мектеп музейінде сақталып тұр. Кездейсоқ олжалар қола және ерте темір дәуіріне жатады.
Қаржыландыру көзі: Жұмыс РФ Ғылым және жоғары білім министрлігінің мемлекеттік тапсырмасы аясында орындалды (№ FWRZ-2021-0006).
Сілтеме: Ткачев А.А. Шығыс Қазақстаннан табылған қола және ерте темір дәуірінің металл бұйымдары // Марғұлан оқулары – 2024. 2 том. 1-т. 143–154-бб. (Орысша).

А.А. Ткачев[1]
[1]*Тюменский научный центр СО РАН, г. Тюмень, Россия*

Металлические изделия эпохи бронзы и раннего железа из Восточного Казахстана

Инвентарь из разрушенных археологических памятников достаточно часто попадает в школьные, районные или государственные музеи в качестве случайных находок. Незначительная их часть публикуется, часть с течением времени теряется или, попадая в частные коллекции, вывозится за пределы государства. В статье в научный

оборот вводятся бронзовые изделия – наконечники стрел, серп-косарь, зеркала, кинжал, обнаруженные на территории Восточного Казахстана. Предметы хранятся в школьном музее пос. Токтамыс (Абайский р-н, Абайская обл.). Случайные находки соотносятся с древностями эпохи бронзы и раннего железа.
Источник финансирования: Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ (№ FWRZ-2021-0006).
Цитирование: Ткачев А.А. Металлические изделия эпохи бронзы и раннего железа из Восточного Казахстана // Маргулановские чтения–2024. В 2-х т. Т. 1. С. 143–154.

Введение

В 1998 г. областной станцией юных туристов г. Усть-Каменогорска был проведен слет туристических отрядов, действующих при школах Восточно-Казахстанской области. Участвующие команды представляли стенды, отражающие их достижения и пройденные маршруты. Особый интерес вызвал материал, представленный командой туристов из школы пос. Токтамыс (на тот момент – Абайский р-н, ВКО). В средней школе им. Ж. Мулдагалиева под руководством учителя Булата Хамзановича Карабаева функционировал школьный краеведческий музей. На одном из стендов, отражающем результаты туристских маршрутов, была представлена коллекция из восьми бронзовых предметов, собранная учащимися в 1980–1990-е гг. в окрестностях пос. Токтамыс по берегам р. Шаган и небольших ручьёв, стекающих с отрогов хребта Чингистау (Шынгыстау). С разрешения Б.Х. Карабаева, изделия, представленные на выставке и хранящиеся в настоящее время в школьном музее пос. Токтамыс, были прорисованы. К сожалению, привязку отдельных находок к конкретным участкам местности определить не удалось.

Коллекция бронзовых изделий включает восемь предметов, два из которых соотносятся с древностями эпохи бронзы, остальные – с ранним железным веком. Ниже приводится описание предметов Токтамысской коллекции.

Описание материала

а) Вещевой комплекс эпохи бронзы

1. *Бронзовый двулопастной черешковый наконечник стрелы,* отлитый в двусторонней литейной форме, имел удлинённо-треугольную форму пера, переходящего через покатые плечики в фигурный уплощённый черешок (рис. 1, *1*). Длина изделия 4,3 см, максимальная ширина 1,6 см, толщина – до 0,4 см, длина черешка 1,2 см.

2. *Бронзовый серп-косарь* отлит в односторонней литейной форме с плоской крышкой, длина изделия 21,5 см, ширина 4,5 см, толщина 0,5 см (рис. 1, *5*). На основной створке вырезана форма изделия с дополнительным оформлением рабочей острой части; вторая створка, судя по внешней стороне серпа, имела ровную поверхность. Сквозное отверстие для соединения серпа с рукоятью могли предусмотреть до отливки с последующей дополнительной механической обработкой. Следы в области отверстия свидетельствуют о том, что намеченное отверстие сначала подправили зубилом с шириной лезвия около 7 мм, образовав углубления подквадратной формы размерами 7 × 7 мм и глубиной около 1 мм, с последующей подработкой расположенного внутри округлого отверстия и доводкой его диаметра до 7 мм. В процессе дополнительной проковки обработана внешняя поверхность серпа: проковано лезвие; удалены и сглажены литейные швы; закруглены грани спинки и боковые поверхности в области рукояти и вокруг крепёжного отверстия. Массивная рукоять имела трапециевидную форму размерами 4,9 × 3,5–4,5 см и трапециевидное сечение: толщина со стороны спинки 5 мм, со стороны клинка около 2 мм. Рукоять переходит в рабочую часть, имеющую подтреугольную форму с прямым сужающимся лезвием и едва намеченной горбатостью спинки. Соединение лезвия и спинки оформлено в виде закруглённого прокованного и оттянутого

вверх кончика. Длина клинка 16,6 см, максимальная ширина 4,5 см, минимальная – 1,8 см, толщина 3–5 мм. Скос кромки лезвия шириной до 1,2 см затачивался, скорее всего, абразивами из песчаника, о чём свидетельствуют сохранившиеся микроцарапины.

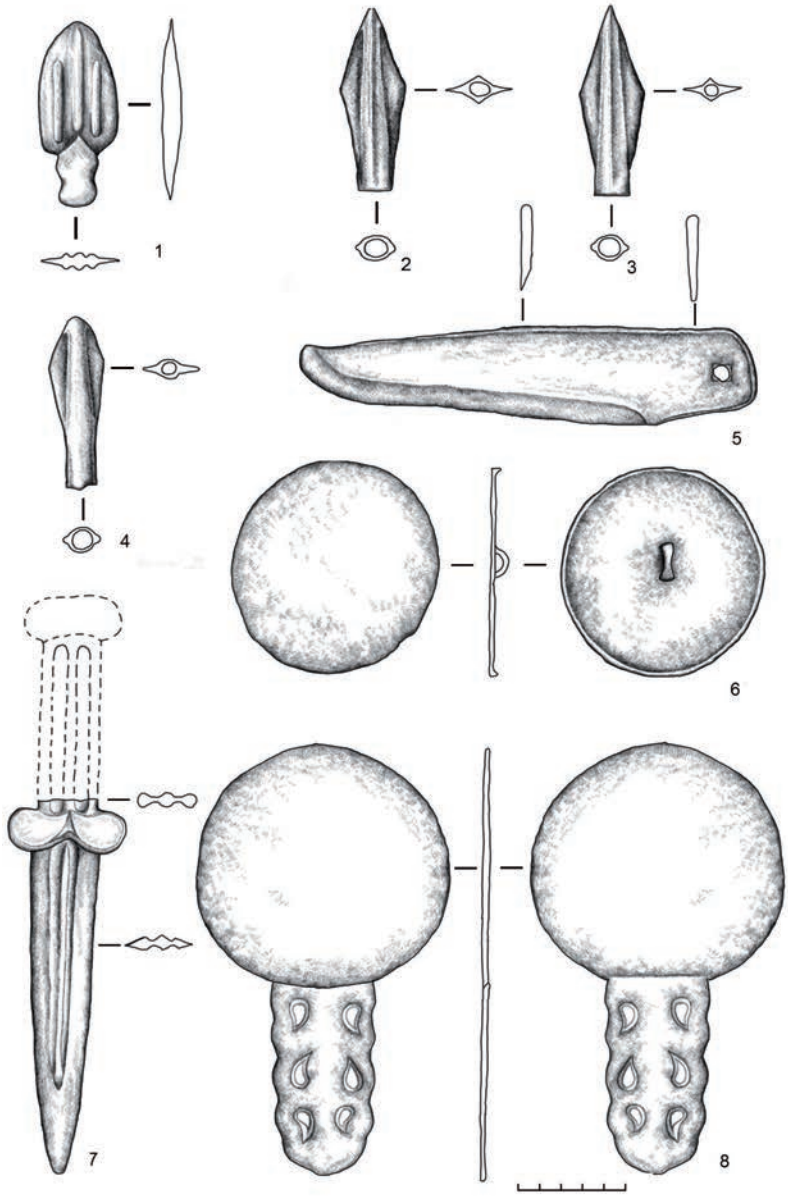


Рис. 1. Токтамысская коллекция бронзовых вещей:
1–4 – наконечники стрел; *5* – серп-косарь; *6, 8* – зеркало; *7* – кинжал
1-сур. Тоқтамыстық қола заттар коллекциясы: *1–4* – жебе ұштары; *5* – орақ-шалғы; *6, 8* – айна; *7* – қанжар
Fig. 1. Toktamys collection of bronze items: *1–4* – arrowheads; *5* – sickle-mower; *6, 8* – mirror; *7* – dagger

б) Вещевой комплекс раннего железного века

1. Три наконечника, относящиеся к одному типу – *втульчатым с двулопастным асимметрично-ромбическим пером*, но имеющим незначительные отличия:

- первый – общая длина 4,3 см; длина пера 4,1 см, ширина 1,4 см; ромбическая в сечении нервюра переходит в округлую втулку длиной 0,2 см и диаметром 0,7 см, толщина стенок около 1 мм, глубина втулки 3,1 см (рис. 1, *2*).

- второй – общая длина 4,5 см; длина пера 4,1 см, ширина 1,5 см; ромбическая в сечении нервюра переходит в округлую втулку длиной 0,4 см и диаметром 0,8 см, толщина стенок около 1 мм, глубина втулки 3,2 см (рис. 1, *3*);

- третий – длиной 4,1 см с округлой нервюрой и притупленным остриём, со слегка сточенным с одной стороны пером, что придаёт ему ярко выраженную асимметричность; длина пера 3,4 см, ширина 1,3 см; длина округлой втулки 0,6 см, диаметр 0,7 см, глубина 3,2 см; толщина стенок около 1 мм (рис. 1, *4*).

2. *Зеркало с бортиком* имеет гладкую внешнюю поверхность диаметром 9,8 см, толщина округлой пластины зеркала чуть больше 2 мм, с внутренней стороны располагаются бортики высотой около 2 мм и толщиной до 1 мм; на внутренней стороне припаяна ручка овальной фор-

мы из тонкой проволоки шириной около 3 мм и толщиной до 1,5 мм; высота ручки 0,6 см; длина внутреннего полуовального отверстия около 0,9 см (рис. 1, *6*).

3. *Зеркало с боковой ручкой* имеет округлую форму диаметром 11,9 см, толщиной около 2,5 мм. В центре верхней части прослеживается едва намеченная приострённая вершинка (рис. 1, *8*). Фигурная ручка длиной 9,5 см отливалась отдельно, её максимальная ширина в месте соединения с диском составляет 4,8 см, толщина совпадает с толщиной диска зеркала. На внешней и внутренней сторонах диска прослеживаются швы от сварки, но если с внешней стороны шов тщательно зашлифован, то с внутренней – шлифовка проведена менее тщательно и на поверхности просматривается едва заметное утолщение. Общий абрис рукояти сверху-вниз трапециевидно-овальный. Боковые стороны волнистые с четырьмя выемками и овально-приострённым окончанием. Наличие овальных углублений по бокам связано с удобным охватом ручки зеркала при обхвате её пальцами руки человека. Рукоять украшена сквозными отверстиями, оформленными в виде запятовидных прорезей. Длина прорезей составляет 1,3–1,6 см; ширина – 0,6–0,8 см; внутренняя длина и ширина меньше на 1,1–1,5 мм. Особенности форм и размеров отверстий позволяют предполагать их изготовление комбинированным способом: первоначально прорези были намечены при изготовлении литейной формы, далее края прорезей обработали с обеих сторон орудием типа зубила с узким лезвием шириной до 1,5–2,0 мм, с последующим заглаживанием и шлифовкой получившихся двусторонних граней каждого из отверстий. Прорезанные отверстия расположены двумя рядами вдоль края ручки и тремя асимметричными рядами, разместившимися сверху-вниз. Верхний ряд направлен округлой частью вверх, а приострёнными концами вниз и наружу; средний наоборот – остриями вверх и вовнутрь, тогда как округлыми – вниз; расположение нижнего ряда аналогично верхнему. Если представить ручку зеркала, сложенную пополам, то отверстия двух внешних рядов должны были бы совпасть.

4. *Обломок бронзового кинжала* (рис. 1, *7*). Сохранился клинок, перекрестье и примыкающая к нему нижняя часть рукояти. По основным признакам сохранившаяся часть изделия соотносится с кинжалами с брусковидным навершием, бабочковидным перекрестьем и треугольным обоюдоострым клинком. Кинжал длиной 27–29 см имел выемчатую рукоять с двумя вертикальными двусторонними долами-углублениями. Рукоять от клинка отделяло бабочковидное перекрестье, имевшее удлинённо-ромбическое сечение размерами 5,6 × 2,2 × 0,8 см; длина удлиненно-треугольного клинка 16 см, максимальная ширина у перекрестья 3,3 см, толщина до 0,7 см с плавным её снижением от перекрестья к приострённому концу. Оригинальность кинжалу придаёт наличие двустороннего двойного углубления, имеющего по клинку треугольную форму. Длина углубления 12,1 см, ширина у перекрестья 1,2 см, глубина параллельных долов от 2,5 до 1,0 мм.

Результаты и обсуждение

а) культурно-хронологическая принадлежность изделий эпохи бронзы

1. Близкие по форме черешковые *наконечники стрел* обнаружены в захоронениях Синташтинского II могильника [Генинг и др. 1992: 302, рис. 171, *3*; 318, рис. 185, *1–5*], в могильнике синташтинского времени Танаберген II (Западный Казахстан) [Ткачев 2007: 184–186, рис. 55, *3*] и Халвай III (Костанайское Притоболье) [Шевнина, Логвин 2015: 134, 138, рис. 65, *2–4*]. За пределами синташтинской ойкумены аналогичный наконечник найден возле г. Ростов-на-Дону, в насыпи вне погребальных ограбленных комплексов кургана, содержащего разнокультурные захоронения (одно погребение связано с культурой многоваликовой керамики, пять – со срубной культурой и 25 захоронений позднебронзового периода) [Ильюков 1991: 34, рис. 8]. Данный вид металлических изделий сближают особенности изготовления (все наконечники литые), размеры и внешнее оформление. Они относятся к типу черешковых, имеют листовидное двулопастное удлинённо-треугольное перо, заканчивающееся едва намеченными шипами-жальцами, переходящими в

небольшой уплощённый черешок; овальное ребро жесткости украшено «ёлочным» орнаментом или рифлением.

Более архаичной формой подобных изделий является черешковый наконечник, обнаруженный в ограде 9 могильника Канай (Восточный Казахстан), имеющий подтреугольную форму пера со спускающимися книзу приострёнными жальцами и округлой нервюрой, переходящей в короткий уплощённо-цилиндрический насад [Черников 1960: 34, табл. XXв, *2*]. Близкие по форме и размерам наконечники обнаружены на территории Западной Сибири в одном из кротовских захоронений могильника Ордынское I [Зах 1979: 32, рис. 2; Молодин, Дураков 2013: 98, рис. 18, *4*] и в елунинском погребении 5 могильника Цыганкова Сопка [Кирюшин 2002: 66, рис. 119, *5*]. К данной группе изделий относится и случайная находка бронзового наконечника с подтреугольной формой пера и небольшими полуовальными шипами (Курчумский р-н, ВКО) [Мерц и др. 2016: 167, рис. 2, *2*]. В ареале синташтинской культуры близкие по форме и размерам наконечники обнаружены в культурном слое поселения Каменный Амбар [Епимахов, Семьян 2016: 79, рис. 16, 17]. Используя данные археологических методов, синташтинскую культуру Зауралья датировали XVIII–XVI вв. до н.э. [Зданович, Батанина 1995: 56], но при использовании радиоуглеродного метода синташтинские памятники Степного Приуралья и Зауралья удревнили до конца III – первой трети II тыс. до н.э. [Ткачев 2020: 41; Епимахов, Семьян 2016: 77; Епимахов и др. 2005: 100; Шевнина, Логвин 2015: 126–147].

Наконечник стрелы из окрестностей пос. Токтамыс, имеющий вильчатое оформление стержня пера, типологически сопоставим с сейминско-турбинскими вильчатыми копьями [Черных, Кузьминых 1989: 63, рис. 28, *1–3*; 37, *1–5*]. Исходя из того, что синташтинские и сейминско-турбинские комплексы признаны хронологически одновременными [Епимахов, Семьян 2016: 77], появление наконечников токтамысского типа происходит не ранее рубежа III–II тыс. до н.э. К данной культурной традиции относится и бронзовый втульчатый двулопастной наконечник стрелы из могильника Телеутский Взвоз I, датированный началом II тыс. до н.э. Появление втульчатых наконечников стрел, украшенных «ёлочкой», объясняется контактами носителей двух культурных стереотипов: обитателей сибирской восточно-таёжной зоны с сейминско-турбинскими металлургами и коневодами [Кирюшин и др. 2003: 92, рис. 36, 3]. Токтамысский и телеутский наконечники отражают две стороны одного процесса, связанного с параллельным существованием черешковых и втульчатых изделий в развивающейся системе воинской амуниции. Черешковые наконечники стрел из могильника Синташта II являются наиболее поздними и датируются завершающей фазой существования синташтинских древностей в пределах XIX–XVIII вв. до н.э.

2. Аналогичные бронзовые *серпы* принято соотносить с изделиями сосново-мазинского типа [Мерперт 1966]. В Восточном Казахстане серп-косарь обнаружен в культурном слое поселения Мало-Красноярка [Черников 1960: табл. XXXVI, *19*], на поселении Усть-Нарым [Черников 1960: табл. XXVII, *6*] и на развеянном поселении Семипалатинские Дюны [Черников 1960: табл. LXVI, *11*]. В Жетысу (Семиречье) серпы-косари входят в состав кладов эпохи поздней бронзы: Турксибского [Акишев, Кушаев 1963: 106–108, рис. 83, *2–4*] и Новоалексеевского [Акишев, Кушаев 1963: 108-109, рис. 84, *1*]. Обломок массивного серпа-косаря обнаружен на полу жилища № 20 поселения Атасу I [Маргулан 1999: 243, рис. 93, *8*]. На поселении Кент найдено три серпа-косаря сосново-мазинского типа [Варфоломеев и др. 2017: рис. 5, *1, 5*; 315, фото 6, *2*]. В Костанайском Притоболье серп сосново-мазинского типа обнаружен рядом с землянкой № 4 поселения Алексеевка [Кривцова-Гракова 1948: 107, рис. 27, *3*]. В Северном Казахстане обломок аналогичного изделия происходит с поселения Петровка II [Зданович 1988: 171, табл. 10Г, *15*]. В Среднем Притоболье серп сосново-мазинского типа обнаружен на поселении Язево I [Потемкина 1985: 64, рис. 18, *1*].

По мнению О.А. Кривцовой-Граковой, появление данных изделий происходит в конце II тыс. до н.э., но широкое их использование приходится на X–VIII вв. до н.э. [Кривцова-Гракова 1948: 160–

164]. Анализируя луристанские мотивы в орнаментации бронз из Сосновой Мазы, Н.Я. Мерперт первоначально предложил удревнить данный комплекс до XII в. до н.э. [Мерперт 1962: 21], а позднее обосновал дату клада в пределах XIII–XI вв. до н.э. [Мерперт 1966: 133–134]. При анализе сплавов изделий из Сосновой Мазы Е.Н. Черных соотнёс данный комплекс с финальной стадией бронзовой эпохи на основании исходного сырья, содержащего в руде большие примеси железа, что требовало новых технологических подходов в получении и обработке металла [Черных 1966: 131; 1970: 17–20].

Находка серпов-косарей в мало-красноярском (Восточный Казахстан) и атасуском (Центральный Казахстан) культурных горизонтах позволяет соотнести время появления подобного типа изделий не ранее конца 1-й пол. II тыс. до н.э., но их широкое распространение и использование связано со 2-й пол. II тыс. до н.э. – временем активного развития земледелия у степного населения. Исчезновение аналогичных изделий происходит в результате постепенного перехода к полукочевому, а впоследствии и кочевому хозяйству, что в степях Евразии наблюдается на рубеже II–I тыс. до н.э. В поселенческих комплексах финальной стадии бронзового века, датирующихся первыми веками I тыс. до н.э., подобные изделия не встречены, что подтверждает связь серпов-косарей с земледелием как особой отраслью хозяйства, характеризующейся специализированными орудиями труда.

б) культурно-хронологическая принадлежность изделий раннего железного века:

1. Аналогии *втульчатым наконечникам стрел* в незначительном количестве представлены в большинстве колчанных наборов раннескифского времени. В Восточном Казахстане близкие по форме и размерам изделия обнаружены в кургане № 5 могильника Чиликты [Черников 1965: 24, табл. X]; в Центральном Казахстане в кургане 5ж могильника Карамурун [Кадырбаев 1966: 376–378, рис. 58]. Наконечники с асимметрично-ромбическим пером встречаются и на территории Северного Казахстана [Хабдулина 1994: 47, табл. 15, *28–30*; 50, *2, 3*] и Алтая [Кирюшин, Тишкин 1997: 81–82, рис. 58, *1, 7, 10*; 60, *8, 9*]. Несколько подобных изделий встречено в захоронениях могильника Аржан [Грязнов 1980: 21, рис. 11, *8, 12*] и в могильниках Уйгарак [Вишневская 1973: табл. XIII, *5–7*] и Южный Тагискен [Итина, Яблонский 1997: 50, рис. 47, *2, 4, 5*]. Наконечники стрел из окрестностей пос. Токтамыс относятся к раннему скифо-сакскому периоду и время их бытования укладывается в конец VIII–VII в. до н.э.

2. *Зеркала с бортиком и петлевидной ручкой* довольно широко распространены в раннескифский период у населения, обитавшего в степной зоне Зауралья. Их происхождение связывают с Сибирью [Смирнов 1964: 155] или Китаем, откуда они были заимствованы кочевниками Сибири и Казахстана [Кирюшин, Тишкин 1997: 88–89], но существует и мнение о том, что центром их распространения являлось Приаралье [Кузнецова 1991: 30, карта 1].

На территории Верхнего Прииртышья зеркала с бортиком представлены случайными находками [Грязнов 1947: 10, рис. 4, *12*], из них особый интерес представляет зеркало, обнаруженное около с. Усть-Бухтарма. Оно орнаментировано с внутренней стороны фигурами шести оленей, размещённых по кругу и изображённых в стоячем положении [Грязнов 1947: 10, рис. 4, *11*; Боковенко, Заднепровский 1992: 145–146, табл. 62, *11*]. В регионе известны случаи, когда зеркала с бортиком были найдены в захоронении могильника Солонечный Белок [Боковенко, Заднепровский 1992: 145–146, табл. 61, *31*], в Майэмирском кладе [Грязнов 1947: 10, рис. 4, *10*; Боковенко, Заднепровский 1992: 145–146, табл. 61, *24*] и в разрушенном погребении могильника Соцшыгыс [Ермолаева 2012: 211, рис. 83, *2*]. Небольшое по размерам зеркало с бортиком и ручкой обнаружено в кургане № 4 могильника Джарбулак, расположенного на восточном берегу оз. Алакол (Алакуль), на границе Восточного Казахстана и Жетысу [Кушаев 1968: 144, табл. I, *10*].

На территории Горного Алтая зеркала с бортиком встречены в кургане № 27 могильника Покровский Лог-4 и Машенка-1 [Шульга, Демин 2021: 27, рис. 19, *6*; с. 73, рис. 60, *2*]. В Жетысу зеркало с бортиком связано с курганом № 2 сакского могильника Арасан I [Кушаев 1968: 143, табл. I, *11*]. В Приаралье два круглых зеркала с низким бортиком и петлевидной ручкой обнаружены в курганах № 11 и 51 могильника Уйгарак [Вишневская 1973: 14, табл. II, *9*; XVI, *13*] и пять – в захоронениях могильника Северный Тагискен [Итина, Яблонский 1997: 42–43, рис. 70]. В Центральном Казахстане два орнаментированных аналогичных зеркала зафиксированы в курганах № 19 могильника Тасмола I [Кадырбаев 1966: 312, рис. 5, *10*] и в № 1 могильника Жиланды [Кадырбаев 1974: 43, рис. 11]. В курганах улубаевско-тасмолинской культуры Северного Казахстана встречено три зеркала с бортиком и ручкой: в могильнике, исследованном на Большом Чебачьем озере [Грязнов 1956: 8, рис. 2, *4*], и в курганах № 1 и 2 могильника Бектениз [Хабдулина 1994: 59, табл. 14, *17*; 16, *2*; 57, *3*]. В Степном Зауралье обнаружено несколько зеркал с бортиком и центральной петлей: в кургане № 7 у дер. Сухомесово [Смирнов 1964: 155, рис. 9, *3а*; 72, *5*], в кургане № 27 у дер. Чурилово [Смирнов 1964: 155, рис. 9, *4а*], в кургане № 2 у пос. Целинный [Пшеничнюк 1983: 34, табл. XXVI, *5*], орнаментированное с внешней стороны зеркало встречено в кургане № 3 могильника Кумкуль [Таиров 2017: 245, рис. 3, *27*]. Все исследователи соотносят зеркала с бортиком и петельчатой ручкой с раннескифским периодом и датируют в пределах VII–VI вв. до н.э. [Кирюшин, Тишкин 1997: 88–89; Кузнецова 1991: 21–23].

3. Прямых аналогий *зеркалу с боковой фигурной ручкой* не известно, но, возможно, её форма сопоставима с кинжалами, имеющими фигурную ручку для более удобного захвата [Таиров 2007: рис. 1, *24*; 46, *1–4, 6, 8–11*]. Наиболее древнее бронзовое зеркало с длинной ручкой обнаружено в ирменском захоронении кургана № 67 могильника Камышенка. Ручка камышинского зеркала украшена с одной стороны треугольниками, соединёнными вершинами, с другой – наклонными насечками [Членова 1981: 103–104, рис. 2, *1*]. По мнении Ю.Ф. Кирюшина и А.А. Тишкина, данное зеркало датируется VIII–VII вв. до н.э., типологически предшествуя зеркалам Алтая [Кирюшин, Тишкин 1997: 89], где наиболее массивное зеркало с длинной боковой ручкой с отверстием обнаружено в кургане № 26 могильника Тыткескень VI [Кирюшин, Тишкин 1997: 89, рис. 10, *3*]. На территории Верхнего Прииртышья разбитое зеркало с небольшой прямоугольной ручкой найдено в кургане у с. Вавилово [Киселев 1947: 168, рис. 9, *21*]. Близкое по размеру орнаментированное зеркало с небольшой удлинённо-овальной ручкой обнаружено в кургане № 1 могильника Измайловка [Ермолаева 2012: 72, рис. 81]. Несколько зеркал с удлинённо-овальными ручками найдено в могильниках раннего железного века Северного Казахстана, причём на двух из них прослеживается приострённый верхний свод, присутствующий и на зеркале из окрестностей пос. Токтамыс [Хабдулина 1994: 59–60, табл. 59, *4, 5*].

Наиболее широко зеркала с боковыми ручками встречаются в скифских древностях Северного Причерноморья [Артамонов 1958: 27, рис. 16, *1, 2*; Гуцал и др. 2012: 142, рис. 2, *18*; Кузнецова 1991: 46, рис. 8–13] и сарматских комплексах Доно-Волжского и Урало-Волжского междуречья, где представлены изделия как с длинными, так и с короткими ручками [Смирнов 1964: рис. 10, *1а;* 12, *8*; 14, *2а*; 16, *1д*, 35*, 8, 14*; Купцов, Моргунова 2019: 154, рис. 2, *6*]. Общей тенденцией в развития зеркал с боковыми ручками является постепенное уменьшение её длины с превращением в овальную петлю или небольшую прямоугольную ручку с отверстием, что характерно и для кулажургинских древностей Восточного Казахстана [Черников 1951: 70, табл. VIII, *5, 6*]. Сравнительные характеристики и тенденции в развитии зеркал позволяют предполагать, что зеркало из окрестностей пос. Токтамыс с боковой фигурной ручкой соотносится с пазырыкской культурной традицией и может датироваться концом VI–V в. до н.э.

4. Бронзовые *кинжалы* с прямым навершием и бабочковидным перекрестьем характерны для древностей скифо-сакского времени, но бронзовые кинжалы с рифлёной рукоятью и клинком

встречаются значительно реже. Обломок близкого по форме кинжала входит в состав Иссыкского клада сакского времени, обнаруженного в окрестностях г. Алма-Аты [Акишев, Кушаев 1963: 109, рис. 85, *1*]. Близкий кинжал с двумя долами по клинку обнаружен в Центральном Казахстане в кургане № 1 могильника Нурманбет IV, у которого центральный рельефный валик также подчёркнут двумя желобками, но рельефное углубление по клинку прослеживается от рукояти до острия клинка [Кадырбаев 1966: 343, рис. 38, *1*]. Оружие ближнего боя с рифлёными рукоятями, датирующееся VII–VI вв. до н.э., встречается и в материалах памятников сарматского времени Южного Приуралья [Смирнов 1964: рис. 8, *3д*; 35А, *1*] и в могильниках бобровско-тасмолинской культуры Зауралья [Таиров 2007: 242, рис. 2, *25, 26*]. Известны аналогичные кинжалы на Алтае [Боковенко, Заднепровский 1992: табл. 61, *1;* Кирюшин, Тишкин 1997: рис. 60, *4*], в Северном Казахстане [Хабдулина 1994: табл. 55], в древностях тагарской культуры Южной Сибири [Членова 1992: 214, табл. 84, *15, 16, 18*] и в захоронениях ранних кочевников Тувы [Грач 1980: рис. 31, *1, 2*]. На всём пространстве степного пояса Евразии кинжалы с бабочковидным перекрестьем и треугольным клинком, в том числе и кинжал из окрестностей пос. Токтамыс, соотносятся с раннескифским периодом и датируются VII–VI вв. до н.э.

Заключение

Воссоздание культурно-исторических процессов и реконструкция общественных отношений в древних человеческих коллективах зависит не только от стационарных раскопок хорошо сохранившихся археологических памятников, но и от случайных находок. К этой категории относятся предметы, обнаруженные вне закрытого погребального комплекса или вне культурного слоя поселения. Данные изделия являются случайно потерянными людьми, иногда забытыми в местах кратковременных остановок, или смогли сохраниться после разрушения археологического объекта в процессе природного или антропогенного воздействия. Как правило, случайные находки имеют хорошую сохранность и содержат фрагментарную информацию о древних культурах. Они вырваны из конкретного исторического контекста, но каждая вещь содержит сведения об определённом историческом периоде, взаимосвязях между людьми или миграционных перемещениях отдельных племенных групп. Поэтому очень важно, чтобы случайные находки попадали в государственные музеи, где исследователи могли бы расшифровать их внутренне содержание и довести его до широкой аудитории.

Благодарность. Приношу искреннюю благодарность Д.А. Белоногову за прорисовку вещевого инвентаря.

ЛИТЕРАТУРА

1 *Акишев К.А., Кушаев Г.А.* Древня культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата: Наука, 1963. 320 с.
2 *Артамонов М.И*. Саркел – Белая Вежа // МИА. 1958. № 63. С. 7–84.
3 *Боковенко Н.А., Заднепровский Ю.А.* Ранние кочевники Восточного Казахстана // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М.Г. Мошква. М.: Наука, 1992. С. 140–148.
4 *Варфоломеев В.В., Ломан В.Г., Евдокимов В.В.* Кент – город бронзового века в центре казахских степей. Астана: КазНИИК, 2017. 338 с.
5 *Вишневская О.А*. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. М.: Наука, 1973. 180 с.
6 *Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В*. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Т. 1. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1992. 408 с.
7 *Грач А.Д.* Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980. 256 с.
8 *Грязнов М.П.* Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. 1947. Вып. XVIII. С. 9–17.
9 *Грязнов М.П.* Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников // КСИИМК. 1956. Вып. 61. С. 8–16.
10 *Грязнов М.П.* Аржан – царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 63 с.

11 *Гуцал А.Ф., Гуцал В.А., Могилов А.Д.* Новые исследование курганов скифского времени восточноевропейской лесостепи // Кадырбаевские чтения–2012 / Отв. ред. А.А. Бисембаев. Актобе, 2012. С. 141–147.
12 *Епимахов А.В., Семьян И.А.* Наконечники стрел поселения Каменный Амбар и некоторые замечания о войне в синташтинском обществе // Уральский исторический вестник. 2016. № 4 (53). С. 78–85.
13 *Епимахов А.В., Хэнкс К., Ренфрю Б.* Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. 2005. № 4. С. 92–102.
14 *Ермолаева А.С.* Памятники предгорной зоны Казахстанского Алтая (эпоха бронзы и раннее железо). Алматы: ИА КН МОН РК, 2012. 238 с.
15 *Зах В.А.* Погребение кротовской культуры у села Ордынского // Сибирь в древности / Отв. ред. И.В. Асеев. Новосибирск: Наука, 1979. С. 31–32.
16 *Зданович Г.Б.* Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск: УрГУ, 1988. 184 с.
17 *Зданович Г.Б., Батанина И.М*. «Страна городов» – укрепленные поселения эпохи бронзы XVIII–XVI вв. до н.э. на Южном Урале // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия / Науч. ред. Г.Б. Зданович, сост.: Н.О. Иванова. Челябинск: Творческое объединение «Каменный пояс», 1995. С. 54–62.
18 *Ильюков Л.С.* Бронзовый наконечник дротика из Ростова-на-Дону // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1990 году. Азов: Азовский краеведческий музей, 1991. С. 34–36.
19 *Итина М.А., Яблонский Л.Т*. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.: Российская политическая энциклопедия, 1997. 187 с.
20 *Кадырбаев М.К.* Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстан. Алма-Ата: Наука, 1966. С. 303–433.
21 *Кадырбаев М.К.* Могильник Жиланды на реке Нуре // В глубь веков / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1974. С. 25–45.
22 *Кирюшин Ю.Ф.* Энеолит и ранняя бронза Западной Сибири. Барнаул: Алт. ун-т, 2002. 294 с.
23 *Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А.* Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз I). Барнаул: Алт. ун-т, 2003. 333 с.
24 *Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А*. Скифская эпоха горного Алтая. Ч. I. Население в раннескифское время. Барнаул: Алт. ун-т, 1997. 342 с.
25 *Киселев С.В.* Алтай в скифское время (майэмирская культура) // ВДИ. 1947. № 2. С. 157–172.
26 Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // ТГИМ. 1948. Вып. XVII. С. 59–172.
27 *Кузнецова Т.М*. Этюды по скифской истории. М.: АН СССР, Институт археологии, 1991. 150 с.
28 *Купцов Е.А., Моргунова Н.Л.* Курган 2 Студеновского II курганного могильника // Археологические памятники Оренбуржья / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2019. Вып. 14. С. 150–159.
29 *Кушаев Г.А.* Ранние погребения Алакульской впадины // Новое в археологии Казахстана / Отв. ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука, 1968. С. 135–145.
30 *Маргулан А.Х.* Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алматы: Атамура, 1999. 400 с.
31 *Мерперт Н.Я.* Срубная культура Южной Чувашии // МИА. № 111. М.: АН СССР, 1962. С. 7–21.
32 *Мерперт Н.Я.* О луристанских элементах в кладе из Сосновой Мазы // КСИА. 1966. Вып. 108. С. 132–134.
33 *Мерц И.В., Мерц В.К., Кущ Г.А., Тишкин А.А.* Находка металлических изделий раннего бронзового века из Верхнего Прииртышья (Восточный Казахстан) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края / Отв. ред. А.А. Тишкин, В.П. Семибратов. Барнаул: Алт. ун-т, 2016. Вып. XXII. С. 163–170.
34 *Молодин В.И., Дураков И.А.* Погребения эпохи ранней-развитой бронзы могильника Ордынское-1 (новая версия историко-культурной интерпретации) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 4 (56). С. 84–101.
35 *Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В.* Радиоуглеродная хронология эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. 2014. Сер: История, филология. Т. 13. Вып. 3. Археология и этнография. С. 136–167.
36 *Потемкина Т.М.* Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука, 1985. 376 с.
37 *Пшеничнюк А.Х*. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: Наука, 1983. 200 с.
38 *Смирнов К.Ф.* Савроматы: ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 380 с.
39 *Таиров А.Д*. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII-VI вв. до н.э. Челябинск: ЮУрГУ, 2007. 234 с.
40 *Таиров А.Д.* Ранние кочевники Жайык-Иртышского междуречья в VIII-VI вв. до н.э. Астана: КазНИИК, 2017. 392 с
41 *Ткачев В.В.* Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе: Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2007. 207 с.

42 *Ткачев В.В.* Радиоуглеродная хронология памятников синташтинской культуры в степном Приуралье // РА. 2020. № 2. С. 31–44.
43 *Хабдулина М.К.* Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы: Гылым- Ракурс, 1994. 170 с.
44 *Черников С.С.* Отчет о работах Восточно-Казахстанской экспедиции в 1948 г. // Известия АН КазССР. 1951. № 108. Сер. археол. Вып. 3. С. 84–80.
45 *Черников С.С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы / МИА. № 88. М.; Л.: АН СССР, 1960. 272 с.
46 *Черников С.С.* Загадка Золотого кургана. М.: Наука, 1965. 189 с.
47 *Черных Е.Н.* О химическом составе металла клада из Сосновой Мазы // КСИА. 1966. Вып. 108. С. 123–131.
48 *Черных Е.Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука, 1970. 178 с.
49 *Черных Е.Н., Кузьминых С.В.* Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.
50 *Членова Н.Л.* Ирменское погребение с богатым инвентарем // КСИА. 1981. Вып. 161. С. 100–108.
51 *Членова Н.Л.* Тагарская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 206–223.
52 *Шевнина И., Логвин А.* Могильник эпохи бронзы Халвай III в Северном Казахстане. Астана: КазНИИК, 2015. 248 с.
53 *Шульга П.И., Демин М.А.* Курганы Сентелека. Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2021. 188 с.

REFERENCES

1 Akishev, K. A., Kushaev, G. A. 1963. *Drevnya kultura sakov i usuney doliny reki Ili (Ancient culture of the Saks and Usuns of the Ili River valley).* Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).
2 Artamonov, M. I. 1958. In: *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR (Materials and researches on Archaeology of USSR),* 63, 7–84 (in Russian).
3 Bokovenko, N. A., Zadneprovsky, Y.A. 1992. In: Moshkova, M. G. (ed.). *Stepnaya polosa Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya (Steppe strip of the Asian part of the USSR in the Scythian-Sarmatian time).* Moscow: “Nauka” Publ., 140–148 (in Russian).
4 Varfolomeev, V. V., Loman V. G., Evdokimov V. V. 2017. *Kent – gorod bronzovogo veka v tsentre kazahskih stepey (Kent is a Bronze Age city in the center of the Kazakh steppes).* Astana: KazNIIK (in Russian).
5 Vishnevskaya, O. A. 1973. *Kultura sakskih plemen nizoviev Syrdarii v VII–V vv. do n.e. (Culture of the Saka tribes of the lower reaches of the Syr Darya river region in the 7th–5th centuries BC).* Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
6 Gening, V. F., Zdanovich, G. B., Gening, V. V. 1992. *Sintashta. Arheologicheskie pamyatniki ariyskih plemyon Uralo-Kazahstanskih stepey (Sintashta. Archaeological monuments of the Aryan tribes of the Ural-Kazakh steppes).* Chelyabinsk: South Ural Publ. House (in Russian).
7 Grach, A. D. 1980. *Drevnie kochevniki v tsentre Azii (Ancient nomads in the center of Asia).* Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
8 Gryaznov, M. P. 1947. In *KSIIMK (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 18, 9–17 (in Russian).
9 Gryaznov, M. P. 1956. In *KSIIMK (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 61, 8–16 (in Russian).
10 Gryaznov, M. P. 1980. *Arzhan – tsarskiy kurgan ranneskifskogo vremeni (Arzhan. The Royal burial mound of the Early Scythian period)*. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).
11 Gutsal, A. F., Gutsal, V. A., Mogilov, A. D. 2012. In: Bissembaev, A. A. (ed.). *Kadyrbayevskiye chteniya–2012 (Kadyrbayev readings–2012)*. Aktobe, 141–147 (in Russian).
12 Epimakhov, A. V., Semyan, I. A. 2016. In: *Uralskiy istoricheskiy vestnik (Ural Historical Bulletin),* 4 (53), 78–85 (in Russian).
13 Epimakhov, A. V., Hanks, K., Renfrew, B. 2005. In: *Rossiyskaya arheologiya (Russian archaeology),* 4, 92–102 (in Russian).
14 Ermolaeva, A. S. 2012. *Pamyatniki predgornoy zony Kazahstanskogo Altaya (epoha bronzy i rannee zhelezo) (Monuments of the foothill zone of the Kazakh Altai (the Bronze Age and Early Iron)).* Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
15 Zakh, V. A. 1979. In: Aseev, I. V. (ed.). *Sibir v drevnosti (Siberia in antiquity*). Novosibirsk: “Nauka” Publ., 31–32 (in Russian).
16 Zdanovich, G. B. 1988. *Bronzovyi vek Uralo-Kazahstanskih stepey (The Bronze Age of the Ural-Kazakh steppes)*. Sverdlovsk: Ural State University (in Russian).
17 Zdanovich, G. B., Batanina, I. M. 1995. In: Zdanovich, G. B. (ed.), Ivanova, N. O. (compl.). *Arkaim: Issledovaniya. Poiski. Otkrytiya (Arkaim: Research. The search. Discoveries).* Chelyabinsk: “Kamennyi poyas” Publ., 54–62 (in Russian).

18 Ilyukov, L. S. 1991. In: *Istoriko-arkheologicheskiye issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 1990 godu. (Historical and archaeological research in the city of Azov and on the Lower Don in 1990)*. Azov: Azov Museum of Local History, 34–36 (in Russian).
19 Itina, M. A., Yablonsky, L. T. 1997. *Saki Nizhney Syrdarii (po materialam mogilnika Yuzhnyj Tagisken) Saki of the Lower Syrdarya (based on the materials of the Southern Tagisken burial ground*). Moscow: "Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya" Publ. (in Russian).
20 Kadyrbayev, M. K. 1966. In: Margulan, A. K., Akishev, A. K., Kadyrbayev, M. K., Orazbayev, A. M. *Drevnyaya kultura Tsentralnogo Kazakhstana (Ancient culture of Central Kazakhstan).* Alma-Ata: "Nauka" Publ., 303–433 (in Russian).
21 Kadyrbayev, M. K. 1974. In: Akishev, K. A. (ed.). *V glub vekov (In the depths of centuries).* Alma-Ata: "Nauka" Publ., 25–45 (in Russian).
22 Kiryushin, Y. F. 2002. *Eneolit i rannyaya bronza Zapadnoy Sibiri (Eneolite and early bronze of Western Siberia).* Barnaul: Altai University (in Russian).
23 Kiryushin, Y. F., Grushin, S. P., Tishkin, A. A. 2003. *Pogrebalnyi obryad naseleniya epohi ranney bronzy Verhnego Priobiya (po materialam gruntovogo mogilnika Teleutskiy Vzvoz I) (Funeral rite of the population of the Early Bronze Age of the Upper Ob river region (based on the materials of the Teleutsky Vozvoz I burial ground)*. Barnaul: Altai University (in Russian).
24 Kiryushin, Y. F., Tishkin, A. A. 1997. *Skifskaya epoha gornogo Altaya. Ch. I. Naselenie v ranneskifskoe vremya (The Scythian epoch of the Altai Mountains. Part I. Population in the Early Scythian period)*. Barnaul: Altai University (in Russian).
25 Kiselev, S. V. 1947. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient history)* 2, 157–172 (in Russian).
26 Krivtsova-Grakova, O. A. 1948. In *Trydy GIM (Proceedings of the State Historical Museum)* XVII, 59–172 (in Russian).
27 Kuznetsova, T. M. 1991. *Etyudy po skifskoy istorii (Etudes on Scythian history)*. Moscow: USSR Academy of Sciences (in Russian).
28 Kuptsov, E. A., 2019. In: Morgunova, N. L. (ed.). *Arheologicheskie pamyatniki Orenburzhiya (Archaeological sites of Orenburg region),* 14. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 150–159 (in Russian).
29 Kushaev, G. A. 1968. In: Kadyrbayev, M. K. (ed.). *Novoye v arkheologii Kazakhstana (New in archaeology of Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 135–145 (in Russian).
30 Margulan, A. K. 1999. *Begazy-dandybaevskaya kultura Tsentralnogo Kazahstana (Begazy-Dandybay culture of Central Kazakhstan).* Almaty: "Atamura" Publ. (in Russian).
31 Merpert, N. Y. 1962. In: *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR (Materials and researches on Archaeology of USSR),* 111, 7–21 (in Russian).
32 Merpert, N. Y. 1966. In *KSIA (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 108, 132–134 (in Russian).
33 Merts, I. V., Merts, V. K., Kushch, G. A., Tishkin, A. A., 2016. In: Tishkin, A. A., Semibratov, V. P. (eds.). *Sokhraneniye i izucheniye kulturnogo naslediya Altayskogo kraya (Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory)* XXII. Barnaul: Altay University, 163–170 (in Russian).
34 Molodin, V. I., Durakov, I. A. 2013. In *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, ethnography and anthropology of Eurasia)* 4 (56), 84–101 (in Russian).
35 Molodin, V. I., Epimakhov, A. V., Marchenko, J. V. 2014. In *Vestnik NGU (Bulletin of the Novosibirsk State University. Ser: History, philology. Vol. 13. Issue 3. Archaeology and ethnography),* 136–167 (in Russian).
36 Potemkina, T. M. 1985. *Bronzovyi vek lesostepnogo Pritoboliya (The Bronze Age of the forest-steppe region).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
37 Pshenichnyuk, A. K. 1983. *Kultura rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala Culture of the early nomads of the Southern Urals*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
38 Smirnov, K. F. 1964. *Savromaty: rannyaya istoriya i kultura sarmatov (Savromaty: the early history and culture of the Sarmatians)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
39 Tairov, A. D. 2007. *Kochevniki Uralo-Kazahstanskih stepey v VII–VI vv. do n.e. (Nomads of the Ural-Kazakh steppes in the 7th–6th centuries BC)*. Chelyabinsk: South Ural State University (in Russian).
40 Tairov, A. D. 2017. *Rannie kochevniki Zhaiyk-Irtyshskogo mezhdurech'ya v VIII–VI vv. do n.e. (Early nomads of the Zhaiyk-Irtysh interfluve in the 8th–6th centuries BC).* Astana: KazNIIK (in Russian).
41 Tkachev, V. V. 2007. *Stepi Yuzhnogo Priyraliya i Zapadnogo Kazahstana na rubezhe epoh sredney i pozdney bronzy (Steppes of the Southern Ural and Western Kazakhstan at the turn of the Middle and Late Bronze Ages)*. Aktobe: Aktobe Regional Center for History, Ethnography and Archaeology (in Russian).
42 Tkachev, V. V. 2020. In *Rossiyskaya arheologiya (Russian archaeology)* 2, 31–44 (in Russian).

43 Khabdulina, M. K. 1994. *Stepnoe Priishimie v epohu rannego zheleza (Steppe of the Ishim river region in the Early Iron Age)*. Almaty: “Gylym- Rakurs” Publ. (in Russian).
44 Chernikov, S. S. 1951. In *Izvestiya AN KazSSR (Izvestiya AN KazSSR. No. 108. Archaeological series. Issue 3),* 84–80 (in Russian).
45 Chernikov, S. S. 1960. *Vostochnyj Kazahstan v epohu bronzy (East Kazakhstan in the Bronze Age).* MIA, 88. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences (in Russian).
46 Chernikov, S. S. 1965. *Zagadka Zolotogo kurgana (The Riddle of the Golden Mound)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
47 Chernykh, E. N. 1966. In *KSIA (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 108, 123–131 (in Russian).
48 Chernykh, E. N. 1970. *Drevneyshaya metallurgiya Urala i Povolzhiya (Ancient metallurgy of the Urals and the Volga river region)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
49 Chernykh, E. N., Kuzminykh, S. V. 1989. *Drevnyaya metallurgiya Severnoy Evrazii (sejminsko-turbinskiy fenomen) (Ancient metallurgy of Northern Eurasia (Seiminsko-Turbinsky phenomenon))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
50 Chlenova, N. L. 1981. In *KSIA (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 161, 100–108 (in Russian).
51 Chlenova, N. L. 1992. In: *Stepnaya polosa Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya (Steppe strip of the Asian part of the USSR in the Scythian-Sarmatian time).* Moscow: “Nauka” Publ., 206–223 (in Russian).
52 Shevnina, I., Logvin, A. 2015. *Mogilnik epohi bronzy Halvay III v Severnom Kazahstane (Burial ground of the Bronze Age Khalvai III in Northern Kazakhstan)*. Astana: KazNIIK (in Russian).
53 Shulga, P. I., Demin, M. A. 2021. *Kurgany Senteleka (Mounds of Senteleks)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (in Russian).

About the Author
Alexander A. Tkachev – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Associate Professor, Tyumen Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Tyumen, Russia.
ORCID: 0000-0002-4072-2724 E-mail: sever626@mail.ru

Автор туралы мәліметтер
Александр Александрович Ткачев – тарих ғылымдарының докторы, жетекші ғылыми қызметкер, доцент, Ресей ғылым академиясының Сібір бөлімінің Тюмень ғылыми орталығы, Тюмень қ., Ресей.

Сведения об авторе
Александр Александрович Ткачев – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, доцент, Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, г. Тюмень, Россия

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 19.03.2024.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 08.04.2024.

Ерте темір дәуірі
Early Iron Age
Ранний железный век

УДК 902.2 (502.8)
МРНТИ 03.41.91
https://doi.org/10.52967/3007-6528.2024.1.155.163

Исследование могильника Ортенжал IV в 2023 г.

© 2024 г. Амиров Е.Ш., Умиткалиев Д.Б., Ахметов И.Д., Каримов А.М.

Keywords: *archaeology, early Iron Age, Ortenzhal IV burial ground, kurgan with «mustache», Central Kazakhstan, rescue archaeology, legislation*
Түйін сөздер: *археология, ерте темір дәуірі, Өртенжал IV қорымы, «мұртты» оба, Орталық Қазақстан, қорғау археологиясы, заңнама*
Ключевые слова: *археология, ранний железный век, могильник Ортенжал IV, курган с «усами», Центральный Казахстан, охранная археология, законодательство*

Y. Amirov[1]*, D. Umitkaliev[2], I. Akhmetov[2] and A. Karimov[3]
[1]Archaeological Research LLP, Karaganda, Kazakhstan
[2]Karaganda Buketov University, Karaganda, Kazakhstan
[3]School no. 30, Karaganda, Kazakhstan.
**corresponding author*

The study of the Ortenzhal IV burial ground in 2023

The article is devoted to the results of archaeological work at the destroyed Ortenzhal IV burial ground. This archaeological site is located in northeastern Saryarka, in the valley of the Shiderti River. A mound with a mustache, built in front of an older mound of the Saka period, was subjected to research. The main finds are represented by animal bones. During the work, the construction of the mounds was traced. The mound with a mustache was classified in accordance with the current classification structures. The study identified the source of risk for the safety of historical and cultural heritage sites. A way to eliminate it has also been proposed.
Citation: Amirov, Y., Umitkaliev, D., Akhmetov, I., Karimov, A. 2024. The study of the Ortenzhal IV burial ground in 2023. *Margulan readings–2024.* In 2 vol. Vol. 1. Pp. 155–163 (in Russian).

Е.Ш. Амиров[1]*, Д.Б. Үмітқалиев[2], И.Д. Ахметов[2], А.М. Каримов[3]
[1]«Археологиялық зерттеулер» ЖШС, Қарағанды қ., Қазақстан
[2]Академик Е.А. Бөкетов атындағы ҚарУ, Қарағанды қ., Қазақстан
[3]«№ 30 ЖББМ» КММ, Қарағанды қ., Қазақстан
**корреспондент авторы*

Өртенжал IV қорымының 2023 ж. зерттелуі

Мақала Шідерті өзенінің аңғарында, Солтүстік-Шығыс Сарыарқада орналасқан Өртенжал IV апатты қорымындағы археологиялық жұмыстардың нәтижелеріне арналған. Сақ дәуірі обасынан біршама уақыт бұрын пайда болған «мұртты» оба зерттелді. Бұл жерден негізінен жануарлардың сүйектері табылды. Жұмыс барысында оба үйінділерінің құрылысы бақыланды. «Мұртты» оба қазіргі өзекті жіктеу құрылымдарына

сәйкес жіктелді. Зерттеу барысында тарихи-мәдени мұра нысандарын сақтаудағы кедергілер анықталды және оны жою әдісі ұсынылды.
Сілтеме: Амиров Е.Ш., Үмітқалиев Д.Б., Ахметов И.Д., Каримов А.М. 2024. Өртенжал IV қорымының 2023 ж. зерттелуі. *Марғұлан оқулары–2024.* 2 том. 1-т. 155–163-бб. (Орысша).

Е.Ш. Амиров[1]*, Д.Б. Умиткалиев[2], И.Д. Ахметов[2], А.М. Каримов[3]
[1]ТОО «Археологические исследования», г. Караганды, Казахстан
[2] КарУ им. академика Е.А. Букетова, г. Караганды, Казахстан
[3]КГУ «ОШ № 30», г. Караганды, Казахстан
**автор-корреспондент*

Исследование могильника Ортенжал IV в 2023 г.

Статья посвящена результатам археологических работ на аварийном могильнике Ортенжал IV, распложенном в Северо-Восточной Сарыарке, в долине р. Шидерты. Исследованию был подвергнут курган с «усами», сооруженный перед более ранним курганом сакского времени. Основные находки представлены костями животных. В ходе работ была прослежена конструкция курганных насыпей. Курган с «усами» был атрибутирован в соответствии с актуальными на сегодняшний день классификационными построениями. В ходе исследования был установлен источник риска для сохранности объектов историко-культурного наследия и предложен способ его устранения.
Цитирование: Амиров Е.Ш., Умиткалиев Д.Б., Ахметов И.Д., Каримов А.М. 2024. Исследование могильника Ортенжал IV в 2023 г. *Маргулановские чтения–2024.* В 2-х т. Т. 1. С. 155–163.

Введение

В полевом сезоне 2023 г. экспедицией ТОО «Археологические исследования» были осуществлены археологические раскопки на могильнике Ортенжал IV (Осакаровский р-н, Карагандинская обл.). Памятник находится в 22 км к северо-востоку от п. Молодежный и в 2,5 км к северу от гидроузла № 9 канала им. К. Сатпаева (рис. 1) в исторической долине р. Шидерты. Работы были выполнены по заданию КГУ «Центр по сохранению историко-культурного наследия» Управления культуры, архивов и документации Карагандинской области.

К моменту начала научно-исследовательских работ значительная часть могильника находилась в аварийном состоянии. Это было обусловлено интенсивным антропогенным воздействием на окружающую территорию, выраженным распашкой земель. Некоторые курганы были полностью нивелированы в результате распашки.

Могильник Ортенжал IV был открыт в 1991 г. И.А. Кукушкиным [Кукушкин и др. 2013: 66]. Памятник представлял собой группу курганов, расположенную на вершине пологой возвышенности. По данным И.А. Кукушкина, могильник состоял из четырёх курганов с каменными насыпями:

Курган № 1, диаметр 18 м, высота 1,5 м.

Курган № 2, диаметр 5 м, высота 0,3 м. От него в восточном направлении отходят две дугообразные каменные выкладки длиной 50 м, на концах которых отмечены скопления камней.

Курган № 3, диаметр 2 м, высота 0,2 м.

Курган № 4, диаметр 6 м, высота 0,3 м.

К 2023 году курганы № 3 и 4 были утрачены в результате распашки. Сохранились только объекты № 1 и 2, представляющие собой комплекс кургана с «усами». В ходе работ объекты обозначены следующим образом: курган № 1 — это западный «большой» курган, а курган № 2 — это восточный «малый» курган.

Целью исследования были аварийно-спасательные работы на разрушающемся памятнике археологии. Исходя из этого были определены следующие задачи: полевые археологические раскопки кургана с «усами» могильника Ортенжал IV; трактовка и введение в научный оборот результатов исследования; определение источников рисков, приводящих памятники археологии в аварийное состояние.

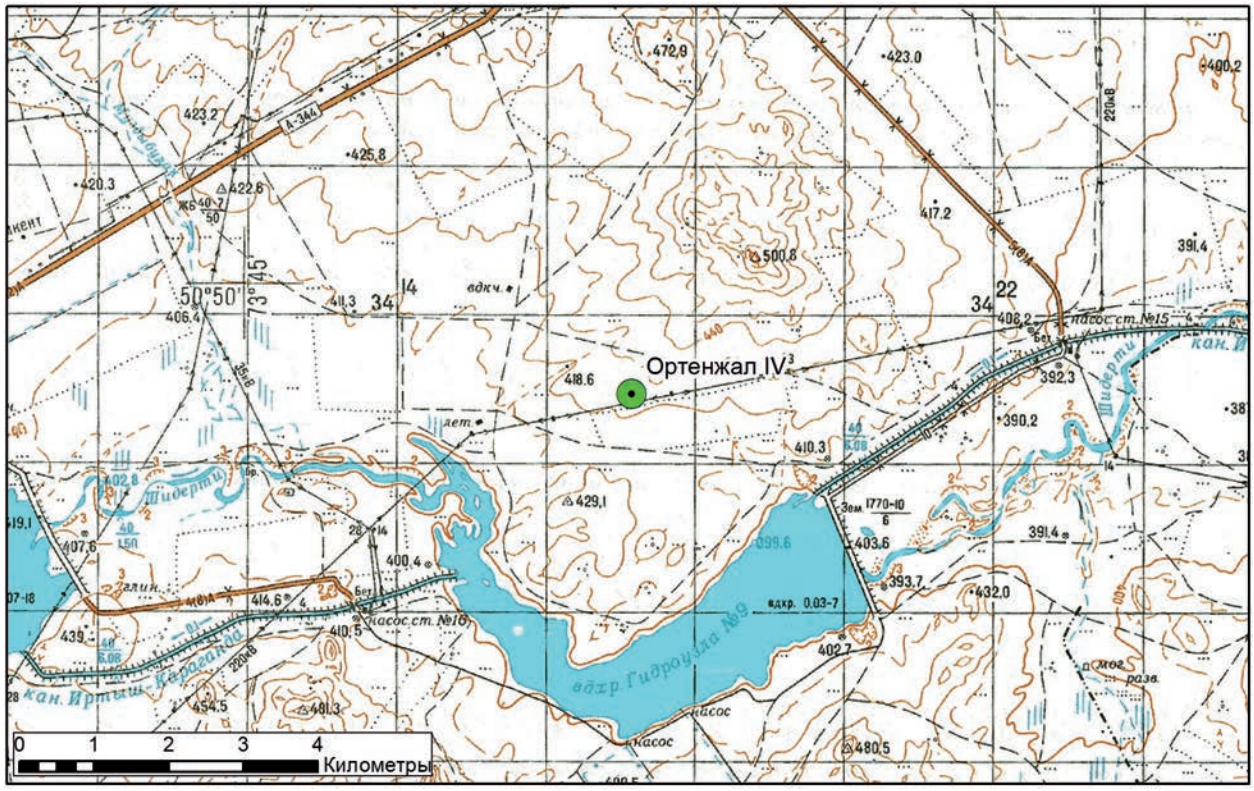


Рис. 1 Расположение могильника Ортенжал IV на топографической карте масштаба 1:100000.
Исполнитель: Д.Б. Үмітқалиев
1-сур. Өртенжал IV қорымының 1:100000 масштабты топографиялық картада орналасуы.
Орындаған: Д.Б. Үмітқалиев
Fig. 1. Location of the Ortenzhal IV burial ground on a 1:100,000 scale topographic map.
Performer: D. Umitkaliev

Методика исследования

Непосредственно полевым исследованиям на курганах предшествовали работы, направленные на ознакомление с территорией исследования, изучены топографические, археологические карты, космоснимки. Проработаны архивные сведения и упоминания памятника в археологической литературе. В ходе полевых археологических работ была проведена аэрофотосъёмка с использованием квадрокоптера, снят топографический план курганов, произведена нивелировка курганных насыпей и документация результатов раскопок.

Одной из задач раскопочных работ было проведение стратиграфических наблюдений для установления последовательности этапов возведения курганов. С этой целью был заложен общий раскоп для обоих курганов. Большой курган был разделён на четыре сектора с оставлением

поперечных бровок. Малый курган исследовался с оставлением одной бровки. Через оба кургана проходила одна общая бровка. Бровки после снятия насыпи были разобраны. Снос насыпи производился вручную, от центра шагом 20 см и горизонтальной зачисткой для выявления всех особенностей конструкции. При исследовании кургана велась инструментальная фиксация всех находящихся в насыпи объектов, особенностей конструкции и состава самой насыпи.

Описание материала

Высота большого кургана составляла 1,2 м при диаметре 12 м. Насыпь кургана каменно-земляная, в плане она имеет округлую форму. В профиль форма насыпи усечённо-коническая. Площадка на вершине кургана имеет слабовогнутую поверхность, наклоненную по направлению на ВЮВ. Диаметр площадки на вершине насыпи составляет 6 м.

Высота малого кургана составляла 0,6 м при диаметре 7,6 м. Курган каменный, в плане – округлый. Форма в профиль уплощенная. В центре насыпи фиксируется углубление диаметром 1,5 м.

Края обоих курганов смыкались друг с другом. Общая ось проходила по линии ЗЮЗ–ВЮВ. Грунт со склона большого кургана частично натёк на край малого. В направлении ЗСЗ–ВЮВ от курганов отходят каменные гряды. Длина северной – 60 м, на конце фиксируется каменная насыпь округлой формы диаметром 3,5 м. Длина южного «уса» составляет 77 м. Каменная насыпь на конце «уса» не сохранилась.

Большой курган. Углубление в центре насыпи придало профилю кургана М-образные очертания. Центральная часть в профиле представлена воронкой, заполненной гумусом и камнями. В разрезе воронки в гумусном заполнении отмечаются прямоугольные включения жёлтого суглинка, под которыми на глубине 0,69 м от поверхности было выявлено скопление костей животного.

Натёки грунта на склонах насыпи сделали курган более пологим и скрыли её первоначальную кромку. По стратиграфическим наблюдениям первоначальный диаметр насыпи составлял 11 м. Насыпь была сложена из камней и грунта. В двух местах фиксируются участки, заполненные только супесью без включения камней. В нижней части профиля фиксируется погребённая почва. Курган по контуру обрамлён рвом, из которого, по всей вероятности, брался грунт для возведения насыпи. Ширина рва составляет 1,4 м, глубина 0,2 м. Во рве также были встречены небольшие скопления костей.

После разбора стратиграфической бровки и проведения горизонтальной зачистки в центре кургана на уровне материкового слоя выявлены верхние контуры могильной ямы, форму которой можно определить как неправильный овал. Максимальная длина его осей в поперечнике составляет 2,1 × 1,8 м. Могила приобрела такую форму в результате ограбления, которое разрушило стенки погребальной камеры. Заполнение ямы представлено гумусированным грунтом и камнями, что также обусловлено ограблением кургана. В заполнении были встречены разрозненные кости.

Малый курган по своей структуре существенно отличается от большого. Он имеет уплощённую форму. При его возведении использовался только камень. Слой камней укладывался непосредственно на древнюю дневную поверхность. Промежутки между камнями заполнены гумусом, образовавшимся естественным путем за время существования кургана. Зачистка подкурганной площадки показала отсутствие могильной ямы. Под курганом был обнаружен фрагмент позвоночника животного, кости которого лежали в анатомическом порядке. По всей вероятности, это остатки жертвоприношения или тризны.

Результаты

Наблюдения, сделанные во время исследования кургана с «усами» Ортенжал IV, позволяют сделать следующие выводы. Первоначальные края курганов не соприкасались. Это не дало

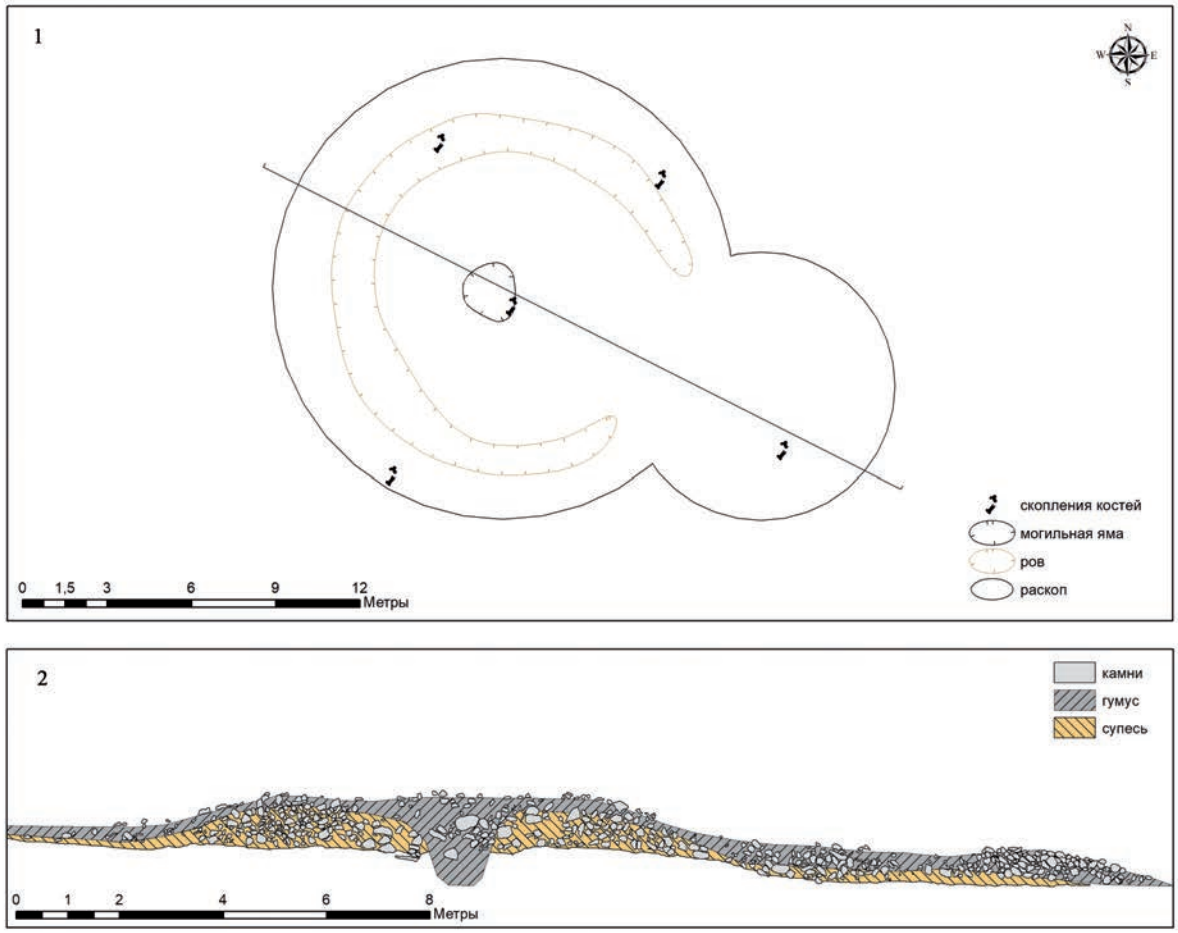


Рис. 2. Документация раскопа: *1* – план; *2* – профиль. Исполнитель: А.М. Каримов
2-сур. Қазба құжаттамасы: *1* – жоспар; *2* – профиль. Орындаған: А.М. Каримов
Fig. 2. Excavation documentation: *1* – plan; *2* – profile. Performer: A. Karimov

возможность подтвердить гипотезу о том, что один из курганов возведен поверх другого. Курганы «срослись» краями со временем, когда грунт со склона большого кургана начал сползать на край малого.

Как видно из описания, курганы отличались друг от друга не только размерами, но и по структуре. Большой курган содержал под насыпью достаточно крупную могильную яму. По его периметру был вырыт ров. При возведении насыпи ей была придана определённая форма с заданным углом склонов. Над древней дневной поверхностью отмечается прослойка мягкой супеси, которой, вероятно, была посыпана подкурганная площадка. Малый курган представляет собой гораздо более простую конструкцию. На древнюю дневную поверхность были уложены камни без связующего материала. Насыпь состояла из нескольких слоев камней. При этом малый курган не содержал под собой могильной ямы. Вопрос о хронологическом соотношении обоих курганов может быть решен посредством радиоуглеродного датирования костей, выявленных под насыпями. Однако опыт предшествующих исследований свидетельствует о более ранней дате большого кургана.

Обсуждение

Курган с «усами» могильника Ортенжал IV по классификации А.З. Бейсенова относится к типу 2А [Бейсенов 2017: 32]. Большой курган, расположенный западнее, по всей вероятности, является погребальным сооружением сакского времени. Малый курган, расположенный восточнее, является, по определению А.З. Бейсенова, центральным сооружением исследованного погребально-поминального комплекса. Между обоими курганами данного типа, как правило, имеется существенный хронологический разрыв.

По классификации, предложенной И.В. Грудочко, исследованный комплекс относится к типу Ic [Грудочко 2020: 47]. Малый курган, являющийся центральной насыпью, возведён перед курганом более раннего времени. Если рассматривать распределение курганов с «усами» по районам, предлагаемое исследователем, то курган с «усами» могильника Ортенжал IV соотносится с Экибастуз-Карагандинской провинцией Центрально-Казахстанской группы [Грудочко 2020: 39].

Выводы

Материалы исследования кургана с «усами» Ортенжал IV вписываются в существующие классификационные построения и позволяют дополнить базу данных по сооружениям этого типа

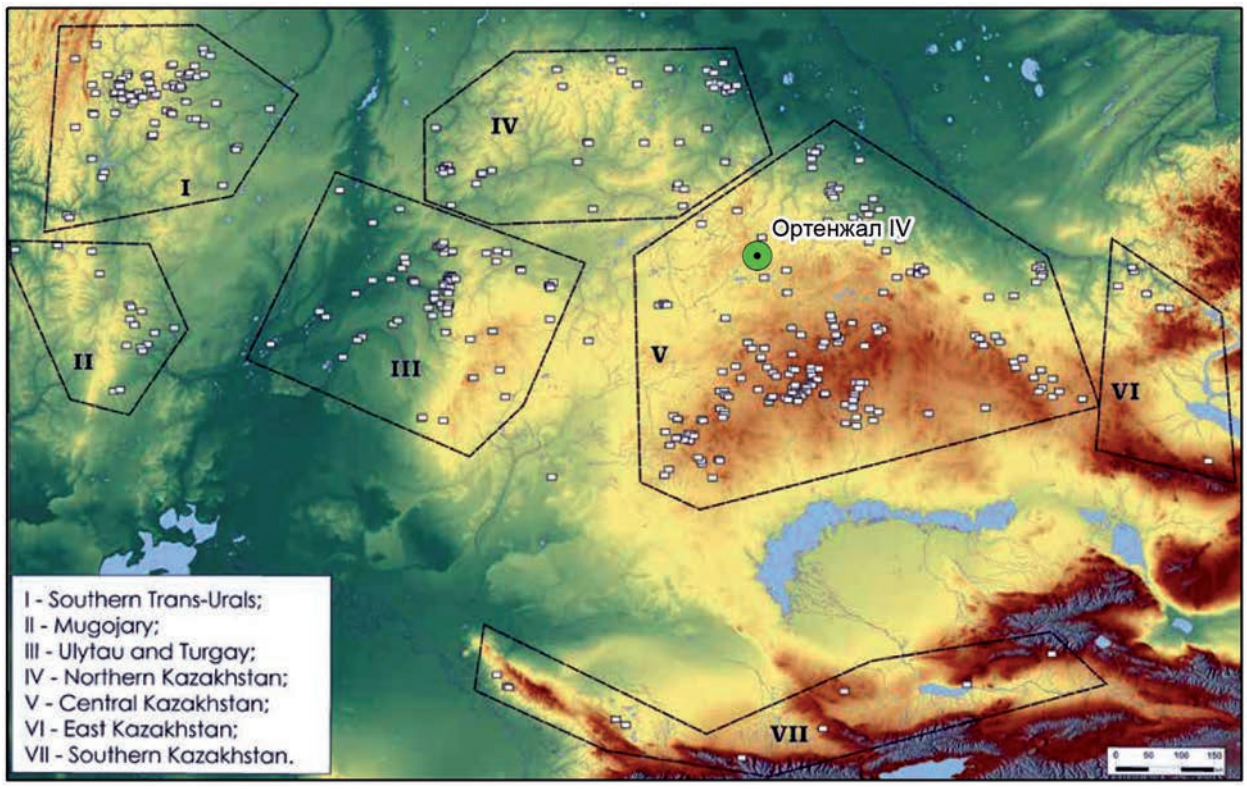


Рис. 3. Расположение могильника Ортенжал IV относительно районов распространения курганов с «усами», выделяемых И.В. Грудочко (по: [Грудочко 2020: 209])
3-сур. Өртенжал IV қорымының орналасқан жері. И.В. Грудочко бөліп көрсеткен «мұртты» обаның таралу аймақтары ([Грудочко 2020: 209] бойынша)
Fig. 3. Location of the Ortenzhal IV burial ground in relation to the areas of distribution of mounds with a mustache identified by I.V. Grudochko – after – Grudochko 2020: 209

в Северо-Восточной Сарыарке. Исследованный памятник представляет собой ординарный объект с минимальным количеством находок и полностью ограбленным погребением в раннем кургане, с которым он образует единый ансамбль. Работы, осуществленные на описываемом могильнике, носили охранно-спасательный характер, так как он на момент исследования находился в аварийном состоянии. В материалах Археологической карты Осакаровского района он описывается как могильник, насчитывающий четыре кургана. На момент исследования на нём фиксировались только две насыпи, составляющие курган с «усами». Остальные две насыпи были утрачены в ходе распашки территории памятника. Также от распашки очень сильно пострадали каменные гряды («усы»). На спутниковом снимке, датируемом 2012 г., «усы» четко выделяются, а на их концах хорошо просматриваются характерные круглые насыпи. В 2023 г. каменные гряды просматривались как беспорядочные скопления камней, частично повторяющие свой первоначальный контур. При этом насыпь на конце южного «уса» была полностью уничтожена (рис. 4).

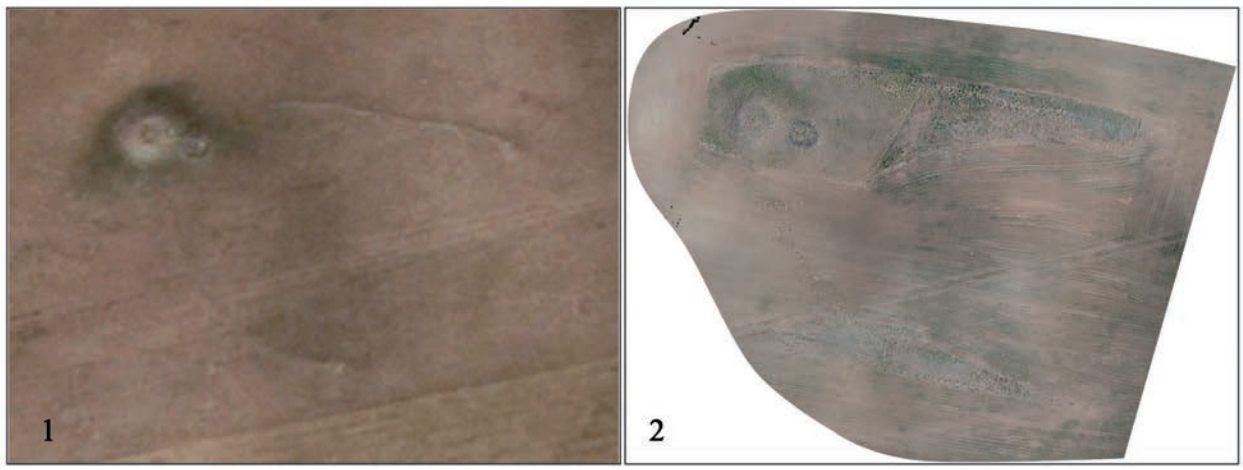


Рис. 4. Изменение состояния кургана с «усами» могильника Ортенжал IV:
1 – спутниковый снимок © Google 2012 г.; *2* – ортофотоплан 2023 г. Исполнитель: Д.Б. Умиткалиев

4-сур. Өртенжал IV қорымындағы «мұртты» обаның жағдайының өзгеруі:
1 – © Google спутниктік суреті, 2012 ж.; *2* – ортофотожоспар, 2023 ж. Орындаған: Д.Б. Үмітқалиев

Pic. 4. Changes in the condition of the mound with a mustache at the Ortenzhal IV burial ground:
1 – © Google satellite image from 2012; 2 – orthophoto plan from 2023. Performer: D. Umitkaliev

Археологические работы, осуществлённые на могильнике Ортенжал IV в 2023 г., актуализируют вопрос о совершенствовании некоторых аспектов действующего законодательства Республики Казахстан в сфере охраны памятников истории и культуры. Согласно статье 17 Закона Республики Казахстан «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия», собственникам и пользователям памятников истории и культуры предписывается обеспечение их сохранности и выдается охранное обязательство [Закон 2019], в котором фиксируются состояние памятников истории и культуры на момент оформления и условия их содержания [Приказ 2020]. Однако иначе обстоит дело с собственниками земельных участков и землепользователями, у которых на предоставленных землях расположены объекты историко-культурного наследия. С одной стороны, статья 26 указанного Закона предписывает обеспечение их сохранности, но в ней не предусмотрена выдача охранных обязательств. Этот момент затрудняет привлечение собственников

земельных участков и землепользователей к ответственности за повреждение и разрушение объектов историко-культурного наследия.

Пример могильника Ортенжал IV, включенного в Государственный список памятников истории и культуры местного значения Карагандинской области [Постановление 2020], ярко демонстрирует уязвимость объектов историко-культурного наследия. На этом фоне актуальна задача выявления подобного рода уязвимостей в законодательстве, нормативно-правовых актах или механизмах их реализации. Её выполнение требует налаженного канала коммуникаций между археологическим сообществом, государственными органами республиканского и регионального уровней, а также общественными организациями и активистами. Стоит отметить, что последние доказали свою состоятельность в вопросах сохранения объектов историко-культурного наследия в резонансной ситуации, сложившейся вокруг подвергавшихся угрозе уничтожения петроглифов Кызылтас в окрестностях г. Талдыкорган [Кудрет 2024].

ЛИТЕРАТУРА

1 *Бейсенов А.З.* Курганы с «усами» Центрального Казахстана // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Сб. науч. ст., посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. В 2-х т. Т. 2. / Отв. ред. А.З. Бейсенова, В.Г. Ломан. Алматы: ИА КН МОН РК; НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. С. 31–37.

2 *Грудочко И.В.* Курганы с «усами». Эпоха поздней древности и раннего средневековья урало-казахстанских степей (IV–VII вв. н.э.). Будапешт: Martin Opitz, 2020. 205 с.

3 Закон Республики Казахстан от 26 декабря 2019 года № 288-VI ЗРК «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия».

4 *Кудрет П.* 2024. Общественники выступили против переноса древних петроглифов с гор Кызылтас в музей. URL: https://informburo.kz/novosti/obshhestvenniki-vystupili-protiv-perenosa-drevnix-petroglifov-s-gor-kyzyltas-v-muzei (дата обращения: 20.03.2024).

5 *Кукушкин И.А., Тулеуов Т.С., Кукушкин А.И.* Археологическая карта Осакаровского района Карагандинской области. Караганда: Tengri Ltd, 2013. 137 с.

6 «Об утверждении Государственного списка памятников истории и культуры местного значения Карагандинской области». Постановление акимата Карагандинской области от 17 ноября 2020 года № 73/01. URL:https://adilet.zan.kz/rus/docs/V20K0006094/history (дата обращения: 20.03.2024).

7 «Об утверждении Правил выдачи охранных обязательств». Приказ Министра культуры и спорта Республики Казахстан от 2 апреля 2020 года № 78. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000020307 (дата обращения: 20.03.2024).

REFERENCES

1 Beisenov, A. Z. 2017. In: Beisenov, A. Z., Loman, V. G. (eds.). *Arheologicheskoe nasledie Tsentralnogo Kazahstana: izuchenie i sohranenie (Archaeological heritage of Central Kazakhstan: study and preservation)*. In 2 vol. Vol. 2. Almaty: Margulan Institute of Archaeology; Research Center for History and Archaeology “Begazy-Tasmola”, 31–37 (in Russian).

2 Grudochko, I. V. 2020. *Kurgany s «usami». Epoha pozdney drevnosti i rannego srednevekov’ya uralo-kazahstanskih stepey (IV–VII vv. n. e.) (Kurgans with ‘moustache’. The epoch of the late prehistory and Early Middle Ages of the Ural-Kazakhstan steppes (4th–7th AD)).* Budapesht: “Martin Opitz” Publ. (in Russian).

3 Law of the Republic of Kazakhstan dated December 26, 2019 No. 288-VI ZRK *Ob ohpane i ispol’zovanii ob”ektov istopiko-kul’tupnogo naslediya (On the protection and use of historical and cultural heritage sites)* (in Russian).

4 Kudret, P. 2024 *Obshchestvenniki vystupili protiv perenosa drevnih petroglifov s gor Kyzyltas v muzey (Social activists opposed the transfer of ancient petroglyphs from the Kyzyltas mountains to the museum)*. URL: https://informburo.kz/novosti/obshhestvenniki-vystupili-protiv-perenosa-drevnix-petroglifov-s-gor-kyzyltas-v-muzei (accessed 20.03.2024) (in Russian).

5 Kukushkin, I. A., Tuleuov, T. S., Kukushkin, A. I. 2013. *Arheologicheskaya karta Osakarovskogo rajona Karagandinskoy oblasti (Archaeological map of the Osakarovsky district of the Karaganda region).* Karaganda (in Russian).

6 Resolution of the Akimat of the Karaganda region dated November 17, 2020 No. 73/01 *Ob utverzhdenii Gosudarstvennogo spiska pamyatnikov istorii i kul’tury mestnogo znacheniya Karagandinskoj oblasti*

(On approval of the State List of Historical and Cultural Monuments of Local Significance of the Karaganda Region) (in Russian).
7 Order of the Minister of Culture and Sports of the Republic of Kazakhstan dated April 2, 2020 No. 78 *Ob utverzhdenii Pravil vydachi ohrannyh obyazatel'stv* (*On approval of the Rules for issuing protection obligations)* URL: https://informburo.kz/novosti/obshhestvenniki-vystupili-protiv-perenosa-drevnix-petroglifov-s-gor-kyzyltas-v-muzei (accessed 20.03.2024) (in Russian).

About the Authors
Yerlan Amirov – director, Archaeological Research LLP, Karaganda, Kazakhstan.
ORCID: 0000-0003-1058-4786 E-mail: e.amirov82@gmail.com
Damir Umitkaliev – lecturer, Karaganda Buketov University, Karaganda, Kazakhstan.
ORCID: 0009-0000-5012-1183 E-mail: umitkaliev.ksu@mail.ru
Ivan Akhmetov – master's student, Karaganda Buketov University, Karaganda, Kazakhstan.
ORCID: 0009-0001-7410-0026 E-mail: ivan.akhmetov98@gmail.com
Anvar Karimov – history teacher, School no. 30, Karaganda, Kazakhstan.
ORCID: 0009-0001-7763-3266 E-mail: anvarkarimov011001@gmail.com

Авторлар туралы мәліметтер
Ерлан Шарефович Амиров – директор, «Археологиялық зерттеулер» ЖШС, Қарағанды қ., Қазақстан
Дамир Берікұлы Үмітқалиев – оқытушы, академик Е.А. Бөкетов атындағы ҚарУ, Қарағанды қ., Қазақстан
Иван Дмитриевич Ахметов – магистрант, академик Е.А. Бөкетов атындағы ҚарУ, Қарағанды қ., Қазақстан
Анвар Мухтарович Каримов – тарих пәнінің мұғалімі, «№ 30 ЖББМ» КММ, Қарағанды қ., Қазақстан

Сведения об авторах
Ерлан Шарефович Амиров – директор, ТОО «Археологические исследования», г. Караганды, Казахстан
Дамир Берикулы Умиткалиев – преподаватель, КарГУ им. академика Е.А. Букетова, г. Караганды, Казахстан
Иван Дмитриевич Ахметов – магистрант, КарГУ им. академика Е.А. Букетова, г. Караганды, Казахстан
Анвар Мухтарович Каримов – учитель истории, КГУ «ОШ № 30», г. Караганды, Казахстан

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 08.04.2024.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 08.05.2024.
Авторлар жұмысқа бірдей үлес қосты. / Авторы внесли равноценный вклад в работу. / The authors have made an equal contribution to the work.

УДК 902.904
МРНТИ 03.41.91
https://doi.org/10.52967/3007-6528.2024.1.164.178

Результаты аварийно-спасательных работ на кургане Берёзовский в Северо-Казахстанской области

© 2024 г. Байтлеу Д.А., Ескендиров К.З., Кучеров П.Ю., Шульга В.А., Кучерова Т.А.

Keywords: *archaeology, Northern Kazakhstan, early Iron Age, kurgan*
Түйін сөздер: *археология, Солтүстік Қазақстан, ерте темір дәуірі, оба*
Ключевые слова: *археология, Северный Казахстан, ранний железный век, курган*

D. Baitileu[1], K. Yeskendirov[1], P. Kucherov[1], V. Shulga[1] and T. Kucherova[2]
[1]Margulan Institute of Archaeology, Astana, Almaty, Petropavlovsk, Kazakhstan
[2]Gymnasium "BEST", Petropavlovsk, Kazakhstan

Results of emergency rescue operations on the Beryozovsky kurgan in the North Kazakhstan region

The article presents the materials of field work obtained during the rescue (protection) measures on the kurgan of the early iron age Beryozovsky, which falls within the zone of residential buildings in the Solnechny-2 microdistrict (suburbs of Petropavlovsk). A full range of rescue (protection) works with photo- and drawing-graphic fixation of the monument, stratigraphy analysis, creation of a basis for orthophoto plan, obtaining samples for natural-scientific analyses were carried out at the site. The conducted research allowed to define new and verify the known information about the peculiarities of world outlook and funeral rituals of the nomadic population of the forest-steppe zone of Northern Kazakhstan during the Early Iron Age. The presented article introduces information on the structural features of the grave structure, burial chamber, as well as material finds discovered during archaeological excavations, which allowed to date the Beryozovsky kurgan to 4th–2nd centuries BCE.
Source of funding: The publication was carried out within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2023–2024, project IRN BR18574223.
Citation: Baitileu, D., Yeskendirov, K., Kucherov, P., Shulga, V., Kucherova, T. 2024. Results of emergency rescue operations on the Beryozovsky kurgan in the North Kazakhstan region. Margulan readings–2024. In 2 vol. Vol. 1. Pp. 164–178 (in Russian).

Д.А. Байтілеу[1], Қ.З. Ескендіров[1], П.Ю. Кучеров[1], В.А. Шульга[1], Т.А. Кучерова[2]
[1]Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Астана қ., Алматы қ., Петропавл қ., Қазақстан
[2]«БЭСТ» гимназиясы, Петропавл, Қазақстан

Солтүстік Қазақстан облысы Берёзовский обасындағы апаттық құтқару жұмыстарының нәтижелері

Мақалада Солнечный-2 ықшамауданының (Петропавл қаласының маңы) тұрғын үй құрылысы аймағында тұрған Берёзовский ерте темір дәуірінің обасында шұғыл құтқару шаралары барысында жүргізілген далалық жұмыстардың нәтижелері берілген. Нысанда толық кешенді құтқару жұмыстары жүргізілді, атап айтқанда, ескерткіш фотосуретке түсіріліп, сызбасы мен графикасы жасалды, стратиграфиясы талданды, ортофотожоспар үшін негіз жасалып, жаратылыстану-ғылымымен талдаулар жүргізу үшін үлгілер алынды. Зерттеулер ерте темір дәуіріндегі Солтүстік Қазақстанның орманды дала аймағы көшпелі тұрғындарының дүниетанымының және жерлеу рәсімдерінің ерекшеліктері туралы жаңа мәліметтерді анықтап білуге және белгілі мәліметтерді тексеруге мүмкіндік берді. Ғылыми айналымға жерлеу камерасының, қабір үсті құрылысының конструкциялық

ерекшеліктері, сонымен қатар Берёзовский обасын б.д.д. IV–II ғасырлармен мерзімдеуге мүмкіндік берген археологиялық қазбалар кезінде табылған заттай олжалар туралы мәліметтер енгізілді.
Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2024 жж. бағдарламалық-нысаналы қаржыландыруы шеңберінде, ЖТН BR18574223 жобасы аясында даярланды.
Сілтеме: Байтілеу Д.А., Ескендіров Қ.З., Кучеров П.Ю., Шульга В.А., Кучерова Т.А. 2024. Солтүстік Қазақстан облысы Берёзовский обасындағы апаттық құтқару жұмыстарының нәтижелері. *Марғұлан оқулары–2024.* 2 том. 1-т. 164-178-бб. (Орысша).

Д.А. Байтлеу[1], К.З. Ескендиров[1], П.Ю. Кучеров[1], В.А. Шульга[1], Т.А. Кучерова[2]
[1]Институт археологии имени А.Х. Маргулана, г. Астана, г. Алматы, г. Петропавловск, Казахстан
[2]Гимназия «БЭСТ», г. Петропавловск, Казахстан

Результаты аварийно-спасательных работ на кургане Берёзовский в Северо-Казахстанской области

В статье представлены результаты полевых исследований, полученных в ходе аварийно-спасательных (охранных) работ на кургане раннего железного века Берёзовский, попадающем в зону застройки жилых домов микрорайона Солнечный-2 (пригород г. Петропавловска). На объекте произведен полный комплекс аварийно-спасательных работ с фото- и чертежно-графической фиксацией памятника, анализом стратиграфии, созданием основы для ортофотоплана, получением проб для последующего проведения естественнонаучных анализов. Изыскания позволили определить новые и верифицировать известные сведения об особенностях мировоззрения и погребальной обрядности кочевого населения лесостепной зоны Северного Казахстана в период раннего железного века. В научный оборот вводится информация о конструктивных особенностях надмогильного сооружения, погребальной камеры, а также вещественные находки, обнаруженные в ходе археологических раскопок, которые позволили датировать курган Берёзовский IV–II вв. до н.э.
Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2024, ИРН проекта BR18574223.
Цитирование: Байтлеу Д.А., Ескендиров Қ.З., Кучеров П.Ю., Шульга В.А., Кучерова Т.А. 2024. Результаты аварийно-спасательных работ на кургане Берёзовский в Северо-Казахстанской области. *Маргулановские чтения–2024.* В 2-х т. Т. 1. С. 164–178.

Введение

В 2023 г. сотрудниками Института археологии имени А.Х. Маргулана (далее – Институт) проведены раскопки на памятнике истории и культуры местного значения – кургане Берёзовский (Кызылжарский р-н, СКО). Цель исследования: аварийно-спасательные (охранные) археологические работы на историко-культурном объекте местного значения, попадающем в зону застройки микрорайона в пригороде г. Петропавловска.

Курган Берёзовский впервые был обследован в 1952 г. сотрудниками Северо-Казахстанского областного музея под руководством А.И. Семенова [Семенов 1952]. Вторично – в 1956 г. под руководством К.А. Акишева. Кратие сведения о памятнике археологии отражены в Археологической карте Казахстана [АКК 1960: 34, *91*]. В 1988 г. курган Берёзовский обследовался разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта [Зайберт и др. 1989: 35].

Первые раскопочные работы на кургане проведены в конце 2022 г. сотрудниками Центра по охране и использованию историко-культурного наследия управления культуры, развития языков и архивного дела акимата СКО [Мамбеталинов, Баймусенов 2022]. В 2022 г. раскопана только насыпь кургана и выявлена часть пятна погребальной камеры (южная и восточная части). Исследование погребальной ямы произведено частично (до глубины 1,5 м) и отложено в связи с неблагоприятными погодными условиями и наступлением зимы, раскоп законсервирован.

В 2023 году Берёзовским отрядом Института по согласованию с КГУ «Центр по охране и использованию историко-культурного наследия управления культуры, развития языков и архивного дела акимата СКО» исследования кургана Берёзовский были продолжены. Проведена полная фиксация памятника: выполнены фото- и чертёжно-графические работы, анализ стратиграфии, создана основа для ортофотоплана (с применением БПЛА), выявлена и изучена погребальная камера, произведен отбор образцов для естественнонаучных анализов (палеопочвенных, радиоуглеродных, археозоологических, антропологических, химических и др.). После завершения раскопок произведена рекультивация объекта. Результаты проведённых полевых исследований представлены в настоящей статье.

Материалы исследований

Курган Берёзовский расположен в 800 м к северу от дорожного знака окончания границы г. Петропавловск и в 200 м к юго-востоку от автомобильной дороги КТ-50 (Петропавловск–Ташкентка–Барневка–Долматово), в 3,5 км к ЮЮЗ от с. Берёзовка, на территории застраиваемого микрорайона Солнечный-2. Географически объект локализован в 900 м к востоку от террасного правого берега р. Ишим, в равнинной части, на преобладающей высоте 135 м над уровнем моря. Исследуемый объект можно привязать к известному памятнику ранних кочевников – городищу Актау (подробно см.: [Хабдулина 1994: 31–45]), расположенному в 2 км к юго-западу от кургана Берёзовский (рис. 1).

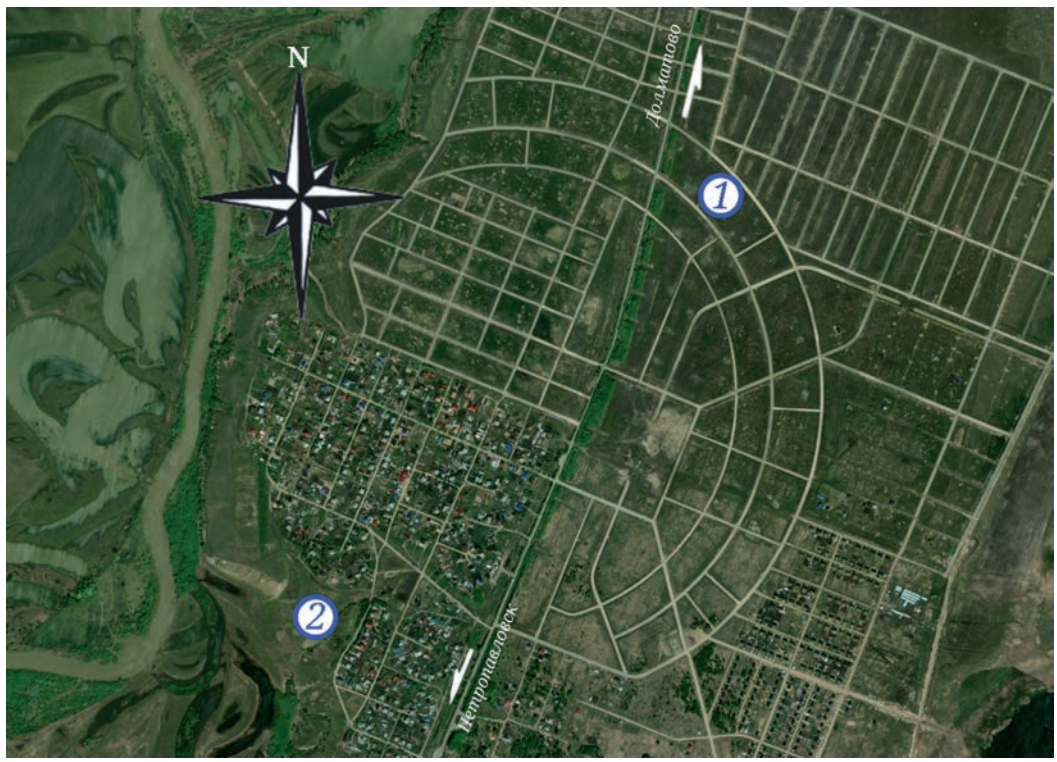


Рис. 1. Расположение кургана Берёзовский (1) и городища Актау (2). ©Google Maps.
Исполнитель: Д.А. Байтлеу
1-сур. Берёзовский обасы (1) мен Ақтау қаласының (2) орналасуы. ©Google Maps.
Орындаған: Д.А. Байтілеу
Fig. 1. Location of the Beryozovsky kurgan (1) and Aktau ancient settlement (2). ©Google Maps.
Performer: D. Baitileu

Территория, прилегающая к кургану с юга и юго-запада, поросла деревьями, тем самым образуя небольшую рощицу. Часть деревьев примыкают к объекту с южной стороны, перекрывая край внекурганной конструкции (рва). Курган представляет собой сильно задернованную грунтовую насыпь, частично изрытую, со множественными углублениями и западинами диаметром 0,5–3,0 м, глубиной до 1,0 м, в этой связи дневная поверхность и в целом конструкция насыпи не имеет чёткой формы (рис. 2).



Рис. 2. Курган Берёзовский. Северо-восточная экспозиция. Фото: Ж.О. Баймусенов
2-сур. Берёзовский обасы. Солтүстік-шығыс экспозициясы. Фотосурет: Ж.О. Баймүсеновтікі
Fig. 2. Beryozovsky kurgan. Northeast exposition. Photo: Zh. Baimusenov

Согласно данным обследования 1956 г., размеры кургана Берёзовский составляли 25 м в диаметре и 3,5 м в высоту [АКК 1960: 34, *91*]. На момент проведения раскопок фиксируемый диаметр насыпи составил 22 м, высота 2,4 м (рис. 3, *1*). Насыпь кургана возведена из чернозёма, в насыпи также фиксируются комки обожжённой глины, которые образуют прокалённые прослойки оранжевого цвета с вкраплениями древесных угольков. В южной половине кургана чётко прослеживается светлый супесчаный плотный слой, который возможно является выкидом из могильной ямы (рис. 3, *2*).

Согласно данных об исследованиях 2022 г. в центральной части подкурганной площадки, обнаружены части скелета копытных млекопитающих (возможно, две особи лошади). Скелеты были расположены выше на 0,2–0,4 м над могильным пятном по оси СЗ–ЮВ. Скелет одной особи (восточной) был уложен практически в анатомическом порядке головой на юго-запад (рис. 4), кости второй – располагались хаотично к западу от первой. Ниже костей фиксировались многочисленные остатки древесины плохой сохранности (подробно см. [Мамбеталинов, Баймусенов, 2023: 8, 20–22, фото 12–16]).

Как отмечено ранее, на объекте фиксируется внекурганная конструкция, представленная в виде круглого кольцевого рва, опоясывающего насыпь. Внешний диаметр рва, который на

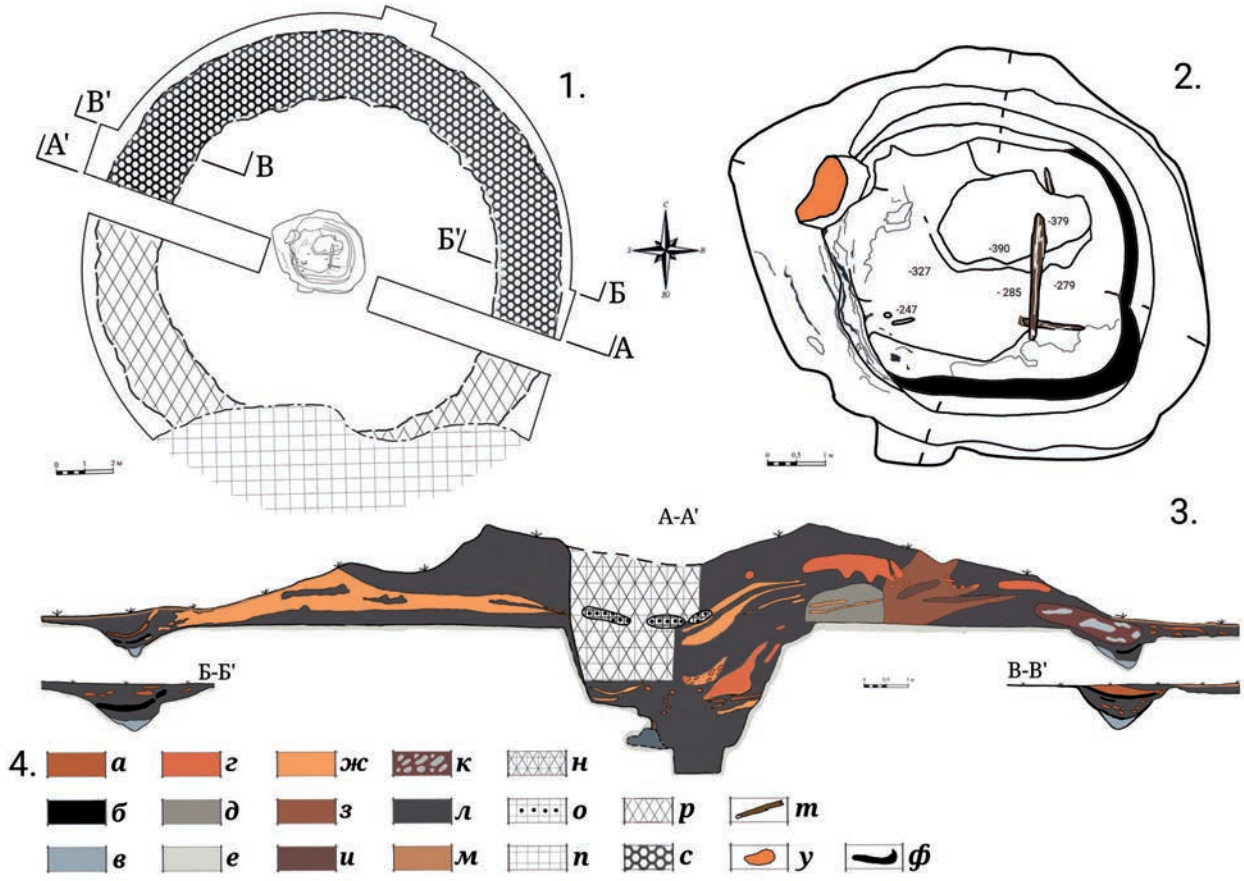


Рис. 3. Курган Берёзовский. 1 – план; 2 – план погребальной камеры; 3 – профиль бровки и рва; 4 – условные обозначения: а) глина пластичная, темно-оранжевая; б) сажистая (угольная) прослойка; в) суглинок серый, плотный; г) прокалённый слой с вкраплениями обожжённой глины и угольков древесины; д) супесь светлая; е) глина плотная, серая (материк); ж) супесь светлая; з) темно-серый прокопчённый слой с редкими включениями угольков; и) супесь комковатая, светлая; к) глина светлая с известковыми включениями; л) гумус светлый; м) дёрн; н) границы раскопа 2022 г.; о) кости копытного млекопитающего (лошади); п) границы раскопа, заросшие лесом; р) границы рва (раскоп 2022 г.); с) границы рва (раскоп 2023 г.); т) остатки деревянных брусков; у) прокалённый слой с комками обожжённой глины; ф) границы могильного пятна. Исполнители: К.З. Ескендиров, П.Ю. Кучеров, З.Р. Каримбаева

3-сур. Берёзовский обасы: 1 – жоспар; 2 – жерлеу камерасының жоспары; 3 – жиегі мен шұңқырдың профилі; 4 – шартты белгілер: а) иілімді саз, қою қызғылт сары; б) күйе (көмір) қабаты; в) сұр, тығыз саздақ; г) күйдірілген саз және ағаш көмірі араласқан күйген қабат; д) ақшыл құмдақ; е) сұр, тығыз саз (материк); ж) ақшыл құмдақ; з) көмірдің сирек қосындылары бар қара сұр ысталған қабат; и) түйіршікті ақшыл құмдақ; к) әк қосындылары бар ақшыл саз; л) ақшыл қарашірік; м) шым; н) 2022 ж. қазба шекарасы; о) тұяқты сүтқоректілердің сүйектері (жылқылар); п) ағаш өскен қазбаның шекарасы; р) шұңқырдың шекарасы (2022 ж. қазба); с) шұңқырдың шекарасы (2023 ж. қазба); т) ағаш қалдықтары; у) күйдірілген саз кесектері бар қыздырылған қабат; ф) қабір шекарасы. Орындағандар: Қ.З. Ескендіров, П.Ю. Кучеров, З.Р. Кәрімбаева

Fig. 3. Beryozovsky kurgan: 1 – plan; 2 – plan of the burial chamber; 3 – profile of the baulk and ditch; 4 – Symbols: a) plastic clay, dark orange; б) sooty (coal) layer; в) gray loam, dense; г) calcined layer with inclusions of burnt clay and wood coals; д) light loam; e) dense clay, gray (mainland); ж) light loam; з) dark gray calcined layer with rare inclusions of coals; и) lumpy loam, light; к) light-colored clay with lime inclusions; л) light humus; м) turf; н) boundaries of excavation 2022; o) bones of an ungulate mammal (horse); п) boundaries of the excavation overgrown with forest; p) boundaries of the ditch (excavation 2022); c) boundaries of the ditch (excavation 2023); т) remains of wooden bars; y) calcified layer with lumps of burnt clay; ф) boundaries of the grave spot. Executors: K. Yeskendirov, P. Kucherov, Z. Karimbaeva

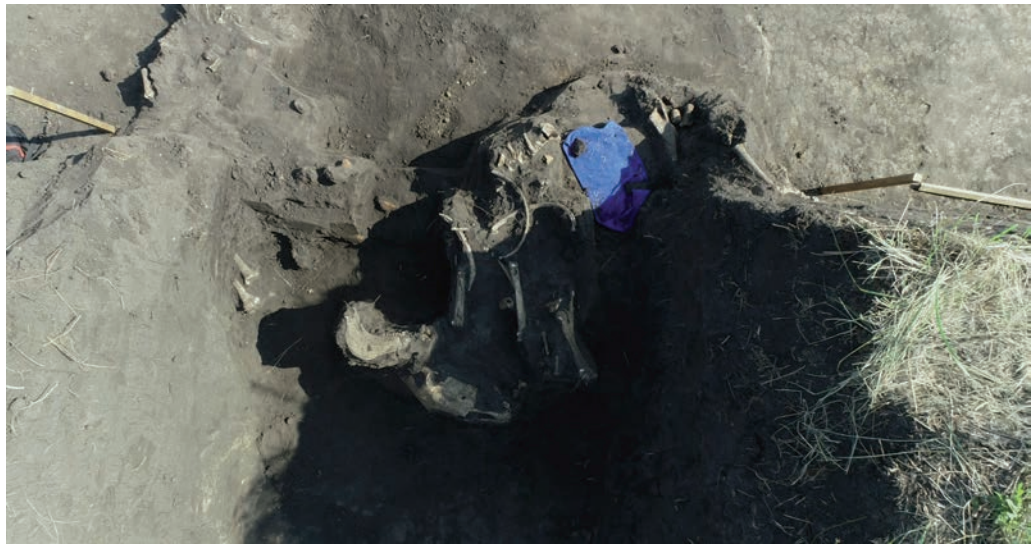


Рис. 4. Курган Берёзовский. Раскоп 2022 г. Скелет копытного млекопитающего (лошади). Фото: Ж.О. Баймусенов
4-сур. Берёзовский обасы. 2022 ж. қазба. Тұяқты сүтқоректінің (жылқылар) қаңқасы. Фотосурет: Ж.О. Баймүсеновтікі
Fig. 4. Beryozovsky kurgan. Excavation of 2022. Skeleton of an ungulate mammal (horse). Photo: Zh. Baimusenov

дневной поверхности прослеживается плохо, составил 26 м. Ширина рва варьируется от 0,5 до 2,0–2,2 м, глубина в пределах 1,0–1,2 м. Ров заполнен светло-серым гумусом. Вместе с тем, в ходе изучения заполнения рва в северной половине объекта зафиксированы два последовательных слоя обожжённой и пластичной глины и тёмной зольной (угольной) прослойки. Дно рва заполнено серым, суглинистым слоем (рис. 5, *1, 2*). Выкид из рва, возможно, использовался для возведения насыпи.

Контур погребальной камеры в восточной и южной частях подкурганной площадки недостаточно чёткий, лишь северная и западная граница ямы прослеживаются ясно. Пятно могильной ямы (4,5 × 5,0 м) подквадратное в плане, ориентировано углами по сторонам света. Чёткие границы погребальной камеры зафиксированы на глубине 1,6 м (рис. 6, *1*).

В северной части ямы и центральной части подкурганной площадки фиксируется неоднородный грунт, а также интенсивный слой и комки глины, подвергнутые воздействию огня (рис. 7), с многочисленными остатками угольков, золы и ошлакованного грунта. Обожжённая комковатая глина спускается до глубины 2,6 м вдоль северной стенки погребальной камеры. Характер описываемого слоя установить сложно, но можно предположить, что он может являться свидетельством проявления культа огня, когда на объекте разводился костёр, а после сбрасывался в могильную яму. Подобная традиция зафиксирована в кургане № 13 мог. Амангельды (Есильский р-н, СКО) [Хабдулина 1987: 18]. Не исключено, что остатки описываемого слоя могут иметь позднее происхождение и возможно связаны с забутовкой грабительского лаза.

Судя по стратиграфии, погребальная камера подвергалась многократному ограблению. В северной половине насыпи от дневной поверхности до материкового слоя фиксируются наклонные неоднородные тёмно-серые, прокопчённые слои с включением угольков, диаметр слоя в горизонтальном сечении доходит до 1,0 м. Данные слои в северной части насыпи упираются в материковый слой, в центральной части насыпи прослеживаются вплоть до дна погребальной камеры, т. е. до глубины 4,5 м. Наличие культурных остатков (в виде строительного и иного мусора) XX в. в погребальной яме указывает на ограбление и в современный период.



Рис. 5. Курган Берёзовский. Стратиграфия внекурганной конструкции – рва:
1 – профиль рва в северо-западной части: А – дно рва, ранний (первый) строительный горизонт;
Б – второй строительный горизонт, обмазанный глиной и подвергнутый термическому воздействию;
В – третий строительный горизонт с зольной прослойкой; *2* – профиль рва в юго-восточной части.
Фото: Д.А. Байтлеу

5-сур. Берёзовский обасы. Обадан тыс құрылымның стратиграфиясы:
1 – солтүстік-батыс бөліктегі шұңқырдың профилі: А – шұңқыр түбі, алғашқы (бірінші) құрылыс горизонты;
Б – балшықпен қапталған және күйдірілген екінші құрылыс горизонты;
В – күлді қабаты бар үшінші құрылыс горизонты; 2 – оңтүстік-шығыс бөліктегі шұңқырдың профилі.
Фотосурет: Д.А. Байтілеудікі

Fig. 5. Beryozovsky kurgan. Stratigraphy of the extra-kurgan construction – ditch:
1 – ditch profile in the north-western part: A – ditch bottom, early (first) building horizon;
Б – second building horizon, covered with clay and subjected to thermal influence;
В – third building horizon with ash layer; *2* – profile of the ditch in the south-eastern part.
Photo: D. Baitileu



Рис. 6. Курган Берёзовский. 1 – план погребальной камеры;
2 – план погребальной камеры с обозначением возможных границ могильных ям:
А – предполагаемые границы первой (ранней) погребальной камеры;
Б – предполагаемые границы второй (поздней) погребальной камеры.
Фото: Д.А. Байтлеу

6-сур. Берёзовский обасы. 1 – жерлеу камерасының жоспары;
2 – мүмкіндігінше жерлеу шұңқыры шекаралары көрсетілген жерлеу камерасының жоспары:
А – бірінші (ерте) жерлеу камерасының болжамды шекаралары;
Б – екінші (кейінгі) жерлеу камерасының болжамды шекаралары.
Фотосурет: Д.А. Байтілеудікі

Fig. 6. Beryozovsky kurgan. 1 – plan of the burial chamber;
2 – plan of the burial chamber with the designation of possible boundaries of the grave pits:
A – presumed boundaries of the first (early) burial chamber;
Б – presumed boundaries of the second (late) burial chamber.
Photo: D. Baitileu



Рис. 7. Курган Берёзовский. Слой глины, подвергнутый воздействию огня. Фото: Д.А. Байтлеу
7-сур. Берёзовский обасы. Отқа күйдірілген саз қабаты. Фотосурет: Д.А. Байтілеудікі
Fig. 7. Beryozovsky kurgan. A layer of clay exposed to fire. Photo: D. Baitileu

В юго-восточной части могильной ямы на глубине 2,0 м выявлена часть деревянной конструкции, которая представлена остатками двух перпендикулярно расположенных брусков дерева. Конец одного бруска спускается к центру ямы до глубины 3,6 м. Вполне возможно, что остатки дерева являются частью продольного настила деревяного перекрытия погребальной камеры, либо же частью деревянной обшивки стен. Конструкция, видимо, была разрушена в ходе грабительских действий. В целом, дно могильной ямы зафиксировать не удалось вследствие многочисленных перекопов грабителями до глубины от 3,8 до 4,5 м. Из культурных остатков обнаружено четыре бронзовых наконечника стрел, зафиксированных в северной и восточной частях погребальной камеры, в районе расположения предполагаемых грабительских лазов. Два наконечника обнаружено на глубине 1,8–2,2 м, два других – на глубине 2,3–2,4 м.

Первый* (*Нумерация на рис. 8 совпадает с описанием в тексте) наконечник миниатюрный, трёхгранный, с внутренней, скрытой втулкой, с шипами, в сравнении с другими обнаруженными наконечниками изготовлен более изящно (рис. 8, *1*). Внутри втулки зафиксирован фрагмент древка стрелы. Длина наконечника – 1,7 см, диаметр втулки – 0,3 см. Обнаружен на глубине 1,8 м у северной стенки ямы. Анализ состава наконечника пока не произведён, но сплав, вероятно, более качественный, так как он слабо окислен и хорошей сохранности.

Второй наконечник трёхлопастной, с треугольной боевой головкой и внутренней, скрытой втулкой, с опущенными вниз шипами (рис. 8, *2*), хорошей сохранности. Длина наконечника – 3,1 см, диаметр втулки – 0,4 см. В центральной части наконечника фиксируется сквозное отверстие, образованное вследствие коррозии металла. Обнаружен в 0,6 м к юго-западу от первого наконечника на глубине 2,1 м.

Третий наконечник трёхлопастной, со сводчатой боевой головкой и внутренней, скрытой втулкой, с опущенными вниз лопастями (рис. 8, *3*). Длина наконечника – 2,5 см, диаметр втулки

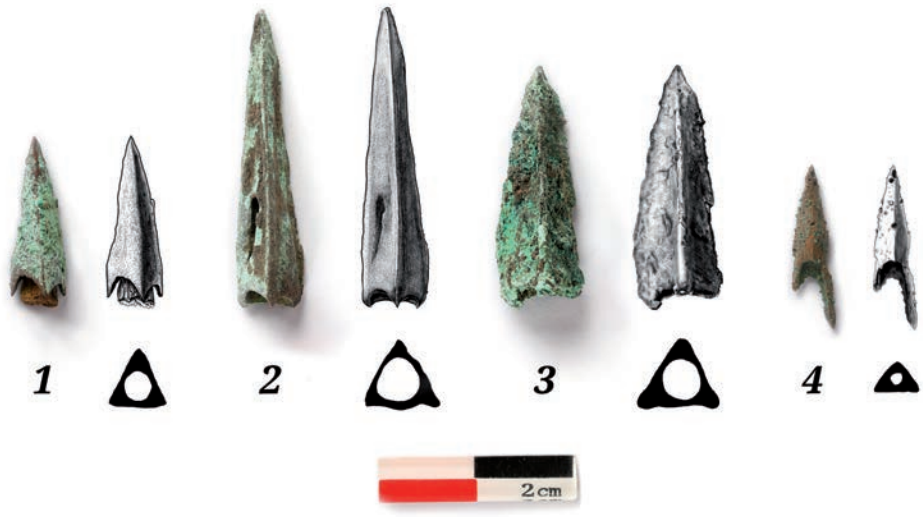


Рис. 8. Курган Берёзовский. Наконечники стрел (фото и графика).
Фото: А.М. Каирмагамбетов; графика: Д.А. Байтлеу

8-сур. Берёзовский обасы. Жебе ұштары (фотосурет және графика).
Фотосурет: А.М. Қайырмағамбетовтікі; графикасы: Д.А. Байтілеудікі

Fig. 8. Beryozovsky kurgan. Arrowheads (photo and drawing).
Photo: A. Kairmagambetov; drawing: D. Baitileu

– 0,4 см. Наконечник изготовлен грубо, плохой сохранности и сильно коррозирован. Обнаружен в восточной части ямы на глубине 2,3 м.

Четвертый наконечник, очень плохой сохранности (рис. 8, *4*). Обнаружена лишь часть треугольной боевой головки. Вполне возможно, что данный наконечник втульчатый. В целом, определить его тип достаточно сложно. Наконечник обнаружен в 0,7 м к югу от третьего наконечника на глубине 2,4 м.

В западной части ямы на глубине 1,3 м обнаружена бронзовая пластина прямоугольной формы, характер которой определить не удалось. Размеры пластины 3,1 × 2,3 × 0,05 см. Антропологический материал представлен лишь одной лучевой костью и позвонком. Кости обнаружены в западной части, у стенки ямы, на глубине 2,4–2,5 м. Антропологический материал передан для проведения соответствующих анализов.

Обсуждение и выводы

Несмотря на многочисленные повреждения объекта – насыпи, подкурганного пространства, а также погребальной камеры и частично внекурганной конструкции – рва, нужно отметить, что курган Берёзовский имеет достаточно сложную структуру (рис. 9).

Судя по сохранившимся размерам насыпи, исследуемый нами объект можно отнести к категории средних, но акцентируя внимание на ранние сведения о размерах исследуемого нами памятника, можно заметить тенденцию уменьшения объёма насыпи в течение определённого времени. Таким образом, полагаем, что курган Берёзовский всё же необходимо отнести к категории крупных. В пользу данного суждения также говорит и уменьшение его размеров вследствие интенсивного разрушения насыпи, а также наличия внекурганной конструкции – рва, диаметр которого значительно больше сохранившейся насыпи кургана.



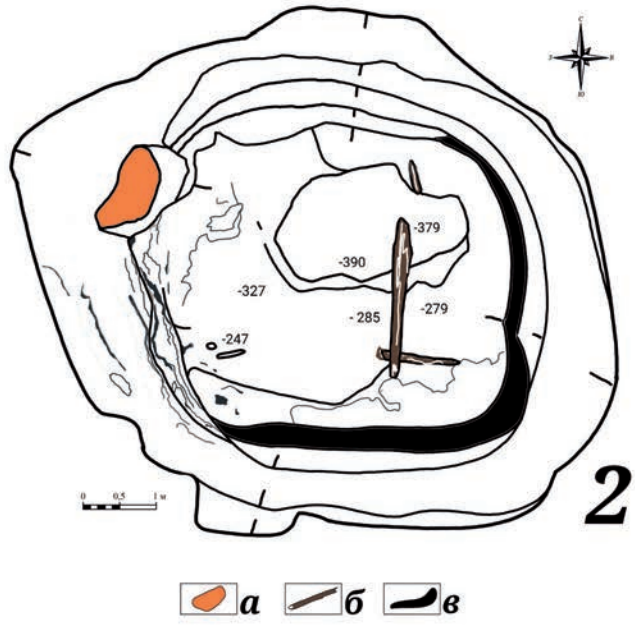


Рис. 9. Курган Берёзовский. 1 – погребальная камеры после расчистки;
2 – погребальная камера: а) остатки деревяных брусков;
б) прокалённый слой с комками обожжённой глины; в) границы могильного пятна.
Фото: Д.А. Байтлеу, художник: З.Р. Каримбаева

9-сур. Берёзовский обасы. 1 – тазартудан кейінгі жерлеу камерасы;
2 – жерлеу камерасы: а) ағаш қалдықтары;
б) күйдірілген саз кесектері бар қыздырылған қабат; в) қабір шекарасы.
Фотосурет: Д.А. Байтілеудікі, суретші: З.Р. Кәрімбаева

Fig. 9. Beryozovsky kurgan: 1 – burial chamber after clearing;
2 – burial chamber: a) remains of wooden bars;
б) calcined layer with lumps of burnt clay; в) borders of the burial spot.
Photo: D. Baitileu, artist: Z. Karimbayeva

Можно предположить, что ров неоднократно подновлялся. В целом, было зафиксировано два явных (рис. 5, *1–2*) и один предположительный строительные горизонты. Первый, самый ранний горизонт залегает на глубине 1–1,2 м. Со временем, после занесения раннего рва грунтом, он, вероятно, был подновлён или поверх него был сооружен новый ров. Таким образом, выкопан второй (поздний) горизонт рва на глубине 0,6–0,8 м. Данный строительный горизонт был частично обмазан глиной и, возможно, в последующем подвергнут термическому воздействию. Третий, предположительно самый поздний строительный горизонт зафиксирован на глубине 0,3–0,4 м. Он прослеживается не слишком чётко, но в то же время можно заметить сильную зольную прослойку над данным строительным горизонтом, что указывает на использование кострового воздействия на данной глубине во рве. Названные особенности могут указывать на наличие культа огня в погребальном обряде кургана Берёзовский. Схожие особенности зафиксированы также в кург. № 6 мог. Берлик, отличием является лишь южное расположение канавок, подвергнутых огню. В кург. № 6 мог. Берлик огонь разводился в специальной канавке глубиной 0,5 м, шириной около 1,0 м, дугообразно охватывающей с юга деревянную надмогильную конструкцию [Хабдулина 1987: 18].

Судя по частым находкам фрагментов дерева в центральной части подкурганной площадки, а также множественных остеологических остатков, частей скелета двух копытных, располагающихся над слоем с многочисленными остатками древесины (раскопки 2022 г.), можно предположить, что под насыпью кургана сооружалась конструкция из дерева, которая затем была разрушена и в последующем здесь уложены лошади. Подкурганные надмогильные сооружения достаточно распространены в материалах из памятников ранних кочевников Северного Казахстана. Например, постройка шатровой формы исследована под насыпью кург. № 6 мог. Берлик в Сергеевском микрорайоне (р-н Шал Акын, СКО). Объекты с подкурганными надмогильными сооружениями датируются IV–II вв. до н.э. [Хабдулина 1987: 13].

Обнаружение скелетов копытных на подкурганной площадке кургана Берёзовский, также характерно для погребального обряда кочевников IV–II вв. до н.э., которые фиксируются в курганах крупных и средних размеров в виде хаотичных набросов костей, преимущественно костей лошади [Хабдулина 1987: 24].

Несмотря на то, что погребальная камера подверглась многократному ограблению (рис. 9, *1, 2*) – в ней зафиксированы забутованные остатки вертикальных и наклонных грабительских лазов – анализ формы и границ погребальной камеры, а также стратиграфия насыпи и глубина залегания разнотипных культурных остатков (в частности, наконечников стрел) позволяет предположить, что мы имеем дело с двумя погребальными камерами, сооружёнными в разное время.

Первая (ранняя) погребальная камера в плане ближе к подквадратной форме, ориентирована по линии З–В, размеры составляют около 3,0 × 3,2 м (рис. 6, *2, А*). Точную глубину описываемой ямы определить сложно в связи с тем, что она, возможно, была разрушена вследствие сооружения второй погребальной камеры, которая перекрывает её более чем на ¾ части. Судя по частично сохранившимся западной и северной стенке ранней погребальной камеры, глубина ранней ямы возможно была не столь большой, в пределах 0,6–0,8 м. Также можно предположить, что возможные остатки подкурганного надмогильного сооружения относятся именно к ранней погребальной камере. Вторая (поздняя) погребальная камера в плане подпрямоугольной формы (рис. 6, *2, Б*), ориентирована по линии СЗ–ЮВ, приблизительные размеры её составляют около 3,0 × 4,0 м, глубина могла достигать 3,8 м. Скелеты лошадей, уложенных поверх остатков подкурганного надмогильного сооружения раннего периода, видимо, необходимо отнести к поздней погребальной камере.

Несмотря на то, что случаи повторных захоронений или возведения нового объекта на месте раннего погребального сооружения в пределах одного хронологического периода достаточно редки для Северного Казахстана, но всё же имеются прецеденты, которые зафиксированы на

курганах Кара-Оба и Обалы (р-н Шал Акын, СКО). Здесь зафиксированы случаи, когда поверх ранних сооружений были возведены курганы раннего железного века [Зданович и др. 1984: 38–40]. В контексте известных сведений не стоит полностью отвергать предположение о наличии двух строительных горизонтов кургана Берёзовский, тем более что данную гипотезу опосредовано подтверждает наличие двух и более строительных горизонтов во внекурганной конструкции – кольцевом рве, остатков древесины (разрушенного подкурганного надмогильного сооружения), расположенные ниже (установленные раньше?) остеологических остатков.

В пользу предположения о повторном захоронении также опосредовано указывают культурные остатки разных хронологических периодов. Первый и второй наконечники с внутренней втулкой, треугольной головкой и опущенными вниз шипами в III в. до н.э. приобретают правильные геометрически очертания и имеют широкое распространение на юге Западной Сибири (см. тип XIII по С. Ю. Гуцалову [Гуцалов 2004: 21; 54, табл. 12]). Таким образом, первый и второй наконечники датируются нами III в. до н.э. Вместе с тем мы допускаем, что миниатюрный (первый) наконечник стрелы из кургана Берёзовский может относиться и к периоду до II в. до н.э., но не позднее.

Третий наконечник из кургана Берёзовский относится к достаточно распространенному типу наконечников (см. тип Г (IV в. до н.э.) по К.Ф. Смирнову [Смирнов 1961: 165, табл. III, *63–68*]), который появляется в VI в. до н.э., редко, но встречается в колчанах IV–II вв. до н.э. и чаще всего такие наконечники грубо обработаны [Смирнов 1961: 50]. Аналогии третьему наконечнику можно найти в материалах близкорасположенного памятника – городища Актау [Хабдулина 1994: 71]. Третий наконечник можно отнести к типу 2 металлических наконечников стрел из памятников раннего железного века Северного Казахстана, который выделен М.К. Хабдуллиной и датирован IV–III вв. до н.э. [Хабдулина 1993: 26 рис. 1, *17*; 28].

Заключение

Курган раннего железного века Берёзовский является достаточно интересным памятником историко-культурного наследия, а сведения, полученные в ходе его исследования, позволили дополнить ряд данных о погребальном обряде и мировоззрении населения лесостепной зоны Северного Казахстана в раннем железном веке.

Отдельные элементы, обнаруженные на кургане Берёзовский, указывают на распространение культа огня в обществе устроителей погребального сооружения. Ярким проявлением названного культа являются свидетельства использования огня во внекурганной конструкции – рве, а также обожжённая глина в структуре насыпи и в погребальной камере.

Немаловажны сведения из кургана Берёзовский, указывающие на распространение культа предков у населения лесостепной зоны Северного Казахстана в раннем железном веке. Остатки скелетов лошадей, обнаруженные на подкурганной площадке, подтверждают гипотезы о проявлении культа предков в виде сопровождения умерших мясом лошади.

Полученные материалы позволили датировать курган Берёзовский IV–II вв. до н.э. Вместе с тем, остатки конструкций и стратиграфия кургана дают возможность разделить историю возведения археологического объекта на два хронологических периода, т. е. датировать первый строительный горизонт IV–III вв. до н.э., второй – III в. до н.э., с возможным выделением поздней хронологической границы создания кургана периодом не позднее II в. до н.э. Отдельные факторы указывают на то, что возможными устроителями погребального сооружения – кургана Берёзовский могут быть обитатели из близкорасположенного и синхронного памятника раннего железного века – городища Актау, функционирование которого связывают с IV–II вв. до н.э., хотя и допускается что названное городище могло быть создано в V в. до н.э. [Хабдулина 1994: 71].

В заключение отметим – несмотря на то, что исследуемый нами объект находился в аварийном состоянии и практически полностью ограблен, бóльшая часть насыпи изрыта грабителями, а подкурганное пространство и погребальная камера сильно потревожены, объект тем не менее представил достаточно много ценных сведений по археологии региона, что, в свою очередь,

указывает на необходимость полноценного и комплексного изучения объектов историко-культурного наследия Северного Казахстана вне зависимости от сохранности и состояния археологических объектов. В данном контексте необходимо подчеркнуть, что выявление и изучение погребальных памятников на территории Северо-Казахстанской области, где происходит активное сельскохозяйственное использование, надмогильные конструкции в системе курганных групп или отдельных курганов практически уничтожены и сложно поддаются идентификации, является актуальной и первоочередной задачей научной общественности.

ЛИТЕРАТУРА

1 АКК – Археологическая карта Казахстана / Сост.: Е.И. Агеева, К.А. Акишев, Г.А. Кушаев, А.Г. Максимова, Т.Н. Сенигова. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. 449 с.

2 *Гуцалов С.Ю.* Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. Уральск: Западно-Казахстанский центр истории и археологии, 2004. 136 с.

3 *Зайберт В.Ф., Кисленко А.М., Плешаков А.А.* Разведочные обследования археологических памятников СКО. Отчет. Археологические исследования в СКО в 1988 г. Петропавловск, 1989. Т. 1. С. 35.

4 *Зданович Г.Б. Иванов И.В., Хабдулина М.К.* Опыт использования в археологии палеопочвенных методов исследования (курганы Кара-Оба в Обалы в Северном Казахстане) // СА. 1984. № 4. С. 35–48.

5 *Мамбеталинов Р.М., Баймусенов Ж.О.* Научный отчет по итогам аварийно-спасательных (охранных) археологических работ на памятнике истории и культуры местного значения «Курган Березовский, ранний железный век» / Архив КГУ «Центр по охране и использованию историко-культурного наследия управления культуры, развития языков и архивного дела акимата Северо-Казахстанской области». Петропавловск, 2023.

6 *Семенов А. И.* Отчет об археологических работах Северо-Казахстанского областного музея в 1952 году / Архив Северо-Казахстанского областного музея. Ф. 2. Д. 343.

7 *Смирнов К.Ф.* Вооружение савроматов / Материалы и исследования по археологии СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1961. № 101. 163 с.

8 *Хабдулина М.К.* Погребальный обряд населения раннего железною века Северного Казахстана (VIII–II вв. до н.э.) // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья / Отв. ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: ЧелГУ, 1987. С. 3–25.

9 *Хабдулина М.К.* Хронология наконечников стрел раннего железного века Северного Казахстана // Кочевники Урало-Казахстанских степей: Сб. науч. тр. / Отв. ред. А.Д. Таиров. Екатеринбург: Наука, 1993. С. 24–43.

10 *Хабдулина М. К.* Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы: Ракурс, 1994. 170 с.

REFERENCES

1 Ageyeva, Y. I., Akishev, K. A., Kushayev, G. A., Maximova, A. G., Senigova, T. N. (comp.). 1960. *Arkheologicheskaya karta Kazakhstana (Archaeological map of Kazakhstan).* Alma-Ata: KazSSR Academy of Sciences (in Russian).

2 Gutsalov, S. Y. 2004. *Drevnie kochevniki Yuzhnogo Priural'ya VII–I vv. do n.e. (Ancient nomads of the Southern Urals, 7th to 1st centuries BCE).* Uralsk: Zapadno-Kazahstanskiy tsentr istorii i arheologii (in Russian).

3 Zaibert, V. F., Kislenko, A. M., Pleshakov, A. A. 1989. In: Archive Northern Kazakhstan museum of local history (in Russian).

4 Zdanovich, G. B., Ivanov, I. V., Khabdulina, M. K. 1984. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet archaeology)* 4, 35–48 (in Russian).

5 Mambetalinov, R. M., Baimusenov, Zh. O. 2023. In: Archive KGU "Tsentr po ohrane i ispolzovaniyu istoriko-kulturnogo naslediya upravleniya kultury, razvitiya yazykov i arhivnogo dela akimata Severo-Kazahstanskoy oblasti". Petropavlovsk, (in Russian).

6 Semyonov, A. I. 1952. In: Archive Northern Kazakhstan museum of local history. F. 2, D. 343.

7 Smirnov, K. F. 1961. *Vooruzhenie savromatov (Armament of the sauromats)*. Moscow: USSR Academy of Science (in Russian).

8 Khabdulina, M. K. 1987. In: Zdanovich, G. B. (ed.) *Ranniy zheleznyi vek i srednevekov'e Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ya (Early Iron Age and Middle Ages of the Ural-Irtysh interfluve.).* Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 3–25 (in Russian).
9 Khabdulina, M. K. 1993. In: Tairov, A. D. (ed.). *Kochevniki Uralo-Kazahstanskih stepey (Nomads of the Ural-Kazakhstan steppes).* Ekaterinburg: "Nauka" Publ., 24–43 (in Russian).
10 Khabdulina, M. K. 1994. *Stepnoye Priishim'ye v epokhu rannego zheleza (The Steppe Ishim River region in the Early Iron Age).* Almaty: "Rakurs" (in Russian).

About the Authors

Baitileu Darkhan – Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Astana, Kazakhstan. ORCID: 0000-0003-4083-5558. E-mail: baitileu@gmail.com
Yeskendirov Kanat – specialist historian, Margulan Institute of Archaeology, Astana, Kazakhstan. ORCID: 0009-0002-8404-8783 E-mail: kanat92.09@mail.ru
Kucherov Pavel – Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Petropavlovsk, Kazakhstan. ORCID: 0000-0002-7378-0904 E-mail: pavlentij_05_09_94@mail.ru
Shulga Valery – Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Petropavlovsk, Kazakhstan. ORCID: 0009-0005-5995-3951 E-mail: shulga.valera@list.ru
Kucherova Tatyana – history teacher, deputy director for scientific and methodological work, Gymnasium "BEST" of Petropavlovsk Education Department, Petropavlovsk, Kazakhstan E-mail: akkol2@rambler.ru

Авторлар туралы мәліметтер

Байтілеу Дархан Айтжанұлы – тарих ғылымдарының кандидаты, жетекші ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Астана қ. , Қазақстан
Ескендіров Қанат Зиятұлы – тарихшы-маман, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан
Кучеров Павел Юрьевич – ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Петропавл қ., Қазақстан
Шульга Валерий Александрович – ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Петропавл қ., Қазақстан
Кучерова Татьяна Александровна – тарих пәнінің мұғалімі, директордың ғылыми-әдістемелік жұмыс жөніндегі орынбасары, Петропавл қаласы Білім бөлімінің «БЭСТ» гимназиясы, Петропавл қ., Қазақстан

Сведения об авторах

Байтлеу Дархан Айтжанулы – ведущий научный сотрудник, Институт археологии имени А.Х. Маргулана, г. Астана, Казахстан
Ескендиров Канат Зиятович – специалист-историк, Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан
Кучеров Павел Юрьевич – научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г. Петропавловск, Казахстан
Шульга Валерий Александрович – научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г. Петропавловск, Казахстан
Кучерова Татьяна Александровна – учитель истории, заместитель директора по научно-методической работе, гимназия «БЭСТ» Отдела образования города Петропавловска, г. Петропавловск, Казахстан

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 12.04.2024.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 12.05.2024.
Авторлар жұмысқа бірдей үлес қосты. / Авторы внесли равноценный вклад в работу.
/ The authors have made an equal contribution to the work.

УДК 902/904 (574)
МРНТИ 03.41.91
https://doi.org/10.52967/3007-6528.2024.1.179.191

Поселение раннего железного века Акбауыр 1

© 2024 г. Ержанова А.Е., Чотбаев А.Е., Ботанов Д.Е.

Keywords: *settlement, Early Iron Age, production, menhir, copper smelting furnace, ore beneficiation, hoe, ceramic vessels, copper slag*
Түйін сөздер: *қоныс, ерте темір дәуірі, өндіріс, менгир, мыс балқыту пеші, руда байыту, кетпен, қыш ыдыстар, қалайы қожы*
Ключевые слова: *поселение, ранний железный век, производство, менгир, печь по выплавке меди, обогащение руды, мотыга, керамические сосуды, медный шлак*

A. Yerzhanova[1], A. Chotbayev[1] and D. Botanov[1]
[1]Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan

Early Iron Age settlement Akbauyr 1

The article presents the results of the 2023 archaeological research of the Akbauyr 1 settlement. Fieldwork focused on studying the interior and exterior spaces of dwellings No. 4 and 6, revealing their functional features. Menhirs and a stone with a tamga were discovered in the southeastern part of the settlement, along with ore beneficiation furnaces and metal smelting furnaces. The archaeological material obtained indicates that, in addition to metallurgy, activities such as stone processing, leatherworking, and ceramic production workshops were widespread.
Source of funding: The work was carried out within the framework of the program of fundamental scientific research of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2023–2025, IRN BR20280993.
Citation: Yerzhanova, A., Chotbayev, A., Botanov, D. 2024. Early Iron Age settlement Akbauyr 1. *Margulan readings–2024.* In 2 vol. Vol. 1. Pp. 179–191 (in Russian).

А.Е. Ержанова[1], А.Е. Чотбаев[1], Д.Е. Ботанов[1]
*[1]*Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты*, Алматы қ., Қазақстан*

Ерте темір дәуірінің Ақбауыр 1 қонысы

Мақалада Ақбауыр 1 қонысының 2023 жылғы археологиялық зерттеулерінің нәтижелері берілген. Далалық жұмыстар №4 және 6 тұрғын үйлердің ішкі және сыртқы аймақтарын зерттеуге бағытталып, олардың функционалдық ерекшеліктері анықталды. Қоныстың оңтүстік-шығыс бөлігінен менгирлер мен таңбасы бар тас, кен байыту және металл балқытатын пештер табылды. Алынған археологиялық материалдар металлургиядан басқа тас пен былғары өңдеу кәсіптерінің, сонымен қатар қыш бұйымдарын шығаратын шеберханалардың кең тарағанын көрсетеді.
Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2025 жж. арналған іргелі ғылыми зерттеулер бағдарламасы шеңберінде, ЖТН BR20280993 жобасы аясында дайындалды.
Сілтеме: Ержанова А.Е., Чотбаев А.Е., Ботанов Д.Е. 2024. Ерте темір дәуірінің қонысы Ақбауыр 1. *Марғұлан оқулары–2024.* 2 том. 1-т. 179–191-бб. (Орысша).

А.Е. Ержанова[1], А.Е. Чотбаев[1], Д.Е. Ботанов[1]
[1]Институт археологии имени А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

Поселение раннего железного века Акбауыр 1

В статье приводятся результаты археологических исследований 2023 г. поселения Акбауыр 1. Полевые работы были сосредоточены на изучении внутреннего и наружного пространства жилищ № 4 и 6, выявлены их

функциональные особенности. Обнаружены менгиры и камень с тамгой в юго-восточной части поселения, обогатительные печи и печи для плавки металла. Полученный археологический материал свидетельствует о том, что кроме металлургии, были широко распространены производства, связанные с обработкой камня, кожи, а также мастерские по производству керамических изделий.
Источник финансирования: Работа выполнена в рамках программы фундаментальных научных исследований Комитета науки МНВО РК на 2023–2025 гг., ИРН BR20280993.
Цитирование: Ержанова А.Е., Чотбаев А.Е., Ботанов Д.Е. Поселение раннего железного века Акбауыр 1. *Маргулановские чтения–2024.* В 2-х т. Т. 1. С. 179–191.

Введение

Систематические исследования комплекса Акбауыр проводятся с 2019 г. Памятник располагается у западного подножия горы Коржынбай (рис. 1)* (*Все снимки выполнены А.Е. Ержановой). Вероятно, выбор места для обустройства поселения обусловлен тем, что оно было хорошо укрыто от ветра и защищало от внешней угрозы. Поселение Акбауыр 1 расположено на участке между скальными выходами.

Эти места были хорошо освоены, о чем свидетельствуют многочисленные поселения, культовые места, ограды, писаницы, петроглифы, стелы, курганы и другие объекты вплоть до казахских зимовок. Памятник находится в 35–38 км от г. Усть-Каменогорска (Уланский р-н, ВКО), у подножья сопки, являющейся частью горного массива Коржымбай [Самашев и др. 2021]. Поселения Акбауыр 1 и Акбауыр 2 отнесены к раннему железному веку, Акбауыр 3 на основании радиоуглеродных дат – к эпохе бронзы. В целом, на территории комплекса находятся пещера, петроглифы, захоронения, охватывающие период от бронзового века до этнографического времени.



Рис. 1. Поселение Акбауыр 1. Общий вид раскопа
1-сур. Ақбауыр 1 қонысы. Қазбаның жалпы көрінісі
Fig. 1. Akbauyr 1 settlement. General view of the excavation area

В ходе полевых исследований 2023 г. продолжены раскопки на поселении Акбауыр 1: жилищ № 4, 6, также продолжались исследования на производственных площадках.

2 Материалы и методы

2.1 Методика исследования

Раскопки проводились согласно методике, описанной А.И. Мартыновым и Я.А. Шером [Мартынов, Шер 1989]. Разбивка раскопа на сектора (4 × 4 м) производилась при помощи электронного теодолита (Leica), каждый сектор внутри делился на квадраты 1 × 1 м. Все горизонтальные и вертикальные отметки секторов привязаны к единому реперу. Сетка раскопа вписана в сектора, маркировка по линии С–Ю – цифровая, по линии З–В – буквенная (латинский алфавит). Раскоп имеет систему контрольных бровок (шириной 40 см). Разборка каждого культурного слоя велась в соответствии с общепринятой методикой – последовательно и послойно. Найденные археологические материалы оставались на месте до завершения расчистки и последующей фото- и графической фиксации. Находки (развалы сосудов; скопление массового материала) наносились на план раскопа. Массовый материал статистически обрабатывался по секторам и послойно.

Поселение Акбауыр разделено на северную, южную и восточную части. В северной – имеется три производственно-жилищных комплекса округло-овальных очертаний. Сооружения в южной части прямые, в основании находится каменная производственная площадка. В южной части поселения зафиксировано два прямоугольных сооружения, предварительно названные производственной площадкой. В восточной части поселения конструкция жилищ сильно меняется, они прямоугольные в плане, сооружены из массивных плит, ориентированы на юго-восток.

2.2 Характеристика материала

Жилище № 6 расположено в западной части раскопа. Сооружение представляет собой полуземлянку округлой формы диаметром 5 м с каменной выкладкой (рис. 2). Для устройства жилища предварительно расчищена площадка с небольшим углублением в 20–25 см. С его северной стороны, возле стен, прослеживается контур столбовой ямки диаметром 10–12 см. В восточной части у основания стены видны наплывшие остатки внутренней штукатурки. С южной части сооружения не выявлено каменной стены, возможно, впоследствии её остатки использованы в составе другой конструкции. В центре помещения отмечен очаг диаметром 37 см. Высота сохранившейся стены жилища составляет 37–45 см. Основание стены состоит из плит различного размера. Кладка образована тремя и в некоторых местах двумя рядами камней, расположенных вертикально и горизонтально. В конструкции стены использован гранит, кварц, сланец.

Характер крыши не устанавливается, но, судя по форме и типу устройства жилища, можно предположить, что она представляла юртообразный свод. К центру помещения пол слегка понижается, в данный момент полностью не расчищен. Архитектурная особенность жилища вызывает интерес. На ровной местности обнаружено углубление округлой формы (диаметр 5 м, глубина – 30–35 см). По периметру углубления построена обводная стена жилища из камней разного размера.

Снаружи в восточной части обнаружено наносное образование из речной супеси, толщина которой варьирует в пределах 15–35 см. В ходе раскопок в секторах 37 и 38 удалось прояснить происхождение этого наноса. Под супесью выявлен слой серого цвета с культурными остатками. В результате высказано предположение о том, что из-за особенностей рельефа – в восточной части поселения наблюдается подъём, благодаря которому, весной оно могло затопляться водой, стекающей со стороны горы. Поэтому обитатели поселения с целью защиты от весеннего паводка восточную сторону поселения, засыпали и подравнивали речным песком (супесью), создавая



Рис. 2. Поселение Акбауыр 1. Очаг с литником в центре жилища № 6
2-сур. Ақбауыр 1 қонысы. Орта тұсында балқытуға арналған пеші бар № 6 тұрғын үй
Fig. 2. Akbauyr 1 settlement. Hearth with a geat in the centre of the Dwelling No. 6.

искусственное препятствие. Таким образом, они сохраняли жилища от разрушения. В этом культурном слое вокруг жилища расчищены фрагменты керамики, сломанные каменные мотыги, кости животных. Особое скопление материала было обнаружено в южной стороне жилища, где на глубине 40 см от дневной поверхности найдено керамическое пряслице.

Северная сторона жилища примыкает к производственно-жилищному комплексу 1. Зачистка северной части позволила выявить хозяйственную подсобку (3,2 × 0,9 м). Кроме того, на этой площадке собраны фрагменты керамики (венчики с орнаментом в виде вдавленной внутрь «жемчужины»), каменные орудия, в основном мотыги для горного дела, пест конусовидной формы, абразивы, кости животных (КРС, МРС), костяные изделия.

Жилище № 4 находится в центре раскопа ближе к его восточной части. Оно представляло собой наземное сооружение округлой формы диаметром предварительно 7 м. Жилище № 4 возможно отнести к категории полуземлянок (рис. 3). Здесь необходимо отметить, что кладка стены состояла полностью из небольших каменных плит. Сохранилась каменная кладка стены высотой 73 см. Жилище имеет коридор с северной стороны. Общая площадь жилища составила 24,2 кв. м, размеры 5,4 × 4 м, коридор 1,6 × 1,1 м. Ориентация жилища СВ–ЮЗ. Стена жилища № 4 возведена из небольших плит, поставленных параллельно друг другу, пространство между которыми заполнено средними по размеру плитами. Такой принцип наблюдается на восточной, южной и северной стенках. Кладка западной стены сооружена на глиняной основе, большие плиты зафиксированы внутри жилища, установлены вертикально и параллельно друг другу.

Выкладки стен жилища из крупных камней, уложенных плашмя или установленных на ребро. Каменные плиты обработаны и установлены таким образом, чтобы создать прочную и устойчивую



Рис. 3. Поселение Акбауыр 1. Очаг и столбовые ямы жилища № 4
3-сур. Ақбауыр 1 қонысы. № 4 тұрғын үйдің ошағы мен баған шұңқырлары
Fig. 3. Akbauyr 1 settlement. Hearth and post-holes of Dwelling No. 4

конструкцию. Использовался метод крепления каменных блоков с помощью подготовленного раствора (с использованием глины или известкового раствора). Характер стен и крыши не определяется, хотя по материалам раскопок можно предположить, что их основания имели невысокую конусовидную форму. Вход устроен с северо-восточной стороны (рис. 4). Он представлял собой коридорообразную конструкцию подпрямоугольной формы размерами 2 × 0,8 м.

В полевом сезоне 2023 г. на поселение Акбауыр 1 расчищено несколько печей разного назначения. Они изготовлены из каменных плит подпрямоугольной формы (сланец, гранит). Печи имели прямоугольную и округлую форму. Стенки печей толстые, состоящие из двух плит для сохранения высоких температур. Толстые стены печки обладали высокой теплоизоляционной способностью, обеспечивая равномерное распределение тепла и способствуя получению высококачественных отливок. В целом, процесс отлива можно описать следующим образом: прямоугольные каменные ящики заполнялись песком, на который ставили литейные формы, куда заливали жидкий нагревшийся металл. В качестве топлива использовались дрова, древесный уголь или другие доступные природные материалы, которые обладали достаточной теплотворной способностью для нагрева печи до высоких температур, доказательством чего являются находки мелких остатков углей и золы возле печей. Сверху круглая печь заполнялась слоем топлива, затем оно поджигалось и происходило горение, обеспечивающее высокую температуру внутри печи, куда затем вставлялся тигель. В западной части поселения имеется три печи данного типа. Возле всех ящиков были найдены каменные мотыжки, оселки и абразивы. Это доказывает, что в юго-западной части поселения находилась производственная площадка, на которой работали литейщики и кузнецы.



Рис. 4. Поселение Акбауыр 1. Жилище № 4, коридор
4-сур. Ақбауыр 1 қонысы. № 4 тұрғын үй, дәліз
Fig. 4. Akbauyr 1 settlement. Dwelling No 4, corridor

Следующим типом печей, который выявлен на поселении, являются печи по обогащению руды. Одна из таких прямоугольных печей расположена в южной части раскопа в секторе 52 с ориентацией СВ–ЮЗ (рис. 5). Стены построены из сланца толщиной 5–7 см, северо-восточная стена от температурного воздействия расслоилась, стена в юго-западной части сохранилась достаточно хорошо. Размеры стенки печей составляют 40 × 38 × 4 см. К ним перпендикулярно расположены длинные плиты толщиной 5 см, размерами 48 × 30 × 5 см. В углу сооружения – скопление мелких камней из гранита, они закрывали углы и служили в качестве подпорки ящикам. До начала строительства печи на ровную поверхность плашмя уложены плиты гранита средних размеров, на которых затем построена прямоугольная печь. Сооружение построено так, чтобы исключить возгорание участка вокруг площадки.

В секторе 53 отмечена ещё одна печь для литья, она состоит из двух частей. Первое полукруглое сооружение построено из мелких камней в два ряда, диаметр 18 см, оно предназначено для тиглей. При зачистке с внутренней стороны печи на золистом слое встречались остатки мелкого древесного угля. С трёх сторон печь ограждают примыкающие к ней прямоугольные плиты сланца и гранита, установленные на ребро. Ящик заполнен речным песком, на который устанавливали литейные формы. Расстояние между ящиком и печью составляет 50 см (рис. 6). Первоначально предполагалось, что данные плиты вокруг печи являются частью конструкции отдельного помещения, однако после полной зачистки секторов выяснилось, что



Рис. 5. Поселение Акбауыр 1. Каменный ящик в секторе 52, квадраты N35-O36
5-сур. Ақбауыр 1 қонысы. N35-O36 шаршы, 52 сектордағы тас жәшік
Fig. 5. Akbauyr 1 settlement. Stone box in sector 52, in squares N35-O36

плиты ограждали от распространения пламени. Температура достигала 1500°С, что требовало обеспечения безопасности вокруг площадки, в связи с чем и были продуманы такого рода конструкционные решения. Можно предполагать, что жители Акбауыра выработали собственные меры пожаробезопасности, о чем свидетельствует конструкция печи.

Ещё одна прямоугольная печь, построенная из чёрного сланца, находится в секторах 40–46 и расположена в квадратах O26–N26. Под печкой размещены камни (гранит) средних размеров, уложенные плашмя. Ориентация печи – ЮВ–СЗ. Стены печи из плит, поставленных ребром, а углы закреплены мелкими камнями, что обеспечивало теплоизоляцию. Снаружи они также закреплены мелкими камнями и замазаны мокрым песком как с внутренней, так и с наружной сторон. Размеры плит печи следующие: длинные плиты – 70 × 20 × 4 см, короткие – 43 × 20 × 4 см. Рядом с печью найдены инструменты: молот, гладилка, мотыга для дробления руды и обломок куранта (рис. 7).

В результате исследования печей для обогащения и литья, предварительно можно сказать, что производственная площадка работала длительное время и, когда стены печи приходили в негодность, их заменяли другими и продолжали работать. Свидетельством этому служат плиты, расположенные с южной стороны площадки. На начальном этапе раскопок предполагалось, что они являются частью конструкции помещения, после зачистки первоначальное предположение изменилось. Стало ясно, что лежащие недалеко от печи длинные плиты являлись материалом для восстановления и сооружения печей. Высота и толщина плит из чёрного сланца подтверждают эту



Рис. 6. Поселение Акбауыр 1. Каменный ящик в секторе 53, квадраты S33-T34
6-сур. Ақбауыр 1 қонысы. S33-T34 шаршы, 53 сектордағы тас жәшік
Fig 6. Akbauyr 1 settlement. Stone box in sector 53, in squares S33-T34



Рис. 7. Поселение Акбауыр 1. Каменный ящик в секторах 40–46, квадраты O26-N26
7-сур. Ақбауыр 1 қонысы. O26-N26 шаршы, 40–46 секторлардағы тас жәшік
Fig. 7. Akbauyr 1 settlement. Stone box in sectors 40–46, in squares O26-N26

гипотезу. Высота плит составляет 20 и 30 см, толщина 5 и 6 см, длина плит не превышает 70–75 см. Это указывает на то, что плиты – это заготовки для сооружения печей. К тому же они находятся внутри одного производственного помещения. Предположительно источником материала для сооружения печей служила выработка чёрного сланца на сопке, которая находится на расстоянии 1 км к югу от поселения, чему также свидетельствует одинаковая структура и толщина сланца (рис. 8).

Наиболее интересными находками стали каменные изваяния, более известные как менгиры, или оленные камни. После снятия бровок полностью открыто сооружение, над которым лежал менгир или оленный камень (рис. 9). Диаметр сооружения составляет 190 см, его соорудили из поставленных ребром плит (гранит, сланец, кварцит). В восточной стенке сооружения выявлен менгир размерами 142 × 20 × 16 см; ориентирован с СВ на ЮЗ. Северо-восточная сторона менгира слегка сужается, размерами: длиной до 20 см, шириной 16 см и толщиной 12 см, вероятно, он был вкопан основанием в землю. Поверхность менгира обработана металлическим тесаком с помощью каменного отбойника, техникой несильного удара отбойника об металлический тесак. На более широкой поверхности видны следы от обработки металлической стамеской в виде неглубокого желобка. При расчистке середины сооружения выявлен слой смешанной супесчаной глины, а также лежащие плашмя мелкие камни (вероятно, несколько слоёв).

В заполнении сооружения зафиксированы фрагменты керамики без орнамента, орнаментированные венчики, в т. ч. с вдавленным во внутрь орнаментом «жемчужина», мотыжки (2 шт.), кости животных (КРС, МРС). Высказано предположение, что сооружение может быть оградкой с менгиром или же помещением, в кладке стены которого использован менгир, перенесённый на поселение. Второе сооружение с менгиром расположено в секторах 48–54.



Рис. 8. Поселение Акбауыр 1. Плиты заготовки
8-сур. Ақбауыр 1 қонысы. Дайындама тақтатастар
Fig. 8. Akbauyr 1 settlement. Blank stone slabs



Рис. 9. Поселение Акбауыр 1. На переднем плане сооружение с менгирами
9-сур. Ақбауыр 1 қонысы. Алдыңғы жақта меңгірлі құрылыс
Fig. 9. Akbauyr 1 settlement. Front view of the structure with menhirs

Между сооружениями имеется пространство шириной 70–80 см, длиной 5 м предварительно названное «дорогой». После снятия наносного слоя мощностью 20 см выявлена «дорога» из мелких камней, смешанных со светло-серым супесчаным слоем. Начало «дорога» берёт с сектора 48А, с квадрата U'34, точнее от скальника с восточной стороны до производственной площадки в секторе 47, квадрате Т30, в западном направлении. В дальнейшем, в ходе раскопок сооружения с менгирами, можно будет высказать более точную гипотезу о происхождении «дороги».

Менгиры также встречаются в секторах 48–54, среди остатков круглого сооружения, диаметром 180 см. По всему периметру сооружения поставлены большие каменные плиты. Изначально они были установлены вертикально, но со временем некоторые из них наклонились внутрь сооружения, а другие – наружу. Средняя часть сооружения закрыта мелкими камнями и покрыта светло-серым слоем. В центре сооружения находится менгир. Он ориентирован с юго-востока на северо-запад (рис. 10). Его нижняя часть сужается, что указывает на то, что он, вероятно, был установлен у северной стены оградки или сооружения. Размеры менгира следующие: длина 135 см, ширина верхней части 40 см, ширина нижней части 30 см, толщина 20 см.

Менгир изготовлен из среднезернистого гранита. По следам на его поверхности можно сказать, что он был обработан металлическим тесаком шириной 5 см. Обработка начиналась с одного угла, и с помощью небольших ударов удалялись неровности на поверхности. Боковые грани менгира также обработаны вертикальными ударами. В нижней части менгира обнаружены следы обработки отбойником с двух сторон, что позволило создать сужение углов менгира под углом 35°. Рядом с менгиром найдена часть оленного камня со знаком или изображением головы человека (рис. 11).

Обсуждение и результаты

Конструкция памятника обнаруживает сходство с поселениями Керегетас-2 [Бейсенов 2015: 23] и Абылай [Бейсенов и др. 2021: 182] в Центральном Казахстане. В то же время есть сходство с поселением металлургов Коктас (Павлодарская обл.). В раннем железном веке фиксируется повторение традиции устройства фундамента сооружений из каменных плит и заполнения их мелкими камнями, а также их расположения на берегах рек и родников. Жилище № 6 имеет вход с восточной стороны, каменное основание и в центре –плавильная печь, вероятно, кузнечная мастерская. Выявленные столбовые ямки доказывают, что помещение каркасно-столбовой конструкции. В северной части имеется подсобное помещение. Несколько раскопанных жилищ позволяет заключить, что существовала традиция строить в этой части подсобной комнаты с целью сооружения двойных стен.



Рис. 10. Поселение Акбауыр 1. Сооружение с менгиром
10-сур. Ақбауыр 1 қонысы. Меңгірі бар құрылыс
Fig. 10. Akbauyr 1 settlement. Structure with menhir

Жилище № 4 прямоугольной формы, полуземянка, углы скруглённые. Внутри жилища выявлен небольшой очаг для обогрева помещения. Стена жилища поднималась до 1 м и перекрывалась сверху. В комплексе Коктас 1 выявлены жилища подквадратной формы с коридорообразными переходами в другие помещения. Жилище № 4 тоже имеет коридорообразный переход, соединяющий его со следующим помещением. Жилища типа



Рис. 11. Поселение Акбауыр 1.
Менгир с изображением знака (?)
11-сур. Ақбауыр 1 қонысы.
Белгісі бар меңгір (?)
Fig. 11. Akbauyr 1 settlement.
Menhir with the image of the sign (?)

полуземлянки встречаются в западной части Жетысу Алатау в районе хребта Ешкиолмес. Они находятся на пологих склонах с южной экспозицией и состоят из 5–10 полуземлянок [Горячев 2019: 81]. Стены выкладывались из камней, кое-где сохранились на высоту около 1 м. Поселения с характерными жилищами типа № 4 выявлены в урочище Тамгалы и в горах Серектас, в горах Киндыктас, в урочищах Шокпар и Кызылкора. Наиболее яркие памятники раннего железного века находятся в верховьях ущелья Тургень – поселения Тургень-II и Кызылбулак-IV. Жилища устраивались в виде наземных строений округлой формы – протоюрты, диаметром от 5 до 7 м [Горячев 2019: 82]. На поселение Акбауыр 1 в жилищах № 4 и 6 отмечена керамика с элементами традиции поздней бронзы, переходного периода и раннего железного века в виде орнамента «жемчужина». По результатам технико-морфологического анализа керамика имеет технический характер (сопло, льячка, сосуды для измерения металла), что может означать, что жители поселения Акбауыр 1 специализировались на металлообработке и горном деле.

По мнению А.Х. Маргулана, мегалитические камни исполняли функцию культовых сооружений, где собирается народ, устраиваются поминки, проводятся ритуалы и жертвоприношения [Маргулан 1979: 276]. Выявленные менгиры в данный момент полностью не изучены. В полевом сезоне 2024 г. планируется продолжить изучение объекта с менгирами (?). Население раннего железного века могло использовать менгиры из могильника позднего бронзового века и использовать при строительстве помещения.

Заключение

Полевые работы 2023 г. предоставили обширную информацию о материальной культуре жителей, обитавших на поселении Акбауыр 1. Исследования значительно расширили наше понимание процессов металлообработки и хозяйственной деятельности на поселении. Открытия, сделанные в ходе раскопок, включая находки медных слитков и оловянного шлака, а также особенности архитектурных конструкций, предоставляют ценные данные о технологическом развитии и об архитектурных особенностях того времени.

ЛИТЕРАТУРА

1 *Горячев А.А.* Об устройстве поселений раннего железного века Жетысу // Поволжская археология. 2019.№ 3(29). С. 80–99.

2 *Бейсенов А.З.* Центральный Казахстан в раннем железном веке // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 6 (Ч. 2). С. 22–31.

3 *Бейсенов А.З., Горащук И.В., Дуйсенбай Д.Б.* Трасологическое исследование каменных орудий поселения сакского времени Абылай, Центральный Казахстан // Поволжская археология. 2021.№ 3 (37). С. 183–199.

4 *Маргулан А.Х.* Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана.Алма-Ата: Наука, 1979. 360 с.

5 *Самашев З., Ержанова А.Е., Киясбек Г., Половецев М.Ю., Медельбек Ш.* Акбауыр I – поселение раннесакского времени // Алтай – түркі әлемінің алтын бесігі. Ғылыми мақалалар жинағы / Жауапты ред. Д. Ахметов. Өскемен, 2021. С. 10–24.

REFERENCES

1 Goryachev, A. A. 2019. In *Povolzhskaya arheologiya (The Volga river region Archaeology)* 3 (29), 80–99 (in Russian).

2 Beisenov, A. Z. 2015. In *Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatelnaya mysl (Historical and socio-educational thought).* Vol. 7. No. 6 (Part 2), 22–31 (in Russian).

3 Beisenov A. Z., Gorashchuk, I. V., Duisenbay, D. B. 2021. In *Povolzhskaya arheologiya (The Volga river region Archaeology)* 3 (37), 183–199 (in Russian).

4 Margulan, A. K. 1979. *Begazy-dandybaevskaya kultura Tsentralnogo Kazahstana (Begazy-Dandybay culture of Central Kazakhstan).* Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).

5 Samashev, Z., Yerzhanova, A. E., Kiyasbek, G., Polovtsev, M. Y., Medelbek, S. 2021. In: Akhmetov, D. (ed.). *Altai – turki aleminin altyn besigi (Altai – the Golden Cradle of the Turkic world).* Oskemen, 10–24 (in Russian).

About the Authors

Yerzhanova Albina – PhD, Senior Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. ORCID: 0000-0002-2241-228X E-mail: erjanova_a@mail.ru

Chotbayev Aidos – doctoral student, Senior Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan, ORCID: 0000-0002-2996-9873 E-mail: archtopmail@mail.ru

Botanov Diar – Laboratory assistant, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. ORCID: 0009-0003-2650-491X E-mail: diarb84@gmail.com

Авторлар туралы мәліметтер

Ержанова Альбина Ергешбайқызы – PhD, аға ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан

Чотбаев Айдос Ерболатұлы – докторант, аға ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан

Ботанов Диар Ертісбайұлы – лаборант, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан

Сведения об авторах

Ержанова Альбина Ергешбаевна – PhD, старший научный сотрудник, Институт археологии имени А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

Чотбаев Айдос Ербулатович – докторант, старший научный сотрудник, Институт археологии имени А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

Ботанов Диар Ертесбаевич – лаборант, Институт археологии имени А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 06.05.2024.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 06.06.2024.
Авторлар жұмысқа бірдей үлес қосты. / Авторы внесли равноценный вклад в работу.
/ The authors have made an equal contribution to the work.

УДК 902/904 (574)
МРНТИ 03.41.91
https://doi.org/10.52967/3007-6528.2024.1.192.199

Исследования памятников позднесарматского времени в Западном Казахстане в 2023 году

© 2024 г. Бисембаев А.А., Хаванский А.И., Жанузак Р.Ж.

Keywords: *archaeology, Akbulak II burial ground, kurgan, Late Sarmatians*
Түйін сөздер: *археология, Ақбұлақ II қорымы, оба, кейінгі сарматтар*
Ключевые слова: *археология, могильник Акбулак II, курган, поздние сарматы*

A. Bissembaev[1], A. Khavansky[2,3] and R. Zhanuzak[1]*
[1]Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan
[2]Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia
[3]National Research University "Moscow Energy Institute", Moscow, Russia
**Corresponding author*

Research of monuments of the late Sarmatian period in Western Kazakhstan in 2023

The article presents new materials from the Akbulak II burial ground in the Aktobe region of Western Kazakhstan. As a result of archaeological work, 5 burial structures were studied: 4 kurgans and 1 structure in the form of a "dumbbell". In three cases, a ditch was traced around the mounds, and in three cases, a circular soil structure was traced over the burial. The buried lie extended on their backs with their heads facing north. Wooden bowls with metal frames, clay pots, scissors, a silver earring and a bronze fibula were found in the women's burials. In the male burials there are iron bits with bronze rings, an iron sword, an iron dagger with a bronze handle, a bronze Roman ladle with an iron handle. The bronze fibula dates these complexes to the 2nd half to the end of the 2nd century – 3rd century.
Source of funding: The work was carried out within the framework of the program of fundamental scientific research of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2023–2025, IRN BR20280993.
Citation: Bissembaev, A., Khavansky, A., Zhanuzak R. Research of monuments of the late Sarmatian period in Western Kazakhstan in 2023. 2024. *Margulan readings–2024.* In 2 vol. Vol. 1. Pp. 192–199 (in Russian).

А.А. Бисембаев[1], А.И. Хаванский[2,3], Р.Ж. Жанұзақ[1]*
[1]Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан
[2]Н.Э. Бауман атындағы Мәскеу мемлекеттік техникалық университеті, Мәскеу қ., Ресей
[3]«Мәскеу энергетикалық институты» ұлттық зерттеу университеті, Мәскеу қ., Ресей
**корреспондент авторы*

Батыс Қазақстандағы кейінгі сармат дәуірі ескерткіштерін 2023 ж. зерттеу

Мақалада Ақтөбе облысы Ақбұлақ II қорымының жаңа материалдары берілді. Археологиялық жұмыстардың нәтижесінде 5 жерлеу орны: 4 оба және 1 «гантель» түріндегі құрылыс зерттелді. Үш жағдайда обалардың айналасынан арық және үш обадан жерлеу орнының үстіндегі дөңгелек топырақ құрылымы анықталды. Жерленген мүрделер арқасымен жатқызылып, бастары солтүстікке қаратылған. Әйелдің жерлеу орнынан металмен қапталған ағаш тостағандар, саз құмыралар, қайшылар, күміс сырға және қола фибула табылды. Ерлер жерлеу орнынан қола сақиналары бар темір ауыздық, темір қылыш, сабы қоламен қапталған темір қанжар, темір сабы бар қола рим шөміші алынды. Қола фибуланы негізге ала отырып, бұл кешенді II ғ. 2-ші жартысы мен соңы – III ғасыр деп мерзімдеуге болады.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2025 жж. арналған іргелі ғылыми зерттеулер бағдарламасы шеңберінде, ЖТН BR20280993 жобасы аясында дайындалды.
Сілтеме: Бисембаев А.А., Хаванский А.И., Жанұзақ Р.Ж. 2024. Батыс Қазақстандағы кейінгі сармат кезеңі ескерткіштерін 2023 ж. зерттеу *Марғұлан оқулары–2024.* 2 том. 1-т. 192–199-бб. (Орысша).

А.А. Бисембаев[1], А.И. Хаванский[2,3], Р.Ж. Жанузак[1]*
[1]Институт археологии имени А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан.
[2]МГТУ имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет), г. Москва, Россия
[3]НИУ «Московский энергетический институт», г. Москва, Россия
**автор корреспондент*

Исследования памятников позднесарматского времени в Западном Казахстане в 2023 году

В статье представлены новые материалы из могильника Акбулак II Актюбинской области. В результате археологических работ изучено пять погребальных сооружений: четыре кургана и одно сооружение в виде «гантели». В трёх случаях вокруг курганов прослежен ров и в трёх – кольцевая грунтовая конструкция над погребением. Погребённые лежат вытянуто на спине головой на север. В женских погребениях найдены деревянные чаши с металлическими оковками, глиняные горшки, ножницы, серебряная серьга и бронзовая фибула. В мужских погребениях – железные удила с бронзовыми кольцами, железный меч, железный кинжал с бронзовой оковкой рукояти, бронзовый римский ковш с железной ручкой. Бронзовая фибула датирует данные комплексы 2-й пол. – концом II в. – III в.

Источник финансирования: Работа выполнена в рамках программы фундаментальных научных исследований Комитета науки МНВО РК на 2023–2025 гг., ИРН BR20280993.
Цитирование: Бисембаев А.А., Хаванский А.И., Жанузак Р.Ж. 2024. Исследования памятников позднесарматского времени в Западном Казахстане в 2023 году. *Маргулановские чтения–2024.* В 2-х т. Т. 1. С. 192–199.

Введение

Накануне эпохи Великого переселения народов духовная и материальная культура степных скотоводов претерпевает очередную трансформацию. Появляются новые формы погребальной архитектуры и обрядности. Геополитические последствия Великого переселения народов обуславливают актуальность исследования памятников этого хронологического пласта. Памятники этого периода активно изучаются в Западном Казахстане. Но большая географическая протяженность региона оставляет ещё много «белых пятен» на археологической карте. Актуальные методы исследования дают возможность не просто закрыть эти «белые пятна», но и получить качественно новую информацию. В полевом сезоне 2023 г. изучался могильник позднесарматской культуры Акбулак II (Уилский р-н, Актюбинская обл.).

Методика исследования

Основной принцип исследования – комплексный характер с целью максимально возможного сбора информации и её эффективного использования. Для документирования больших площадей используется высокоточный GPS Trimble R3. Преимуществом данного метода является высокая скорость и точность съёмки планов и топографии, съёмка ведётся одним оператором, благодаря тому, что прибор не привязан к наземным точкам его можно использовать на территории со сложным рельефом, а также на очень больших площадях, превышающих дальность съёмки лазерного тахеометра.

Для построения топографии использованы три метода сбора информации:

1. SRTM данные, представляющие собой данные, выполненные с помощью спутниковых снимков с точностью 60 м;

2. съёмка топографии высокоточными GPS приемниками Trimble R3;
3. съёмка топографии лазерными тахеометрами;
4. создание 3-х мерной модели рельефа методом фотограмметрии.

Проведена съёмка ситуационного плана местности, включающая дороги, коммуникации, окружающую инфраструктуру, гидрологию и т.д. При помощи высокоточного GPS Trimble R3 создан триангуляционный полигон для проведения плановой и топографической съёмки. Топографическая съёмка объекта проводилась в два этапа. Первый этап – съёмка микротопографии каждого объекта в отдельности. Преимущество микротопографии заключается в её детальности, позволяющей исследователю определить планировку и особенности изучаемого объекта по созданной модели и на основе полученных данных выбрать участок для ведения раскопок. Микротопография выполняется с частотой в 1 м, что даёт возможность построить топографическую модель с шагом горизонталей 0,2 м. Вторым этапом исследования является общая топосъёмка комплекса с окружающим ландшафтом. Этот этап даёт возможность проследить общую ситуацию, связь объектов между собой, а также выявить особенности культурного ландшафта. Съёмка общей топографии производится с шагом в 10 м, шаг горизонталей 0,6–2 м. В итоге был получен топографический план могильника Акбулак II (рис. 1)* (*Иллюстрации подготовлены авторами).

Работа со спутниковыми снимками, имеющими географическую привязку и разрешающую способность до 1 м, предоставляет в руки исследователей информацию касательно ландшафтной ситуации, водным источникам, всевозможным деталям, так же доступным на топографических основах, но приведённых на период вычерчивания этих карт. В то же время спутниковые снимки показывают текущую ситуацию на искомой области исследования.

В процессе работы использован ряд компьютерных программ, позволяющих получать и обрабатывать архивные и полевые данные.

Процесс работы с информацией состоял из нескольких этапов:

- обработка архивных данных, и работа с картографическими данными;
- сбор полевой информации;
- обработка полевой информации;
- создание иллюстративного материала.

В процессе выполнения данных пунктов использованы следующие приложения:

- GIS приложение OziExplorer (обработка архивных данных, и работа с картографическими данными);
- GIS приложение Mapsource (обработка GPS данных);
- GIS приложение Arcmap (обработка векторных слоев, обработка растровых карт, генерализация всей собранной информации в одну информационную систему, подготовка готовых картографических материалов для отчета);
- Обработка геоданных GPR Slice (сбор полевой информации, обработка полевой информации, создание иллюстративного материала);
- Создание 3-х мерных моделей методом фотограмметрии AgisoftPhotoscan (создание ортофотопланов, цифровой модели рельефа, создание 3-х мерных моделей ландшафта и отдельных моделей).

Фотограмметрия на основе аэрофотосъёмки даёт возможность работать с мелкими по размеру объектами и в то же время охватывать исследованиями большие пространства. Совершая многочисленные залёты на низкой высоте (30–100 м) над определённой территорией, реализуется съёмка методом т.н. «коврового» покрытия, при котором производится большое количество снимков, с обязательным перекрыванием не менее 80% одного снимка другим. Так, вся пространственная зона исследования становится покрытой многочисленными фотографиями.

На основе собранных данных проведено построение тайловой поверхности и создание 3-х мерной модели территории методом фотограмметрии. На выходе мы имеем следующие продукты: ортофотоплан высокой детализации, 3-х мерная цифровая модель с возможностью построения топографии высокой точности.

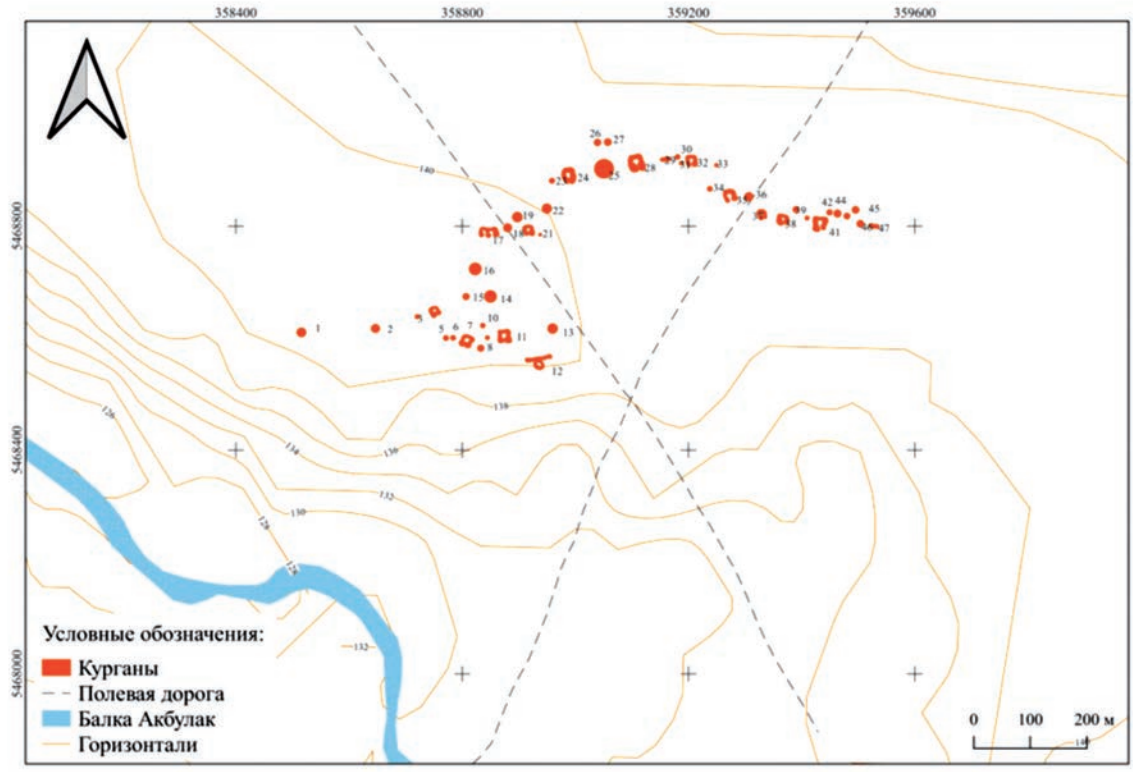


Рис. 1. Могильника Акбулак II. Топографический план
1-сур. Ақбұлақ II қорымы. Топографиялық жоспар
Fig. 1. Akbulak II burial ground. Topographic plan

Результаты

Раскопано пять погребальных сооружений: четыре кургана и один «гантелеобразный» объект. Диаметр курганов 8–10 м, высота 0,2–0,3 м. Под насыпями находилось одно центральное погребение. В трёх случаях вокруг курганов прослежен ров и в трёх – кольцевая надмогильная грунтовая конструкция в виде «мазара» (рис. 2). В кургане № 9 прослежено, что кольцевая надмогильная конструкция была сооружена из блоков светло-жёлтой глины.

Половина погребений совершена в простых ямах, половина – в ямах с подбоем. Длина ям составляет 2,2–2,6 м, ширина – 0,6–0,9 м, глубина – 1,1–1,34 м. Все погребения одиночные. Погребённые покоятся вытянуто на спине, руки вытянуты вдоль тела. Головой ориентированы строго на север либо на север с отклонением к северо-западу. У нескольких индивидов отмечена теменная деформация черепа.

В женских погребениях найдены деревянные чаши с металлическими оковками, глиняные горшки, пружинные ножницы, серебряная серьга (рис. 3, *1*) и бронзовая фибула (рис. 3, *2*). В мужских погребениях – железные удила с бронзовыми кольцами, железный меч, железный кинжал с бронзовой оковкой рукояти, бронзовый римский ковш с железной ручкой (рис. 4).

Обсуждение и выводы

Полученные материалы по особенностям погребального обряда и инвентаря однозначно относятся к позднесарматской (гунно-сарматской) культуре [Боталов, Гуцалов 2000]. Наиболее чёткую хронологическую позицию даёт бронзовая фибула – лучковая одночленная с завитком

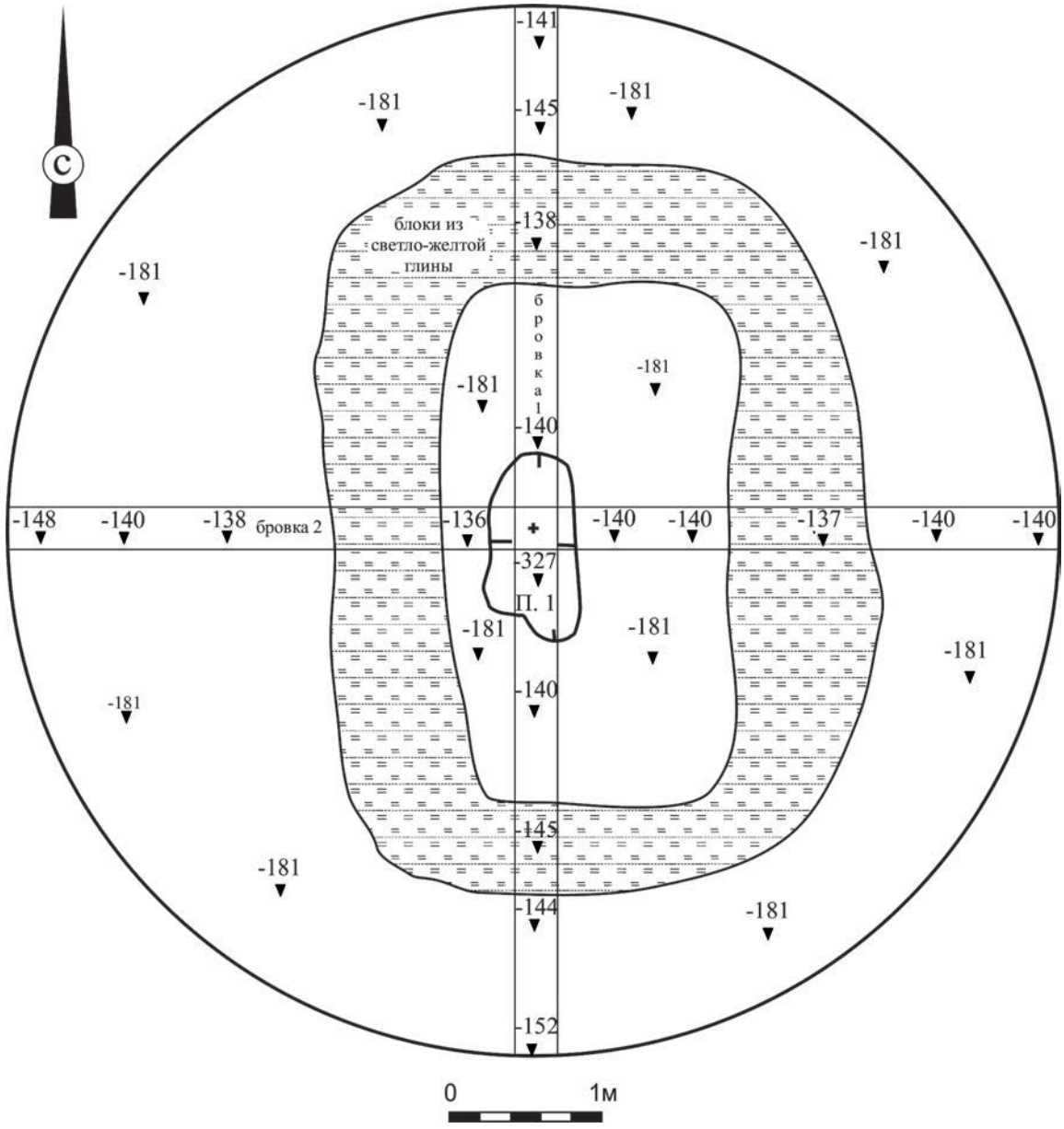


Рис. 2. Могильник Акбулак II, курган № 9. План кургана
2-сур. Ақбұлақ II қорымы, № 9 оба. Обаның жоспары
Fig. 2. Akbulak II burial ground, kurgan No. 9. Plan of the mound

на конце сплошного пластинчатого приёмника и плавно изогнутой спинкой. По классификации А.К. Амброза относится к фибулам Группы 13, тип 8. Характеризуется достаточно большими размерами и высоким узким пластинчатым приёмником. Исследователь отмечает, что такие фибулы встречаются в памятниках позднесарматского круга и дальше всего заходят на восток из фибул юга СССР – до широты г. Магнитогорска. Датируются III – началом IV в. н.э. [Амброз 1966: 46; табл. 5, *19–21*].

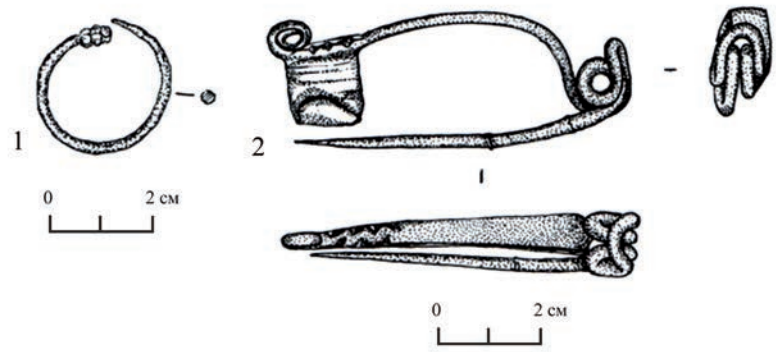


Рис. 3. Могильник Акбулак II, курган № 9: *1* – серебряная серьга; *2* – бронзовая фибула
3-сур. Ақбұлақ II қорымы, № 9 оба: *1* – күміс сырға; 2 – қола фибула
Fig. 3. Akbulak II burial ground, mound No. 9: *1* – silver earring; *2* – bronze fibula

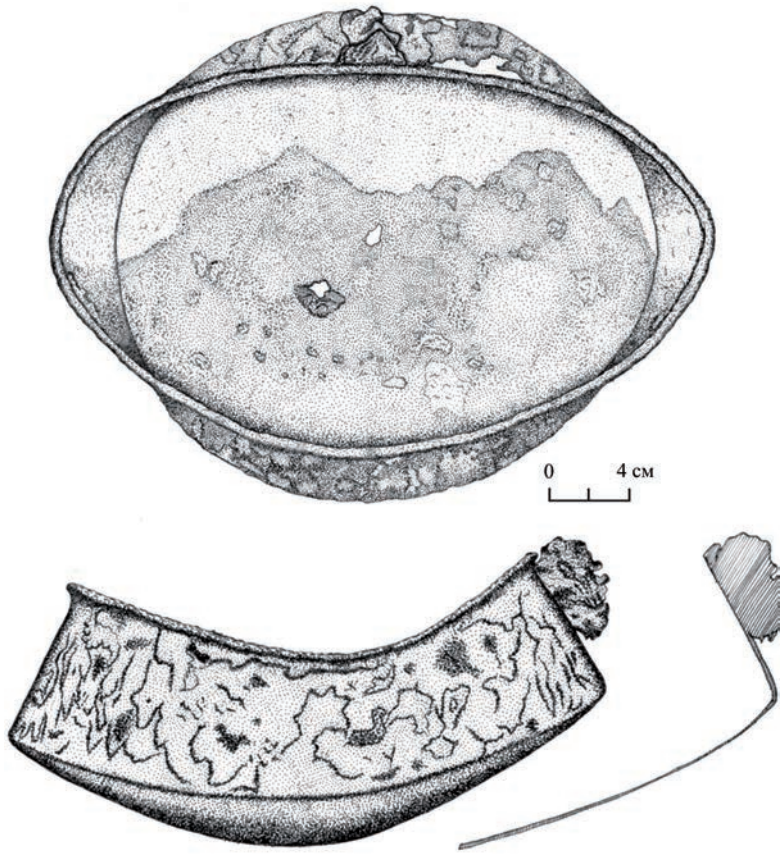


Рис. 4. Могильник Акбулак II, объект № 12
4-сур. Ақбұлақ II қорымы, № 12 нысан
Fig. 4. Akbulak II burial ground, object No. 12

В.Ю. Малашев и Л.Т. Яблонский на основе взаимовстречаемости вещей из закрытых комплексов могильника Покровка 10 выделили три хронологических группы погребений. Фибулы с завитком на конце сплошного пластинчатого приёмника и плавно изогнутой спинкой характерны для группы 1, но могут встречаться и в группе 2, т. е. их датировка может рассматриваться как 2-я пол. II — нач. III в. [Малашев, Яблонский 2008: 60–62].

Согласно последним исследованиям В.В. Кропотова, данные фибулы довольно крупные (длиной 4–8 см), приёмник высокий, корпус низкий, спинка может быть украшена несложным узором из зигзагообразных линий, завиток на конце приёмника спиральный; пружина, как правило, четырёхвитковая. Данные фибулы относятся к Группе 8, Серия II, Форма 2 [Кропотов 2010: 182–183; 201–204]. По мнению автора, данные фибулы датируются концом II – III в. н.э. [Кропотов 2010: 204]. Таким образом, данный комплекс можно датировать 2-й пол.–концом II в. – III в.

Для Западного Казахстана в целом и территории Актюбинской области, в частности, памятники II–IV вв. в результате последних исследований начинают обретать ареал, общие характерные признаки и основные знаковые черты. Сплошные разведки и применение ГИС-технологий выявили целый пласт памятников в знакомых районах, где ранее виделись, в основном, объекты сако-сарматского времени. Огромные размеры могильных полей говорят о длительной их эксплуатации, а также о значительном скоплении населения в регионе, перед основным походом на запад. Ранее, подобное скопление памятников выявлено западнее, в долине р. Жигерлен, на территории соседней Западно-Казахстанской области [Боталов, Бисембаев 2002: 106–118]. Гунно-сарматский период или эпоха Великого переселения народов представляет собой очень яркий отрезок истории, с отголосками на значительном удалении. Он имеет широкий территориальный охват (от границ Китая до Испании) и эпохальный результат – падение Западной Римской империи. Это время привлекает внимание исследователей по всему миру. Планомерные, целенаправленные исследования вкупе с результатами случайных находок прошедшего полевого сезона в Западном Казахстане пополнили этот пласт новыми важными материалами. По раскопанным объектам чётко прослеживается тенденция – усложнение обрядовых черт в наземной конструкции, это дополнительное подчеркивание статуса погребённого, так как высота и размеры исследованных объектов были близки. Такую же роль играет и усложнение конструкции могильной ямы. Исследованные памятники показали значимость территории Западного Казахстана для выяснения культурогенеза кочевых сообществ эпохи Великого переселения народов. Получена представительная коллекция артефактов по вооружению, украшениям, конскому снаряжению и бытовым предметам. В целом, исследованные комплексы укладываются в период второй половины II в. – III в. На основании полученных материалов вполне возможно создание научно-художественной и натуральной реконструкции костюма, вооружения и комплектов конской упряжи эпохи Великого переселения народов Казахстана.

ЛИТЕРАТУРА

1 *Амброз А.К.* Фибулы юга европейской части России (II в. до н.э. – IV в. н.э.). М.: АН СССР, Институт археологии, 1966. 111 с.

2 *Боталов С.Г., Бисембаев А.А.* Новые материалы по культуре гуннов Западного Казахстана // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. № 1. Уральск, 2002. С. 106–118.

3 *Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю.* Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Рифей, 2000. 267 с.

4 *Кропотов В.В.* Фибулы сарматской эпохи. Киев. АДЕФ-Украина, 2010. 384 с.

5 *Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т.* Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. М.: Вост. лит., 2008. 365 с.

REFERENCES

1 Ambroz, A. K. 1966. *Fibuly yuga evropeiskoy chaste Rossii (II v. do n.e. – IV v. n.e.) (Fibulae from the south of the European part of Russia (2nd century BCE – 4th century CE))*. Moscow: USSR Academy of Sciences (in Russian).

2 Botalov, S. G., Bissembaev, A. A. 2002. In: *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana (Issues of archaeology of Western Kazakhstan).* Issue 1. Uralsk, 106–118 (in Russian).

3 Botalov, S. G., Gutsalov, S. Y. 2000. *Gunno-sarmaty Uralo-Kazakhstanskikh stepei (Hunno-Sarmatians of the Ural-Kazakh steppes).* Cheliabinsk: "Rifey" Publ. (in Russian).

4 Kropotov, V. V. 2010. *Fibuly sarmatskoi epokhi (Fibulae of the Sarmatian era).* Kiev:"ADEF-Ukraina" Publ. (in Russian).

5 Malashev, V. Y., Yablonskiy, L. T. 2008. *Stepnoe naselenie Yuzhnogo Priuralia v pozdnesarmatskoe vremya (Steppe population of the Southern Urals in the late Sarmatian period)*. Moscow: "Vost. lit." Publ. (in Russian).

About the Authors

Bissembaev Arman – Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. ORCID: 0000-0003-4022-9910 E-mail: abissembaev@mail.ru

Khavansky Alexey – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of SGN-1 "History", Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia; Senior lecturer at the Department of History and Cultural Studies, National Research University "Moscow Energy Institute", Moscow, Russia. ORCID: 0000-0002-8502-8883 E-mail: arkaim01@yandex.ru

Zhanuzak Ramazan – Junior Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. ORCID: 0000-0003-2921-7396 E-mail: rzhanuzak04@gmail.com

Авторлар туралы мәліметтер

Бисембаев Арман Ауғанұлы – тарих ғылымдарының кандидаты, жетекші ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан

Хаванский Алексей Иванович – тарих ғылымдарының кандидаты, Н.Э. Бауман атындағы Мәскеу мемлекеттік техникалық университетінің СГН-1 «Тарих» кафедрасының доценті, Мәскеу қ., Ресей; «Мәскеу энергетикалық институты» ұлттық зерттеу университеті «Тарих және мәдениеттану» кафедрасының аға оқытушысы, Мәскеу қ., Ресей

Жанұзақ Рамазан Жақсыбайұлы – кіші ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан

Сведения об авторах

Бисембаев Арман Ауганович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии Казахстана имени А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

Хаванский Алексей Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры СГН-1 «История», МГТУ им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет), г. Москва, Россия; старший преподаватель кафедры «История и культурология», НИУ «Московский энергетический институт», г. Москва, Россия

Жанузак Рамазан Жаксыбайулы – младший научный сотрудник, Институт археологии имени А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан.

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 12.03.2024.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 31.03.2024.

Авторлар жұмысқа бірдей үлес қосты. / Авторы внесли равноценный вклад в работу. / The authors have made an equal contribution to the work.

УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03.41.91
https://doi.org/10.52967/3007-6528.2024.1.200.214

Итоги археологических исследований могильника Аккисык I в 2023 году

© 2024 г. Мамедов А.М., Баиров Н.М., Уразмагамбетов Н.Н., Амелин В.А.

Keywords: *Aitekebi district, Akkisyk I burial ground, dumbbell-shaped structure, "sanctuary" structure*
Түйін сөздер: *Әйтеке би ауданы, Аққисық I қорымы, гантель тәріздес құрылыс, «ғибадатхана» құрылыс*
Ключевые слова: *Айтекебийский район, могильник Аккисык I, гантелевидное сооружение, сооружение-«святилище»*

A. Mamedov[1], N. Bairov[2], N. Urazmagambetov[3] and V. Amelin[1]*
[1]Margulan Institute of Archaeology, Aktobe, Almaty, Kazakhstan
[2]Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russia
[3]Aktobe Regional Museum of Local History, Aktobe, Kazakhstan
**corresponding author*

Results of archaeological research of the Akkisyk I burial ground in 2023

The article presents the results of research on the burial ground Akkisyk I, one of the largest Early Iron Age necropolises, consisting of various structures. Geographically, the complex is situated in the Northern Aral Sea region, located on one of the watersheds of the right bank of the Irgiz River, a right tributary of the Turgai River. The materials obtained, based on the specific features of the burial and memorial structures (a "dumbbell-shaped" structure, a sub-rectangular "sanctuary") and items of material culture, are dated to the Hunnic-Sarmatian period. The burial practices are standardized, with the deceased placed in an extended position, heads oriented to the north. The inventory is diverse and includes a long iron sword without a crossguard or pommel, a bronze single-piece bow fibula, a bronze buckle, and iron bits, allowing the investigated complexes to be preliminarily dated to the second half of the 2nd century to the second half of the 3rd century.
Source of funding: The work was carried out within the framework of the program of fundamental scientific research of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2023–2025, IRN BR20280993.
Citation: Mamedov, A., Bairov, N., Urazmagambetov, N., Amelin, V. 2024. Results of archaeological research of the Akkisyk I burial ground in 2023. *Margulan readings–2024.* In 2 vol. Vol. 1. Pp. 200–214 (in Russian).

А.М. Мамедов[1], Н.М. Баиров[2], Н.Н. Уразмағамбетов[3], В.А. Амелин[1]*
[1]Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, Ақтөбе қ., Алматы қ., Қазақстан
[2]В.В. Городовиков атынд. Калмык мемлекеттік университеті, Элиста қ., Ресей
[3]Ақтөбе облыстық тарихи-өлкетану музейі, Ақтөбе қ., Қазақстан
**корреспондент авторы*

Аққисық I қорымындағы 2023 жылғы археологиялық зерттеу нәтижелері

Мақалада әртүрлі нысандардан тұратын ерте темір дәуірінің ірі қорымдарының бірі Аққисық I қорымында жүргізілген зерттеулердің нәтижелері баяндалған. Географиялық жағынан кешен Солтүстік Арал маңына жатады және Торғай өзенінің оң саласы – Ырғыз өзенінің оң жағалауындағы суайрықтарының бірінде орналасқан. Жерлеу-ғұрыптық құрылыстардың өзіндік ерекшеліктері («гантель тәрізді» құрылым, тікбұрышты «ғибадатхана») және материалдық мәдениет бұйымдары бойынша ғұн-сармат уақытымен мерзімделеді. Мәйіт қалыпты түрде басы солтүстікке бағытталып, ұзынынан созыла жерленген.Темір ауыздық, қола айылбас,

қола сәулелі бір жапырақшалы фибула, айқышсыз және ұшы жоқ ұзын темір қылыш секілді әртүрлі жәдігерлер зерттелген кешендерді алдын ала II ғ. екінші жартысы – III ғ. екінші жартысымен мерзімдеуге мүмкіндік береді.
Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2025 жж. арналған іргелі ғылыми зерттеулер бағдарламасы шеңберінде, ЖТН BR20280993 жобасы аясында дайындалды.
Сілтеме: Мамедов А.М., Баиров Н.М., Уразмағамбетов Н.Н., Амелин В.А. 2024. Аққисық I қорымындағы 2023 жылғы археологиялық зерттеу нәтижелері. *Марғұлан оқулары–2024.* 2 том. 1-т. 200–214-бб. (Орысша).

А.М. Мамедов[1], Н.М. Баиров[2], Н.Н. Уразмағамбетов[3], В.А. Амелин[1]*
[1]Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г. Актобе, Алматы, Казахстан
[2]Калмыцкий государственный университет им. В.В. Городовиков, г. Элиста, Россия
[3]Актюбинский областной историко-краеведческий музей, г. Актобе, Казахстан
** автор-корреспондент*

Итоги археологических исследований могильника Аккисык I в 2023 году

В статье изложены результаты исследований могильника Аккисык I – одного из крупных некрополей раннего железного века, состоящего из разнообразных объектов. В географическом отношении комплекс тяготеет к Северному Приаралью и располагается на одном из водоразделов правобережья р. Иргиз – правом притоке р. Тургай. Полученные материалы по специфическим особенностям погребально-поминальных сооружений («гантелелевидное» сооружение, подпрямоугольное «святилище») и предметам материальной культуры датируются гунно-сарматским временем. Трупообращение стандартизировано – вытянутое положение погребённых, головой на север. Инвентарь разнообразен и представлен длинным железным мечом без перекрестья и навершия, бронзовой лучковой одночленной фибулой, бронзовой пряжкой, железными удилами, которые позволяют датировать исследованные комплексы предварительно 2-й пол. II – 2-й пол. III в.
Источник финансирования: Работа выполнена в рамках программы фундаментальных научных исследований Комитета науки МНВО РК на 2023–2025 гг., ИРН BR20280993.
Цитирование: Мамедов А.М., Баиров Н.М., Уразмағамбетов Н.Н., Амелин В.А. 2024. Итоги археологических исследований могильника Аккисык I в 2023 году. *Маргулановские чтения–2024.* В 2-х т. Т. 1. С. 200–214.

Введение

В 2023 г. сотрудниками Института археологии им. А.Х. Маргулана по региональной программе «Комплексное исследование памятников эпохи гуннов» проведены археологические исследования могильника Аккисык I, расположенного в 34 км к ЮЮВ от села Талдык (Айтекебийский р-н, Актюбинская обл.) (рис. 1)* (*Иллюстрации подготовлены авторами). Объекты могильника занимают относительно ровный участок одноимённой возвышенности левобережья р. Шетиргиз – притока р. Иргиз (в 11 км к ЗСЗ от места их слияния).

На могильнике насчитывается 50 погребально-поминальных объектов, представляющих собой курганы и разные по форме «гантелевидные» сооружения, «святилища» и т.д. Они в плане образуют цепочку, вытянутые с ВСВ на ЗЮЗ на расстояние 1,4 км. С южной стороны могильник огибает грунтовая дорога. В полевом сезоне 2023 г. исследованы объекты 34, 38 и курган № 39 (рис. 2).

Материалы и методы исследования

Методика исследования

Археологические раскопки осуществлены методом фиксации стратиграфии бровок и плана объектов по методике исследования могильников курганного типа. Вся документация по памятнику производилась с применением геодезического оборудования и квадрокоптера и его калибровки с помощью лазерного тахеометра Nikon NPR-332. При анализе погребального обряда и сопутствующего инвентаря применён сравнительно-типологический метод. Найденные артефакты

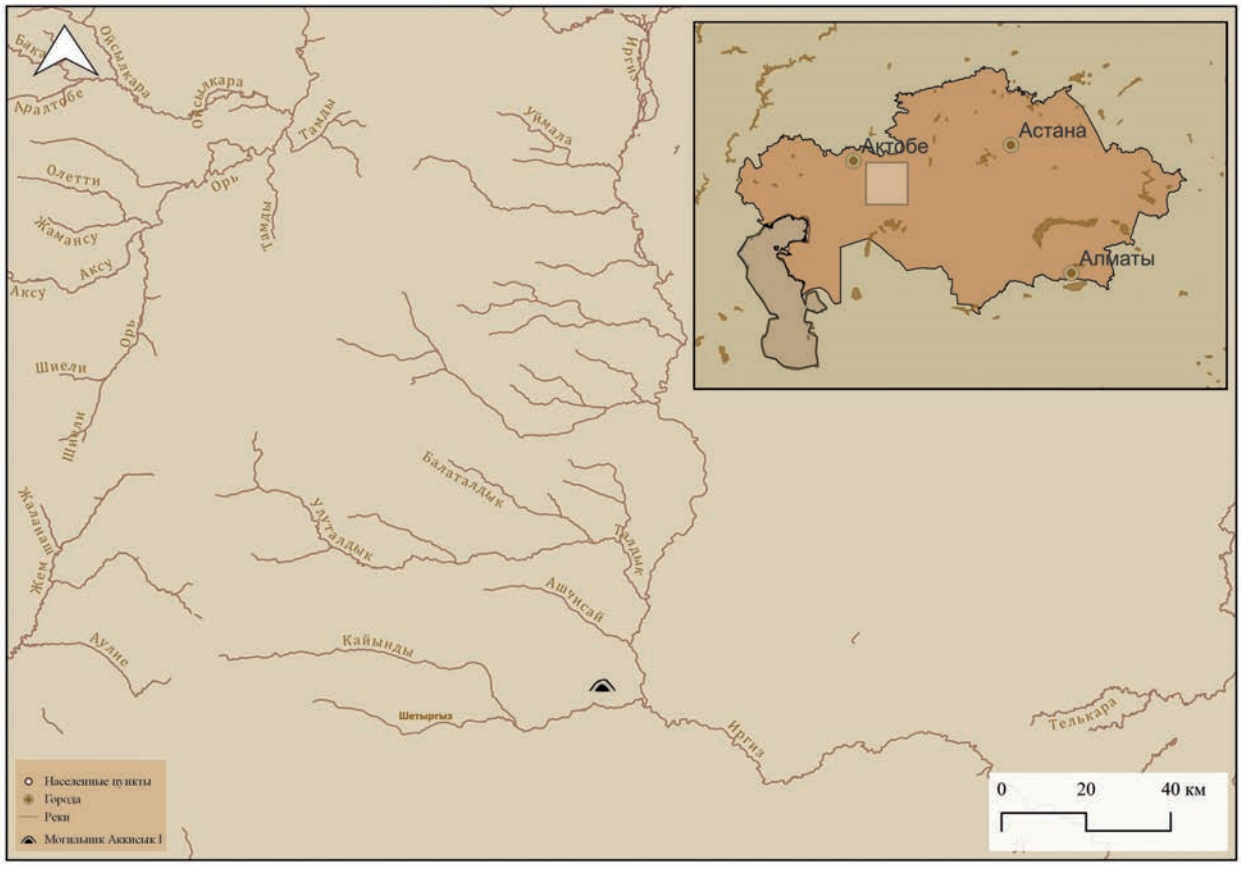


Рис. 1. Карта-схема расположения курганного могильника Аккисык I
1-сур. Аққисық I обалы қорымының орналасу сызба-картасы
Fig. 1. Schematic map of the location of the Akkisyk I burial ground

до отрисовки и фотографирования очищены, далее некоторые частично отреставрированы в лабораторных условиях.

Раскоп объекта 34 в плане имел прямоугольную форму (38 × 8 м). Он охватывал всю площадь конструкции и прилегающие к ней участки. Исследование осуществлялось с оставлением одной осевой бровки СВ–ЮЗ и трёх бровок СЗ–ЮВ шириной 40 см. Снос насыпи и вала производился послойно, вручную метрическими горизонтами по 10–15 см (рис. 3).

Исследование объекта 38 производилось поэтапно. Перед раскопками были обозначены границы раскопа, которые охватывали конструкцию и прилегающие к нему участки. Площадь раскопа 40 × 32 м, взаимоперпендикулярные бровки (ширина 40 см) ССЗ–ЮЮВ и ЗЮЗ–ВСВ разделили его на четыре сектора. Снятие насыпи проводилось метрическими горизонтами послойно по 10–15 см. На первом этапе на валах и в насыпях был снят только дёрн. На прилегающих участках раскоп доведён до уровня материка. В результате были обозначены примерные границы святилища. Под дёрном зафиксированы рвы, прилегающие к валу как снаружи, так и внутри сооружения. На втором этапе производился снос обеих насыпей с оставлением двух бровок ССЗ–ЮЮВ и ВСВ–ЗЮЗ (рис. 6).

Снятие насыпи кургана № 39 осуществлялось также метрическими горизонтами по 10–15 см с оставлением одной бровки З–В шириной 1,0 м. Уровень раскопа доведён до материка. В ходе

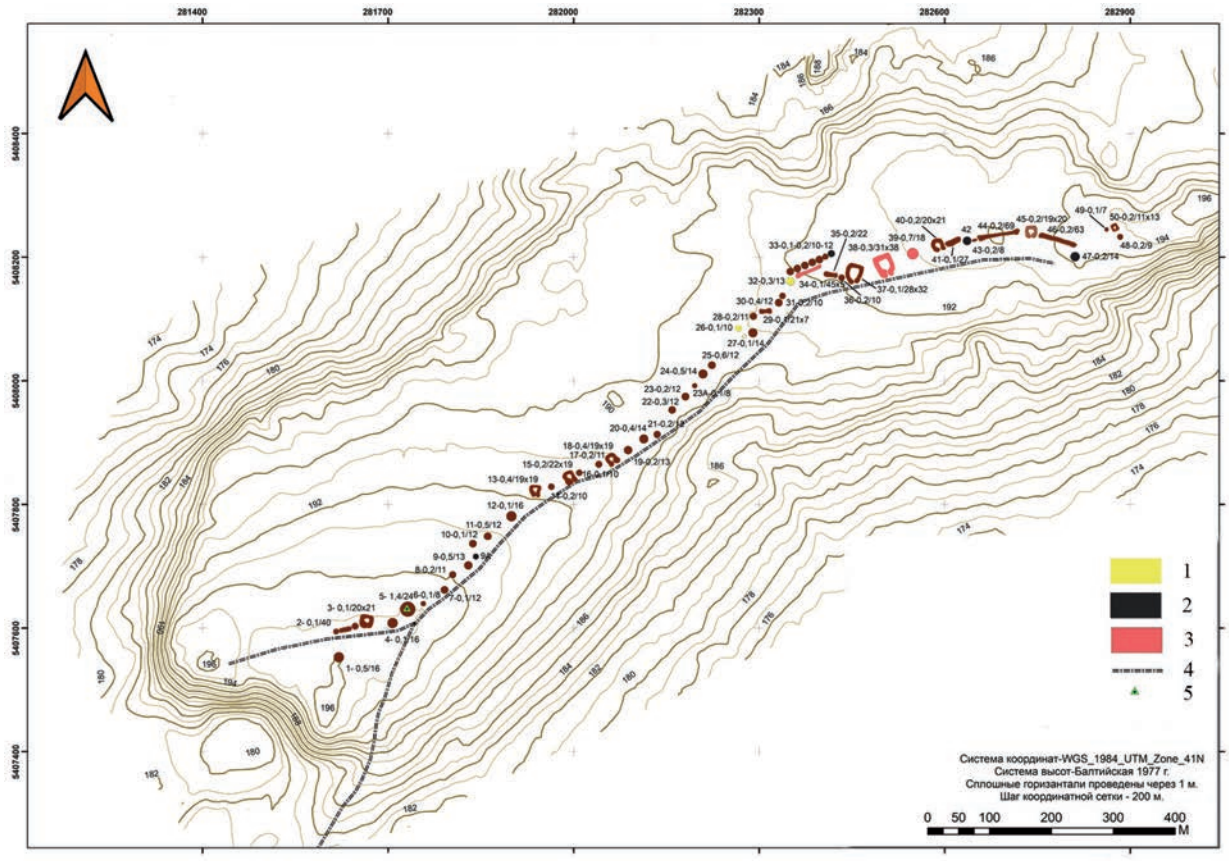


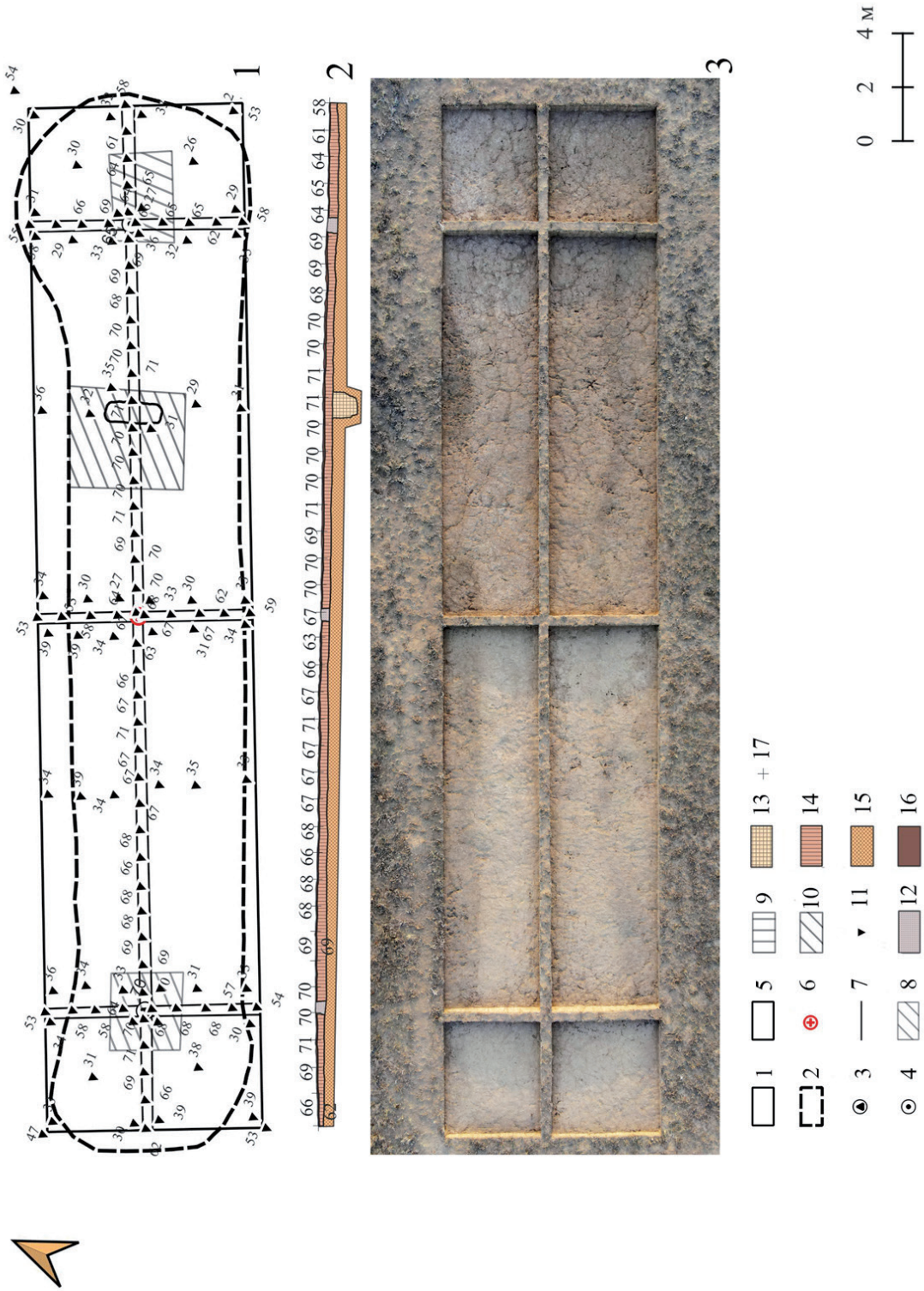
Рис. 2. План-схема мог. Аккисык I. Топографический план (*1* – раскопки 2021 г. *2* – раскопки 2022 г., *3* – раскопки 2023 г., *4* – полевая дорога, *5* – триангуляционный знак)
2-сур. Аққисық I қор. жоспар-сызбасы. Топографиялық жоспар (*1* – 2021 ж. қазбалар, *2* – 2022 ж. қазбалар, *3* –2023 ж. қазбалар, *4* – дала жолы, *5* – триангуляциялық белгі)
Fig. 2. Plan-scheme of Akkisyk I b.g. Topographic plan (*1* – excavations of 2021, *2* – excavations of 2022, *3* – excavations of 2023, *4* – field road, *5* – triangulation mark)

снятия грунта обнаружены деревянные плахи, которые концентрировались в центре насыпи и находились на материке. На периферии погребальной площадки обнажился круговой ров шириной до 2,7 м (рис. 7).

Описание материала

«Гантелевидное» сооружение 34 расположено в северо-восточной половине могильника, южнее объекта 33, представляющего цепочку курганов (рис. 2). Сам объект 34 состоит из двух земляных курганов, соединённых между собой валом. Сооружение имеет длину 39 м, вытянуто с северо-востока на юго-запад. Размеры курганных насыпей: северо-восточная – 8,8 м, юго-западная – 7,4 м. Длина соединяющего вала составляет 25 м, ширина – 6,5 м. На современной дневной поверхности элементы конструкции слабо выражены.

Наблюдение за стратиграфией показало, что насыпь перекрывает слабозадернованый слой суглинка тёмно-серого цвета мощностью 4–6 см. Сама насыпь тела объекта представлена светло-коричневым суглинком. Её мощность в центре вала 27–30 см, а по центру насыпей на окончаниях – 35–40 см. Материк находился на глубине 42–45 см от современной дневной поверхности и представлен суглинком светло-серого цвета.


1
2
3
0 2 4 м
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13 + 17
14
15
16

После снятия насыпи был зафиксирован ров тёмно-бурого цвета, окружавший насыпи и вал по периметру. Ров у северного основания вала имел разрыв (рис. 3).

В ходе снятия грунта в центральной части конструкции собраны фрагменты лепного сосуда, лежавшие на его поверхности и в толще насыпи (рис. 5, *4*). После зачистки материка могильное пятно не выявлено. Заложенный дополнительный раскоп глубиной 20 см на обоих окончаниях и на месте аномалии, указанной в георадарном снимке, позволил выявить очертания могильного пятна в 7,3 м от условного центра сооружения (на месте соединения вала с северо-восточной насыпью). На материке пятно выделялось более тёмным заполнением, имевшим форму вытянутого прямоугольника (2,2 × 0,8 м). На уровне материка могильная яма была подпрямоугольной формы (1,94 × 0,59 м), ориентированной по оси С–Ю с небольшим отклонением к западу. Стенки отвесные, с небольшими уклонами (глубина 0,85 м).

На дне могильной ямы, по её центру, лежал скелет взрослого человека, предположительно мужчины. Он был уложен вытянуто на спине, головой на север с небольшим отклонением на запад. Кости рук покоились вдоль туловища, ноги лежали прямо. Череп завалился вправо, имел следы искусственной деформации. Вдоль стенки могилы фиксировались деревянные плахи от гробовища (рис. 4).

Сопровождающий инвентарь включает:

- длинный железный меч без перекрестия и навершия. Находился вдоль правой руки погребённого. Его длина 75 см, сохранившаяся длина рукояти 6 см, ширина клинка у рукояти 2 см (рис. 5, *1*);

- бронзовую лучковую одночленную фибулу, по всей видимости, с раскованной ножкой. Обнаружена под южной стенкой у ног погребённого. Спинка изделия с длинной проволочной обмоткой незначительно нависает над пружиной. Примерная длина фибулы около 6,1 см, длина обмотки 2,2 см (рис. 5, *2*);

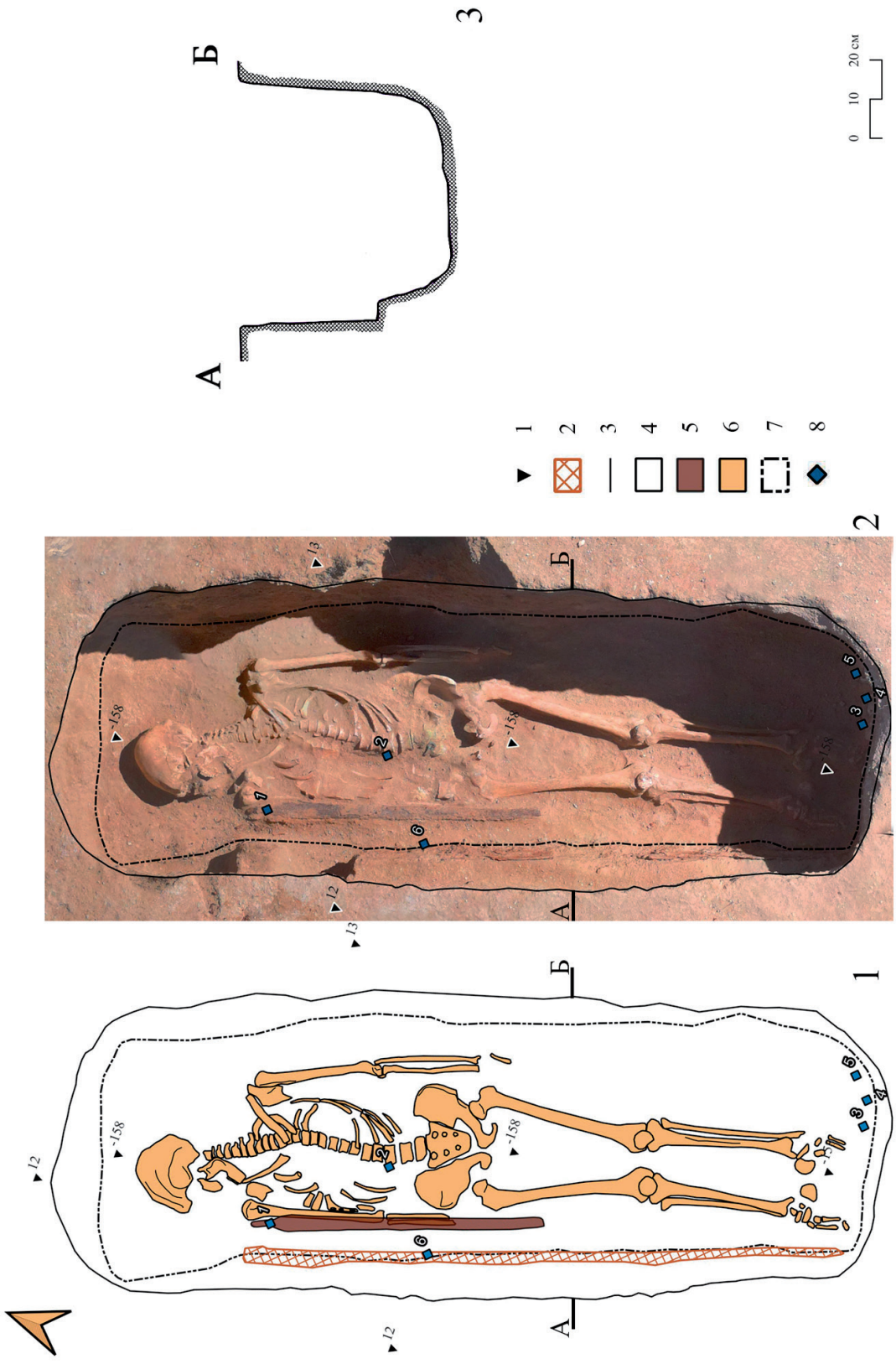
- бронзовую пряжку с плоской в сечении рамкой округлой формы и утолщением в передней части, лежавшей поверх тазовых костей. Подтрапециевидной формы щиток со скруглённой задней частью изготовлен из тонкой согнутой пополам пластины (нижняя часть пластины у́же верхней). Для крепления с рёмнем в задней части щитка устроены бронзовый и железный штифты. Язычок отсутствует. Длина пряжки 4,7 см, ширина ременного проёма 0,6 см (рис. 5, *3*);

- фрагменты железных удил, выявленные в юго-восточном углу погребальной камеры (рис. 5, *5*).

Рис. 3. Мог. Аккисык I. «Гантелевидное» сооружение 34: ***1*** – план (1 – верхний контур погребения, 2 – контур сооружения, 3 – условный центр западной насыпи; 4 – условный центр восточной насыпи, 5 – границы раскопа, 6 – условный центр сооружения; 7 – бровки; 8 – шурф № 1, 9 – шурф № 2, 10 – шурф № 3, 11 – отметка высот); ***2*** – профиль З–В (12 – бровка, 13 – могильная засыпь, 14 – насыпь сооружения, 15 – материк, 16 – дёрн, 17 – отметки высот); ***3*** – вид сверху после снятия насыпи сооружения

3-сур. Аққисық I қор. «Гантель тәрізді» 34 құрылыс: ***1*** – жоспар (1 – жерлеудің беткі контуры, 2 – құрылыс контуры, 3 – батыс үйіндінің шартты ортасы, 4 – шығыс үйіндінің шартты ортасы, 5 – қазбаның шекаралары, 6 – құрылыстың шартты ортасы, 7 – қималар, 8 – № 1 шурф, 9 – № 2 шурф, 10 – № 3 шурф, 11 – биіктіктер белгісі); ***2*** – Б–Ш профилі (12 – қима, 13 – қабір топырағы, 14 – құрылыс үйіндісі, 15 – материк, 16 – шым, 17 – биіктік белгілері); ***3*** – құрылыс үйіндісі алынғаннан кейінгі үстінен көрініс

Fig. 3. Akkisyk I b.g. «Dumbbell-shaped» construction 34: ***1*** – plan (1 – upper contour of the burial, 2 – contour of the structure, 3 – conditional centre of the western embankment, 4 – conditional centre of the eastern embankment, 5 – excavation boundaries, 6 – conditional centre of the structure, 7 – baulks, 8 – pits No. 1, 9 – pits No. 2, 10 – pits No. 3, 11 – height mark); ***2*** – W–E profile (12 – baulk, 13 – grave fill, 14 – embankment of the structure, 15 – mainland, 16 – sod layer, 17 – height marks); ***3*** – top view after removal of the embankment of the structure


1
2
3
А
Б
0 10 20 см
1 2 3 4 5 6 7 8

«Святилище» 38 является одним из крупных объектов могильника, расположено в его восточной половине (рис. 2). Оно представляло собой площадку, окружённую земляным валом. В плане объект имеет подпрямоугольную форму, ориентирован длиной стороной по оси ССЗ–ЮЮВ. На южных углах вал имеет сгиб. На этом месте его окончания приобретают подпрямоугольную форму, длинной осью направленную с ССЗ на ЮЮВ. Таким образом, в южной торцевой стороне устроен вход во внутреннее пространство «святилища». Его общая длина 36,5 м; ширина – 29,6 м. Ширина земляного вала 7,5 м; высота – 0,22 м. Размеры строения у входа: западная 13 × 10 × 0,51 м, восточная 12,3 × 9,3 × 0,41 м.

Стратиграфия объекта следующая. Верхний слой – дёрн, мощностью между валами сооружения 22–24 см. Его толщина на валу – 5–10 см, у его основания – 10–17 см. Представлен суглинком тёмно-серого цвета. Насыпь вала сооружена из суглинка светло-коричневого цвета. Материк – суглинок светло-серого цвета (рис. 6).

В ходе первого этапа исследования во внутренней части площадки объекта были обнаружены фрагменты двух сосудов. Первый – гончарный, восстановлен частично. Фрагменты относились к плоскодонному сосуду со слегка отогнутым наружу венчиком. Реконструируемый диаметр дна сосуда 13,5 см; толщина – 0,9 см (рис. 5, *6*). Второй сосуд лепной, тесто хорошего качества. Поверхность сосуда тёмно-серого цвета с элементами лощения. На фрагментах сосуда имеются сквозные отверстия диаметром 0,5 см.

После сноса обеих насыпей могильная яма не обнаружена. Заложенные по их центру дополнительные раскопы не дали результатов. Под восточной насыпью удалось зафиксировать лишь древесные угольки. Дополнительные раскопки проведены внутри святилища и на северном валу, где по георадарным снимкам наблюдались аномалии. В первом случае были найдены обожженные кости. На валу дополнительный раскоп размерами 4 × 4 м также не дал результатов.

Курган № 39 сооружён восточнее святилища, примерно в 50 м от его центра (рис. 2). Насыпь земляная (диаметр – 23 м, высота – 0,8 м). Вокруг кургана фиксировался круговой ров.

Поверхность насыпи кургана покрыта слоем дёрна, представленного суглинком тёмно-серого цвета толщиной 8–9 см. Ниже залегает насыпь мощностью от 90 см до 95 см, сооружённая из суглинка светло-коричневого цвета. В центральной части профиля над погребением прослеживается перекоп (грабительская воронка) шириной в верхней части 2,7 м, сужающийся к материку до 1,3 м. По центру профиля фиксировалось деревянное перекрытие в виде плах шириной 4,9 м и толщиной 6 см. Перекрытие на месте перекопа имело разрыв. У основания насыпи фиксировалась небольшая линза белёсого цвета шириной 1,4 м; мощностью 0,15 м. Вероятнее всего, она представляла собой вал. Материк – суглинок светло-серого цвета. Находился на глубине 1 м от вершины кургана (рис. 7).

Могильная яма находилась по центру кургана. Она на уровне материка выделялась пятном тёмно-коричневого цвета и имела неправильную подквадратную форму, ориентированную по

Рис. 4. Мог. Аккисык I. «Гантелевидное» сооружение 34. Погребальная камера:
1 – план (1 – отметки высот погребения, 2 – дерево, 3 – разрезы, 4 – верхний контур погребения, 5 – железный меч, 6 – кости человека, 7 – контур дна погребения, 8 – сопровождающий инвентарь);
2 – ортофотоплан погребения; ***3*** – профиль погребения

4-сур. Аққисық I қор. «Гантель тәрізді» 34 құрылыс. Жерлеу камерасы:
1 –жоспар (1 – жерлеу биіктігі белгілері, 2 – ағаш, 3 – қималар, 4 – жерлеудің жоғарғы контуры, 5 – темір қылыш, 6 – адам сүйектері, 7 – жерлеу түбінің контуры, 8 – табылған заттар);
2 – жерлеудің ортофотожоспары; ***3*** – жерлеу профилі

Fig. 4. Akkysyk I b.g. «Dumbbell-shaped» construction 34. Burial chamber:
1 – plan (1 – height marks of the burial chamber, *2* – wood, *3* – sections, *4* – upper contour of the burial chamber, *5* – iron sword, *6* – human bones, *7* – contour of the bottom of the burial chamber, *8* – accompanying inventory);
2 – orthophoto plan of the burial chamber; ***3*** – profile of the burial chamber

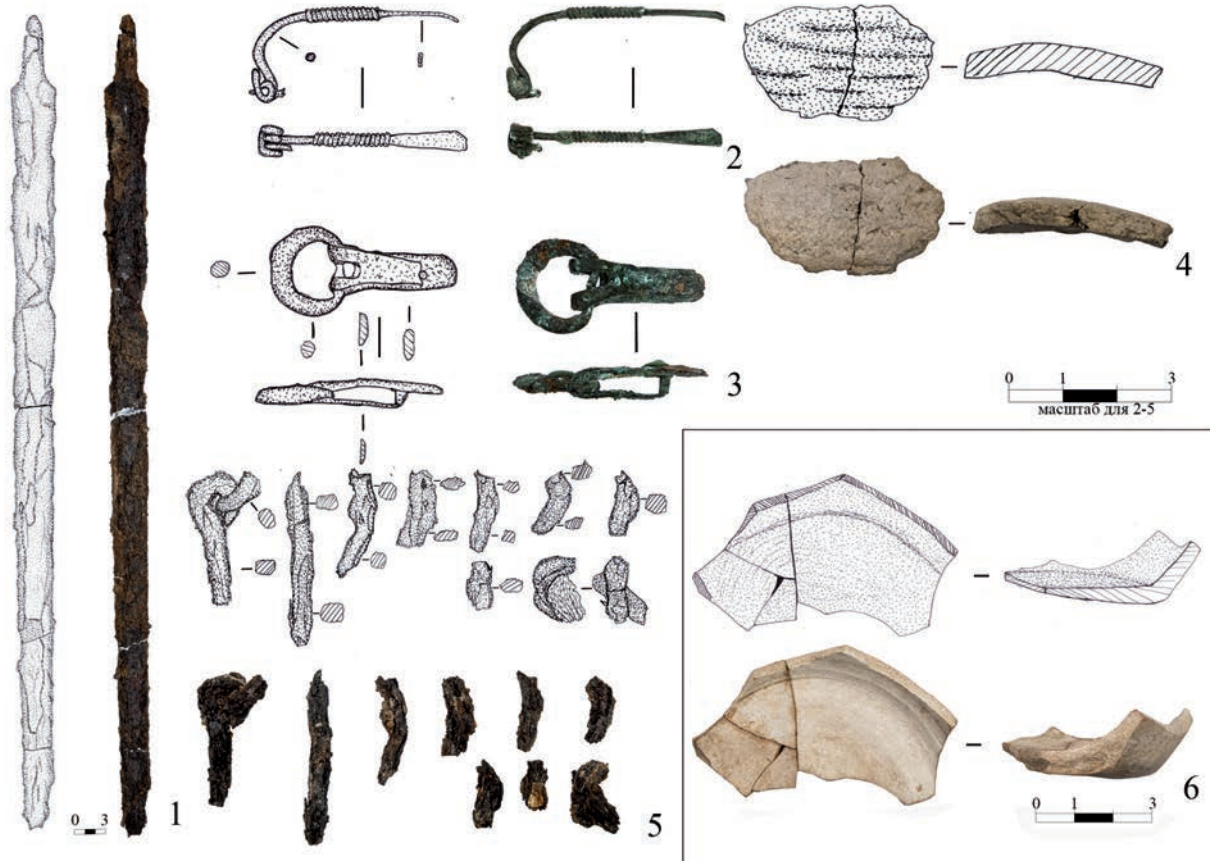


Рис. 5. Мог. Аккисык I. Находки: *1* – меч; *2* – фибула; *3* – пряжка; *4, 6* – фр. керамики, *5* – фр. удил. 1–5 – «Гантелевидное» соор. 34; 6 – «Святилище» 38. 1, 5 – железо; 2, 3 – бронза

5-сур. Аққисық I қор. Табылымдар: *1* – қылыш; *2* – фибула; *3* – тоға; *4, 6* –қыш бөлшегі; *5* – ауыздық бөлшегі 1–5 – «Гантель тәрізді» 34 құрылыс; 6 – 38 «ғибадатхана» 1, 5 – темір; 2, 3 – қола

Fig. 5. Akkisyk I b.g. The finds: 1 – sword; 2 – fibula; 3 – buckle; 4, 6 – fragment of pottery, 5 – fragments of bridles. 1–5 – “Dumbbell-shaped” construction 34; 6 – «Sanctuary» 38. 1, 5 – iron; 2, 3 – bronze

сторонам света. В процессе выборки грунта также фиксировались деревянные плахи, возможно, от перекрытия. На глубине 57 см от уровня материка в юго-восточной части была зачищена широкая ступенька. У дна, на глубине 1,04 м от уровня материка, могила приобрела овальную форму (1,4 × 0,96 м), длинной осью ориентированную по направлению ВСВ–ЗЮЗ. Внутри могилы кости человека и погребальный инвентарь не обнаружены (рис. 8).

Обсуждение

Исследованные объекты мог. Аккисык I датируются в рамках II–IV вв. н.э. и являются однородными в культурно-хронологическом плане. Сам могильник представляет собой один из крупных некрополей, начало функционирования которого, вероятно, относится к сер. – 2-й пол. I тыс. до н.э. К этому времени, вероятно, относится самый большой курган, расположенный у юго-западного края могильника.

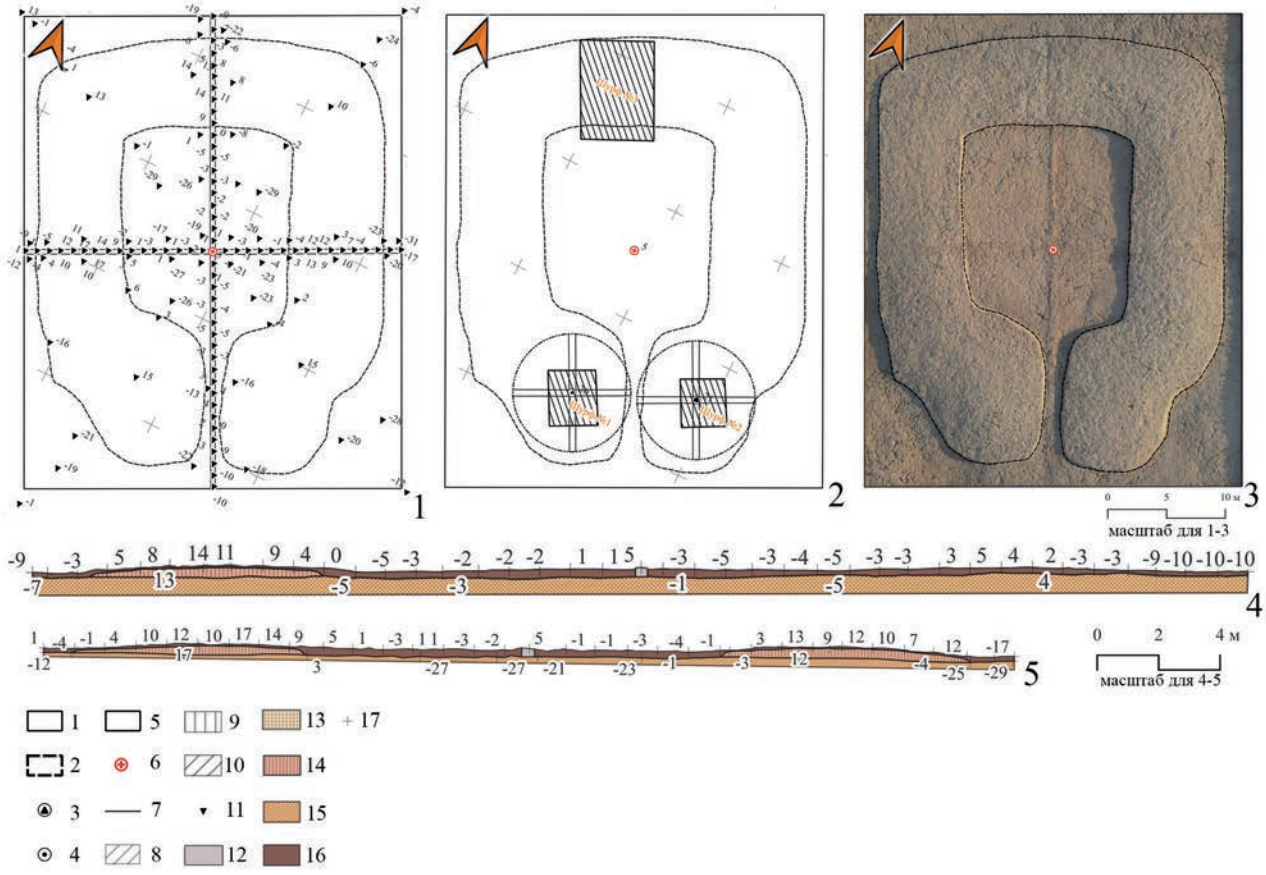


Рис. 6. Мог. Аккисык I. «Святилище» 38: ***1*** – общий план (1 – граница раскопа, 2 – контур сооружения, 6 – условный центр «святилища», 7 – бровки, 11 – отметки высот); ***2*** – общий план (раскоп насыпей и закладка шурфов) (1 – граница раскопа, 2 – контур сооружения, 3 – условный центр восточной насыпи, 4 – условный центр западной насыпи, 6 – условный центр «святилища», 7 – бровки); ***3*** – ортофотоплан «святилища» (1 – граница раскопа, 2 – контур сооружения, 6 – условный центр «святилища»); ***4*** – стратиграфия бровки С–Ю (12 – бровка, 13 – насыпь «святилища», 15 – материк, 16 – дёрн, 17 – отметки высот); ***5*** – стратиграфия бровки З–В (12 – бровка, 13 – насыпь «святилища», 15 – материк; 16 – дёрн; 17 – отметки высот)

6-сур. АққисықI қор. 38 «ғибадатхана»: ***1*** – жалпы жоспар (1 – қазба шекарасы, 2 – құрылыс контуры, 6 – «ғибадатхананың» шартты ортасы, 7 – қималар, 11 – биіктік белгілері); ***2*** – жалпы жоспар (үйінділер қазбасы және шурф салу) (1 – қазба шекарасы, 2 – құрылыс контуры, 3 – шығыс үйіндінің шартты ортасы, 4 – батыс үйіндінің шартты ортасы, 6 – «ғибадатхананың» шартты ортасы, 7 – қималар); ***3*** – «ғибадатхананың» ортофотожоспары (1 – қазба шекарасы, 2 – құрылыс контуры, 6 – «ғибадатхананың» шартты ортасы); ***4*** – С–О қиманың стратиграфиясы (12 – қима, 13 – «ғибадатхана» үйіндісі, 15 – материк, 16 – шым, 17 – биіктік белгілері); ***5*** – Б–Ш қиманың стратиграфиясы (12 – қима, 13 – «ғибадатхана» үйіндісі, 15 – материк, 16 – шым, 17 – биіктік белгілері)

Fig. 6. Akkisyk I b.g. «Sanctuary» 38: ***1*** – general plan (1 – border of excavation, 2 – contour of construction, 6 – conditional centre of «sanctuary», 7 – baulks, 11 – height marks); ***2*** – general plan (excavation of embankments and laying of pits) (1 – border of excavation, 2 – contour of construction, 3 – conditional centre of eastern embankment, 4 – conditional centre of western embankment, 6 – conditional centre of «sanctuary», 7 – baulks); ***3*** – orthophoto plan of «sanctuary» (1 – excavation boundary, 2 – construction contour, 6 – conditional centre of «sanctuary»); ***4*** – stratigraphy of brow N–S (12 – baulk, 13 – embankment of «sanctuary», 15 – mainland, 16 – sod layer, 17 – height marks); ***5*** – stratigraphy of brow W–E (12 – brow, 13 – embankment of «sanctuary», 15 – mainland, 16 – sod layer, 17 – height marks)

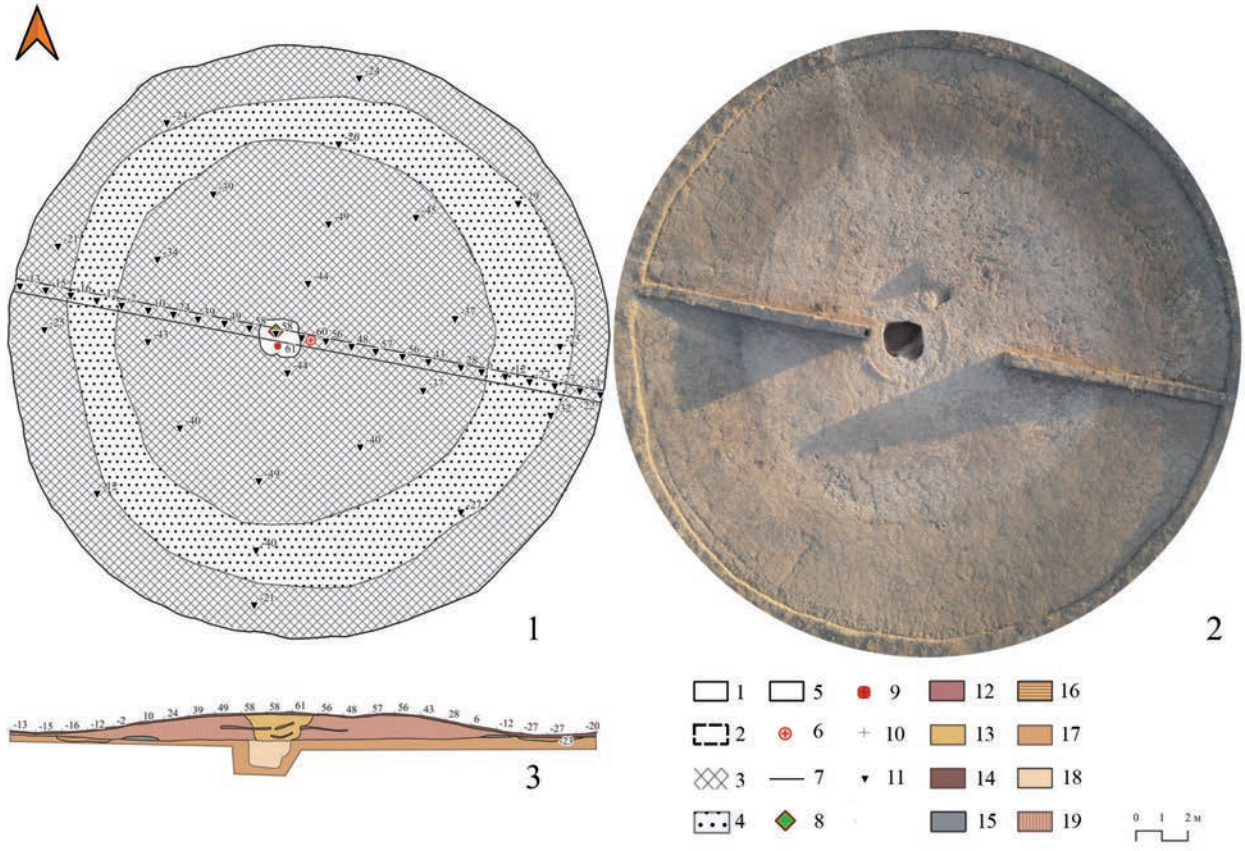


Рис. 7. Мог. Аккисык I, кург. № 39: ***1*** – план (1 – граница раскопа, 3 – материк, 4 – ров, 6 – условный центр кургана, 7 – бровки, 8 – фр. керамики, 9 – фр. дерева, 11 – отметки высот); ***2*** – вид на погребение сверху; ***3*** – стратиграфия бровки З–В (10 – отметки высот, 12 – деревянная конструкция, 13 – перекоп, 14 – дёрн, 15 – вал, 16 – ров, 17 – материк, 18 – м.я.; 19 – насыпь кург.)

7-сур. Аққисық I қор., № 39 оба: ***1*** – жоспар (1 – қазба шекарасы, 3 – материк, 4 – ор, 6 – обаның шартты ортасы, 7 – қималар, 8 – қыш бөлшегі, 9 – ағаш бөлшегі, 11 – биіктік белгілері); ***2*** – жерлеудің үстінен көрініс; ***3*** – Б–Ш қиманың стратиграфиясы (10 – биіктік белгілері, 12 – ағаш конструкция, 13- қазылған жер, 14 – шым, 15 – білік, 16 – ор, 17 – материк, 18 – қабір шұңқыры, 19 – оба үйіндісі)

Fig. 7. Akkisyk I b.g., kurg. No. 39: ***1*** – plan (1 – excavation boundary, 3 – mainland, 4 – ditch, 6 – conditional centre of the kurgan, 7 – baulks, 8 – fragments of pottery, 9 – fragments of wood, 11 – height marks); ***2*** – top view of the burial; ***3*** – stratigraphy of the W–E baulk (10 – height marks, 12 – wooden structure, 13 – dig, 14 – sod layer, 15 – rampart, 16 – ditch, 17 – mainland, 18 – grave pit, 19 – kurgan embankment)

Большинство курганов могильника незначительных размеров. Все исследованные объекты земляные. В устройстве объектов присутствует определённая закономерность. Вероятно, центральными объектами памятника являются «святилища», в расположении которых наблюдается чередование с курганами или с «гантелевидными» сооружениями. Кроме того, нахождение курганов и «гантелевидных» сооружений по обеим сторонам «святилища» зависело от направления входа в его внутреннее пространство.

Обнаруженная под «гантелевидным» сооружением могила прямоугольной формы и содержала одно захоронение. Погребённый лежал вытянуто на спине, головой на север. Интересно

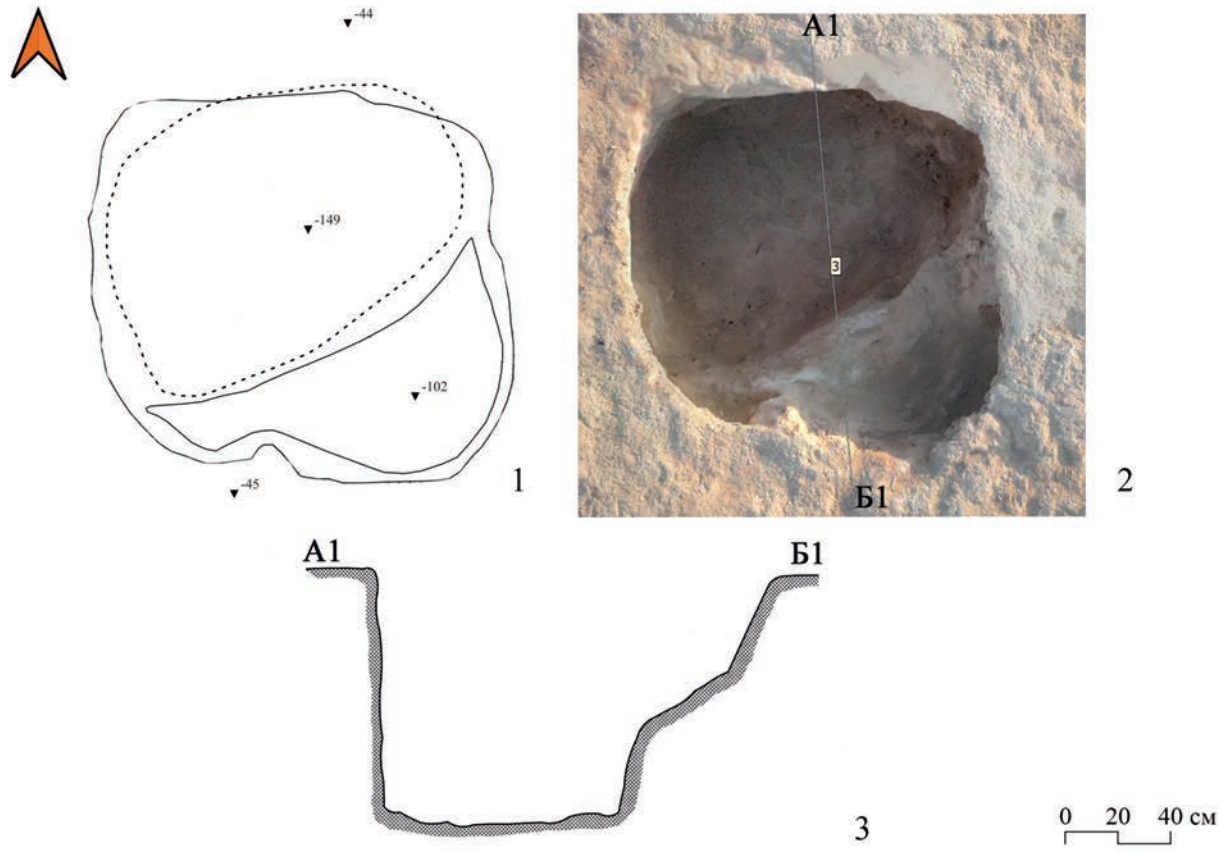


Рис. 8. Мог. Аккисык I, кург. № 39, погребение: *1* – план; *2* – ортофотоплан; *3* – профиль
8-сур. Аққисық I қор., № 39 оба, жерлеу: *1* – жоспар; *2* – ортофотожоспар; *3* – профилі
Fig. 8. Akkisyk I b.g., kurg. No. 39, burial: *1* – plan; 2 – orthophoto plan; 3 – profile

нахождение могилы под насыпью в месте соединения длинного вала с восточной насыпью (рис. 3; 4). Аналогичная ситуация наблюдалась и при раскопках «гантелевидного» сооружения мог. Акбулак III [Бисембаев и др. 2018: 238].

Инвентарь представлен железным мечом, бронзовыми фибулой и пряжкой, железными удилами, которые, в целом, относятся к II–IV вв. (рис. 5, *1*–*5*).

Хронология железных мечей без навершия и перекрестия достаточно давно рассмотрена и в принципе позволяет датировать комплекс этим временем. У анализируемого меча штырь постепенно расширяется к низу, переходя в клинок (рис. 5, *1*). Аналогичные находки по классификации А.М. Хазанова относятся ко 2-му типу. Как отмечает исследователь, к III в. рукояти немного изменяются: переход штыря от рукояти к клинку становится прямой [Хазанов 1971: 17, 20].

Ещё одним хроноиндикатором является бронзовая пряжка с плоской в сечении рамкой округлой формы и утолщением в передней части (рис. 5, *3*). Видимо, она использовалась как элемент пояса или портупейного ремня. Об этом может свидетельствовать нахождение её на тазовых костях и на небольшом расстоянии от меча. Две схожие бронзовые пряжки с овальными, незначительно утолщёнными в передней части рамками и прямоугольными щитками происходят

из кург. № 9 мог. Покровка II. Датированы они в рамках 2-й пол. III в. н.э. [Малашев 2000: 209; Малашев, Яблонский 2008: 111, рис. 203, *1–2*].

Хронологическую позицию «гантелевидного» сооружения 34 определяет и бронзовая лучковая одночленная фибула (рис. 5, *2*). А.К. Амброз время распространения таких находок в целом относит ко 2-й пол. II–III в. н.э. [Амброз 1966: 50–51]. И.Э. Любчанский и Д.В. Денисова отмечают, что нахождение фибул данного типа в области локтей, кистей и голеностопов единично [Любчанский, Денисова 2014: 125]. Ряд исследователей, проанализировав комплексы Нижнего Поволжья и Южного Приуралья, посчитали возможным определить верхнюю границу таких фибул сер. III в. н.э. [Скрипкин 1977: 107; Мошкова 2000: 186; Малашев, Яблонский 2008: 60].

К предметам узды относятся железные удила (рис. 5, *5*). К сожалению, они плохой сохранности и не могут выступать датирующими находками. Определить более точное время сооружения «святилища» 38 и кург. № 39 не представляется возможным. В первом случае могильная яма не была обнаружена, во втором – погребение оказалось без находок.

В литературе не раз отмечалось отсутствие могил под насыпями «святилищ» и «гантелевидных» сооружений. Так, например, при исследовании 28 сооружений-оград в группах IV–VI Лебедевского могильника (Есен-Амантау), кроме костей мелкого рогатого скота, развалов сосудов и фрагментов керамики, ничего обнаружено не было [Мошкова 1984: 196–201]. Аналогичная ситуация наблюдалась и на мог. Сарытау I и Восточно-Курайлинский I, где захоронения не были выявлены. В первом случае в юго-западной части сооружения Сарытау I фиксировались три бронзовых колокольчика [Боталов, Гуцалов 2000: 89, 96, рис. 30, *II–III*].

С другой стороны, нужно отметить, что исследования «святилищ» на территории Актюбинской обл. показывает наличие погребений в могильных ямах, устроенных под насыпями, сложенных у входа во внутреннее пространство. Одно захоронение исследовано под западной насыпью сооружения 13 мог. Целинный I [Боталов, Гуцалов 2000: 90, рис. 30, *I*]. Ещё одна могильная яма находилась также в юго-западном углу «святилища» на мог. Сарытау II (Жайлаусай) [Бисембаев, Дусенгали 2008: 99].

Таким образом, вопрос о назначении данных архитектурных сооружений остаётся открытым. Вероятно, часть из них сооружалась как погребально-поминальные комплексы, а другие носили культовый характер. Об этом говорит нахождение в вышеперечисленных сооружениях-«святилищах» погребений в их юго-западных частях, которые либо вообще отсутствуют и фиксируются только кости животных и сосуды.

Устройство на территории одного памятника «гантелевидных» сооружений и «святилищ» встречается в Южном Приуралье, в степном Зауралье. Похожие объекты, представленные каменными оградами различных типов с алтарно-жертвенными конструкциями и бидельтоидными сооружениями, имеются и на Мангышлаке (Алтынказган) [Астафьев, Богданов 2018: 348]. Далее на юг они зафиксированы на плато Устюрт в мог. Чаш-Тепе [Рапопорт, Трудновская 1979: 151].

Заключение

Таким образом, мог. Аккисык I можно отнести к разряду одного из крупных некрополей Западного Казахстана. Его размеры и концентрация только на одном могильном поле большого количества разнообразных курганов и сооружений позволяет отнести его к разряду больших некрополей населения 1-й пол. I тыс. до н.э. Исследования, проведённые на этом памятнике, показали, что основное время его функционирования относится ко 2-й пол. II – 2-й пол. III в.

Анализ погребального обряда показывает, что в этот период в степях Южного Приуралья и Тоболо-Тургая происходят большие изменения, которые, прежде всего, коснулись религиозных представлений. Подтверждением этому по нашему мнению является появление большого количества новых типов сооружений («святилища», «гантелевидные» сооружения и т.д.). При этом

поздние «сарматы» при строительстве объектов учитывали статус погребённых, для которых подбирался определённый участок на территории могильного поля. Вместе с тем, над их могилой по канонам погребального обряда, видимо, полагалось возводить определённый тип сооружений.

Надо отметить, что на территории Казахстана и юга России, начиная от Тоболо-Тургая и далее на запад, культура кочевников позднесарматского времени формируется за довольно короткий промежуток, позволяющее предположить, что она приходит как бы в «готовом» виде. Это обстоятельство ставит одну из первостепенных задач в сарматологии – поиск региона-донора, откуда могла происходить миграция большого массива населения, вероятно, представленного в основном воинским контингентом. С другой стороны, нельзя исключать, что степи Казахстана могут выступать той территорией, где зарождалась традиция создания «гантелевидных» сооружений, «святилищ» и иных типов объектов. Причиной этого могла быть потребность объединения больших племенных групп под единой властью.

ЛИТЕРАТУРА

1 *Амброз А.К*. Фибулы юга Европейской части СССР / САИ. Вып. Д1-30. М.: Наука, 1966. 141 с.
2 *Астафьев А.Е., Богданов Е.С*. Ритуальные сооружения гуннского времени на Мангышлаке // Stratum plus. 2018. № 4. С. 347–368.
3 *Бисембаев А.А., Дуйсенгали М.Н.* Новые материалы гуннского времени с территории Актюбинской области // УАВ. 2008. Вып. 8. С. 99–101.
4 *Бисембаев А.А., Хаванский А.И., Дуйсенгали М.Н., Мамедов А.М., Баиров Н.М., Амелин В.А.* Исследование памятников гуннского времени в Актюбинской области в 2018 г. (предварительное сообщение) // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2018. № 1–2. С. 235–244.
5 *Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю*. Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Рифей, 2000. 269 с.
6 *Любчанский И.Э., Денисова Д.В.* Фибулы позднесарматского времени из могильников Южного Урала // Сарматы и внешний мир. (УАВ. Вып. 14). 2014. С. 124–129.
7 *Малашев В.Ю.* Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону: Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1 / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 194–207.
8 *Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т.* Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. М.: Вост. лит., 2008. 365 с.
9 *Мошкова М.Г.* Культовые сооружения Лебедевского могильника // Древности Евразии в скифо-сарматское время / Под ред. А.И. Мелюковой, М.Г. Мошковой, В.Г. Петренко. М.: Наука, 1984. С. 196–201.
10 *Мошкова М.Г.* Фибулы из позднесарматских погребений Южного Приуралья: вопросы хронологии и производства // Нижневолжский археологический вестник. 2000. Вып. 3. С. 186–196.
11 *Рапопорт Ю.А., Трудновская С.А.* Курганы на возвышенности Чаш-тепе // Кочевники на границах Хорезма / Отв. ред. М.А. Итина. М.: Наука, 1979. С. 151–166.
12 *Скрипкин А.С.* Фибулы Нижнего Поволжья // СА. 1977. № 2. С. 100–120.
13 *Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 172 с.

REFERENCES

1 Ambrose, A. K. 1966. *Fibuly yuga Evropeyskoy chasti SSSR (Fibulae of the south of the European part of the USSR)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
2 Astafiev, A. E., Bogdanov, E. S. 2018. In *Stratum plus* 4, 347–368 (in Russian).
3 Bissembaev, A. A., Duisengali, M. N. 2008. In *Ufimskiy arheologicheskiy vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 8, 99–101 (in Russian).
4 Bissembaev, A. A., Khavansky, A. I., Duisengali, M. N., Mamedov, A. M., Bairov, N. M., Amelin, V. A. 2018. In *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)* 1–2, 235–244 (in Russian).
5 Botalov, S. G., Gutsalov, S. Y. 2000. *Gunno-sarmaty Uralo-Kazahstanskih stepey (Hunno-Sarmatians of the Ural-Kazakh steppes)*. Chelyabinsk: “Rifey” Publ. (in Russian).
6 Lyubchansky, I. E., Denisova, D. V. 2014. In *Ufimskiy arheologicheskiy vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 14, 124–129 (in Russian).
7 Malashev, V. Y. 2000. In: Guguev, Y. K. (ed.). *Sarmaty i ih sosedi na Donu (Sarmatians and their neighbors on the Don).* Rostov-on-Don: “Terra” Publ., 194–207 (in Russian).

8 Malashev, V. Y., Yablonsky, L. T. 2008. *Stepnoe naselenie Yuzhnogo Priuralia v pozdnesarmatskoe vremya: po materialam mogilnika Pokrovka 10 (Steppe population of the Southern Urals in the late Sarmatian period: based on materials from the Pokrovka 10 burial ground).* Moscow: "Vostochnaya literatura" Publ. (in Russian).
9 Moshkova, M. G. 1984. In: Melyukova, A. I., Moshkova, M. G., Petrenko, V. G. (eds.). *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremya (Antiquities of Eurasia in the Scythian-Sarmatian time).* Moscow: "Nauka" Publ., 196–201 (in Russian).
10 Moshkova, M. G. 2000. In *Nizhnevolzhskiy arheologicheskiy vestnik (The Lower Volga Archaeological Bulletin)* 3, 186–196 (in Russian).
11 Rapoport, Y. A., Trudnovskaya, S. A. 1979. In: Itina, M. A. (ed.). *Kochevniki na granitsah Horezma (Nomads on the borders of Khorezm).* Moscow: "Nauka" Publ., 151–166 (in Russian).
12 Skripkin, A. S. 1977. In *Sovetskaya arheologiya* (*Soviet archaeology*) 2, 100–120 (in Russian).
13 Khazanov, A. M. 1971. *Ocherki voennogo dela sarmatov (Essays on the military affairs of the Sarmatians).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

About the Authors
Mamedov Aslan – Director of the West Kazakhstan branch of the Margulan Institute of Archaeology, Aktobe, Kazakhstan. ORCID: 0000-0003-0369-5234 E-mail: mamedovaslan@mail.ru
Bairov Nursultan – Graduate student, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russia. ORCID: 0000-0002-6388-0047 E-mail: nmbairov91@mail.ru
Urazmagambetov Nurshat – Junior Researcher, Aktobe Regional Museum of Local History, Aktobe, Kazakhstan. ORCID: 0009-0009-8632-2206 E-mail: urazmagambetov96@gmail.com
Amelin Viktor – Junior Researcher, West Kazakhstan branch of the Margulan Institute of Archaeology, Aktobe, Kazakhstan. ORCID: 0009-0004-0348-8635 E-mail: vityara2706@mail.ru

Авторлар туралы мәліметтер
Мамедов Аслан Мәлікұлы – Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының Батыс Қазақстан филиалының директоры, Ақтөбе қ., Қазақстан
Баиров Нұрсұлтан Майлыбайұлы – аспирант, В.В. Городовиков атындағы Калмык мемлекеттік университеті, Элиста қ., Россия
Уразмағамбетов Нұршат Нұрқатұлы – кіші ғылыми қызметкер, Ақтөбе облыстық тарихи-өлкетану музейі, Ақтөбе қ., Қазақстан
Амелин Виктор Алексеевич – кіші ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Ақтөбе қ., Қазақстан

Сведения об авторах
Мамедов Аслан Маликович – директор Западно-Казахстанского филиала Института археологии имени А.Х. Маргулана, г. Актобе, Казахстан
Баиров Нурсултан Майлибаевич – аспирант, Калмыцкий государственный университет имени В.В. Городовикова, г. Элиста, Россия
Уразмагамбетов Нуршат Нуркатович – МНС, Актюбинский областной историко-краеведческий музей, г. Актобе, Казахстан
Амелин Виктор Алексеевич – младший научный сотрудник, Институт археологии имени А.Х. Маргулана, г. Актобе, Казахстан

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 01.04.2024.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 01.05.2024.
Авторлар жұмысқа бірдей үлес қосты. / Авторы внесли равноценный вклад в работу. / The authors have made an equal contribution to the work.

УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03.41.91
https://doi.org/10.52967/3007-6528.2024.1.215.225

Каратобе-3 – комплекс сарматского времени близ г. Житикара (Северный Казахстан): предварительное сообщение

© 2024 г. Джумабекова Г.С., Жамбулатов К.А., Сеитов А.М., Ахияров И.К., Лопатин В.А., Базарбаева Г.А.

Keywords: *archaeology, Upper Tobol river region, Sarmatians, Karatobe-3, kurgan*
Түйін сөздер: *археология, Жоғарғы Тобыл бойы, сарматтар, Қаратөбе-3, оба*
Ключевые слова: *археология, Верхнее Притоболье, сарматы, Каратобе-3, курган*

G. Jumabekova[1], K. Zhambulatov[1], A. Seitov[1], I. Akhiyarov[1], V. Lopatin[2] and G. Bazarbayeva[1]*
[1]Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan
[2]local historian, Jitiqara, Kazakhstan
**corresponding author*

Karatobe-3 – a Sarmatian time complex near the town of Jitiqara (Northern Kazakhstan): preliminary report

In the field season of 2023, near the city of Jitiqara, the staff of the Kostanay Archaeological Expedition of the Margulan Institute of Archaeology at the Karatobe-3 burial ground investigated mound no. 2. During the excavations three burials were studied (b. 1–3). In the central part (b. 1), the burial of a woman was revealed, outside the clay shaft dividing the sacred space, in the southwestern and northeastern sectors of the mound, the graves of male warriors were found (b. 2, 3). The inventory is represented by a variety of objects characterizing the complex corresponding to the status and position of the buried (swords, arrowheads, mirrors, jewelry, etc.). The design of grave structures, the arrangement of grave pits and accompanying inventory indicate the originality of the complex, which allows it to be correlated with elite burials. The estimated dating of the studied material is the second half of the 4th–3rd centuries BC.
Source of funding: The publication was carried out within the framework of granted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2022–2024, project IRN AP 14870373.
Citation: Jumabekova, G., Zhambulatov, K., Seitov, A., Akhiyarov, I., Lopatin, V., Bazarbayeva, G. 2024. Karatobe-3 – a Sarmatian time complex near the town of Jitiqara (Northern Kazakhstan): preliminary report. *Margulan readings–2024*. In 2 vol. Vol. 1. Pp. 215–225 (in Russian).

Г.С. Жұмабекова[1], Қ.А. Жамбулатов[1], А.М. Сеитов[1], И.К. Ахияров[1], В.А. Лопатин[2], Ғ.А. Базарбаева[1]*
[1]Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан
[2]өлкетаңушы, Жітіқара қ., Қазақстан
**корреспондент авторы*

Қаратөбе-3 — Жітіқара қ. (Солтүстік Қазақстан) маңындағы сармат дәуірі кешені: алдын-ала хабарлама

2023 ж. далалық маусымда Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының Қостанай археологиялық экспедициясы қызметкерлері Жітіқара қ. маңындағы Қаратөбе-3 қорымындағы № 2 обаны зерттеді. Қазба кезінде үш жерлеу орны (1–3 ж.о.) зерттелді. Ортаңғы бөліктен (1-ж.о.) ұрыптық кеңістікті бөліп тұрған саз қоршаудың арғы жағынан әйелдердің қабірі, ал обаның оңтүстік-батыс және солтүстік-шығыс бөліктерінен жауынгер еркектердің қабірі табылды (2, 3-ж.о.). Жерленген адамның дәрежесі мен жағдайына сәйкес кешенді сипаттайтын әртүрлі заттар (семсерлер, жебенің ұштары, айна, әшекей, т. б.) болды. Қорым үстіндегі

құрылымдар, қабірдің орналасуы және ол жерден табылған заттар кешеннің ерекше екенін көрсетіп, оны элиталы жерлеу орнына жатқызуға мүмкіндік береді. Зерттелген материалдың болжамды мерзімі – б.д.д. IV ғ. екінші жартысы – б.д.д. III ғ.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР БЖҒМ ғылым комитетінің 2022–2024 жж. гранттық қаржыландыру аясында дайындалды, жобаның ЖТН AP 14870373.

Сілтеме: Жұмабекова Г.С., Жамбулатов Қ.А., Сеитов А.М., Ахияров И.К., Лопатин В.А., Базарбаева Ғ.А. 2024. Қаратөбе-3 – Жітіқара қ. (Солтүстік Қазақстан) маңындағы сармат дәуірі кешені: алдын ала хабарлама. *Марғұлан оқулары–2024.* 2 том. 1-т. 215–225-бб. (Орысша).

Г.С. Джумабекова[1], К.А. Жамбулатов[1], А.М. Сеитов[1], И.К. Ахияров[1], В.А. Лопатин[2], Г.А. Базарбаева[1]*
[1]Институт археологии имени А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан
[2]краевед, г. Житикара, Казахстан
**автор-корреспондент*

Каратобе-3 – комплекс сарматского времени близ г. Житикара (Северный Казахстан): предварительное сообщение

В полевом сезоне 2023 г. близ г. Житикара сотрудниками Костанайской археологической экспедиции Института археологии имени А.Х. Маргулана на могильнике Каратобе-3 исследовался курган № 2. Раскопками изучено три погребения (п. 1–3). В центральной части (п. 1) выявлено захоронение женщины, за пределами глиняного вала, разделяющего сакральное пространство, в юго-западном и северо-восточном секторах кургана, обнаружены захоронения мужчин-воинов (п. 2, 3). Инвентарь представлен разнообразными предметами, характеризующими комплекс, соответствующий статусу и положению погребённого (мечи, наконечники стрел, зеркало, украшения и др.). Конструкция надмогильных сооружений, обустройство могильных ям и сопроводительный инвентарь свидетельствуют о неординарности комплекса, позволяющего соотнести его с элитарными захоронениями. Предполагаемая датировка изученного материала – 2-я пол. IV–III в. до н.э.

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках грантового финансирования Комитета науки МНВО РК 2022–2024, ИРН проекта AP 14870373.

Цитирование: Джумабекова Г.С., Жамбулатов К.А., Сеитов А.М., Ахияров И.К., Лопатин В.А., Базарбаева Г.А. 2024. Каратобе-3 – комплекс сарматского времени близ г. Житикара (Северный Казахстан): предварительное сообщение. *Маргулановские чтения–2024.* В 2-х т. Т. 1. С. 215–225.

Введение

В отечественной археологии раскопки памятников раннего железного века близ г. Житикара (Житикаринский р-н, Костанайская обл.) впервые начаты в полевом сезоне 2023 г. Исследованиям прошлого года предшествовала целая цепочка событий. Впервые в Житикаре экспедиция Института археологии имени А.Х. Маргулана проводила исследования в полевом сезоне 2020 г. после обращения в Институт уроженца этих мест, общественного деятеля К.Т. Орманова. Как потом выяснилось инициатором «беспокойства» в хорошем смысле слова выступил Владимир Лопатин, который к тому времени побывал в самых различных уголках Житикаринского края. Он сообщил о результатах поездок А.С. Ибраеву – акиму района. Неравнодушные и активные житикаринцы, они искренне заинтересованы в изучении истории и сохранении памятников историко-культурного наследия региона. В 2020 г. и был определён один из объектов раскопок на будущее [Базарбаева и др. 2023].

Территория левобережного Тобола, в районе расположения г. Житикара, отличается холмисто-увалистым рельефом, гармонично сочетающимся с привычным степным ландшафтом. Местность пересечена множеством сопок и возвышений, пологие склоны которых, плавно спускаясь вниз, сливаясь, переходят в обширные долины, изрезанные протекающими по ним степными речками

и сезонными ручьями. Дополняют вид Степи берёзовые и осиновые колки, раскинувшиеся по склонам холмов, межсопочных седловин и по берегам водоёмов.

Основной массив погребальных памятников раннего железного века занимает главенствующие на местности возвышения. Однако это наблюдение не раскрывает полной картины топографических особенностей расположения могильников, так как значительное количество их было разрушено в ходе сельскохозяйственных работ, проводимых на более ровных низинных участках.

Актуальность аварийно-спасательных работ в Житикаринском районе была озвучена ранее, с перечислением списка памятников, где также был указан курган № 2 мог. Каратобе-3, насыпь которого была частично повреждена ковшом тяжёлой техники [Базарбаева и др. 2023: 106–107].

Материалы и методы

Методика исследований

Осенью 2023 г. сотрудниками Костанайской археологической экспедиции Института археологии имени А.Х. Маргулана проводились раскопки кургана № 2 могильника Каратобе-3. Памятник расположен на уплощенной холмистой гряде (рис. 1, *1–2*)* (*Фото выполнены авторами; карту подготовила Айша Казизова) и состоит из трёх курганов с каменно-земляной насыпью. Курганы № 1 и 2 (диаметром 25 и 20 м, высотой 2 и 1,2 м соответственно) расположены у северного склона гряды. Курган № 3 (диаметр – 20 м, высота – 1 м), стоит обособленно от основной группы, занимая южную периферию могильника.

Аварийно-спасательные работы были проведены на кургане № 2, получившим повреждение насыпи в юго-восточной части. Траншея, повредившая курган, была прорыта по направлению от полов насыпи к его центру, грунт был сдвинут (бульдозером?) на вершину кургана. В результате высота насыпи искусственно была увеличена и по современному состоянию кургана составила 1,6 м. Однако, как показывает стратиграфия насыпи, более вероятная высота могла составлять 1,2 м при диаметре 20,6 м.

В связи с аварийным состоянием кургана № 2, было принято решение применить тяжёлую технику для сноса верхней части насыпи с соблюдением всех соответствующих рекомендаций. Дальнейшие исследования проводились исключительно вручную, с расчисткой развала каменного завала, кольцевого вала, деревянного перекрытия и других конструктивных элементов. Зачистка основания насыпи проводилась по уровню древней поверхности.

По центру кургана была оставлена бровка по линии С–Ю для изучения стратиграфии насыпи. В процессе раскопок проводилась полевая фиксация и документация, затем камеральная обработка, описание и анализ полученных материалов. Исследование основывалось на комплексном и системном подходе, при определении культурно-хронологической принадлежности использовался метод сравнительных аналогий.

Описание материала

Насыпь кургана усечённо-конической формы, возведена из земли и колотого камня. Структура насыпи определяется особенностью архитектуры формирования околомогильного сакрального пространства, характеризующейся чередованием основных элементов: земли, камня и дерева (рис. 1, *3*). Все эти элементы были помещены внутри кольцевидного вала, возведённого из ярко-жёлтой глины на уровне древнего горизонта. Диаметр вала 10,5–11,5 м, ширина 1–2 м, высота 0,15–0,2 м (рис. 1, *4*). Внутреннее пространство вала было выложено ветками берёзы с сохранившейся белой корой в один слой. Поверх них, частично образуя кольцо, были выложены колотые камни. Ширина вала из камней составляет 1–2 м, высота до 0,5 м. Над центральной могильной ямой, расположенной в центре кольцевого вала, зафиксирован мощный слой каменного наброса, являвшийся неким надмогильным сооружением, который обвалился внутрь могильной



Рис. 1. Каратобе-3, к. 2: *1–2* – расположение памятника на карте Казахстана; *3* – процесс снятия насыпи; *4* – глиняный валик и каменная кольцевая выкладка; *5* – каменная конструкция над п. 1; *6–7* – погребение (п. 1)

1-сур. Қаратөбе-3, 2-оба: *1–2* – Қазақстан картасындағы ескерткіштің орналасуы; *3* – үйіндіні ашу процесі; *4* – қыш білікше және қаланған тас шеңбер; *5* – 1 жерлеу орнының үстіндегі тас құрылым; *6-7* – жерлеу орны (1 ж.о.)

Fig. 1. Karatobe-3, k. 2: *1–2* – the location of the site on the map of Kazakhstan; *3* – the process of removing the embankment; *4* – a clay roller and a stone ring layout; *5* – a stone structure above b. 1; *6–7* – burial (b. 1)

ямы после того, как деревянное перекрытие сгнило (рис. 1, *5*). Диаметр центрального каменного наброса составляет 3–4 м, сохранившаяся высота 0,8–1,0 м. Толщина слоя берёзового перекрытия непосредственно над могильной ямой увеличивается и достигает 15–20 см. Здесь положены крупные брёвна в несколько слоёв.

Могильная яма № 1 (п. 1) (центральная) прямоугольной в плане формы. Параметры придонной части: длина 2,9 м, ширина 1,8 м, глубина 1,7 м. Стенки могилы обмазаны глиняным раствором, скрывающим неровности комковатого материкового грунта, толщина раствора составляет 15–20 см. Заполнение могильной ямы – колотый камень (рис. 1, *7*).

На дне могильной ямы, по диагонали, головой на ЮЮЗ, расчищен скелет в вытянутом положении на спине. Нижние конечности лежат ровно, ступни не смыкаются. Конечности рук слегка расставлены в сторону и согнуты в локтях. Плечи приподняты вверх. Череп повернут направо. Между тазовых костей погребённой зафиксированы хрупкие кости черепа, рёбра и конечности скелета неродившегося ребёнка.

Погребённую сопровождал богатый сопроводительный инвентарь (рис. 1, *6–7*). У изголовья, ближе к стенке ямы, лежала костяная ложечка и позвонки животного (юго-восточная часть ямы, 7 шт.) с железным ножом-стилетом и изогнутый бронзовый наконечник стрелы. Рядом с черепом расчищены подвески из сердолика листовидной формы (6 шт.), бусины (окисленная свинцовая руда), плакированные металлической фольгой (электрум, 6 шт.)* (*Определения выполнены зав. Национальной научной лабораторией коллективного пользования по приоритетному направлению «Технологии для углеводородного и горно-металлургического секторов и связанных с ними сервисных отраслей» АО «Институт металлургии и обогащения» А.В. Паничкиным и ВНС Б.М. Сукуровым), серебряные височные серьги в полтора оборота (рис. 2, *2*). Запястья обеих рук были украшены серебряными браслетами в полтора оборота.

По правую сторону скелета лежало бронзовое зеркало с ручкой, которое изначально могло находиться в футляре/мешочке (рядом найдена бусина, возможно, от шнурка) (рис. 1, *6*). Диск зеркала имеет валики, коническую выпуклость в центре и резные концентрические круги. Выше зеркала находились крупная белая бусина из доломита с рифлёной поверхностью и накладка зигзагообразной формы, сплетённая из проволоки жёлтого цвета (по всей видимости, скрепляла/украшала венчик деревянного сосуда). У левого плеча лежал колчанный набор бронзовых и железных стрел (118 шт.), направленных остриями вверх, на юг. Бронзовые наконечники с внутренней и выступающей втулкой, с узкой вытянутой трехлопастной головкой в плане треугольной и сводчатой формы. Железные наконечники сильно корродированы, с выступающей втулкой и трёхлопастной головкой. У левой ноги находился ритуальный набор, состоящий из галечных окатышей с отверстиями, каменного изделия, костяных трубки и ложечки, куска мела (гипс или алебастр), фрагментов органики и небольшой подсыпки красного пигмента (сульфид мышьяка - «аурипигмент»), керамическое пряслице (рис. 2, *1*). В юго-восточном и северо-восточном углах ямы расчищены рёбра животного.

Могильная яма № 2 (п. 2) выявлена в ЗЗЮ секторе кургана, за пределами валика (валик частично перекрывал её). Яма, вытянута по линии С–Ю, подовальной формы с неровными краями, торцевая южная стенка ямы образует нишу (рис. 2, *3–4*). На уровне -0,2 м ниже УПП выявлено поперечное перекрытие из брёвен сосны, западные концы находились на УПП, восточные упирались в горизонт -35 см от верхнего уровня дерева (вероятно, провал).

Размеры ямы по дну составляли – 2,90 × 1,70 м, глубина -1,30 м от УПП. В придонной части могилы находился скелет мужчины, вытянуто на спине, головой на юг, с вытянутыми вдоль тела руками. Кости кистей рук и стоп отличаются большими размерами. Кости таза не выявлены. В северо-восточном углу могилы, в ногах погребённого, находилось ребро животного (рис. 2, *3–4*).



Рис. 2. Каратобе-3, к. 2: *1* – ритуальный комплекс; *2* – верхняя часть скелета (п. 1), *3* – погребение (п. 2); *4* – меч и колчан со стрелами (п. 2); *5* – погребение (п. 3); *6* –инвентарь (п. 3)

2-сур. Қаратөбе-3, 2-оба: *1* – ғұрыптық кешен; *2* – қаңқаның жоғарғы бөлігі (1 ж.о.); *3* – жерлеу орны (2 ж.о.); *4* – семсер мен жебелер салынған қорамсақ (2 ж.о.); *5* – жерлеу орны (3 ж.о.); *6* – табылған заттар (3 ж.о.)

Fig. 2. Karatobe-3, k. 2: *1* – ritual complex; *2* – the upper part of the skeleton (b. 1), *3* – burial (b. 2); *4* – sword and quiver with arrows (b. 2); *5* – burial (b. 3); *6* – inventory (b. 3)

Под черепом, на шее и, в районе левого уха выявлены три крупные бусины: глазчатая бочонковидная тёмно-синего цвета, уплощённо-цилиндрическая белого цвета (мел?) и подпрямоугольная глазчатая с перламутровым покрытием. У восточной стенки ямы, вдоль правой руки погребённого находился железный наконечник копья остриём вверх, на юг. Наконечник массивный, длиной 40 см, с листовидным пером и длинной втулкой. Рядом лежал нож-стилет. Ниже находились кости животных (предположительно МРС) и железный нож. С левой стороны, на слое органики чёрного цвета уложен колчанный набор с бронзовыми наконечниками стрел (102 шт.), обращёнными остриями вниз (рис. 2, *4*). Кисть левой руки лежала на стрелах. Наконечники небольшие, лёгкие, вытянутых пропорций и с узкой головкой, треугольной и сводчатой в плане формы. Абсолютно преобладают трёхлопастные наконечники с выступающей и внутренней втулкой, опущенными вниз шипами. Несколько трёхгранных экземпляров имеют внутреннюю втулку и опущенные вниз шипы.

Ниже костей таза, поперёк скелета, лежал железный меч (остриём на запад) и железный колчанный крюк, ниже – бронзовая ворворка. Меч, сильно корродированный, длиной 78 см с массивной рукоятью, дуговидным навершием и слабоизогнутым перекрестием.

Могильная яма № 3 (п. 3) выявлена в северо-восточном секторе кургана, за пределами жёлтого валика (рис. 2, *5*). Могила вытянута по линии С–Ю, размерами в верхней части – 2,20 × 1,80 м, по дну – 2,03 × 0,80 м, глубиной -1,0 м от УПП. Яма имеет широкий уступ вдоль западной стенки, глубиной -0,8 м. На дне ямы, вытянуто на спине, головой на юг (с небольшим отклонением на восток) лежал скелет погребённого. Голова была повернута на левый бок, к центральной могиле.

Слева от него на уступе, ближе к ЮЗ углу ямы находился инвентарь, уложенный компактно (рис. 2, *6*). Это железный меч с двумя бронзовыми ворворками и портупейной бляшкой, колчанный набор с бронзовыми наконечниками стрел (35 шт.), остриями, направленными на север, железные удила с костяными/роговыми псалиями, железный колчанный крюк, два железных ножа и костяная ложечка очень плохой сохранности. Поверх предметов были уложены кости животных. Меч, сильно корродированный (длина – 74 см), с массивной рукоятью, дуговидным навершием и изогнутым перекрестием. Наконечники с выступающей втулкой, трёхлопастные, в основном с треугольной узкой головкой. Железные удила сильно корродированные, двусоставные, кольчатые. Псалии – прямые, двудырчатые.

Результаты и обсуждение

Таким образом, в кургане № 2 могильника Каратобе-3 исследовано три непотревоженных погребения. Архитектура надмогильных сооружений, расположение могильных ям и материалы погребений позволяют предварительно предположить, что захоронения были совершены либо одновременно, либо последовательно с определенным промежутком времени.

Надмогильные сооружения в виде глиняного валика, кольца из камней, каменной конструкции над могилой, южная ориентировка погребённых, заупокойная пища в виде отдельных частей МРС (нога с лопаткой), обычай оставлять ритуальные камни со сквозным отверстием («молоточки») и другие признаки характерны для погребальной традиции раннесарматской (прохоровской) культуры [Мошкова 1963: 19, 46].

С этим согласуется и анализ погребального инвентаря, находящий многочисленные аналогии в раннесарматских погребальных памятниках, в особенности расположенных в Западном Казахстане, Южном Зауралье и Южном Приуралье. Бронзовые наконечники стрел, характеризующиеся преобладанием лёгких экземпляров с выступающей и внутренней втулкой, трёхлопастной узкой головкой вытянутых пропорций треугольной или сводчатой формы, характерны, в основном, для колчанных наборов IV, IV–III вв. до н.э. [Смирнов 1961; 47, 50; Мошкова 1963: 31; Сиротин 2022: 30]. Железные втульчатые стрелы редко встречаются в южноуральских памятниках, они сравнительно

чаще известны в Нижнем Поволжье [Мошкова 1963: 31; Очир-Горяева 2014: 277]. Из комплексов Южного Приуралья, где в одном наборе сочетаются бронзовые и железные наконечники стрел с втулками, отметим могильники Мечетсай (к. 8, п. 1) [Смирнов 1975: рис. 51, *7*] и Филипповка I (к. 3, п. 1) [Пшеничнюк 2012: рис. 63]. Морфологические признаки мечей позволяют отнести их к экземплярам «переходного» типа, датированным IV в. до н.э. [Смирнов 1961: 30; Мошкова 1962: 80] или более узко в пределах 2-й пол. IV – рубежа IV–III в. до н.э. [Васильев 2019: 106]. Наконечник копья сопоставим с серией длинновтульчатых образцов из могильников Переволочан I (к. 10, п. 1, 2, 4) и Филипповка I (к. 7) [Васильев 2004: рис. 17, *3*–*6*]. Воинские наборы Каратобе-3 дополняют ножи-стилеты, которые весьма редко встречаются в древних памятниках. Несколько близких по форме стилетов происходят из элитных воинских комплексов Филипповки I и II, а также кургана Яковлевка II [Вильданова 2015: 102, рис. 1].

Зеркало относится к типу 5.3 (по типологии А.С. Скрипкина) [Скрипкин 1990: 150] и находит многочисленные аналогии в раннесарматских курганах Южного Урала (Сибай I, Тулубай, Победа, Мало-Кизыльский, Филипповка I и др.), датирующихся в основном в пределах IV в. до н.э. [Васильев 2004: 158; Таиров 2018: 349; Васильев, Федоров 2021: 82; и др.]. Для этого же времени характерны спиралевидные браслеты и серьги, изготовленные из различных металлов, в том числе серебра [Лылова 2001: 129]. Глазчатая бусина и бусины из золотой фольги сопоставимы с экземплярами из курганов могильника Филипповка I (к. 4, п. 4; к. 29, п. 2, 4; и др.) [Яблонский 2013: 97, 208, 211]. Из Филипповки происходят и близкие по форме костяные ложечки (к. 15, п. 4; к. 29, п. 4) [Яблонский 2013: 160, 212], а также проволока, скреплявшая венчик деревянной чаши (к. 16, п. 3) [Яблонский 2013: 172].

Выводы

По всей видимости, в кургане № 2 могильника Каратобе-3 захоронена женщина знатного происхождения в сопровождении мужчин-воинов, о чём свидетельствует разнообразный, главным образом воинский инвентарь, имеющий много параллелей с комплексами филипповского круга (Филипповка, Яковлевка II, Сибай I и др.). Анализ погребального обряда и вещевого комплекса позволяет датировать курган 2-й пол. IV–III в. до н.э. и отнести его к раннесарматской культуре.

Казахское Притоболье (Верхнее Притоболье) находясь на стыке естественно-географических районов Южного Зауралья и Тургайского прогиба, характеризуется сочетанием сакских (тасмолинская культурная общность) и сарматских памятников. Дальнейшее изучение древностей раннего железного века региона позволит выявить определённые закономерности в их локализации, а также разработать некоторые вопросы в изучении этнокультурных процессов, происходивших в Урало-Казахстанских степях в I тыс. до н.э.

Кроме того, предметный комплекс и планиграфия погребений дополняют известные данные о роли женщины в сарматском обществе, выделении жреческого сословия. Так, вызывает интерес различие в организации погребального пространства: разделение на мужскую и женскую зоны, подобно устройству жилищ [Лукпанова 2020; 2021], и окружение погребениями воинов-мужчин центрального женского захоронения.

Благодарности. Выражаем искреннюю благодарность руководству градообразующего предприятия г. Житикара АО «Костанайские минералы» в лице председателя правления Е.С. Нурхожаева за помощь в работе экспедиции, а также студентам и школьникам учебных заведений города и житикаринцам, интересующимся исследованиями и всячески поддерживающим нашу работу, среди них Марат Тугумбеков, Максат Бектибаев, Евгений Маркелов.

ЛИТЕРАТУРА

1 *Базарбаева Г., Джумабекова Г., Сеитов А., Жамбулатов К.* К археологии Притоболья: анализ случайных находок наконечников стрел (VI–IV вв. до н.э.) из окрестностей г. Житикара (Северный Казахстан) // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2023. № 2 (20). С. 103–116.

2 *Васильев В.Н.* К хронологии раннепрохоровского комплекса // Уфимский археологический вестник. 2004. Вып. 5. С. 153–172.

3 *Васильев В.Н., Обыденнова Г.Т., Федоров В.К.* Курганы в окрестностях села Верхняя Кардаиловка на р. Урал (по материалам раскопок 1993 года) и заметки к хронологии опорных комплексов второй половины IV в. до н.э. // Вестник Оренбургского гос. пед. ун-та. Электронный науч. журнал (online). 2019. Вып. 4 (32). С. 90–111.

4 *Васильев В.Н., Федоров В.К.* Курганы Южного Зауралья. Книга II. Баймакский район Республики Башкортостан. Уфа: Диалог, 2021. 132 с.

5 *Вильданова Е.В.* Стилеты в погребальных комплексах ранних кочевников Южного Урала // Международная полевая школа в Болгаре. Сб. м-лов итоговой конф. Вып. 2. Казань; Болгар, 2015. С. 101–104.

6 *Лукпанова Я.А.* Женские погребения из кургана № 1 могильника Жайык-1 в Западном Казахстане // Теория и практика археологических исследований. 2020. № 2 (30). С. 111–127.

7 *Лукпанова Я.А.* Иерархия общества раннего железного века Западного Казахстана по материалам комплекса Жайык (VI–IV вв. до н.э.) // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2021. № 4 (14). С. 9–26.

8 *Лылова Е.В.* Ювелирные украшения из раннекочевнических погребений Южного Приуралья VI–IV вв. до н.э. // Археологические памятники Оренбуржья: сб. статей. Вып. 5 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Оренбургский гос. пед. ун-т, 2001. С. 126–137.

9 *Мошкова М.Г.* О раннесарматских втульчатых стрелах // КСИА. 1962. Вып. 89. С. 77–82.

10 *Мошкова М.Г.* Памятники прохоровской культуры / САИ. М.: АН СССР, 1963. Вып. Д1–10. 56 с.

11 *Очир-Горяева М.А.* Колчанные наборы кочевников скифской эпохи Нижнего Поволжья и Южного Приуралья // Война и военное дело в скифо-сарматском мире: м-лы Междунар. науч. конф. памяти А.И. Мелюковой (с. Кагальник, 26–29 апреля 2014 г.) / Отв. ред. С.И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2014. С. 265–281.

12 *Пшеничнюк А.Х.* Филипповка: некрополь кочевой знати IV в. до н.э. на Южном Урале. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 280 с.

13 *Сиротин С.В.* Курган 5 некрополя «Ивановские I курганы» на Южном Урале: хронология комплексов // Нижневолжский археологический вестник. 2022. Т. 21. № 1. С. 21–51.

14 *Скрипкин А.С.* Азиатская Сарматия. Саратов: Саратовский гос. ун-т, 1990. 240 с.

15 *Смирнов К.Ф.* Вооружение савроматов. М.: АН СССР, 1961. 162 с.

16 *Смирнов К.Ф.*Сарматы на Илеке. М.: Наука, 1975. 176 с.

17 *Таиров А.Д.* Южноуральские зеркала с валиком по краю диска раннесарматского времени // Маргулановские чтения–2018 / Отв. ред. А.А. Бисембаев и др. Алматы; Актобе: ИА КН МНВО РК; Актюбинский областной историко-краеведческий музей, 2018. С. 349–354.

18 *Яблонский Л.Т.* Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка-1 (по материалам раскопок 2004–2009 гг.). Каталог коллекции. Кн. 1. М.: ИА РАН, 2013. 232 с.

REFERENCES

1 Bazarbayeva, G., Jumabekova, G., Seitov, A., Zhambulatov, K. 2023. In *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archaeology)* 2, 103–116 (in Russian).

2 Vasiliev, V. N. 2004. In *Ufimskiy arheologicheskiy vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)* 5, 153–172 (in Russian).

3 Vasiliev, V. N., Obydennova, G. T., Fedorov, V. K. 2019. In *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University)* 4 (32), 90–111 (in Russian).

4 Vasiliev, V. N., Fedorov, V. K. 2021. *Kurgany Yuzhnogo Zauraliya. Kniga II. Baimakskiy raion Respubliki Bashkortostan (Mounds of the Southern Trans-Urals. Book II. Baymak district of the Republic of Bashkortostan.).* Ufa: "Dialog" Publ. (in Russian).

5 Vildanova, E. V. 2015. In: *Mezhdunarodnaya polevaya shkola v Bolgare (International Field School in Bulgar)*. Vol. 2. Kazan, Bolgar, 101–104 (in Russian).

6 Lukpanova, Y. A. 2020. In *Teoriya i praktika arheologicheskih issledovaniy (Theory and practice of archaeological research)* 2 (30), 111–127 (in Russian).
7 Lukpanova, Y. A. 2021. In *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archaeology)* 4 (14), 9–26 (in Russian).
8 Lylova, E. V. 2001. In: Morgunova, N. L. (ed.). *Arheologicheskie pamyatniki Orenburzhiya (Archaeological sites of Orenburg region)*. Issue 5. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 126–137 (in Russian).
9 Moshkova, M. G. 1962. In *KSIA (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 89, 77–82 (in Russian).
10 Moshkova, M. G. 1963. *Pamyatniki prohorovskoy kultury (The sites of Prokhorov culture)*. Moscow: USSR Academy of Sciences (in Russian).
11 Ochir-Goryaeva, M. A. 2014. In: Lukyashko, S. I. (ed.). *Voina i voennoe delo v skifo-sarmatskom mire (War and military affairs in the Scythian-Sarmatian world).* Rostov-on-Don: Southern Scientific Center of the RAS, 265–281 (in Russian).
12 Pshenichnyuk, A. K. 2012. *Filippovka: Nekropol kochevoy znati IV v. do n.e. na Yuzhnom Urale (Filippovka: Necropolis of the nomadic nobility of the 4th century BCE in the Southern Urals).* Ufa: Institute of History, Language and Literature of the Ufa Scientific Center of the RAS (in Russian).
13 Sirotin, S. V. 2022. In *Nizhnevolzhskiy arheologicheskiy vestnik (The Lower Volga Archaeological Bulletin)*, vol. 21, 1, 21–51 (in Russian).
14 Skripkin, A. S. 1990. *Aziatskaya Sarmatiya (Asian Sarmatia).* Saratov: Saratov State University (in Russian).
15 Smirnov, K. F. 1961. *Vooruzhenie savromatov (Armament of the Sauromats).* Moscow: USSR Academy of Sciences (in Russian).
16 Smirnov, K. F. 1975. *Sarmaty na Ileke (Sarmatians on Ilek).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
17 Tairov, A. D. 2018. In: Bissembaev, A. A. et al. (eds.). *Margulanovskie chteniya-2018 (Margulan readings-2018)*. Almaty; Aktobe: Margulan Institute of Archaeology; Aktobe Regional Museum of Local History, 349–354 (in Russian).
18 Yablonskiy, L. T. 2013. *Zoloto sarmatskih vozhdey. Elitnyi nekropol Filippovka-1 (po materialam raskopok 2004–2009 gg.) (The gold of the Sarmatian leaders. Elite necropolis Filippovka-1 (based on the materials of excavations in 2004–2009)*. Book 1. Moscow: Institute of Archaeology of the RAS (in Russian).

About the Authors

Jumabekova Gulnara – Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. ORCID: 0000-0003-2145-2615 E-mail: gdzhuma@mail.ru
Zhambulatov Kairat – Senior Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. ORCID: 0000-0002-8877-091X E-mail: kairo_88@inbox.ru
Seitov Abai – Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. ORCID: 0000-0002-6177-1138 E-mail: sajrim@mail.ru
Akhiyarov Islam – Senior Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. ORCID: 0000-0003-0893-5559 E-mail: islam.akhiyarov@mail.ru
Lopatin Vladimir – local historian, Jitiqara, Kazakhstan. ORCID: 0009-0000-5719-0480 E-mail: j-mediasmi@yandex.kz
Bazarbayeva Galiya – Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. ORCID: 0000-0003-4755-9007 E-mail: galiya2002@gmail.com

Авторлар туралы мәліметтер

Жұмабекова Гүлнар Сайынқызы – тарих ғылымдарының кандидаты, жетекші ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан
Жамбулатов Қайрат Абайұлы – аға ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан
Сеитов Абай Мейрамұлы – ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан
Ахияров Ислам Кизамединович – аға ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан
Лопатин Владимир Анатольевич – өлкетанушы, Жітіқара қ., Қостанай облысы
Базарбаева Ғалия Аппазқызы – тарих ғылымдарының кандидаты, жетекші ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан

Сведения об авторах

Джумабекова Гульнара Саиновна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии имени А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

Жамбулатов Кайрат Абаевич – старший научный сотрудник, Институт археологии имени А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

Сеитов Абай Мейрамович – научный сотрудник, Институт археологии имени А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

Ахияров Ислам Кизамединович – старший научный сотрудник, Институт археологии имени А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

Лопатин Владимир Анатольевич – краевед, г. Житикара, Казахстан

Базарбаева Галия Аппазовна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии имени А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 02.04.2024.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 02.05.2024.
Авторлар жұмысқа бірдей үлес қосты. / Авторы внесли равноценный вклад в работу.
/ The authors have made an equal contribution to the work.

УДК 902/904
МРНТИ 03.41.91
https://doi.org/10.52967/3007-6528.2024.1.226.243

Курганный могильник Чеботарево IV в среднем течении р. Жайык

© 2024 г. Захаров С.В., Марыксин Д.В.

Keywords: *Western Kazakhstan, archaeology, kurgan burial ground, Sauromatians, early Sarmatians, elite burial*
Түйін сөздер: *Батыс Қазақстан, археология, обалы қорым, сауроматтар, ерте сарматтар, элиталық жерлеу*
Ключевые слова: *Западный Казахстан, археология, курганный могильник, савроматы, ранние сарматы, элитное погребение*

S. Zakharov[1], D. Maryxin[2]
[1]Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan
[2]Rutrum LLP, Almaty, Kazakhstan
**Corresponding author*

Kurgan burial ground Chebotarevo IV in the middle reaches of the river Zhayik

Materials from the excavations of the Chebotarevo IV kurgan burial ground on the right bank of the Zhayik River, consisting of four kurgans, are being introduced into scientific circulation. Three kurgans were looted but contain dating materials. Kurgan No. 3 features an unlooted Early Sarmatian elite burial. The burial belongs to the group of monuments with ceremonial golden weaponry. The accompanying inventory includes an iron sword with a gold-plated pommel and crossguard, two iron acinaces daggers, a mounted vessel, a quiver, arrowheads, a mirror, a gold chain, an iron belt hook, and a quiver clasp with gold plating. One kurgan is dated to the Sauromatian period, and three kurgans belong to various phases of the Early Sarmatian period. In the article, Kurgan No. 1 is attributed to the 4th century BCE, Kurgan No. 3 to the last quarter of the 2nd century to the beginning of the 1st century BCE, Kurgan No. 4 to the 6th–4th centuries BCE, and Kurgan No. 5 to the 3rd century BCE. Further research will refine or adjust these dates.
Source of funding: The work was carried out within the framework of the program of fundamental scientific research of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2023–2025, IRN BR20280993.
Citation: Zakharov, S., Maryxin, D. 2024. Kurgan burial ground Chebotarevo IV in the middle reaches of the river Zhayik. *Margulan readings–2024.* In 2 vol. Vol. 1. Pp.226–243 (in Russian).

С.В. Захаров[1]*, Д.В. Марыксин[2]
[1]Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан
[2]«Rutrum» ЖШС, Алматы қ., Қазақстан
**корреспондент авторы*

Жайық өзенінің орта ағысындағы Чеботарево IV обалы қорымы

Ғылыми айналымға төрт обадан тұратын Жайық өзенінің оң жағалауындағы Чеботарево IV обалы қорымының қазба материалдары енгізілуде. Үш оба тоналған, алайда мерзімдеуге жеткілікті материал бар. № 3 обадан ерте сарматтық тоналмаған элиталық жерлеу орны табылды. Жерлеу орны салтанатты алтын қаруы бар ескерткіштер тобына жатады. Ілеспе құрал-саймандардың қатарында ұшы мен айқаспасы алтын жалатылған темір қылыш, екі темір қанжар, қыш ыдыс, қорамсақ, жебе ұштары, айна, алтын алқа, темір белдік ілмегі және алтын жалатылған қорамсақ ілгегі бар. Бір оба савромат дәуірімен мерзімделеді, үш оба ерте сарматтардың әртүрлі кезеңдеріне жатады. Мақалада № 1 оба – б.д.д. IV ғасырға, № 3 оба – б.д.д. II ғасырдың соңғы ширегі – I ғасырдың басына, № 4 оба – б.д.д. VI – IV ғасырларға, № 5 оба – б.д.д. III ғасырға жатқызылды. Әрі қарай жалғасатын зерттеу мерзімдеуді нақтылауға немесе түзетуге мүмкіндік береді.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2025 жж. арналған іргелі ғылыми зерттеулер бағдарламасы шеңберінде, ЖТН BR20280993 жобасы аясында дайындалды.
Сілтеме: Захаров С.В., Марыксин Д.В. 2024. Жайық өзенінің орта ағысындағы Чеботарево IV обалы қорымы. *Марғұлан оқулары–2024.* 2 том. 1-т. 226–243-бб. (Орысша).

С.В.Захаров[1]*, Д.В. Марыксин[2]
[1]Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан
[2]ТОО «Rutrum», г. Алматы, Казахстан
**автор-корреспондент*

Курганный могильник Чеботарево IV в среднем течении р. Жайык

Вводятся в научный оборот материалы раскопок курганного могильника Чеботарево IV на правобережье р. Жайык, состоящего из четырех курганов. Три кургана ограблены, но содержат датирующий материал. Курган № 3 содержит раннесарматское неограбленное элитное погребение. Погребение относится к кругу памятников с золотым церемониальным оружием. Сопроводительный инвентарь состоит из железного меча с золотой обкладкой навершия и перекрестия, двух железных кинжалов-акинаков, станкового сосуда, колчана, наконечников стрел, зеркала, золотой цепочки, железных поясного крюка и колчанной застежки с золотой плакировкой. Один курган датируется савроматским временем, три кургана относятся к разным периодам ранних сарматов. В статье курган № 1 отнесен к IV в. до н.э., курган № 3 – к последней четверти II – началу I в. до н.э., курган № 4 – к VI–IV вв. до н.э., курган № 5 – к III в. до н.э. Дальнейшие исследования позволят уточнить или скорректировать датировки.
Источник финансирования: Работа выполнена в рамках программы фундаментальных научных исследований Комитета науки МНВО РК на 2023–2025 гг., ИРН BR20280993.
Цитирование: Захаров С.В., Марыксин Д.В. 2024. Курганный могильник Чеботарево IV в среднем течении р. Жайык. *Маргулановские чтения–2024.* В 2-х т. Т. 1. С. 226–243

Введение

Несмотря на внушительную историю изучения и представительный корпус источников о савроматской и раннесарматской культурах, каждый новый предназначенный к исследованию могильник и отдельный курган таит в себе вероятность открытия новых, подчас уникальных, материалов. В 2022 г. обследованием ТОО «Rutrum» территории в Западно-Казахстанской области, попадающей в зону освоения в ходе обустройства нефтяной вышки, выявлены новые курганы в ранее известной курганной группе Чеботарево IV [Заключение … 2022], расположенной на территории Байтерекского района. Ранее на госучете памятник состоял в составе двух курганов. В ходе обследования в 2022 г. выявлено пять насыпей (рис. 1).

В полевом сезоне 2023 г. экспедицией ТОО «Rutrum» проведены спасательные археологические работы на этом объекте историко-культурного наследия. В ходе раскопок выяснилось, что небольшое возвышение, принятое первоначально за кург. № 2, таковым не является. Настоящая статья направлена на публикацию материалов курганов № 1, 4, 5 и предварительную публикацию материалов кург. № 3.

Материалы и методы

Методика исследования

Исследованиям методом раскопок подверглись все четыре кургана могильника Чеботарево IV (№ 1, 3–5) и всхолмление, ранее принятое за курган (кург. № 2 Заключения). В результате распашки насыпи деформированы, их наиболее высокие точки оказывались смещёнными относительно первоначальных центров курганов и могильных ям под ними. Видимые диаметры насыпей не соответствовали исходным (они всегда их превышали) и ввиду отсутствия рвов истинные диаметры

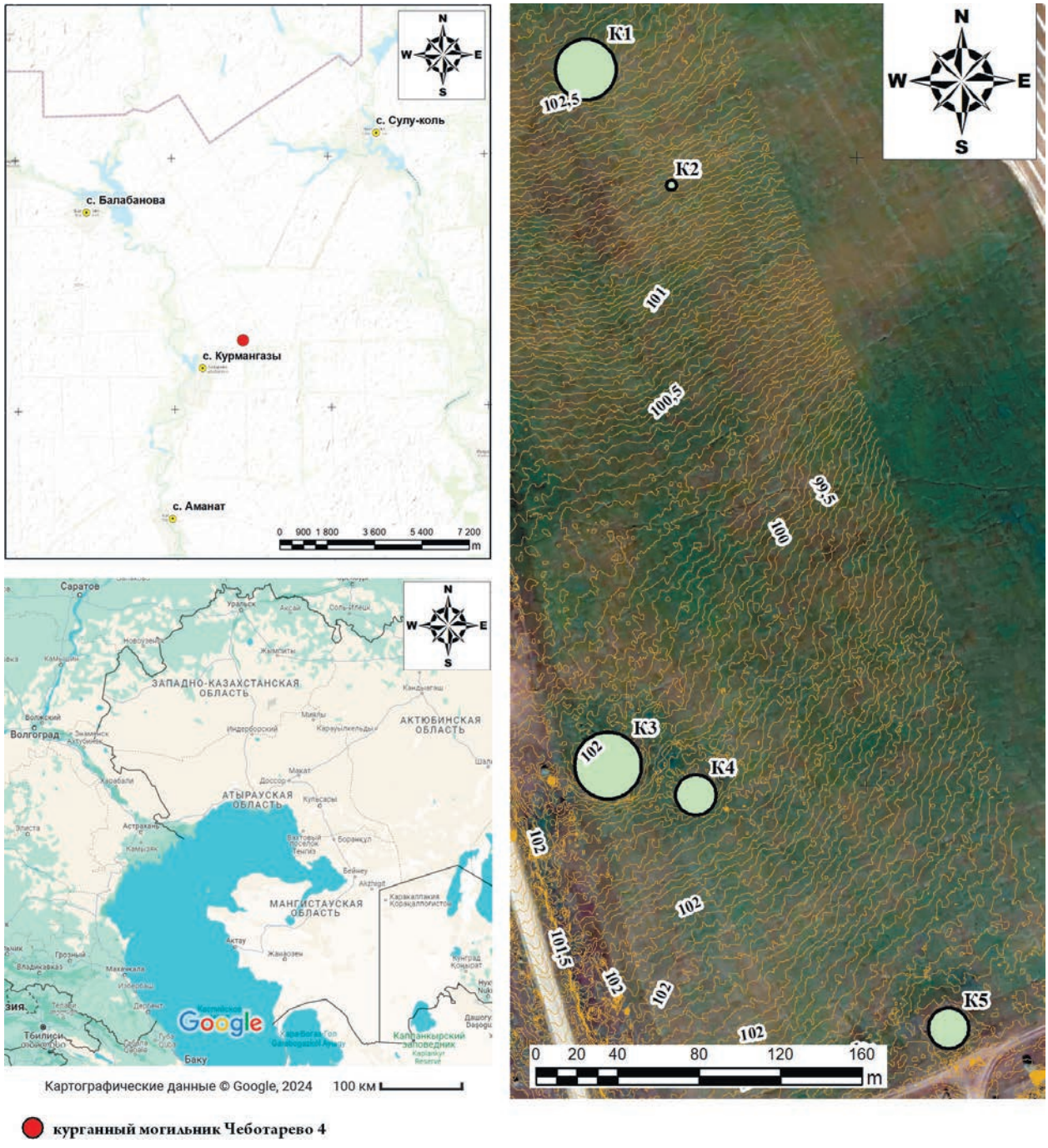


Рис. 1. Курганный мог. Чеботарево IV. Местоположение на карте и на местности. Топографический план. Исполнители: Сергей Захаров и Денис Сорокин

1-сур. Чеботарево IV обалы қорымы. Картада және аймақта орналасуы. Топографиялық жоспар. Орындағандар: Сергей Захаров пен Денис Сорокин

Fig. 1. Kurgan b.g. Chebotarevo IV. Location on the map and on the ground. Topographic plan. Performers: Sergey Zakharov and Denis Sorokin

выявлялись при анализе стратиграфических профилей. Такая ситуация определила площади раскопов размерами, значительно превышающими реальные диаметры курганов.

На фоне материка пятна могильных ям фиксировались с трудом, так как заполнение их состояло, как правило, из того же материкового суглинка с более или менее выраженной примесью серо-коричневого почвенного слоя. Особенно трудно прослеживались на поверхности материка пятна от погребальных камер, ограбленных в древности. Всё это отразилось на конфигурации входных ям и погребальных камер, что и показано на чертежах.

Вскрытие могильных ям, расчистка погребений, документирование и снятие находок производились по общепринятой методике. Исключение составили сильно разрушенные крупные изделия из железа и органические остатки предполагаемых колчанов из погребения под насыпью кург. № 3, которые были взяты в составе грунтовых блоков.

Описание материала

Насыпи курганов мог. Чеботарево IV располагались на пахотном поле в равнинной части водораздельного пространства рек Ембулатовка и Быковка, в 1,5 км северо-восточнее с. Курмангазы (бывшее с. Чеботарево)[1]. Курганы № 3–5 сгруппированы в короткую цепочку по линии СЗ–ЮВ. Курган № 1 находился на отдалении, в 330-ти метрах севернее (рис. 1).

В течение длительного времени насыпи всех курганов (за исключением кург. № 3) мог. Чеботарево IV подвергались регулярной распашке, вследствие чего имели форму сильно выположенных всхолмлений. Лишь насыпь кург. № 3 выглядела относительно компактной. Высота курганов на современной дневной поверхности варьировалась от 0,3 до 1,20 м.

Почвенный слой могильника состоял из чернозёма нормального южного, который образовался на плоских водоразделах Общего Сырта на севере района. Материк повсюду состоял из жёлтого плотного суглинка, пёстрого от интенсивных белых карбонатных включений («глина-белоглазка»). Насыпи всех курганов грунтовые, сложены из чернозёма с линзами нор грызунов и могильных выкидов.

Курган № 1. Насыпь округлой в плане формы (диаметр – 30 м, высота – 0,4 м). Раскопки насыпи осуществлялись с разбивкой её на два сектора с оставлением стратиграфической бровки по линии С–Ю (рис. 2, *I*).

Курган содержал одну могильную яму по центру подкурганной площадки. Её края полностью разрушены грызунами и грабителями. Первоначальные границы ямы удалось определить лишь на глубине 1,1 м от уровня материка.

Погребальная камера имела входную яму неправильной овальной формы размерами 1,50 × 2,10 м, ориентированную длинной осью по линии СЗ–ЮВ, со стенками, испещрёнными многочисленными норами. С западной стороны от ямы расчищены остатки грабительского лаза размерами 0,90 × 1,20 м и глубиной от 0,55 до 0,93 м. В заполнении входной ямы встречены две лучевые кости человека. На глубине 1,70 м яма приобрела размеры 2,20 × 2,60 м и в плане сложную форму ввиду наличия двух выступов стенок в месте перехода придонной части входной ямы в подземную часть погребальной камеры (рис. 2, *II, III*).

В северо-западной части погребальной камеры залегал *in situ* неполный скелет – левая нога человека с тазовыми костями, в юго-восточной части – два фрагмента одной малой лучевой кости

[1] В учетной карточке объекта историко-культурного наследия на момент выявления, в паспорте памятника истории и культуры при принятии под государственную охрану и в Государственном списке памятников истории и культуры местного значения Западно-Казахстанской области, утвержденном постановлением акимата Западно-Казахстанской области от 21 декабря 2020 года № 301, памятник числится под названием «Могильник Чеботарево IV» (№ 831 Госсписка).

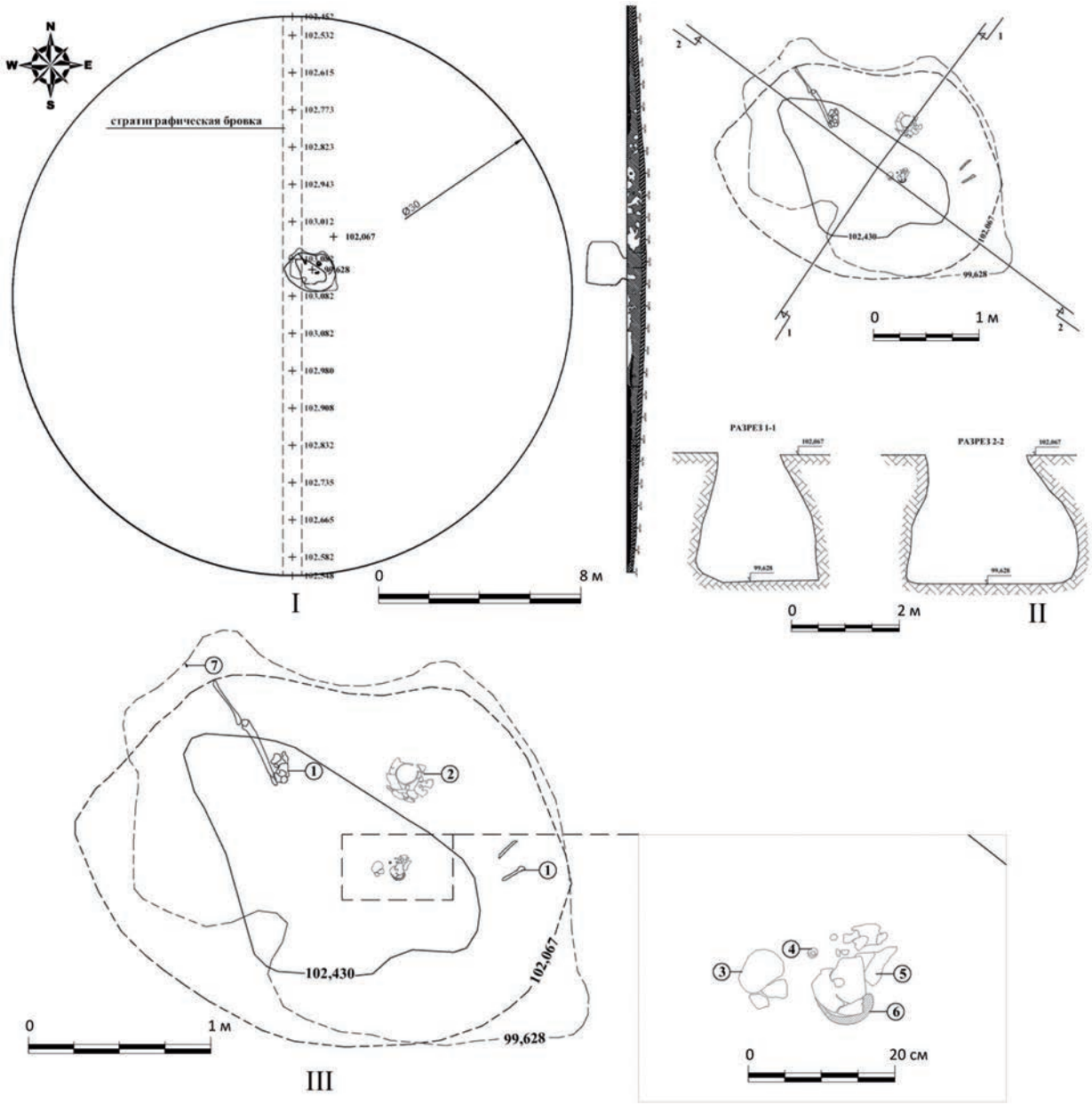


Рис. 2. Курган № 1: I – план кург.; II – разрезы м. я.; III – план м. я. и погребения: *1* – костные останки; *2* – керамический сосуд в развале; *3* – прослойка органики; *4* – серьга; *5* – зеркало во фрагментах; *6* – курильница; *7* – наконечник стрелы. Исполнители: Сергей Захаров и Денис Сорокин

2-сур. № 1-оба: I – обаның жоспары; II – қ. ш. қималары; III – қ. ш. мен жерлеу орнының жоспары: *1* – сүйек қалдықтары; *2* – сынған қыш ыдыс; *3* – органикалық қабат; *4* – сырға; *5* – айна бөлшектері; *6*– түтеткі; *7* – жебе ұшы. Орындағандар: Сергей Захаров пен Денис Сорокин

Fig. 2. Kurgan No. 1: I – plan of the kurg.; II – sections of the grave pit; III – plan of the grave pit and burial: *1* – bone remains; *2* – ceramic vessel in ruins; *3* – organic layer; *4* – earring; *5* – mirror in fragments; *6* – incense burner; *7* – arrowhead. Performers: Sergey Zakharov and Denis Sorokin

человека. Судя по расположению костей *in situ*, погребённый был похоронен лежа на спине головой на юго-восток по диагонали погребальной камеры. В северной части ямы располагался раздавленный крупный керамический сосуд. По центру погребальной камеры на дне выявлен локальный участок органического тлена. Рядом с пятном стояла глиняная плоскодонная курильница с цилиндрическим туловом, сверху перекрытая бронзовым зеркалом с тонкой органическая прослойкой тёмно-зелёного цвета под ней, и лежала спиралевидная в два оборота бронзовая серьга, плакированная золотой фольгой. Рядом с костями нижней конечности обнаружен бронзовый наконечник стрелы (рис. 2, *III, 1–7*).

Описание сопроводительного инвентаря

Курильница. Небольшой сосуд с цилиндрически туловом, с прямыми толстыми стенками, слегка загнутым вовнутрь венчиком с плоским срезом верха, с плоским дном, в котором устроены два сквозных округлых отверстия (рис. 3, *1*). Сосуд коричневого цвета. Поверхность с внешней и внутренней стороны покрыта слоем частично сохранившегося светлого, желтоватого оттенка ангоба. Высота сосуда 5,3 см, диаметр по венчику – 7,5 см, толщина стенок 1,0 см, диаметр отверстий в дне курильницы 1,3–1,4 см.

Наконечник стрелы. Бронзовый, трёхлопастный с гранёным бойком, втульчатый, с низкой выделенной втулкой (рис. 3, *2*). Длина 4,2 см, ширина по лопастям 1,0 см, выступающая длина втулки 0,8 см.

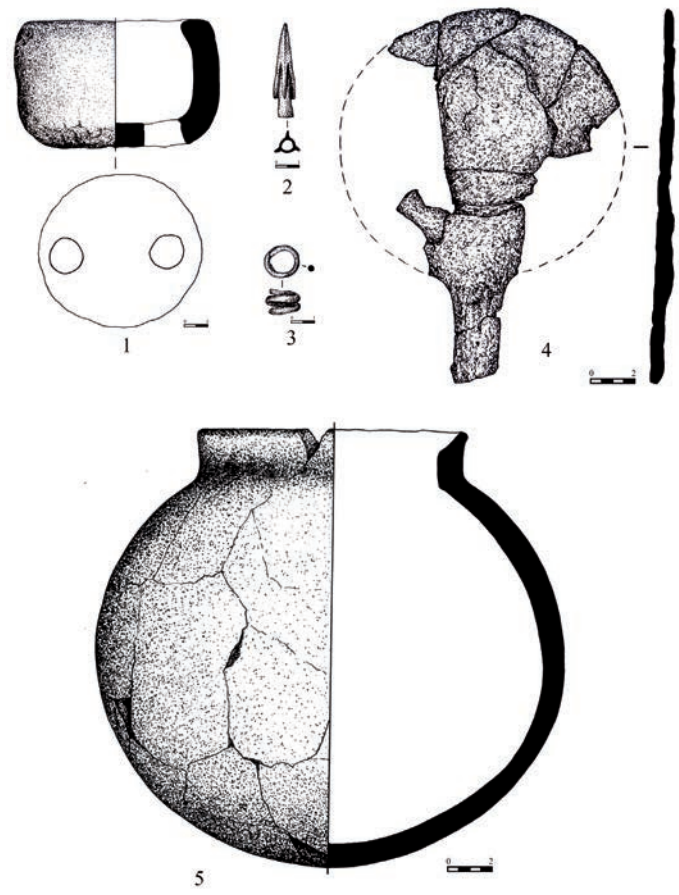


Рис. 3. Курган № 1: *1* – курильница; *2* – бронзовый наконечник стрелы; *3* – бронзовая с золотой плакировкой серьга; *4* – бронзовое зеркало; *5*– керамический сосуд. Художник: Анна Кузьминова

3-сур. № 1-оба: *1* –түтеткі; *2* – жебенің қола ұшы; *3* – алтын жалатылған қола сырға; *4* – қола айна; *5* – қыш ыдыс. Суретші: Анна Кузьминова

Fig. 3. Kurgan No. 1: *1* – incense burner; *2* – bronze arrowhead; *3* – bronze earring with gold plating; *4* – bronze mirror; *5*– ceramic vessel. Artist: Anna Kuzminova

Серьга. Спиралевидная в два оборота серьга из бронзового прута, обёрнутого золотым листом (рис. 3, *3*). Округлая в сечении. Диаметр прута 0,2 см. Форма серьги слегка подовальная, диаметр по внешнему краю 1,35–1,45 см.

Бронзовое зеркало во фрагментах. Сохранилось пять крупных фрагментов и несколько мелких, позволившие восстановить форму зеркала. Зеркало с круглым диском и прямой рукоятью (рис. 3, *4*). Диск плоский, с утолщением в месте перехода в рукоять. В средней части диска сохранились заполированные участки жёлтого цвета. Овал диска плавно переходит в рукоять, конец которой обломан. Диаметр диска не менее 12 см. Толщина его фрагментов составляет от 0,3 до 0,8 мм. Рукоять сохранилась на длину 4,5 см от диска. Ширина рукояти 2,0–2,2 см.

Крупный фрагментированный сосуд. Лепной сосуд по типу котла (рис. 3, *5*). Тулово шаровидной формы, раздуто в центральной части, дно овальное. Венчик сливается с невысокой прямой горловиной, края венчика слегка отогнуты наружу, на его внутренней стороне имеется еле заметный уступчик, предположительно, под крышку. Сосуд серого цвета, поверхность с внешней стороны покрыта частично сохранившимся слоем светлого ангоба. В отдельных местах имеется лощение. Ангобное покрытие и поверхность сосуда без ангоба имеют неоднородный цвет: видны пятна слабого прокала, сажи, закопчёности. Высота сосуда 21,6 см, диаметр тулова 23,2 см, высота горловины 2,4 см, диаметр венчика 13 см. Толщина стенок сосуда 0,6–0,9 см, в области дна – 0,8–0,9 см.

Курган № 3. Насыпь округлой в плане формы (диаметр – 33 м, высота – 1,2 м от уровня современной дневной поверхности) (рис. 4, *I*).

Под насыпью кургана обнаружена одна могильная яма, располагавшаяся в западной части подкурганной площадки, что, по всей видимости, и спасло погребение в ней от разграбления. Яма на уровне материка имела в плане неправильную, округло-подквадратную форму (3,60 × 3,45 м). Длинной осью ориентирована по линии ССЗ–ЮЮВ. В придонной части, в 0,32–0,5 м от дна яма сужается до 2,40 м и приобретает подпрямоугольные очертания. Дно ямы ровное, на глубине 2,13 м от поверхности материка (рис. 4, *II, III*).

С отметки -0.95 м от материковой поверхности по средней линии могильной ямы в направлении ССЗ–ЮЮВ стали встречаться остатки деревянных, прямоугольных в сечении брусков размерами в сечении – от 4 × 8 см до 4×14 см (рис. 5, *2*).

Бруски располагались в ряд, но под наклоном в направлении восточной стенки, вдоль которой ниже было выявлено захоронение. Эта деревянная перегородка делила могильную яму вдоль на две примерно равные части: на входную яму и погребальную камеру, предположительно, в форме подбоя, со временем обрушившегося.

Вдоль восточной стены на полу ямы прослежены следы органического серовато-чёрного цвета тлена размерами 2,47 × 0,78 м. Местами поверх тлена встречена белая меловая подсыпка. Южная часть подстилки была полностью свободна, центральную и северную её части занимали полный скелет погребённого и сопроводительный инвентарь.

Погребённый располагался в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на юг, с небольшим отклонением к западу (рис. 5, *1*). Череп обращён лицевой частью вверх. Руки расположены вдоль туловища и согнуты в локтях: левая слегка изогнута, правая – под большим углом. Кости правой ноги залегают почти по прямой линии, нога согнута в колене под углом в 120° и слегка отклонена вправо, опираясь внешней боковой поверхностью коленного сустава на восточную стенку ямы. Левая нога сильно согнута в колене и тазобедренном суставе и в таком виде лежала на дне ямы (рис. 4, *III*).

4-сур. № 3 оба: I – оба жоспары; II – қабір шұңқырының қимасы; III – қ.ш. мен жерлеу орны жоспары; IV – жоспар (*1* – қаңқа, *2* – қылыш, *3*– № 1 қорамсақ, *4* – жебе ұштары, *5* – белдік ілмегі, *6* – № 2 акинак, 7 – алтын айылбастар, *8* – қыш ыдыс, *9* – № 1 акинак, *10* – № 2 қорамсақ, *11* – алтын алқа (алқа/гривна), *12* – қабы бар қола айна, *13* – күміс айылбас, *14* – темір тоға, *15* – темір пышақ, *16* – қорамсақ ілгегі. Орындағандар: Сергей Захаров пен Денис Сорокин

Fig. 4. Kurgan No. 3: I – plan of the kurg.; II – sections of the grave pit; III – plan of the grave pit and burial; IV – layout (*1* – skeleton, *2* – sword, *3*– quiver No. 1, *4* – arrowheads, *5* – belt hook, *6* – acinaces No. 2, *7* – gold plaques, *8* – ceramic vessel, *9* – acinaces No. 1, *10* – quiver No. 2; *11* – gold chain (necklace /torc), *12* – bronze mirror in a case, *13* – silver plaque, *14* – iron buckle, *15* – iron knife, *16* – quiver clasp. Performers: Sergey Zakharov and Denis Sorokin

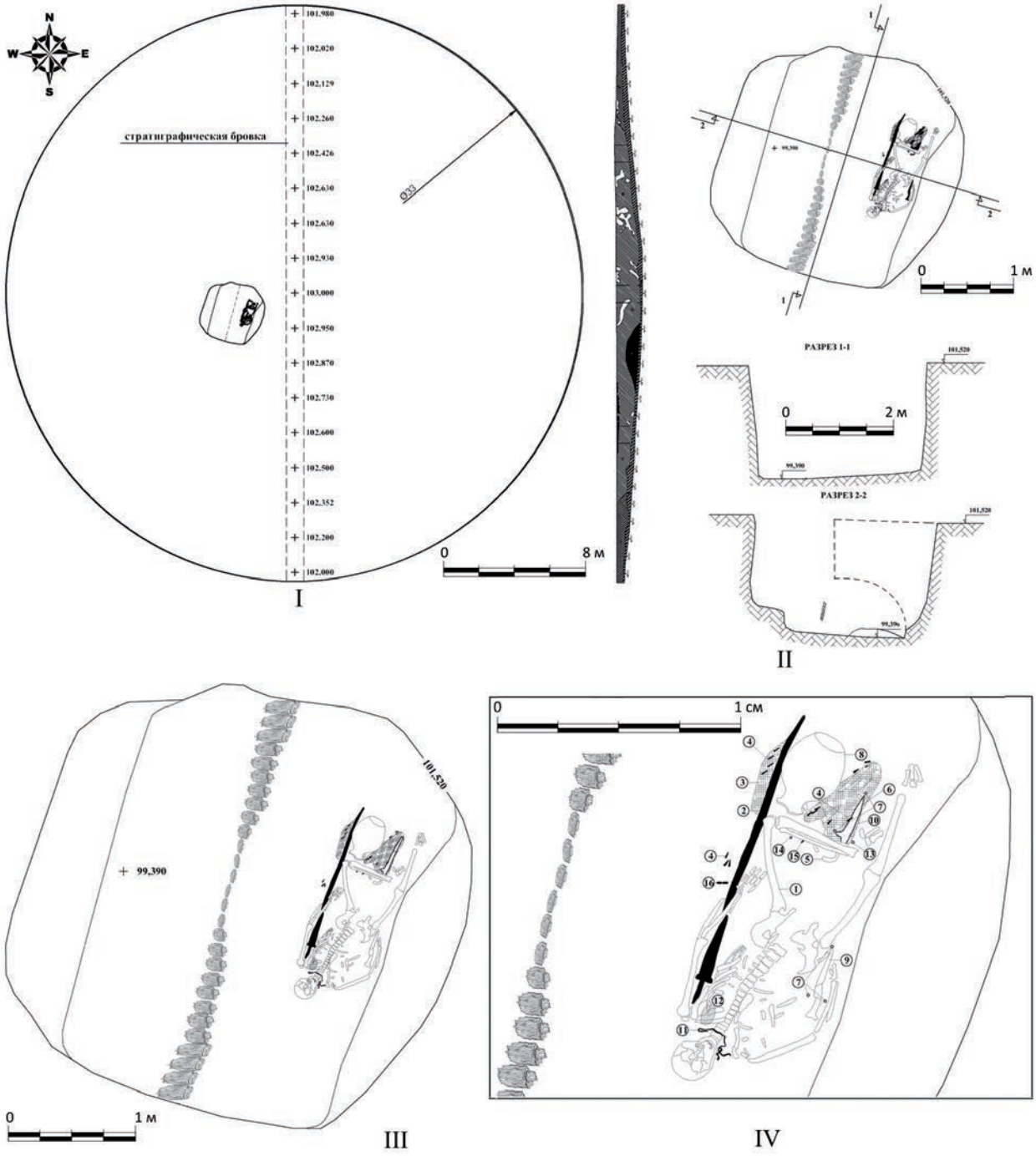


Рис. 4. Курган № 3: I – план кургана; II – разрезы м.я.; III – план м.я. и погребения;
IV – план (*1* – скелет, *2* – меч, *3* – колчан № 1, *4* – наконечники стрел, *5* – поясной крюк,
6 – акинак № 2, *7* – золотые бляшки, *8* – керамический сосуд, *9* – акинак № 1, *10* – колчан № 2,
11 – золотая цепочка (ожерелье/гривна), *12* – бронзовое зеркало в футляре; *13* – серебряная бляшка,
14 – железная пряжка, *15* – железный нож, *16* – колчанная застежка).
Исполнители: Сергей Захаров и Денис Сорокин



Рис. 5. Курган № 3: *1* – погребение, общий вид на юг; *2* – фрагмент деревянного перекрытия подбоя; *3* – эфес меча и зеркало в футляре. Фото: Александр Крыгин

5-сур. № 3-оба: *1* – жерлеу орны, оңтүстіктен жалпы көрінісі; *2* – жүгеннің ағаш төсемінің бөлшегі; *3* – қылыштың сабы мен қабына салынған айна. Фотосурет: Александр Крыгин

Fig. 5. Kurgan No. 3: *1* – burial, general view to the south; *2* – fragment of wooden lining of the underlay; *3* – sword crossguard and mirror in a case. Photo: Alexander Krygin

На шейных позвонках погребённого лежала массивная цепочка из золота (рис. 4, *IV, 11*). Под левой лопаткой погребённого располагалось рукоятью в южном направлении бронзовое зеркало в футляре (рис. 4, *IV, 12;* 5, *3*).

Слева от погребённого лежал железный меч (рис. 4, *IV, 2;* 5, *3*). Под нижней третью клинка лежала деревянная дощечка, рядом и поверх этой дощечки, а также левее меча лежали бронзовые трёхлопастные наконечники стрел с остатками древков, вероятно, остатки колчана (колчан № 1) (рис. 4, *IV, 3–4*). Левее лезвия меча и рядом с ним находилась железная колчанная застёжка (рис. 4, *IV, 16*), плакированная золотой фольгой, но сплошь покрытая сверху окислами железа.

С правой стороны от погребённого лежал железный кинжал (акинак № 1) (рис. 4, *IV, 9*). По обеим сторонам от перекрестия и в нескольких сантиметрах ниже острия кинжала выявлено по одной полусферической подвесной золотой бляшке (рис. 4, *IV, 7*).

В ногах погребённого располагались остатки ещё одного колчана (колчан № 2) (рис. 4, *IV, 10*) из фрагментов древесины (очень плохой сохранности) и другой органики, бронзовые трёхлопастные наконечники стрел (всего выявлено 10) с остатками древков (рис. 4, *IV, 4*) и остатки практически полностью коррозированных железных предметов с остатками древесины древков внутри. Немного севернее лежали фрагмент железного однолезвийного ножа и железная пряжка с подвижным язычком (рис. 4, *IV, 14–15*).

Между колчаном № 2 и нижней частью клинка меча лежал на боку целый станковый красноглиняный сосуд-кувшин (рис. 4, *IV, 8*). Восточнее колчана № 2 залегал железный акинак (акинак № 2) (рис. 4, *IV, 6*). Также, как и у первого акинака, по сторонам перекрестия и у острия клинка лежало по одной металлической полусферической подвесной бляшке, две золотые, одна – серебряная (рис. 4, *IV, 13*). Рядом лежал поясной крюк из железа, плакированный золотым листом с железными окислами поверх него (рис. 4, *IV, 5*). Материалы из погребения нуждаются в дополнительной обработке. Их подробная характеристика предполагается в отдельной публикации.

Курган № 4. Насыпь округлой в плане формы, диаметром 20 м и высотой 0,3 м от уровня современной дневной поверхности (рис. 6, *1*).

На глубине 0,2 м от поверхности насыпи выявлена глиняная обваловка подкурганной площадки из материкового суглинка с включением карбонатов. Диаметр обваловки по внешнему контуру составляет 12,8 м, ширина вала достигает 0,.9 м, высота – 0,1 м. Могила располагалась в центре подкурганной площадки. Яма в плане округлой формы, представлена пятном неоднородного грунта размерами 1.90 × 2.25 м, ориентированным длинной осью по линии З–В.

К придонной части могильная яма расширилась в западном и восточном направлениях до 2,85 м в длину. Конфигурация погребальной камеры в придонной части усложнилась за счёт расчистки в юго-западном и юго-восточном углах неглубоких ниш шириной в 1,20 м и 1,0 м, соответственно. Дно ямы находилось на глубине 2,50 м от поверхности материка (рис. 6, *2*).

В заполнении ямы обнаружены позвонок и ребро человека, шесть фрагментов керамики. В области юго-восточной ниши обнаружено скопление разрозненных костей скелета человека: лопатка, тазовая и плечевая кости, два позвонка, нижняя челюсть и шесть рёбер (рис. 6, *3*).

Описание сопроводительного инвентаря

Шесть фрагментов лепного сосуда горшечного типа (один венчик, четыре фрагмента стенок, один фрагмент выделенного донца с придонной частью) (рис. 6, *4*). Фрагменты красного цвета. На поверхности имеются следы неравномерного прокала и пятна сажи. Толщина стенок сосуда 0,8–0,9 см. Венчик с отогнутым наружу краем овальной формы. Внутренняя часть венчика скошена по всему изгибу с образованием пологой площадки шириной 1 см. Восстанавливаемый по фрагменту венчика диаметр отверстия сосуда равен 14 см. Дно выступает за пределы придонной части тулова, формируя уступчик (выделенное дно). Толщина стенки в придонной части 0,9 см, толщина донца – 1,2 см. Восстанавливаемый по фрагменту диаметр донца сосуда 9 см.

Курган № 5. Насыпь кургана округлой в плане формы, диаметром 20 м и высотой 0,6 м от уровня современной дневной поверхности (рис. 7, *I*).

Могильная яма располагалась в центральной части подкурганной площадки, с небольшим смещением в юго-западном направлении.

На уровне материка яма имела неправильную подпрямоугольную форму (2,80 ×2,30 м) с сильно заоваленными углами и ориентирована длинной осью по линии С–Ю. К придонной части она значительно сузилась, приобретя в плане форму сильно вытянутого по оси С–Ю овала с неровными очертаниями (3,0 × 1,0–1,1 м, глубина – 3,0 м) (рис. 7, *III*). Стены камеры сильно повреждены огромными сурчинами.

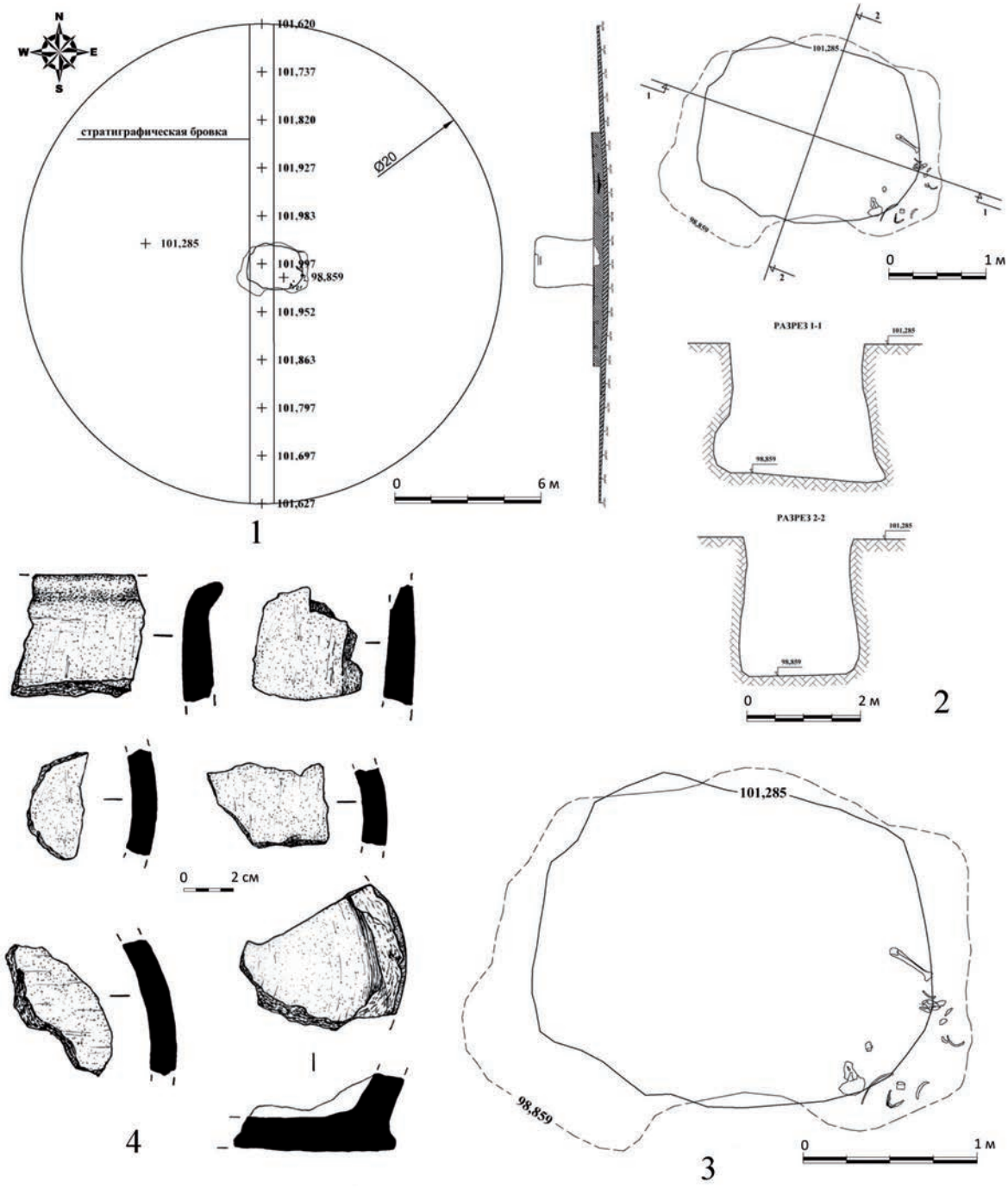


Рис. 6. Курган № 4: *1* – план кург.; *2* – разрезы м.я.; *3* – план м.я. и погребения; *4* – фр. керамичес. сосуда. Исполнители: Сергей Захаров и Денис Сорокин (1–3). Художник: Анна Кузьминова (4)

6-сур. № 4 оба: *1* – обаның жоспары; *2* – қ.ш. қималары; *3* – қ. ш.мен жерлеу орнының жоспары; *4* – қыш ыдыстың сынықтары. Орындағандар: Сергей Захаров пен Денис Сорокин (1–3). Суретші: Анна Кузьминова (4)

Fig. 6. Kurgan No. 4: *1* – plan of the kurg.; *2* – sections of the grave pit; *3* – plan of the grave pit and burial; *4* – fragments of a ceramic vessel. Performers: Sergey Zakharov and Denis Sorokin (1–3). Artist: Anna Kuzminova (4)

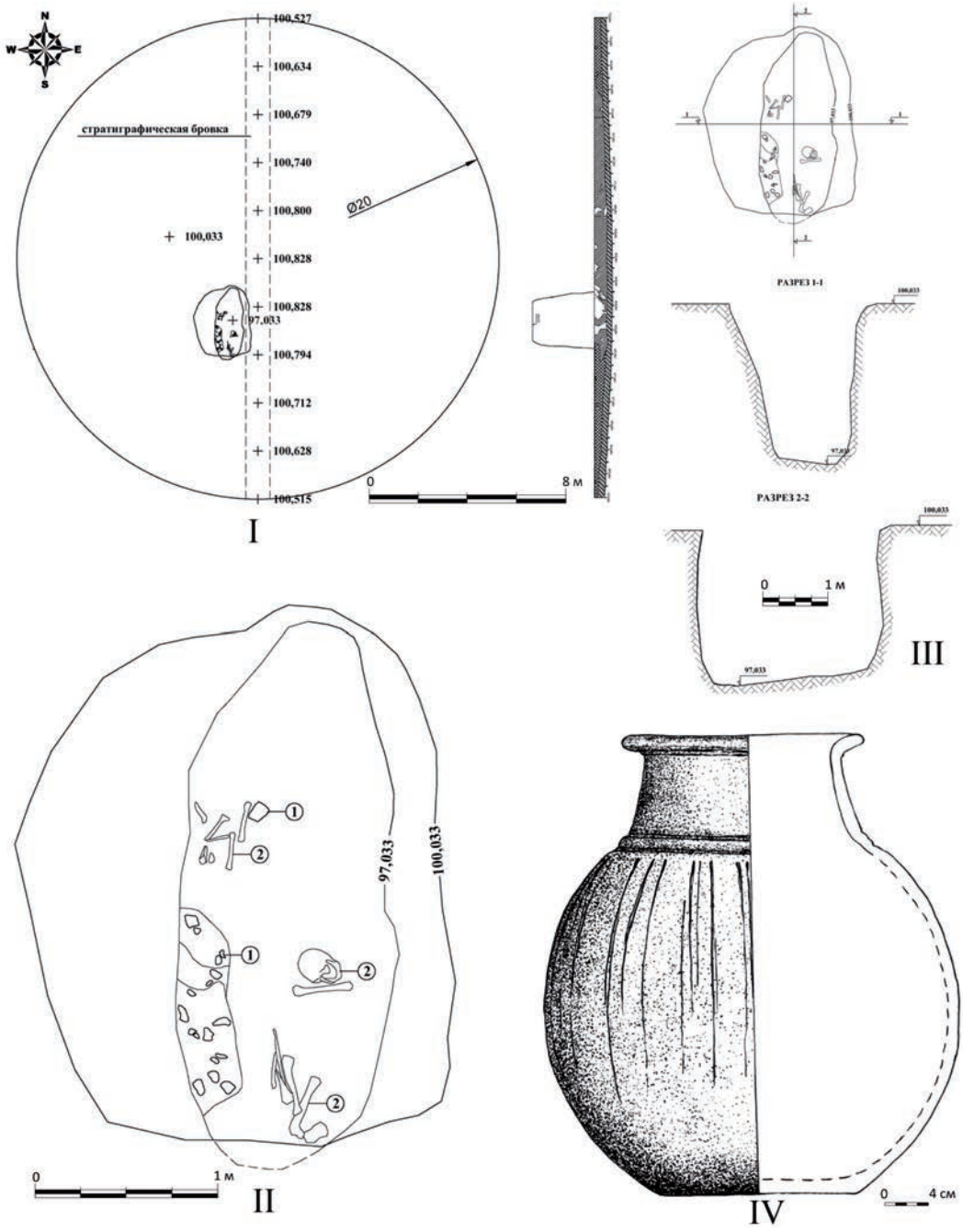


Рис. 7. Курган № 3: I – план кург.; II – план м.я. и погребения: *1* – фр. керамич. сосуда; *2* – кости; III – разрезы м.я.; IV – керамич. сосуд.
Исполнители: Сергей Захаров и Денис Сорокин (I–III). Художник: Анна Кузьминова (IV)

7-сур. № 3-оба: I – оба жоспары; II – қ. ш. мен жерлеу орнының жоспары: *1* – қыш ыдыстың сынықтары; *2* – сүйектер; III – қ. ш. қималары; IV – қыш ыдыс.
Орындағандар: Сергей Захаров пен Денис Сорокин (I–III). Суретші: Анна Кузьминова (IV)

Fig. 7. Kurgan No. 3: I – plan of the kurg.; II – plan of the grave pit and burial: *1* – fragments of a ceramic vessel; *2*– bones; III – sections of the grave pit; IV – ceramic vessel.
Performers: Sergey Zakharov and Denis Sorokin (I–III). Artist: Anna Kuzminova (IV)

В заполнении южной половины ямы начиная с отметки -2.0 м от уровня материка залегало скопление разрозненных костей человека (рис. 7, *II, 2*). Вдоль западной стенки хаотично залегали многочисленные фрагменты одного керамического сосуда (рис. 7, *II, 1*).

На дне разрозненно лежали череп и остатки посткраниального скелета человека, остатки МРС в виде альчиков, трубчатых костей передних конечностей и лопатки (рис. 7, *II, 2*). Судя по расположению черепа, можно заключить, что погребённый был уложен на спине головой на юг.

Описание сопроводительного инвентаря

Керамический сосуд. Многочисленные фрагменты керамики относились к одному сосуду чёрного цвета, лепному, плоскодонному, в форме кувшина без ручки, с широким округлым туловом относительно узкой и низкой, сужающейся кверху шейкой, сильно отогнутым наружу широким округлым венчиком (рис. 7, *IV*). Шейка отделена от тулова сформированным прочерченными линиями невысоким горизонтальным валиком. Высота сосуда 26 см, диаметр тулова 23 см, высота шейки примерно 6,8 см, диаметр – 12 см, диаметр венчика 12 см, дно диаметром 11 см. Толщина стенок сосуда 0,6–0,7 см. Тесто плотное, с обильной примесью мелких и крупных частиц песка, минералов и талька. На внешней стороне тулова имеются полосы орнамента из трёх–четырёх вертикально прочерченных длинных прямых линий, на ¼ не доходящие до нижней части тулова (так называемые «полотенца»). Под венчиком сосуда имеются гладкие узкие горизонтальные линии в несколько рядов, образующие поясок по всей окружности шейки.

Результаты

В ходе полевых работ были изучены археологическими раскопками четыре кургана. Три кургана из них были ограблены, погребения разрушены, а могильные ямы – деформированы. Целым оказалось только погребение под насыпью кургана № 3. Все курганы содержали по одной погребальной яме. Зафиксированный материал позволяет сделать обоснованное предположение о наличии только индивидуальных захоронений по обряду ингумации.

Несмотря на ограбление, набор уцелевшего инвентаря и остатки погребённых в курганах № 1, 4, 5 позволяют определить их культурную и хронологическую позиции. Материалы дошедшего до нашего времени целым погребения в кургане № 3 разнообразны, имеют ярко выраженный характер. Часть из них – уникальна. Крупные железные изделия и остатки колчанов взяты грунтовыми блоками, частично документированы insitu. Необходимость в дополнительных камеральных и консервационно-реставрационных мероприятиях не позволяет на данный момент дать их полную характеристику и публикацию.

Обсуждение

Сероглиняный лепной сосуд из кург. № 1 по классификации В.М. Клепикова относится к отделу 1 – сосуды с шаровидным и близким к нему туловом, типу 2 – горшки с коротким цилиндрическим горлом и выделенным венчиком [Клепиков 2002: 52; рис. 15, *11, 14*]. Практически идентичны ему скупо орнаментированный сосуд из мог. Сарытау 1, кург. № 7 [Краева 2017: 135, фото 187] и неорнаментированный сосуд из Мечетсайского могильника на р. Елек (Илек), кург. № 7, погр. 13 конца IV–III в. до н.э. [Смирнов 1975: 130; рис. 49, *7*] в Актюбинской и Оренбургской областях, соответственно.

Очень близкие по форме, но с более выраженным венчиком и скупым орнаментом сосуды происходят из могильников северной части Актюбинской обл.: Шилисай, кург. № 1, погр. 1; Шиликтысай 1, кург. № 3, погр. 2; Целинный 1, кург. № 51; Тортоба, кург. № 1, погр. 2 [Краева 2017: фото 233, 274, 317, 333–338**]**. Шаровидные сосуды с прямыми и резко отогнутыми шейками, венчики с внутренним ребром распространяются в раннесарматской культуре с IV в. до н.э. и имеют на территории Западного Казахстана широкий хронологический диапазон бытования в рамках этой культуры [Краева 2017: 36].

Почти все виды курильниц в сарматских могилах появляются с конца IV в. до н.э. [Смирнов 1973: 169]. В литературе нами не встречены полные аналогии курильнице из кургана № 1. В отношении формы и пропорций по типологии К.Ф. Смирнова она может быть отнесена к типу 4а курильниц прохоровской культуры IV–II вв. до н.э., мелких, плоскодонных, с едва заметно расширяющимися кверху стенками и слегка загнутыми внутрь венчиками, но без отверстий в дне [Смирнов 1973**:** рис. 1, *4а*] и похожа на сосудик из мог. Лебедевка VII, кург. № 9, погр. 2 из группы курганов конца IV–II в. до н.э. [Железчиков и др. 2006: 30; рис. 65, *4*].

Плоское зеркало с такой же рукоятью средней длины и скошенным торцом, с утолщением в месте перехода ручки в диск как в кург. № 1 происходит из кургана близ хутора Веселый I на р. Илек (раскопки И.А. Зарецкого в 1935 г.) и относится к IV в. до н.э. [Смирнов, Петренко 1963: табл. 28, *6*]. Подобные зеркала происходят из погр. 8 кург. № 11 Бишунгаровского могильника (IV–II вв. до н.э.), кург. № 1 из числа курганов у пос. Целинный и Переволочанских курганов № 1 и 3 (VII–IV вв. до н.э.) на территории Башкирии [Пшеничнюк 1983: табл. XX, *1*; XXV, *14*; XLVII, *1–4*], а также из погр. 1 кург. № 11 и погр. 2 кург. № 15 мог. Филипповка-I конца V – начала IV в. до н.э. [Трейстер и др. 2012: 131, 140–141; рис. 96, *1*; 101, *1*]. В целом, плоские зеркала с плоской боковой ручкой отнесены К.Ф. Смирновым и В.Г. Петренко к типу I – зеркала с длинной плоской металлической ручкой, отлитой вместе с диском, и датированы VI–IV вв. до н.э. [Смирнов, Петренко 1963: табл. 28, *1–7*].

В размерном отношении спиралевидная в два оборота серьга из бронзового прута, обёрнутого листом золота, из кург. № 1 относится к мелким (1–1,5 см) конца IV–III в. до н.э. [Мошкова 1963: 44]. Пара идентичных миниатюрных спиралевидных сережек, но изготовленных из золотого прута, происходит из IV Прохоровского кургана [Лылова 2004: рис. 1]. Е.В. Лылова предполагает их бытование в пределах конца IV в. до н.э., рубежа IV–III вв. до н.э. [Лылова 2004: 71]. В два оборота серебряная миниатюрная серьга из мог. Калиновка (кург. № 19, погр. 12) отнесена М.Г. Мошковой к III–II вв. до н.э. [Мошкова 1963**:** табл. 29, 24].

Височные кольца в 1,5 оборота из бронзовой проволоки, обёрнутой золотым листком, обнаружены на р. Илек во впускном погр. 1 кург. № 338 Увакского могильника (III–II вв. до н.э.), погр. 3 кург. № 3, погр. 8 и 10 кург. № 7 Мечетсайского могильника (конец IV–III в. до н.э.) [Смирнов 1975: 68, 105, 130; рис. 21, *4*; 30, *5*; 43, *2*; 47, *4*]. Две височные подвески в 2 оборота из бронзовой проволоки, обёрнутой серебряной фольгой, происходят из погр. 2 кург. № 9 мог. Лебедевка VII (группа курганов конца IV–II в. до н.э.) [Железчиков и др. 2006: 30; рис. 65, *5*].

М.Г. Мошкова и Е.В. Лылова считают, что миниатюрные серьги из круглого в сечении прута появляются не ранее конца IV в. до н.э., в IV–III вв. до н.э. [Мошкова 1963: 44; Лылова 2004: 71]. В.М. Клепиков отмечает, что мелкие серьги такого типа «изредка встречаются, начиная с савроматского времени синхронно с крупными, но затем полностью сменяют их и сохраняются в погребальном инвентаре вплоть до I–II вв. н.э.» [Клепиков 2002: 89].

Бронзовый наконечник стрелы с выделенной втулкой из кург. № 1, по классификации В.М. Клепикова, соответствует типу 2 – с короткой втулкой, подтипу 2 – с треугольной головкой, вариант «б» – головка трёхлопастная, с лопастями, срезанными под тупым или прямым углом к втулке [Клепиков 2002: 40; рис. 7, *37*]. По М.Г. Мошковой – такие наконечники ближе к типу VI Г, варианту, отнесённому к IV в. до н.э. Поволжья (но более мелкому), из могильника 15-й поселок, кург. № 1, погр. 5 [Мошкова 1963: табл. 14, *156*].

Сопроводительный инвентарь погребения в кург. № 3 позволяет по разным датирующим вещам определить хронологическую позицию этого закрытого комплекса. По типологии В.М. Клепикова, железный меч из кург. № 3 относится к отделу 4 – мечи и кинжалы с прямым брусковидным перекрестием, типу 2 – с серповидным навершием [Клепиков 2002: 21]. Ввиду золотого убранства его можно отнести к числу парадных/церемониальных мечей/кинжалов

[Мордвинцева, Шинкарь 1999; Зуев 2016: 268]. По совокупности этих признаков меч датируется сер. II в. до н.э. – началом I в. до н.э. [Зуев 2016**:** 268]. В.М. Клепиков аналогичные чеботаревским железные кинжалы включил в отдел IV – мечи и кинжалы с прямым брусковидным перекрестьем, тип 2 – с серповидным навершием и отнёс к категории коротких мечей (кинжалов) [Клепиков 2002: 21], имеющим широкие хронологические рамки бытования в рамках раннесарматской культуры.

Плакированный золотом железный поясной крюк с зооморфным оформлением, как и плакированная золотом железная застёжка, являются уникальными артефактами, которым заведомо трудно найти полную аналогию и нуждаются в дополнительном осмыслении.

А.С. Скрипкин красноглиняные гончарные кувшины из раннесарматских погребений отнёс к числу сосудов среднеазиатского производства, датируя их III–II вв. до н.э. [Скрипкин 1990: 158]. Зеркала с валиком по краю диска бытовали у сарматов в период с рубежа IV–III вв. до н.э. по I в. н.э. [Скрипкин 1990: 150–153], основной период существования зеркал типа 4.7 (по А.С. Скрипкину) – III–I вв. до н.э. [Скрипкин 1990: 151].

М.Г. Мошкова пишет о стабильности типов бронзовых наконечников прохоровской культуры, с одной стороны, и эволюции их пропорций за счёт удлинения и заострения головки и превращения её в узкий треугольник, с другой стороны [Мошкова 1962: 81]. У наконечников стрел из кург. № 3 такие признаки явно выражены, что позволяет отнести их к интервалу III–II вв. до н.э. разработанной М.Г. Мошковой периодизации такого рода изделий [Мошкова 1962: 78].

Железная пряжка с подвижным язычком имеет аналогии с подобным изделием из погр. 10 кург. № 7 Мечетсайского могильника, которое К.Ф. Смирнов определил в качестве овальной пряжки от пояса [Смирнов 1975: 125; рис. 47, *4*].

Судя про восстановленным размерам и формам фрагментов, сосуд из кург. № 4 может быть реконструирован в виде горшка с узким выделенным дном, профилированным туловом, высокой шейкой и широким горлом, отогнутым наружу венчиком. Сосуды с разной степени выделенным узким дном и широкой горловиной, от цилиндрической до воронковидной форм, бытуют с раннесавроматского времени [Смирнов, Петренко 1963: табл. 6, *14–15, 19, 29*; 7, *2, 6*], продолжают встречаться до финала культуры: в могильнике Энгельс (Покровский мог.), кург. № 31, в мог. Весёлый, кург. № 11, северо-восточный сектор [Смирнов, Петренко 1963: табл. 6, *22–23*]. Близкий сосуду из кург. № 4 горшок происходит из Тарабутакского кург. № 3 рубежа VI–V вв. до н.э. [Смирнов, Петренко 1963: рис. 17, *13*].

Характер выделенного дна соответствует приёмам изготовления такого типа дна савроматами (VI—V вв. до н.э.) – по программе конструирования донного начина в виде толстой круглой лепёшки, на которую наращивались строительные элементы полого тела, в результате чего образовывался своеобразный уступчик. Либо он формировался целенаправленно путём выдавливания несколькими пальцами по кругу, перпендикулярно поверхности [Краева 2017: 221].

В пользу савроматской принадлежности сосуда и погребения свидетельствует форма и широтная ориентация могильной ямы, которая может быть отнесена к савроматским погребениям в широких прямоугольных могилах VI–IV вв. до н.э. [Смирнов, Петренко 1963: табл. 3].

Устройство валов на подкурганной площадке, которое зафиксировано в кург. № 4, было выявлено также в кург. мог. Таксай 1 (три глиняных вала, один из которых – прокалённый), кург. № 2 мог. Таксай 3 (глиняный вал, прерывающийся с южной стороны) (Теректинский р-н, ЗКО) и кург. № 1 мог. Жайык 1 (вал из дерновых блоков) (близ г. Уральска) в сочетании с широтноориентированными погребениями/могилами, датируемыми в пределах 2-й пол. VI – 1-й пол. IV в. до н.э. [Лукпанова 2022: 44; рис. 2, *5, 7*]. Все приведённые признаки позволяют датировать кург. № 4 савроматским временем, VI–IV вв. до н.э.

Меридионально расположенная по длинной оси могильная яма с ориентацией погребённого головой на юг позволяет отнести погребение в кург. № 5 к раннесарматской культуре. Подобные

сосуду из кург. № 5 горшки А.С. Скрипкиным отнесены к вытянутым лепным горшкам с плоским дном, тип А55, к хронологическому списку 1типов вещей, маркирующему памятники III–I вв. до н.э. [Скрипкин 1990: 167–171; рис. 9, *8*]. Они отличаются сильно отогнутым наружу венчиком с широкой внутренней площадкой, а также орнаментацией «полотенцами». Сосуд из кург. № 5 представляет его вариацию, выраженную не цилиндрической, а слегка зауженной к верху шейкой.

Практически полной аналогией этого сосуда (за исключением отсутствия «полотенец») является сосуд из кург. № 12 Шиповского мог., из числа курганов II группы [Пшеничнюк 1976: 54, рис. 15, *1*], включая выделенный горизонтальными линиями валик/широкую полосу в месте перехода тулова сосуда в шейку. Курганы этой группы датируются автором раскопок также III–I вв. до н.э. [Пшеничнюк 1976: 74].

М.Г. Мошкова такие лепные сосуды с круглым туловом и сужающейся к верху шейкой отнесла к отделу 1 – грушевидные плоскодонные сосуды уральского или зауральского происхождения и периоду III–II вв. до н.э., в частности, сосуд из мог. Бережновка II, кург. № 14, погр. 19 (Волгоградская обл., раскопки И.В. Синицина. 1952–1955 гг.) [Мошкова 1963: 24–25; табл. 6, *4*]. Бережновский сосуд также имеет по верху тулова две параллельные прочерченно-продавленные линии (создающие гладкий поясок-валик), от которых вниз спускается «полотенчиковая» орнаментация, и обильную примесь талька в тесте.

Тальковая примесь в тесте лепных сосудов характерна для IV в. до н.э., орнамент в виде «полотенец» обычен для комплексов II–I вв. до н.э. Такая взаимовстречаемость признаков двух хронологических групп согласно методике «зажатых» датировок В.П. Клепикова [Клепиков 2002: 97–98] позволяет отнести сосуд из кург. № 5 (и погребение в кургане, в целом) к III в. до н.э.

Заключение

Погребение в кург. № 1 содержит часть материалов, бытующих на всём протяжении раннесарматской культуры (сероглиняный шаровидный сосуд, витые миниатюрные серьги из круглого в сечении прута, курильница). В то же время есть изделия, которые характерны для савроматского времени (бронзовое зеркало с плоским диском и боковой рукоятью) или впервые появляются еще в савроматское время и бытующие в раннесарматское (миниатюрные витые серьги из круглого в сечении прута, круглодонность лепной посуды). Редкий пример устройства отверстий в дне курильницы относится к IV в. до н.э. К этому же времени относится и бронзовый наконечник с короткой выделенной втулкой. IV в. до н.э. является периодом пересечения в погребении кург. № 1 поздних дат бытования савроматского зеркала и собственно раннесарматских изделий и, очевидно, является временем его сооружения.

Погребение в кург. № 3 мы склонны относить к типу 5 – подбойные ямы, варианту А – с одним подбоем вдоль длинной стенки по классификации А.С. Скрипкина, второй по численности форме ям III–I вв. до н.э., после узких прямоугольно-удлинённых ям в Заволжье и Южном Приуралье [Скрипкин 1990: 179, 180; табл. 16]. Оружие из погребения в кург. № 3, пришивные бляшки позволяют сузить дату погребения до последней четверти II – начала I в. до н.э. Это наиболее возможные узкие хронологические рамки комплекса. Не исключено их расширение на полвека в ту или иную сторону, согласно более широким принятым датировкам мечей и ножен с золотыми плакировкой и декором.

Форма сосуда, ориентация могильной ямы и погребённого, нюансы обустройства подкурганной площадки позволяют датировать кург. № 4 савроматским временем, VI–IV вв. до н.э. Погребение в кург. № 5 с учётом формы сосуда и сочетания в нем тальковой примеси и орнаментации в виде «полотенец» может быть датирован III в. до н.э.

Таким образом, каждое из погребений в курганах мог. Чеботарево IV имеет свой хронологический диапазон и в то же время относится к разным этапам истории и культуры ранних кочевников правобережья р. Жайык в среднем её течении в рамках 2-й пол. I тыс. до н.э., включая

савроматов и раннесарматскую культуру на всём протяжении её существования в данном регионе. Видимо, этим и определился дисперсный характер топографии памятника. Материалы могильника вносят вклад в изучение истории и разных сторон культуры местного савромато-сарматского населения. Авторами планируется отдельная и подробная публикация материалов погребения под насыпью кургана № 3.

ЛИТЕРАТУРА

1 *Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В.* Древности Лебедевки (VI–II вв. до н.э.). М.: Восточная литература, 2006. 159 с.

2 Заключение историко-культурной экспертизы № AR-08/320-22от 23.08.2022 г. // Архив ТОО «Rutrum». Инвентарный номер AR-08/320-22. 34 с.

3 *Зуев В.Ю.* К проблеме выделения погребений раннесарматской элиты по археологическим материалам // Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. М-лы междунар. Круглого стола (СПб., 22–25 ноября 2016 г.) / Отв. ред.-сост.: В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский. СПб.: ПАЛАЦЦО, 2016. С. 259–276.

4 *Клепиков В.М.* Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э. Волгоград: ВолГУ, 2002. 216 с.

5 *Краева Л.А.* Гончарство сарматских племен Западного Казахстана. Алматы: ИА КН МОН РК, 2017. 352 с.

6 *Лукпанова Я.А.* Особенности погребальных конструкций сарматского времени (VI–IV вв. до н.э.): по материалам исследований 2012–2022 гг. в Западном Казахстане // Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. М-лы V междунар. конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан, 11–14 октября 2022 г.). В 5-ти т. Т. 2 / Гл. ред. А. Онгарулы. Алматы; Туркестан: ИА КН МОН РК, 2022. С. 35–45.

7 *Лылова Е.В.* Золотые серьги из IV Прохоровского кургана // Археологические памятники Оренбуржья / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Оренбургский гос. пед. ун-т, 2004. Вып. VI. С. 70–73.

8 *Мордвинцева В.И., Шинкарь О.А.* Сарматские парадные мечи из фондов Волгоградского областного краеведческого музея // Нижневолжский археологический вестник. 1999. Вып. 2. С. 138–148.

9 *Мошкова М.Г.* О ранних втульчатых наконечниках стрел // КСИА. 1962. Вып. 89. С. 77–82.

10 *Мошкова М.Г.* Памятники прохоровской культуры / САИ. М.: АН СССР, 1963. Вып. Д1-10. 56 с.: ил.

11 *Пшеничнюк А.Х.* Шиповский комплекс памятников (IV в. до н.э. — III в. н.э.) // Древности Южного Урала / Ред. Р.Г. Кузеев и др. Уфа: БФАН СССР, 1976. С. 35–131.

12 *Пшеничнюк А.Х.* Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: Наука, 1983. 200 с.

13 *Скрипкин А.С.* Азиатская Сарматия: Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Саратовский ун-т, 1990. 298 с.

14 *Смирнов К.Ф.* Курильницы и туалетные сосудики азиатской Сарматии // Кавказ и Восточная Европа в древности / Отв. ред.: Р.М. Мунчаев и В.И. Марковин. М.: Наука, 1973. С. 166–179.

15 *Смирнов К.Ф.* Сарматы на Илеке. М.: Наука, 1975. 176 с.

16 *Смирнов К.Ф., Петренко В.Г.* Савроматы Поволжья и Южного Приуралья / САИ. Вып. Д1-9. М.: Наука, 1963. 40 с.: ил.

17 *Трейстер М.Т., Шемаханская М.С., Яблонский Л.Т.* Комплексы с предметами ахеменидского круга могильника Филипповка-I // Ред. М.Ю. Трейстер, Л.Т. Яблонский. Влияние ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). В 2-х т. Т. 2. М.: ТАУС, 2012. С. 84–156.

REFERENCES

1 Zhelezchikov, B. F., Klepikov, V. M., Sergatskov, I. V. 2006. *Drevnosti Lebedevki (VI–II vv. do n.e.) (Antiquities of Lebedevka (6th–2nd centuries BCE)).* Moscow: “Vostochnaya literature” Publ. (in Russian).

2 In: Archive of Rutrum LLP. Inventory number AR-08/320-22, 34 (in Russian).

3 Zuev, V. Y. 2016. In: Zuev, V. Y., Hrshanovskiy, V. A. (eds.). *Elita Bospora i Bosporskaya elitarnaya kultura (The elite of Bosporus and the Bosporan elite culture).* St. Petersburg: “PALACCO” Publ., 259–276 (in Russian).

4 Klepikov, V. M. 2002. *Sarmaty Nizhnego Povolzhiya v IV–III vv. do n.e.* (*Sarmatians of the Lower Volga region in the 4th–3rd centuries BCE).* Volgograd: Volgograd State University (in Russian).

5 Kraeva, L. A. 2017. *Goncharstvo sarmatskih plemen Zapadnogo Kazahstana (Pottery of the Sarmatian tribes of Western Kazakhstan).* Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).

6 Lukpanova, Y. A. 2022. In: Onggaruly, A. et al. (eds.). *Evraziyskaya stepnaya tsivilizatsiya: chelovek i istoriko-kulturnaya sreda. Materialy V mezhdunarodnogo kongressa arheologii evraziyskih stepey (Eurasian steppe civilization: man and historical and cultural environment. Materials of the 5th International Congress of the*

Archaeology of the Eurasian Steppes. In 5 vol. Vol. 2. Almaty; Turkistan: Margulan Institute of Archaeology, 35–45 (in Russian).
7 Lylova, E. V. 2004. In: Morgunova, N. L. (ed.). *Arheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya (Archaeological monuments of the Orenburg region).* Issue VI. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 70–73 (in Russian).
8 Mordvintseva, V. I., Shinkar, O. A. 1999. In *Nizhnevolzhskiy arheologicheskiy vestnik (The Lower Volga Archaeological Bulletin)* 2, 138–148 (in Russian).
9 Moshkova, M. G. 1962. In *KSIA (Brief communications of the Institute of Archaeology)* 89, 77–82 (in Russian).
10 Moshkova, M. G. 1963. *Pamyatniki prohorovskoy kultury (Monuments of Prokhorov culture).* D1-10. Moscow: USSR Academy of Sciences (in Russian).
11 Pshenichnyuk, A. K. 1976. In: Kuzeev, R. G. et al. (eds.). *Drevnosti Yuzhnogo Urala (Antiquities of the Southern Urals).* Ufa: Bashkir Branch of the USSR Academy of Sciences, 35–131 (in Russian).
12 Pshenichnyuk, A. K. 1983. *Kultura rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala (Culture of the early nomads of the Southern Urals).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
13 Skripkin, A. S. 1990. *Aziatskaya Sarmatiya: Problemy hronologii i ee istoricheskiy aspect (Asian Sarmatia: Problems of chronology and its historical aspect).* Saratov: Saratov University (in Russian).
14 Smirnov, K. F. 1973. In: Munchaev, R. M., Markovin, V. I. (eds.). *Kavkaz i Vostochnaya Evropa v drevnosti (The Caucasus and Eastern Europe in ancient times).* Moscow: "Nauka" Publ., 166–179 (in Russian).
15 Smirnov, K. F. 1975. *Sarmaty na Ileke (Sarmatians on Ilek).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
16 Smirnov, K. F., Petrenko, V. G. 1963. *Savromaty Povolzh'ya i Yuzhnogo Priuraliya (Sauromats of the Volga region and the Southern Urals).* D1-9. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
17 Treyster, M. T., Shemahanskaya, M. S., Yablonskiy, L. T. 2012. In: Treyster, M. Y., Yablonskiy, L. T. (eds.). *Vliyanie ahemenidskoy kultury v Yuzhnom Priuralie (V–III vv. do n.e.) (The influence of Achaemenid culture in the Southern Urals (5th–3rd centuries BCE).* In 2 vol. Vol. 2. Moscow: "TAUS" Publ., 84–156 (in Russian).

About the Authors

Zakharov Sergey – Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan.
ORCID: 0009-0009-4848-1118 E-mail: zaharov_sv_69@mail.ru
Maryxin Denis – Researcher, Rutrum LLP, Almaty, Kazakhstan.
ORCID: 0000-0003-0275-5231 E-mail: maryxin@mail.ru

Авторлар туралы мәліметтер

Захаров Сергей Владимирович – тарих ғылымдарының кандидаты, жетекші ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан
Марыксин Денис Валерьевич – ғылыми қызметкер, «Rutrum» ЖШС, Алматы қ., Қазақстан

Сведения об авторах

Захаров Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии имени А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан
Марыксин Денис Валерьевич – научный сотрудник, ТОО «Rutrum», г. Алматы, Казахстан

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 18.03.2024.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 18.04.2024.
Авторлар жұмысқа бірдей үлес қосты. / Авторы внесли равноценный вклад в работу.
/ The authors have made an equal contribution to the work.

УДК 902.2/904 (574)
МРНТИ 03.41.91
https://doi.org/10.52967/3007-6528.2024.1.244.258

Материалы исследования археологического комплекса Таусамалы

© 2024 г. Ярыгин С.А., Кудабаев Ч.А.

Keywords: *archaeology, kurgan, settlement, petroglyphs, Bronze Age, early Iron Age, Eastern Zhetisu*
Түйін сөздер: *археология, оба, қоныс, петроглифтер, қола дәуірі, ерте темір дәуірі, Шығыс Жетісу*
Ключевые слова: *археология, курган, поселение, петроглифы, эпоха бронзы, ранний железный век, Восточное Жетысу*

S. Yarygin[1] and C. Kudabaev[2]
[1]Margulan Institute of Archaeology, Astana, Kazakhstan
[2]Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Materials from the study of the archaeological complex of Tausamaly

The article introduces new research materials from the Tausamaly archaeological complex, located in the Aksu district of the Zhetisu region, Republic of Kazakhstan, obtained during 2023. Excavations of kurgan No. 45 at the Tausamaly burial ground uncovered a burial within a stone cist beneath a stone mound. Based on analogies with previously studied burials at the site, this burial is dated to the Late Saka period. Excavations at the settlement revealed that the upper cultural layer dates to the Early Middle Ages, during which the settlement had an economic and production-oriented character. In the Karakungey and Kairakkol mountains, located to the west and east of the Tausamaly complex, 100 new groups of petroglyphs were identified, including unique symbols and tamgas, which are attributed to the Hunnic-Sarmatian period.
Source of funding: The publication was carried out within the framework of grant financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2023–2024, project IRN AP 14869290.
Citation: Yarygin, S., Kudabaev C. 2024. Materials from the study of the archaeological complex of Tausamaly. *Margulan readings–2024.* In 2 vol. Vol. 1. Pp. 244–258 (in Russian).

С.А. Ярыгин[1], Ч.А. Құдабаев[2]
[1]Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Астана қ., Қазақстан
[2]Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы қ., Қазақстан

Таусамалы археологиялық кешенін зерттеу материалдары

Мақалада 2023 жылы Қазақстан Республикасы Жетісу облысы Ақсу ауданында орналасқан Таусамалы археологиялық кешенінің аумағында жүргізілген жаңа зерттеу нәтижелері ғылыми айналымға енгізіледі. Таусамалы қорымының № 45 обасында қазба жұмыстары жүргізілді. Тас үйіндінің астындағы археологиялық жұмыстардың нәтижесінде тас қораптан қабір анықталды, ол бұрындары қорымнан табылған, зерттелген жерлеу орындарына ұқсас, соның негізінде оны кейінгі сақ дәуіріне жатқызуға болады. Қоныстағы қазба жұмыстары жоғарғы мәдени қабаттың ерте орта ғасырлардан басталғанын анықтауға мүмкіндік берді. Осы кезеңде қоныс шаруашылық және өндірістік сипатта болған. Таусамалы кешеніне іргелес жатқан Қаракүнгей және Қайрақкөл тауларында батыс пен шығыстан 100 жаңа петроглифтер тобы, оның ішінде ғұн-сармат дәуіріне жататын бірегей белгілер мен таңбалар анықталды.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2024 жж. гранттық қаржыландыруы шеңберінде, ЖТН AP 14869290 жобасы аясында дайындалды.
Сілтеме: Ярыгин С.А., Құдабаев Ч.А. 2024. Таусамалы археологиялық кешенін зерттеу материалдары. *Марғұлан оқулары–2024.* 2 том. 1-т. 244–258-бб. (Орысша).

С.А. Ярыгин[1], Ч.А. Кудабаев[2]
[1]Институт археологии имени А.Х. Маргулана, г. Астана, Казахстан
[2]Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан

Материалы исследования археологического комплекса Таусамалы

В статье в научный оборот вводятся новые материалы исследований на территории археологического комплекса Таусамалы, расположенного в Аксуском районе Жетысуской области Республики Казахстан в 2023 году. Проведены раскопки кургана № 45 могильника Таусамалы. В результате археологических работ под каменной насыпью выявлено погребение в каменном ящике, которое, судя по аналогиям ранее исследованных на могильнике погребений, датируется позднесакским временем. Раскопки на поселении позволили определить, что верхний культурный слой датируется ранним Средневековьем. В этот период поселение имело хозяйственно-производственный характер. В горах Каракунгей и Кайракколь, примыкающих к комплексу Таусамалы с запада и востока, выявлено 100 новых групп петроглифов, в том числе уникальные знаки и тамги, которые датируются гунно-сарматским периодом.
Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках грантового финансирования Комитета науки МНВО РК 2022–2024, ИРН проекта AP 14869290.
Цитирование: Ярыгин С.А., Кудабаев Ч.А. 2024. Материалы исследования археологического комплекса Таусамалы. *Маргулановские чтения–2024.* В 2-х т. Т. 1. С.244–258.

Введение

Археологический комплекс Таусамалы расположен в 2 км к востоку от поселка Жансугурово (Аксуский р-н, Жетысуская обл.). Комплекс занимает предгорно-низкогорную пустынно-степную и равнинно-предгорную пустынно-полупустынную ландшафтные зоны, располагающиеся в горах Каракунгей (1274 м), Кайракколь (2201 м) (рис. 1). Комплекс представляет научный интерес не только географическим положением в зоне прохождения одного из внутренних трансевразийских миграционных коридоров, но и наличием разного типа памятников от эпохи бронзы до Средневековья на локальной территории. Цели исследования заключались в определении культурной принадлежности и хронологии курганов центральной части могильника, определении хронологии поселения и поиске новых тамг и знаков в горах Кайракколь и Каракунгей.

Материалы и методы

В полевом сезоне 2023 г. на территории комплекса Таусамалы проведены археологические исследования на кург. № 45 мог. Таусамалы, на одноименном поселении и археологическая разведка в предгорьях и на платообразных вершинах гор Кайракколь и Каракунгей. В центре комплекса расположен мог. Таусамалы, на котором насчитывается порядка 122 насыпей (рис. 2). В 2022 г. в Институте археологии им. А.Х. Маргулана был сформирован Таусамалинский археологический отряд, который приступил к исследованию ранее обнаруженных памятников и поиску новых. При проведении полевых работ исследователи придерживались стандартных археологических методов: осуществлена топографическая съёмка памятников, зафиксирована планиграфия и стратиграфия объектов. На каждом этапе исследования применялись фотофиксация и описание слоя. Съёмка

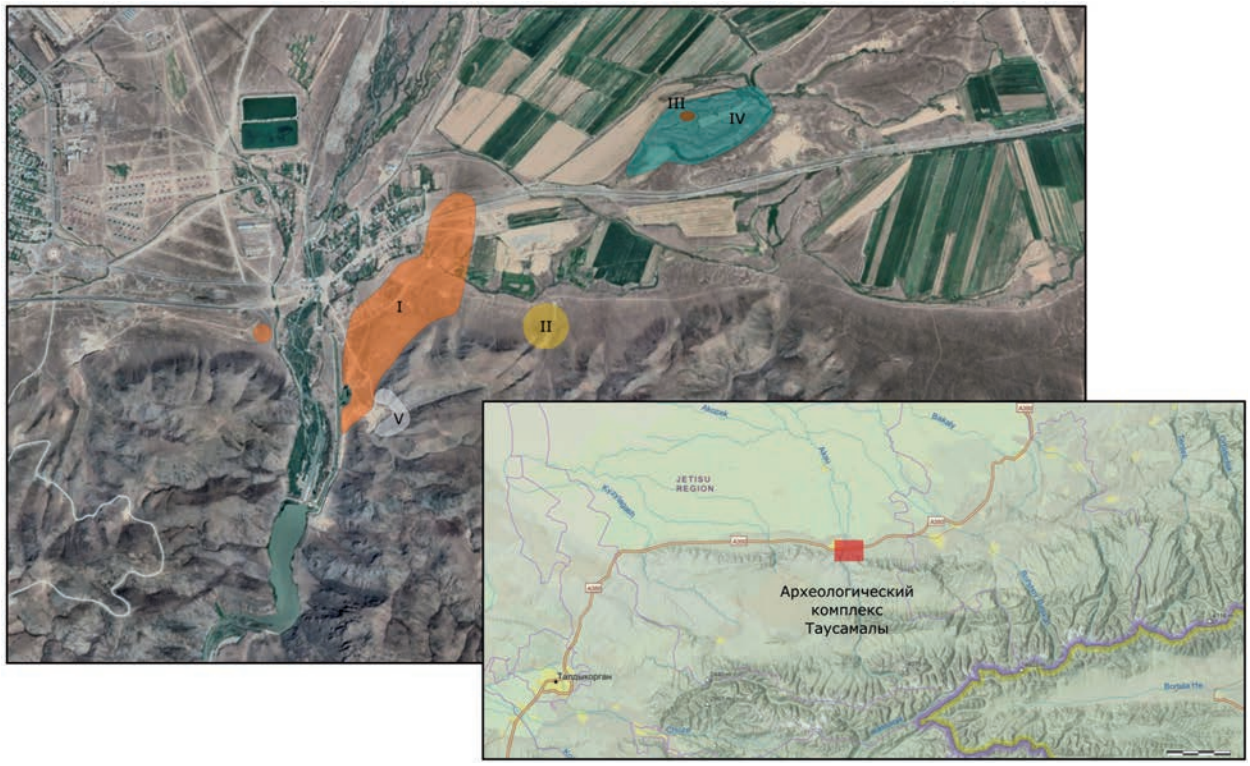


Рис. 1. Месторасположение археологического комплекса Таусамалы: I – мог. Таусамалы;
II – мог. Кайракколь; III – мог. Кайракколь II; IV – поселение Таусамалы II; V – святилище Таусамалы.
Исполнитель: Сергей Ярыгин
1-сур. Таусамалы археологиялық кешенінің орналасқан жері: I – Таусамалы қор.; II –Қайраккөл қор.;
III – Қайрақкөл II қор.; IV – Таусамалы II қонысы; V – Таусамалы ғибадатханасы.
Орындаған: Сергей Ярыгин
Fig. 1. Location of the Tausamaly archaeological complex: I – Tausamaly b.g.; II – Kairakkol b.g.; III – Kairakkol II b.g.;
IV – settlement Tausamaly II; V – sanctuary of Tausamaly.
Performer: Sergey Yarygin

памятников осуществлялась при помощи глобальных навигационных спутниковых систем с использованием следующего оборудования: геодезического тахеометра Leica, квадрокоптера dji и спутникового навигатора GPS Garmin.

Раскопки кургана № 45. Курган расположен в центральной части могильника на относительно ровной площадке. Насыпь сложена из земли и камня. Камень представлен преимущественно окатанным валуном различных размеров. Зафиксировано небольшое включение обломков сланцевого плитняка. В плане курган представлен трапециевидной выкладкой, ориентированной углами по линии ССЗ–ЮЮВ и ЗЮЗ–ВСВ. Общие размеры выкладки до начала исследований, незначительно вытянутой по линии ЗЮЗ–ВСВ, составили 14 × 15,5 м (рис. 3).

В профиле насыпь кургана уплощённо-полукруглая, высотой до 0,2 м. Плавное возвышение центральной части насыпи кургана практически не охватывает углы каменно-земляной насыпи, и общая форма воспринимается как уплощённо-полусферическая. Углы насыпи кургана расположены на одном уровне с современной поверхностью, хорошо задернованы и воспринимаются визуально как ограда. Учитывая особенность курганного могильника, выраженного в наличии дополнительных конструктивных элементов надмогильных конструкций и методический подход, выработанный в

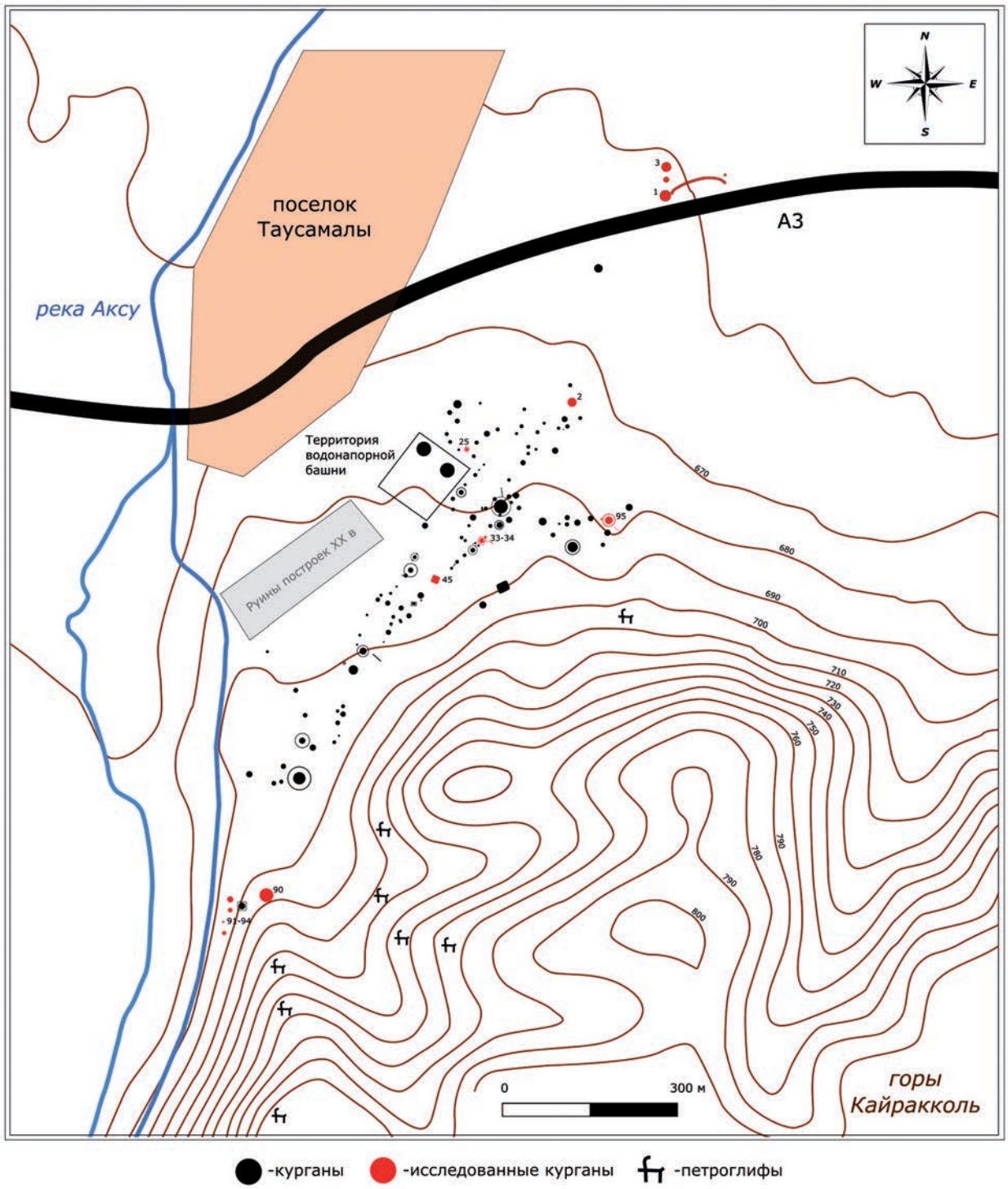


Рис. 2. План мог. Таусамалы. Исполнитель: Сергей Ярыгин
2-сур. Таусамалы қор. жоспары. Орындаған: Сергей Ярыгин
Fig. 2. Plan of the Tausamaly b.g. Performer: Sergey Yarygin

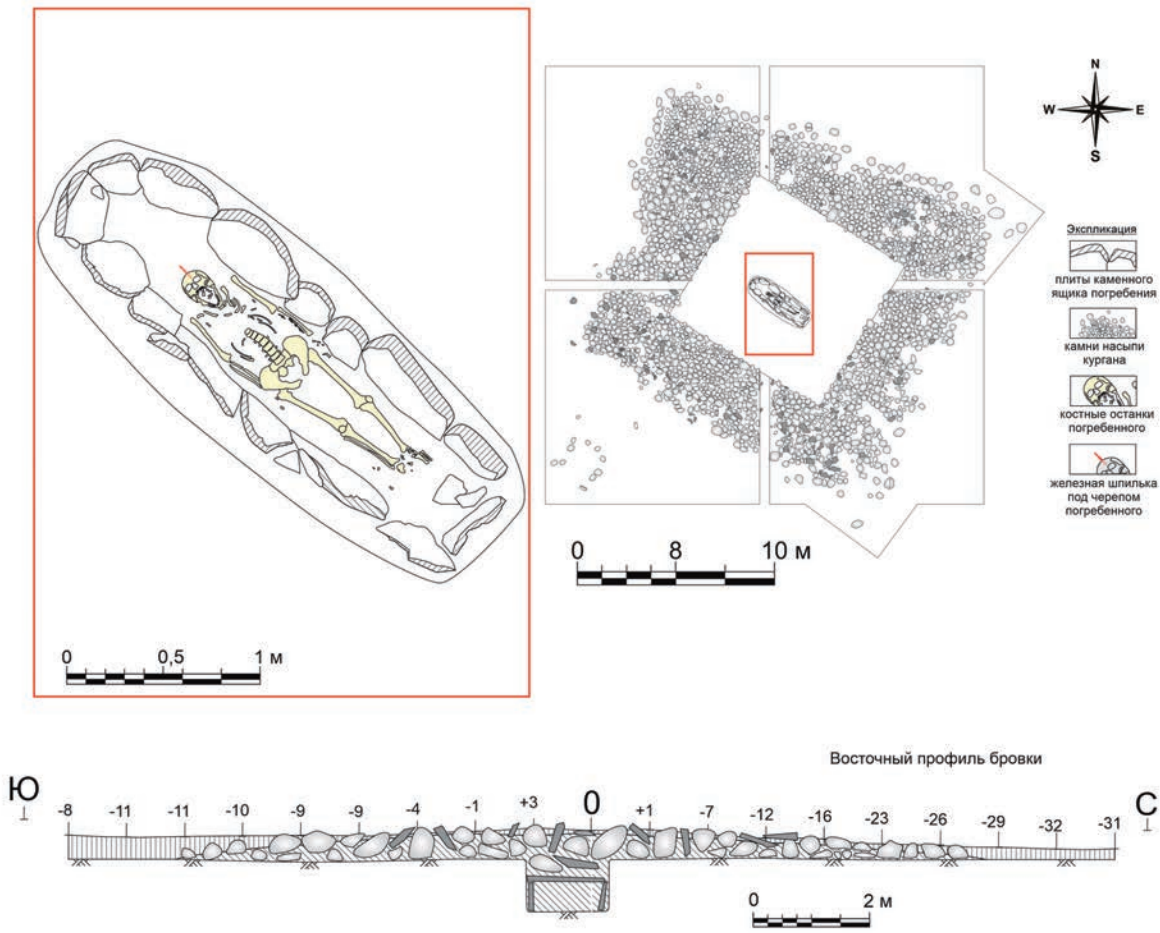


Рис. 3. Мог. Таусамалы, кург. № 45. Исполнитель: Сергей Ярыгин
3-сур. Таусамалы қор, № 45 оба. Орындаған: Сергей Ярыгин
Fig. 3. Tausamaly b.g., kurg. No. 45. Performer: Sergey Yarygin

ходе предыдущих исследований, на кургане заложен раскоп размерами 18 × 18 м, ориентированный по сторонам света. Помимо расчистки насыпи кургана, вся окружающая поверхность в пределах раскопа была разобрана до уровня материковой поверхности, зафиксированной на глубине в пределах 0,20 м.

После расчистки насыпь кургана можно относительно уверенно отнести к типу каменной выкладки (панциря) в виде плотно уложенных окатанных валунов. Общие размеры каменной выкладки не изменились. Общие размеры сторон трапециевидной в плане каменной выкладки составили: юго-западная линия – 14,5 м; северо-восточная линия – 16 м; северо-западная линия – 12,2 м; юго-восточная – 14,0 м. В центральной части каменной выкладки выявлена наибольшая концентрация обломков сланцевых плиток. Основу насыпи кургана в профиле составляют окатанные валуны в структуре лёссовой белёсой супеси. На уровне погребённой поверхности прослой гумуса не прослеживается. Верхняя часть кургана, как и оплывший грунт за пределами насыпи, представлен серым лёссовым суглинком, цвет и более плотная структура которого преобразована в результате

процесса почвообразования. Материковый грунт представлен плавно сужающейся к востоку прослойкой лёссового суглинка на галечной супеси.

На уровне погребённой поверхности в центральной части подкурганного пространства прослежена линза могильной ямы, представленная лёссовой белёсой супесью. Заполнение ямы – лёссовая белёсая супесь с включением окатанных валунов и фрагментов сланцевых плит. В плане линза прямоугольной формы (2,9 × 1,1 м), вытянута по линии СЗ–ЮВ. В процессе разбора заполнения могильной ямы на глубине 0,4 м от уровня древней погребенной поверхности расчищено скопление окатанных валунов и крупных, размерами до 0,60 × 0,40 × 0,30 м камней сланцевой породы. На глубине 0,60 м от уровня погребённой древней поверхности расчищены остатки частично обрушившегося горизонтального перекрытия каменного ящика. Размеры самой крупной сохранившейся плиты вдоль северо-западного края составили 0,60 × 0,50 × 0,25 м. После разбора горизонтального перекрытия каменного ящика, на глубине 0,85 м расчищен верхний контур вертикально установленных плит и выявлены первые фрагменты костных останков.

Полный контур костных останков погребённого, уложенного на спине с вытянутыми конечностями и прямо расположенной головой, расчищен на глубине 0,95 м от уровня древней погребённой поверхности. Погребённый ориентирован головой на северо-запад. Нижняя челюсть его упала на шейные позвонки. Под теменной областью черепа зафиксированы фрагменты сильно окисленной железной шпильки. Наибольший её диаметр в основании в районе темени погребённого составлял порядка 0,90 см, плавно сужаясь в северо-западном направлении, длина около 10,0 см. Кисти рук погребённого уложены под тазобедренным суставом. Нижняя часть левой ноги имеет небольшой разворот во внешнюю сторону.

Верхний контур каменного ящика повторяет размеры и контур могильной ямы за исключением более округленного устройства северо-западной короткой стены. Ящик образован путём вертикальной установки каменных сланцевых плит размерами до 0,50 × 0,40 × 0,25 м, под уклоном к центральной части, плавно сокращая размеры могильной ямы. На уровне дна могильной ямы на глубине 1,0 м от уровня древней погребённой поверхности внутренний контур каменного ящика не превышал размеров 2,45 × 0,45 м. Северо-восточная длинная стена сооружена из шести вертикально установленных плит. Северо-западная полукруглая в плане короткая стена сооружена из двух плит; юго-западная длинная стена – из шести плит; юго-восточная короткая стена – из одной вертикально установленной плиты.

Археологические работы на поселении Таусамалы II. Поселение Таусамалы расположено в 1,7 км к востоку от поселка Таусамалы, к северу от трассы Алматы–Усть-Каменогорск и современного зирата. В 200 м к юго-востоку от поселения имеется действующий глиняный карьер. Площадь поселения составляет около 200 × 500 м. Занимает лёссовые холмы с плоскими вершинами, окружённые глубокими саями с регулярным сезонным водотоком. В 2023 г. на поселении произведена топосъёмка и заложено два рекогносцировочных раскопа (рис. 4).

Топографическая съёмка и детальное обследование окружающего рельефа позволили сделать ряд наблюдений:

(1) Общий уклон рельефа на прилегающей территории проходит с юга на север, от северных отрогов гор Кайракколь, и с запада на восток от правого берега р. Аксу. Поселение организовано в холмистой местности между разветвлёнными рукавами паводковых оттоков правого берега р. Аксу.

(2) Учитывая естественный уклон рельефа, основные рукава паводковых оттоков в окрестности поселения проходят в направлении с запада на восток, поэтому с севера и юга поселение ограничено естественной сетью оврагов. Однако с запада и востока от поселения также наблюдаются ложбины, прорезающие ряд русел естественных рукавов паводковых оттоков. Вероятно, ложбины с запада и

востока от мыса, на котором расположено поселение, являются остатками искусственной арычной сети. Современные посевные поля расположены по всему периметру описываемой разветвлённой сети рукавов, северная часть поселения полностью ими разрушена.

(3) Основу коренного материкового грунта на прилегающей территории составляет серая крупная супесь с плотным включением окатанных валунов, однако, в пределах исследуемой территории ввиду естественных паводковых наносов, образован верхний слой суглинистых холмов. Ввиду дефицита суглинистого грунта, его добыча продолжается на карьере в 200 м юго-восточнее поселения.

С целью определения структуры культурного слоя, в южной, наиболее сохранившейся части поселения, заложено два раскопа. Собрана коллекция артефактов, представленная преимущественно фрагментами керамических котлов гончарного производства. Тулово сосудов шаровидной формы с плоским дном. Венчики резко отогнуты наружу с уплощённым выпуском. Как на внешних, так и на внутренних стенках отдельных фрагментов зафиксированы подтеки чёрной поливы. На других фрагментах прослежены следы нагара и ангоба. Ручки сосудов преимущественно горизонтальные, с декорированием внешнего края рельефной волнистой линией, образованной

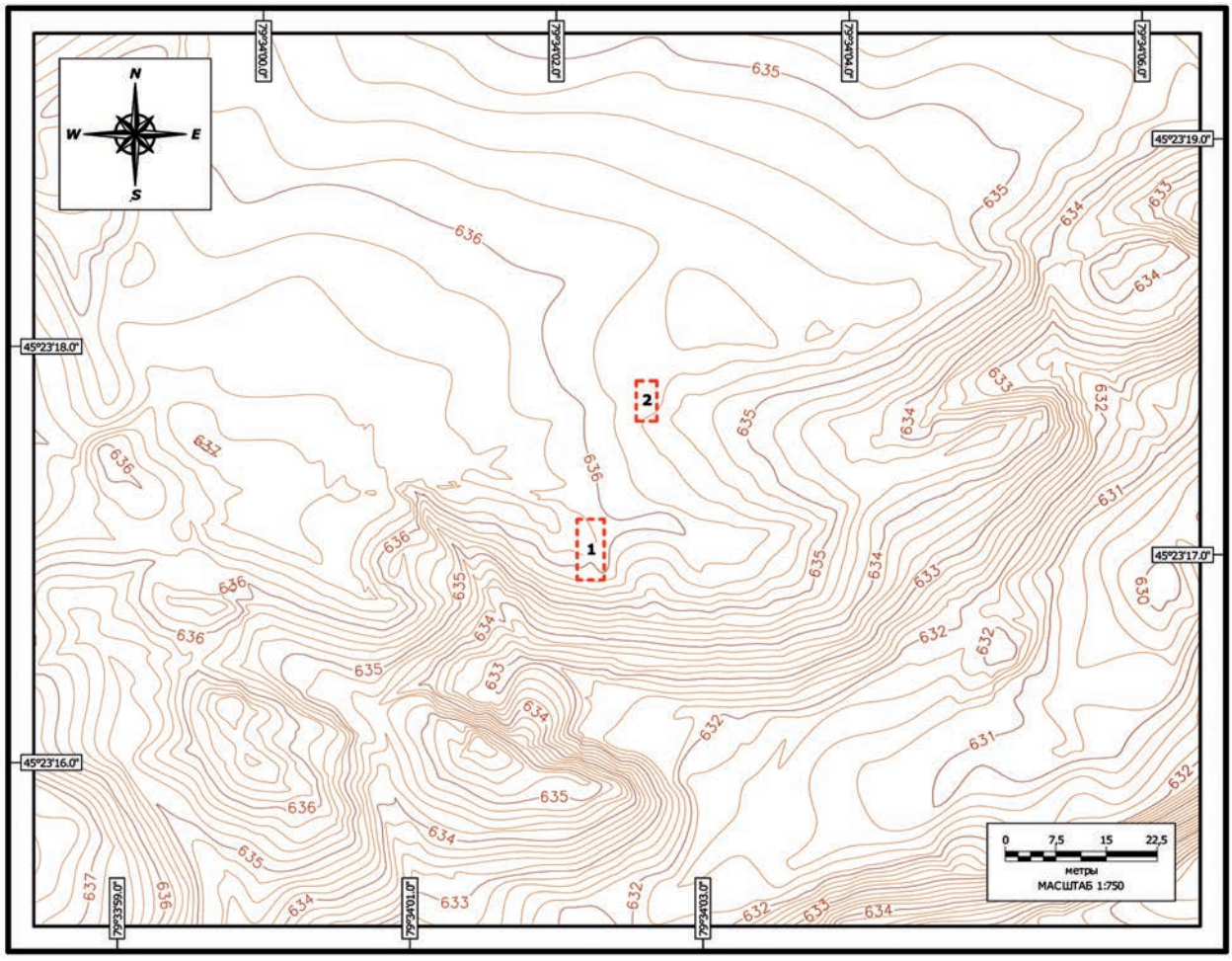


Рис. 4. Топография южной части поселения. Исполнитель: Сергей Ярыгин
4-сур. Қоныстың оңтүстік бөлігінің топографиясы. Орындаған: Сергей Ярыгин
Fig. 4. Topography of the southern part of the settlement. Performer: Sergey Yarygin

пальцевыми вдавлениями в шашечном порядке. Другой вид декорирования края ручек выполнен также пальцевыми, но перпендикулярными вдавлениями относительно края с шагом в 1–2 см. Тесто керамики хорошего качества, мелкозернистое с высокотемпературным обжигом. Толщина стенок сосудов колеблется в пределах 0,40–1,2 см.

В центральной части раскопа № 1 на глубине 0,20 м собраны фрагменты толстостенных, слабо декорированных кирпичных изделий. Толщина изделий – в пределах от 3,5 до 4,5 см. Декорирование произведено на лицевой плоской поверхности пальцевыми разводами по сырцовой заготовке. В северо-восточной части раскопа собрана коллекция доведённых до шарообразной формы гранитных окатышей, фрагмент оплавленного глазурного раствора найден в юго-западном углу раскопа.

В процессе разбора грунта характеристика коллекции артефактов существенно не изменилась. Среди венчиков, помимо отогнутых наружу уплощённых, относящихся к котлам, выявлены и прямые уплощённые с обоюдным заоваленным выпуском. На горизонтальных сплошных ручках, помимо декорирования края, фиксируются и параллельные пальцевые вдавления по верхней половине поверхности ручки. Изменилась толщина и декор фрагментов кирпичных изделий. Их толщина сократилась до 1 см, а орнаментация представлена параллельными линиями клиновидных в сечении оттисков.

На уровне верхней границы светло-коричневого лёссового суглинка по всему периметру раскопа зафиксированы линзы светло- и тёмно-серого лёссового суглинка. По мере расширения светло-коричневого лёссового суглинка в пределах раскопа, дальнейший разбор грунта производился лишь в пределах линз более гумусированных слоёв. Основная часть линз в плане имела округлую форму, однако ряд линз неясных очертаний можно с уверенность отнести к результату жизнедеятельности местной землеройной фауны. Всего в пределах раскопа выявлено пять основных, округлых в плане линз, с плотным грунтом, в наименьшей степени подвергшихся воздействию землеройной фауны. Самые глубокие, относительно поверхности светло-коричневого лёссового суглинка, ямы № 1 и 2, образованные в процессе разбора линз, зафиксированы в юго-западном углу раскопа. Нижняя часть заполнения ям представлена более тёмным цветом, с большей концентрацией пепла и углей в структуре грунта.

Всего коллекция артефактов с раскопа насчитывает 144 фрагмента керамических сосудов. К группе керамических изделий можно отнести и 14 фрагментов массивных изделий типа чарыга, с грубым рельефным орнаментом. Металл представлен тремя фрагментами железного листового шаровидного изделия, однако обнаружены они в дёрне и могут относиться к современной хозяйственной деятельности.

В северной части поселения, на границе посевных полей, ранее заложенный шурф расширен до рекогносцировочного раскопа № 2 размерами 3 × 6 м. Раскопом охвачена ровная площадка с перепадами в пределах 0,15 м. В отличие от раскопа № 1, где кроме фрагментов керамических сосудов преобладали обломки камней, в раскопе № 2 зафиксировано порядка 35 фрагментов костей животных. Коллекция фрагментов керамики представлена преимущественно котлами. Помимо отогнутых наружу венчиков с уплощённым выпуском, отмечены прямые, утолщённые по внешнему краю венчики с горизонтальным желобком по налепу. Ручки представлены преимущественно горизонтальными сплошными декорированными фрагментами. Отдельные фрагменты костей животных фиксировались вплоть до материкового грунта.

Начиная с глубины 0,85 м частично выявлена верхняя граница светло-коричневого лёссового суглинка. Полностью зафиксировать в пределах всего раскопа его удалось лишь на глубине порядка 1,2 м. На данном уровне в структуре слоя выявлены пять округлых в плане линз светло- и тёмно-серого лёссового суглинка.

Археологическая разведка

В полевом сезоне 2023 г. проведена археологическая разведка в горах Каракунгей, Кайракколь и Маркатау (Аксуский и Сарканский р-ны, Жетысуская обл.). Обследовано 15 северных ущелий гор Кайракколь и Маркатау. Среди них самые крупные, длиной до 5 км – Аксу, Карасай, Сайжол, Сатан, Таттибулак, Саркан. Маршрутами охвачено 10 ущелий и больших логов со скальными выходами на южных склонах, три ущелья на западных склонах и на северном склоне плато Суук гор Кайракколь. Осуществлена разведка на западных и восточных склонах ущелья р. Аксу на отрезке длиной 5 км. Обследованы северные и восточные склоны гор Каракунгей и ущелье Солдатсай, примыкающие к р.Аксу.

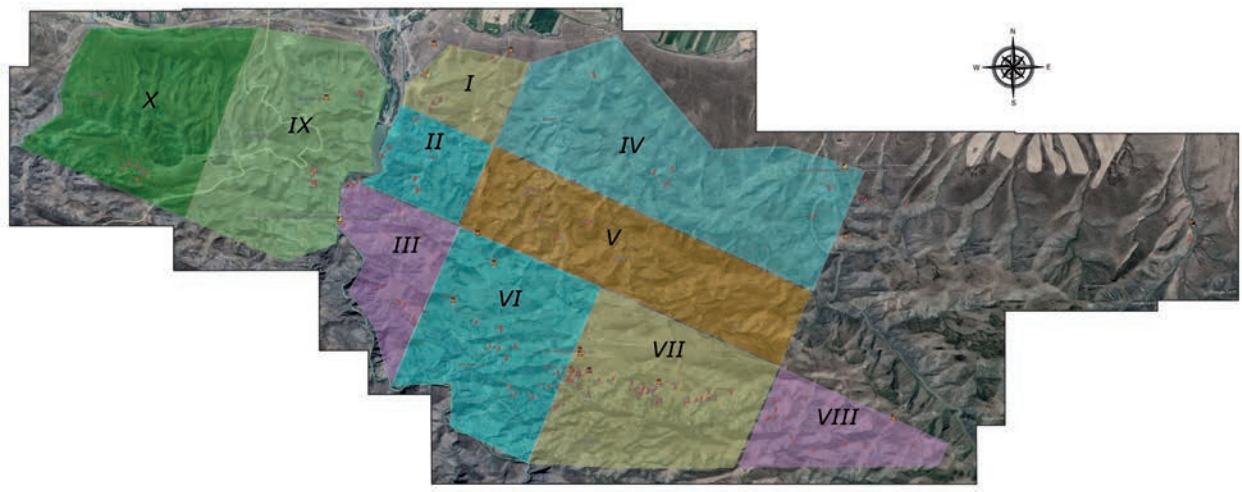


Рис. 5. Территория исследования в горах Кайракколь и Каракунгей. Кластеры: I – Аксу I; II – Аксу II; III – Аксу III; IV – Карасай I; V – Карасай II; VI – Кайракколь I; VII – Кайракколь II; VIII – Кайракколь III; IX – Каракунгей I; X – Каракунгей II. Исполнитель: Сергей Ярыгин

5-сур. Қайрақкөл және Қаракүнгей тауларындағы зерттеу аумағы. Кластерлер: I – Ақсу I; II – Ақсу II; III – Ақсу III; IV – Қарасай I; V – Қарасай II; VI – Қайрақкөл I; VII – Қайрақкөл II; VIII – Қайрақкөл III; IX – Қаракүнгей I; X – Қаракүнгей II. Орындаған: Сергей Ярыгин

Fig. 5. Study area in the Kairakkol and Karakungey mountains. The clusters: I – Aksu I; II – Aksu II; III – Aksu III; IV – Karasai I; V – Karasai II; VI – Kairakkol I; VII – Kairakkol II; VIII – Kairakkol III; IX – Karakungey I; X – Karakungey II. Performer: Sergey Yarygin

Для проведения детального исследования крупной концентрации наскальных изображений вдоль р. Аксу выбрана площадная методика археологической разведки с условным делением территории на кластеры с приданными топонимическими наименованиями и нумерацией. При разработке условного деления на кластеры основное внимание уделялось привязке к доступности водного источника или пешего доступа ввиду горной местности. Помимо двух одноименных кластеров в горах Каракунгей, остальные кластеры расположены на правом берегу р. Аксу в горах Кайракколь. Два правобережных кластера отражают ситуацию долины пересыхающего родника Карасай, остальные кластеры – ситуацию приречных террас р. Аксу по мере усложнения пешего доступа в южном и юго-восточном направлении вверх по течению. В связи с тем, что петроглифы занимают практически все южные склоны плато Суук, границы кластеров выбраны, по сугубо техническим причинам, для удобства фиксации и дальнейшей систематизации. Нумерация дана не по скоплениям, а наиболее выраженным и крупным группам наскальных изображений (рис. 5).

Несмотря на рамки хронологического ограничения исследуемой темы, ввиду слабой изученности вопроса типологической характеристики наскальных изображений, осуществлялась фиксация основных групп петроглифов региона исследования. Систематизация и статистический анализ зафиксированных наскальных изображений определялся ориентировкой скальной поверхности, количеством изображений, наличием палимпсестов, типом и стилем изображений, способом нанесения и патинизацией.

По результатам проведённых исследований наскальных изображений выявлено и зафиксировано более 3000. Учитывая как горизонтальное, так и вертикальное расстояние между скоплениями петроглифов, выделено 139 основных групп и одиночных сепаратно расположенных наскальных изображений. Петроглифы создавались в технике пикетажа, резьбы, гравировки, часть изображений выполнена комбинированно (рис. 6).



Рис. 6. Гравированные изображения. Кластер Кайракколь I. Исполнитель: Сергей Ярыгин
6-сур. Нақышталған кескіндер. Қайрақкөл I кластері. Орындаған: Сергей Ярыгин
Fig. 6. Engraved images. Cluster Kairakkol I. Performer: Sergey Yarygin

Плоскости расположены преимущественно на южных склонах гор Кайракколь, обращённых в сторону р. Аксу. Уровень патинизации не зависит от хронологии рисунков, а связан с конкретным микроклиматом, сложившимся в той или иной локации. Материал, на который наносились петроглифы, представляет собой сланец и мелкозернистый песчаник с зеркально-гладкой поверхностью, покрытой патиной чёрного цвета.

Главными мотивами являются изображения горных козлов, архаров, оленей, коней. Сцены представлены охотой лучников, всадников и загонной охотой с собаками на диких животных, которые датируются от эпохи поздней бронзы до гунно-сарматского периода.

В регионе исследования зафиксировано значительное количество изображений животных с дополнительными метками, в виде округлых сплошных выбивок. Чаще всего они сопровождают фигуры козлов, реже – оленей. Можно предположить, что это были главные промысловые животные в периоды бронзового и раннего железного веков. Стоит отметить, что охота на них в регионе гор Кайракколь и Каракунгей осуществляется и сейчас. Округлые метки в совокупности с петроглифом животного могут интерпретироваться, как знаки, связанные с охотничьей деятельностью (рис. 7).

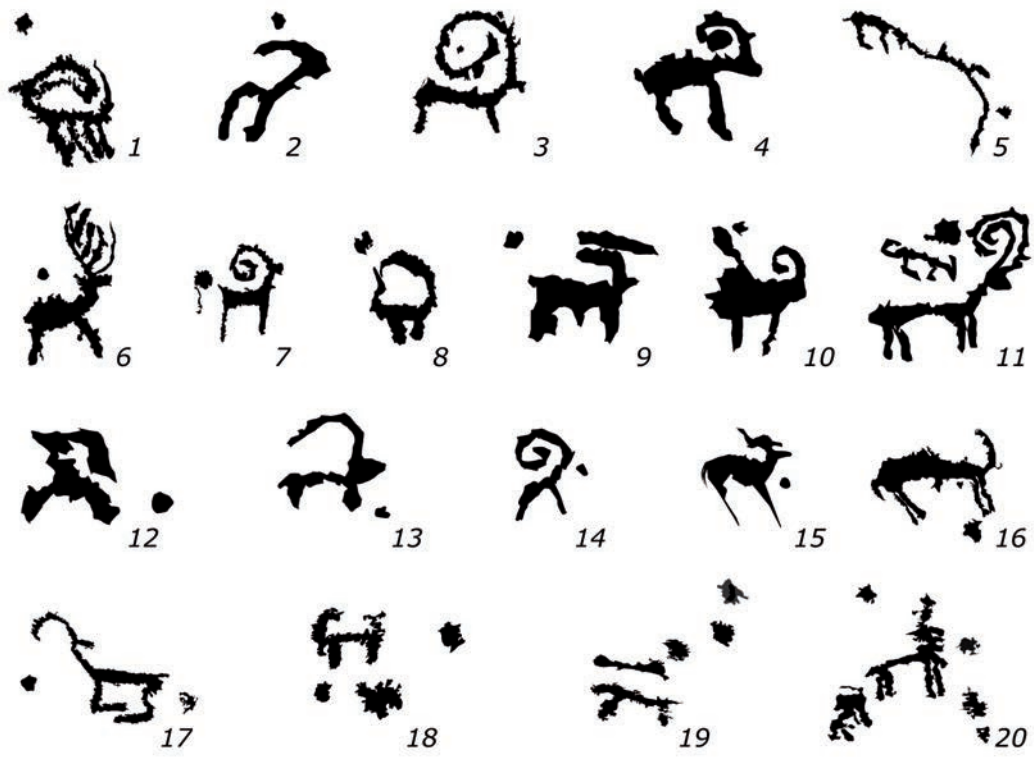


Рис. 7. Животные с метками по кластерам: *1, 17* – Аксу I; *2–4* – Аксу III; *5–7* – Кайракколь I; *8–11* – Кайракколь II; *12–16, 18–20* – Кайракколь III. Исполнитель: Сергей Ярыгин

7-сур. Белгілері бар жануарлар кластерлер бойынша: *1, 17* – Ақсу I; *2–4* – Ақсу III; *5–7* – Қайраққөл I; *8–11* – Қайраққөл II; *12–16, 18–20* – Қайраққөл III. Орындаған: Сергей Ярыгин

Fig. 7. Animals with markings by clusters: *1, 17* – Aksu I; *2–4* – Aksu III; *5–7* – Kairakkol I; *8–11* – Kairakkol II; *12–16, 18–20* – Kairakkol II. Performer: Sergey Yarygin

Обнаружена большая коллекция циркульных изображений, чаще всего в виде очкообразных знаков. В отдельную категорию отнесены сепаратно расположенные изображения тамг, всего 10 пунктов, включающих 30 рисунков.



Рис. 8. Тамги-трикветры. Кластер Кайракколь II: *1, 2* – тамги, расположенные на одной плите к востоку от мог. Суук; *3* –тамги, расположенные к югу от мог. Суук.
Исполнитель Сергей Ярыгин
8-сур. Таңбалар-трикветрлар. Қайрақкөл II кластері: *1, 2* – Суық қор. шығысқа қарай бір тақтада орналасқан таңбалар; *3* – Суық қор. оңтүстігінде орналасқан таңбалар.
Орындаған: Сергей Ярыгин
fig. 8. Tamga-triquetras. Cluster Kairakkol II: *1, 2* – tamgas located on one slab east of the Suuk b.g.; *3* – tamgas located south of the Suuk b.g.
Performer: Sergey Yarygin

Результаты

Тип погребального обряда, зафиксированный в кургане № 45 мог. Таусамалы – погребение в каменном ящике, на спине с ориентацией в северо-западный сектор, позволяет провести аналогии с другими ранее исследованными на могильнике курганами № 1, 4, 33, 34, 95. Это даёт возможность предварительно датировать его концом I тыс. до н.э.

Археологические раскопки на поселении Таусамалы II позволили выделить ряд существенных фактов: (1) основываясь на стратиграфических наблюдениях, в т. ч. следах прорезания нижнего

белёсого суглинка цилиндрическими ямами с пеплом, можно отнести поселение к многослойному типу памятников; (2) предварительный анализ керамического инвентаря, характеризующегося подавляющим преобладанием котловидных круглодонных сосудов с горизонтальными сплошными декорированными ручками и матовой чёрной поливой, позволяет отнести верхний культурный слой к эпохе раннего средневековья; (3) учитывая обозначенные топографические особенности, локализованную насыщенность грунтов пеплом и углями, а также разрозненными кусочками оплавленной глазури, можно предположить, что в период верхнего культурного горизонта поселение носило хозяйственно-производственный тип.

Среди новых тамг интерес представляют собой одиночные, парные и тройные изображения, которые расположены преимущественно сепаратно по отношению к другим петроглифам (рис. 8, *1–3*). Близкие по типу и времени тамги выявлены и в других регионах Казахстана, вокруг оз. Балхаш. По мнению А.Е. Рогожинского и С.А. Яценко, они оставлены кочевниками, которые имели связи с населением Минусинской котловины посттагарского времени, а в процессе миграций отметились в Бактрии, Хорезме, на Устюрте и в Сарматии [Рогожинский, Яценко 2019: 141–158; рис. 4, *2, 4*; Яценко, Рогожинский 2021: 733–767].

Обсуждение

Материалы археологических исследований мог. Таусамалы, в т. ч. данные 2023 г., позволяют высказаться относительно культурной принадлежности населения региона во 2-й пол. I тыс. до н.э. В этот период в Восточном Жетысу, ранее входившем в ареал сакских племен, появляется большая группа мигрантов из Восточного Казахстана, которая оставила могильник в составе 122 насыпей. Судя по количеству курганов, она обитала в регионе длительный период. Процесс взаимодействия пришлых и местных групп остаётся в области предположений, но, очевидно, что он варьировался от военных столкновений до матримониальных контактов.

Исследования на поселении Таусамалы II необходимо продолжить, предварительные данные позволяют уверенно говорить о хронологии верхних слоёв поселения и соответственно верхней дате его существования.

Тамги, обнаруженные в Аксуском районе, дополняют карту подобных памятников Южного Казахстана и Жетысу. Среди зафиксированных тамг прямые аналогии находят только трикветры. Судя по месту их сосредоточения рядом с крупным могильником, принадлежали местной группе кочевников, связанной с племенами хуннуского времени Минусинской котловины, Тывы, Западной Монголии [Төрбат и др. 2012: 136–161], и с аорсами или аланами, появившимися в Северном Причерноморье в I в. н.э. [Драчук 1975; Соломоник 1959; Федоров 2020: 163–174]. Остальные знаки при наличии косвенных аналогов представляют собой самостоятельную знаковую систему, которая показывает самобытность кочевников, расселявшихся в горной системе Кайракколя и Каракунгея. Чаще всего встречаются парные тамги; в одном случае, вероятно, изображены три знака в ряд и один раз две тамги расположены достаточно близко по отношению друг к другу. Подобное сочетание знаков могло отмечать заключение договоров между двумя родами, браки, побратимство, усыновление, аталычество, прекращение кровной мести, разграничение сфер влияния или совместное участие в религиозной акции [Яценко 2001: 81–83]. Судя по количеству и разнообразию тамг, обнаруженных в регионе (Аксуский р-н, Жетысуская обл.), подобные акции проводились как местными кочевниками, так и племенами, проходившими через регион в процессе миграций или расселившимися в соседних районах.

Заключение

Исследование археологического комплекса Таусамалы показывает, что бассейн р. Аксу, предгорья и горные плато Каракунгей и Кайракколь были активно освоены начиная с эпохи бронзы. В раннем железном веке кочевники региона представлены двумя культурными традициями, местного сакского и миграционного восточно-казахстанского происхождения. На рубеже эр в Восточное Жетысу проникает ещё одна группа кочевников, связанная с племенами Монголии, Тывы и Минусинской котловины. В период раннего Средневековья, судя по материалам поселения Таусамалы II, к востоку от р. Аксу возникает крупный ремесленный центр, обеспечивающий керамическими изделиями обширную округу к северу от гор Каракунгей и Кайракколь.

ЛИТЕРАТУРА

1 *Бородовский А.П., Оборин Ю.В.* Клады и тайники бронзовых предметов с железными инструментами гунно-сарматского времени со Среднего Енисея // Вестник НГУ. Сер. История. Филология. 2018. Т. 17. № 7: Археология и этнография. С. 86–98.

2 *Драчук В.С.* Системы знаков Северного Причерноморья. Тамгообразные знаки северопонтийской перифирии античного мира первых веков нашей эры. Киев: Наукова думка, 1975. 175 с.

3 *Рогожинский А.Е., Яценко С.А.* Знаки поздней античности в петроглифах Казахстана // Тамги доисламской Центральной Азии / Отв. ред. Р.Х. Сулейманов. Самарканд: МИЦАИ, 2019. С. 141–158.

4 *Соломоник Э.И.* Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев: АН УкрССР, 1959. 180 с.

5 *Федоров В.К.* Трикветры в культурах эпохи раннего железа степной полосы Евразии // Вещь в контексте погребального обряда: м-лы Междунар. науч. конф. / Отв. ред. С.А. Яценко, Е.В. Куприянова. М.: РГГУ, 2020. С. 163–174.

6 *Яценко С.А.* Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.: Восточная литература РАН, 2001. 190 с.

7 *Яценко С.А., Рогожинский А.Е.* Несколько заметок о знаках-тамгах сарматов и их соседей // МАИАСП. 2021. № 13. С. 733–767.

8 *Төрбат Ц., Батсух Д., Баярхуу Н.* Хуннугийн археологийн тамгууд Люаньди овгийн тамга болохнь // Studia Archaeologica Instituti Archaeologici Academiae Scientiarum Mongolicae. Tomus XXXII, Fasciculus 1–20, Улаанбаатар, 2012. X. 136-161.

REFERENCES

1 Borodovskiy, A. P., Oborin, Y. V. 2018. In *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya (Vestnik NSU. Series: History and Philology)* 17, 7, 86–98 (in Russian).

2 Drachuk, V. S. 1975. *Sistemy znakov Severnogo Prichernomor'ya. Tamgoobraznye znaki severopontiyskoy perifiri i antichnogo mira pervyh vekov nashey ery* (*Sign systems of the Northern Black Sea region. Tamga-shaped signs of the North Pontic periphery of the ancient world of the first centuries of our era)*. Kyiv: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

3 Rogozhinskiy, A. E., Yatsenko, S. A. 2019. In: Suleymanov, R. K (ed.). *Tamgi doislamskoy Tsentralnoy Azii (Tamgas of pre-Islamic Central Asia).* Samarkand: IICAS, 141–158 (in Russian).

4 Solomonik, E. I. 1959. *Sarmatskie znaki Severnogo Prichernomoriya (Sarmatian signs of the Northern Black Sea region).* Kyiv: Ukrainian SSR Academy of Sciences (in Russian).

5 Fedorov, V. K. 2020. In *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, ethnography and anthropology of Eurasia)* 48, 101–109 (in Russian).

6 Yatsenko, S. A. 2001. *Znaki-tamgi iranoyazychnyh narodov drevnosti i rannego srednevekoviya (Tamga signs of Iranian-speaking peoples of antiquity and the early Middle Ages).* Moscow: "Vost. lit." Publ. (in Russian).

7 Yatsenko, S. A., Rogozhinskiy, A. E. 2021. In Materialy po Arkheologii i Istorii Antichnogo i Srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region) 13, 733–767 (in Russian).

8 Torbat, T., Batsyh, D., Bayarhyy, N. 2012. In Studia Archaeologica Instituti Archaeologici Academiae Scientiarum Mongolicae. Tomus XXXII, Fasciculus 1–20, Улаанбаатар, 136–161 (in Mongolian).

About the Authors
Yarygin Sergey – Leading Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Astana, Kazakhstan.
ORCID: 0000-0001-9505-2839. E-mail: sergeyyarygin80@gmail.com
Kudabaev Chingiz – doctoral student PhD, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan.
ORCID: 0009-0002-9795-5761. E-mail: stavros1983@mail.ru

Авторлар туралы мәліметтер
Ярыгин Сергей Александрович – жетекші ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Астана қ., Қазақстан
Құдабаев Чингиз Амантайұлы – докторант PhD, Әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық университеті, Алматы қ., Қазақстан

Сведения об авторах
Ярыгин Сергей Александрович – ведущий научный сотрудник, Институт археологии имени А.Х. Маргулана, г. Астана, Казахстан
Кудабаев Чингиз Амантаевич – докторант PhD, Казахский Национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 31.03.2024.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 31.04.2024.
Авторлар жұмысқа бірдей үлес қосты. / Авторы внесли равноценный вклад в работу.
/ The authors have made an equal contribution to the work.

УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03.41.01
https://doi.org/10.52967/3007-6528.2024.1.259.272

Археологические исследования курганов раннего железного века ущелья Комирши

© 2024 г. Торежанова Н.Ж., Мякишева О.А., Ильясов Н., Балмагамбет С.С-М., Шергазынулы М., Малик Н.

Keywords: *Komirshi, Saka, kurgan, burial, museum, artifact, archaeology, ceramics, vessel, earring*
Түйін сөздер: *Көмірші, сақтар, оба, жерлеу орны, музей, артефакт, археология, қыш, ыдыс, сырға*
Ключевые слова: *Комирши, саки, курган, погребение, музей, артефакт, археология, керамика, сосуд, серьга*

N. Torezhanova[1], O. Myakisheva[1], N. Ilyasov[1], S. Balmagambet[1], M. Shergazynuly[1] and M. Nurbolat[1]
[1]Central State Museum of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan

Archaeological studies of the kurgans of the early Iron Age of the Komirshi gorge

The article examines the results of research conducted by the archaeological expedition of the Central State Museum of the Republic of Kazakhstan at a burial ground located on the northern outskirts of the village of Komirshi in 2023. The obtained data reveal certain structural features of the kurgans, the level of construction development, burial rituals, and the religious beliefs of the region's inhabitants. The discovered ceramic complexes, featuring unique manufacturing techniques, allow for a more precise determination of their cultural and chronological affiliation and their connection to other Saka-era monuments in Zhetisu. The article also presents the results of odontological analysis based on morphological indicators. Morphological features of the teeth were used to determine the sex of the buried individuals, their physical type, and biological age. The historical and archaeological connections of the site have been established.
Source of funding: The publication was carried out within the framework of grant financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2024–2026, project IRN AP23489461.
Citation: Torezhanova, N., Myakisheva, O., Ilyasov, N., Balmagambet, S.S.-M., Shergazynuly, M., Nurbolat, M. 2024. Archaeological studies of the kurgans of the early Iron Age of the Komirshi gorge. *Margulan readings–2024.* In 2 vol. Vol. 1. Pp. 259–272 (in Russian).

Н.Ж. Төрежанова[1], О.А. Мякишева[1], Н. Ильясов[1], С.С.-М. Балмағамбет[1], М. Шерғазынұлы[1], М. Нұрболат[1]
[1]Қазақстан Республикасының Орталық мемлекеттік музейі, Алматы қ., Қазақстан

Көмірші шатқалындағы ерте темір дәуірі обаларын археологиялық зерттеу

Мақалада Қазақстан Республикасы Мемлекеттік орталық музейі археологиялық экспедициясының 2023 жылы Көмірші ауылының солтүстік шетінде орналасқан қорымға жүргізген зерттеу жұмыстарының нәтижелері қарастырылады. Алынған мәліметтер обалардың кейбір конструктивті ерекшеліктерін, құрылыстарының даму деңгейін, осы аймақты мекендеген тұрғындардың жерлеу рәсімдері мен діни нанымдарының ерекшеліктерін ашады. Табылған жасалу техникасы өзгеше қыш кешендері олардың мәдени-хронологиялық қатынасын және Жетісудың сақ кезеңінің басқа ескерткіштерімен байланысын дәлірек анықтауға мүмкіндік береді. Мақалада морфологиялық көрсеткіштер бойынша одонтологиялық анықтаманың нәтижелері беріледі.. Тістердің морфологиялық ерекшеліктері негізінде жерленгендердің жынысы, физикалық түрі және биологиялық жасы анықталды. Ескерткіштің тарихи-археологиялық байланыстары орнатылды.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2024–2026 жж. гранттық қаржыландыруы шеңберінде, ЖТН AP23489461 жобасы аясында дайындалды.
Сілтеме: Төрежанова Н.Ж., Мякишева О.А., Ильясов Н., Балмағамбет С.С.-М. , Шерғазынұлы М. , Нұрболат М. 2024. Көмірші шатқалындағы ерте темір дәуіріобаларын археологиялық зерттеу. *Марғұлан оқулары–2024.* 2 том. 1-т. 259–272-бб. (Орысша).

Н.Ж. Торежанова[1], О.А. Мякишева[1], Н. Ильясов[1], С.С-М. Балмагамбет[1], М. Шергазынулы[1], Н. Малик[1]
[1]Центральный государственный музей Республики Казахстан, г. Алматы, Казахстан

Археологические исследования курганов раннего железнего века ущелья Комирши

В статье рассматриваются результаты исследований археологической экспедиции Центрального Государственного музея Республики Казахстан, проводившей исследование могильника, расположенного на северной окраине села Комирши, в 2023 г. Полученные данные раскрывают некоторые конструктивные особенности курганов, уровень развития строительного дела, особенности погребальных обрядов и религиозных верований насельников региона. Найденные керамические комплексы с уникальной техникой изготовления позволяют более точно определить их культурно-хронологическую принадлежность и связь с другими памятниками сакского времени Жетысу. В статье представлены результаты одонтологического определения по морфологическим показателям. На основе морфологических особенностей зубов определён пол погребённых, физический тип и биологический возраст. Установлены историко-археологические связи памятника.
Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках грантового финансирования Комитета науки МНВО РК 2024–2026, ИРН проекта AP23489461.
Цитирование: Торежанова Н.Ж., Мякишева О.А., Ильясов Н., Балмагамбет С.С-М., Шергазынулы М., Малик Н. 2024. Археологические исследования курганов раннего железнего века ущелья Комирши. *Маргулановские чтения–2024.* В 2-х т. Т. 1. С. 259–272.

Введение

Археологические памятники урочища Комирши, представляют собой единый историко-археологический комплекс, уникальность которому придает наличие в составе различных типов памятников разновременных объектов, что дает возможность проследить эволюцию культур на разных этапах истории региона – в древности, Средневековье и Новое время. В реконструкции религиозно-мифологических представлений древних кочевников значительную роль играет анализ конструктивных особенностей, архитектуры курганов, внекурганных сооружений, а также структуры микротопографии в контексте природно-ландшафтного комплекса. На сегодняший день археологические памятники на исследуемой территории в полной мере не изучены, не проводились комплексные исследования. К настоящему времени не имеется концептуальных и обобщающих результатов. Поэтому, проведение научных исследований археологических памятников этого региона является особенно актуальным.

Цель статьи – ввод в научный оборот результатов археологического исследования курганов сакского времени могильника Комирши, расположенного севернее поселка Комирши (Райымбекский р-н, Алматинская обл.). Задачей статьи является детальное документирование историко-археологических объектов, выявленных и атрибутированных с использованием комплексных научных данных из разноплановых источников – архивы, карты, космоснимки, материалы разведки и раскопок курганов.

Материалы и методы исследования

В полевом сезоне 2023 г. археологическая экспедиция Центрального Государственного музея Республики Казахстан (далее – ЦГМ РК) проводила археологические исследования двух курганов на северной окраине села Комирши. Ущелье Комирши расположено на южной стороне хребта Кетмен, в Кегенской долине. Хребет Кетмень простирается в широтном направлении, является самой восточной из северных цепей Тянь-Шаня. Общая протяжённость хребта – более 300 км, ширина – 40–50 км. Самая высокая точка хребта достигает 3638 м (гора Небесная) в восточной части у государственной границы Казахстана. На хребте отсутствует снеговая или ледниковая зона. На западе Кетмен граничит с горами Кулуктау, которые плавно переходят в Кунгей Алатау, на юге – с долиной Шалкодесу. Долина р. Шалкодесу, более известная как Кегенская, одна из самых больших в горах Казахстана. Длина превышает 100 км, а ширина колеблется от 2 до 30 км. Шалкодесу, переходящая в нижнем течении в р. Кеген, даёт начало одной из самых крупных водных артерий Иле Алатау – р. Шарын.

Методика исследования

Методикой исследования явился историко-диалектический подход, основанный на принципе историзма и системности. В ходе изучения археологических материалов был использован сравнительно-исторический анализ, так как только с его помощью можно определить общее и особенное в процессах, происходящих в прошлом и для представления цельной картины. Методом сравнительного анализа, основанного на аналогии, определена датировка артефактов.

Результаты и обсуждение

Изучение памятников материальной культуры Жетысу можно констатировать с начала XIX в., когда был накоплен значительный материал, проводилось предварительное описание и фиксация археологических памятников. Разумеется, уровень тогдашней науки исключал квалифицированное ведение раскопок, составление полевых чертежей, картографирования и т.д., но однако вклад этих людей в историческую науку безусловно велик и каждый из них выполнил свой научный долг.

Во 2-й пол. XIX в. значительно возрастает интерес научных кругов России к археологическим исследованиям в Казахстане. В это время несколько более или менее специальных археологических организаций и учреждений начинают целенаправленное исследование края. В изучение древностей Казахстана включились члены Русского географического общества (1845), Императорское Русское археологическое общество (1846), Археологическая комиссия (1859), Императорское Московское археологическое общество (1864–1923), Исторический музей (основан в 1872, открыт в 1883 г.), Оренбургская ученая архивная комиссия (1887), Туркестанский кружок любителей археологии (1895–1917), статистические комитеты, организованные в областях и др. [Онгар и др. 2020: 16].

Весомый вклад в изучение древностей Казахстана внесли лучшие ученые России: В.В. Радлов, В.В. Бартольд, П.И. Рычков, П.С. Паллас, И.П. Шангин, А. Левшин, А.Н. Харузин, Н.П. Остроумов, а также представители немногочисленной местной интеллигенции, объединявшейся в различных научных обществах, Н.Н. Пантусов, И.А. Кастанье, В.А. Каллаур, В.Д. Городецкий, Н. Коншин, А. Белослюдов и мн. др. Своими работами академик В.В. Радлов («Сибирские древности») и В.В. Бартольд («Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью») заложили основу археологического изучения края в дореволюционный период [ЦГА РК. Ф. 828. Оп. 1. Д. 1. Л. 7–9].

С 1862 г. археологические исследования в Казахстане проводил академик Российской академии наук В.В. Радлов [Радлов 1896; Сообщение о раскопках В.В. Радлова 1863: 22–23]. Особой активностью в этот период характеризуется деятельность Оренбургской ученой архивной комиссии и Восточного отделения Русского археологического общества, Московского археологического

общества и Археологической комиссии. В конце XIX в. изучением и сбором данных об археологических памятниках Жетысу занимаются члены Туркестанского кружка любителей археологии.

Особой активностью в этот период характеризуется деятельность Оренбургской ученой архивной комиссии и Восточного отделения Русского археологического общества, Московского археологического общества и Археологической комиссии. На страницах изданий они публиковали заметки об археологических находках или раскопках в Центральном Казахстане и Семиречье.

В конце XIX в. отдельного внимания требует вклад в изучение и сбор данных об археологических памятниках региона Туркестанским кружком любителей археологии. Членами кружка, такими как М.В. Флоринский, В.Д. Городецкий, Н.А. Абрамов, Н.Н. Пантусов и В.В. Бартольд, проводилась большая работа по учёту и охране памятников.

Все данные о фиксации и описании памятников собраны в трудах «Археологическое изучение Туркестана до образования Туркестанского кружка любителей археологии» (1896 г.) и «Древности Киргизской степи Оренбургского края» (1910 г.) [Онгар и др. 2020]. В конце 1920-х гг. развернуты работы по первоначальному археологическому обследованию всей территории Казахстана. В 1928–1929 гг. М.В. Воеводский и М.П. Грязнов, несмотря на ограниченность материалов, поставили ряд теоретических вопросов: о хозяйстве и общественной организации древних усуней, а также о датировке могильников.

Начало важнейшего периода изучения культуры и искусства ранних кочевников Семиречья приходится на 1930-е годы. Среди работ 1930-х гг. ведущее место занимают экспедиционные исследования в Семиречье и Южном Казахстане, организованные ИИМК АН СССР совместно с Казахским филиалом Академии наук под руководством А.Н. Бернштама [Якубовский 1940: 19-20; Бернштам 1949: 337–384].

Следующим этапом развития сакской археологии в Жетысу стало проведение археологических работ в зоне затопления Капчагайской ГЭС, а также создание археологической карты региона. Илийской археологической экспедицией проведены раскопки курганов VIII–IV вв. до н.э., таких как Жуантобе 1, Кадырбай 3, Бесшатыр, Кызылауыз 1, Алтынемел 1 и т. д.

Многолетние результаты работ Илийской археологической экспедиции были опубликованы в книге «Древняя культура саков и усуней долины реки Или» [Акишев, Кушаев 1963]. Г.А. Кушаев рассматривал каменные ограды как индикатор временных и культурных признаков усуней и выявил несколько типов каменных оградок, а также в зависимости от расположения насыпей (насыпь внутри, на поверхности и по краям) выяснить изменения космогонических представлений усуней [Кушаев 1963: 240].

С целью создания «Археологической карты Казахстана» в 1956 г. Семиреченской археологической экспедицией в Алматинской и Талды-Курганской областях Е.И. Агеевой и А.Г. Максимовой было зафиксировано 18 могильников древних кочевников, на 167 курганах были проведены раскопки. В итоге ими были выделены восемь видов погребальных сооружений [Агеева 1961: 21–41].

В разные годы (1961–1966 гг.) Семиреченской археологической экспедицией под руководством К.А. Акишева раскопаны зимовка-поселение Актас II и больше 100 курганов рядовых насельников «усунь», в могильниках Акшокы II–III, Сарытау I–II, Актас I–VIII в долине р. Кегень. Зимовка-поселение Актас II – новый тип памятника для Жетысу и датируется I–VI вв. н.э. [Акишев 1969: 30–47]. Необходимо продолжить работы по изучению этих типов памятников, используя современные методы междисциплинарных исследований.

По мнению учёных, основная масса памятников была сосредоточена у берегов рек Талгар, Тургень, Иссык, Шелек, Шарын и Кегень. В ходе археологических работ в северо-восточном Жетысу были раскопаны несколько специально отобранных курганов из наиболее крупных могильников, расположенных в местностях Жуантобе, Талгар и Актерек.

В 1955–1956 гг. с целью проведения археологической практики студентов преподаватель КазПИ им. Абая И.А. Копылов исследовал пирамидальные курганы могильника Новоалексеевка и несколько курганов в ущелье Ушсай. Позже его результаты и выводы были освещены в кандидатской диссертации на тему «Сакские племена Сырдарьи и Семиречья по археологическим данным» [Копылов 1953].

Памятники раннесакского периода (VIII–VI вв. до н.э.) Жетысу изучены не достачно. Известны лишь «клады» и случайные находки. Они обнаружены на обоих берегах реки Или и в северных склонах Заилийского Алатау. Самый северный – Андреевский клад, который находится в районе села Кабанбай. В 1988 г. школьниками возле села Жалаулы случайно найдены 600 золотых украшений ранних саков в войлочном мешке. Эти детали парадного одеяния всадника и его коня, выполненные в зверином стиле, возможно, происходят из разграбленных больших курганов Кегеньской долины. Крупнейшим археологическим достижением в изучении сакской культуры в эти годы является открытие кургана Иссык. Это дало возможность исследовать погребальный ритуал, мировоззрение и религиозно-мифологические представления саков.

В 1970–1980-е гг. некоторые исследования проводились на могильниках Кызылкайнар, Узынбулақ, Шошкала, Караша и Жетижар [Максимова1972: 123–139; 1975: 141–165]. Саки Жетысу обитали в больших поселениях и городах, таких как Рахат, Орикти, Алмаарасан, Цыганка, Ерменсай, Тузусай, Бутакты и т.д. [Горячев, Сараев 2017: 123–132].

Начиная с середины 1980-х гг. наметилась тенденция, связанная с тем, что некоторые исследователи, проводя раскопки на курганах Иссык, Фабричный, Майбулак, Шубарат, Молалы, Тастыбулак, Луговой, Мерке, Кордай, Тескенсу, Каргалы I, Жетитобе, Мойнак и др., не ввели новые материалы в научный оборот.

С начала XXI в. на новом уровне начинается изучение элитарных курганов саков Жетысу. В 2008–2009 гг. совместной казахско-германской экспедицией проводились исследования околокурганного пространства большого кургана № 2 «с лучами» возле пос. Кегень и кургана Жуантобе в Илейской долине. Особый акцент делался на изучении конструктивных особенностей.

С 2012 г. продолжены работы по изучению больших курганов саков долины р. Кегень. В 2012–2017 гг. полностью изучено околокурганное пространство погребально-поминального комплекса Каркара, где под дёрном выявлены и исследованы каменное кольцо основного кургана и 45 курганов-оград «гуннского» времени [Онгарулы и др. 2014: 29–57]. Аналогичные погребения были изучены вокруг большого кургана мог. Жуантобе на северных склонах Иле Алатау.

В результате совместной Казахско-корейской экспедиции, работавшей в 2015–2018 гг. на мог. Катартобе, на котором насчитывается 61 курган, исследовались вопросы палеоархитектуры, погребальной обрядности и религиозно-мифических представлений сакской элиты населения, обитавшего в долине р. Кеген в V–III вв. до н.э. [Онгарулы и др. 2020].

В августе 2023 г. археоло-этнографической экспедицией ЦГМРК проведены раскопки двух курганов (№ 1, 2) мог. Комирши, расположенного в Кегенской долине. Могильник состоит из нескольких цепочек курганов, ориентированных север–юг. Всего на памятнике фиксируется более 20-ти курганов. Диаметр насыпей от 8 до 26 м, высота от 0,2 до 2,5 м. Насыпи грунтовые, округлой формы с кольцевыми каменными выкладками на поверхности.

Курган № 1 – наиболее крупный в первой цепочке, состоящей из восьми курганов (рис. 1)* (*Иллюстрации подготовлены авторами). Курган № 2 – расположен в параллельной второй цепочке состоящей из семи курганов.

Курган № 1 представляет собой округлую в плане ограду из камней с небольшим возвышением в центральной части (диаметр – 16 м, высота – 0,9 м). Для изучения конструктивных особенностей оставлена бровка (С–Ю) шириной 30 см. В ходе расчистке выявлена каменная насыпь, сооруженная



1



2

Рис. 1. Расположение поселка Комирши (1) и могильника, курган № 1 (2). ©Google Earth
1-сур. Көмірші ауылы (1) , қорым мен № 1-обаның (2) орналасуы ©Google Earth
Fig. 1 Map of the location of the village of Komirshi (1) and burial ground, kurgan No. 1 (2). ©Google Earth

преимущественно из камней средних и больших размеров в несколько слоев. Размеры камней 30 × 16; 35 × 22 см. Камни уложены достаточно плотно. В юго-западном секторе – укреплены глинистым грунтом коричневого цвета, образуя целостность насыпи (в центральной части кургана камней меньше). Камни в основном речные, реже горные. Дёрн очень тонкий, местами отсутствовал. Внутренняя часть кладки разрушена древними грабителями. После углубления в центральной части на 40 см, отчётливо проявилась грабительская яма (диаметр – 8 м) (рис. 2).



1



2

Рис. 2. Мог. Комирши, кург. № 1: 1 – вид после снятия дёрна; 2 – могильная яма
2-сур. Көмірші қор., № 1-оба: 1 – шым қабаты алынып тасталғаннан кейінгі түрі; 2 – қабір шұңқыры
Fig. 2. Komirshi b.g., kurg. No. 1: 1 – view of the kurgan after removing the turf layer; 2 – grave pit

Разбор насыпи ограды осуществлялся частично. После удаления камней в центральной части ограды на фоне материка выявилась могильная яма размерами 2,4 × 1,4 м, вытянутая строго по линии З–В, с закруглёнными углами. В могиле зафиксирована забутовка камнями: гранитными блоками (90 × 50 см), мелкими камнями, которые заполнили пространство между камнями и в верхнем слоем (рис. 2). А также обнаружены остатки фрагментированных частей деревянного перекрытия, которые встречаются по всей площади могильной ямы (рис. 3).

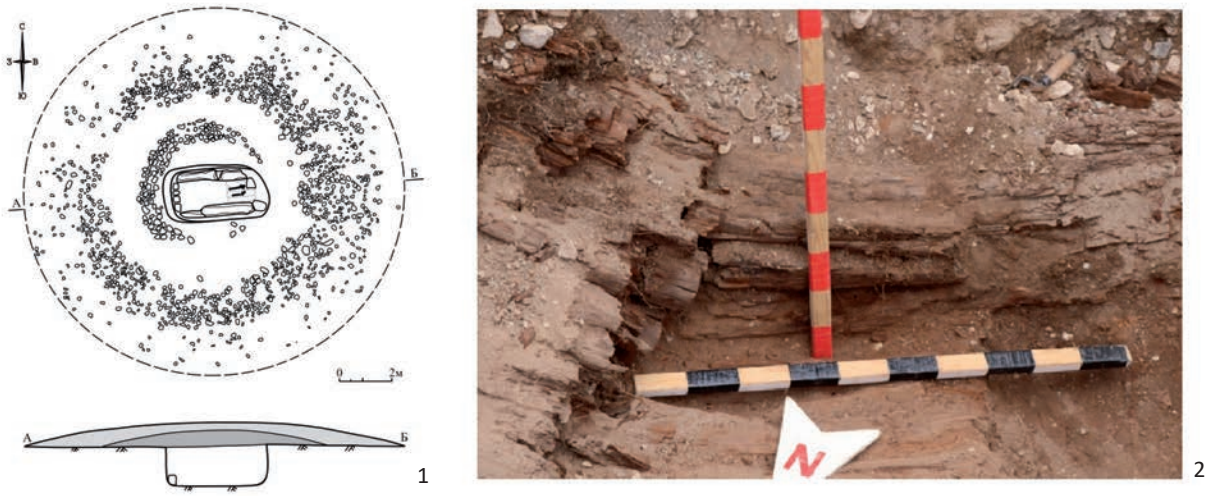


Рис. 3. Мог. Комирши, кург. № 1: *1* – план; *2* – погребальная камера с остатками бревенчатого перекрытия
3-сур. Көмірші қор., № 1-оба: *1* – жоспар; *2* – бөренеден жасалған жабынды қалдықтары бар жерлеу камерасы
Fig. 3. Komirshi b.g., kurg. No. 1: 1 – plan; 2 – a burial chamber with the remains of a log floor

Во время расчистки, в центральной части, вместе с камнями, вперемешку находились кости скелета человека, которые лежали вразброс по всей площади дна могилы, челюсть выявлена в западной части погребения (череп не сохранился), можно предположить, что покойный был ориентирован головой на запад. Одонтологические исследования костных останков кургана № 1, проведены К.Б. Сихымбаевой (к.и.н., СНС отдела археологии ЦГМ РК). На нижней челюсти сохранились почти все зубы за исключением утерянных посмертно левого и правого медиального резца (I). Степень стёртости зубов составляет 2–3 балла. По морфологическим показателям и степени стёртости зубов череп принадлежал мужчине (20–25 лет). На основе морфологических особенностей зубов можно заключить, что физический тип данного черепа характеризуется европеоидным комплексом. Может лишь с очень малым включением монголоидных элементов по признакам краниологии. Об этом свидетельствует отсутствие лопатообразных форм нижних резцов (I_1 I_2), дистального гребня тригонида на первом нижнем моляре (DTC), затёка эмали на втором моляре.

В юго-западном углу кургана обнаружены фрагменты трёх лепных чаш. Третий сосуд сохранился не полностью (рис. 4). Сосуды с полусферическим корпусом. Одна из чащ сформована с применением матерчатого шаблона. Следы грубой ткани отчётливо видны на внешней поверхности, видимо от затирки уже сформованного изделия. Венчик обоих чаш прямосрезанный, с некоторым наклоном внутрь.

У западной стенки могильной ямы на уровне головы скелета человека обнаружена кладка из крупных камней (28 × 28 × 12 см), красного цвета, поставленных на ребро. В южной части ямы – булыжные камни сложены в пять рядов. У юго-западной стены на полу, сохранилась глинянная прослойка шириной 2,3 см, возможно для выравнивания уровня пола.

Курган №2 – первый во второй цепочке (рис. 5). Насыпь кургана (диаметр – 16 м, высота – 0,80 м) имела округлую форму, на поверхности была видна каменная выкладка. В ходе раскопок курган разбит на четыре сектора, бровки по 30 см шириной ориентированы С–Ю, З–В. После снятия дёрна, выявилась кольцевая кладка из речных камней средней величины (10–25 см в диаметре).

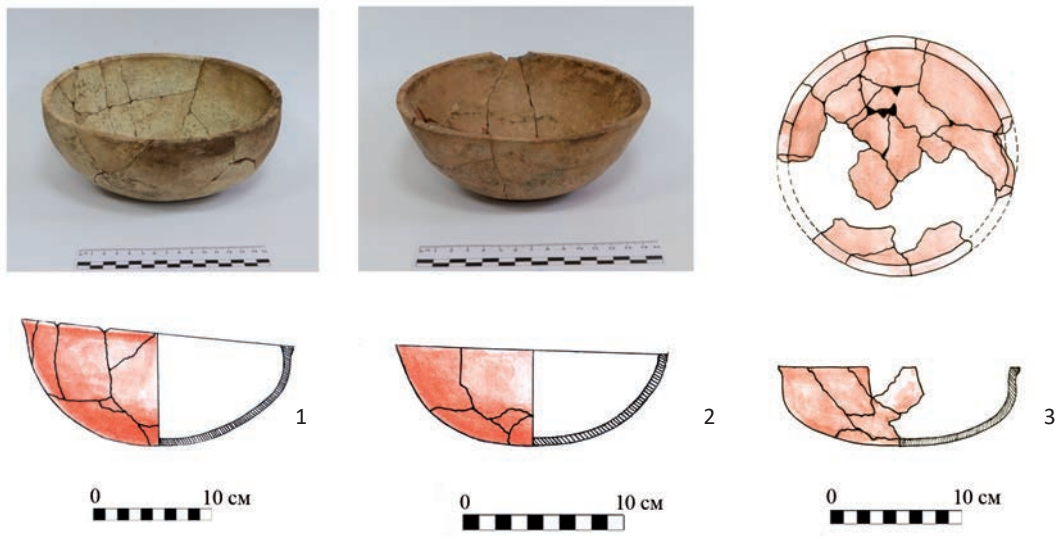


Рис. 4. Мог. Комирши, кург. № 1. Сосуды
4-сур. Көмірші қор., № 1 оба. Ыдыстар
Fig. 4. Komirshi b.g., kurg. No. 1. The vessels

Внутренняя часть кладки разрушена древними грабителями. После углубления в центральной части на 40 см, диаметром 8 м, отчетливо проявился контур погребения и грабительский лаз. Затем по контуру грабительского лаза углубились на 70 см, диаметром 3,10 м. В центре выявилась каменная кладка и контур погребения. Стенки погребения по мере расчистки расширялись к низу. В заполнении погребения встречались крупные камни и мелкий гравий, крупные камни были сосредоточены в центре. Предположительно, окатанные камни можно отнести к речным, а с острыми гранями – к скальным. Под крупными камнями, на разных уровнях и всей поверхности раскопа встречались фрагменты дерева (вероятно, от деревянного перекрытия). Размеры скальных камней из перекрытия погребения: 33 × 40 × 8,5 см, 40 × 38 × 5 см, 30 × 38 × 24 см.

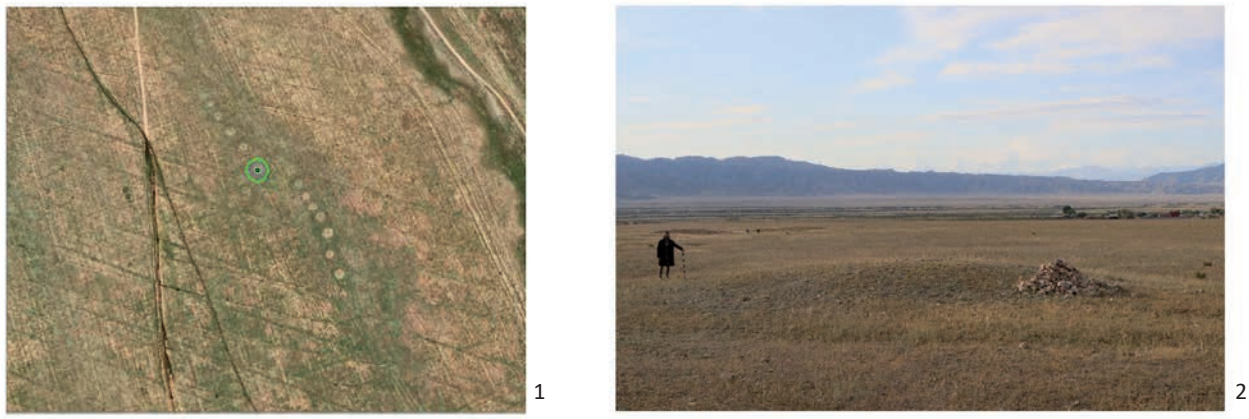


Рис. 5. Мог. Комирши, кург. № 2
5-сур. Көмірші қор., № 2 оба
Fig. 5. Komirshi b.g., kurg. No. 2

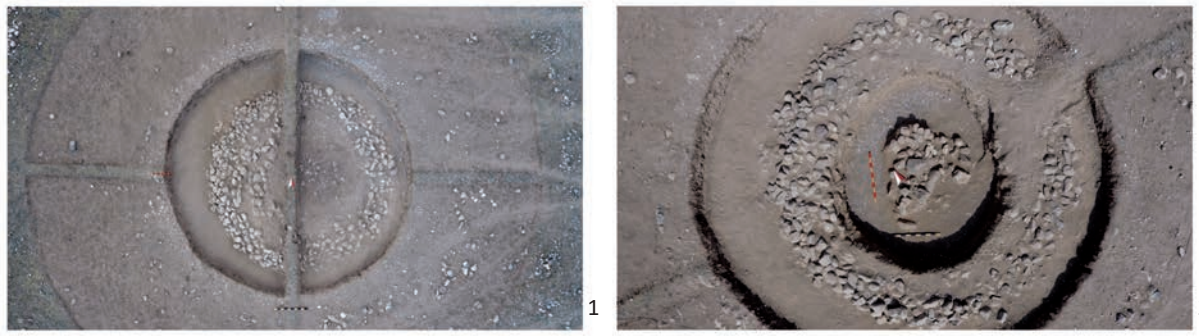


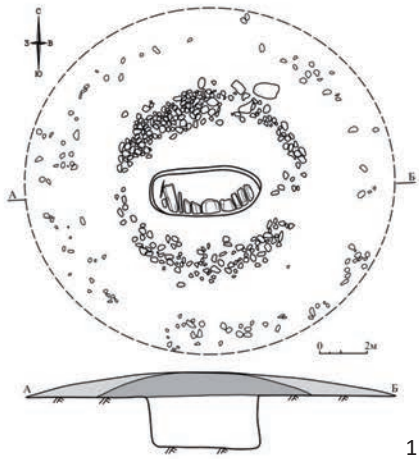
Рис. 6. Мог. Комирши, кург. № 2. Панцирь
6-сур. Көмірші қор., № 2 оба. Тас сауыт
Fig. 6. Komirshi b.g., kurg. No. 2. The shell

В северо-западном углу, на глубине 180 см, обнаружен фрагмент каменной зернотёрки, располагавшейся ребром, размеры: 17,8 × 10,1 × 4,95 см, рядом был найден каменный диск (подставка для керамического сосуда) обработанный по краям (диаметр – 8,7 см, толщина – 1,4 см) и руда (медная). На глубине 2 м в северной части погребения обнаружены разрозненные кости скелета человека, около южной стенки – фрагменты челюсти.

По заключению К.Б. Сихымбаевой верхняя челюсть принадлежала женщине. На верхней челюсти сохранились только левые и правые коренные зубы (M^{1-2}). Остальные зубы утеряны. Степень стёртости и морфологические особенности зубов свидетельствуют о молодом возрасте (18–20 лет). По таксономическим признакам одонтологии отмечена только редукция гипоконуса второго верхнего моляра.

По мере углубления, в западной части погребения, между крупными камнями скальной породы обнаружены тазовые кости человека и позвонки. Судя по найденным частям скелета, погребенный лежал головой на северо-запад, у северной стенки погребения найдены пять фрагментов железного предмета, предположительно, шпильки. Она выполнена из цилиндрического в сечении стержня, конец заостренный. Навершие шаровидное (диаметр – 1,6 см), длина стержня 2,7–4,5 см, ширина 0,5–1 см, на глубине 220 см обнаружены фрагменты округлых бревён ели, большей частью сохранившихся у северной стенки погребения, которыми, предположительно был заставлен подбой. Аналогичное строение погребения найдено в 1986 г. на мог. Шубарат I отрядом Алматинской археологической экспедицией ЦГМК, с участием археологов Ю.А. Мотова и М.М. Нурпеисова [Мотов, Нурпеисов 1986–1987]. Так как погребение разграблено в древности – кости скелета, артефакты и фрагменты брёвен перемешаны с грунтом. Сохранилось 27 фр. брёвен, уложенных поперек погребения, направленных С–Ю. У северной стенки брёвна сохранились фрагментарно, имеются основания трех деревянных столбиков, вкопанных вертикально, расположенных друг от друга на расстоянии 65–70 см. При расчистке бревенчатого перекрытия обнаружена бипирамидальная усеченной формы бусинка красного цвета. Предположительно из сердолика (диаметр – 0,8 см, диаметр отверстия – 0,25 см). Рядом находился фрагмент каменного диска с отверстием в центре (диаметр – 2,9 см, высота – 0,9 см; ширина отверстия – 0,5 см).

Между 17 и 18 брёвнами обнаружена золотая серьга, размеры: длина 2,9 см, диаметр 1,9 см, толщина проволоки – 0,15 см, диаметр петельки – 0,8 см. Круглая, свернута из проволочного кольца с несомкнутыми, заходящими друг за друга концами. К одному из концов припаяна округлая петелька из проволочки меньшего диаметра. В этой же могиле была найдена и сердоликовая



1



2

Рис 7. Мог. Комирши. План кург. № 2. Погребальная камера с остатками бревенчатого перекрытия
Сур. 7. Көмірші қор. № 2 оба жоспары. Бөренеден жасалған жабынды қалдықтары бар жерлеу камерасы
Fig. 7. Komirshi b.g. The plan of the kurg. No. 2. A burial chamber with the remains of a log floor



1



2



3



4



5

Рис. 8. Мог. Комирши, кург. № 2. Находки
Сур. 8. Көмірші қор., № 2 оба. Табылымдар
Fig. 8. Komirshi b.g., kurg. No. 2. The finds

бусина, возможно, когда-то являвшаяся частью подвески серьги. Серьги такого типа наиболее распространены в памятниках Жетысу относящихся к сако-усуньскому периоду [Иванов 2016: 333–334, рис. 1; Онгарулы и др. 2020: 321–322; рис. 226, 1–5; 19; Самашев 2011]. Аналогичные серьги имеются в коллекции ЦГМ РК из могильников Жетысу – Каргалы, Актерек, Нижняя Каменка и др. [Культура ранних кочевников Казахстана 2009], а также в погребениях Центрального Казахстана – Тасарал-3, Карамола и т.д. Датируются А.К. Акишевым, А.З. Бейсеновым и др. IV–III вв. до н.э. [Бейсенов 2014: 121–128].

Выводы

Таким образом, важными хронологическими и культурными признаками данного памятника являются погребальный обряд и конструктивные особенности погребальной камеры. Как известно, строительство курганов и сложное устройство погребальной камеры, являются одной из прочных древних культурных традиций Евразийских степей, возникшей с начала эпохи раннего металла.

Обратимся теперь к анализу погребального обряда и датировке инвентаря из раскопанных курганов. В погребениях, несмотря на то, что они были разграблены ещё в древности, можно констатировать, что умершие уложены на спине головой на запад–северо-запад. Указанные признаки погребального обряда, выявлены во многих памятниках Жетысу. Захоронения человека в деревянных срубах встречены при раскопках крупных курганов мог. Катартобе, который находится в долине Шалкоде [Онгарулы и др. 2020: 312–329], во Внутреннем Тянь-Шане могильнике Кеден (Кыргызская Республика) [Онгарулы и др. 2020: 319; Ташбаева 2018: 71–78], на могильнике Шубарат I [Мотов, Нурпеисов 1986–1987], а также в мог. Комирши, расположенном в долине р. Кеген.

В заключении хочется отметить, что курганы древних насельников Казахстана, их конструктивные особенности, монументальность и предметный комплекс показывают отношение древних людей к вопросу жизни и смерти, сложность ритуально-обрядовой практики и уровень развития строительного дела. Кроме того, как отмечают многие исследователи З. Самашев, К.И. Ташбаева, А. Онгарулы и др., можно проследить сходство некоторых конструктивных характеристик погребальных сооружений Жетысу, Тянь-Шаня, Казахского Алтая, Сарыарки, что указывает на глубинные связи населения эпохи ранних кочевников, единство религиозных и идеологических установок. Хронологические рамки возведения сооружений погребальных камер аналогичных курганам из мог. Комирши рассматриваемого типа очень широкие и полностью не изучены.

Так как погребения ограбленные, датируемым материалом послужил набор керамических чаш и серьги. Формы сосудов характерны для памятников сакского времени, встречаются как в подкурганных погребениях [Онгарулы и др. 2020: 326, рис. 231, *1, 2, 4*], так и поселениях Жетысу [Байпаков 2012: табл. 25, *1, 5–6*]. Кроме того, найденные золотая серьга и бусина, имеют аналоги в могильниках Жетысу, Центрального и Восточного Казахстана и др.

Таким образом, суммируя все вышеизложенные конструктивные особенности погребения и погребального инвентаря, памятник датируется нами примерно IV–III вв. до н.э.

ЛИТЕРАТУРА

1 *Агеева Е.И.* К вопросу о типах древних погребений Алма-Атинской области // ТИИАЭ АН КазССР. 1961. Т. 12. С. 21–41.

2 *Акишев К.А.* Зимовки-поселения и жилища древних усуней // Известия АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1969. № 1. С. 30–47.

3 *Акишев К.А., Кушаев Г.А.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата: АН КазССР, 1963. 298 с.

4 *Байпаков К.М.* Древняя и средневековая урбанизация Казахстана. Кн. I: Урбанизация Казахстана в эпоху бронзы – раннем средневековье. Алматы: ИА КН МОН РК, 2012. 390 с.

5 *Бейсенов А.З.* Серьги сакской эпохи // Вестник Томского гос. ун-та. История. 2014. № 6 (32) С. 121–128.
6 *Бернштам А.Н.* Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня // СА. 1949. Т. XI. С. 337–384.
7 *Горячев А.А., Сараев В.В.* Поселения раннего железного века на северных склонах Иле Алатау // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. В 2-х т. Т. 2 / Отв. ред. А.З. Бейсенов, В.Г. Ломан. Алматы: ИА КН МОН РК; НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. С. 123–132.
8 *Иванов С.С.* Серьги в системе хронологии сакской культуры Притяньшанья // Жусуп Баласагындын «Куттуу билими» – X–XI кылымдардагы борбордук Азиядагы мусулмандык кайра жаралуунун кузгусу. Жусуп Баласагандын 1000 жылдыгына арналган V «Кыргыз жана Карахандар каганаттары» эл аралыкилимий-тажрабайлык жыйынынын. Матриалдары. Бишкек, 2016. С. 332–336.
9 *Копылов И.И.* Сакские племена Сырдарьи и Семиречья по археологическим данным: дис. … канд. ист. наук. Л., 1953. 456 с.
10 Культура ранних кочевников Казахстана: археологические коллекции. Научный каталог. Алматы: ЦГМ РК; «Типография Ди-Пи-Эс», 2009. 434 с.
11 *Кушаев Г.А.* Культура усуней правобережья реки Или (III в. до н.э. – I–II в. н.э.) // Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата: АН КазССР, 1963. С. 139–221.
12 *Максимова А.Г.* Курганный могильник Кзыл-Кайнар // Поиски и раскопки в Казахстане / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1972. С. 123–139.
13 *Максимова А.Г.* Узунбулак и Шошкала – могильники усуньского времени // Древности Казахстана / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1975. С. 141–165.
14 *Мотов Ю.А., Нурпеисов М.М.* Отчет отряда ЦГМК Алмаатинской археологической экспедиции о раскопках на могильнике Шубарат I. Алма-Ата, 1986–1987. 10 с.
15 *Онгар А., Киясбек Г., Хасенова Б., Бесетаев Б., Кожахметов Б.* Новые результаты исследования погребально-поминального комплекса Каркара (по материалам раскопок 2012–2014 гг.) // Всадники Великой степи: традиции и новации / Под ред. А. Онгарулы. Астана: ФИА, 2014. С. 29–57.
16 *Онгарулы А., Пён Ёнхван, Нам Санвон, Каирмагамбетов А., Ким Ёнхён, Нускабай А., Кызырханов М.* Катартобе. Некрополь сакской элиты Жетысу. Нур-Султан; Тэджон, 2020. 464 с.
17 *Радлов В.В.* Сибирские древности. Из путевых записок по Сибири. Пер. с нем. А.А. Бобринского. СПб., 1896. 70 с.
18 *Самашев З.* Берел. Алматы: Изд. дом «Таймас», 2011. 236 с.
19 Сообщение о раскопках В.В. Радлова в Семиреченской и Капальской областях и районе г. Верного // ОАК за 1862. СПб., 1863. С. 22–23.
20 *Ташбаева К.И.* К семантике входов и дромосов в срубных конструкциях ранних кочевников Внутреннего Тянь-Шаня // Древние некрополи — погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей. Труды ИИМК РАН. 2018. Т. 47. С. 71–78.
21 ЦГА РК. Ф. 828. Оп. 1. Д. 1. Л. 7–9.
22 *Якубовский А.Ю.* Среднеазиатские собрания Эрмитажа и их значение для изучения истории культуры и искусства Средней Азии до XVI в. // Труды отдела истории культуры и искусства Востока / Гос. Эрмитаж. Т. 2. Л., 1940. С. 7–24.

REFERENCES

1 Ageeva, E. I. 1961. In *Trudy Instituta istorii, arheologii i etnografii AN KazSSR (Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR)* 12, 21–41 (in Russian).
2 Akishev, K. A. 1969. In Izvestiya AN KazSSR. Seriya obshchestv. nauk (Izvestia of the KazSSR Academy of Sciences. A series of public sciences) 1, 30–47 (in Russian).
3 Akishev, K. A., Kushaev, G. A. 1963. *Drevnyaya kultura sakov i usuney doliny reki Ili (The ancient culture of the Saks and Usuns of the Ili River Valley).* Alma-Ata: KazSSR Academy of Sciences (in Russian).
4 Baipakov, K. M. 2012. *Drevnyaya i srednevekovaya urbanizatsiya Kazahstana.* Kn. I: *Urbanizatsiya Kazahstana v epohu bronzy – rannem srednevekove (Ancient and medieval urbanization of Kazakhstan.* Book 1. *Urbanization of Kazakhstan in the Bronze Age – Early Middle Ages)* (in Russian).
5 Beisenov, A. Z. 2014. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya.* No. 6 (32), 121–128 (in Russian).

6 Bernshtam, A. N. 1949. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet archaeology)* XI, 337–384 (in Russian).
7 Goryachev, A. A., Saraev, V. V. 2017. In: Beisenov, A. Z., Loman, V. G. (eds.). *Arheologicheskoe nasledie Tsentralnogo Kazahstana: izuchenie i sohranenie (Archaeological heritage of Central Kazakhstan: study and preservation).* In 2 vol. Vol. 2. Almaty: Margulan Institute of Archaeology; "Begazy-Tasmola", 123–132 (in Russian).
8 Ivanov, S. S. 2016. In: *Zhusup Balasagyndyn «Kuttuubilimi» – X–XI kylymdardagy borborduk Aziyadagy musulmandyk kaira zharaluunun kuzgusu. Zhusup Balasagandyn 1000 zhyldygyna arnalgan V «Kyrgyz zhana Karahandar kaganattary» el aralyk ilimi-tazhrabalyk zhyiynynyn materialdary (The "Blessed Knowledge" by Zhusup Balasagyn is the personification of the Muslim Renaissance in Central Asia of the 10th–11th centuries. The 5th International scientific and practical meeting "Kyrgyz and Karakhanid khaganates" dedicated to the 1000th anniversary of Zhusup Balasagyn materials).* Bishkek, 332–336 (in Russian).
9 Kopylov, I. I. 1953. *Sakskie plemena Syrdari i Semirechya po arheologicheskim dannym (The Saka tribes of the Syr Darya and Semirechye based to archaeological data)*: thesis of the Cand. of Hist. sciences (in Russian).
10 2009. *Kultura rannih kochevnikov Kazahstana: arheologicheskie kollektsii. Nauchnyi catalog (The culture of the early nomads of Kazakhstan: archaeological collections. Scientific catalog).* Almaty: Central State Museum of the RK; "Tipografiya Di-Pi-Es" (in Russian).
11 Kushaev, G. A. 1963. In: Akishev, K. A., Kushaev, G. A. *Kultura usuney pravoberezhya reki Ili (III v. do n.e. – I–II v. n.e.) (The culture of the Usuns on the right bank of the Ili River (3rd century BCE – 1st–2nd centuries CE))*. Alma-Ata: KazSSR Academy of Sciences, 139–221 (in Russian).
12 Maximova, A. G. 1972. In: Akishev, K. A. (ed.). *Poiski i raskopki v Kazahstane (Searches and excavations in Kazakhstan).* Alma-Ata: "Nauka" Publ., 123–139 (in Russian).
13 Maximova, A. G. 1975. In: Akishev, K. A. (ed.). *Drevnosti Kazahstana (Antiquities of Kazakhstan).* Alma-Ata: "Nauka" Publ., 141–165 (in Russian).
14 Motov, Y. A., Nurpeisov, M. M. 1986–1987. In: Central State Museum of the RK (in Russian).
15 Onggar, A., Kiyasbek, G., Khassenova, B., Besetayev, B., Kozhahmetov, B. 2014. In: Onggar, A. (ed.). *Vsadniki Velikoy stepi: traditsi i inovatsii (Horsemens of the Great Steppe: Traditions and innovations)*. Astana: Margulan Institute of Archaeology, 29–57 (in Russian).
16 Onggar, A., Pyon, Yonhvan, Nam, Sanvon, Kairmagambetov, A., Kim, Yonhyon, Nuskabay, A., Kyzyrkhanov, M. 2020. *Katartobe. Nekropol sakskoy elity Zhetisu (Katartobe. Necropolis of the Saka elite of Zhetisu).* Nur-Sultan; Tedzhon (in Russian).
17 Radlov, V. V. 1896. In: *Sibirskie drevnosti. Iz putevyh zapisok po Sibiri (Siberian antiquities. From travel notes in Siberia).* Translate from Deutsch – A.A. Bobrinskiy. St. Petersburg (in Russian).
18 Samashev, Z. 2011. Berel. Almaty: "Taymas" (in Russian).
19 In Otchyoty Arheologicheskoy Komissii za 1862. St. Petersburg, 1863, 22–23 (in Russian).
20 Tashbaeva, K. I. 2018. In: *Drevnie nekropoli — pogrebalno-pominalnaya obryadnost, pogrebalnaya arhitektura i planirovka nekropoley (Ancient necropolises — funeral and memorial rites, funerary architecture and layout of necropolises).* Trudy IIMK RAN (Proceedings of the Institute for the History of Material culture) 47, 71–78 (in Russian).
21 Central State Archive of the RK. F. 828. Op. 1. D. 1. L. 7–9 (in Russian).
22 Yakubovskiy, A. Y. 1940. In: *Trudy otdela istorii kultury i iskusstva Vostoka (Proceedings of the Department of the History of Culture and Art of the East).* Vol. 2. Leningrad: State Hermitage, 7–24 (in Russian).

About the Authors

Torezhanova Nabira – Head of the Department of Archaeology, Central State Museum of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan.
ORCID: 0000-0001-6652-6206 E-mail: nabi2nabi@mail.ru
Myakisheva Olga – Senior Researcher, Central State Museum of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan,
ORCID: 0000-0002-1023-0163 E-mail: myakishevao@mail.ru
Ilyasov Nurbulat – Chief Artist, Central State Museum of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan
ORCID: 0009-0007-5381-9334 E-mail: liasovnurbolat86@gmail.com
Balmagambet Sabyrzhan – Junior Researcher, Central State Museum of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan, ORCID: 0009-0006-3000-6632 E-mail: sabirzhan98@bk.ru

Shergazynuly Mukhamedgali – Specialist in the storage of funds, Central State Museum of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan.
ORCID: 0009-0002-9625-9086 E-mail: sergazynulym@gmail.com
Nurbolat Malik – Specialist in the storage of funds, Central State Museum of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan. ORCID: 0009-0008-7457-1478 E-mail: nurbolatmalik1@gmail.com

Авторлар туралы мәліметтер
Төрежанова Набира Жанзакқызы – археология бөлімінің жетекшісі, Қазақстан Республикасының Орталық мемлекеттік музейі, Алматы қ., Қазақстан
Мякишева Ольга Александровна – аға ғылыми қызметкер, Қазақстан Республикасының Орталық мемлекеттік музейі, Алматы қ., Қазақстан
Ильясов Нұрболат – бас суретші, Қазақстан Республикасының Орталық мемлекеттік музейі, Алматы қ., Қазақстан
Балмағамбет Сабыржан Сұлтан-Махмұдұлы – кіші ғылыми қызметкер, Қазақстан Республикасының Орталық мемлекеттік музейі, Алматы қ., Қазақстан
Шерғазынұлы Мұхамедғали – қор сақтаушы маманы, Қазақстан Республикасының Орталық мемлекеттік музейі, Алматы қ., Қазақстан
Нұрболат Мәлік – қор сақтаушы маманы, Қазақстан Республикасының Орталық мемлекеттік музейі, Алматы қ., Қазақстан

Сведения об авторах
Торежанова Набира Жанзаковна – руководитель отдела археологии, Центральный государственный музей Республики Казахстан, Алматы, Казахстан
Мякишева Ольга Александровна – старший научный сотрудник, Центральный государственный музей Республики Казахстан, Алматы, Казахстан
Ильясов Нурбулат – главный художник, Центральный государственный музей Республики Казахстан, Алматы, Казахстан
Балмагамбет Сабыржан Султан-Махмудулы – младший научный сотрудник, Центральный государственный музей Республики Казахстан, Алматы, Казахстан
Шергазынулы Мухамедгали – специалистпо хранению фондов, Центральный государственный музей Республики Казахстан, Алматы, Казахстан
Нурболат Малик – специалист по хранению фондов, Центральный государственный музей Республики Казахстан, Алматы, Казахстан

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 31.03.2024.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 31.04.2024.
Авторлар жұмысқа бірдей үлес қосты. / Авторы внесли равноценный вклад в работу.
/ The authors have made an equal contribution to the work.

УДК 902/904 (574.51)
МРНТИ 03.41.91
https://doi.org/10.52967/3007-6528.2024.1.273.287

Жетісу сақтарының ғұрыптық-жерлеу тәжірибесін реконструкциялау: Өрнек қорымы негізінде
(мәдени-хронологиялық талдау)

© 2024 ж. Тулегенов Т.Ж., Амаргазиева Ә.Ж.

Keywords: *Zhetisu, Ornek, Turgen, Saka, funeral rite, cyst, kurgan, burial ground, cult, excavation site*
Түйін сөздер: *Жетісу, Өрнек, Түрген, сақтар, жерлеу ғұрпы, циста, оба, қорым, культ, қазба*
Ключевые слова: *Жетысу, Орнек, Тургень, саки, погребальный обряд, циста, курган, могильник, культ, раскоп*

T. Tulegenov[1] and A. Amargazieva[1]*
[1]"Esik" State Historical and Cultural Museum-Reserve, Esik, Kazakhstan
**Corresponding author*

Reconstruction of the funeral and memorial practice of the Sakas of Zhetisu: based on materials from the Ornek burial ground
(cultural-chronological analysis)

The article presents the results of archaeological research conducted by the comprehensive "Esik" expedition, specifically describing the structural features of the kurgans of the Ornek burial ground, located in the middle reaches of the Turgen River. The primary goal of the long-term research is to introduce the collected materials into scientific circulation, focusing on the features of the burial ritual and the attribution of the artifact assemblage. Further study of these materials will provide new data on the stratification of ancient society in the region. The study of the ritual and burial practices of the Ornek and Turgen burial grounds will enable the reconstruction of the religious and mythological beliefs of the early nomads of Zhetisu. Archaeological research at the Ornek burial ground clearly demonstrates the local characteristics of the ritual and burial culture of its ancient inhabitants. The authors also highlight the phenomenon of "colored" kurgans at the Ornek and Turgen burial grounds.
Source of funding: The article was prepared within the framework of program-targeted financing of the Ministry of Culture and Information of the Republic of Kazakhstan 2023–2025, IRN BR22082505.
Citation: Tulegenov, T., Amargazieva, A. 2024. Reconstruction of the funeral and memorial practice of the Sakas of Zhetisu: based on materials from the Ornek burial ground (cultural-chronological analysis). *Margulan readings–2024.* In 2 vol. Vol. 1. Pp. 273–287 (in Kazakh).

Т.Ж. Тулегенов[1], Ә.Ж. Амаргазиева[1]*
[1]«Есік» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығы, Есік қ., Қазақстан
**корреспондент авторы*

Жетісу сақтарының ғұрыптық-жерлеу тәжірибесін реконструкциялау: Өрнек қорымы материалдары негізінде
(мәдени-хронологиялық талдау)

Мақалада «Есік» кешенді археологиялық экспедициясының Түрген өзенінің орта ағысындағы Өрнек обалы қорымына жүргізілген археологиялық зерттеулерінің нәтижелері ұсынылады. Ұзақ мерзімде жүргізілген зерттеулердің басты құндылығы – ғұрыптық-жерлеу құрылымы мен табылған қабір ішілік заттардың толыққанды ғылыми айналымға енуі. Олардың құрылымдық ерекшеліктерін зерттей отырып, біз ежелгі көшпелілер дәуіріндегі қоғамның стратификациясы (әлеуметтік құрылымы), сондай-ақ олардың өзіндік

тайпалық ерекшелігі туралы аса құнды мағлұматтар алдық. Бұл Өрнек және Түрген қорымдарындағы ұрыптық-жерлеу рәсімдерін зерттеу арқылы Жетісудағы ежелгі көшпелілердің белгілі бір тобының салт-дәстүр, мәдени ерекшеліктерін сипаттай келе, діни-мифологиялық идеяларын реконструкциялауға мүмкіндік береді. Қазіргі таңда Өрнек қорымында жүргізілген археологиялық ізденіс жұмыстары осы аумақтың ежелгі тұрғындарының ұрыптық-жерлеу мәдениетінің жергілікті ерекшелігін айқын көрсетіп отыр. Мақалада Өрнек және Түрген қорымынан анықталған «түрлі түсті» обалар феноменінің сипаттамаларына жеке-жеке тоқталып өтетін боламыз.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР МАМ 2023–2025 жж. арналған бағдарламалық-нысаналы қаржыландыруы, ЖТН BR22082505 жобасы аясында дайындалды.

Сілтеме: Тулегенов Т.Ж., Амаргазиева Ә.Ж. 2024. Жетісу сақтарының ұрыптық-жерлеу тәжірибесін реконструкциялау: Өрнек қорымы материалдары негізінде (мәдени-хронологиялық талдау). *Марғұлан оқулары–2024.* 2 том. 1-т. 273–287-бб.

Т.Ж. Тулегенов[1], А.Ж. Амаргазиева[1]*

[1]Государственный историко-культурный музей-заповедник «Есік», г. Есик, Казахстан

**автор-корреспондент*

Реконструкция погребально-поминальной практики саков Жетысу: по материалам могильника Орнек
(культурно-хронологический анализ)

В статье представлены результаты археологических исследований комплексной экспедиции «Есік», в частности описаны конструктивные особенности курганов могильника Орнек, расположенного в среднем течении р. Тургень. Основная цель многолетнего исследования – введение в научный оборот полученных материалов об особенностях погребального обряда и атрибуция предметного комплекса, дальнейшее исследование которых позволит получить новые данные о стратификации древнего общества региона. Изучение ритуально-погребальной обрядности могильников Орнека и Тургень позволит реконструировать религиозно-мифологические представления ранних кочевников Жетысу. Археологические исследования, проведённые на могильнике Орнек, отчётливо показывают локальные особенности ритуально-погребальной культуры древних жителей. Авторы отдельно остановятся на характеристике феномена «цветных» курганов могильников Орнек и Тургень.

Источник финансирования: Работа выполнена в рамках программно-целевого финансирования МКИ РК на 2023–2025 гг., ИРН BR22082505.

Цитирование: Тулегенов Т.Ж., Амаргазиева А.Ж. 2024. Реконструкция погребально-поминальной практики саков Жетысу: по материалам могильника Орнек (культурно-хронологический анализ). *Маргулановские чтения–2024.* В 2-х т. Т. 1. С. 273–287 (на каз. яз.).

Кіріспе

Ежелгі көшпелілердің діни-мифологиялық идеяларын реконструкциялауда: тұрғын үйлері (қоныстар), жерлеу орындары (обалар), бейнелеу өнерінің монументалды және шағын пішіндегі бұйымдары сынды функционалдық элементтерінің өзара байланысынан тұратын урбанизациялаудың келесі жүйелері маңызды рөл атқарады. Мұндағы археологиялық дереккөздердің соңғы екі категориясы тарихи қауымдастықтардың әлеуметтік құрылымы мен дүниетанымын реконструкциялауда аса маңызды. Мифология мен бейнелеу өнері – ежелгі мәдениеттің бір-бірімен тығыз байланысты екі көрнекті құбылысы. Миф пен өнер ежелгі адамзат қоғамының өзіндік санасын және табиғи-әлеуметтік құндылықтар жүйесіндегі орнын қалай бағамдайтынын көрсетеді.

Өрнек қорымындағы ұрыптық-жерлеу рәсімдерін зерттеу – Жетісудың ежелгі көшпелілерінің біз таңдаған әлеуметтік тобын сипаттайтын белгілерді анықтауға мүмкіндік берді. Өрнек қорымынан жартылай жер астында қаланған тас жәшікті конструкциялы жерлеу орындары бар ерекше

ескерткіштер табылды. Сондай-ақ Өрнек қорымының барлық обаларында орташа өлшемді өзен малтатастарынан қаланған жоғарғы қабат жабындысы анықталды. Тұғыртасы мен үйіндіге дейінгі платформа тастарының түс айырмашылықтары байқалады. Жалпы оба тастары ұқсас (сұр) реңді болғанымен, тұғыртасы қызғылт түсті, ал қабір шұңқырының қабырғалары көкшіл-ақ тастармен қаланған екен. Демек, аталмыш өңірдің ежелгі тұрғындары үшін түстің семантикалық мағынасы маңызды болған. Сонымен қатар Іле Алатауының өзен тастарының алуан түрлі композициясы обаларды безендіруге жақсы ой салған. Қазіргі таңда біз осы мәселе бойынша зерттеулер жүргізуді жалғастырудамыз.

Материалдар мен әдістер

Жұмыс барысында зертханалық-аналитикалық, салыстырмалы-тарихи, салыстырмалы-салғастырмалы, аналитикалық, жалпылау, сипаттау, т.б. әдістер қолданылды. Ғылыми-зерттеу барысында жерлеу құрылыстарынан өзен тастарынан бой көтерген циста түріндегі аз зерттелген нысандар анықталды, мұндай жерлеу кешендері «классикалық» сақ дәуірінен үйсін кезеңіне өтпелі уақытта қалыптасқан болуы мүмкін. Сонымен қатар зерттеу жұмысының негізгі нәтижесі ретінде осы микроаймақта «түрлі түсті» обаларымен ерекшеленетін мәдениетті иеленушілердің мекендегені жайлы аз да болса мәліметтің жинақталғаны болып отыр.

Материалдарды сипаттау

Қазіргі таңда алдын ала алынған нәтижелер де жоқ емес, бұл – ең алдымен, зерттеудегі қыштың жеткілікті коллекциясы мен обалар туралы статистикалық мәліметтер жиынтығы. Қолда бар материалдар осы мәдениетті иеленуші сақ тайпаларының мекендеу ортасын локализациялауға мүмкіндік беретін құнды дереккөздер болып табылады. Түрген өзенінің орта ағысындағы сақ мәдениетінің бірегей ескерткішін зерттеу нәтижелері соңғы кезде жарияланған ғылыми мақалаларда сөз болады, атап айтқанда, қорымдардан анықталған қыш ыдыстар, металл және сүйек бұйымдары сияқты заттай материалдардың, жерлеу культінің құрылымдық ерекшеліктері мен осы аймақтан анықталған «түрлі түсті» обалар феноменінің сипаттамалары берілді [Мухтарова және т.б. 2021; Бексеитов және т.б. 2020; Джасыбаев және т.б. 2020; Омаров және т.б. 2023]. Өрнек обаларына құрылымдық жағынан жақын нысан ретінде тұғыртаспен сақиналанып қаланған Түрген қорымының «түрлі түсті» обаларын жатқызуға болады, мұндай құрылысты бір мәдениетті иеленушілер жасаған болуы да мүмкін.

Осыған сүйене отырып, екі ескерткіш әртүрлі аумақта бола тұра, біртұтас құрылымдық элементті сақтаған деген болжам жасауға болады. Өрнек обасының құрылысындағы анықталған «көк түсті» сақина тұғыртастары өзінің функционалдық мақсатына қарай, Түрген обаларының «түрлі түсті» сақиналарымен мәндес [Байпақов 2019: 19]. Алайда мұндай ерекшеліктерді қолдағы бар деректердің аздығына байланысты әлі де болса ірі мәдени құбылыс деп айтуға асықпаймыз. Болашақта тыңғылықты зерттеулер нәтижесі осындай мәдени ерекшеліктің болғанын растайды деп үміттенеміз.

Қазіргі уақытта Өрнек қорымында (болжам бойынша сақ қоғамының орта әлеуметтік табына жататын) екінші тізбектің төрт обасын қоспағанда, үш обалы тізбегінің екеуі (12 оба) толық зерттелді, зерттелмеген төрт обаның үшеуі газ құбырына жақын орналасуына байланысты әзірше оларға қазба жүргізу мүмкін емес. Үшінші элиталық оба егістіктің ортасында орналасқан және археологиялық зерттеу жұмыстарын жүргізу үшін бөлек қаржыландыруды қажет етеді (1-сур., *1*). Өрнек обаларының құрылымдық ерекшеліктері – архитектуралық және ғұрыптық-жерлеу рәсімдері бойынша Есік қорымынан айтарлықтай өзгеше. Типологиялық параметрлері бойынша да айырмашылықтары бар. Мұнда обалар көлемінің едәуір кішірейгені байқалады.



1-сур. Өрнек қорымының жоспары. © Google Earth Орындаған: Т.Ж. Тулегенов
Fig. 1. Plan of the Ornek burial ground. © GoogleEarth Performer: T. Tulegenov
Рис. 1. План могильника Орнек. © Google Earth Исполнитель: Т.Ж. Тулегенов

2022 жылы «Шелек-Талғар қосөзені аралығындағы ерте көшпелілер обаларының конструктивті ерекшеліктері» атты ғылыми-зерттеу жобасы аясында жүргізілген археологиялық зерттеу барысында 5 км радиуста қосымша барлау жасау туралы шешім қабылданған болатын. Осы барлау нәтижелері бойынша екінші тізбектен солтүстік-шығысқа қарай 1 км жерде Өрнек қорымының № 3 тізбегіне кіретін екі оба анықталды. Оның бірі – осы қорымнан табылған ең үлкені. Үйіндінің биіктігі 3 м, диаметрі 45–50 м болатын сегментосфера пішінді, маңында ені 8 м-ге жуық, тереңдігі 0,4–0,6 м болатын арықтың арнасы жатыр. Обаның жоғарғы жағында *тригопункт* (бетон арқалық) қалдықтары мен тонау іздері байқалады.

№ 2 кіші обада «Есік» музей-қорығының қызметкерлері 2022 жылғы далалық маусымда қазба жұмыстарын жүргізді. Зерттелген № 2 оба № 1 обадан 30 м, суармалы арықтың оңтүстігінен 5 м, кәріз суы құбырының солтүстігінен 20 м жерде орналасқан. Зерттеуді бастамас бұрын солтүстік-оңтүстік және батыс-шығыс бағыттары бойынша болжамды үйінді орталығы арқылы ені 3 м болатын екі стратиграфиялық шурф салынды. Қазба барысында нысанның нақты өлшемдері анықталды: үйіндінің диаметрі 18 м, биіктігі ежелгі жер табанынан 0,7 м, қара шірінді (гумус) қабаты 0,2 м, басқа жақтан тасымалданып қаланған саз қабаты 0,5 м құрайды.

№ 2 обаның конструкциясында бұған дейін осы қорымның зерттелген обаларынан кейбір айырмашылықтар болды, яғни тастан қаланған үстіңгі қабат жабындысы жоқ және сақиналы тізбегі жер бетінен 30–40 см төмен орналасқан. Мұның себебін екі мәселемен байланыстыруға болады, біріншісі – сақина тастары алдын ала қазылған шұңқырға салынған, екіншісі – қазіргі кездегі мелиорация жүйесінің қарқынды жүргізілуі. Обаның жерлеу орны өте үлкен, мұндай өлшемдегі

жерлеу шұңқыры шағын үйінділерге тән емес және бұрын-соңды бұл қорымда кездеспеген. Дегенмен обалардың жерлеу мәдениетіндегі жақындықты көрсететін басты ерекшелігі – қабірішілік құрылыстың ұқсастығы. Қабір құрылысының пішіні тікбұрышты, өзен тастарынан (алуан түсті тастардан) қаланған тас жәшік.

Тас жәшік өлшемі: 4,2 × 2,4 м, әдеттегідей батыс-шығыс бағытында қаланған. Жерлеу орнының көлеміне қарай бірден бұл жұптық (қосарлап) жерлеу немесе атты қоса жерлеу болуы мүмкін деген болжам жасалды. Жерлеу орнын қазу барысында әртүрлі тереңдіктен қыш бұйымдардың бөлшектері табылды. Табылған бөлшектер арқылы диаметрі 17,5 см, биіктігі 4,5 см болатын ыдыс қалпына келтірілді. Осылайша табылған қыш ыдыстардың қалдықтары және обаның тас қабатынан алынған тастардың іздері мен ескерткіштің тонаушылар қолымен бүлінгенін дәлелдейді. Тонаушылар шығыстан кірген. Тағы бір таңғаларлық жағдай, адам қаңқа сүйегінің табылмауы, тіпті, сүйек бөлшегінің бірде-бір мүшесі кездеспеді. Бұл марқұмның денесі әлі ыдырай қоймаған кезде тоналғанын меңзейді. Жоғарыда келтірілгендей адаммен бірге жылқы, немесе оның бір бөлігі жерленген *(pars pro toto)* деген болжамымыз расталды. Қазба барысында жылқы сүйектері анықталды. Ең үлкен бөлшегі (жақ сүйегі) қабір түбінен табылды. Мұндағы жерлеу ғұрпы Өрнек қорымының басқа да обаларымен байланысты екені сөзсіз (жылқы культі туралы толық ақпарат төменде келтірілген). Жерлеуден алынған заттай материалдар қатарында қыш сынықтары мен металл бұйымдары (алтын фольга) болды. Алтын фольга ұсақ бөлшектелгендіктен, заттай дерек ретінде қарастырып, қандай да бір қорытынды жасай алмаймыз. Ал қыш фрагменттерінің жұқа сырты жылтыратылғаны, ангобталғаны осы ежелгі микроөңірдегі көзешілер шеберліктерінің жоғары деңгейінің көрсеткіші бола алады.

Қазба жұмыстары кезінде обаның бірнеше рет тоналғанына қарамастан, қабір құрылысының ішіндегі құрылым (тереңдігі 1,2 м) және оның құрылу реттілігі нақты анықталды. Қабір шұңқырының жиектеріне саз балшықпен бекітілген орташа тас төселген. Бұл аймақтағы саз тығыздығының жоғарылығына қарамастан, қабірді түрлі түсті таспен безендірудің мәні арнайы рәсіммен байланысты болуы мүмкін [Конструктивті 2022: 20].

Жеті жылдық далалық маусымда (2015–2022 жж.) «Есік» музей-қорығының қызметкерлері қорымдағы 13 обаны толық зерттеп бітті. Бұл зерттеулер өз кезегінде микроөңірдің ежелгі тұрғындарының салт-дәстүрі, қабір құрылымдарын құру реттілігі және олардың конструктивті ерекшеліктері туралы белгілі бір тұжырымдар жасауға мүмкіндік берді.

Екінші тізбектің барлық обаларында көкшіл түсті тастан қаланған сақина тәрізді безендірілген үйінді асты платформа түріндегі құрылымдық-семантикалық элемент кездеседі. Сақиналардың ені 50 см-ден 1,5 м-ге дейін. Екінші тізбектегі барлық обалардың іргесінен 30–35%-ға көтеріліп, оба үстін толық жауып тұрған көк тастардан қаланған жоғарғы тас қабаты бары анықталды. Аталмыш тізбектің 10 обасының ішіндегі тек үшеуінде ғана түрлі түсті өзен тастарынан қаланған циста түріндегі қабірішілік безендіру болған жоқ.

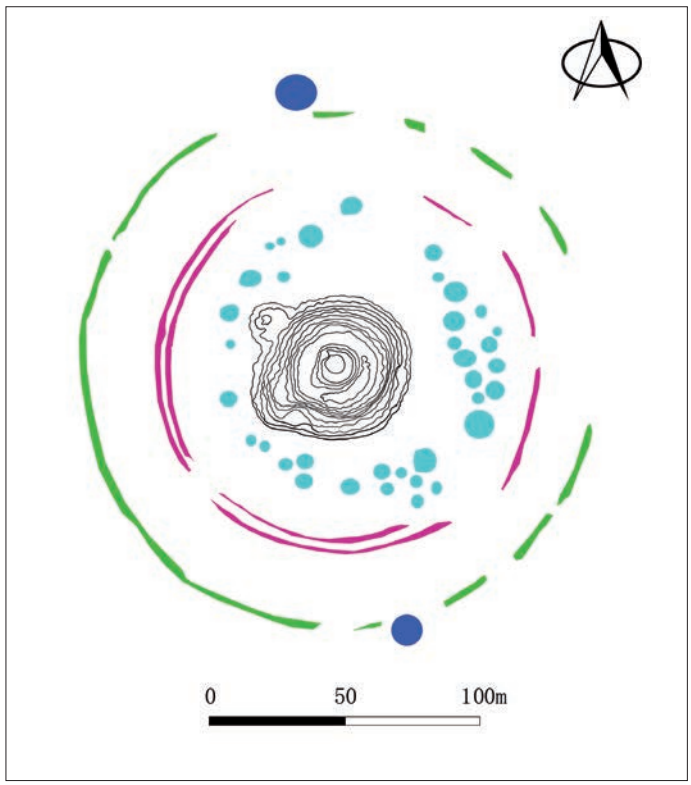
Алайда біз зерттеген осы тізбектегі соңғы обада түрлі түсті тас сақинасы болғанын атап өткен жөн, мұндай конструктивті ерекшеліктер жылдың белгілі бір уақытында, яғни көк тастарды тасымалдап жеткізудің қиындығымен немесе келе-келе дәстүрдің өзгеруімен байланысты болуы мүмкін.

Жерлеу құрылыстарын жобалаудағы мұндай «түс шешімі» Өрнек, Түрген және Рахат III қорымдарының біртұтас мәдени туыстығы болған, сонымен қатар жерлеу рәсімінің әсемдігін қамтамасыз ету үшін де «түс шешімі» қолданылған деген ойға жетелейді [Бексеитов, Тулегенов 2020: 58–63]. Мұндағы жерлеу құрылымдық конструкциясының семантикалық құрамы үйінділерді «безендіру» мен үйінді табанының платформасын түрлі түсті тастармен қалау арқылы көрсетілген.

Айта кету керек, Қапшағай су қоймасының су басу аймағында обалар апатты жағдайда қазылғандықтан үйіндіні аршу кезінде археологтар үйінді тас жабындылары мен жоғарғы қабат

қаландыларының «түс шешімі» жобасы арқылы жасалғанына мән бермеген болуы ықтимал. Қазіргі таңдағы үйіндінің бетін алдын ала тазарту арқылы қазу жұмыстарының заманауи әдістері көптеген мүмкіндіктерге жол ашты. Осылайша Түрген қорымындағы атақты «түрлі түсті» оба жалғыз емес екеніне көзіміз жетті деуге болады. Тастың түсін саралау және оны жерлеу құрылыстарын жобалауда қолдану Түрген өзені аңғарындағы сақ мәдениетінің айрықша белгісі болып шықты.

Сонымен Түрген қорымындағы «түрлі түсті» патшалық оба (ғұрыптық-жерлеу кешені) (2-сур., *1*) үйінді асты платформасының айналасындағы жиектері қызғылт көкшіл тастан қоршалған дөңгелек пішінді тас төсемдердің мақсатын тағы зерделеуге негіз болды. Апатты жағдайдағы төрт обаға шұғыл қазба жүргізілгенде тоналған шұңқырдан заттай материалдардың табылмауына байланысты бастапқыдағы қабірүстілік конструкциялар деген пікір жоққа шығарылды. Обаның негізгі тасының түсі көкшіл, бірақ олардың барлығы қызыл түсті таспен немесе арақашықтықтары сақталған үздіксіз сақинамен қоршалған. Біріншіден, әдеттегіден өзгеше СБ–ОШ қарай бағыт алған бұл таяз жерлеу орындары, ешбір қалдығы қалмаған сәбилердің жерленген жері немесе өлген жауынгерлердің «кенотафтары» болуы ықтимал. Екіншіден, бізге беймәлім ежелгі рәсімдегі безендірудің бір түрі де болуы мүмкін. Дегенмен де мұның бәрі діни-ғұрыптармен (культпен) байланысты орындалған. Конструкцияның ортасындағы шұңқырлар бұрын ойлағандай тонау іздері емес, культтік рәсімнің көрінісі болуы да мүмкін деген болжам жасай келе, «Түрген-Өрнек феномені» болашақта жан-жақты зерттеуді қажет ететін ескерткіш болып табылады.



2-сур. Түрген қорымының «түрлі түсті» обасы. Жоспар. Орындаған: Wang Yangyang
Fig. 2. «Colored» kurgan of the Turgen burial ground. Plan. Performer: Wang Yangyang
Рис. 2. «Цветной» курган мог. Тургень. План. Исполнитель: Wang Yangyang

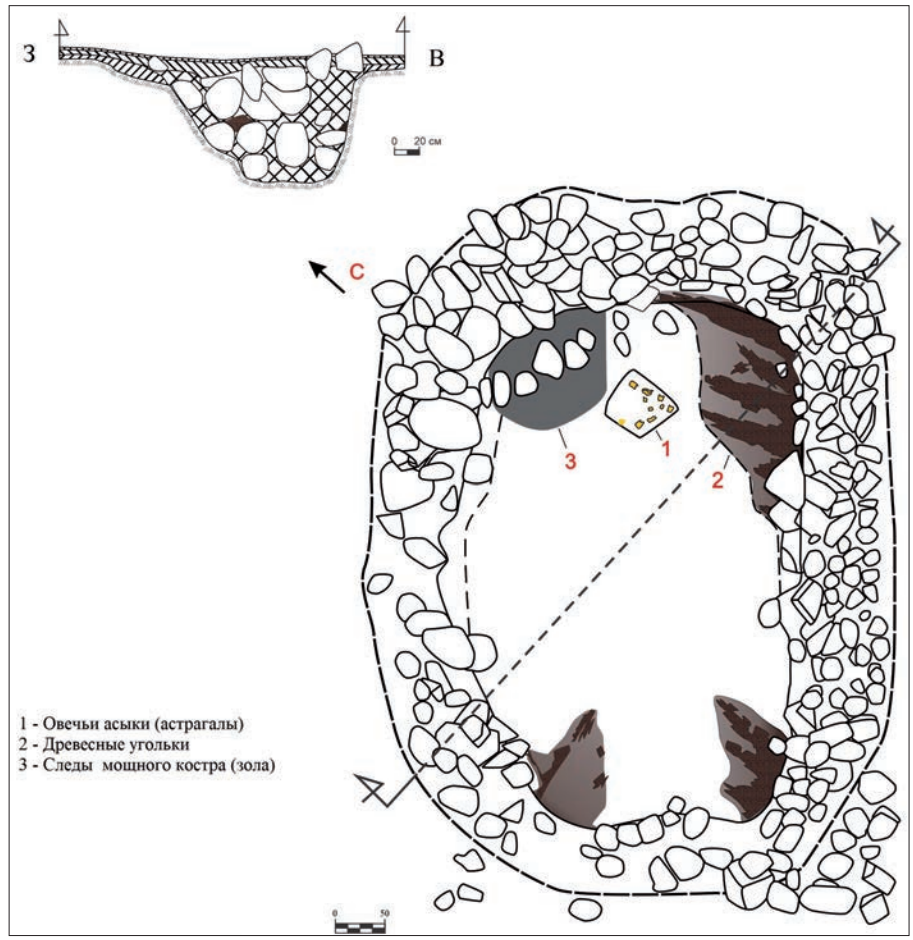
Тастан қаланған жәшіктердің ішкі конструкциясына толығырақ тоқталар болсақ, олар 0,7 м-ден 3,4 м-ге дейінгі түрлі тереңдікте, әдеттегідей батыс-шығыс сызығымен бағытталған төртбұрышты пішінде қаланған. Олардың кейбіреулерінің бұрыштары көтеріңкі (бұл ерекшелікке алғаш археолог Б.Н. Нұрмұханбетов 2015 жылы назар аударған болатын), төсек пішініне ұқсатып жасағандай. Тас жәшік пен бақылау шұңқырларын (шурф) аршып болғанан кейін олардың кейбіреулерінің қабырғаларының артында өсімдіктердің ыдырау қабаты анықталды. Бәлкім, осылайша тастарды жеткізгенге дейін шұңқыр уақытша топырақпен толтырылған болса керек. Кейбір қабір түбіне еден ретінде былғары төсеніш (?) салынған, ол толық сақталмаған, тек ыдыраған органика түрінде ғана байқалады.Тағы бір ерекшелік цистаның тас қаландылары көбінесе ежелгі жер бетінің деңгейінен төмен аяқталады, бірақ батыс және шығыс жақтары бүйірден екі-үш деңгейге жоғары қаланған.

Бірінші тізбектегі обалар басқаларынан өзгеше. Оларда айналдыра қаланған сақиналар жоқ (айналмалы дәліз?) және көлемі жағынан кіші. Үйінділердің биіктігі 1,5 м, жерлеу тереңдігі

0,6 м-ді құрайды. Сонымен қатар бұл обалардың батыс жағына апаратын дәлізге лай үстіне шайылған құм төселген. Лайдың құм астында қалуы жерлеу мен оның үстіндегі үйіндіні тұрғызу арасындағы уақыт алшақтығының болғанын, яғни (үйіндінің кейін тұрғызылғанын) жерлеу орнының алдын ала дайындалғанын дәлелдейді. Мұндай төсеніш екінші тізбектің № 7 обасынан да анықталып отыр.

Нәтижелер

От культі. Өрнек қорымында үш обадан от табы (ғұрыптық тұрғыдан пайдаланғаны) анықталды. Сонымен қатар бірінші тізбектің № 2 обасында ортаңғы қабірдің жанынан оған мөлшерлес көлемде тастан қаланған құрбандық ошағы табылды (3-сур., *1*), оның іші ағаш көмірімен араласқан таспен толтырылған (4-сур., *1*). Бұл біз ойлағандай өлікті өртеу ғұрпы болуы мүмкін. Ондағы жерленушінің бойы орташа, жас бала (?) болуы да мүмкін. Ағаш толық жанбаған күйінде табылды, демек құрбандық орны от әлі жанып бітпеген кезде топырақпен көмілген. Орынды тазалау кезінде оттың жалыны өте күшті болғаны және шарпыған от табының қалыңдығы 10 см шамасында болғаны анықталды. Тас жәшіктің шығыс жақ табанынан ұсақ ағаш көмірі мен өртенген асықтардың қалдықтары табылды. Сондай-ақ қазба барысында құрбандық орнының батыс жағынан да 14 асық пен мал сүйектері көмілген күлтөкпе шұңқыр табылды. Ежелгі көшпелілердің жерлеу ескерткіштерінде кездесетін жәдігерлер санатының бірі – жануарлардың асығы. Мұндай материалдар негізінен балалар бейітінде кездеседі. Осылайша, алдын ала жасалған болжамдар бойынша бұл асықтар – ойын асықтары [Умиткалиев, Тлеугабулов 2017: 38].



3-сур. Өрнек қорымы. I тізбек, №2 оба, циста құрылыстары. Орындаған: Е. Рахманкулов

Fig. 3. Ornek b.g. 1st chain, kurgan No. 2, cyst structure. Performer: E. Rakhmankulov

Рис. 3. Мог. Орнек. I-я цепочка, кург. №2, структура цисты. Исполнитель: Е. Рахманкулов



4-сур. Өрнек қорымы. I тізбек, № 2 оба. №2 циста. Салттық құрылым. Фотосурет: Т.Ж. Тулегеновтікі
Fig. 4. Ornek b.g. 1st chain, kurg. № 2, cyst No. 2. Ritual construction. Photo: T. Tulegenov
Рис. 4. Мог. Орнек. 1-я цепочка, кург. №2, циста № 2. Ритуальная конструкция. Фото: Т.Ж. Тулегенов

Құрбандық орнының солтүстік жағында, ежелгі жер бетінен ұсақ мал сүйектерінің қалдықтары табылды. Құрбандық орнын қоршап тұрған саздың тесілуіне және көмірдің мөлшеріне сүйене отырып, оның үстіндегі от жалынының өте күшті болғанын байқауға болады. Әзірге Есік микроөңір аймағынан құрылымы дәл мұндай ескерткішті кездестірген жоқпыз. Демек біз қарастырып отырған аймақтың ежелгі тұрғындарының арасында от культі (отқа табынушылығы) кездесетін өзіндік мәдениетті иеленушілер болған. От (сонымен қатар алтын, қызыл түсті бұйымдар) марқұмды ақтық сапарға шығарып салу кезінде қолданылған [Ақышев 1984: 133].

Сонымен қатар қорымдағы екінші тізбектің № 7, 9 обаларында да от табы байқалады. № 7 обада күлтөкпе ежелгі жер бетінен табылды және қабірдің шығыс жағын қоршап жатты. Ал № 9 обада күл мен балшықтың іздері тастан қаланған іргенің жанына салынған жалдан анықталды.

Жылқы культі. Құрбандыққа шалынған жылқының қаңқа сүйегі екінші тізбектің үш (№ 2, 6-7) обасында кездеседі. 2022 жылы зерттелген үшінші тізбектің № 2 обасындағы құрбандыққа шалынған жануардың қаңқа сүйектерінің барлығы бір жылқының толық сүйегі *(pars Pro toto)* емес, тек мүшелері ғана. Өрнек қорымындағы жылқы малын құрбандыққа шалу ғұрпының кездесуі оны аймақтағы басқа қорымдардан ерекшелендірді. Бір қызығы, көбінесе құрбандыққа шалынған жылқыны бүтіндей қоймаған, тек бір мүшесін ғана (бас сүйегін, жауырынын, жамбасын, қабырғаларын, тоқпан жілігін және т.б.) арнаған. Көбінесе мұны ғалымдар «жерлеу тағамы» деп болжам жасайды [Кузьмина 1977: 37]. Сонымен қатар екі обадан да ұсақ малдың сүйектері шықты.

Қыш. Өрнек қорымы өкінішке қарай, әр кезеңдерде тонауға жиі ұшыраған. Алайда қорымнан бірегей пішінді, алуан түрлі қыш (ыдыстар) материалдар көптеп табылды. Олардың қатарында алмұрт пішінді классикалық құмыралар, сұйық өнімдерді тасымалдауға арналған миниатюралық тостағандар мен жіңішке мойынды ыдыстар кездеседі [Тулегенов және т.б. 2019: 131–138; Тулегенов және т.б. 2022: 244–254]. Табылған қыш коллекциясы құрамы, жасалу техникасы мен біркелкі күйдірілуі бойынша жоғары сапада. Тіпті, қарапайым жерлеу орнынан сырты жылтыратылған, ангобталған қыш ыдыстар табылған болатын. Қабірге қыш ыдыстар өте жиі қойылған, егер бас жағында орын болмаса, марқұмның аяқ жағына тізген. Бұған дәлел, бірінші тізбектегі № 2 оба мен екінші тізбектегі № 7 оба қабірлерінің материалдары.

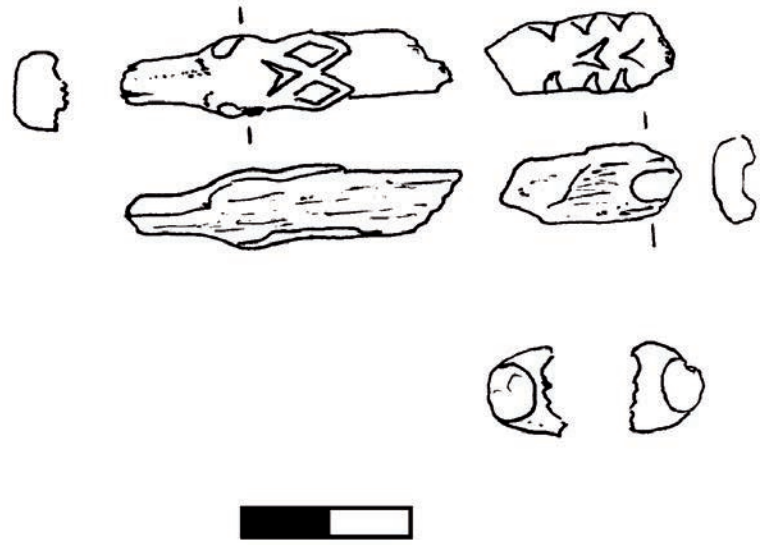
Қыш ыдыстарды жасау дәстүрі (көзешілік) ұрпақтан-ұрпаққа жалғасып келген. Сондықтан қыш бұйымдар ескерткіштің кезеңделуін анықтауда нақты көрсеткіш материалы бола алмайды, бірақ қару-жарақ, сүйек пен алтыннан жасалған бұйымдар коллекциясымен бірге Өрнек қорымынан табылған құмыралар, тостағандар, саптыаяқтар б.д.д. V–IV ғғ. классикалық сақ кезеңіне жатады деп сенімді түрде айта аламыз [Тулегенов 2022].

Металл және сүйектен жасалған бұйымдар. Өрнек қорымына зерттеу жүргізілген жылдары металдан (алтын, темір, қола) және сүйектен жасалған заттар табылды. Алтын әшекейлер қатарында зер моншақтар, жапсырмалар, түймелер мен алтын фольгалар болса, темірден жасалған бұйымдар – шақан мен оның басының фрагменті, жебенің ұштары, пышақ, қорамсақ түбі. Ал қоладан жасалған артефактілер үш түрлі: ұңғымалы жебе ұштары мен ілмек, ат әбзелінің аң стиліндегі тоға фрагменттері болды. Қорымнан анықталған мұндай олжалардың түрлері ежелгі Жетісу тұрғындарының (б.д.д. V ғ. – б.д.д. III ғ. бірінші жартысы) қару-жарақ кешенінің құрамы мен ерекшеліктері туралы ойымызды айтарлықтай кеңейте түседі. Сонымен қатар қару-жарақ туралы жаңа деректер сақ қоғамының әлеуметтік құрылымының ерекшеліктерін реконструкциялауға мүмкіндік береді, өйткені әртүрлі көлемдегі жерлеу кешендерінде түрлі қаруды орналастыру дәстүрінің арасындағы байланыс барған сайын айқын бола бастады. Көбінесе, қару-жарақтар жиынтығы арнайы жасақ жауынгерлері мен ақсүйектерге тиесілі орта және үлкен обалардан анықталды. Ал көлемі кіші обаларда қару сирек кездеседі [Тулегенов, Иванов 2016: 150–155]. Бұл материалдар әсіресе, ат әбзелдерін безендіруге қолданылған тоғалар ескерткішті б.д.д. IV–III ғасырлармен мерзімдеуге мүмкіндік береді. Сүйектен жасалған артефактілер қатарында жебе ұштары, белдік жапсырмалары (жыртқыш құстың басы бейнеленген зооморфты тілікше), марал бейнеленген салпыншақ (5-сур., *1*) бар. Қалпына келтіру барысында бұйымдағы жануар бейнесі анықталды. Аңдық нақыштағы тілікшенің төменгі екі бұрышында тұмсығы бір-біріне қаратылған жыртқыш құстар бейнеленген. Құстардың бастары – тұмсығы мен көздерінің схемалық сызбасы тамшы тәрізді. Тұмсықтары мен көздерінің ойықтары қызыл бояумен боялған. Тілікшенің жиектерінде ұсақ саңылаулар бар, демек ол кезінде киімге немесе белдік қайысына тігілген. Мұндай жыртқыш құстардың бейнелері Еуразияның кең-байтақ аумағында мәдени және хронологиялық тұрғыдан кең таралған [Королькова 1998: 166]. Жыртқыш құстардың бейнесі тек ежелгі қолданбалы өнер туындыларында ғана емес петроглифтер репертуарында да (сирек болса да) кездеседі. Әсіресе, Сібір, Орталық Еуропа елдеріндегі жартас суреттеріндегі бейнелерді салыстырмалы типологиялық талдау барысында анықталғандай, хронологиялық тұрғыдан неолит немесе ерте қола дәуірінен бастау алады [Кубарев және т.б. 2005: 50–51]. Ал Жетісу петроглифтеріндегі жыртқыш құс суреттерін мамандар қола және ерте темір дәуірімен мерзімдейді. Сонымен қатар мұнда олар аңдық нақышта бейнеленген. Десе де жеке суреттері де, күрделі композициялар құрамы ретінде де кездеседі. Ерте дәуірдегі суретшілердің бұл туындылары қандай да бір салт-дәстүрге байланысты болды ма, жоқ шығармашылық адам басқа мақсатты көздеді ме? Әзірге мәселенің түпкілікті шешімі жоқ [Железняков 2019: 73]. Дегенмен қолданбалы өнер және петроглиф туындыларының өзара параллелі болғаны сөзсіз.

Сонымен Өрнек қорымындағы № 14 обадан табылған сүйек тілікшесі мен қыш бұйымдар, жебелер б.д.д. IV–III ғасырлармен мерзімделеді.

Талқылау

№ 7 және 9 обалар негізіндегі жерлеу рәсімінің жүйесі. Барлық обалар тоналып, құрылымы бүлінгендіктен бұл ескерткішті құрылымдық тұрғыдан үлгі ретінде ала алмаймыз. Тонаушылар обаның құрылысын жақсы білгендіктен қабірдің алтын бұйымдарға бай батыс бөлігін тонап кеткен. Тік көлденеңінен қазылған шұңқыр (тонау дәлізі) арқылы тоналған. Жерлеу құрылыстарының шығыс бөліктері кейбір обаларда бұзылмаған болып шығуы бізге бүкіл жерлеуді реконструкциялауға және оның жасалу кезеңдерін қалпына келтіруге мүмкіндік берді.



5-сур. Өрнек қорымы. II тізбек, №14 оба. Сүйек салпыншақ.
Суретші: А.Н. Рахметов
Fig. 5. Ornek b.g. 2nd chain. Kurg. № 14. Bone pendant.
Artist: A. Rakhmetov
Рис. 5. Мог. Орнек. 2-я цепочка, кург. № 14. Костяная подвеска.
Художник: А.Н. Рахметов

Бірінші кезеңде қабір шұңқырын қазу және үйіндінің тұғыртасы мен айналасындағы сақинаны безендіру үшін көк тастарды жеткізсе керек. Бұл тастардың нақты қайдан әкелінгені белгісіз. Қорымнан батысқа қарай 1 км жерде орналасқан Қарасу өзенінің арнасынан тасымалдануы мүмкін. Екінші кезеңде обаның қабырғаларын нығайту мақсатында құрамында өсімдіктері бар (қамыс?) балшықпен сылаған. Үшінші кезеңде жоғарғы қабатын жабу мақсатында Түрген өзенінің арнасынан түрлі түсті өзен тасы (қиыршық тастар) жеткізілген.

Қабірдің қабырға тастары өте мұқият қаланып, оның пішіні жәшік іспеттес формаға келтірілген. Бір қызығы, тас жәшіктің оңтүстік және солтүстік беткейлері ежелгі жер беті деңгейіне жетпей, қабір түбіне де жетпей, екі арадағы деңгейде тұрса, батыс пен шығыс жағы керісінше қабір түбіне тиіп те, жер бетінен асып та тұр. Бұл өз кезегінде бесіктің құрылымын еске түсіреді. Нақты сенімді болмасақ та, ежелгі адамдардың түсінігінде туу және өлу процесі мәңгілік ұғымымен біртұтас болған.

Төртінші кезеңде, марқұмды қабірдегі арнайы дайындалған орынға басын батысқа қаратып, аяқ-қолын созып, шалқасымен жатқызған, түрлі қыш ыдыстар мен құрбандыққа шалынған мал жіліктері (мүшесі) қойылған. Марқұмның бетін жабынмен жауып, одан кейін қабір шұңқырын мұқият тас қаландымен толтырған (бітемелеу). Құрылыстың мұндай күрделі болуының себебі, марқұмның туыстары осындай әрекетімен тонаудың алдын алған.

Бесінші кезеңде, біраз уақыт өткеннен кейін обаның үйіндісі тұрғызылады: үйіндінің тұғыр тасы қаланып, шеттері сақиналанады, қабырғалары көтеріледі және сыртқы қабаты жабылады. Топырақ өзен жағасында орналасқан карьерден әкелінсе керек, өйткені оның құрамында көп мөлшерде сұрғылт реңкті лай батпақ бар. Зерттеу барысында № 2 тізбектен 200–250 метр қашықтықтан үш бұлақ табылды, олар шамасы, ежелгі бұлақ тектес шағын өзеннің көне құрғап қалған арнасы, ал топырақ дәл соның жағалауынан алынған.

Қосарлап жерлеу. 2016 жылы «Есік» музей-қорығы мен Оңтүстік Корея мамандары бірлесіп ұйымдастырған экспедиция ең ірі обаға қазба жүргізді. Оба биіктігі жағынан шағын болғанымен, көлемі жағынан өте үлкен – диаметрі шамамен 40 м болды (6-сур., *2*) [Тулегенов және т.б. 2020: 141]. Қазба барысында тас циста түрінде жобаланған қабір шұңқырының үлкен өлшемі (6 × 4 м) бірден көзге түсті. Бұл жұптық жерлеу немесе атты қоса жерлеу деген болжам жасалды. Сонымен қатар зерттеу барысында қабір шұңқырынан 2 метр қашықтықтағы ежелгі жер бетінен анатомиялық жағынан бір бүйірімен жатқызылған жас әйелдің (жынысы нақты емес) қаңқа сүйегі табылды [Джунг Ли 2018: 60]. Бұл жағдай обаны алғашқы тонау жерлегеннен кейін көп ұзамай-ақ болғанын көрсетеді. Әйелдің қолдары байланып, айқасып жатты. Тонаушылар мұны әдейі жасаған болуы мүмкін, өйткені сүйек ыдырай бастаған, оның жіліншік сүйектері тонаушылардың үйіндісінің астында қалған. Кемелденген ер адамның қаңқа сүйегі (бас сүйегінің аман қалған бөліктерінің қалыңдығына қарай) қабір түбіне жақынырақ жерден табылды. Оның сүйектері шашыраңқы жатты. Демек бұл қабірдің қайта тоналғанын білдіреді. Ежелгі тонаушылар әртүрлі деңгейде жатқан сүйектерді арнайы құралмен сындырған [Тулегенов 2015: 394–405].

Қосарлап жерлеу қола дәуірі мен Алтай сақтарында жиі кездеседі. Жетісу жерінде бұл үрдіс Өрнек қорымынан байқалып отыр. Бұған шығыс тайпаларының (Қазақ Алтайының жерлеу-



6-сур. Өрнек қорымы. II тізбек, №2 элиталық оба. Обаның жалпы көрінісі.
Қазақ-Корей бірлескен археологиялық экспедициясы барысында орындалған аэрофототүсірілім

Fig. 6. Ornek b.g. 2nd chain, elite kurg. No. 2. General view of the kurgan.
Aerial photography taken during the joint Kazakh-Korean archaeological expedition

Рис. 6. Мог. Орнек. 2-я цепочка, элитный кург. № 2. Общий вид кургана.
Аэрофотосъёмка, сделанная в ходе совместной казахстанско-корейской археологической экспедиции

ғұрыптық мәдениетінің элементтері) ықпалы болуы мүмкін. Параллельдер жерлеу рәсімінің (оттың) ұқсас элементтерін ғана емес, сонымен қатар діни-мифологиялық көзқарастардың, салттық жоралғылардың ортақтығын көрсетеді [Нұржанов және т.б. 2020: 70].

Қорытынды

Жалпы Өрнек қорымы Жетісудың басқа қорымдарымен құрылымы, салт-дәстүрі жағынан ұқсастығына қарамастан, сақ мәдениетінің бірегей ескерткіші ретінде ерекшеленетін материалдар беріп отыр [Тулегенов, Чекин 2018: 356]. Сонымен қатар Шығыс және Оңтүстік Қазақстандағы ұқсас ескерткіштермен салыстырмалы талдау жүргізуге негіз болады. Солтүстік немесе солтүстік-шығыс секторында жылқы, қой сүйектері немесе ат әбзелдері қойылған қабір және марқұмды арқасымен жатқызып, басын солтүстік немесе солтүстік-батыс бағытына қойып жерлеу Шығыс Қазақстанның ежелгі тұрғындары мәдениетінің басты белгісі болып табылады [Омаров 2015: 120].

Жерлеу кешенінен алынған заттай материалдар мен жерлеу ғұрпының конструктивтік ерекшеліктерін талдай отырып, Өрнек микроөңірінің ежелгі тұрғындары тысқары аймақтан келуі мүмкін деген тұжырым жасаймыз. Шығыс Қазақстаннан келген сақ тайпалары қоныстанған болуы да ықтимал (бұл ойымызды қорымнан табылған, Қазақ Алтайының жерлеу орындарына ұқсас материалдар да дәлелдей түседі). Аталмыш обалардағы жерлеу орындарының орналасуы мен бағыт-бағдары сынды маңызды тұстарында көп ұқсастықтар анықталды. Бұл алдағы уақытта тыңғылықты зерттеуді талап ететін өзекті мәселенің бірі болып табылады.

Венгрияның жаратылыстану ғылымдары музейінің антропологы Андраш Жолт Бироның бүлінбей сақталып қалған бас сүйектердің біріне ауызша жасаған қорытындысы бойынша, моңғолоидтық белгілер болған, одан әрі екінші тізбектің № 5 обасының жебе ұштары Алтай жерінен табылған жебе ұштарына ұқсас. Біз қарастырып отырған қорымның жерлеу рәсіміндегі жылқы мен қойдың мүшесін (pars pro toto) құрбандыққа тарту параллелі культінің сипатын Шығыс Қазақстан ерте сақтарының мәдениетімен байланыстырады [Самашев 2022: 9–31]. Мысалы, ерте сақ кезеңіне тиесілі Шығыс Қазақстандағы обаларға жүргізілген қазба барысында жылқыны қоса жерлеудің бірнеше түрі анықталды, олардың ішінде бүтін жылқыны ғана емес, сонымен бірге оның жіліктерін (мүшесін) тарту, яғни тобығы, терісі және т.б. [Омаров 2020:53] кездеседі.

Ежелгі Жетісу жерінің көп бөлігінде кездесе бермейтін қыш бұйымдарының жиынтығы мен құралдарының түрлері шығыстық элемент әсерлерінің болғанын, тіпті, сол жақтан келгенін меңзейді. Екінші тізбектің № 14 обасынан табылған сүйек тілікшедегі анық бейнеленген грифон культі де [Джасыбаев және т.б. 2020: 340–348] біз алға тартқан болжамды растағанымен, Өрнек қорымында отқа табынушылық (культі) белгілердің болуын оны батыстағы сарматтардың ықпалымен де байланыстыруға болады [Лукпанова 2017: 153].

Жетісу өңірі ерте замандарда-ақ көптеген тайпалар мен халықтардың тарихи тағдыры ғана емес, сонымен қатар бірін бірі байыта түскен, түрлі аймақтардың мәдени ықпалдары да тоғысқан мекен. Осыған орай Жетісу өңірінің ежелгі тұрғындарының әлеуметтік құрылымындағы патша обаларының ерекше мәртебесі туралы тезисті растайтын заңдылық байқалды («Бәйтерек», «Есік», «Түрген», «Өрнек», «Қаракемер», «Асысаға», «Жуантөбе» қорымдарын зерттеу нәтижелері бойынша), ол – биіктігі 6 м және одан жоғары барлық обалар «патшалық тізбектерден» бөлек орналасқан; ең үлкен нысанның айналасында кішірек обалар шеңбер бойымен орналасқан, онда қорым тізбегі солтүстік-оңтүстік бағытта созылады, бірақ кейде шамалы ауытқулары да жоқ емес.

Кейбір жағдайларда Жетісудың ежелгі көшпелілерінің қорымдарындағы оба тізбегі өте аз, бұл олардың осы микроаумақта қалыптасуы аяқталмай қалғанын көрсетсе керек. № 1 тізбектің уақыты шамамен кейінгі сақ кезеңіне тиесілі болуы мүмкін (б.д.д. III ғ.), жерлеу орындарынан шегелі жебе ұштары табылды. Бұл өз кезегінде, қорымның пайда болып, қалыптасуы ұзақ уақыт болғанын көрсетеді. Анықталған материалдарға сүйене отырып, № 2 тізбек, әртүрлі уақытта пайда болған

деп есептейміз. Кейбір обалар бір-біріне тым жақын орналасқан. Онда туыстас адамдар жерлене отырып, қорым бірнеше ғасыр бойы қалыптасқан. Ескерткіштің пайда болуы б.д.д. V ғасырдан басталса, оны жерлеу орны ретінде пайдалану III ғасырларда тоқтатылған.

Алдағы уақытта Жетісудағы сақ дәуірінің тарихи-мәдени мұра ескерткіштерін зерттеу жұмыстары өз жалғасын табады. Аталмыш өңір сақ қоғамының әлеуметтік-мүліктік жіктелу мәселелерін зерделеудің басты дереккөздерінің бір болып табылады.

ӘДЕБИЕТ

1 *Акишев А.К.* Искусство и мифология саков. Алма-Ата: Наука, 1984. 176 с.

2 *Байпаков К.М., Воякин Д.А., Амиров Е.Ш., Антонов М.А.* «Цветной» курган могильника Тургень // Изв. НАН РК. (ҚР ҰҒА хабарлары) Сер. обществ. наук. 2009. № 1. С. 16–22.

3 *Бексеитов Г.Т., Тулегенов Т.Ж.* Конструктивные особенности курганов сакской культуры Жетысу на материалах могильников Орикти I и Рахат III (итоги сезона 2019 г.) // История и культура Великой степи. М-лы. междунар. науч.-практ. конф. / Отв. ред. М.Х. Абусеитова. Алматы: Шығыс пен Батыс, 2020. С. 58–64.

4 *Джасыбаев Е.А., Тулегенов Т.Ж., Чекин А.Г.* Костяная пластина из Орнекского могильника: к вопросу об аналогиях изображениям голов хищных птиц // Маргуланские чтения-2020. В 2-х т. Т. 1. Алматы: ИА КН МОН РК, 2020. С. 340–348.

5 *Железняков Б.А*. Образ птиц на скалах Жетысу: к постановке проблемы // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2019. № 1 (3). С. 73–82.

6 Конструктивные особенности курганов ранних кочевников Шелек-Талгарского междуречья // Отчет о НИР (итог.) Государственого историко-культурногомузея-заповедника «Есік»; рук. Омаров Г.К.; отв. исполн.:Тулегенов Т.Ж. и др. 2022. 127 с. № ГР 0121РК00716. Инв. № 0222РК00636.

7 *Королькова Е.Ф.* Иконография образа хищной птицы в скифском зверином стиле VI–IV вв. до н.э. // История и культура древних и средневековых обществ. Сб. статей, посвящ. 100-летию со дня рожд. М.И. Артамонова (Проблемы археологии. Вып. 4). СПб.: СПбГУ, 1998. С. 166–177.

8 *Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э.* Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2005. 640 с.

9 *Кузьмина Е.Е.* Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света. // Средняя Азия в древности и Средневековье (история и культура) / Под ред. Б.Г. Гафурова, Б.А. Литвинского. М.: Наука, 1977. С. 28–52.

10 *Лукпанова Я.А*. Реконструкция женского костюма из элитного погребения Таксай-1: взгляд археолога // Поволжская археология. 2017. № 1 (19). С. 145–156.

11 *Мухтарова Г.Р., Тулегенов Т.Ж., Бесетаев Б.Б*. Генезис культуры ранних кочевников Шелек-Талгарского междуречья юго-восточного Жетысу (на примере могильников Орнек и Турген) // Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Сер. историч. 2021. № 3 (102). С. 206–212.

12 *Нуржанов А.А., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А.* Новые данные о культуре саков Жетысу: краткие результаты полевых исследований 2020 г. на территории г. Алматы. // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2020. № 4 (10). С. 70–95.

13 *Омаров Ғ.Қ.* Шығыс Қазақстанның ерте темір дәуірі. Алматы: Қазақ университеті, 2015. 256 б.

14 *Омаров Ғ.Қ.* Шығыс Қазақстанның ерте сақ дәуірінің жерлеу ескерткіштері // I-Есік оқулары: Алтын адам және Евразияның дала белдеуінің көшпенділер археологиясының мәселелері халықар. ғыл.-тәж. конф. м-ры. Есік, 2020. 52–60-бб.

15 *Омаров Г.К., Тулегенов Т.Ж., Амаргазиева А.Ж.* Культурные и хронологические особенности погребально-поминальных памятников саков Жетысу на примере могильника Орнек // Вестник КазНУ. Сер. историч. 2023. № 1 (108). С. 162–169.

16 *Самашев З.* Об одном погребально-поминальном обряде у ранних саков // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2022. № 3 (17). С. 9–31.

17 *Тулегенов Т.Ж.* Охранно-спасательные работы на курганном могильнике Орнек (итоги полевого сезона 2015 г.) // Мир Большого Алтая. 2016. № 4. Т. 2. С. 930–935.

20 *Тулегенов Т.Ж*. Изучение курганов Жетысу // 40-я Ежегодная конференция Корейского археологического общества «Origin Studies in Korean Archaeology Revisited». Сеул, 2016. С. 394–405.

24 *Тулегенов Т.Ж.* Не все то золото, что блестит // Огни Алатау [Электронный ресурс]. URL: https://ognialatau.kz/news/cat-6/21178/ (дата обращения: 07.11.2023).

23 *Тулегенов Т.Ж., Железняков Б.А., Исабекова К.Б.* Атрибуция и культурная интерпретация музейных коллекций сако-уйсунской эпохи из фондов музеев Алматинской области // Вестник КазНПУ им. Абая, сер. «Историч. и соц.-полит. науки». 2022. № 4 (75). С. 244–254.
21 *Тулегенов Т.Ж., Иванов С.С*. Новые находки предметов вооружения сакского времени из могильника Орнек (Семиречья) // Кадырбаевские чтения: м-лы V Междунар. науч. конф. Актобе, 2016. С. 150–155.
18 *Тулегенов Т.Ж., Чекин А.Г.* Одно из погребений раннего железного века могильника Орнек. Маргулановские чтение–2018 / Отв. ред. А.А. Бисембаев. Алматы: ИА КН МОН РК; АОИКМ, 2018. С. 355–363.
19 *Тулегенов Т.Ж., Чекин А.Г., Джасыбаев Е.А*. Археологический погребальный комплекс Тургень–Орнек–Рахат: к вопросу о «цветных» курганах // I-Иссыкские чтения: м-лы Междунар. науч. конф. / Отв. ред. Г.Р. Мухтарова. Алматы, 2020. С. 138–141.
22 *Тулегенов Т.Ж., Чекин А.Г., Султаниярова А.Ж.* Атрибуция и культурная интерпретация коллекции керамики сакской эпохи из фондов государственного историко-культурного заповедника-музея «Иссык» // Вестник КазНУ им.аль-Фараби. Сер. историч. 2019. № 4 (95). С. 131–138.
25 *Умиткалиев У.У., Тлеугабулов Д.Т*. Асыки и их роль в мировоззрении кочевников // Народы и религии Евразии. 2017. Т. 10. № 1–2. С. 37–44.
26 *Jung Li, Choi Seokhoon*. Distribution of kurgans in Issyk area, Kazakhstan // Asian Archaeology. 2018. Pp. 55–65.

REFERENCES

1 Akishev, A. K. 1984. *Iskusstvo i mifologiya sakov (Art and mythology of the Sakas).* Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).
2 Baipakov, K. M., Voyakin, D. A., Amirov, Y. S., Antonov, M. A. 2009. In *Izvestiya NAN RK. Ser. obshchestvennykh nauk (News of the NAS RK. Ser. Social Sciences)* 1, 16–22 (in Russian).
3 Bekseitov, G. T., Tulegenov, T. Z. 2018. In: Anuseitova, M. H. (ed.). *Istoriya i kultura Velikoy stepi (History and culture of the Great Steppe).* Almaty: “Shıgıs pen Batıs”, 58–64 (in Russian).
4 Jasybayev, Y. A., Tulegenov, T. Z., Chekin, A. G. 2020. In *Margulanovskiye chteniya–2020 (Margulan Readings–2020).* Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 340–348 (in Russian).
5 Zheleznyakov, B. A. 2019. In Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology) 1 (3), 73–82 (in Russian).
6 In: Otchet o NIR (itog.) Gosudarstvenogo istoriko-kulturnogo muzeya-zapovednika «Yesík»; ruk. Omarov G.K. (in Russian).
7 Korolkova, E. F. 1998. In Problemy arkheologii (Problems of archaeology), 166–177 (in Russian).
8 Kubarev, V. D., Tseveendorzh, D., Yakobson, E. 2005. *Petroglify Tsagaan-Salaa i Baga-Oygura (Mongol’skiy Altay) (Petroglyphs of Tsagaan-Salaa and Baga-Oigur(Mongolian Altai)).* Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnology of the SB RAS (in Russian).
9 Kuzmina, Y. Y. 1977. In: Gafurov, B. G., Litvinsky, B. A. (eds.). *Srednyaya Aziya v drevnosti i Srednevekovye (istoriya i kultura) (Central Asia in antiquity and the Middle Ages (history and culture)).* Moscow: “Nauka” Publ., 28–52 (in Russian).
10 Lukpanova, Y. A. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (The Volga river region archaeology)* 1 (19), 145–156 (in Russian).
11 Mukhtarova, G. R., Tulegenov, T. Z., Bessetayev, B. B. 2021. In *Vestnik KazNU im.al’-Farabi, Seriya istoricheskaya (Journal of History)* 3 (102), 206–212 (in Russian).
12 Nurzhanov, A. A., Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A. 2020. In *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)* 4 (10), 70–95 (in Russian).
13 Omarov, G. K. 2015. *Shıgıs Kazakhstannıgn erte temir dawiri (Early Iron Age of Eastern Kazakhstan).* Almaty: Kazakh University (in Kazakh).
14 Omarov, G. K. 2020. In: *I-Esik oquları (I-Issyk readings),* 52–60 (in Kazakh)
15 Omarov, G. K., Tulegenov, T. Z., Amargaziyeva, A. Z. 2023. In Vestnik KazNU. Seriya istoricheskaya (Journal of History) 1 (108), 162–169 (in Russian).
16 Samashev, Z. 2022. In *Kazakhstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)* 3 (17), 9–13 (in Russian).
17 Tulegenov, T. Z. 2015. In *Mir Bolshogo Altaya (World of Greater Altai)* 4, 930–935 (in Russian).
20 Tulegenov, T. Z. 2016. In: *40-aya Yezhegodnaya konferentsiya Koreyskogo arkheologicheskogo obshchestva «Origin Studies in Korean Archaeology Revisited» (40th Annual Conference Korean Archaeological Society «Origin Studies in Korean Archaeology Revisited»).* Seul, 394–405 (in Russian).
24 Tulegenov, T. Z. 2022. In: Ogni Alatau (Lights of Alatau). URL: https://ognialatau.kz/news/cat-6/21178/ (in Russian).

23 Tulegenov, T. Z., Zheleznyakov, B. A., Isabekova, K. B. 2022. In *Vestnik KazNPU imeni Abaya, ser. «Istoricheskiye I sotsialno politicheskiye nauki» (Bulletin of the Abay University, series "Historical and social and political sciences)* 4 (75), 37–44 (in Russian).

21 Tulegenov, T. Z., Ivanov, S. S. 2016. In: Bissembaev, A. A. (ed.). *Kadyrbayevskiye chteniya (Kadyrbayev readings).* Aktobe, 150–155 (in Russian).

18 Tulegenov, T. Z., Chekin, A. G. 2018. In *Margulanovskiye chteniya–2020 (Margulan Readings–2020)*, 355–363 (in Russian).

19 Tulegenov, T. Z., Chekïn, A. G., Jasybayev, E. A. 2020. In: Mukhtarova, G. R. (ed.). *I-Issykskiye chteniya (I-Issyk readings).* Almaty, 138–141 (in Russian).

22 Tulegenov, T. Z., Chekin, A. G., Sultaniyarova, A. Z. 2019. In *Vestnik KazNU im.al'-Farabi, Seriya istoricheskaya (Journal of History)* 4 (95), 131–138 (in Russian).

25 Umitkaliyev, U. U., Tleugabulov, D. T. 2017. In *Narody i religii Yevrazii (Peoples and religions of Eurasia)* 10 (1–2), 37–44 (in Russian).

26 Jung, Li, Choi, Seokhoon. 2018. In *Asian Archaeology*, 55–56 (in English).

About the Authors

Tulegenov Turali – Head of the Medieval Talgar City Research Department, "Esik" State Historical and Cultural Museum-Reserve, Esik, Kazakhstan.
ORCID: 0000-0002-7993-5612 E-mail: tur4ik_kz@mail.ru

Amargazieva Assel – Chief custodian, "Esik" State Historical and Cultural Museum-Reserve, Esik, Kazakhstan.
ORCID: 0000-0001-7961-3755 E-mail: klio_7@mail.ru

Авторлар туралы мәліметтер

Тулегенов Туралы Жақсылықұлы – Ортағасырлық Талғар қалашығын зерттеу және қорғау бөлімінің жетекшісі, «Есік» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығы, Есік қ, Қазақстан

Амаргазиева Әсел Жақслықбайқызы – бас қор сақтаушы, «Есік» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығы, Есік қ, Қазақстан

Сведения об авторах

Тулегенов Туралы Жаксылыкович – руководитель отдела охраны и исследования городища Талгар, Государственный историко-культурный музей-заповедник «Есік», г. Есик, Казахстан

Амаргазиева Асель Жакслыкбаевна – главный хранитель, Государственный историко-культурный музей-заповедник «Есік», г. Есик, Казахстан

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 01.04.2024.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 01.05.2024.
Авторлар жұмысқа бірдей үлес қосты. / Авторы внесли равноценный вклад в работу. / The authors have made an equal contribution to the work.

UDC 902.904 (574)
MRNTI 03.41.91
https://doi.org/10.52967/3007-6528.2024.1.288.298

Excavations of catacomb 4 of the Silbelitobe 1 necropolis in 2023

© 2024 Podushkin A., Stamkulova G.

Keywords: *Southern Kazakhstan, necropolis, catacomb, burial rite, archaeological complex, funeral set*
Түйін сөздер: *Оңтүстік Қазақстан, қорым, катакомба, жерлеу ғұрпы, археологиялық кешен, жерлеу бұйымдары*
Ключевые слова: *Южный Казахстан, некрополь, катакомба, обряд погребения, археологический комплекс, погребальный инвентарь*

A. Podushkin[1] and G. Stamkulova[1]
[1]South Kazakhstan State Pedagogical University, Shymkent, Kazakhstan
**Corresponding author*

Excavations of catacomb 4 of the Silbelitobe 1 necropolis in 2023

This publication focuses on the archaeological study of the Silbelitobe 1 necropolis. In kurgan No. 4, a unique burial of a woman was discovered within a three-part underground catacomb structure featuring a hollow, vaulted burial chamber. This archaeological complex is ethnoculturally connected to the Kangju state (1st–4th centuries CE). The underground architecture of the catacomb, constructed from dense kaolinite clays with high binding properties and plasticity, necessitated a novel excavation method. This approach avoids traditional overburden removal above the mound and catacomb structure, instead allowing complete archaeological research of the chamber through the dromos and entrance passageway. This method, applied for the first time in Kazakhstan archaeology, has proven effective both scientifically and in terms of safety, preserving the mound's integrity and the historical landscape of the necropolis. Additionally, it opens new possibilities for reconstruction and interpretation of burial rituals and catacomb construction methods — one of the most widespread burial types among the ancient ethnic groups comprising the Kangju state.
Source of funding: The article was prepared within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan 2023–2024, IRN BR18574175.
Citation: Podushkin, A., Stamkulova, G. 2024. Excavations of catacomb 4 of the Silbelitobe 1 necropolis in 2023. *Margulan readings–2024.* In 2 vol. Vol. 1. Pp. 288–298.

А.Н. Подушкин[1]*, Г.А. Стамкулова[1]
[1]Оңтүстік Қазақстан мемлекеттік педагогикалық университеті, Шымкент, Қазақстан
**корреспондент авторы*

Сілбелітөбе 1 қорымының 4-катакомбасындағы 2023 жылғы қазба жұмыстары

Мақала Сілбелітөбе 1 қорымын археологиялық зерттеуге арналған. Мұнда № 4 обадан құыс күмбезді жерлеу камерасы бар, үш бөліктен тұратын жерасты катакомбалық құрылымынан әйелдің жалғыз жерлеу орны табылды. Этномәдени тұрғыда I–IV ғасырлардағы Қаңлы мемлекетімен байланысты көрнекті археологиялық кешен анықталды. Катакомбаның (отқа төзімді каолинді, серпімді саздан жасалып, берік тұтасқан) архитектурасының ерекшелігі осы тектес нысандарда қазба жүргізу барысында камераға жету үшін обаның топырақ жамылғысын толықтай аршу секілді дәстүрлі жұмыстардан бас тартып, дромос және кіреберіс құыс арқылы археологиялық зерттеулердің толық кешенін жүргізу сынды жаңа әдістемесін қолдануға жол ашпақ. Бұл әдістеме Қазақстан археологиясында алғаш рет қолданылып отыр, қауіпсіздік шаралары сақталған жағдайда ғылыми жағынан өз тиімділігін көрсетті. Бұл жағдайда оба жамылғысы мен қорымның тарихи ландшафты бұзылмай сақталады, Қаңлы мемлекеті құрамына кірген ежелгі этностардың кең таралған жерлеу

дәстүрі – катакомбаның құрылымының салыну тәсілдері және ғұрыптармен байланысты реконструкциялық және интерпретациялық жүйенің басқа да мүмкіндіктері анықталады.
Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2024 жж. арналған бағдарламалық- нысаналы қаржыландыруы шеңберінде, ЖТН BR18574175 жобасы аясында дайындалды.
Сілтеме: Подушкин А.Н., Стамкулова Г.А. 2024. Сілбелітөбе 1 қорымының 4-катакомбасындағы 2023 жылғы қазба жұмыстары. *Марғұлан оқулары–2024.* 2 том. 1-т. 288–298-бб. (Ағылшынша).

А.Н. Подушкин[1]*, Г.А. Стамкулова[1]
[1]Южно-Казахстанский государственный педагогический университет, г. Шымкент, Казахстан
**автор-корреспондент*

Раскопки катакомбы 4 некрополя Сильбелитобе 1 в 2023 году

Публикация посвящена археологическому исследованию некрополя Сильбелитобе 1. Здесь в кургане № 4 в трёхчастном подземном катакомбном сооружении с полой сводчатой погребальной камерой открыто одиночное захоронение женщины, получен выразительный археологический комплекс, который в этнокультурном аспекте связан с государством Кангюй I–IV вв. Особенности подземной архитектуры катакомбы (выполнена в плотных с высокими связующими способностями и пластичностью каолиновых тугоплавких глинах) предопределили новую методику вскрытия таких объектов, смысл которой сводится к отказу от традиционных вскрышных работ по выемке грунта над курганом и всей конструкцией катакомбы с последующим проникновением в камеру и осуществления в ней полного комплекса археологических исследований через дромос и лаз. Подобная методика впервые применена в археологии Казахстана, она показала свою эффективность в научном плане и в контексте соблюдения техники безопасности. При этом в неприкосновенности остаётся курганная насыпь и исторический ландшафт некрополя, выявляются иные возможности реконструктивного и интерпретационного порядка, связанные с обрядностью и способами сооружения катакомб как одной из самых распространённых погребальных конструкций древних этносов, входивших в состав государства Кангюй.
Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках проекта программно-целевого финансирования КН МНВО РК 2023–2024, ИРН BR 18574175.
Цитирование: Подушкин А.Н., Стамкулова Г.А. 2024. Раскопки катакомбы 4 некрополя Сильбелитобе 1 в 2023 году. *Маргулановские чтения–2024.* В 2-х т. Т. 1. С. 288–298.

Introduction

The Silbeli tract is located 20 km east of the village of Kaskasu (Southern Kazakhstan, Turkistan Region, Tolebi District) in the mid-mountain landscape zone of the Karzhantau ridge (southern spurs of the Talas Alatau mountain range). The terrain features an altitude range from 1500 to 2200 meters above sea level. The small valley of the Silbeli tract, covering an area of about 22 sq. km, includes ridge-like elevations of the watershed between the Sayramsu and Aksu rivers to the north and the mini-ridges of the Karzhantau slopes covered with juniper forests to the south. These forests form the watershed between the Sayramsu and Silbeli rivers. The valley's character is emphasized by the Silbeli River, a right tributary of the Sayramsu River, which joins it at the exit of the latter from the eponymous mountain gorge.

In the central part of the valley, the spring-fed Kaindy stream flows into the Silbeli River. Between the two watercourses lies a ridge-like watershed, completing the overall landscape characteristics of the studied valley (fig. 1: *1*).

Statistics for the two rivers are as follows: the Silbeli River has a length of 15 km from its source in the Karzhantau mountains to its confluence with the Sayramsu River; the Kaindy stream has a length of 5 km from its source to its confluence with the Silbeli River.

During the 2023 field season, the Center for Archaeology of the South Kazakhstan State Pedagogical University continued work at the necropolis of the Silbelitobe 1 settlement. This necropolis is located 600 meters east of the Silbelitobe settlement, on the edge of a low left bank elevation of a dry ravine that joins the left bank of the Silbeli River almost at a right angle. The necropolis consists of a compact group of 16 irregularly arranged relief mounds made of loess. Most of the kurgans have circular "ditches" at their base. The average dimensions of the mounds are as follows: base diameters of 6–8, 10–12, and 14–16 meters, with heights ranging from 0.8 to 1.6 meters (fig. 1, *2*). In 2023, excavations were conducted at kurgan No. 4 (fig. 1, *2*).

Archaeological work

Kurgan № 4. The mound is of regular shape, well-profiled, with the following parameters: diameter 10–11 m, height 1.3 m, and the steepest slope facing north. Along the perimeter of the mound, a trench 1 m wide is observed, which resulted from the efforts of the builders to level the kurgan, as the slope of the ravine has a fairly significant incline (approximately 12–15 degrees; fig. 2, *1–2*). During the excavations in the northwestern sector of the mound, closer to the center of the kurgan, a classic three-part catacomb burial structure was uncovered at a depth of 2.6–3 m below the ground surface. It represents a "T"-shaped catacomb with a single-step ramped trench-type dromos.

The structure of the catacomb in Kurgan No. 4 includes:

- a narrow-trench dromos measuring 3.8 m in length, with a width of 0.4 m at the beginning and 0.9 m at the junction with the passage; a depth of 2.8 m in front of the passage, featuring a ramped slope descending toward the passage and the burial chamber (fig. 3, *1*);

- an arched passage in cross-section, measuring 0.45 m in length, 0.5 m in height, and 0.6 m in width at the base; it appears that the profile of the passage was lined with stone masonry (fig. 3, *3–4*);

- a trapezoidal hollow burial chamber with corner indentations in the southwestern and southeastern parts, measuring 2.1 × 1.6 m with a maximum height of the hemispherical vault at 0.8 m (fig. 3, *2*).

The entire structure is oriented almost perfectly in the north-south direction (fig. 5, *I*).

The catacomb in burial mound No. 4 of the Silbelitobe 1 settlement necropolis was extensively looted in ancient times. The chamber contained the remains of a single skeleton (skull, parts of the spine, ribs), scattered haphazardly across the entire floor area of the chamber (preliminary anthropological identification: a middle-aged woman). Only the tibia bones of the left leg were found in anatomical order, which allowed for the orientation of the skeleton to be determined. Additionally, along the northern wall of the burial chamber, a thick layer of burned organic fuel was observed at the floor level, upon which the skeleton rested. Burial ritual: the body was laid in an extended position on a corner bedding, with the head oriented to the east (fig. 5.II).

Characteristics of the archaeological complex

The burial inventory, sporadically scattered across the floor of the chamber, was found mainly in the area of the ribcage, pelvic bones, and near the inner end of the passage (explanation, fig. 5.II, *1–9*), it is represented by the following artifacts:

- a small fragment of pottery from a dining mug (part of the bottom and body). The mug is made of high-quality clay, hand-built, well-fired, and decorated with a reddish-brown slip with burnishing (fig. 4. III, *1*; 5.II, *1*);

- an amulet made of whitish-yellow stone (limestone), elongated in a triangular shape with a hole for suspension (fig. 4.III, *2*; 5.II, *2*);

- a round, tablet-shaped pendant made of jet with a perforated hole. One surface of the pendant is decorated with two concentric circular incised lines, at the center of which is a perfect cross, dividing it

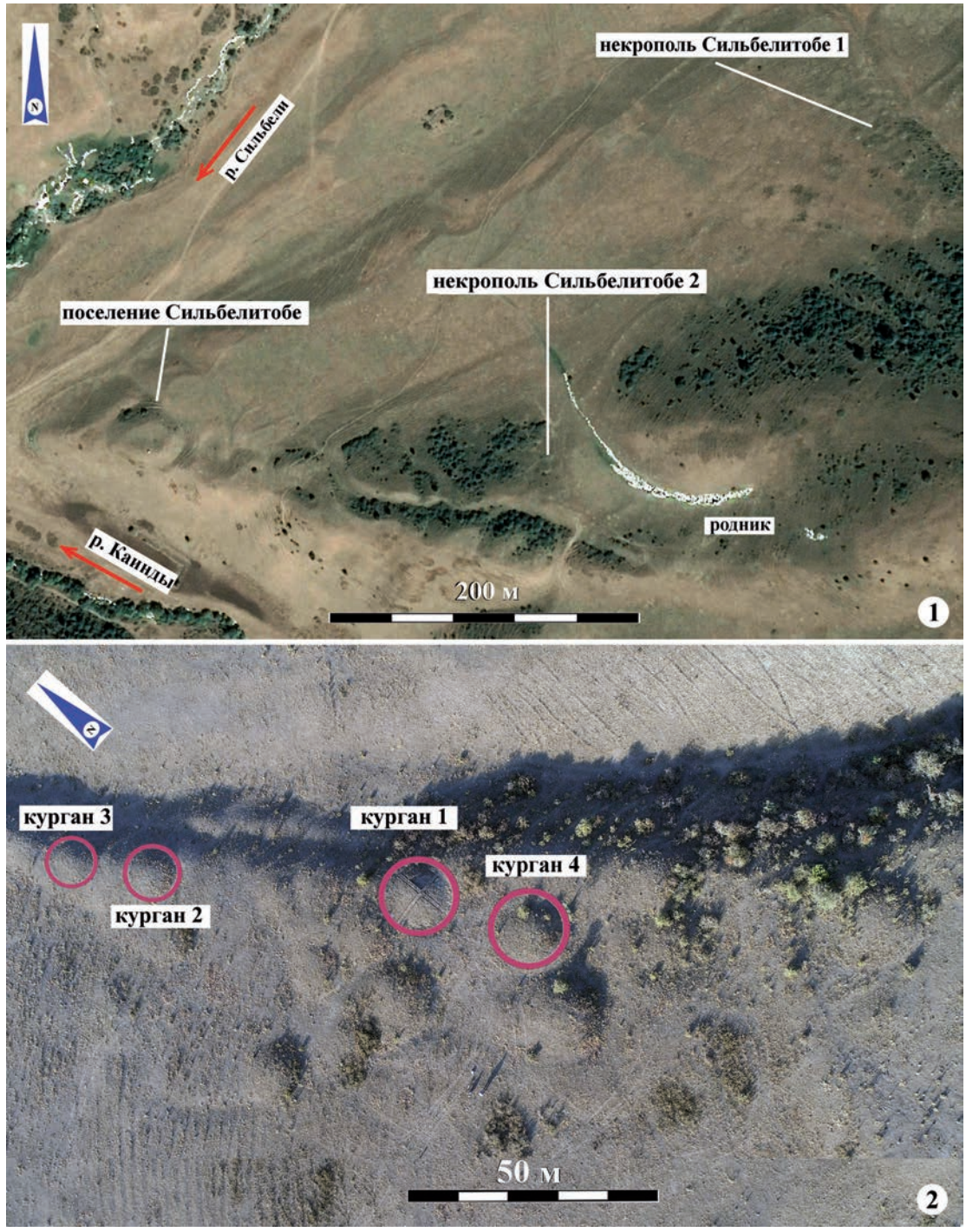


Fig. 1. Local archaeological cartography of the Silbeli tract: the Silbelitobe settlement and the planigraphy of the Silbelitobe necropolis 1 with the recording of kurgan No. 4 (top view)

1-сур. Сілбелі шатқалының жергілікті археологиялық картографиясы: Сілбелітөбе қонысы және №4 оба негізге алынған Сілбелітөбе 1 қорымының планиграфиясы (жоғарыдан қарағандағы көрініс)

Рис. 1. Локальная археологическая картография урочища Сильбели: поселение Сильбелитобе и планиграфия некрополя Сильбелитобе 1 с фиксацией кургана № 4 (вид сверху)

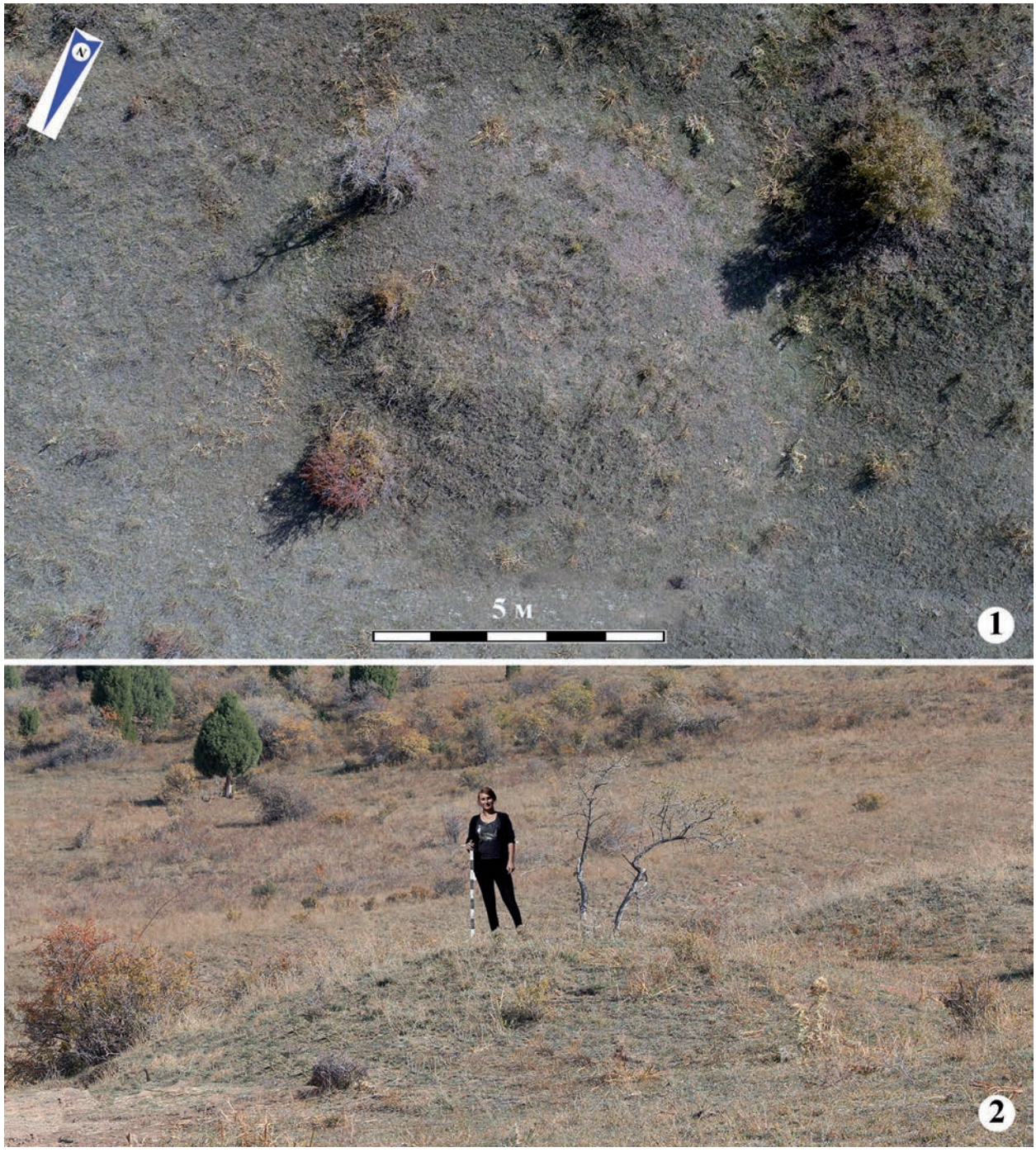


Fig. 2. Kurgan mound of catacomb 4 of the Silbelitobe 1 necropolis: *1* – top view of the kurgan mound; *2* – external view of the mound

2-сур. Сілбелітөбе 1 қорымы 4-катакомбасының оба үймесі: *1* – оба үймесінің жоғарыдан қарағандағы көрінісі; *2* – үйменің сыртқы түрі

Рис. 2. Курганная насыпь катакомбы 4 некрополя Сильбелитобе 1: *1* – вид курганной насыпи сверху; *2* – внешний вид насыпи



Fig. 3. Catacomb 4 of the Silbelitobe 1 necropolis: *1* – trench dromos and hole; *2* – burial in a hollow chamber; *3* – hole in front of the burial chamber; *4* – entrance opening with part of the burial chamber

3-сур. Сілбелітөбе 1 қорымының 4-катакомбасы: *1* – траншеялы дромос пен кіреберіс қуыс; *2* – қуыс камераға жерлеу; *3* – жерлеу камерасының алдындағы кіреберіс қуыс; *4* – жерлеу камерасының бөлігі бар кіреберіс қуыс саңылауы

Рис.3. Катакомба 4 некрополя Сильбелитобе 1: *1* – траншейный дромос и лаз; *2* – погребение в полой камере; *3* – лаз перед погребальной камерой; *4*–проём лаза с частью погребальной камеры

into four segments with round depressions inside, while the other surface also features a perfect cross, the contours of which are emphasized by double triangular incision (fig. 4.III, *3*; 5.II, *3*);

- a bronze needle-shaped ear-pick with one pointed spoon-shaped end and the other rounded end with a hole in the center (fig. 4.III, *4*; 5.II, *4*);
- a silver ring with open ends (Fig. 4.III, *5*; 5.II, *5*);
- small pieces of chalk as an element of burial ritual (fig. 4.III, *6*; 5.II, *6*);
- fragment of a bone cylindrical bead with a longitudinal hole (fig. 4.III, *7*; 5.II, *7*);
- the top part of an iron needle (fig. 4.III, *8*; 5.II, *8*);
- remains of a wooden item in the form of a round flat vessel, similar to a low bowl or a small dastarkhan (fig. 5.II, *9*).

Analogies, historical-cultural, and chronological interpretations

As argued historical-cultural and chronological indicators in the archaeological complex of the catacomb 4 of the Silbelitobe 1 necropolis, the following artifacts are presented:

- a fragment of pottery from a hand-made dining pitcher with traces of decoration in the form of red-brown slip and burnishing. Similar decorative techniques are known on vessels of this type at the Silbelitobe settlement [Подушкин и др. 2022: 93, рис. 6, 9.11] and the pottery of the Arys culture of Southern Kazakhstan from the 1st centuries CE [Подушкин 2000: 109–111];

- a stone amulet-pendant in the shape of a triangle with a hole for hanging. Such amulets, as protective charms against “evil” forces and guarantors of health, were practiced in the Sarmato-Kangju ethnic-cultural milieu during the first centuries BCE – first centuries CE [direct analogy: Скрипкин 1990: 88, рис. 32, *26*]. An amulet pendant of similar shape made of colored glass, part of a composite necklace, was

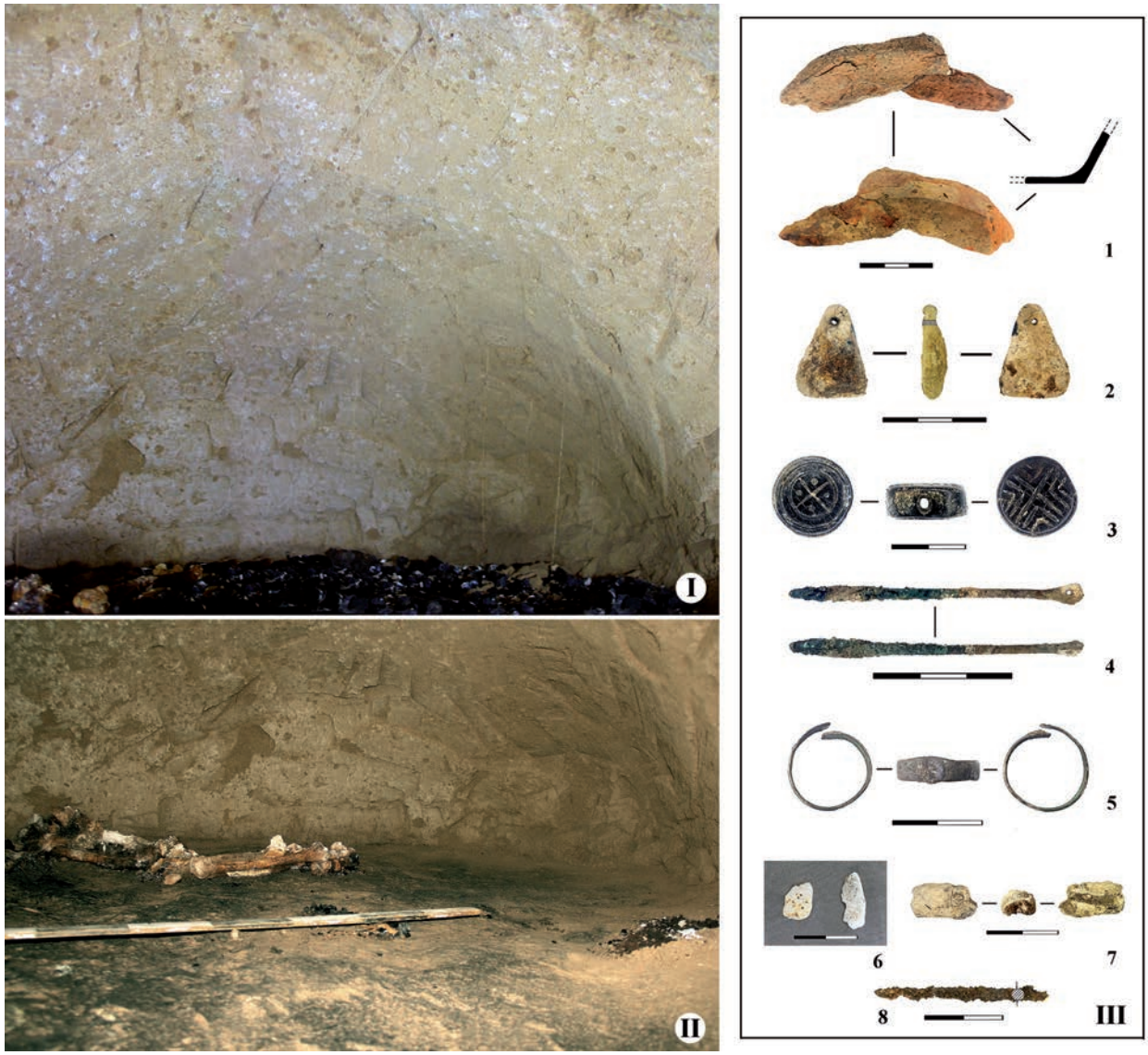


Fig. 4. Internal view of the chamber in catacomb 4 of the Silbelitobe 1 necropolis:
I–II – walls and part of the vault with traces of tools; *III.1–8* – archaeological complex of catacomb 4 of the Silbelitobe 1 necropolis

4-сур. Сілбелітөбе 1 қорымының 4-катакомбасындағы камераның ішкі көрінісі:
I–II – еңбек құралдарының іздері бар қабырғалары мен күмбез бөлігі; *III.1–8* – Сілбелітөбе 1 қорымының 4-катакомбасының археологиялық кешені

Рис. 4. Внутренний вид камеры в катакомбе 4 некрополя Сильбелитобе 1:
I–II – стенки и часть свода со следами инструментов; *III.1–8* – археологический комплекс катакомбы 4 некрополя Сильбелитобе 1

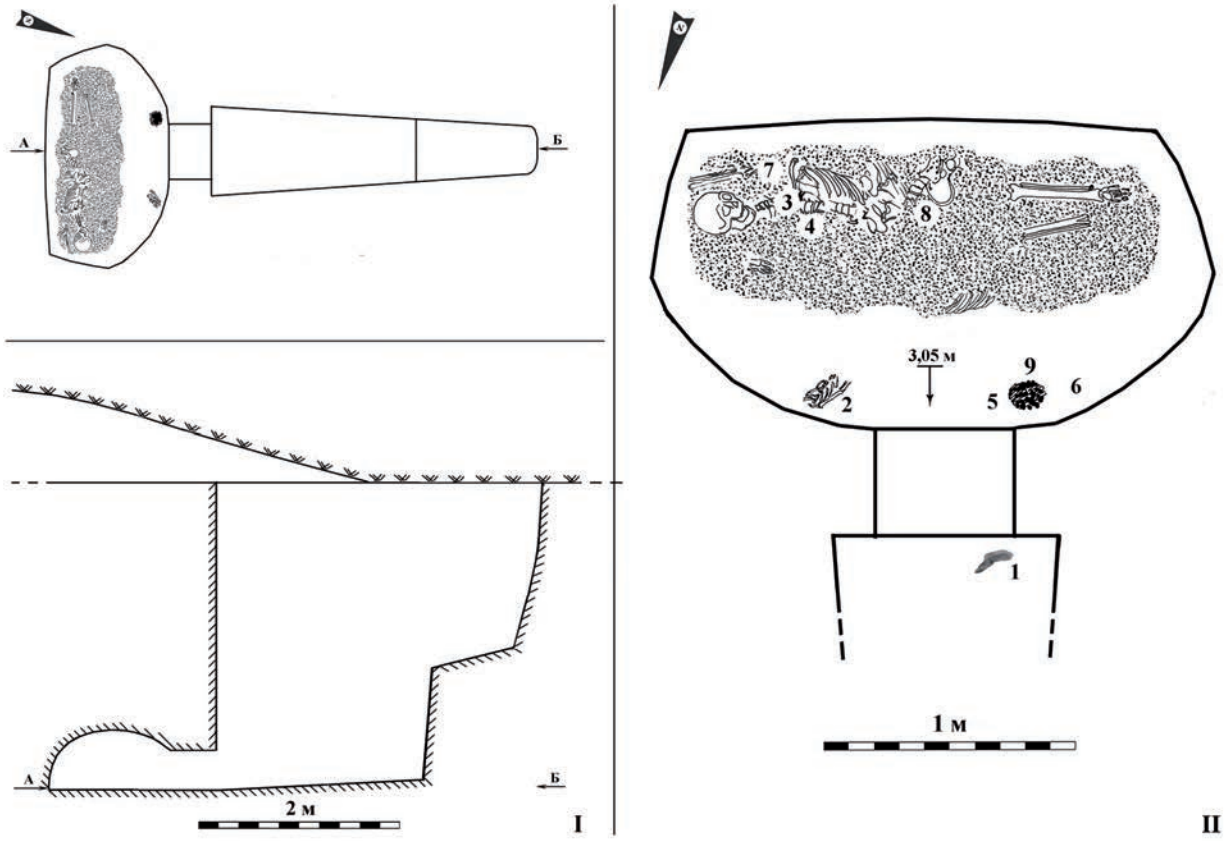


Fig. 5. Catacomb 4 of the Silbelitobe 1 necropolis: *I* – plan, section of the burial structure;
II – burial, ritual and explication of grave goods

5-сур. Сілбелітөбе 1 қорымының 4-катакомбасы: *I* – жерлеу құрылысының жоспары, қимасы;
II – жерлеу орны, рәсімі және құралдардың экспликациясы

Рис. 5. Катакомба 4 некрополя Сильбелитобе 1: *I* – план, разрез погребального сооружения;
II – погребение, обряд и экспликация инвентаря

found in the catacomb of tomb 12 at the Kylishzhar burial site from the Kangju period (1st–3rd centuries AD) [Подушкин, Донец 2021: рис. 9, *8*], It is also found in the materials from the Valovoy 1 burial site on the Lower Don (kurgan No. 33, burial 1), which is dated to the Late Sarmatian period [Беспалый и др. 2007: 77–79, табл. 88, *e*] and other burial sites of Asian Sarmatia [Скрипкин 1990: 77, рис. 25, 89–90; 82, рис. 27, 53];

- a round pendant made of jet with a through hole at the end and solar motifs on both surfaces. Direct analogies to this artifact, especially in terms of solar decoration, have not been found. However, similar items, especially made of jet and other materials (carnelian, bone), are fairly common in the burial sites of Sarmatian tribes across Eurasia from the first centuries CE [Скрипкин 1990: 86, рис. 30, *60*];

- a bronze ear pick. A similar item in shape and function was found in the burial materials of grave 43 at the Konyrtobe necropolis in the Otrar Oasis, dating to the 3rd–5th centuries CE [Байпаков и др. 2005: 23, рис. 1–26, *2, 3*].

An indirect ethno-chronological indicator can be considered the presence of pieces of chalk on the floor of the chamber of catacomb 4 at the Silbelitobe 1 necropolis as part of the ritual. This practice was

widespread among the Sarmatians of Eurasia in the early centuries BCE – early centuries CE and symbolized the process of the sacred "cleansing" of the interior and walls of the burial chamber [Медведев 2008: 55; Мошкова 1989: 179].

In general, the archaeological complex of catacomb 4 at the Silbelitobe 1 necropolis, left by the inhabitants of the Silbelitobe settlement, can be dated within a broad range of the 1st–3rd, possibly 4th centuries, based on the provided analogies. In the ethno-state context, it can be associated with the state of Kangju.

The issues of techniques and methodologies of archaeological work on catacomb burial sites

It should be noted that the Archaeology Center of the South Kazakhstan State Pedagogical University had previously conducted research at the Silbelitobe 1 settlement necropolis. Specifically, catacombs 1, 2, and 3 were excavated, which had been severely looted in antiquity – during the work, it was only possible to document the catacomb underground structures and the burial ritual [Подушкин, Донец и др. 2022: 98–100]. Due to this, the burial inventory and even skeletal remains were virtually absent, with the exception of a group of ceramic vessels at the beginning of the dromos of catacomb 3 [Подушкин, Донец и др. 2022: 98, рис. 10, *2–3*], this is a rarity for the catacombs of Southern Kazakhstan during the period of the Kangju state (2nd century BCE – 4th century CE).

The traditional methodology for uncovering catacomb burial structures was practiced, meaning the systematic removal of the burial mound using both mechanical techniques and manual labor to clear the soil over all the elements of the catacomb (dromos, passage, burial chamber) down to a significant depth (up to 4–5 meters from the surface level). This labor-intensive process is particularly difficult when it involves hard and extremely hard soils. Furthermore, as a consequence of large-scale earth removal, the historical landscape suffers, and it is impossible to restore it to its original state even after the filling of the uncovered areas and the reconstruction of the burial mound.

The team at the Archaeology Center encountered this challenge when studying the catacombs of the Silbelitobe 1 necropolis. It turned out that at a depth of about 0.7–0.9 meters across most of the Silbeli area, there are so-called kaolin-rich refractory clays (white or grayish in color) of significant thickness. These clays are characterized by high binding capacity, plasticity, and hardness (official conclusion from the management of "ONIKS-R," "Geology and Exploration of Mineral Deposits" by E.G. Unyaev). This factor is crucial for ensuring safety during archaeological excavations of hollow underground burial structures, such as catacombs, as it entirely eliminates the risk of collapse.

This circumstance predetermined a new approach to the methodology of archaeological research of the catacomb burials at the Silbelitobe 1 necropolis, which is summarized as follows: the abandonment of large-scale excavation work to remove the soil above the burial mound and the entire catacomb structure. Instead, access to the burial chamber and the full range of research were carried out using the method practiced by the ancient builders of the catacomb (and later by the tomb robbers), that is, through the dromos and the passage. At the same time, the burial mound and the historical landscape of the necropolis itself remained untouched, and the scope of work was limited only to the soil extracted from the narrow trench dromos (which significantly eased the subsequent reconstruction activities related to filling the dromos). The vaulted burial chamber (even after all the manipulations associated with the burial ritual and subsequent looting) typically remained completely hollow (as demonstrated by the excavations of catacomb 4 at the Silbelitobe 1 necropolis; fig. 3, *2*; 5).

This circumstance also opened up other possibilities for researchers regarding reconstructive conclusions related to the creation of such an underground structure as a catacomb. For example, on the walls of the hollow burial chamber of catacomb 4 at the Silbelitobe 1 necropolis (even after their filling), the traces of tools used to excavate the soil and form the underground cavity of the chamber are clearly

visible due to the density of the soil (fig. 4, *I–II*): These were at least three metal tools with sharp, straight blades of varying lengths (from 28 to 10 cm), which likely had short handles and presumably resembled small spades or so-called "shots." Based on this "soil" tracology, the catacomb — as a relatively labor-intensive structure (fig. 4–6; table 1) — was created by at least three underground craftsmen, working sequentially, as only one person could be in the confined space at a time.

Conclusion

As a conclusion regarding the advantages of using the new methodology for archaeological research of the catacombs of the Silbelitobe 1 necropolis, the following points can be noted:

- For safety reasons, this methodology can only be practiced in catacombs built in soils characterized by high binding properties, plasticity, and hardness, which exclude the risk of collapses in case of force majeure situations.

- Minimal labor and subsequent reconstruction costs for researching the catacombs.

- Preservation of the historical landscape in almost unchanged form.

- Additional practical and scientific opportunities for reconstructing burial rituals and identifying the structural features of such a complex underground structure as a catacomb.

Regarding the last point, it is worth noting the extraordinary fact of the residents of the Silbelitobe settlement cultivating catacombs as a key burial structure, which is extremely difficult to create in the highly solid soils of the Karzhantau mountain zone. For this reason, and due to the labor-intensive nature of the work, these catacombs, unlike the loess catacombs of the middle reaches of the Arys River, are located at a relatively shallow depth (about 2.5–3 meters) in contrast to loess catacombs, which are situated at depths of 3.8 to 6 meters [Подушкин 2012: 448–496]. This may indicate deeply rooted conservative traditions in burial rites and underground architecture that were characteristic of the population in the state of Kangju.

Thus, the first experience of using the new methodology for archaeological research of catacomb burial structures in Southern Kazakhstan can be considered successful, as evidenced by the results of excavations of catacomb 4 of the Silbelitobe 1 necropolis.

ӘДЕБИЕТ

1 *Байпаков К.М, Смагулов Е.А., Ержигитова А.А.* Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. Алматы: БАУР, 2005. 236 с.

2 *Беспалый Е.И., Беспалая Н.Е., Раев Б.А.* Древнее население Нижнего Дона. Курганный могильник «Валовый 1» (Материалы и исследования по археологии Юга России, № 2). Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2007. 186 с.

3 *Медведев А.П.* Сарматы в верховьях Танаиса. М.: Таус, 2008. 252 с.

4 *Мошкова М.Г.* Среднесарматская культура // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. А.И. Мелюкова. М.: Наука, 1989. С. 177–191.

5 *Подушкин А.Н.* Арысская культура Южного Казахстана IV в. до н.э. – VI в. н.э. Туркестан: Изд. центр МКТУ им. Х.А. Яссави, 2000. 201 с.

6 *Подушкин А.Н.* Катакомбы арысской культуры Южного Казахстана: коллективные погребения могильников Культобе и Кылышжар (II в. до н.э. – III в. н.э.) // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. М-лы междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения М.П. Грязнова / Ред.: В.А. Алёкшин и др. Кн. 2. СПб.: ИИМК РАН, 2012. С. 488–496.

7 *Подушкин А.Н., Донец А.Г.* Раскопки городища Культобе Арысского и могильника Кылышжар в Южном Казахстане // Stratum plus. 2021. № 4. С. 333–346.

8 *Подушкин А.Н., Донец А.Г., Асадчева Е.М., Кесман А.В.* Итоги полевых археологических исследований в урочище Сильбели (по материалам работ 2020–2021 гг.) // Маргулановские чтения-2022 / Гл. ред. Онгар А., отв. ред. Т.Б. Мамиров. Алматы: ИА КН МОН РК, 2022. С. 88–100.

9 *Скрипкин А.С.* Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и её исторический аспект. Саратов: Саратовский ун-т, 1990. 300 с.

REFERENCES

1 Baipakov, K. M, Smagulov, Ye. A., Yerzhigitova, A. A. 2005. *Rannesrednevekovyye nekropoli Yuzhnogo Kazakhstana (Early Medieval necropolises of Southern Kazakhstan).* Almaty: "BAUR" Publ. (in Russian).

2 Bespalyi, Ye. I., Bespalaya, N. Ye., Rayev, B. A. 2007. *Drevneye naseleniye Nizhnego Dona. Kurgannyi mogilnik «Valovyy 1» (The ancient population of the Lower Don. Kurgan burial ground "Valovyy 1").* Rostov-on-Don: Southern Scientific Center of the RAS (in Russian).

3 Medvedev, A. P. 2008. *Sarmaty v verkhov'yakh Tanaisa (Sarmatians in the upper reaches of the Tanais).* Moscow: "TAUS" Publ. (in Russian).

4 Moshkova, M. G. 1989. In: Melyukova, A. I. (ed.). *Arkheologiya SSSR. Stepiy evropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya (Archaeology of the USSR. Steppes of the European part of the USSR in the Scythian-Sarmatian period)*. Moscow: "Nauka" Publ., 177–191 (in Russian).

5 Podushkin, A. N. 2000. *Arysskaya kultura Yuzhnogo Kazakhstana IV v. do n.e. – VI v. n.e.* (*Arys culture of Southern Kazakhstan 4th century BCE – 6th CE*). Turkistan: Yassawi University (in Russian).

6 Podushkin, A. N. 2012. In: Alyokshin, V. A. et al. (eds.). *Kultury stepnoy Yevrazii i ikh vzaimodeystviye s drevnimi tsivilizatsiyami (Cultures of steppe Eurasia and their interaction with ancient civilizations).* St. Petersburg: Institute for the History of Material Culture, 488–496 (in Russian).

7 Podushkin, A. N., Donets, A. G. 2021. In *Stratum plus* 4, 333–346 (in Russian).

8 Podushkin, A. N., Donets, A. G. Asadcheva, Ye. M. Kesman, A. V. 2022. In: Ongar, A., Mamirov, T. B. (eds.). *Margulanovskiye chteniya–2022 (Margulan readings–2022*). Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 88–100 (in Russian).

9 Skripkin, A. S. 1990. *Aziatskaya Sarmatiya. Problemy khronologii i yee istoricheskiy aspect (Asian Sarmatia. Problems of chronology and its historical aspect).* Saratov: Saratov University (in Russian).

About the Authors

Podushkin Alexander – Doctor of Historical Sciences, Professor, Center for Archaeology, Zhanibekov University, Shymkent, Kazakhstan. ORCID: 0000-0003-1603-1373 E-mail: p_a_n_alex@mal.ru

Stamkulova Gulmira – researcher, Center for Archaeology, Zhanibekov University, Shymkent, Kazakhstan. ORCID: 0000-0003-0031-2971 E-mail: gulmira.stamkulova.97@mail.ru

Авторлар туралы мәліметтер

Подушкин Александр Николаевич – тарих ғылымдарының докторы, профессор, Өзбекәлі Жәнібеков атындағы Оңтүстік Қазақстан мемлекеттік педагогикалық университетінің Археология орталығы, Шымкент қ., Қазақстан

Стамкулова Гүлмира Абдукаримқызы – ғылыми қызметкер, Өзбекәлі Жәнібеков атындағы Оңтүстік Қазақстан мемлекеттік педагогикалық университетінің Археология орталығы, Шымкент қ., Қазақстан

Сведения об авторах

Подушкин Александр Николаевич – доктор исторических наук, профессор, Центр археологии Южно-Казахстанского государственного педагогического университета имени У. Жанибекова, г. Шымкент, Казахстан

Стамкулова Гулмира Абдукаримовна – научный сотрудник, Центр археологии Южно-Казахстанского государственного педагогического университета имени У. Жанибекова, г. Шымкент, Казахстан

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 06.02.2024.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 06.03.2024.
Авторлар жұмысқа бірдей үлес қосты. / Авторы внесли равноценный вклад в работу.
/ The authors have made an equal contribution to the work.

УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03.41.01
https://doi.org/10.52967/3007-6528.2024.1.299.321

Археологические исследования на городище Бабиш мола 1 в 2023 году

© 2024 г. Курманкулов Ж., Болелов С.Б., Утубаев Ж.Р.

Keywords: *Chirikrabat culture, ancient settlement, palace and temple complex, economic zone, pottery, firing kiln, ceramic complex*
Түйін сөздер: *Шірікрабат мәдениеті, қала, сарай-ғибадатхана кешені, шаруашылық аймағы, қыш өндірісі, қыш күйдіретін пеш, керамика кешені*
Ключевые слова: *Ширикрабатская культура, городище, дворцово-храмовый комплекс, хозяйственная зона, гончарное производство, обжигательный горн, керамический комплекс*

Z. Kurmankulov[1], S. Bolelov[2] and Z. Utubayev[1]*
[1]Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan
[2]The State Museum of Oriental Art, Moscow, Russia
**Corresponding author*

Archaeological research at the site of Babish Mola 1 in 2023

The article presents the results of archaeological research conducted by the Chirikrabat Archaeological Expedition of the Margulan Institute of Archaeology at the Babish Mola 1 site in the southern part of the ancient Syr Darya delta. The primary work was concentrated in the fortified area of the site. Research continued on the monumental palace-temple complex known as the “Big House” on the site’s citadel, with excavations focusing on the northwestern part of the complex. As a result, several previously unexplored rooms were uncovered. The dimensions of the central, possibly ceremonial hall, which served as the architectural dominant of the western part of the complex, were fully determined. Additionally, this season, excavations continued in the “shakhristan” area in the southeastern part of the site. Here, a section of an economic zone adjacent to small, possibly residential, semi-dugouts had previously been discovered. In 2023, remnants of two ceramic firing kilns located within the economic zone of the fortified part of the site were uncovered at this location.
Source of funding: The work was carried out within the framework of the program of fundamental scientific research of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2023–2025, IRN BR20280993.
Citation: Kurmankulov, Z., Bolelov, S., Utubayev, Z. 2024. Archaeological research at the site of Babish Mola 1 in 2023. *Margulan readings–2024.* In 2 vol. Vol. 1. Pp. 299–321 (in Russian).

Ж. Құрманқұлов[1], С.Б. Болелов[2], Ж.Р. Утубаев[1]*
[1]Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан
[2]Шығыс халықтарының Мемлекеттік өнер музейі, Мәскеу қ., Рессей
**корреспондент авторы*

Бәбіш мола қаласындағы 2023 жылғы археологиялық зерттеулер

Мақалада Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты Шірікрабат археологиялық экспедициясының Сырдарияның төменгі ағысындағы Бәбіш мола 1 қаласының оңтүстік бөлігіндегі зерттеулердің нәтижелері жарияланды. Негізгі жұмыстар қаланың бекіністі аумағына бағытталды. Зерттеулер қаланың цитадель бөлігіндегі «үлкен үй» монументалды сарай-ғибадатхана кешенінде, солтүстік-батыс бөлігінде жалғастырылды. Нәтижесінде бірнеше құрылыс орындары ашылды; кешеннің батыс бөлігінің архитектурасының негізі болған, салтанатты зал болуы мүмкін орталықтың өлшемдері толығымен анықталды. Сонымен қатар, қаланың оңтүстік-шығыс бөлігіндегі «шахристан» аумағында қазба жұмыстары өз жалғасын тапты. Бұған дейін мұндағы шағын жартылай жертөлелерге жапсарлас орналасқан шаруашылық аймақтар ашылған болатын. 2023 жылғы

далалық маусымда қаланың бекініс бөлігінде орналасқан осы нысанда қыш күйдіруге арналған екі пеш орны анықталды.
Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2025 жж. арналған іргелі ғылыми зерттеулер бағдарламасы шеңберінде, ЖТН BR20280993 жобасы аясында дайындалды.
Сілтеме: Құрманқұлов Ж., Болелов С.Б., Утубаев Ж.Р. 2024. Бәбіш мола қаласындағы 2023 жылғы археологиялық зерттеулер. *Марғұлан оқулары–2024.* 2 том. 1-т. 299–321-бб. (Орысша).

Ж. Курманкулов[1], С.Б. Болелов[2], Ж.Р. Утубаев[1]*
[1]Институт археологии имени А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан
[2]Государственный Музей искусств народов Востока, г. Москва, Россия
**автор-корреспондент*

Археологические исследования на городище Бабиш мола 1 в 2023 году

В статье публикуются результаты археологических изысканий Ширикрабатской археологической экспедиции Института археологии имени А.Х. Маргулана на городище Бабиш мола 1, расположенного в южной части древней дельты р. Сырдарьи. Основные работы были сосредоточены на территории укреплённой части городища. Продолжены исследования монументального дворцово-храмового комплекса «Большой дом» на цитадели памятника, в его северо-западной части. В результате открыто несколько помещений; установлены размеры центрального, возможно, церемониального зала, являвшегося архитектурной доминантой западной части комплекса. Также продолжены раскопки на участке с «шахристаном» – в юго-восточной части городища. Здесь ранее был открыт участок хозяйственной зоны, примыкавшей к небольшим, возможно, жилым полуземлянкам. В полевом сезоне 2023 г. на этом объекте обнаружены остатки двух обжигательных керамических горнов, располагавшихся в укреплённой части городища.
Источник финансирования: Работа выполнена в рамках программы фундаментальных научных исследований Комитета науки МНВО РК на 2023–2025 гг., ИРН BR20280993.
Цитирование: Курманкулов Ж., Болелов С.Б., Утубаев Ж.Р. 2024. Археологические исследования на городище Бабиш мола 1 в 2023 году. *Маргулановские чтения–2024.* В 2-х т. Т. 1. С. 299–321.

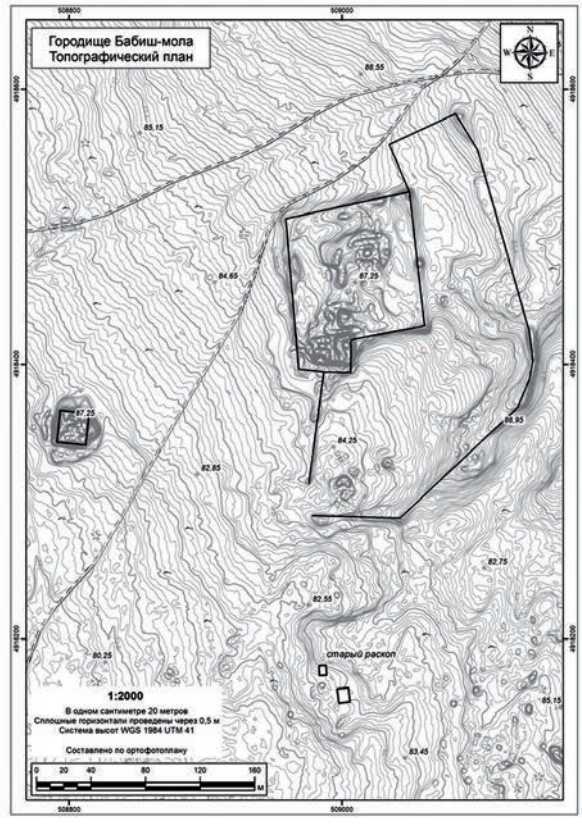
Введение

Городище Бабиш мола 1, раскопки на котором начаты Хорезмской археолого-этнографической экспедицией в 1960 г. [Толстов 1962: 154–162] являлось центром крупного земледельческого оазиса, расположенного к северу от основного изгиба дельтового русла Жаныдарьи. Орошаемая площадь оазиса по различным оценкам составляла более 10 000 га [Андрианов 1969: 199]. Бабиш мола 1 – крупное городище неправильных очертаний, окружённое крепостной стеной (толщиной 5,3 м), возведённой из сырцового кирпича на пахсовом цоколе, фланкированной полукруглыми башнями. В пределах оборонительных стен в современном рельефе слабо прослеживаются контуры жилой застройки. В северной части городища расположена квадратная в плане цитадель 100 × 100 м, обнесённая оборонительной стеной с полукруглыми башнями. В стене и башнях прослеживаются следы бойниц, расположенных веерообразно. Въезд на цитадель, укреплённый двумя полукруглыми в плане массивными пилонами, находился с южной стороны. Он был защищён мощным предвратным сооружением, стены которого сохранились на высоту 4–5 м. В центре цитадели расположено квадратное в плане (44 × 44 м) монументальное здание – «Большой дом» (рис. 1).

По результатам археологических исследований, которые были возобновлены на памятнике и его округе уже в начале нынешнего века, есть достаточно весомые основания полагать, что городище Бабиш мола 1 – это памятник городского типа, являвшийся центром земледельческого оазиса. Это укреплённое городище с цитаделью, примыкающей к нему земледельческой округой, на территории которой выявлены следы ремесленного производства. В 5 км от укреплённой части



А



Б

Рис. 1. Городище Бабиш мола 1: А – аэрофото, нач. 1960-х гг. Фото: Ж. Утубаев;
Б – топоплан. Исполнитель: Е. Казизов
1- сур. Бәбіш мола 1 қаласы: А – аэрофото, 1960-шы жж. басы. Фотосурет: Ж. Утубаевтікі;
Б – топографиялық жоспар. Орындаған: Е. Казизов
Fig. 1. Babish Mola 1 settlement: A – aerial photo, early 1960s. Photo: Z. Utubayev;
Б – topographic plan. Performer: Y. Kazizov

городища расположено ремесленное гончарное поселение Бабиш мола 7 [Болелов, Утубаев 2017: 20–31]. Анализ всего корпуса археологических материалов, полученных за время работ Хорезмской и Ширикрабатской экспедиций на территории нижнего и среднего течения Жаныдарьи, где достаточно отчётливо прослеживается иерархия различных по социально-экономическому статусу поселений, даёт основание предполагать, что Бабиш мола 1 являлся столичным, возможно, административным и центром формировавшего во 2-й пол. I тыс. до н.э. на территории Юго-Восточного Приаралья раннего государственного образования [Курманкулов и др. 2021: 255].

В 1960–1961 гг. в результате работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции полностью раскопан мавзолей Бабиш мола 2, входной комплекс на цитадели городища – «Донжон» и восточная часть «Большого дома» на цитадели. Тогда же С.П. Толстов высказал предположение, что это дворец, который в начале не был достроен, затем его ранние постройки забутованы и на этом основании построено новое здание [Толстов 1962: 163]. По мнению Б.И. Вайнберг, Бабиш мола 1 – это резиденция сатрапа Ахеменидской державы, который правил областью, населённой «Саками за Согдом» [Вайнберг, Левина 1993: 32–33; Вайнберг 1999: 178–179]. В начале XXI в. в низовьях Сырдарьи Ширик Рабатской археологической экспедицией под руководством Ж. Курманкулова после более чем полувекового перерыва возобновлены исследования памятников Ширикрабатской археологической культуры. Одной из основных задач этих работ стало изучение ранних процессов урбанизации, происходивших на территории Юго-Восточного Приаралья во 2-й пол. I тыс. до н.э. Одним из основных объектов этих исследований стало городище Бабиш мола 1, работы на котором начаты в 2018 г. В результате проведённых изысканий, которые далеко не завершены, некоторые выводы, сделанные ранее нашими предшественниками, не получили подтверждения, а некоторые – значительно скорректированы. Основной задачей, которую предполагается решить в процессе исследования городища Бабиш мола 1, это определение характерных особенностей поселения городского типа эпохи античности в низовьях р. Сырдарьи, которое, как сейчас становится ясным, значительно отличается от городов южных, в значительной степени, урбанизированных областей Средней Азии, таких как Согд или Бактрия. Кроме того, одной из основных задач, стоящих перед экспедицией, является полное вскрытие нераскопанной западной части «Большого дома» на цитадели городища и полная фиксация первоначального плана здания. Сейчас уже не вызывает сомнения, что оно изначально планировалось и строилось как монументальный дворцово-храмовый комплекс [Болелов, Утубаев 2019: 67–89], который по своим размерам не имеет аналогов на территории Юго-Восточного Приаралья. Конечной целью наших исследований является гипотетическая реконструкция социально-экономической структуры оазиса, центром которого было городище Бабиш мола 1.

Материалы и методы исследования

Археологические изыскания на городище Бабиш мола 1 продолжены в августе 2023 г. Работы проводились на двух объектах на территории городища – «Большой Дом» и «Шахристан». Вскрытие проводилось по квадратам размерами 4 × 4 м, между которыми оставлялись бровки шириной 30–40 см. Вскрытие производилось послойно, учитывая в каждом конкретном случае специфику объекта. Так, например, в северо-западной части «Большого Дома», как это было установлено в предыдущие сезоны раскопок, заполнение помещений практически целиком состоит из плотного кирпичного завала с глинистыми натёками. Мощность этих напластований, особенно в северной части, составляет немногим менее 2 м. По этой причине слой завала рассматривается как единый культурный слой, соответствующий периоду окончательного запустения и разрушения здания. На территории «Шахристана», напротив, культурный слой почти полностью смыт и развеян. На некоторых участках сразу же после снятия слоя плотного слоистого суглинка (такыр) обнажается поверхность материка, но на участке раскопа, который также был разбит на квадраты, выявлено

большое количество ям, вырубленных в материковом слое. Заполнение каждой ямы, которая получала отдельный номер с индексом квадрата, выбиралось отдельно. Соответственно также отдельно и сортировался и немногочисленный материал из ям. Кроме того, выделялся и археологический комплекс, полученный из незначительного культурного слоя, перекрывавшего на отдельных участках материковые ямы. Раскопки на этих двух объектах продолжались немногим менее месяца.

«Большой Дом»

В 2023 г. основные работы на объекте велись в северо-западном секторе дворцового комплекса, который ещё во время раскопок Хорезмской экспедиции, в конце 1950-х гг. назван «Большим Домом»[1]. В предыдущие полевые сезоны частично было открыто несколько помещений и северо-западный отрезок обводного коридора (рис. 1). В августе 2023 г. вскрыт участок планировки здания площадью немногим более 70 кв. м к востоку от уже раскопанных помещений (рис. 2–3). Глубина вскрытия на разных участках раскопа колеблется от 0,5–0,6 до 1,7–1,8 м. В результате проведённых исследований полностью вскрыто помещение № 1 и северо-восточная часть помещения № 2. Кроме того, частично открыта западная часть помещения № 5. Таким образом, полностью удалось определить размеры помещения № 1 – 8,4 × 3,3–3,5 м, а также ширину помещения № 2 по линии З–В – 8,4–8,5 м. Ранее уже была определена ширина помещения по линии Ю–С – 6,6–6,7 м. Таким образом, площадь помещения № 2, которое, вне всякого сомнения, было центральным в западной части комплекса, была не менее 55–56 кв. м. В юго-восточном углу помещения № 1, в восточной стене, расчищен проход шириной 0,7 м, который соединял это помещение с помещением № 5 шириной 3,2 м (рис. 2; 3, *Б*). Судя по всему, помещение № 5, так же как и пом. № 1, было прямоугольным и ориентировано по линии З–В с небольшим отклонением. Таким образом, можно предполагать, что центральный зал (пом. № 2), во всяком случае, с северной стороны, был окружён анфиладой небольших прямоугольных помещений, соединявшихся проходами.

В ходе раскопок, в северной части здания, выявлена такая же стратиграфическая ситуация, которая ранее была зафиксирована на остальной пощади раскопа в северо-западном секторе комплекса. Ранее по стратиграфическим данным было выявлено три периода в жизни памятника, причем, как установлено, дворцово-храмовым комплексом он являлся только в первый период своего существования, когда были возведены капитальные стены из форматного прямоугольного и квадратного сырцового кирпича [Утубаев, Болелов 2023: 18–19].

Уровень пола, относящийся к первому периоду жизни здания, зафиксирован на отметках -206 – -212 от реперной точки[2]. Непосредственно на уровне пола залегает слой очень плотного кирпичного завала, мощность которого на отдельных участках достигает 1,60–1,50 м. Сколь-нибудь значимых следов культурного слоя на уровне пола не зафиксировано. В помещении № 2, на расстоянии 8,5 м от западной стены помещения, непосредственно на уровне пола чётко фиксируются следы восточной стены помещения, которая, по всей видимости, была практически полностью срублена ещё в древности. На уровне пола хорошо прослеживаются следы лёссово-саманной штукатурки толщиной не менее 5–6 см. Кроме того, у северной стены помещения частично сохранились остатки нескольких сырцовых кирпичей нижнего ряда (рис. 3, *А, Б*). Стена шириной 1,1 м сложена из квадратных и прямоугольных сырцовых кирпичей (52 × 35–37 × 12 см; 42 × 44 × 10–12 см), которые не очень чётко, но, всё же, прослеживаются в южной бровке раскопа (рис. 5, *I*). К востоку от срубленной восточной стены помещения № 2 открыта западная часть, точнее северо-западный

[1] Раскопки на памятнике проводились в 1958–1960 гг. отрядом Хорезмской археолого-этнографической экспедиции под общим руководством С.П. Толстова. Начальник Бабиш-молинского отряда М.Г. Воробьева.

[2] Репер ещё в 2019 г. был установлен на верхние точки северо-западной башни здания.

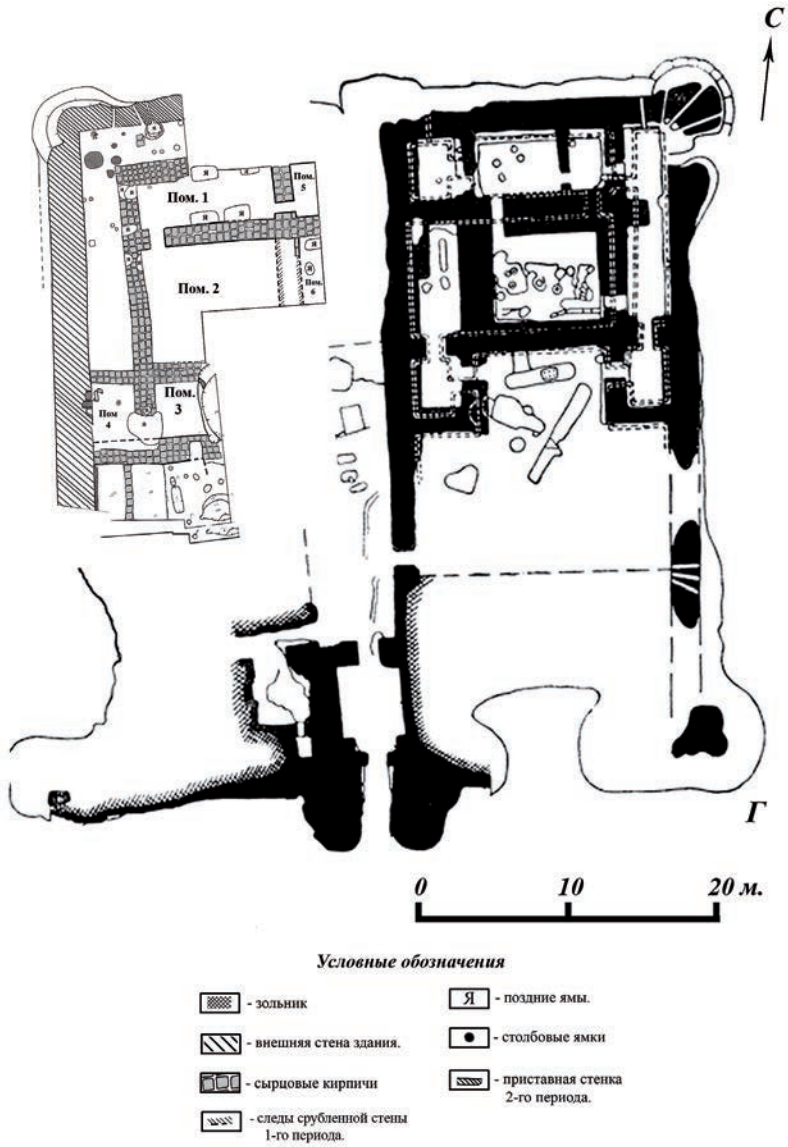
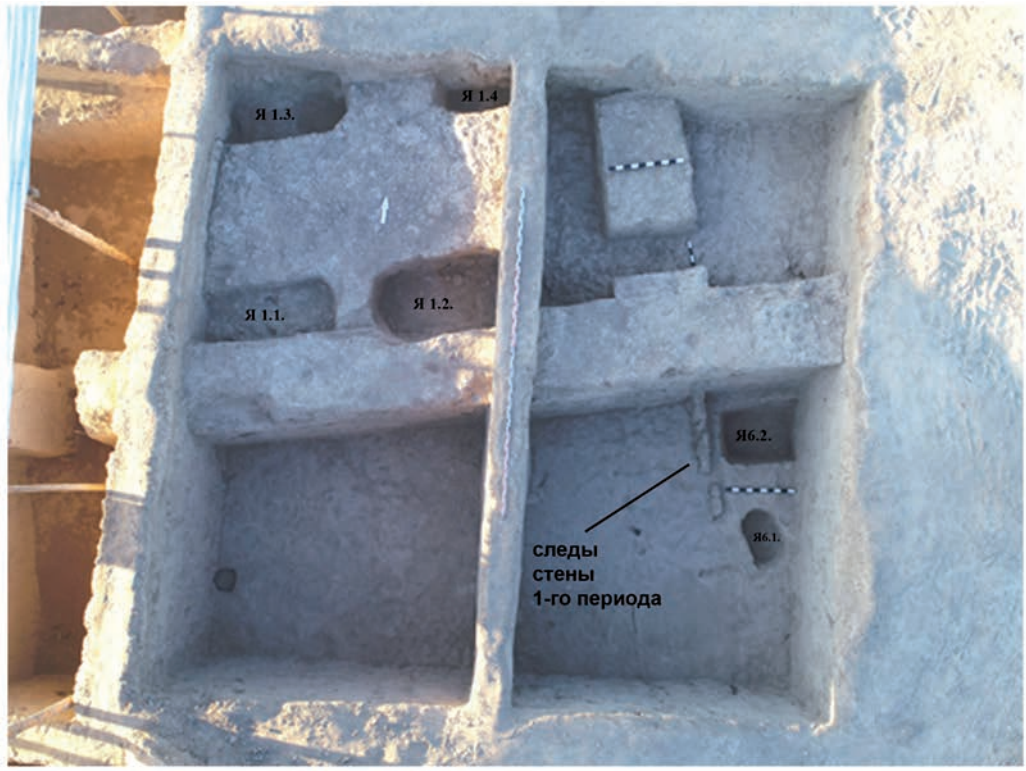


Рис. 2. Городище Бабиш мола 1. План «Большого Дома». Исполнитель: С. Болелов
2-сур. Бәбіш мола 1 қаласы. «Үлкен Үй» жоспары. Орындаған: С. Болелов
Fig. 2. Babish Mola 1 settlement. The plan of the «Big House». Performer: S. Bolelov

сектор, помещения № 6 (рис. 3; 4, *А*). Здесь же расчищены две ямы, спущенные с уровня пола 1-го периода (рис. 3, *А*). Одна из них Я 6.1 – овальная в плане (50 × 80 см), глубиной не более 30 см, открыта в 30 см к востоку от срубленной стены (в данном случае это западная стена пом. № 6) и на расстоянии 1,55 м от северной стены того же помещения. Вторая – Я 6.2 расположена почти вплотную к северной стене пом. № 6, на расстоянии 30–35 см от западной стены. Размеры её точно пока не установлены, так как восточная часть уходит под восточный борт раскопа. Ширина ямы – 60 см. Она ориентирована строго параллельно северной стене помещения (рис. 3). Глубина ямы – 53 см. Дно её зафиксировано на отметке -265 от реперной точки, а уровень пола рядом с ней – на



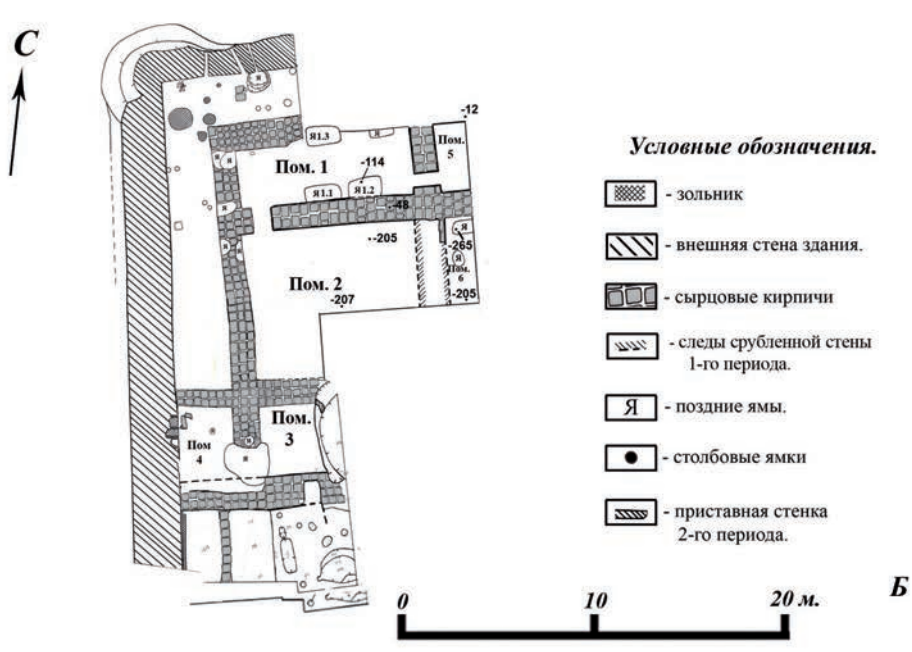


Рис. 3. «Большой Дом» на цитадели городища Бабиш мола 1: А – фото с дрона, вид с юга. Фото: Ж. Утубаева; Б – план раскопанных помещений. Исполнитель: С Болелов

3-сур. Бәбіш мола 1 қаласы цитаделіндегі «Үлкен Үй»: А – дронмен түсірілген сурет, оңтүстіктен қарағандағы көрініс. Фотосурет: Ж. Утубаевтікі; Б – қазылған бөлмелердің жоспары. Орындаған: С. Болелов

Fig. 3. «Big House» on the citadel of Babish Mola 1 settlement: A – photo from a drone, view from the south. Photo: Z. Utubayev; Б – the plan of the excavated premises. Performer: S. Bolelov

отметке -212 (рис. 5, *III*). Заполнение представляло собой однородный слой рыхлого комковатого суглинка серого цвета. Никаких находок в ямах не обнаружено.

Слой плотного кирпичного завала, который соответствует первому этапу разрушения стен здания, перекрывается слоями комковатого суглинка серого или коричневого цвета с кусками сырцовых кирпичей (рис. 5, *I–III*). Этот слой относится, по всей видимости, к этапу окончательного запустения и разрушения комплекса. В некоторых секторах раскопа, на уровне верхней границы нижнего кирпичного завала, отмечены участки утоптанной поверхности, на которой, например, в помещении № 1, зафиксированы линзы супесчано-глинистых натеков (рис. 5, *II*). В помещениях, которые были исследованы в 2023 г., верхний уровень нижнего кирпичного завала зафиксирован на различных отметках от реперной точки – от -128 до -110–112. В помещении № 2, рядом с северной стеной в верхнем слое нижнего кирпичного завала, на глубине -137 от реперной точки, найдены две берцовые кости крупного животного (возможно, верблюд?), которые были специально уложены под углом друг к другу в виде латинской буквы «V», острым концом на север (рис. 6, *А*).

В центральной части помещения № 1 верхний уровень плотного кирпичного завала зафиксирован на отметках -72 – -66 от реперной точки. На этой же глубине отмечены и участки относительно хорошо утоптанной поверхности на уровне плотного кирпичного завала, которая, по всей видимости, соответствует третьему, заключительному периоду существования памятника. Следует отметить, что на этих же отметках в северо-западной части здания в пределах обводного коридора были зафиксированы зольники и очаги, которые относятся к третьему заключительному периоду жизни комплекса, когда жители обустраивались уже на развалинах (рис. 2). С этого же уровня были спущены три ямы, расчищенные в помещении № 1. Две овальные в плане ямы – Я 1.1 (1,7 × 0,7 м) и Я 1.2 (1,6 × 1 м) (рис. 3), ориентированные строго параллельно южной стене помещения, расположены почти вплотную друг к другу на расстоянии 1,5 м от прохода в пом. № 6 по линии стены. Глубина ям примерно одинакова – 35–40 см от уровня третьего периода. Дно Я 1.2 зафиксировано на отметке -114 от реперной точки. Еще одна яма – Я 1.3 также овальная в плане (1,6 × 0,7–0,8 м) открыта также в помещении № 1, но уже у северной стены, практически напротив Я 1.1. В северо-восточном углу помещения частично раскопана, по всей видимости, овальная в плане яма длиной 1,15 м – Я 1.4 (рис. 3, *А*). Судя по всему, эта яма глубиной 76 см (-100 от реперной точки) относится к более позднему периоду, так как она спущена практически с уровня современной дневной поверхности (рис. 5, *II*). Обращает на себя внимание следующий факт, а именно когда копали ямы у южной стены, то кирпичную кладку практически не потревожили. В то же время, когда рыли яму Я 1.3 у северной стены, то основательно срубили и саму стену. По всей видимости, в этот период южная стена помещения еще немного сохранялась, в то же время, когда северная стена помещения была уже основательно разрушена. Все ямы заполнены слоем рыхлого комковатого суглинка серого цвета с обломками сырцовых кирпичей. Находок в заполнении практически нет.

По всей видимости, к периоду позднего, частичного обживания комплекса, относится стена, которая зафиксирована в разрезе, в восточном борте раскопа. Низ стены, ширина которой 1,4 м, зафиксирован на отметке 1,4 от реперной точки. Стена сложена из квадратного сырцового кирпича (40 × 40 × 10 см; 42 × 43 × 10 см) на глиняном растворе. Она сохранилась на высоту не более 30–40 см (рис. 5, *III*).

В центральной части помещения № 2 в культурном слое, который, судя по всему, относится к финальному этапу 3-го периода на глубине -58 от реперной точки *in situ* обнаружен целый небольшой лепной горшок, вкопанный или поставленный вверх дном. Высота сосуда – 9 см, диаметр устья – 7 см, максимальный диаметр тулова – 10–11 см, диаметр дна – 6 см. В этом небольшом сосуде также *in situ* найдены два куриных (?) яйца; одно целое, второе разбитое, но тоже изначально целое. По всей видимости, яйца были перевязаны шнурком, возможно, из растительных волокон (рис. 6, *Б*).





Рис. 4. «Большой Дом» на цитадели городища Бабиш мола 1: А – пунктиром красного цвета выделена линия срубленной стены в пом. № 2; Б – проход из помещения № 1 в помещение № 5. Фото: Ж. Утубаева

4-сур. Бәбіш мола 1 қаласы цитаделіндегі «Үлкен Үй»: А – № 2 бөлмедегі кесілген қабырға қызыл сызықпен белгіленген; Б – № 1 бөлмеден № 5 бөлмеге өтетін кіреберіс. Фотосурет: Ж. Утубаевтікі

Fig. 4. «Big House» on the citadel of the Babish Mola 1 settlement: A – a dotted line in red highlights the line of the felled wall in the room № 2; Б – passage from room № 1 to room № 5. Photo: Z. Utubayev

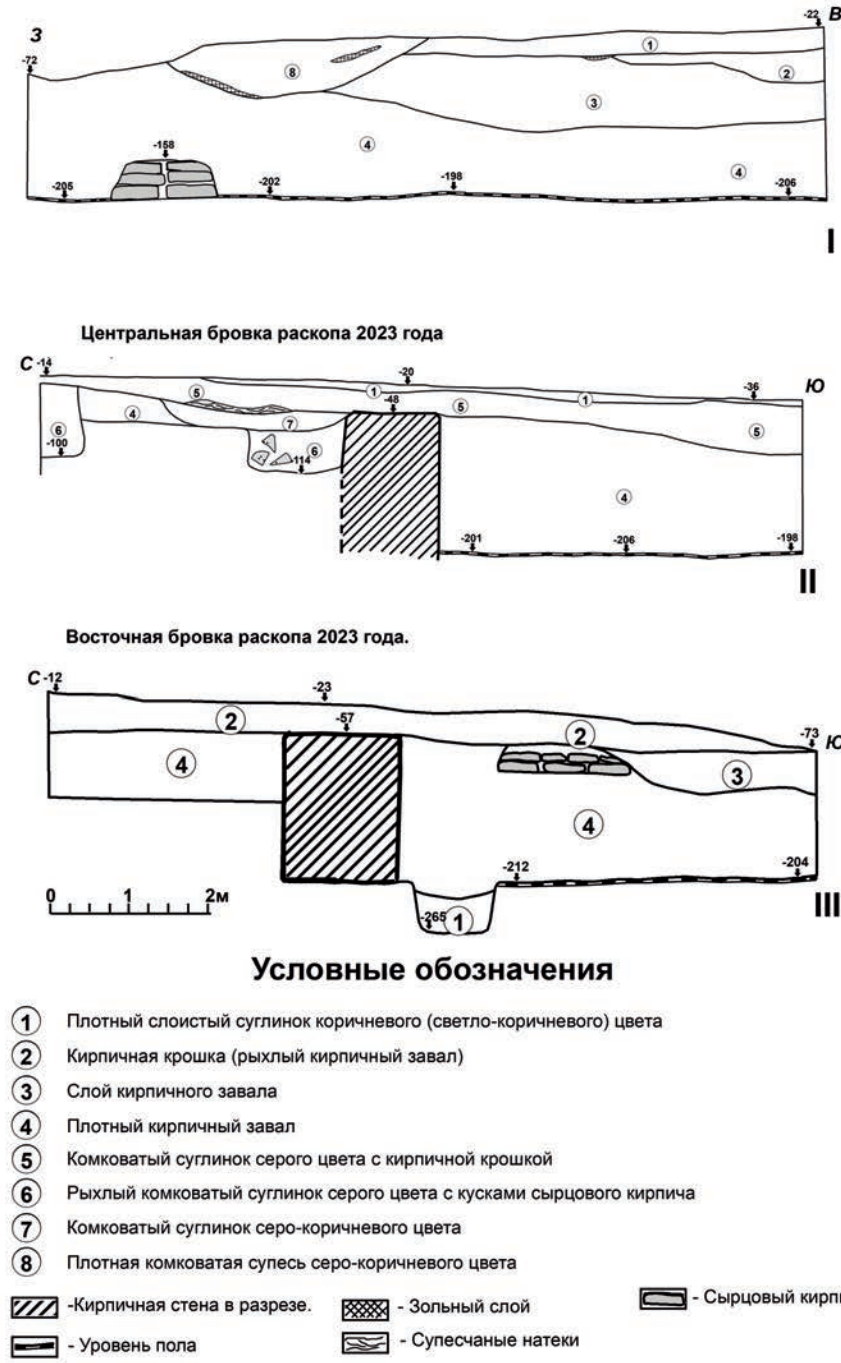
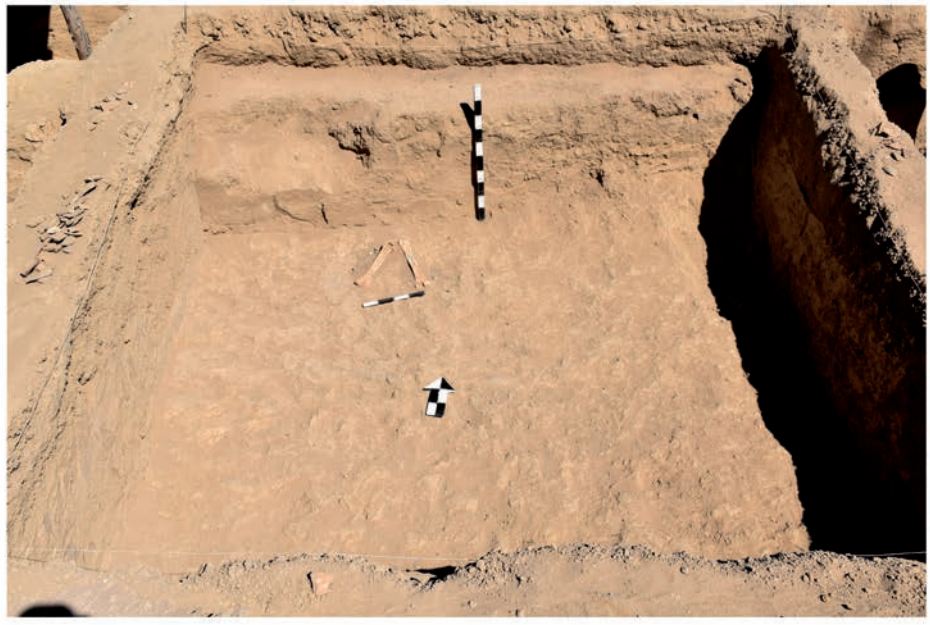


Рис. 5. «Большой Дом» на цитадели городища Бабиш мола 1. Стратиграфические разрезы. Бровки раскопа 2023 г. Исполнители: С. Болелов, Ж. Сатулганов

5-сур. Бәбіш мола 1 қаласы цитаделіндегі «Үлкен Үй». Стратиграфиялық кесіктер. 2023 ж. Қазбаның қимасы. Орындағандар: С. Болелов, Ж. Сатулганов

Fig. 5. “Big House” on the citadel of Babish Mola 1 settlement. Stratigraphic sections. The edges of the excavation in 2023. Performers: S. Bolelov, Z. Satulganov



А



Б

Рис. 6. «Большой Дом» на цитадели городища Бабиш мола 1.
Находки на поздних уровнях раскопа 2023 года. Фото: Ж. Утубаева

6-сур. Бәбіш мола 1 қаласы цитаделіндегі «Үлкен Үй». 2023 жылғы қазбаның кейінгі қабаттарынан табылған олжалар. Фотосурет: Ж. Утубаевтікі

Fig. 6. “Big House” on the citadel of the Babish Mola 1 settlement.
The entrance to the grave of the deceased in 2023. Photo: Zh. Utubayev

Результаты

В ходе работ, проведённых на объекте «Большой Дом» в 2023 г., получены новые данные о характере планировки западной части дворцово-храмового комплекса. Сейчас уже понятно, что планировочным центром в этой части здания был большой, почти квадратный в плане зал площадью 55–56 кв. м – помещение № 2. С западной стороны это помещение примыкало к обводному коридору, а с северной восточной стороны по периметру центрального зала располагались коридорообразные помещения № 1, 5 и, возможно, № 6. Как уже было установлено во время раскопок прошлых сезонов, здание в своем первоначальном виде существовало недолго. Возможно, жители покинули его не сразу после возведения комплекса, но спустя короткое время. То, что в какой-то, может быть, не продолжительный период времени здание всё-таки обживалось и функционировало как монументальный дворцово-храмовый комплекс (1-й период), свидетельствуют слои лёссово-саманной штукатурки со следами побелки, зафиксированные на стенах. Надо полагать, что оставленное первыми обитателями здание через какой-то непродолжительный период времени вновь обживается, но это уже не как монументальный комплекс. Скорее всего, ещё сохранившиеся стены приспосабливаются под какое-то временное жилье, возможно, под легкие каркасные наземные постройки (2-й период). При этом отдельные кирпичные стены зачем-то сносятся. Яркий пример – это практически полностью срубленный участок восточной стены в помещении № 2. Возможно, к этому же периоду относятся и ямы 6.1 и 6.2, открытые в северо-западной части помещения № 6. Спустя какой-то период времени население, оставившее каркасные постройки, покидает здание. Надо полагать, что после это комплекс некоторое время был полностью заброшен. Во всяком случае, кирпичные стены к тому времени, когда комплекс вновь стал обживаться (3-й период), были уже разрушены и слои, относящиеся к третьему, заключительному периоду жизни здания, лежат уже на плотных кирпичных завалах. Утоптанная поверхность этих завалов, на которой фиксируются зольники, очаги и спущены ямы в помещении № 1, открытые в 2023 г., и является жилым уровнем 3-го периода. По стратиграфическим данным к этому же времени относится и кирпичная стена, ориентированная, судя по всему, по линии З–В, которая зафиксирована в разрезе в восточной бровке раскопа 2023 г.

Раскопки на «Шахристане» городища Бабиш мола 1 в 2023 году

В 2022 г. начато изучение городской застройки «шахристана» городища Бабиш мола 1. Раскоп разбит в 100–110 м к югу от юго-восточной угловой башни цитадели, к востоку от раскопа Хорезмской экспедиции. Основной целью данного раскопа, который получил номер Б-М I Г Р-1, является выяснение характера рядовой городской застройки на территории городища, на отдельных участках между цитаделью и крепостной стеной. Общая площадь раскопа к концу полевого сезона 2022 г. составила немногим менее 120 кв. м. До начала работ вся площадь раскопа, которая представляла собой ровную поверхность такыра с многочисленными фрагментами керамики, немного понижающуюся с юга (от крепостной стены) на север (к центру городища), была разбита на квадраты площадью 16 кв. м (4 × 4 м). Раскоп ориентирован углами по сторонам света. Культурный слой в этой части городища почти полностью смыт. На отдельных участках, в восточной части раскопа (квадраты Е и Г), сразу же, после снятия такырной корки на отметках -203 – -211 от реперной точки[3] шёл материковый слой[3]. Тем не менее, в площади раскопа открыты скопления ям, скорее всего хозяйственных, до уровня пола раскопаны две землянки или полуземлянки; одна полностью, вторая частично, а также выявлен нижний ряд сырцовых кирпичей стены здания, которое расположено, скорее всего, к югу и к юго-западу от раскопа 2022 г.

[3] За репер раскопа была принята самая высокая точка на восточном отрезке крепостной стены к юго-востоку от раскопа.

В 2023 г. работы на объекте продолжены. К юго-западу и к югу от прошлогоднего раскопа расчищено ещё четыре квадрата размерами 4 × 4 м, позднее ещё три квадрата таких же размеров были расчищены к югу от землянки № 2, открытой ещё в 2022 г. Таким образом, площадь раскопа увеличилась более чем на 100 кв. м.

Следов капитальных построек на вскрытых в 2023 г. участках раскопа не выявлено (рис. 7; 9, *А*). Кирпичная стена, которая была зафиксирована в прошлом сезоне, далее на юго-запад не прослеживается. Культурный слой в южной части раскопа практически полностью смыт или развеян. Собственно, стратиграфическая картина, выявленная в этой части городища, практически не изменяется: непосредственно на уровне материка, который несколько понижается с северо-запада на юго-восток, залегает слой довольно рыхлой супеси серо-коричневого цвета с небольшим количеством керамики и костей животных. Толщина этого слоя не более 20–25 см. В южной части раскопа, ближе к крепостной стене, мощность этого слоя увеличивается на отдельных участках до 40–50 см. Наиболее полная стратиграфическая картина получена в юго-западной части раскопа – южный борт кв. «И», где отмечено значительное понижение уровня материка с СВ на СЗ – 20–25 см. Мощность культурного слоя здесь составляет не менее 0,8 м (рис. 8). Непосредственно на уровне материка залегает слой довольно плотной супеси серо-коричневого цвета с угольками и незначительным содержанием золы толщиной не более 7–8 см. Этот слой, в свою очередь, перекрывается слоем рыхлого комковатого суглинка серого цвета с небольшим количеством мелких древесных угольков и небольшого количества костей животных и керамики. Толщина этого слоя колеблется от 10 до 14–15 см и заметно уменьшается с СВ на ЮЗ (рис. 8). Выше идёт сравнительно плотный слой комковатого суглинка красно-коричневого цвета с включениями комков материкового суглинка. Толщина этого слоя колеблется от 14 до 20–25 см. Слой плотного суглинка перекрывается слоем рыхлой комковатой супеси серого цвета с большим количеством карбонатов и мелкими древесными угольками толщиной 30–25 см. С верхнего уровня этого слоя была спущена яма глубиной 40–44 см (диаметр по линии разреза 0,8–0,9 м), которая прорезает все лежащие ниже культурные слои. Яма заполнена слоем рыхлой комковатой супеси серо-коричневого цвета с незначительным содержанием золы, большим количеством мелких древесных угольков и небольшого количества костей животных (рис. 8). Слой плотного комковатого суглинка, в свою очередь, перекрывается слоем плотного слоистого суглинка красно-коричневого цвета (такыр) толщиной 10–15 см. Таким образом, по стратиграфическим данным, на этом участке раскопа выделяются два относительно разновременных периода обживания, которые, судя по всему, относятся к одному хронологическому периоду. Слои более раннего периода, залегающие непосредственно на уровне материка, перекрываются слоем плотного комковатого суглинка, возможно, это подбутовка, верхний уровень которой соответствует жилому уровню второго периода. С этого же уровня спущена и мусорная яма. Слой рыхлого комковатого суглинка, залегающий поверх этого уровня, относится ко второму, более позднему периоду. Такая же стратиграфия, но не столь ярко выраженная, фиксируется практически на всех участках в южной части раскопа.

В западной части раскопа – квадраты «Ж» и «З» – открыты овальные в плане ямы (рис. 7). Какой-либо системы в их расположении не прослеживается, можно только сказать, что они объединяются в компактные группы на некотором расстоянии друг от друга. Заполнение ям практически всегда одинаково – это сравнительно рыхлый комковатый суглинок с небольшим количеством древесных угольков, в отдельных случаях в разрезе фиксируются зольные прослойки. В некоторых ямах найдена керамика, в основном невыразительные фрагменты стенок сосудов. В то же время найдено небольшое количество и профильных фрагментов.

Помимо ям в этой части раскопа открыты две конструкции явно производственного назначения, которые предварительно можно трактовать, как нижние части топочных камер обжигательных горнов (рис. 7).

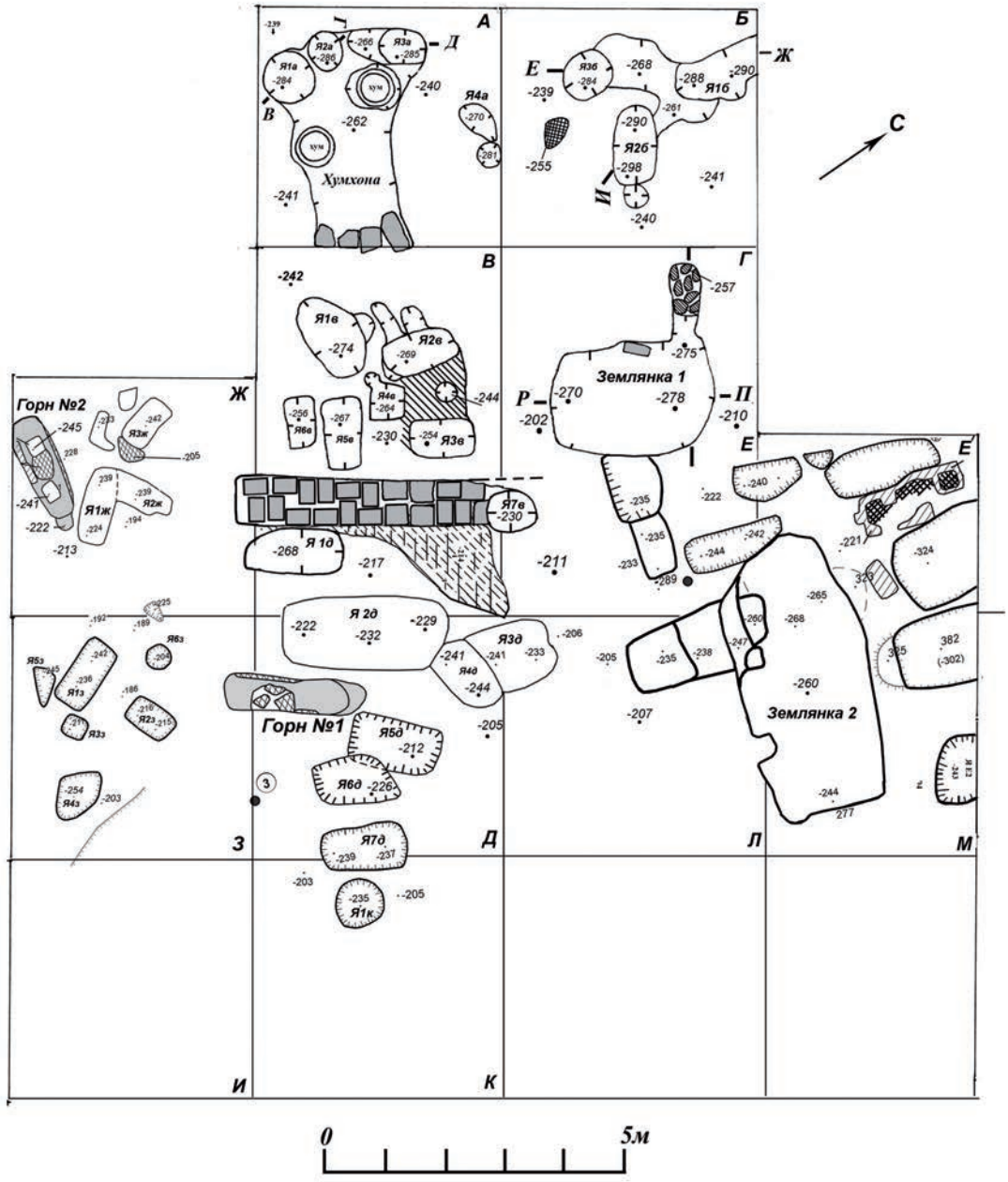


Рис. 7. «Шахристан» городища Бабиш мола 1. Раскоп 1. План. Исполнитель: С. Болелов, Ж. Сатулганов
7-сур. Бәбіш мола 1 қаласындағы «Шахристан». 1 қазба. Жоспар. Орындаған: С. Болелов, Ж. Сатулганов
Fig. 7. «Shahristan» of Babish Mola 1 settlement. Excavation 1. The plan. Performer: S. Bolelov, Zh. Satulganov

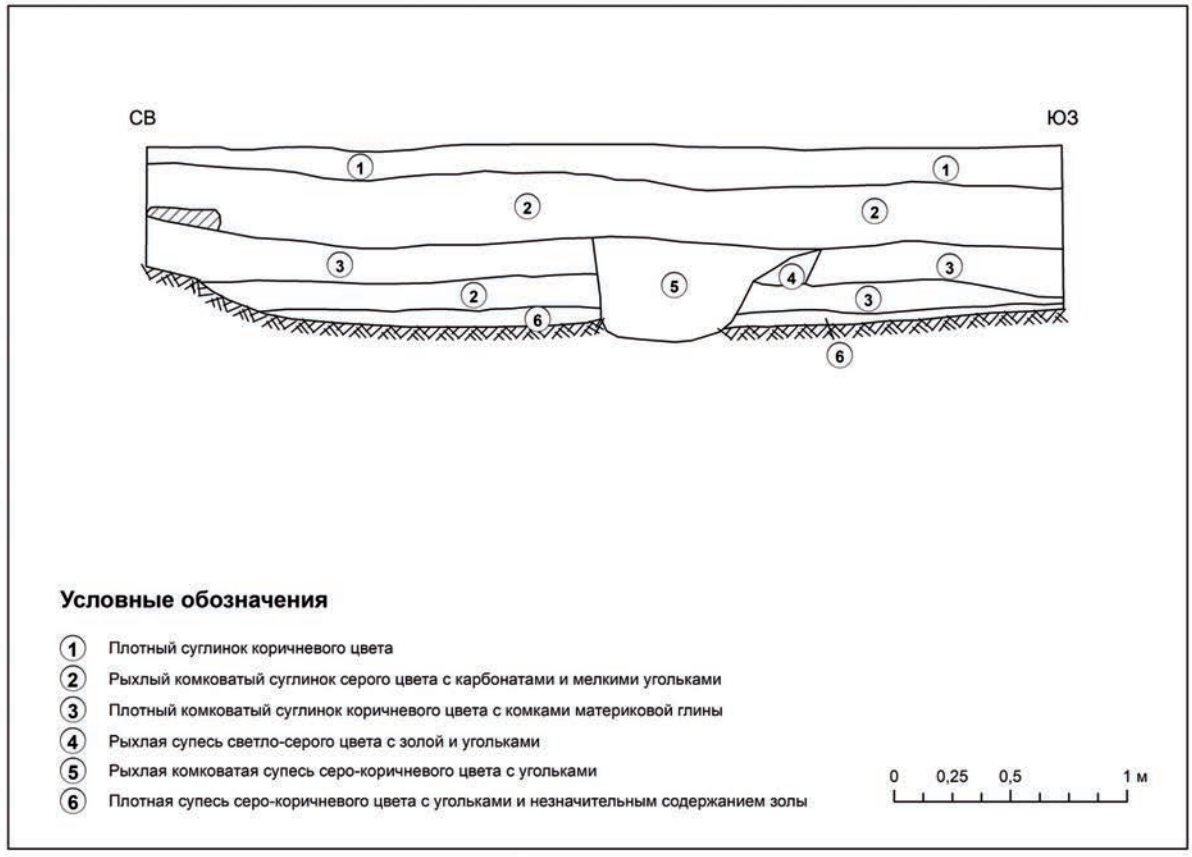


Рис. 8. «Шахристан» городища Бабиш мола 1. Южная бровка. Кв. «И».
Исполнитель: С. Болелов, Ж. Сатулганов

8-сур. Бәбіш мола 1 қаласындағы «Шахристан». Оңтүстік қима. «И» кв.
Орындаған: С. Болелов, Ж. Сатулганов

Fig. 8. «Shahristan» of Babish Mola 1 settlement. The southern edge of the square «I».
Performer: S. Bolelov, Zh. Satulganov

Горн № 1 расположен в западной части кв. «Д» и в западной части кв. «Е». В прошлом году была открыта только часть горна в кв. «Д», и тогда было высказано предположение, что это яма, полностью заполненная золой и кусками обожжённой глины. В этом году, когда была открыта западная часть конструкции, стало понятно, что это не просто яма. Длина котлована, который предположительно был выкопан под топочную камеру керамического обжигательного горна – 2,40 м; ширина – 0,5–0,6 м. Дно топки зафиксировано на отметках -212 – -213 от реперной точки, то есть на глубине не более 20 см от уровня материка. Перед входом в топочную камеру, который был, по всей видимости, с северо-востока, находилась ступенька шириной 30 см. На расстоянии 1,25 м от входа на уровне пода топки зафиксирован завал из сильно обожжённых сырцовых кирпичей. Вероятно, – это часть перекрытия топочной камеры. В нижней части камеры, на стенках чётко фиксируются слои обожжённой до красно-оранжевого цвета глиняно-саманной обмазки (рис. 7).

Горн № 2 обнаружен в северо-западном секторе кв. «Ж». Здесь также, как можно предполагать, зафиксирована только нижняя часть топочной камеры овальной формы длиной 2,5 м и шириной 0,8–0,85 м, ориентированной по линии ЮЗ–СВ. Уровень пода топки зафиксирован на отметках -245

– 241 от реперной точки, на глубине 33–37 см от уровня материка. Перед входом в топку, который был с юга, устроена ступенька шириной 30 см и высотой 20 см (рис. 7; 9, *Б*). В центре топки на расстоянии 0,75 м от входа расчищен развал сырцовых обожжённых до красного цвета сырцовых кирпичей. Длина завала по продольной оси топочной камеры – не менее 1,5 м. Кирпичи квадратные – 40 × 38 × 12 см и прямоугольные – 52 × 34 × 12 см. Кроме того, в этом же завале зафиксированы куски сильно обожжённой глины красно-оранжевого цвета (рис. 9, *Б*). Не вызывает сомнения, что это завал не что иное, как часть перекрытия топочной камеры горна. Это предположение подтверждается тем фактом, что кирпичи лежат на слое золы толщиной не менее 10 см, который зафиксирован на уровне пода топочной камеры.

В юго-восточной части раскопа (кв. «Е», «Е'», северная часть кв. «М») в прошлом сезоне была открыта часть землянки. В сезоне 2023 г. землянка раскопана полностью.

Это почти прямоугольный в плане котлован (4,7 × 2,2 м), ориентированный по оси Ю-В–С-З глубиной 50–60 см от уровня поверхности материка. Уровень пола землянки зафиксирован на отметках -263 – -267 от реперной точки в центральной части и на отметках – 254 у северо-западного борта, -244 – у юго-восточного. Вход в землянку длиной 1,65 м и шириной 1–1,2 м был с северо-запада. В площади входа зафиксированы две ступеньки: одна в передней части высотой 30 см и вторая, при входе в землянку, высотой 18–20 см. В ходе расчистки землянки на отдельных участках зафиксирована выкладка из бесформенных кусков глины – гуваляков, которые были уложены на уровне пола (рис. 12, *А*). Примечательно, что гуваляки лежат на тонкой прослойке супеси тёмно-серого цвета, которую можно квалифицировать как «болотный слой». То есть не исключено, что землянка периодически подтапливалась грунтовыми водами, и уровень пола был немного поднят за счет подсыпки из гуваляков.

Перед входом на уровне пола землянки отмечены следы камышовой циновки или мата шириной не менее 1 м, по всей видимости, прямоугольной формы. Они чётко фиксируются в виде истлевшей органики светло-серого или пепельного цвета, причём в слое слабо прослеживаются стебли камыша. Циновка была положена на слой гуваляков прямо напротив входа в землянку. По юго-западному борту котлована, на расстоянии 1,2 м от южного угла землянки выявлен небольшой пилон-выступ материкового грунта размерами 30 × 35 см, который, вне всякого сомнения, был предусмотрен в процессе рытья котлована. Не исключено, что на него опиралась балка плоского перекрытия (рис. 7).

К северо-востоку от землянки расчищен двух- или трёх-камерный открытый напольный очаг прямоугольной формы размерами 1,9 × 0,8 м. Верх стенок очага зафиксирован на отметках -221 – -223 от реперной точки. Эта конструкция состояла из двух неразделённых между собой камер в юго-западной части и ещё одной отделённой от остальных почти квадратной в плане камеры (0,4 × 0,3 м) (рис. 7; 10, *Г*). Стенки очага были сложены из бесформенных кусков плотной глины и фрагментов сырцовых кирпичей, обмазанных глиной. Заполнение камер представляло собой сильно насыщенный золой рыхлый грунт с большим количеством мелких древесных угольков и кусков обожжённой до красно-оранжевого цвета глины. Рядом с очагом открыта часть большой и сравнительно глубокой (дно зафиксировано на отметке -324 от реперной точки), судя по всему, хозяйственной ямы Е2. Ширина её по линии СЗ–ЮВ – 1,3 м. Длину установить пока не удалось (рис. 7). Нижняя часть заполнения ямы представляет собой слой плотного суглинка серо-коричневого цвета с мелкими древесными угольками. Верхняя часть заполнения ямы представляет собой слой рыхлого комковатого суглинка серого цвета, также с небольшим количеством мелких древесных угольков, костей животных и небольшим количеством фрагментов керамики (рис. 12, *Б*; 14, *В*). Рядом с этой ямой открыта ещё одна большая яма – Е1, шириной 1,2 м по линии СЗ–ЮВ. Длина её также пока не установлена. Дно второй ямы зафиксировано на отметке -302 от реперной точки. Видимо после того, как яма была заполнена, в неё была впущена ещё одна более поздняя



Рис. 9. «Шахристан» городища Бабиш мола 1: А – раскоп 1, общий вид. Фото с дрона;
Б – горн № 2. Вид с северо-запада. Фото: Ж. Утубаев.

9-сур. Бәбіш мола 1 қаласындағы «Шахристан»: А – 1 қазба, жалпы көрініс. Дронмен түсірілген фотосурет;
Б – № 2 қыш күйдіруге арналған пеш. Солтүстік-батыстан қарағандағы көрініс. Фотосурет: Ж. Утубаевтікі

Fig. 9 «Shahristan» of Babish Mola 1 settlement: A – excavation 1, general view. Photos from a drone; Б – kiln No 2.
View from the northwest. Photo: Zh. Utubayev

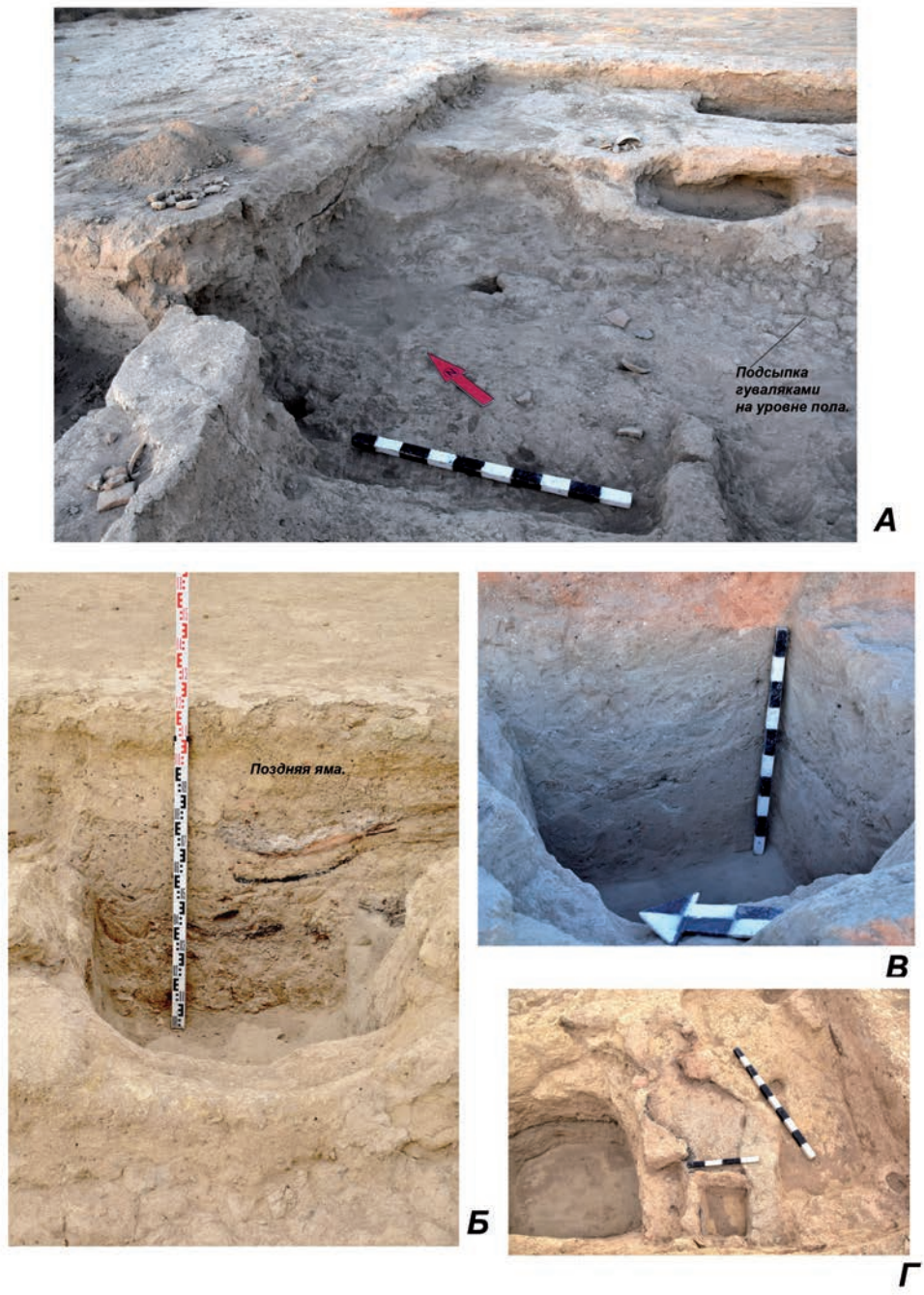


Рис. 10. «Шахристан» городища Бабиш мола 1. Землянка № 2: А – вид с юго-запада;
Б – яма Е1 с ямой позднего периода; В – яма Е2; Г – очаг к северу от землянки. Фото: Ж. Утубаев

10-сур. Бәбіш мола 1 қаласындағы «Шахристан». № 2 жертөле: А – оңтүстік-батыстан қарағандағы көрініс;
Б – Е1 шұңқыры кейінгі кезең шұңқырымен; В – Е2 шұңқыр; Г – жертөледен солтүстікте орналасқан ошақ.
Фотосурет: Ж. Утубаевтікі

Fig. 10. «Shahristan» of Babish Mola 1 settlement. Dugout № 2: A – view from the southwest;
Б – Pit E1 with a pit of the late period; B – Pit E2; Г – hearth to the north of the dugout. Photo: Zh. Utubayev

яма, верх которой прослеживается практически с уровня современной дневной поверхности. Заполнение ранней ямы в нижней части представляет собой слой комковатого суглинка с костями животных, в основном, крупного рогатого скота с включениями крупных бесформенных кусков плотного материкового суглинка серого цвета. В центральной части заполнения зафиксированы незначительные зольные линзы и прослойки древесных угольков. В нижней части заполнения поздней ямы чётко прослеживается слой обожжённой до красно-оранжевого цвета глины, который перекрывается зольным слоем толщиной 10–12 см (рис. 10, *Б*). В ходе раскопок удалось установить, что, по всей видимости, эти ямы на каком-то этапе функционирования землянки были с ней связаны. Напротив ямы Е2 со стороны землянки чётко прослеживается ступенька высотой 20 см, а за ней перемычка, через которую яма соединяется с землянкой. На каком-то этапе функционирования землянки эта перемычка была перегорожена сырцовыми кирпичами (рис. 7). Очень схожая ситуация прослеживается и в яме Е1. Здесь на расстоянии всего 5 см от северо-восточного борта землянки выявлен спуск в яму в виде ступеньки, вырубленной в северо-западном торце ямы.

Эти факты дают основания предполагать, что в какой-то период жизни землянки хозяйственные ямы Е1 и Е2 составляли с ней единый комплекс. Возможно, напольный открытый очаг к северо-востоку от землянки также относится к этому же комплексу. Кроме того, нельзя не учитывать и ямы, расположенные почти вплотную к землянке на севере и северо-западе в кв. «Е» и «Е'». В то же время нельзя исключать и того, что эти ямы относятся к более позднему периоду, когда землянка, возможно, была уже заброшена. О том, что этот период был, свидетельствует поздняя яма в яме Е1. Кроме того, следует обратить внимание на систему столбовых ямок примерно одного диаметра – 10–12 см, которые зафиксированы к западу и северо-западу от землянки (рис. 7). Не вызывает сомнения, что это следы вертикальных стоек, на которые опиралось плоское перекрытие лёгкого навеса, который, как можно предполагать, был построен позднее. Причём, не исключено, что в этот период землянка была уже заброшена. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что две столбовые ямки зафиксированы в пределах входа в жилище и, как кажется, никак с ним не связаны.

В ходе раскопок получен немногочисленный, но достаточно выразительный комплекс керамики. В комплексе керамики из заполнения ям представлено несколько профильных фрагментов лепных кухонных сосудов, а также фрагменты керамики, изготовленной на гончарном круге. Среди них обращает на себя внимание нижняя часть лепного кухонного горшка со слабо выделенным плоским дисковидным поддоном, декорированным по краю пальцевыми вдавлениями, а также археологически целая небольшая лепная жаровня. В слое на уровне пола землянки также найдено не очень много керамики. Здесь обращают на себя внимание фрагменты крупных столовых мисок, представленных двумя типами. Крупная миска с чётко выделенным немного приострённым в верхней части венчиком в виде массивного сильно уплощённого валика, скошенного наружу (рис. 11, *17*), и также крупная полусферическая миска с приострённым верхним краем, наклоненным внутрь резервуара (рис. 11, *19*). Кроме того, следует отметить фрагмент крупного хозяйственного сосуда (горшок), покрытого снаружи красным ангобом с массивным чётко выраженным венчиком в виде уплощённого в верхней плоскости валика, скошенного наружу. Характерным признаком этого типа сосудов является хорошо выраженный валик на верхней части плечиков (рис. 11, *13*). Следует заметить, что хорошо выраженный валик на плечиках, который подчеркивает переход от сравнительно широкой горловины к плечикам сосуда, является характерным морфологическим признаком хозяйственных ширикрабатских горшков, изготовленных на гончарном круге (рис. 11, *10*). Керамика из слоя на уровне материка представлена, в основном, закрытыми формами сосудов: кувшины, горшки (рис. 11, *1–10*). Среди них наиболее характерным типом являются сравнительно широкогорлые кувшины с чётко выраженным, иногда «клювовидным» венчиком и утолщением – «припухлостью» по центру горловины (рис. 11, *4*). Кроме того, в комплексе представлено несколько кухонных горшков изготовленных вручную из глины с обильными неорганическими примесями:

шамот, реже, дресва (рис. 11, *11–12*). Вся керамика, найденная в ямах, в слое на уровне пола землянки (рис. 11, *13–20*), а также в культурных слоях на уровне материка (рис. 11, *1–12*), находит широкий круг аналогий в керамических комплексах ширикрабатской археологической культуры, относится к одному хронологическому периоду и может датироваться III–II вв. до н.э. (подробно см: [Курманкулов и др. 2021: 182–236]).

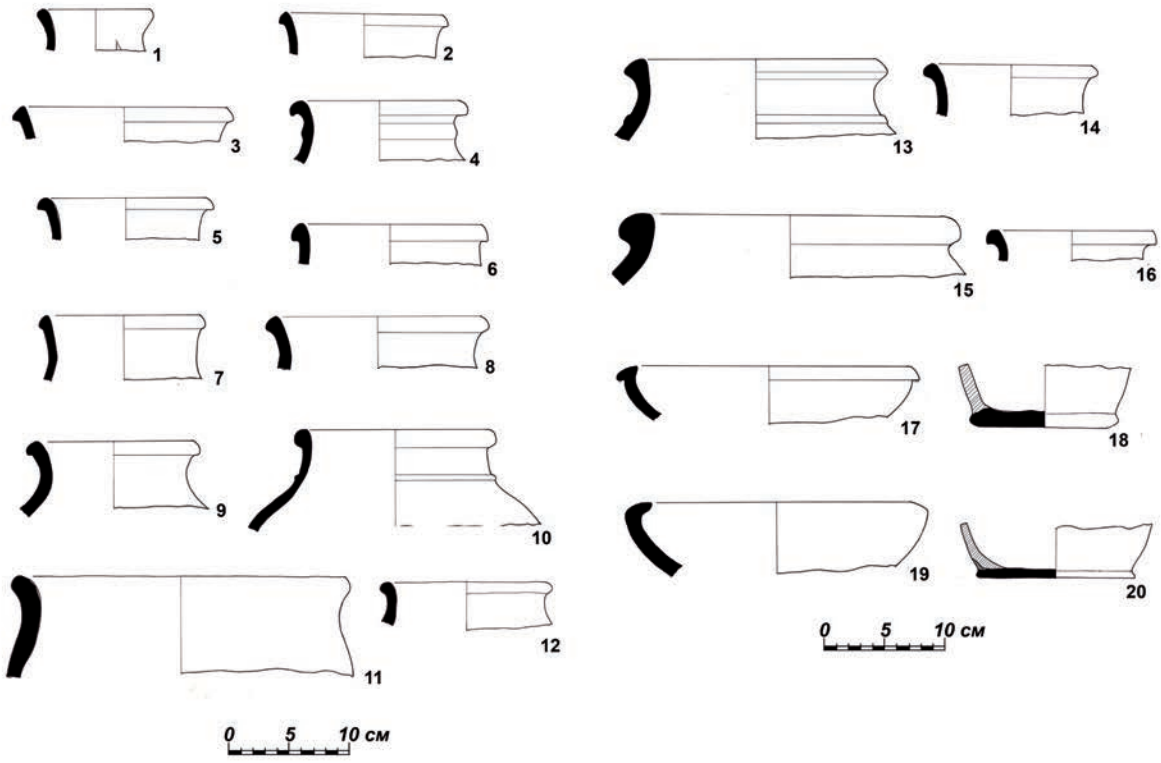


Рис. 11. «Шахристан» городища Бабиш мола 1. Керамика: *1–12* – из культурного слоя на поверхности материка; *13–20* – из культурного слоя на жилом уровне землянки № 2

11-сур. Бәбіш мола 1 қаласындағы «Шахристан». Қыш: *1–12* – материктің бетіндегі мәдени қабаттан алынған; *13–20* – № 2 жертөленің мәдени қабатынан алынған

Fig. 11. «Shahristan» of Babish Mola 1 settlement. Ceramics: *1–12* – from the cultural layer on the surface of the basal layer; *13–20* – from the cultural layer at the residential level of dugout No 2

Результаты

В процессе раскопок в юго-восточной части городища Бабиш мола 1 открыт участок хозяйственной зоны площадью более 200 кв. м. Капитальных построек, которые можно было бы считать жилыми зданиями, в пределах раскопа не выявлено. Небольшой отрезок кирпичной стены в западном секторе, по всей видимости, относится к раннему периоду, когда здесь, возможно, и были какие-то постройки из сырцового кирпича. Однако сейчас об этом только можно догадываться. Во всяком случае, можно с уверенностью говорить, что хозяйственная зона сформировалась

здесь когда эти постройки были уже заброшены и основательно разрушены. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что яма 7в прорезает кирпичную кладку стены, которая сохранилась максимум на высоту 20 см – два кирпича. Таким образом, можно предположить, что данная хозяйственная зона, которая явно тяготеет к жилой землянке № 2, возникла в этой части городища уже в поздний период, который, возможно, соответствует третьему периоду, выявленному по стратиграфическим данным в ходе раскопок «Большого Дома» [Утубаев, Болелов 2023: 18–19]. О том, что этот участок городища в какой-то период времени (возможно, на позднем этапе существования ширикрабатской археологической культуры) обживался достаточно интенсивно, свидетельствуют остатки двух прямоугольных обжигательных керамических горнов, конструкция которых полностью схожа с горнами, открытыми в пределах «Большого Дома», относящимися ко второму периоду жизни здания [Толстов и др. 1963: 63]. О том, что землянка № 2 была жилой, красноречиво свидетельствуют незначительный по толщине культурный слой и следы циновки на уровне пола. Кроме того, в непосредственной близости от жилища зафиксирован кухонный очаг. Несколько сложнее интерпретировать землянку № 1, в которой явных следов обживания не зафиксировано. Можно предположить, что это был большой погреб. Ещё одним свидетельством того, что в какой период времени люди жили здесь постоянно, является небольшая хумхона, открытая в северо-западной части раскопа (рис. 7).

Выводы

За несколько полевых сезонов раскопок городища Бабиш мола 1 получены данные, на основании которых можно наметить периодизацию существования памятника, которая, возможно, в некоторой степени, соответствует периодизации всей ширикрабатской культуры. К первому, начальному этапу жизни городища относится масштабное капитальное строительство. В этот период территория города обносится крепостной стеной с башнями и бойницами. Возводится цитадель монументальным зданием в центре – «Большой Дом» и мощным входным комплексом – «Донжон». Все это говорит о том, что Бабиш мола 1 изначально планировался как центр если не всей области средней и нижней Жаныдарьи, то, во всяком случае, большого оазиса в среднем её течении. Этот этап жизни памятника датируется на основании анализа керамического комплекса и радиоуглеродного анализа древесного угля не ранее 1-й пол. III в. до н.э. [Утубаев, Болелов 2023: 16]. Однако этот период жизни памятника был, судя по всему, недолгим. Спустя какое-то время первые обитатели покидают дворцово-храмовый комплекс, но он пустовал недолго. Заброшенное, но ещё не разрушенное здание, осваивают новые жители. По каким-то причинам они не стали обустраивать заброшенные помещения, а наоборот частично срубают некоторые сохранившиеся стены, как, например, восточную стену помещения № 2, и в отдельных частях комплекса устраивают лёгкие каркасные жилища (рис. 2). Надо полагать, что в это же время в юго-восточной части городища появляются полуземлянки с хозяйственной и, возможно, производственной (обжигательные горны) зоной. Второй период жизни «Большого Дома» также был, надо полагать, не продолжительным. Во всяком случае, культурный слой на уровне пола каркасных построек не очень мощный. После того как, обитатели наземных построек покидают здание, наступает, судя по всему, достаточно продолжительный период запустения. Кирпичные стены разрушаются. Люди, которые обживали памятник на заключительном этапе его существования, обустраивались уже на завалах стен «Большого Дома», хотя нельзя исключать и того, что какие строительные работы в это время производились. Об этом, в частности, можно судить по остаткам поздней стены, которая зафиксирована в восточной бровке раскопа в северо-западной части «Большого Дома» (рис. 5, *III*). Заключительный период существования городища, по всей видимости, относится к заключительной фазе существования Ширикрабатской археологической культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1 *Андрианов Б.В.* Древние оросительные системы Приаралья. М.: Наука, 1959. 252 с.

2 *Болелов С.Б., Утубаев Ж.Р.* Поселение гончаров Бабиш-Мола 7 в низовьях Сырдарьи (раскопки 2015 года) // КСИА. 2017. Вып. 248. С. 20–35.

3 *Болелов С.Б., Утубаев Ж.Р.* Низовья Сырдарьи во второй половине 1-го тыс. до н.э. (новые данные к изучению Чирикрабатской археологической культуры) // Эпоха империй. Восточный Иран от Ахеменидов до Сасанидов: история, археология, культура / Отв. ред. А.С. Балахванцев, Н.А. Маккавеев. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2019. С. 67–89.

4 *Вайнберг Б.И.* Этногеография Турана в древности. М.: Восточная литература, 1999. 359 с.

5 *Вайнберг Б.И., Левина Л.М.* Чирикрабатская культура. М.: ИЭА РАН, 1993 221 с.

6 *Курманкулов Ж.К., Болелов С.Б., Утубаев Ж.Р*. Древние земледельцы низовьев Сырдарьи. Алматы: ИА КН МОН РК, 2021. 322 с.

7 *Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Восточная литература, 1962. 322 с.

8 *Толстов С.П., Итина М.А., Жданко Т.А.* Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958–1961 гг. // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958–1961 гг. Ч. I. Материалы Хорезмской экспедиции / Под ред. С.П. Толстова, Т.А. Жданко. Вып. 6. М.: АН СССР, 1963. С. 3–93.

9 *Утубаев Ж.Р., Болелов С.Б., Касенова А.Д*. Бабиш мола — столичный город эпохи античности в низовьях Сырдарьи: стратиграфия, периодизация, хронология // Stratum plus. 2023. № 3. С. 179–199.

REFERENCES

1 Andrianov, B. V. 1959. *Drevniye orositelnyye sistemy Priaralya (Ancient irrigation systems of the Aral Sea region).* Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

2 Bolelov, S. B., Utubayev, Z. R. 2017. In *KSIA (Brief communications of the Institute of Archaeology)* 248, 20–35 (in Russian).

3 Bolelov, S. B., Utubayev, Z. R. 2019. In: Balakhvantsev, A. S., Makkaveev, N. A. (eds.). *Epokha imperiy. Vostochnyy Iran ot Akhemenidov do Sasanidov: istoriya, arkheologiya, kultura (Age of Empires. Eastern Iran from the Achaemenids to the Sassanids: history, archeology, culture).* Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 67–89 (in Russian).

4 Weinberg, B. I. 1999. *Etnogeografiya Turana v drevnosti (Ethnogeography of Turan in ancient times).* Moscow: “Vostochnaya literature” Publ. (in Russian).

5 Weinberg, B. I., Levina, L. M. 1993. *Chirikrabatskaya kultura (Chirikrabat culture).* Moscow: Institute of Ethnology and anthropology RAS (in Russian).

6 Kurmankulov, Z. K., Bolelov, S. B., Utubayev, Z. R. 2021. *Drevniye zemledeltsy nizoviyev Syrdarii (Ancient farmers of the lower reaches of the Syrdarya).* Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).

7 Tolstov, S. P. 1962. *Po drevnim deltam Oksa i Yaksarta (Along the ancient deltas of Oxus and Jaxartes).* Moscow: “Vostochnaya literature” Publ. (in Russian).

8 Tolstov, S. P., Itina, M. A., Zhdanko, T. A. 1963. In: Tolstov, S. P., Zhdanko, T. A. (eds.). *Polevye issledovaniya Khorezmskoy ekspeditsii v 1958–1961 gg. I. Materialy Khorezmskoy ekspeditsii, vyp. 6 (Field research of the Khorezm expedition in 1958-1961. I. Materials of the Khorezm expedition, Issue 6).* Moscow: USSR Academy of Sciences, 3–93 (in Russian).

9 Utubayev, Z. R., Bolelov, S. B., Kasenova, A. D. 2023. In *Stratum plus* 3, 179–199 (in Russian).

About the Authors

Kurmankulov Zholdasbek – Candidate of Historical Sciences, Chief Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. ORCID: 0000-0003-0605-2429 E-mail: kurmankulov@gmail.com;

Bolelov Sergei – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, The State Museum of Oriental Art, Moscow, Russia. ORCID: 0000-0003-1423-293X E-mail: bsb1958@ya.ru;

Utubayev Zhanbolat – PhD, Leading Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. ORCID: 0000-0002-6484-2923 E-mail: utubaev_z@mail.ru

Авторлар туралы мәліметтер

Құрманқұлов Жолдасбек – тарих ғылымдарының кандидаты, бас ғылыми қызметкер,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан

Болелов Сергей Борисович – тарих ғылымдарының кандидаты, аға ғылыми қызметкер,
Шығыс халықтарының Мемлекеттік өнер музейі, Мәскеу қ., Рессей

Утубаев Жанболат Раймқұлұлы – тарих ғылымдарының кандидаты, жетекші ғылыми қызметкер,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан

Сведения об авторах

Курманкулов Жолдасбек – кандидат исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии имени А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

Болелов Сергей Борисович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Государственный Музей искусств народов Востока, г. Москва, Россия

Утубаев Жанболат Раймкулович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт археологии имени А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 01.04.2024.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 01.05.2024.
Авторлар жұмысқа бірдей үлес қосты. / Авторы внесли равноценный вклад в работу.
/ The authors have made an equal contribution to the work.

ӘОЖ 903.57 (574.54)
ҒТАХР 03.01.09
https://doi.org/10.52967/3007-6528.2024.1.322.335

Бәбіш мола кешенінің археозоологиялық материалдары
(2023 жылғы қазба бойынша)

© 2023 ж. Утубаев Ж.Р. Шагирбаев М.С.

Keywords: *archaeology, early Iron Age, Babish mola complex, archaeozoology, animal husbandry, hunting*
Түйін сөздер: *археология, ерте темір дәуірі, Бәбіш мола кешені, археозоология, малшаруашылығы, аңшылық*
Ключевые слова: *археология, ранний железный век, комплекс Бабиш мола, археозоология, животноводство, охота*

Z. Utubayev*[1] *and M. Shagirbayev*[1]
[1]*Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan*
**Corresponding author*

Archaeozoological materials of the Babish Mola complex
(based at the excavations of 2023)

The article discusses the results of an archaeozoological study of animal bone remains discovered in 2023 in the Babish mola complex. Most of the osteological materials were discovered in excavations on the territory of the Babish mola 1 settlement and in small quantities at the Babish mola 10A site (temple). The aim of the study is to analyze osteological material using archaeozoological methods: determination of animal species, skeletal elements, skeletal parts, age characteristics, bones with modified and pathological signs. As a result of laboratory analysis, 1,186 bones were examined, of which 822 specimens were identified to the species. 96.5% of the osteological collection consists of skeletal elements of domestic animals. In the composition of hoofed domestic animals, the bones of small cattle (sheep and goats) make up 54.4%. Cattle and the third horse are in second place in terms of the number of bones. Skeletal elements of a camel and a dog were also found in small numbers. Wild animals are represented by the bones of the kulan *(Equus hemionus)*, saiga *(Saiga tatarica)*, argali *(Ovis ammon)*, fox *(Vulpes vulpes)*, hare *(Lepus tolai)*, turtle *(Testudo horsfieldi)* and bird *(Aves ind.)*. The result of the pathological analysis revealed changes in the bones and a number of pathologies.
Source of funding: The article was prepared within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan 2023–2024, IRN project BR20280993.
Citation: Utubayev, Z., Shagirbayev, M. 2024. Archaeozoological materials of the Babish Mola complex (based at the excavations of 2023). *Margulan readings–2024.* In 2 vol. Vol. 2. Pp. 322–335 (in Kazakh).

Ж.Р. Утубаев*[1], *М.С. Шағырбаев*[1]
[1]*Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан*
**корреспондент авторы*

Бәбіш мола кешенінің археозоологиялық материалдары
(2023 жылғы қазба бойынша)

Мақалада Бәбіш мола кешенінен 2023 жылы табылған жануар сүйектерін археозоологиялық зерттеу нәтижелері қарастырылады. Зерттеу материалдарының басым бөлігі Бәбіш мола 1 қаласы аумағындағы қазбадан және аздаған мөлшерде Бәбіш мола 10А (ғибадатхана) нысанынан табылды. Зерттеудің мақсаты остеологиялық материалдарды археозоологиялық әдістер бойынша зерттеу: жануар түрлерін, қаңқа элементтерін, қаңқа бөліктерін, жас ерекшеліктерін, модификацияланған және патологиялық белгілері бар сүйектерді анықтау. Зертханалық талдау нәтижесінде 1186 сүйек зерттеліп, оның 822 данасы нақты түрге дейін анықталды. Остеологиялық коллекцияның 96,5% үй жануарларының қаңқа элементтері құрайды. Тұяқты

үй жануарларының құрамында уақ малдың (қой және ешкі) сүйектері – 54,4%. Сүйек саны жағынан екінші орында – ірі қара, үшінші жылқы сүйектері. Аздаған мөлшерде түйе және иттің қаңқа элементтері де кездесті. Жабайы жануарлардың құрамында құлан *(Equus hemionus)*, ақбөкен *(Saiga tatarica)*, арқар *(Ovis ammon)*, түлкі *(Vulpes vulpes)*, қоян *(Lepus tolai)*, тасбақа *(Testudo horsfieldii)* және құс *(Aves ind.)* сүйектері кездесіп отыр. Патологиялық талдау нәтижесі сүйектердегі өзгерістер мен бірқатар патологиялық ауытқушылықтарды анықтауға мүмкіндік берді.

Қаржыландыру көзі: Жұмыс ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2022–2024 жж. бағдарламалық-нысаналы қаржыландыру шеңберінде орындалды, жобаның ЖСН BR20280993.

Сілтеме: Утубаев Ж.Р., Шагирбаев М.С. 2024. Бәбіш мола кешенінің археозоологиялық материалдары (2023 жылғы қазба бойынша). *Марғұлан оқулары–2024.* 2 том. 1-т. 322–335-бб.

Ж.Р. Утубаев*[1], *М.С. Шагирбаев*[1]
[1]Институт археологии имени А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан
**автор-корреспондент*

Археозоологические материалы комплекса Бабиш мола
(по раскопкам 2023 г.)

В статье рассматриваются результаты археозоологического исследования костных остатков животных, обнаруженных в 2023 г. на комплексе Бабиш мола. Большая часть остеологических материалов выявлена при раскопках городища Бабиш мола 1 и в небольшом количестве – на объекте Бабиш мола 10А (храм). Целью исследования является анализ остеологического материала археозоологическими методами: определение видов животных, элементов скелета, частей скелета, возрастных особенностей, костей с модифицированными и патологическими признаками. В результате лабораторного анализа исследовано 1186 костей, из которых 822 экз. определены до вида. 96,5% остеологической коллекции составляют скелетные элементы домашних животных. В составе копытных домашних животных кости мелкого рогатого скота (овец и коз) составляют 54,4%. На втором месте по количеству костей – крупный рогатый скот и далее, на третьем – лошадь. В небольшом количестве также встречались скелетные элементы верблюда и собаки. Дикие животные представлены костями кулана (*Equus hemionus*), сайгака (*Saiga tatarica*), архара (*Ovis ammon*), лисицы (*Vulpes vulpes*), зайца (*Lepus tolai*), черепахи (*Testudo horsfieldi*) и птицы (*Aves ind*.). Результат патологического анализа позволил выявить изменения в костях и ряд патологий.

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2024, ИРН проекта BR20280993.

Цитирование: Утубаев Ж.Р., Шагирбаев М.С. 2024. Археозоологические материалы комплекса Бабиш мола (по раскопкам 2023 г.). *Маргулановские чтения–2024.* В 2-х т. Т. 1. С. 322–335 (на каз. яз.).

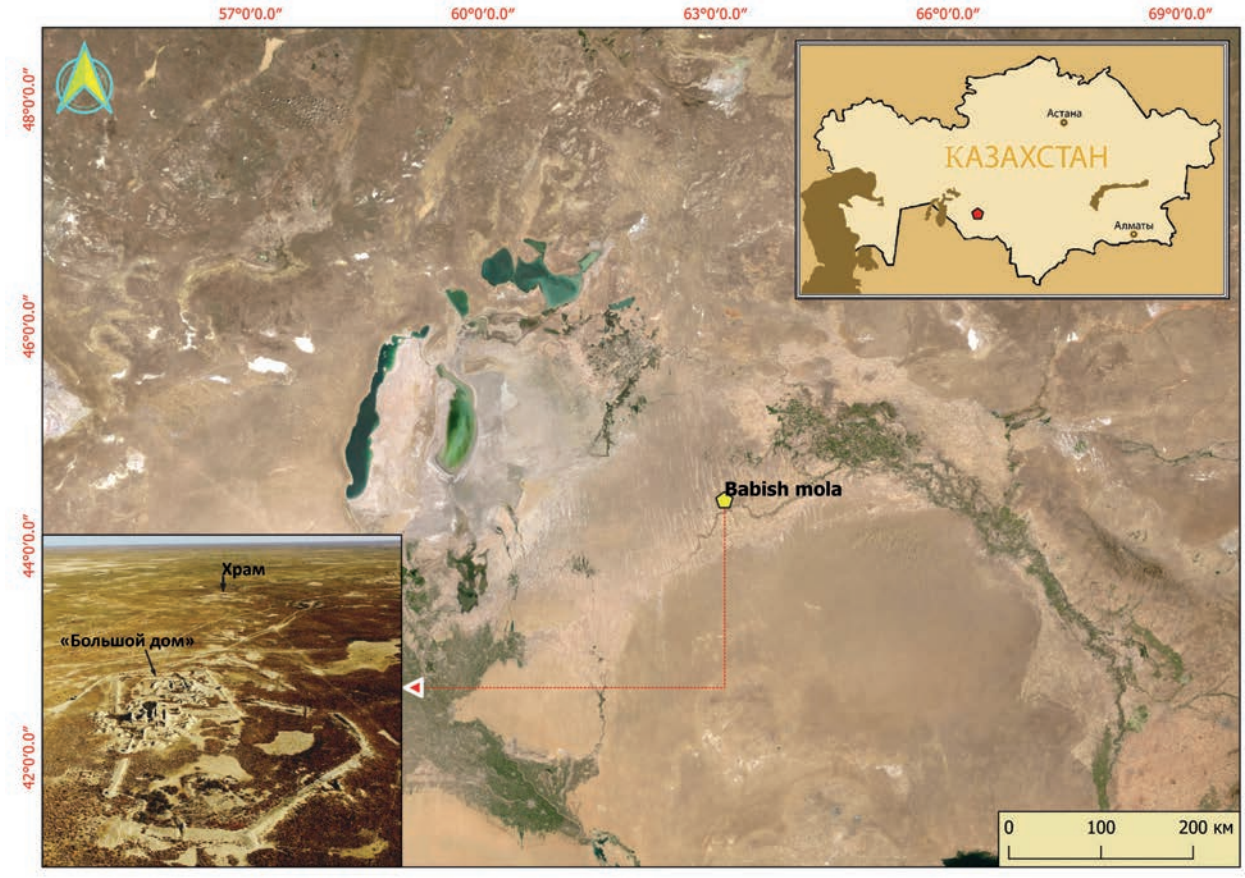
1 Кіріспе

Археозоологиялық материалдар ежелгі малшаруашылығының құрылымы мен даму бағыттары, табындағы жеке жануар түрлерінің иерархиясы, белгілі бір өңірдегі шаруашылықтың даму динамикасы мен аңшылық кәсіптері туралы нақты мәліметтер бере алады. Соңғы жылдары шірікрабат мәдениетіне тән ескерткіштерден табылған остеологиялық материалдардың Сырдария өңіріндегі ерте темір дәуірі тұрғындарының шаруашылығын тарихи реконструкциялауда маңызы артып келеді [Шагирбаев, Утубаев 2019**а**; 2019**б**; Утубаев, Шагирбаев 2021: 84]. Жануар сүйектері қазба барысында көп мөлшерде табыла бермейтіндіктен, жаңадан табылған остеологиялық коллекцияның тұрақты зерттеуге түсіп отыруы маңызды.

Зерттеу жұмысының мақсаты Бәбіш мола кешеніне (1-сур.) 2023 жылы жүргізілген археологиялық қазба жұмыстарының барысында табылған остеологиялық материалдарға археозоологиялық зерттеу жүргізу, сүйектердің морфологиялық құрылымын сипаттау және жануарларды шаруашылықта пайдалану мәселесін археозоологиялық тұрғыдан сипаттау.

Зертханалық талдау жұмыстары барысында төмендегі міндеттерді шешу алға қойылды: жануарлардың таксономиялық құрамын анықтау; қаңқа элементтерін сипаттау, қаңқа бөліктерінің қатынасын көрсету, жануарлардың жас ерекшеліктерін анықтау және модификациялауға ұшыраған, сонымен қатар, патологиялық өзгерістері бар сүйектердің сипаттамасын жасау.

Археозоологиялық мәліметтерді (үй жануарларының құрамы мен мөлшерлі жасы, жабайы фауна, сүйектердегі өзгерістер және т.б.) өзара байланыстыра отырып, жүйелі түрде талдау, Бәбіш мола кешеніндегі тұрғындардың шаруашылығын реконструкциялауда өзекті болып табылады. Сонымен қатар, алдағы зерттеулер үшін маңызды салыстырмалы статистикалық ақпараттар кешенін құрайды.



1-сур. Бәбіш мола кешенінің Қазақстан картасында орналасуы. Орындаған: М. Шағырбаев
Fig. 1. The location of the Babish mola complex on the map of Kazakhstan. Performer: M. Shagirbayev
Рис. 1. Расположение комплекса Бабиш мола на карте Казахстана. Исполнитель: М. Шагирбаев

2 Материалдар мен әдістер

2.1 Зерттеу әдістері

Остеологиялық материалдар Бәбіш мола кешеніне жүргізілген археологиялық қазба жұмыстары барысында жинастырылған. Жалпы 1186 сүйектің 1138 данасы Бәбіш мола 1 қаласы аумағындағы «үлкен үй» деп аталатын нысаннан және 48 сүйек Бәбіш мола 10А деп аталған ғибадатханадағы қазбадан анықталды. Бәбіш мола 1 қаласы аумағынан табылған 1138 сүйектің 774 данасы нақты түрге дейін ажыратылып, таксономиялық жүйесі анықталды. Археозоологиялық

зерттеу барысында үй жануарларының барлық түрі (қой, ешкі, ірі қара, жылқы, түйе және ит) және бірқатар жабайы жануарлар (құлан, ақбөкен, арқар, түлкі, қоян) және тасбақа мен құс сүйектері белгілі болып отыр (1-кесте). Остеологиялық материалдарды археозоологиялық талдау салыстырмалы-морфологиялық зерттеу әдісіне негізделеді. Үй жануарларының (ірі қара, жылқы және түйе) жас ерекшеліктерін (жақ сүйектердегі тістердің өсу/жетілу үдерісі, түтікшелі сүйектердің эпифиздері және т.б.) анықтауда И. Сильвердің әдістемелік еңбегі [Silver 1969: 283–302] пайдаланылды. Жұп тұяқты үй жануарларының өлшемдері бойынша экстерьерлік ерекшеліктерін реконструкциялауда алдыңғы және артқы сирақтардың коэфициенттері негізге алынды [Цалкин 1960; 1961: 127; 1970: 137–138]. Сүйектердің морфометриялық өлшемдері қалыптасқан әдістерге сәйкес жүргізілді. Ірі қара, уақ мал және жылқы сүйектері А. Дриш әдісі бойынша[Driesch 1976: 56–101] өлшенді.

2.2 Материалдарды сипаттау

Қазбаның сипаттамасы

Сырдарияның ежелгі оңтүстік арналары – Іңкәрдария мен Жаңадария бойында шірікрабат мәдениетін таратушы – сақ тайпаларының жерлеу ғимараттары мен мекен еткен орындары орналасқан.

Сондай ескерткіштердің бірі Бәбіш мола қаласы Сырдариядан бөлініп шыққан Жаңадария арнасының оң жағалауында орналасқан. Қаланың суландыру жүйесі жақсы дамығандығын дариядан бірнеше шақырымға тартылған каналдар мен арық іздерінен көреміз.

Бәбіш мола орталығы бар үлкен қала. Қаланың оңтүстік-шығыс бөлігі биік дуалдармен қоршалған. Қабырғаларына жау алмастай етіп мұнаралар тұрғызып, оларды оқ ататын ойықтармен күшейткен. Қала цитаделі солтүстігікте орналасқан, оның көлемі 100× 100 м. Биіктігі 2 м болатын қабырғаларын жартылай дөңгелек мұнаралармен бекіткен. Қала цитаделінің оңтүстік-батыс кіре беріс қақпасында «донжон» деген атауға ие болған көлемі 30 × 30 м болатын қуатты бекініс бой көтерген. Оның қабырғалары 4–5 м биіктікте сақталған. Іші бірнеше бөлмеден тұрады. Бөлмелерге қатынайтын есіктерін аркамен көмкерген. Басты кіретін қақпасы осы жерде болғандықтан, жауды күтіп алатын мұнара ретінде қолданған.

Цитадельде «үлкен үй» деп аталатын шаршы тектес, жалпы ауданы 44 × 44 м ғимарат бар. Қабырғаларының қазіргі биіктігі 1,5 м. Ғимаратты атқыш ойықтары бар, мұнаралармен бекіткен. Мұнаралар ғимараттың қабырғаларын тұтастай қамтыған. Бұл аймаққа 1957–1960 жылдары Хорезм археологиялық-этнографиялық экспедициясы қазба жұмыстарын жүргізсе, 2018 жылдан бері Шірік Рабат археологиялық экпедициясы кешенді зерттеу жұмыстарын жүргізіп келеді.

2023 жылғы далалық зерттеу жұмыстары өткен ғасырдың 50-жылдарының аяғында Хорезм экспедициясының қазбалары негізінде ашылған «үлкен үйдің» солтүстік-батыс секторында жүргізілді. 2022 жылы айналма дәліздің бірнеше бөлмелері мен солтүстік-батыс бөлігі жартылай ашылған, 2023 жылы бұрын қазылған құрылыстан шығысқа қарай аумағы 70 шаршы метр болатын ғимараттың жоспары анықталды. Қазба барысында № 1 бөлме және № 2 бөлменің солтүстік-шығыс бөлігі толығымен тазартылса, № 5 бөлменің батыс бөлігі жартылай аршылды. № 1 бөлмемен № 5 бөлмені байланыстырып тұрған дәліз анықталды. Бөлмедегі қабырғалар шикі кірпіштен тұрғызылған.

Қазба жұмыстары кезінде ғимараттың солтүстік-батыс секторының стратиграфиясы анықталып, ғимараттың үш кезеңі нақтыланды. Алғашқы кезеңге, қабырғалары тікбұрышты және төртбұрышты шикі кірпіштерден тұрғызылған сарайды жатқызамыз.

Сонымен, «үлкен үй» нысанында жүргізілген жұмыстар барысында сарайдың батыс бөлігінде орналасу сипаты туралы жаңа мәліметтер алынды. Қазіргі таңда, жоспары төртбұрышты болатын № 2 бөлменің ауданы 55–56 шаршы м құрайды. Бұл бөлме батыс бөлігіндегі айналма дәлізбен іргелес жатыр. Ал солтүстік-шығыс бөлігінде дәліз тәрізді № 1, 5, 6 бөлмелер орналасқан. Бұрын жүргізілген қазба жұмыстары көрсеткендей ғимаратты алғашқы кезде ұзақ пайдаланбаған. Тұрғындар кешен салынғаннан кейін, қысқа уақытқа тастап кеткен болса керек.

Келесі зерттеу жұмыстары қала шахристанының оңтүстік бөлігінде жүргізілді. Зерттеудің негізгі мақсаты қала аумағындағы цитадель мен бекініс қабырғасы арасындағы жекелеген учаскелермен қала құрылысының сипатын анықтау.

Қазба барысында еден деңгейінен шаруашылық мақсатта пайдаланылған екі жертөле, бір шеберхана мен тұрғынжайлары анықталды. Олардан екі және үш камералы ошақтар мен жерге көмілген шаруашылық ыдыстары табылды. Сондай-ақ, пішіні төртбұрышты болатын екі көзешілер пеші ашылды.

Бәбіш мола қаласынан солтүстік-шығысқа қарай 400 м жерде орналасқан Бәбіш мола 10А нысаны зерттелді. Қазбаға дейін өлшемдері 6×5 м болатын қоршау болып көрінді. Кейінірек оның бір бөлмеден тұратын, көлемі үлкен ғимарат екендігі анықталды. Қазба жұмыстары барысында белгілі болғандай, ескерткіш екі кезеңнен тұрады. Бірінші кезеңнің қабырғаларының өлшемдері 6,70 × 7,10 × 7,20 × 7,50 м. Екінші кезеңнің қабырғалары солтүстік және шығыс қабырғасымен жанаса тұрғызылған. Ғимараттың кірер ауызы солтүстік қабырғаға салынған, оның ені 84 см. Ішкі бөлменің өлшемдері 3,28 × 3,30 × 3,50 × 3,60 м. Бөлменің қақ ортасында шикі кірпіштен төртбұрышты құрылыс тұрғызылған. Осы құрлыстың солтүстік және шығыс бөлігінен қабырғаны бойлай салынған суфа анықталды. Бөлменің ортасындағы құрылыс алтарь немесе құрбандық үстелі қызметін атқарған болуы мүмкін. От іздері аталған құрылыстан тіркелмеді. Егер, бұл ғұрыппен байланысты бөлме болса, оттың ешқандай маңызды рөл атқармағандығын көреміз. Ғимараттың айналасында жануар сүйектері мен керамикалар қойылған шұңқырлар бар. Алдын-ала қорытындылар бойынша ғимарат табынушылық ғибадатхана қызметін атқарған болуы мүмкін.

Қазба барысында табылған барлық керамикалық материалдар шірікрабат археологиялық мәдениетінің хронологиялық кезеңімен б.д.д. III–II ғғ. мерзімделеді.

3 Нәтижелер

3.1 Жануар түрлері

Екі археологиялық нысандада үй жануарларының барлық түрі анықталды. Басты айырмашылық сүйектердің саны мен жабайы жануарлардың құрамында ғана кездесіп отыр. Жануарлар санындағы (сүйек саны емес – М.Ш.) айырмашылық үлкен. Бұл Бәбіш мола 1 нысанындағы шаруашылық пен тұрмыстық жағдайлардың ауқымды болғанын көрсетеді.

Бәбіш мола 1. Үй жануарларының құрамында сүйек және жануар саны жағынан қой мен ешкінің қаңқа элементтері басым. Жиыны 404 дана уақ мал сүйектері үй жануарларының 58,2% құрайды. Оның ішінде 103 сүйек (13,6%) – қойға, 22 сүйек (2,9%) – ешкіге және 315 сүйек (41,7%) – уақ малға (қой немесе ешкі сүйектері нақты анықтауға келмеген жағдайда шартты түрде «уақ мал» деп аталды) тиесілі. Сүйек және жануар саны жағынан екінші орында ірі қара (сәйкесінше 230 сүйек – 30,4%). Үшінші орында ірі қарадан 4–5 есе аз мөлшерде жылқы сүйектері табылды. Сүйек коллекциясының құрамында саналуы түйе және ит сүйектері кездесіп отыр. Жабайы жануарлардың ішінде ақбөкеннің қаңқа элементтері көп анықталды. Сондай-ақ, құлан, арқар, түлкі және қоянның сүйектері бар. Морфологиялық белгілері нашар сақталған немесе мүлдем сақталмаған сүйек коллекциясы шартты түрде «анықтауға келмейтін сүтқоректілердің сүйектері» деп көрсетілді. Дегенмен, сүйектердің қабырға қалыңдығы мен пішіндеріне қарап, ірі немесе ұсақ жануарлардан тарайтынын байқауға болады. Сәйкесінше 364 сүйектің 189 данасы ірі, 175 данасы ұсақ жануарларға тиесілі.

Бәбіш мола 10А. Ғибадатханадан барлығы 48 жануар сүйегі анықталды және таксономиялық құрылымы тоғыз сүтқоректі жануар және құстан тұрады. Сүйектер толық бөлшектенген, яғни тағам қалдықтары. Мұнда да уақ малдың қаңқа элементтері үй жануарларының ішінде 73,6% көрсетіп отыр. Басқа жануарлардың мөлшері Бәбіш мола 1 нысанындағы қазбаның жағдайын қайталайды (1-кесте). Басты айырмашылығы үй және жабайы жануарлардың бірқатарының сүйектері бір данадан ғана анықталды.

1-кесте – Бәбіш мола кешенінен табылған жануар сүйектерінің түр бойынша құрамы
Table 1 –Species composition of animal bone remains from the Babish mola complex
Таблица 1 –Видовой состав костных остатков животных из комплекса Бабиш мола

Жануар түрі		Бәбіш мола 1					
		Сүйек саны		%		Жануар саны	
Үй жануарлары							
Уақ мал – *Ovis* et *Capra*		315	404	41,7	58.2	37	24
Қой – *Ovis aries*		103		13,6			13
Ешкі – *Capra hircus*		22		2,9			3
Ірі қара – *Bos taurus*		230		30,4		17	
Жылқы– *Equus caballus*		68		9,0		8	
Түйе – *Camelus bactrianus*		12		1,6		2	
Ит – *Canis familiaris*		6		0,8		1	
Барлығы		756		100.0		68	
Жабайы жануарлар							
Құлан – *Equus hemionus*		1		7,7		1	
Ақбөкен – *Saiga tatarica*		7		53,8		2	
Арқар – *Ovis ammon*		1		7,7		1	
Түлкі – *Vulpes vulpes*		1		7,7		1	
Қоян – *Lepus tolai*		3		23,1		2	
Жиыны		13		7,7		7	
Анықтауға келмейтін сүйектер							
Сүтқоректілер – Mammlia indet	Ірі жануар	364		189		51.9	
	Ұсақ жануар			175		48.1	
Тасбақа – *Testudo horsfieldii*		1					
Құс – *Avesindet*		4					
Барлығы		1138					
Жануар түрі		Бәбіш мола 10А					
		Сүйек саны		%		Жануар саны	
Үй жануарлары							
Уақ мал – *Ovis* et *Capra*		16	28	42.1	73.6	9	5
Қой – *Ovis aries*		11		28.9			3
Ешкі – *Capra hircus*		1		2.6			1
Ірі қара – *Bos taurus*		7		18.4		1	
Жылқы– *Equus caballus*		1		2.6		1	
Түйе – *Camelus bactrianus*		1		2.6		1	
Ит – *Canis familiaris*		1		2.6		1	
Жиыны		38		100.0		13	
Жабайы жануарлар							
Ақбөкен – *Saiga tatarica*		2		50.0		1	
Түлкі – *Vulpes vulpes*		1		25.0		1	
Қоян – *Lepus tolai*		1		25.0		1	
Жиыны		4		100.0		3	
Құс – *Aves indet*		6					
Барлығы		48					

3.2 Жас ерекшеліктері

Екі археологиялық нысандағы уақ малдың жас ерекшеліктері біркелкі емес (2-кесте). Бәбіш мола 1 қаласындағы «үлкен үйден» табылған 37 бас қой мен ешкінің 48,6% шамамен 2–3 жастан асқан жануарлар. 13 жануар 1–2 жас аралығында сойылса, алты жануар үш айдан бір жасқа дейінгі аралықта сойылған/өлген. Ғибадатханадағы тоғыз жануардың 55,5% немесе бес жануар бір жасқа дейін сойылса, үш жануар 1–2 жас аралығында және бір жануар екі жастан асқанда сойылған. Бұл екі археологиялық нысанда тұрғындардың/адамдардың уақ малға деген қарым-қатынасының әртүрлі болғанын көрсетеді.

Ірі қараның басым бөлігі (41,1%) 2–3 жас аралығында сойылған. Дегенмен төрт жануардың қартайған шағында (шамамен 5–6 жаста) сойылуы, сиырларды сүт өнімдерін алу үшін шаруашылықта ұзақ пайдалануы мүмкін екендігін жоққа шығармайды. Ірі қараның ішінде төрт жануар 1,5–2,5 жаста сойылса, бір жануар алты айдан бір жасқа дейінгі аралықта етке пайдаланылған. Бір жануар алты айға дейін сойылған. Ғибадатханада құрбандыққа сойылған бір жануардың (сиырдың) жасы 4–5 жас аралығында болғаны анықталды.

Жылқы сүйектерінің жас ерекшеліктері қала аумағындағы қазба материалдарына негізделді. Ғибадатхана аумағынан табылған жылқы сүйегінің нақты жасын анықтау мүмкін емес. Тұрғын үйлерде тағам қалдықтары түрінде кездескен жылқы сүйектерін талдау барысында бес жас тобы анықталды. Оның ішінде 1–2 жастан бастап 15 жастан асқанға дейін сойылған.

Қала аумағындағы тұрғын үйден анықталған түйе сүйектері кемінде екі ересек жануарға тиесілі. Ғибадатханадағы түйенің қаңқа элементтері де ересек жануардан тарайды. Екі қазба аумағынан табылған ит сүйектері ересек жануарларға тиесілі.

Жабайы жануарлардың сүйектері кемінде жеті жануардан тарайды. Оның ішінде құлан, арқар, үш ақбөкен, екі түлкі және екі қоян да ересек шағында сойылған/өлген.

2-кесте – Бәбіш мола кешенінен табылған сүтқоректілердің жас ерекшеліктері
Table 2 – The age composition of mammals from the Babish mola complex
Таблица 2 –Возрастной состав млекопитающих из комплекса Бабиш мола

*Төменгі жақ сүйектрдегі тістердің жағдайы	Жасы, ай	Бәбіш мола 1		Бәбіш мола 10А	
		Абс.	%	Абс.	%
Уақ мал – *Ovis* et *Capra*					
m3 бар	24 айдан жоғары	18	48.6	1	11.1
m2 бар, m3 жоқ	12–24 ай	13	35.1	3	33.3
m1 бар, m2 жоқ	3–12 ай	6	16.2	5	55.5
Жиыны		37	100.0	9	100.0
Ірі қара – *Bos taurus*					
pm3 тұрақты	34 айдан жоғары	4	23.5	1	100.0
m3 бар	28 айдан жоғары	7	41.1	0	0.0
m2бар, m3 жоқ	18 – 28 ай	4	23.5	0	0.0
m1бар, m2 жоқ	6 – 18 ай	1	5.8	0	0.0
m1 жоқ	6 айға дейін	1	5.8	0	0.0
Жиыны		17	100.0	0	0.0

2-кестенің соңы
End of table 2
Окончание таблицы 2

Жылқы – *Equus caballus*				
15 жастан асқан	1	12.5	–	–
10-15 жас	3	37.5	–	–
5-6 жас	2	25.0	–	–
3-4 жас	1	12.5	–	–
1-2 жас	1	12.5	–	–
	8	100.0	–	–
Түйе – *Camelus bactrianus*				
Ересек жануар	2	100.0	1	100.0
Ит – *Canis familiaris*				
Ересек жануар	1	100.0	1	100.0
Құлан – *Equus hemionus*				
Ересек жануар	1	100.0	–	–
Арқар – *Ovis ammon*				
Жартылай ересек	1	100.0	–	–
Ақбөкен – *Saiga tatarica*				
Ересек жануар	2	100.0	1	100.0
Түлкі – *Vulpes vulpes*				
Ересек жануар	1	100.0	1	100.0
Қоян – *Lepus tolai*				
Ересек жануар	2	100.0	1	100.0
*Ескерту: уақ мал мен ірі қарадан басқа жануарлардың жас ерекшелігін анықтауда тіс жүйесімен қатар, ұзын сүйектердің эпифиздері негізге алынды.				

3.3 Қаңқа элементтерінің құрамы

Үй жануарларының қаңқа элементтерінің құрамы өзара ұқсас (3-кесте). Уақ малдың сүйектерінің құрамында сегіз дана мүйіз табылып отыр. Бас сүйек элементтері кездеспегенімен, жоғарғы және төменгі жақ сүйектер фрагмент түрінде және бірқатар төменгі жақтар бүтін табылды. Қой мен ешкінің қаңқасынан ең көп табылғаны жақ сүйек, омыртқа мен қабырға және тірек қимыл жүйесінің жоғарғы бөлігі (жауырын, тоқпан жілік, кәрі жілік, жамбас, сан жілік, асықты жілік). Аяқтың төменгі бөлігі өте сирек кездесіп отыр. Жиыны 440 сүйектің 62,8% бөлшектенген, яғни материалдардың тағам қалдығы екенін растайды.

Ірі қараның қаңқасынан бір дана мүйіз сынығы табылды. Уақ малмен салыстырғанда санаулы ғана элементтер кездеспегенімен, негізгі қаңқа сүйектерінің барлығы табылып отыр. Жиыны 230 сүйектің 71,8% шабылып, сындырылған, яғни әдеттегі тағам қалдықтары деуге негіз бар.

Жылқы сүйектерінің қаңқа элементтерінің құрамы алдыңғы екі (үш) түрге қарағанда айырмашылықтарға ие. Мұнда сүйек саны аз және кеуде мен тірек-қимыл жүйесіндегі элементтердің біразы кездеспеді. Барлығы 68 сүйектің 67,6% сындырылған яғни тағам қалдықтары. Түйе сүйектерінің алтауы шартты түрде бүтін және алтауы әдейі сындырылып, бөлшектенген.

3-кесте – Үй тұяқтыларының қаңқа элементтерінің құрамы
Table 3 – Composition of the elements of the skeleton of domestic ungulates
Таблица 3 – Состав элементов скелета домашних копытных

Қаңқа элементі	Уақ мал *Ovis* et *Capra*		Ірі қара *Bos taurus*		Жылқы *Equus caballus*		Түйе *Camelus bactrianus*	
	б	ф	б	ф	б	ф	б	ф
Мүйіз – *Cornu*	3	5	0	1	0	0	0	0
Бас сүйек – *Cranium*	0	0	0	9	0	3	0	0
Жоғарғы жақ – *Maxilla*	0	14	0	2	0	0	0	0
Төменгі жақ – *Mandibula*	19	51	2	19	0	5	0	0
Тіс – *Dentes*	11	3	9	14	9	2	1	0
Атлант – *Atlas*	0	0	1	1	0	0	0	0
Эпистрофей – *Axis*	0	0	0	0	0	0	0	0
Омыртқа – *Vertebrae*	11	21	4	8	1	4	0	0
Құйымшақ –*Sacrum*	0	0	0	1	0	1	0	0
Қабырға – *Costae*	9	23	9	37	0	8	0	0
Жауырын – *Scapula*	9	21	3	14	1	1	0	1
Тоқпан жілік – *Humerus*	16	22	2	6	0	4	0	0
Кәрі жілік – *Radius*	9	22	10	3	0	1	0	1
Шынтақ – *Ulna*	1	3	0	4	0	0	0	1
Жамбас – *Os coxae*	8	17	3	10	0	3	0	0
Сан жілік – *Femur*	2	18	0	5	0	4	0	0
Асықты жілік – *Tibia*	24	34	2	13	3	2	0	0
Тобық – *Patella*	0	1	0	0	0	0	0	0
Өкше сүйегі – *Calcaneus*	5	2	1	1	0	0	0	0
Асық – *Talus*	15	1	2	0	1	0	0	0
Тізе сүйектері – *Ossa carpi*	1	0	2	0	2	0	0	0
Тілерсек – *Ossa tarsi*	1	0	1	0	0	0	0	0
Орталық сүйек – *Os centrale*	0	0	0	0	0	0	0	0
Метаподия – *Metapodium*	5	15	1	6	0	2	4	2
Алдыңғы сирақ – *Metacarpale*	1	1	1	1	0	1	1	1
Артқы сирақ – *Metatarsale*	9	2	4	6	2	2	0	0
Грифельді – *Mt (2-4)*	0	0	0	0	1	1	0	0
Сесамоидты – *Sesamoideum*	0	0	0	0	1	0	0	0
Тұсамыс – *Phalanx 1*	3	0	4	2	1	1	0	0
Топай – *Phalanx 2*	2	0	1	1	0	0	0	0
Тұяқ – *Phalanx 3*	0	0	3	1	0	1	0	0
Жиыны	164	276	65	165	22	46	6	6
	37.2	62,8	28.2	71.8	32.3	67.6	50.0	50.0
	440		230		68		12	

3.4 Қаңқа бөліктерінің қатынасы

Қаңқа бөліктерінің құрамында аяқтың жоғары бөлігі мен кеуде сүйектерінің мөлшері бойынша өзара ұқсастық байқалады (4-кесте). Уақ малдың қаңқа бөліктерінде аяқтың жоғарғы яғни «етті» бөліктің сүйектері 47% құрайды. Екінші орында бас сүйек элементтері (жоғарғы және төменгі жақ)

басым. Кеуде және аяқтың төменгі бөлігіне тиесілі сүйектердің мөлшері бірдей. Жеке тістер қаңқа бөліктерінің арасында 3,2% көрсетті.

Ірі қараның қаңқа бөліктерінде аяқтың жоғарғы бөлігі 32,6% құрайды. Екінші орында кеуде сүйектері – 26,5%. Үшінші орында аздаған айырмашылықпен аяқтың төменгі бөлігі және бас сүйек бөлшектері орналасқан (сәйкесінше 16,5%–14,3%). Жеке тістердің саны уақ малға қарағанда бір жарым есеге көп. Жылқының үш қаңқа бөлігі (кеуде, аяқтың жоғары және төменгі бөліктері) өзара бірдей. Тістер саны жағынан бас сүйекпен шамалас.

4-кесте – Үй жануарларының қаңқа бөліктерінің қатынасы
Table 4 –The composition of the skeleton system of domestic animal
Таблица 4 – Состав отделов скелета домашних животных

Қаңқа бөліктері / Partes corporis	Уақ мал *Ovis* et *Capra*		Ірі қара *Bos taurus*		Жылқы Equus caballus	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Бас сүйек *(Cranium)*	92	20,9	33	14,3	8	11,8
Тістер *(Dentes)*	14	3,2	23	10,0	11	16,2
Кеуде *(Vertebrae, costae, sternum, sacrum)*	64	14,5	61	26,5	14	20,6
Аяқтың жоғарғы бөлігі *(Scapula, os coxae, humerus, ulna, radius, femur, patella, tibia)*	207	47,0	75	32,6	19	27,9
Аяқтың төменгі бөлігі *(Ossa carpi, ossa tarsi, metacarpus, metatarsus, ossa digitorum manus/ pedis)*	63	14,3	38	16,5	16	23,5
Жиыны / Total	404	100.0	230	100.0	68	100.0

3.5 Сүйектердегі модификациялық өзгерістер

Археозоологиялық талдау барысында 218 дана сүйектің әртүрлі модификациялық өзгерістерге түскені анықталды. Оның ішінде басым бөлігі адамның тарапынан өзгерген сүйектер (5-кесте).

Үш дана өңделген сүйек үй жануарларына тиесілі. 1) Ірі қараның төменгі оң жақ сүйегінің альвеолярлы қатары кесіліп, вентральды қыры сақталған. Сүйекті өңдеудің мақсаты түсініксіз және тұрмыста пайдаланған деуге келмейді. 2) Жылқы жауырынының қыр алды бетінде латеро-медиальды бағытта тесік жасалған. 3) Қойдың асықты жілігінің дистальды эпифизіне жақын аймақта, плантарлы бетінде тесік кездесті. Арнайы тесігі бар сүйектер тұрмыста пайдаланылмаған яғни сүйектің сыртқы қабатында *(periosteum)* ешқандай қолдың/алақанның ұзақ ұстауынан қалатын майдың жылтыраған іздері кездеспеді.

Сүйектердегі модификацияның басым бөлігі шабудан қалған іздер (64 дана немесе 29,4%). Сонымен қатар, 43 сүйекте (пышақпен) кесуден қалған іздер де кездесті. Өзгерістерге түскен сүйектердің тағы бір бөлігі өртенген сүйектер мен кальцинацияланған қаңқа элементтері. Соңғысы отта ұзақ ұстаумен байланысты. Барлық өртенген сүйектер Бәбіш мола 1 нысанындағы қазбадан табылды. 97 сүйекте жыртқыштардың (ит болуы мүмкін) кеміруінен/мүжуінен қалған іздер кездесіп отыр. Бұл сүйектердің тағам қалдығы ретінде тасталғаннан кейін, белгілі бір уақыт ашық жатқанын көрсетеді. Екі дана сүйекте кеміргіштердің мүжу іздері байқалды. Жалпы жыртқыштар тарапынан 99 сүйек өзгеріске түскен.

3.6 Сүйектердегі патологиялық өзгерістер

Сүйек коллекциясының құрамында 12 қаңқа элементінде патология іздері анықталды (5-кесте): 1) қойдың төменгі жақ сүйегінің альвеолярлы қатарында тістердің өсу қатары тегіс емес; 2) жоғарғы жақ сүйекте м2-м3 тістерінің қажалу үдерісі қатты жүріп, басқа тістерден төмен орналасқан.

Аталған екі патологиялық белгі де жануарлардың тірі күнінде толыққанды қоректенуіне қатты әсер етпегенімен, белгілі бір қолайсыздықтар тудыруы мүмкін; 3) қой асығының дистальды блогындағы буын бетінің кеңейгені (липпинг) байқалады; 4) тоқпан жіліктің дистальды блогындағы медиальды айдаршық үстінде өзгеріс кездесті. Аталған патологиялық белгілердің этиологиясын нақты көрсету әзірге мүмкін емес; 5) түйе метаподиясының дистальды эпифизінің буын беті деформацияланған (липпинг); 6-7) буын шеміршегінің сүйек негізіне дейін желіну белгісі (эбурнеация) жылқының екі дана жамбас сүйегінен анықталды; 8-9) жылқының екі дана сан жілігінің проксимальды жілік басында да эбурнеация белгісі кездесті; 10) жылқыға тиесілі төменгі жақ сүйек фрагментінде сақталған м2 тісінде гипоплазия белгісі анықталды; 11-12) ірі қараның екі дана артқы сирағының төменгі эпифиздерінің плантарлы бөлігінде экзостоз (сүйек өсінділер) кездесіп отыр.

5-кесте – Модификацияланған сүйектердің арақатынасы
Table 5 – The ratio of modified bones
Таблица 5 –Соотношение модифицированных костей

Сүйектердегі модификация	Бәбіш мола кешені	
	абс.	%
Өңделген сүйектер	3	1,4
Шабу іздері	64	29,4
Кесу іздері	43	19,7
Өртенген сүйектер	5	2,3
Кальцинацияға ұшыраған сүйектер	4	1,8
Жыртқыштар мүжіген сүйектер	97	44,5
Кеміргіштер мүжіген сүйектер	2	0,9
Жиыны	218	100,0
Адамдар тарапынан модификацияланған	119	54,5
Жануарлар тарапынан модификацияланған	99	45,5
Сүйектердегі патология	Бәбіш мола кешені	
	абс.	%
Сүйек өсінділер / экзостоз	2	16,7
Буын бетінің кеңеюі / деформациялануы (липпинг)	3	25,0
Буын бетінің дегенеративті зақымдануы / эбурнеация	4	33,3
Гипоплазия	1	8,3
Альвеолярлы қатардағы патология	2	16,7
Жиыны	12	100,0

4 Талқылау

Қала аумағындағы тұрғын үйден табылған уақ мал сүйектерінің көршілігінің 2–3 жастан асқанда сойылуы, жануарларды пайдалану мақсатты түрде жүзеге асырылғанын көрсетеді. Сонымен қатар, жануарларды жүн немесе тері өнімдерін алу мақсатында ұзағырақ шаруашылықта ұстап, екінші орында ет өнімі үшін пайдалануы мүмкін. Қала шаруашылығында осы жағдай орын алғанның өзінде, уақ малдың сойылу мөлшері (етке пайдалану) басқа жануарларға қарағанда 2–3 есе көп. Бұл жалпы шаруашылықта қой мен ешкі санының жоғары болғанын айғақтайды.

Ғибадатханадағы уақ малдың жас ерекшеліктері тұрғын үйлердегі жағдайға қарама-қарсы. Онда жануарлар тек ет өнімі үшін мақсатты түрде сойылған немесе құрбандыққа тек жас жануарларды таңдаған.

Қала тұрғындарының ірі қараға деген қарым-қатынасы уақ малға қарағанда ерекшеліктерге ие. Мысалы, сиырлардың сою көрсеткішінде қарқынды кезеңдер байқалмайды. Жануарларды алты айдан бастап 5–6 жасқа дейінгі аралықта етке пайдаланған. Жалпы тұрғындар сиырларды екі мақсатта (сүтті-етті) қолдануы/эксплуатациялауы мүмкін. Жас ерекшеліктері бойынша айырмашылықтар, ірі

қараны бірінші кезекте сүт өнімдерін алу үшін пайдаланғанын жанама түрде растайды. Яғни сүт өнімі, етке қарағанда маңыздырақ болған секілді. Ал етке деген қажеттілікті уақ мал тарапынан қамтамасыз еткенін көреміз.

Сиыр метаподияларындағы сүйек өсінділердің (экзостоз) этиологиясын айту қиын. Ветеринариялық әдебиеттерде сүйектердегі өзгерістердің себептері минеральды-витамин алмасуының бұзылуымен, жануардың дұрыс қоректенбеуімен және бір жерде (қорада) ұзақ ұстауымен байланыстырылып, жалпылама «буындардың микрожарақаты» деп аталады [Лукьяновский 1984: 123–124]. Палеопатологиялық әдебиеттерде ірі қара малдың аяқ сүйектеріндегі дегенеративті көріністердің негізгі себебін жануарды ауыр жұмыс күші ретінде пайдалану кезінде буынға түскен салмақтың жоғарылауымен немесе жануардың өзінің салмағының артуымен байланыстырады [Рассадников 2016: 184]. Сүйек коллекциясындағы экзостоз белгілерінің санаулы ғана болуы, ірі қараны ауыр жұмысқа пайдалану мәселесіне қатысты пікір айтуға мүмкіндік бере алмайды.

Отардағы/табындағы уақ мал мен ірі қараның бірқатары мүйізді болған. Уақ малдың мүйіздерінің басым бөлігі аталық жануарларға тиесілі. Ешкі сүйектерінің арасында да мүйіздер кездесті. Ірі қара мүйіздерінің пішіні ірі деуге келмейді. Остеологиялық материалдардың ішінде аталық жануарға (бұқа/өгіз) тиесілі болуы мүмкін мүйіздер анықталған жоқ.

Жылқыны шаруашылықта пайдаланудың сипаты әмбебап болғанын көрсетеді. Мысалы, барлығы сегіз жылқының алтауы 5–6 жастан асқанда яғни ересек шағында ғана етке пайдаланылған. 1–4 жас аралығындағы яғни тірек-қимыл жүйесі әлі бекімеген, эпифиздері жетілмеген жылқылар саны екеу. Бұл тұрғындардың тағам рационында жылқы етінің аса көп пайдаланылмағанын көрсетеді. Тұрғындар бірінші кезекте уақ малдың етін пайдаланса, екінші орында сиыр етіне мән берген. Жылқының шаруашылықтағы рөлін, сүйектердегі патологиялық белгілерге сүйене отырып келесідей сипаттауға болады. Жануардың жамбас-сан жілік буынының зақымдануы (эбурнеация) жануарға тірі күнінде қолайсыздық тудырады. Бұл жануардың қозғалуына әсер етіп, оның дұрыс қоректенбеуіне алып келеді. Нәтижесінде жануар арықтап, жұмыс немесе мініс көлігі ретіндегі қызметі нашарлауы бірден көзге түседі. Бәбіш мола қаласының тұрғындары жылқыдағы мұндай жағдайды байқап, одан әрі тек етке пайдалануы әбден мүмкін. Жануарлардың басым бөлігінің ересек шағында (15 жасқа дейін) сойылуы да осы пікірімізді айғақтай түседі.

Түйе етінің тағам рационындағы мөлшері үй жануарларының ішінде төртінші орында. Барлық түйе сүйектері ересек жануарларға тиесілі. Бұл тұрғындардың ет өнімін қамтамасыз етуде түйені мақсатты түрде сойғанын дәлелдей алмайды. Керісінше сойылған түйелер кездейсоқ болуы мүмкін. Л.Л. Гайдученко Тараз қаласының X–XII ғғ. тән қабатынан табылған үй жануарларының сүйектеріне талдау жүргізгенде, сойылған түйелердің басым бөлігі ересек екендігін байқап, түйелер керуенге пайдаланылып, кейін жарамай қалған жағдайда немесе басқа да мәселелер орын алғанда, етке пайдаланылған деп тұжырым жасайды [Гайдученко 2013: 196]. Бәбіш мола кешенінен 2023 жылы анықталған түйелердің шаруашылықтағы қызметі белгісіз. Түйе сүйектерінде патология іздерін анықтау мүмкін болмады.

Бәбіш мола кешеніндегі тұрғындарда аңшылық белгілі бір деңгейде жолға қойылғанын байқаймыз. Әсіресе ақбөкен аулау мәселесі қала тұрғындары үшін кәсіпке айналуы да мүмкін. Себебі бұған дейінгі зерттеулерімізде ақбөкен сүйектері мен жеке қаңқа элементтері топталып кездескен [Шагирбаев, Утубаев 2019**а**].

Жылқы (5–6 жаста) тісінен анықталған гипоплазия белгісі жануардың тірі күнінде қорек жетіспеумен байланысты күйзеліске түскенін көрсетеді. Бұл қала орналасқан аумақта белгілі бір мезгілде жылқы(лар)ға қажетті шөп қорегінің жетіспеушілігі (жұт?) болуы мүмкін екендігін де жоққа

шығармайды. Қойдың жақ сүйектерінің альвеолярлы қатарындағы патология (тістердің біркелкі желінбеуі/қажалмауы) белгілері де ескерткіш орналасқан аймақта климаттық өзгерістер орын алуы мүмкін екендігін растайды. Соған байланысты үй жануарларының негізгі қорегі болған флорада өзгерістер болуы мүмкін. Алайда, бұл пікіріміз дәйекті болу үшін жануар сүйектеріне арнайы изотоптық талдау жасалуы қажет.

5 Қорытынды

Археозоологиялық коллекцияны талдау нәтижелері Бәбіш мола кешенінің тұрғындары үшін малшаруашылығы маңызды болғанын көрсетіп отыр. Сырдарияның сол жағалауындағы ірі саласының бірі – Жаңадария алқабында ерте темір дәуірінде сүт және ет өнімдерін қамтамасыз етудің негізгі тәсілі малшаруашылығымен байланысты. Бәбіш молалықтардың мал шаруашылығын жүргізу дәстүрлері мен азық-түлікпен қамтамасыз ету жүйесінде өзіндік ерешеліктер болған. Оның ішінде отарда (табын, үйір) бірінші кезекте уақ малдың санын мақсатты түрде көбейткен. Уақ малдың құрамында қойдың саны ешкіге қарағанда 4-5 есе көп болуы мүмкін (2023 жылғы материалдарға негізделіп отыр). Уақ малдың шаруашылықтағы рөлі жүн мен тері өнімдері, одан кейін ет өнімімен байланысты. Жануарлардың жас ерекшеліктеріне жүргізілген талдаулар осындай қорытынды жасауға мүмкіндік беріп отыр. Екінші орында ірі қараның санын арттыру маңызды болған. Сиырлар шаруашылықта бірінші кезекте сүт өнімі, екінші етке пайдаланылған. Жылқыларды көбіне жұмыс күші мен мініс көлігі ретінде пайдаланғанын жас ерекшеліктеріне жүргізілген талдаулар мен сүйектердегі патологиялық өзгерістер жанама түрде растап отыр. Негізгі үй жануарларының қаңқа бөліктерінің қатынасында айтырлықтай айырмашылық байқалмайды. Сүйектердің барлығы тағам қалдықтары екендігін, қаңқаның/дененің етті бөліктеріне тиесілі элементтердің басымдығы растап отыр. Сүйектердің арасынан остефагия белгілері кездеспеді, бұл үй жануарларының ескерткіш аумағында жыл бойы ұстамағанын көрсетеді. Шамасы тұрғындар жануарларды жылдың белгілі бір мезгілдерінде (көктемнен күзге дейін) ескерткіштен басқа аймаққа (жайлау) қарай жайылымын өзгерткен тәрізді.

ӘДЕБИЕТ

1 *Гайдученко Л.Л.* Исследования остеологического материала // Отчет о НИР по проведению раскопок «Древнего городища Тараз». Договор AR-13/44. Т. 1 (ч. 2). Алматы; Тараз: ТОО «Археологическая экспертиза», 2013. С. 120–202.

2 *Лукьяновский В.А*. Болезни костной системы животных. М.: Колос, 1984. 254 с.

3 *Рассадников А.Ю*. Условия содержания домашних животных на поселениях бронзового века Южного Зауралья (по результатам анализа патологических изменений костной системы) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 4 (35). С. 180–187.

4 *Утубаев Ж.Р., Шагирбаев М.С*. Бәбіш мола қалашығынан табылған жануар сүйектерінің археозоологиялық талдаулары (2020 жылғы материалдар бойынша) // XIII Оразбаев оқулары / Жауапты ред. Р.С. Жуматаев. Алматы: Қазақ университеті, 2021. 83–93-бб.

5 *Цалкин В.И.* Изменчивость метаподий и ее значение для изучения крупного рогатого скота древности // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биология. 1960. Т. 65. Вып. 1. С. 109–126.

6 *Цалкин В.И.* Изменчивость метаподий у овец // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биология. 1961. Т. 66. Вып. 5. С. 115–132.

7 *Цалкин В.И*. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М.: Наука, 1970. 280 с.

8 *Шагирбаев М.С., Утубаев Ж.Р*. Жануар асықтарының археозоологиялық зерттелуі (Бәбіш мола қаласының материалдары бойынша) // Қазақстан археологиясы. 2019**а**. № 4 (6) 79–116 бб.

9 *Шагирбаев М.С., Утубаев Ж.Р*. Бәбіш мола қаласынан табылған остеологиялық материалдардың сандық және морфологиялық құрамы (2018 жылы табылған материалдар негізінде) // Абай атындағы ҚазҰПУ-нің Хабаршысы. Тарих және саяси-әлеуметтік ғылымдар сериясы.2019**б**. № 3 (62). 382–391-бб.

10 *Driesch A.V.* A Guide to the measurement of animal bones from archeological sites // Preabody Museum of Archeology and Ethnology Harvard University. 1976. Bulletin 1. 136 p.

11 *Silver I.A.* The Ageing of Domestic Animals // Science in Archaelogy. Basic books, Inc., Publishers. New York, 1969. Pp. 250–268.

REFERENCES

1 Gaiduchenko, L. L. 2013. *Otchet o nauchno-issledovatelskoi rabote po provedeniyu raskopov «Drevnego gorodischa Taraz» (Report on the scientific research work on the excavation of the "Ancient settlement of Taraz")*. Almaty; Taraz: Archaeological Expertise (in Russian).

2 Lukyanovsky, V. A. 1984. *Bolezni kostnoi sistemy zhivotnyh (Diseases of the animal bone system)*. Moscow: "Kolos" Publ. (in Russian).

3 Rassadnikov, A. Yu. 2016. In *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* 4 (35), 180–187 (in Russian).

4 Utubayev, Zh. R., Shagirbayev, M. S. 2021. In: Zhumataev, R. S. (ed). *XIII–Orazbaevskie chteniya (13th Orazbayev Readings)*. Almaty: "Kazakh University" Publ., 83–93 (in Kazakh).

5 Tsalkin, V. I. 1960. In *Biylleten Moskovskogo obşestva ispytatelei prirody. Otdel biologiıa (Bulletin of the Moscow Society of Nature Testers. Department of Biology)* 65/1, 109–126 (in Russian).

6 Tsalkin, V. I. 1961. In *Biylleten Moskovskogo obşestva ispytatelei prirody. Otdel biologiıa (Bulletin of the Moscow Society of Nature Testers. Department of Biology)* 66, 5, 115–132 (in Russian).

7 Tsalkin, V. I. 1970. *Drevneishie domashnie zhivotnye Vostochnoi Evropy (The oldest pets of Eastern Europe)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

8 Shagirbayev, M. S., Utubayev, Zh. R. 2019**а**. In *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)* 4 (6), 79–116 (in Kazakh).

9 Shagirbayev, M. S., Utubayev, Zh. R.2019**б**. In *Abai atyndagy KazUPU, Habarshy «Tarih zhane sayasi-aleumettik gylymdar» seriyasy (Bulletin Abai University, The series of «Historical and socio-political sciences»)* 3 (62), 382–391 (in Kazakh).

10 Driesch, A. V. 1976. In: *Preabody Museum of Archaeology and Ethnology*. Harvard University, Bulletin 1 (in English).

11 Silver, I. A. 1969. In: *Science in Archaelogy.* Basic books, Inc., Publishers. New York, 250–268 (in English).

About the Authors

Utubayev Zhanbolat – PhD, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan.
ORCID: 0000-0002-6484-2923 E-mail: utubaev_z@mail.ru

Shagirbayev Mambet – Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan.
ORCID: 0000-0001-8176-9329 E-mail: mambet__87@mail.ru

Авторлар туралы мәліметтер

Утубаев Жанболат Райымқұлұлы – тарих ғылымдарының кандидаты, философия докторы (PhD),
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы, Қазақстан

Шағырбаев Мәмбет Сапарбекұлы – ғылыми қызметкер,Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан

Сведения об авторах

Утубаев Жанболат Райымкулович – кандидат исторических наук, доктор философии (PhD),
Институт археологии имени А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан

Мамбет Сапарбекович Шагирбаев – научный сотрудник,Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 01.04.2024.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 01.05.2024.
Авторлар жұмысқа бірдей үлес қосты. / Авторы внесли равноценный вклад в работу.
/ The authors have made an equal contribution to the work.

ӘОЖ 903.59/904
ҒТАХР 03.41.91
https://doi.org/10.52967/3007-6528.2024.1.336.345

Құрайлы асар қорымындағы 2023 жылғы археологиялық зерттеулер

© 2024 ж. Тәжекеев Ә.Ә., Оңғаруұлы А., Дарменов Р.Т., Сұлтанжанов Ж.Қ., Шораев Б.Қ.

Keywords: *archaeology, Dzhetyasar culture, Kuraily-asar town, burial ground*
Түйін сөздер: *археология, Жетіасар мәдениеті, Құрайлы асар қалашығы, қорым*
Ключевые слова: *археология, Джетыасарская культура, городище Курайлы-асар, могильник*

A. Tazhekeyev[1], A. Onggaruly[1], R. Darmenov[2], Z. Sultanzhanov[3]* and B. Shorayev[3]
[1]Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan
[2]National Museum of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan
[3]Korkyt Ata Kyzylorda University, Kyzylorda, Kazakhstan
**Corresponding author*

Archaeological research at the Kuraily-asar burial ground in 2023

The article examines the burial structures of the Dzhetyasar culture from the territory of the Eastern Aral Sea region. In 2023, the Aral Sea Detachment of the Margulan Institute of Archaeology conducted archaeological work at the burial ground of the Kuraily-asar settlement. All the kurgans have identical construction and burial rites: they are surrounded by a moat with crossings on the northern and southern sides, and a burial pit is located in the center. The skeletons are positioned on their dorsal surface, with their heads oriented northward. The assemblage includes ceramic vessels, spindle whorls, buckles, a mirror, and an amulet. The analysis of the burial materials allowed the kurgans to be attributed to the Dzhetyasar II stage and dated to the 2nd–4th centuries AD.
Source of funding: The publication was carried out within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2023–2024, project IRN BR18574175.
Citation: Tazhekeyev, A., Onggaruly, A., Darmenov, R., Sultanzhanov, Z., Shorayev, B. 2024. Archaeological research at the Kuraily-asar burial ground in 2023. *Margulan readings–2024.* In 2 vol. Vol. 1. Pp. 336–345 (in Kazakh).

Ә.Ә. Тәжекеев[1], А. Оңғаруұлы[1], Р.Т. Дарменов[2], Ж.Қ. Сұлтанжанов[3]*, Б.Қ. Шораев[3]
[1]Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан
[2]Қазақстан Республикасының Ұлттық музейі, Астана қ., Қазақстан
[3]Қорқыт Ата атындағы Қызылорда университеті, Қызылорда қ., Қазақстан
**корреспондент авторы*

Құрайлы асар қорымындағы 2023 жылғы археологиялық зерттеулер

Мақалада Шығыс Арал өңіріндегі Жетіасар мәдениетінің жерлеу құрылыстары қарастырылады. 2023 жылы Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының «Арал маңы отряды» Құрайлы асар қалашығының қорымында археологиялық зерттеу жұмыстарын жүргізді. Барлық обалардың құрылымы мен жерлеу рәсімі бірдей. Обалар шеңбер тәріздес ормен қоршалған, ордың оңтүстігінде немесе солтүстігінде кіреберісі бар. Обалардың ортасында жерлеу шұңқыры орналасқан. Қабірдегі адам қаңқалары дорсальды бетімен (арқасымен, тігінен) жатқызылған және басы солтүстікке бағытталған. Жерлеу материалдарына қыштан дайындалған ыдыстар мен ұршықтар, тоғалар, қола айналар және тұмар кіреді. Жерлеу материалын талдау нәтижесі обаларды Жетіасар II кезеңіне жатқызуға және б.д. II–IV ғасырларымен мерзімдеуге мүмкіндік берді.
Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2024 жж. бағдарламалық-нысаналы қаржыландыруы шеңберінде, ЖТН BR18574175 жобасы аясында даярланды.
Сілтеме: Тәжекеев Ә.Ә., Оңғаруұлы А., Дарменов Р.Т., Сұлтанжанов Ж.Қ., Шораев Б.Қ. 2024. Құрайлы асар қорымындағы 2023 жылғы археологиялық зерттеулер. *Марғұлан оқулары–2024.* 2 том. 1-т.336–345-бб.

А.А. Тажекеев[1], А. Онгарулы[1], Р.Т. Дарменов[2], Ж.К. Султанжанов[3]*, Б.К. Шораев[3]
[1]Институт археологии имени А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан
[2]Национальный музей Республики Казахстан, г. Астана, Казахстан
[3]Кызылординский университет имени Коркыт Ата, г. Кызылорда, Казахстан
**автор-корреспондент*

Археологические исследования на могильнике Курайлы-асар в 2023 г.

В статье рассматриваются погребальные сооружения джетыасарской культуры с территории Восточного Приаралья. В 2023 г. Приаральским отрядом Института археологии им. А.Х. Маргулана проведены археологические работы на могильнике городища Курайлы-асар. Все курганы имеют индентичную конструкцию и погребальный обряд: они окружены рвом с перемычкой с северной и южной сторон, в центре находится погребальная яма. Скелеты расположены на дорсальной поверхности и головой ориентированы на север. Предметный комплекс представлен керамическими сосудами и пряслицами, пряжками, зеркалом и амулетом. Анализ погребального материала позволил отнести курганов к этапу Джеты-асар II и датировать II–IV вв. н.э.

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2024 гг., ИРН проекта BR18574175.
Цитирование: Тажекеев А.А., Онгарулы А., Дарменов Р.Т., Султанжанов Ж.К., Шораев Б.К. 2024. Археологические исследования на могильнике Курайлы-асар в 2023 г. *Маргулановские чтения–2024.* В 2-х т. Т. 1. С. 336–345.

Кіріспе

Жетіасар шатқалы Шығыс Арал маңында, Сырдария өзенінің төменгі алқабында орналасқан, онда ежелгі Сырдарияның құрғақ арналары толығымен кесілген аллювиалды жазықта ондаған археологиялық ірі қоныстар бар. Сырдария өзенінің төменгі ағысы ежелгі заманнан бері Қазақстанның оңтүстігіндегі урбанистік мәдениеттің орны саналып, көшпелілердің дәстүрлі қыстайтын мекені болған. Оны малшылар мен егіншілердің көші-қон, этникалық және сауда байланыстары өткен екі мәдени аймақ деп қарастыруға болады. Дәл осы ауданда Жетіасар қалашықтары орналасқан, олардың жартысына жуығы Жетіасар шатқалында ежелгі Сырдарияның арналары Қуандария және Ескідариялық бассейнінде шоғырланған.

Хорезм археологиялық-этнографиялық экспедициясының мүшелері Жетіасар мәдениеті мыңдаған жылдар бойы мәдениеттің барлық салаларында: олардың қоныстары мен қорымдарының топографиясы, құрылыс техникасы мен қалашықтардың орналасуы, жерлеу түрлері мен жерлеу рәсімдері, формалары, қыш ыдыстардың технологиясы мен ою-өрнектері, қару-жарақ, тұрмыстық заттар мен әшекейлерінде тұрақтылық пен консерватизм сақталғандығын көрсетеді [Галиева 2002: 125–140; Толстов 1948: 125–140; Толстов 1962: 188; Левина 1971: 8–69; Левина 1996: 60–121; Болелов, Тажекеев 2023: 164–179].

Барлық қалашықтар мыңдаған әртүрлі обалардан тұратын қорымдармен қоршалған [Толстов 1962: 189–196; Левина 1996: 60–121]. Қазіргі уақытта ауданы 15-25 га дейін, сақталған қирандылары жер деңгейінен 25 м биіктікке дейін жететін 50-ден астам Жетіасар қалашығы белгілі.

2023 жылдың далалық маусымында Ә.Ә. Тәжекеевтің жетекшілігімен Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының экспедициясы Жетіасар қалашықтарының бірі – Құрайлы асар қалашығының қорымында археологиялық зерттеулер жүргізді. Құрайлы асар қалашығы Қызылорда облысы, Қармақшы ауданы, Тұрмағамбет ауылынан батысқа қарай 14 км жерде орналасқан. Қалашықтың нақты пішіні жоқ, солтүстігіндегі құрылыстары аяқталмаған, үштен бір бөлігі ғана тікбұрыш пішінді болып келген. Қалашықтың ортасында бұрыштары дөңгеленіп келген шаршы

пішінді төбе орналасқан. Екі террасалы болып келген оның биіктігі 11 м асады. Төменгі террасасының өлшемдері – 80 × 80 м, үстіңгісі – 40 × 40 м құрайды. Төменгі террасаның оңтүстік бөлігінің ортасында кішігірім төбешік бар, сірә, ол кешенге кіретін қақпа болуы мүмкін. Оның қабырғалары тікбұрышты қам кесектерден (40 × 30 × 9-10 см) қаланған. Осы төбенің оңтүстігінде, сопақша мұнаралары бар бекініс қабырғаларының ішінде орналасқан кейінгі кезеңдік тұрғын жайлардың қалдықтары сақталған [Левина 1996: 15-16].

Құрайлы асар қалашығының маңында да көлемі үлкен қорым орналасқан. З.С. Галиева ескерткіштің маңынан мыңдаған обалары бар қорымдарды белгілеп, оны үш үлкен топқа бөлді. Олардың ішіндегі ең ірісі – қалашықтан шығысқа қарай және Ескідариялықтың арнасында орналасқан № 1 обалар тобы. № 2 обалар тобы қалашықтың оңтүстігі мен батыс бөліктерін жағалай жайылып жатыр. № 3 топтағы обалар алдыңғы екі топпен салыстырғанда қалашықтың бекініс қабырғаларынан алыс орналасқан. Бұл топты екі бөлікке бөліп қарастыруға болады: біріншісі – қалашықтың солтүстік-шығысында (үлкенірек), екіншісі – қалашықтың оңтүстігінде (кішірек) орын тепкен. 2023 ж. осы № 3 обалар тобының екінші бөлігінде (Құрайлы асар қалашығынан оңтүстікке қарай 500 м жерде орналасқан) 4 оба зерттелді. Әрі қарай осы обалардың далалық зерттеулерінің барысы сипатталады.

Материал және зерттеу әдістері

Зерттеу әдістері

Археологиялық материалдарды талдау кезінде далалық және зертханалық зерттеулерді біріктіретін дәстүрлі әдістер қолданылды. Жетіасар шатқалындағы ХАЭЭ ауқымды зерттеулеріне қарамастан, Құрайлы асар қорымында бұрын археологиялық қазба жұмыстары жүргізілмеген. Осыған сәйкес бұл ескерткіш зерттеу нысаны ретінде таңдалды. Оба үйінділері траншеялы әдіспен қазылды. Қазба учаскелері арнайы автоматтандырылған құрылғы арқылы үрлеу әдісімен тазартылды. Негізгі репер нүктесі қорымның биік бөлігіне қойылды. Жерлеу шұңқырларындағы адам қаңқаларының орналасуы О.В. Зайцева мен Д.И. Ражевтың [Зайцева, Ражев 2007: 84–89] әдісі бойынша сипатталды.

Материал сипаттамасы

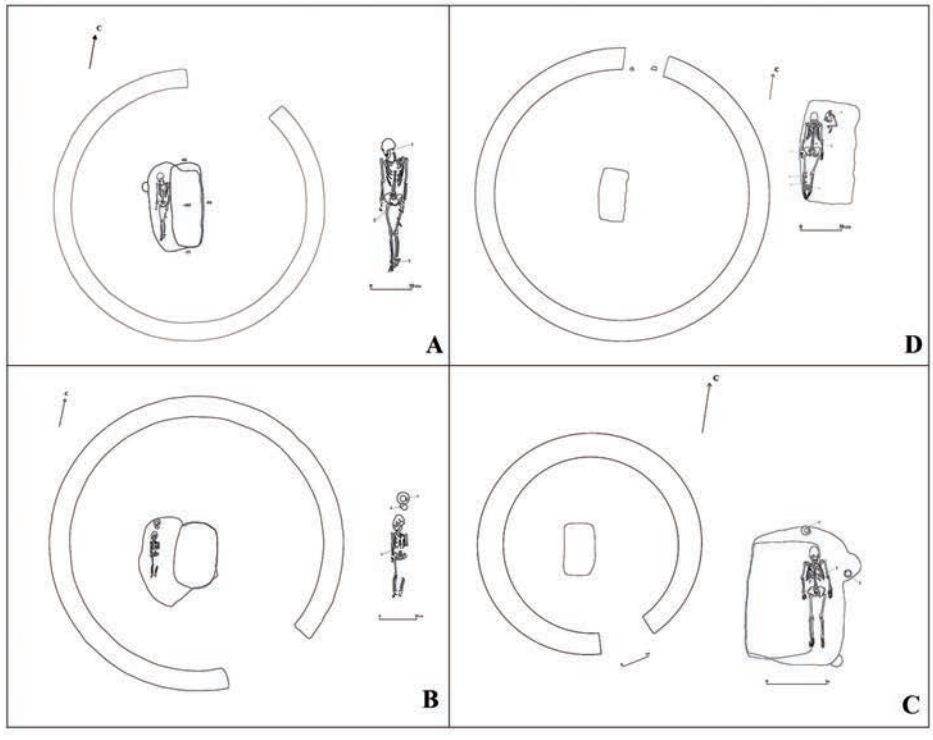
№ 1 оба (1-сур., *1, А*). Обаның беткі қабаты тазаланғаннан кейін жерлеу шұңқыры мен обаны қоршаған ордың ізі анықталды. Пішіні шеңбер тәріздес ордың диаметрі – 6,5 м, солтүстік жағында кіреберісі бар. Обаның сақталған биіктігі 10-15 см құрайды.

Жерлеу шұңқыры обаның дәл ортасында орналасқан және оңтүстіктен солтүстікке бағытталған. Оның тереңдігі – 105 см. Жерлеу шұңқырының батыс қабырғасынан лақат қазылған. Бірақ лақатты негізгі шұңқырдан бөліп тұратын арнайы қабырға анықталмады. Ол батыс қабырғаның бойына тегіс емес қабырғалары бар қарапайым лақат түрінде салынған. Лақаттың түбі негізгі шұңқыр еденінің деңгейімен сәйкес.

Лақатқа әйел адамның қаңқасы қойылған. Қаңқаның ұзындығы 165 см. Ол дорсальды бетімен, яғни, арқасымен тік қалпында жатқызылған. Бас сүйегімен солтүстікке қарай бағытталған. Жақтары ашылмаған күйінде, төменгі жақ сүйегі жоғарғы жақ сүйегіне жапсарылып тұр. Омыртқа сүйегі түзу орналасқан және лақаттың қабырғаларына параллель жатыр. Кеуде қуысы «жабық» күйінде, яғни, қаңқа қабырғаларының стерналды ұштары бір-біріне жақын жатыр және адамның тірі кезіндегі қабырғалардың орналасу тәртібіне жақын. Қол мен аяқтың сүйектері бүгілмей, тігінен созылып қойылған (1-сур., *2, А*).



1



2

1-сур. Құрайлы асар қор.: *1* – квадрокоптерден түсірілген көрініс; *2* – жоспарлары: *A* – № 1 оба; *B* – № 2 оба; *C* – № 3 оба; *D* – № 4 оба. Орындаған: Ж.К. Сұлтанжанов

Рис. 1. Мог. Курайлы-асар: *1* – вид курганов с квадрокоптера; *2* – планы: *A* – кург. № 1; *B* –кург. № 2; *C* – кург. № 3; *D* – кург. № 4. Исполнитель: Ж.К. Султанжанов

Fig. 1. Kuraily-asar b.g.: *1* – aerial view of kurgans captured by a drone; *2* – plans: *A* – kurg. No. 1; *B* – kurg. No. 2; *C* – kurg. No. 3; *D* – kurg. No. 4. Performer: Z. Sultanzhanov

Қаңқаның оң жақ иық сүйегінің деңгейінде шұңқырда кішкене тауаша дайындалған, дегенмен іші бос болып шықты. Бас сүйектің құлақ бөліктерінде металдан жасалған сырғалары сақталған (2-сур., *1*). Оның өлшемдері: диаметрі – 1,5 см, қалыңдығы – 0,4 см. Қаңқаның жамбас сүйектері деңгейінде қатты коррозияға ұшыраған темір тоға табылды (2-сур., *2*). Сол аяғының сүйектеріне жақын қола айнаның сынығы бар (2-сур., *3*).

№ 2 оба шығыс жағынан № 1 обаға іргелес орналасқан. Обаның биіктігі – 10-15 см, диаметрі – 8 м, үйіндісі сары түсті саздан тұрады. Үйіндінің астында оңтүстік-шығыс жағынан кіреберісі бар шеңбер пішінді оры анықталды (1-сур., *1, В*).

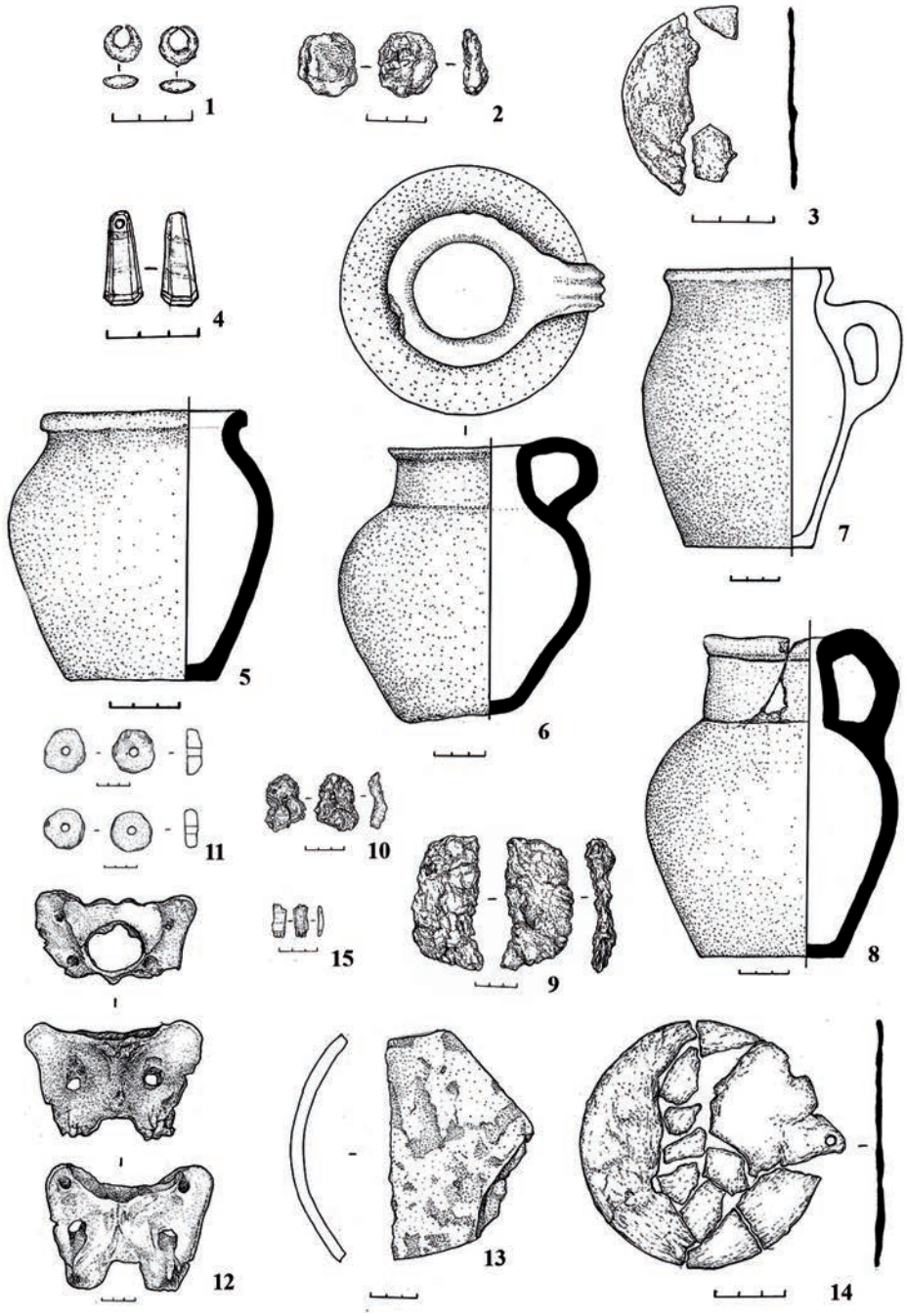
Обаның ортасында оңтүстіктен солтүстікке бағытталған, тереңдігі 144 см болатын жерлеу шұңқыры орналасқан. Жерлеу шұңқырының батыс қабырғасының астында лақат қазылған, бірақ ол жерлеу шұңқырына қарағанда көлемі үлкен. Дегенмен, лақатты жерлеу шұңқырынан бөліп тұратын қабырғасы немесе басқа белгілері анықталған жоқ. Лақаттың түбі жерлеу шұңқырының еденінің деңгейімен сәйкес.

Лақатқа кішкене баланың қаңқасы қойылған. Ұзындығы 111 см құрайтын қаңқа басымен солтүстікке бағытталған. Қаңқаның орналасу тәсілі № 1 обадағы қаңқаның орналасуын қайталайды. Бұл қаңқа да дорсальды бетімен, яғни, арқасымен тік қалпы жатқызылған. Қаңқа бас сүйегімен солтүстікке бағытталған. Жақ сүйектері ашылмаған, төменгі жақ сүйегі жоғарғы жаққа жабысып тұр. Омыртқа сүйектері түзу орналасқан. Кеуде қуысы «жабық» күйінде, яғни, әртүрлі қабырғалардың стерналды ұштары бір-біріне жақын және қаңқаның тірі кезіндегі қабырға сүйектерінің орналасу күйіне жақын. Қол мен аяқ сүйектері бүгілмей, тігінен созылып жатыр (1-сур., *2, В*).

Оң жақ қабырғалардың төменгі бөлігінде шыныдан жасалған тұмар табылды (2-сур., *4*). Тұмардың пішіні призма тәрізді. Қаңқаның бас сүйегінің жоғарғы жағына екі құмыра қойылған: біріншісінің тұтқасы бар ақ түсті, екіншісі қара түсті және тұтқасыз (2-сур., *5-6*).

№ 1 және № 2 обалардан шығыста *№ 3 оба* (1-сур., *1, С*), яғни, бұл үш оба бір-біріне іргелес орналасқан. Бұл обаның да сақталған биіктігі – 10-15 см, диаметрі – 7 м, үйіндісі сары түсті саздан тұрады. Оба оңтүстігінде кіреберісі бар шеңбер пішінді ормен қоршалған. Оның ортасында оңтүстіктен солтүстікке бағытталған тікбұрышты пішінді жерлеу шұңқыры ашылды. Алайда бұл жағдайда лақат шұңқырдың шығыс жағынан қазылған. Сондай-ақ басқа обалар сияқты, лақаттың негізгі жерлеу шұңқырынан бөлінуі белгілері анықталмады. Лақаттың түбі жерлеу шұңқырының еденінің деңгейімен сәйкес.

Лақатқа ересек әйелдің қаңқасы қойылған, оның ұзындығы 167 см құрайды. Бұл қаңқа да бас сүйегімен солтүстікке бағытталған. Қаңқа дорсальды бетімен жатқызылған. Дегенмен бас сүйек желкесімен қойылған, тиісінше бас сүйектің алдыңғы бөлігі оңға (шығысқа) қарай бұрылған. Жақ сүйектері ашылмаған, төменгі жақ сүйегі жоғарғы жаққа жабысып тұр. Омыртқа сүйектері түзу орналасқан. Кеуде қуысы «жабық» күйінде, яғни әртүрлі қабырғалардың стерналды ұштары бір-біріне жақын және қаңқаның тірі кезіндегі қабырға сүйектерінің орналасу күйіне жақын. Қол мен аяқ сүйектері бүгілмей, тігінен созылып жатыр. Әйел қаңқасының жамбас сүйектерінің ішінен кішкентай нәрестенің сүйектері табылғанын атап өткен жөн. Бұл әйел адамның қайтыс болған кезінде жүкті болғанын көрсетеді. Қаңқаның сол жақ қабырғаларының астында темірден жасалған қатты коррозияға ұшыраған белгісіз құрал табылды (2-сур., *9*). Бас сүйектен жоғары қызыл тұтқасы бар қыш құмыра қойылған (2-сур., *8*). Лақаттың шығыс қабырғасында екі тауаша қазылған. Бірінші (жоғарғы) тауашасы үлкенірек және оның ішіне қара түсті құмыра қойылған (2-сур., *9*), ал екінші (төменгі) тауашаның өлшемі кішкентай және оның іші бос. Бірақ екінші тауашаның асты лақаттың еденінен жоғары тұр (1-сур., *2, С*).



2-сур. Құрайлы асар қор. Табылған олжалар: № 1 оба: *1* – сырғалар; *2* – тоға; *3* – айнаның сынығы. № 2 оба: *4* – тұмар; *5-6* – қыш ыдыстар. № 3 оба: *7-8* – қыш ыдыстар; *9* – темірден жасалған зат. № 4 оба: *10* – тоға, *11* – ұршықтар; *12* – түйенің омыртқа сүйегі; *13* –ыдыс бөлшегі; *14* – айна, *15* – белгісіз ағаш зат

Рис. 2. Мог. Курайлы-асар. Находки. Кург. № 1: *1* – серьги; *2* – пряжка; *3* – фрагмент зеркало; кург. № 2: *4* – амулет; *5–6* – керамические сосуды; кург. №3: *7–8* – керамические сосуды; *9* – предмет из железа; кург. № 4: *10* – пряжка; *11* – пряслица; *12* – атлант верблюда; *13* – фрагмент сосуда; *14* – зеркало, *15* – деревянный предмет неизвестн. назнач.

Fig. 2. Kuraily-asar b.g. The finds. Kurg. No. 1: *1* – earrings; *2* – buckle; *3* – mirror fragments. Kurg. No. 2: *4* – amulet; *5–6* – ceramic vessels. Kurg. No. 3: *7–8* – ceramic vessels; *9* – iron item. Kurg. No. 4: *10* – buckle; *11* – spinning wheels; *12* – atlas bone of a camel; *13* – vessel fragment; *14* – mirror fragments, *15* – wooden object of unknown purpose

№ 4 оба жоғарыда аталған обалардан оңтүстікке қарай 100 м жерде орналасқан. Оның сақталған биіктігі – 10-15 см, диаметрі – 11,4 м, оба үйіндісі сары түсті саздан тұрады. Оба оңтүстік жағында кіреберісі бар шеңбер пішінді ормен қоршалған. Ордың кіреберіс бөлігінен қызыл түсті қыш құмыраның сынығы (2-сур., *13*) және түйенің омыртқа сүйегі (атлант) табылды (2-сур., *12*).

Обаның ортасында оңтүстіктен солтүстікке бағытталған тікбұрыш пішінді жерлеу шұңқыры қазылды. Жерлеу шұңқырының тереңдігі 90 см құрайды. Шұңқырдың батыс қабырғасына іргелес ересек әйел жерленген. Қаңқаның ұзындығы – 168 см. Қаңқа дорсальды бетімен жатқызылған және басы солтүстікке бағытталған. Басы желке сүйегімен қойылған, тиісінші бас сүйектің алдыңғы бөлігі тіке қаратылған. Жақ сүйектері ашық күйінде, төменгі жақ сүйегі жоғарыдан алыс тұр. Омыртқа сүйектері түзу орналасқан. Кеуде қуысы «жабық» күйінде. Қолдың сүйектері дене осінің ұзындығына параллель және қабырғалардан біршама қашықтықта орналасқан. Аяқ сүйектері тізе аймағында бір-біріне жақындатып қойылған. Оң аяғының табан сүйектері сол аяғының табан сүйектерінің үстіне қойылған (1-сур., *2, D*).

Қаңқаның аяқтарының арасынан екі қыш ұршық (2-сур., *11*) пен қола айна (археологиялық тұтас) табылды (2-сур., *14*). Сондай-ақ жамбас сүйегінің аймағында темірден жасалған тоға (2-сур., *10*) және белгісіз ағаш құралдың қалдығы анықталды (2-сур., *15*). Қаңқаның сол жағына қойдың сүйектері қойылған.

Талқылау мен қорытынды

Құрайлы асар қорымындағы (3-топ) обалардың Жетіасар мәдениетінің өзге ескерткіштерімен ұқсастықтары бар. Жетіасар мәдениетінің қазылған обалардың ішінде лақаттағы жерлеу рәсімі шамамен 30% құрайды. Лақаттардың сақталған тереңдігі 0,4-0,7-ден 1,5 м-ге дейін өзгереді, орташа есеппен 1,5-1,6 м (басым көпшілігінде). Археологиялық қазба жұмыстарының нәтижесінде, лақаты бар жерлеу орындарында негізінен әйел адамдар жерленген. Лақат көлемінің негізгі жерлеу шұңқырынан үлкен болуы – 70%, лақат пен жерлеу шұңқырының көлемдері бірдей болуы – 20%, лақат көлемінің жерлеу шұңқырынан кішірек болуы тек 10% жағдайда кездеседі [Левина 1993: 33–98; 1994].

Атап өтерлік жайт, лақаты бар жерлеу орындарының көпшілігі жоспарда ұзартылған сопақша пішінді болған. Лақаттың асты мен үстіңгі бөлігі 0,45-тен 1 м-ге дейін, соның ішінде көбіне 0,65 м құрайды. Сонымен қатар көбінде лақаттардың едені негізгі жерлеу шұңқырының еденінен төмен қазылған.

Құрайлы асар қорымының № 2 және № 3 обаларында лақаттың жоғарғы күмбезді төбесі жерлеу шұңқырының шетінен бірден қазылған, биіктігі 90–120 см жетеді. Бірақ лақат пен жерлеу шұңқырының едендері бір деңгейде.

Осыған ұқсас обалар Алтынасар 4В қорымында қазылған. Мысалы, қорымның №153 обасында оңтүстік-оңтүстік-шығысында кіреберісі бар оры болған (диаметрі – 10 м, ені – 0,7 м). Обаның ортасында батысқа қарай 23˚ ауытқитын меридианға бағытталған тікбұрышты жерлеу шұңқыры (ауданы 2,5 × 0,8 м, тереңдігі 2,2 м) болды. Шұңқырдың батыс қабырғасының астында (өлшемі 2,8 × 0,65–1,0 × 0,65 м) қосымша лақат қазылған. Оның оңтүстігінде тауашалары бар. Лақаттың асты жерлеу шұңқырының астынан 0,3 м төмен. Жерлеу шұңқырының оңтүстігінде киіздің қалдықтары табылған. Жерленген әйел қамыс төсенішіне арқасымен, бас сүйегі солтүстікке қарай бағытталып, аяқ-қолы созылып жерленген. Екі қолдың сүйектері жамбас сүйектерінің үстіне қойылған [Левина 1992**а**: 150–157; 1992**б**: 61–72].

Бас сүйегінің астында киізден жасалған жастық тәрізді зат болған. Лақаттың оңтүстік шетінде жерленген адамның аяқ жағына манжет тәрізді мойны бар асүй ыдысы, сыртынан тік ойықтармен

безендірілген, ортасында тіреуіші бар диск тәрізді қақпақпен жабылған, манжет тәрізді мойнының шетінде екі қара жапсырмасы бар үлкен құмыра қойылған. Екі қыш ыдыс та Жетіасар II кезеңінің қыш кешеніне тән. Бас сүйекке жақын қошқардың жамбас бөліктері, жиегі қалыңдатылған қола айна, сондай-ақ, ағаш жотаның сынықтары және көптеген әшекейлер салынған. Л.М. Левина, обалардың жерлеу материалын (ең алдымен, қышты) талдау нәтижесінде оны Жетіасар II кезеңіне (б.д. IV–V ғғ.) жатқызады [Левина 1996: 100].

Құрайлы асар қорымындағы № 4 обада ашылған, ортасында қарапайым жерлеу шұңқыры бар, сыртынан ормен қоршалған обалар Жетіасар мәдениетінің басқа қорымдарында да кездеседі. Бұл жерлеу орындарының да кішкене көлемді үйіндісі болған. Жерлеу шұңқырының өзі де обаның орталық бөлігінде орналасқан. Әдетте, шұңқырдың ұзын осі обаның ортасынан өтетін ордың симметрия осімен сәйкес келеді. Көбіне (46%) жерлеу шұңқыры қабырғаларының едені және төменгі бөліктерін қаптаған қамыс төсеніштерінің қалдықтары сақталған. Сипатталған обалардың көпшілігінде тік қабырғалары бар, бірақ бұрыштары дөңгеленген тікбұрышты пішінді жерлеу шұңқырлары кездеседі. Қамыс төсеніштеріне оралған қаңқа жерлеу шұңқырының түбіне арқасымен, аяқтары мен қолдары созылып, басы солтүстікке қарай бағытталып қойылған [Левина 1996: 60–121].

Осылайша, 2023 ж. Құрайлы асар қорымында (3 топ) төрт оба зерттелді. Олардың ішінде үш обада лақаты бар жерлеу орындары, ал біреуінде қарапайым жерлеу шұңқыры кездесті. Барлық жерлеу орындары *in situ* жағдайында сақталған. Обалардағы жерлеу рәсімі барлығында бірдей. Адам қаңқасын жерлеу шұңқырына немесе лақатқа арқасымен, басын солтүстікке бағыттап, қол-аяқ сүйектерін созып жатқызған. Тиісінше барлық жерлеу шұңқырлары солтүстікке бағытталған. Жерлеу материалдарының құрамы да біркелкі. Бұл – қыш құмыралар мен ұршықтар, қола айналардың сынықтары, шыны тұмар және металдан жасалған тоғалар. Жерлеу материалдарын талдау нәтижесінде № 1-4 обаларды Жетіасар II кезеңіне жатқызуға және оларды б.д. II–IV ғғ. мерзімдеуге болады. Зерттеудің осы кезеңінде лақаттың күмбезді төбесінің мөлшерін өзгерту және лақат көлемінің ұлғаю себебін анықтау қиынға соғады. Жетіасар жерлеу құрылыстарындағы лақаттың жаңа түрлерінің пайда болуы мен жерлеу ғұрыптарына қатысты сұрақтарды шешу үшін Құрайлы асар қорымындағы археологиялық жұмыстарды жалғастыру қажет деп есептейміз.

ӘДЕБИЕТ

1 *Болелов С.Б., Тажекеев А.А.* Джетыасарская культура. Историко-культурный феномен в низовьях Сырдарьи (к вопросу о датировке и происхождении археологической культуры) // Население Восточного Приаралья в эпоху миграций I тысячелетия по данным антропологического источника. М.: Товарищество научных изданий КМК; Институт археологии РАН, 2023. С. 164–179.

2 *Галиева З.С.* Эволюция культурных ландшафтов Восточного Приаралья VII в. до н.э. – VII в. н.э. на примере бассейна Эскидарьялыка. Методы реконструкции // Материальная культура Востока. Вып. 3. М., 2002. С. 72–85.

3 *Зайцева О.В., Ражев Д.И.* Возможности реконструкции особенностей первоначального размещения тела в погребениях по обряду ингумации // История и Археология. 2007. № 302. С. 84–89.

4 *Левина Л.М.* Керамика нижней Сырдарьи. ТХЭ. Т. VII. М.: Наука, 1971. 248 с.

5 *Левина Л.М.* Некоторые итоги исследований Джетыасарского отряда Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в Восточном Приаралье // Маргулановские чтения. Алма-Ата, 1992**а**. С. 150–157.

6 *Левина Л.М.* Памятники джетыасарской культуры середины I тысячелетия до н.э. – середины I тысячелетия н.э. // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Серия: Археология СССР. Т. 10 / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1992**б**. С. 61–72.

7 *Левина Л.М.* Джетыасарские склепы // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. 2, ч. I. Склепы. М., 1993. 282 с.
8 *Левина Л.М.* Могильники Алтынасар 4 // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. 4. Джетыасарская культура. Ч. 3–4. М., 1994. 312 с.
9 *Левина Л.М.* Этнокультурная история Восточного Приаралья. М.: Восточная литература, 1996. 396 с.
10 *Толстов С.П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л.: АН СССР, 1948. 322 с.
11 *Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Восточная литература, 1962. 324 с.

REFERENCES

1 Bolelov, S. B., Tazhekeev, A. A. 2023. In: *Naselenie Vostochnogo Priaralya v epohu migratsiy I tysyacheletiya po dannym antropologicheskogo istochnika* (*The population of the Eastern Aral Sea region in the era of migrations of the 1st millennium based at the anthropological source*). Moscow: Partnership of the scientific publications of KMK; Institute of Archeology of the RAS Publ., 164–179 (in Russian).
2 Galieva, Z. S. 2002. In: *Materialnaya kultura Vostoka* (*The material culture of the East*) 3, 72–85 (in Russian).
3 Zaitseva, O. V., Razhev, D. I. 2007. In *Istoriya i Arheologiya* (*History and Archaeology*) 302, 84–89 (in Russian).
4 Levina, L. M. 1971. *Keramika nizhney Syrdari* (*Ceramics of the lower Syrdarya*). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
5 Levina, L. M. 1992**a**. In: *Margulanovskie chteniya* (*Margulan readings*). Almaty, 150–157 (in Russian).
6 Levina, L. M. 1992**b**. In: Moshkova, M. G. (ed.). *Stepnaya polosa Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* (*Steppe strip of the Asian part of the USSR in the Scythian-Sarmatian period*). Moscow: "Nauka" Publ., 61–72 (in Russian).
7 Levina, L. M. 1993. In: *Nizovya Syrdari v drevnosti* (*The lower reaches of the Syr Darya in ancient times*) 2, Moscow (in Russian).
8 Levina, L. M. 1994. In: *Nizovya Syrdari v drevnosti* (*The lower reaches of the Syr Darya in ancient times*) 4, Moscow (in Russian).
9 Levina, L. M. 1996. *Etnokulturnaya istoriya Vostochnogo Priaralya* (*The ethnocultural history of the Eastern Aral Sea Region*). Moscow: "Vostochnaya literatura" Publ. (in Russian).
10 Tolstov, S. P. 1962. *Po drevnim deltam Oksa i Yaksarta* (*On the ancient deltas of the Oxus and Jaxartes*). Moscow: "Vostochnaya literatura" Publ. (in Russian).
11 Tolstov, S. P. 1948. *Po sledam drevnehorezmiyskoy tsivilizatsii* (*In the footsteps of the ancient Khorezmian civilization*). Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences (in Russian).

About the Authors

Tazhekeyev Azilkhan – Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. ORCID: 0000-0001-8145-1396 E-mail: a.tazhekeyev@gmail.com
Onggaruly Akhan – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, General Director of the Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. ORCID: 0000-0002-1113-7817 E-mail: akan123@mail.ru
Darmenov Rustem – Leading Researcher, National Museum of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan. ORCID: 0000-0002-5226-1291 E-mail: darmenov_rustem@mail.ru
Sultanzhanov Zhetesbi – Researcher, Korkyt Ata Kyzylorda University, Kyzylorda, Kazakhstan. ORCID: 0000-0002-2716-2283 E-mail: zhetesbi.sultanzhanov@mail.ru
Shorayev Baglan – Researcher, Korkyt Ata Kyzylorda University, Kyzylorda, Kazakhstan. ORCID: 0000-0001-8926-9265 E-mail: baglan.shorayev@mail.ru

Авторлар туралы мәліметтер

Тәжекеев Әзілхан Әуезханұлы – жетекші ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан
Оңғарұлы Ақан – бас директор, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан
Дарменов Рүстем Тұрарбекұлы – жетекші ғылыми қызметкер, Қазақстан Республикасының Ұлттық музейі, Астана қ., Қазақстан

Сұлтанжанов Жетесби Қанапияұлы – ғылыми қызметкер, Қорқыт Ата атындағы Қызылорда университеті, Қызылорда қ., Қазақстан
Шораев Бағлан Қошқарұлы – ғылыми қызметкер, Қорқыт Ата атындағы Қызылорда университеті, Қызылорда қ., Қазақстан

Сведения об авторах
Тажекеев Азилхан Ауезханулы – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии имени А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан
Онгарулы Акан – кандидат исторических наук, ассоциированный профессор, генеральный директор, Институт археологии имени А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан
Дарменов Рустем Турарбекович – ведущий научный сотрудник, Национальный музей Республики Казахстан, Астана, Казахстан
Султанжанов Жетесби Канапияевич – научный сотрудник, Кызылординский университет имени Коркыт Ата, Кызылорда, Казахстан
Шораев Баглан Кошкарулы – научный сотрудник, Кызылординский университет им. Коркыт Ата, Кызылорда, Казахстан

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosu of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 10.04.2024.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 10.05.2024.
Авторлар жұмысқа бірдей үлес қосты. / Авторы внесли равноценный вклад в работу.
/ The authors have made an equal contribution to the work.

УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03.41.91
https://doi.org/10.52967/3007-6528.2024.1.346.358

Петроглифический комплекс Жаман-Сарыбулак на территории Каратальского района Жетысуской области

© 2024 г. Горячев А.А., Егорова Т.А.

Keywords: *Kyzylzhar mountains, Zhaman-Sarybulak river, petroglyphs, Bronze Age, Early Iron Age, Middle Ages, Modern Times*
Түйін сөздер: *Қызылжар таулары, Жаман-Сарыбұлақ өзені, петроглифтер, қола дәуірі, ерте темір ғасыры, орта ғасыр, Жаңа заман*
Ключевые слова: *горы Кызылжар, река Жаман-Сарыбулак, петроглифы, эпоха бронзы, ранний железный век, Средневековье, Новое время*

***A. Goryachev*[1] *and T. Egorova*[1]**
[1]*Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan*

Petroglyphic complex Zhaman-Sarybulak on the territory of Karatal district of Zhetisu region

The publication presents new materials of the petroglyphic complex Zhaman-Sarybulak, located in the eastern part of the southern slopes of the Sarybulak ridge of the Kyzylzhar mountain system. Rock carvings are placed on rock slabs with southern exposure in the upper part of the ridge on the right bank of the river of the same name. In total, about 80 images on 32 rock surfaces were recorded. The main group of petroglyphs (more than 50%) dates back to the Bronze Age, among which anthropomorphic, zoomorphic images and iconic symbols ("goggles" and "lattice") are marked. Among the ancient petroglyphs of the Early Iron Age the images of animals – goats, argali, camels, horses, predators – prevail; the figures of an archer and a rider on a camel are marked. In the petroglyphs of the Middle Ages the images of riders on horses and equestrian standard-bearers, characteristic of the Old Turkic artistic traditions, stand out. The small cluster of rock paintings is of interest as part of the proposed complex of rock art monuments of the Sarybulak Mountains.
Source of funding: The work was carried out within the framework of the program of fundamental scientific research of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2023–2025, IRN BR20280993.
Citation: Goryachev, A., Egorova, T. 2024. Petroglyphic complex Zhaman-Sarybulak on the territory of Karatal district of Zhetisu region. *Margulan readings–2024.* In 2 vol. Vol. 1. Pp. 346–358 (in Russian).

***А.А. Горячев*[1], *Т.А. Егорова*[1]**
[1]*Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, Алматы, Қазақстан*

Жетісу облысы Қаратал ауданының аумағындағы Жаман-Сарыбұлақ петроглифтік кешені

Мақалада Қызылжар тау жүйесінің Сарыбұлақ жотасының оңтүстік беткейлерінің шығыс бөлігінде орналасқан Жаман-Сарыбұлақ петроглифтік кешенінің жаңа материалдары ұсынылған. Жартастағы суреттер аттас өзеннің оң жағалауындағы жотаның жоғарғы бөлігінде оңтүстік экспозициялы жартас плиталарына салынған. 32 жартас бетінен барлығы 80-ге жуық сурет тіркелді. Петроглифтердің негізгі тобы (50%-дан астамы) қола дәуірімен мерзімделеді, олардың арасында антропоморфты, зооморфты бейнелер мен таңбалық символдар («көзілдірік тәрізді» және «тор») белгіленген. Ерте темір дәуіріндегі ежелгі петроглифтердің арасында ешкі, арқар, түйе, жылқы секілді жануарлардың, жыртқыш аңдардың бейнелері басым, садақшы адамның және

түйеге мінген адамдардың сұлбалары да бар. Ортағасырлардағы петроглифтерде ежелгі түркі көркемдік дәстүрлеріне тән салт атты адам мен ту көтерген, жылқы мінген адамның бейнелері айрықша көзге түседі. Көлемі бойынша жартастағы суреттердің шағын жинағы Сарыбұлақ тауларының жартастағы өнер ескерткіштерінің болжамды кешенінің бір бөлігі ретінде қызығушылық тудырады.
Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2025 жж. арналған іргелі ғылыми зерттеулер бағдарламасы шеңберінде, ЖТН BR20280993 жобасы аясында дайындалды.
Сілтеме: Горячев А.А., Егорова Т.А. 2024. Жетісу облысы Қаратал ауданының аумағындағы Жаман-Сарыбұлақ петроглифтік кешені. *Марғұлан оқулары–2024.* 2 том. 1-т. 346–358-бб. (Орысша).

***А.А. Горячев*[1]*, Т.А. Егорова*[1]**
[1]*Институт археологии имени А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан*

Петроглифический комплекс Жаман-Сарыбулак на территории Каратальского района Жетысуской области

В публикации представлены новые материалы петроглифического комплекса Жаман-Сарыбулак, расположенного в восточной части южных склонов хребта Сарыбулак горной системы Кызылжар. Наскальные рисунки размещены на скальных плитах с южной экспозицией в верхней части гряды по правому берегу одноимённой реки. Всего зафиксировано около 80 изображений на 32-х скальных поверхностях. Основная группа петроглифов (более 50%) датируется эпохой бронзы, среди которых отмечены антропо-, зооморфные изображения и знаковые символы («очковидные» и «решетка»). Среди петроглифов раннего железного века преобладают изображения животных: козлов, архаров, верблюдов, лошадей, хищников, отмечены фигуры лучника и всадника на верблюде. В петроглифах Средневековья выделяются изображения всадников на лошадях и конных знаменосцев, характерных для древнетюркской художественной традиции. Небольшое по объёму скопление наскальных рисунков представляет интерес как часть предполагаемого комплекса памятников наскального искусства гор Сарыбулак.
Источник финансирования: Работа выполнена в рамках программы фундаментальных научных исследований Комитета науки МНВО РК на 2023–2025 гг., ИРН BR20280993.
Цитирование: Горячев А.А., Егорова Т.А. 2024. Петроглифический комплекс Жаман-Сарыбулак на территории Каратальского района Жетысуской области. *Маргулановские чтения–2024.* В 2-х т. Т. 1. С. 346–358.

Введение

Горы Кызылжар расположены в юго-восточной части Каратальского района Жетысуской области и входят в структуру Джунгарско-Балхашской складчатой системы. Хребет Сарыбулак находится в центральной части гор по правому берегу среднего течения р. Каратал и представляет собой небольшой отрог протяженностью около 11 км, ориентированный по оси запад–восток. Горы невысокие (max – 785 м над у.м.) изобилуют родниками и ручьями, которые в восточной части хребта соединяются в р. Жаман-Сарыбулак – правый приток р. Каратал.

Многочисленные родники, некоторые из них действуют круглогодично и не пересыхают даже летом, привели к формированию специфических природных условий, которые благоприятствовали проживанию здесь людей с давних времен. Долина р. Жаман-Сарыбулак, включая одноименное урочище, содержит разновременные археологические памятники от эпохи бронзы до этнографического времени. По данным предварительного археологического обзора, здесь отмечено свыше 50 объектов – древних и поздних поселений и стоянок, средневековый торткуль, курганные могильники и глинобитные семейно-родовые кладбища Нового времени.

На нахождение петроглифов по северному борту урочища и на скалах основного русла реки указал местный житель Азат Болысбеков. По его сообщению, осенью 2023 г. проведена предварительная разведка наиболее доступного из всех скоплений участка над р. Жаман-

Сарыбулак (рис. 1, *1*). Комплекс петроглифов расположен на скалистой гряде по правому (северному) борту ущелья на скальных блоках и отдельных плитах с южной, юго-западной и юго-восточной экспозицией в восточной части южных склонов гор Сарыбулак (рис. 1, *2*). Данная гряда представляет собой скотопрогонную тропу от древних и средневековых поселений из ущелья на верхние плато с пастбищами. К западу от комплекса с петроглифами обнаружены стоянка и два поселения (около 30 жилищ). У основания хребта отмечены древние и средневековые могильники и глинобитный погребальный комплекс позднего Средневековья и Нового времени.

Основная часть

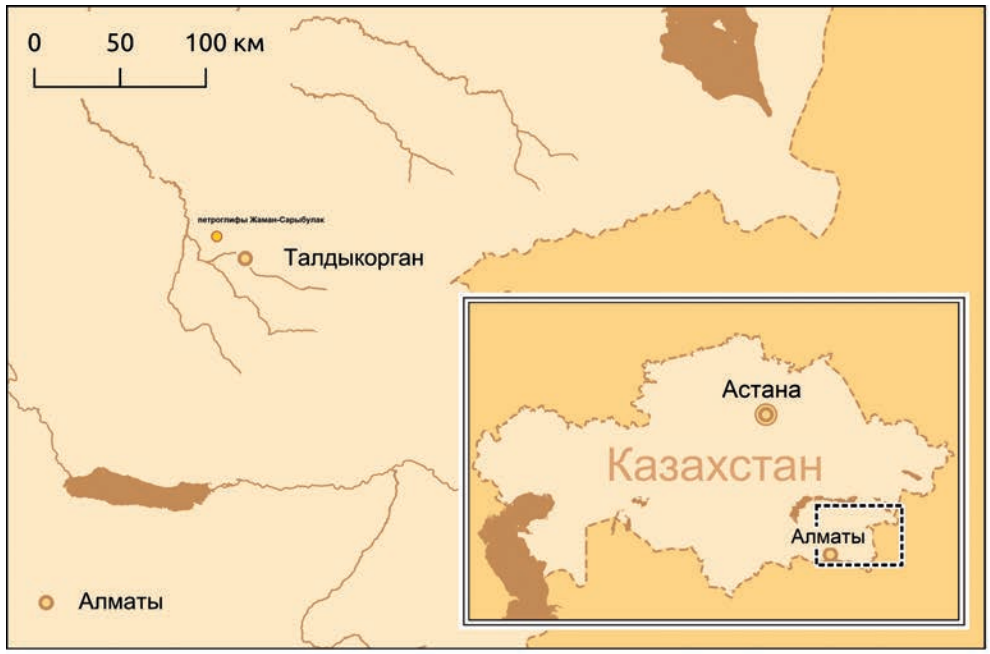
Древние рисунки нанесены на скалы техникой мелкой и крупной точечной выбивки с последующей протиркой. Ряд изображений после выбивки дополнительно прошлифован. Средневековые петроглифы выполнены в основном техникой выбивки, а Нового времени – нередко процарапаны, иногда с использованием контура более ранних фигур. Всего обнаружено 32 скальные поверхности, на которых зафиксировано около 80 изображений, датируемых периодами эпохи бронзы и раннего железа, Средневековья и Нового времени. Встречаются палимпсесты, на которых более древние рисунки подправлены либо дополнены более поздними изображениями. Часть скальных плит с петроглифами разрушается по естественным причинам.

Наиболее раннюю группу составляют петроглифы бронзового века, которые отличаются высокой степенью патинизации и характерными для этого периода стилистическими особенностями изображений. Основные сюжеты представлены солярными знаками (очковидные знаки, решётка), отдельными изображениями антропоморфов, повозки и животных: козлов, архаров, лошадей и хищников (рис. 2).

Интерес представляет композиция с повозкой, запряженной быками (рис. 2, *1*). Особенность колесничной повозки отмечается в изображении упряжных быков в профильной проекции (в позиции «одного над другим»), тогда как транспортное средство показано в традиционном ракурсе – «вид сверху». Найденное изображение повозки позволяет расширить их ареал и представляет возможность определить относительную хронологию сюжета. Исходя из конструкции повозок, способа показа тягловых животных, техники выбивки, Я.А. Шер разделял изображения колёсного транспорта на два вида: 1) изображения, где тягловые животные выбиты с ногами, показанными в одну сторону, т.е. друг над другом; 2) изображения, где конечности животных направлены в противоположные стороны. При анализе большого количества изображений повозок из Саймалы-Таша в сравнении с повозками Каратау он сделал вывод, что повозки первого вида по показателям древнее повозок второго варианта. Исследователь отмечает, что изображения упряжных животных типа «профиль» в большинстве случаев сочетаются с изображением повозок на сплошных колёсах малого диаметра. Кроме того, он отмечает, что в повозки первого вида запряжены в основном быки [Шер 1980: 202–205, табл. XI–XII].

Фигуры быков выполнены с использованием элементов тамгалинского стиля – конечности рогов и копыта переданы округлыми утолщениями [Марьяшев, Горячев 2002: 11]. Изображения животных не столь изящны как в ур. Тамгалы, однако подчёркивается эта стилистическая доминанта, что позволяет отнести их к широкому ареалу тамгалинской традиции [Марьяшев и др. 2020: 179–192]. Схожая иконография высоко поднятых рогов у быка, показанного перед повозкой, отмечена в наиболее архаичных группах петроглифов комплексов Кулжабасы и Аккайнар в Шу-Илейских горах [Байпаков, Марьяшев 2009: 44–45, 61–62; Марьяшев, Железняков 2013: 107, рис. 25; Херманн 2016: 67, рис. 6].

Колёсное средство изображено довольно схематично: два колеса небольшого диаметра, вероятно, дискового типа, укреплены под некрупной площадкой, соединённой с прямым дышлом (рис. 2, *2*). Судя по пропорциям фигур быков и средства передвижения, их соотношение



1



2

Рис. 1. Комплекс Жаман-Сарыбулак на карте Казахстана (1)
и сопка с петроглифами в долине р. Жаман-Сарыбулак (2)

1-сур. Жаман-Сарыбұлақ кешені Қазақстан картасында (1)
және Жаман-Сарыбұлақ өзенінің аңғарындағы петроглифтері бар төбе (2)

Fig. 1. The Zhaman-Sarybulak complex on the map of Kazakhstan (1)
and hill with petroglyphs in the valley of the river Zhaman-Sarybulak (2)

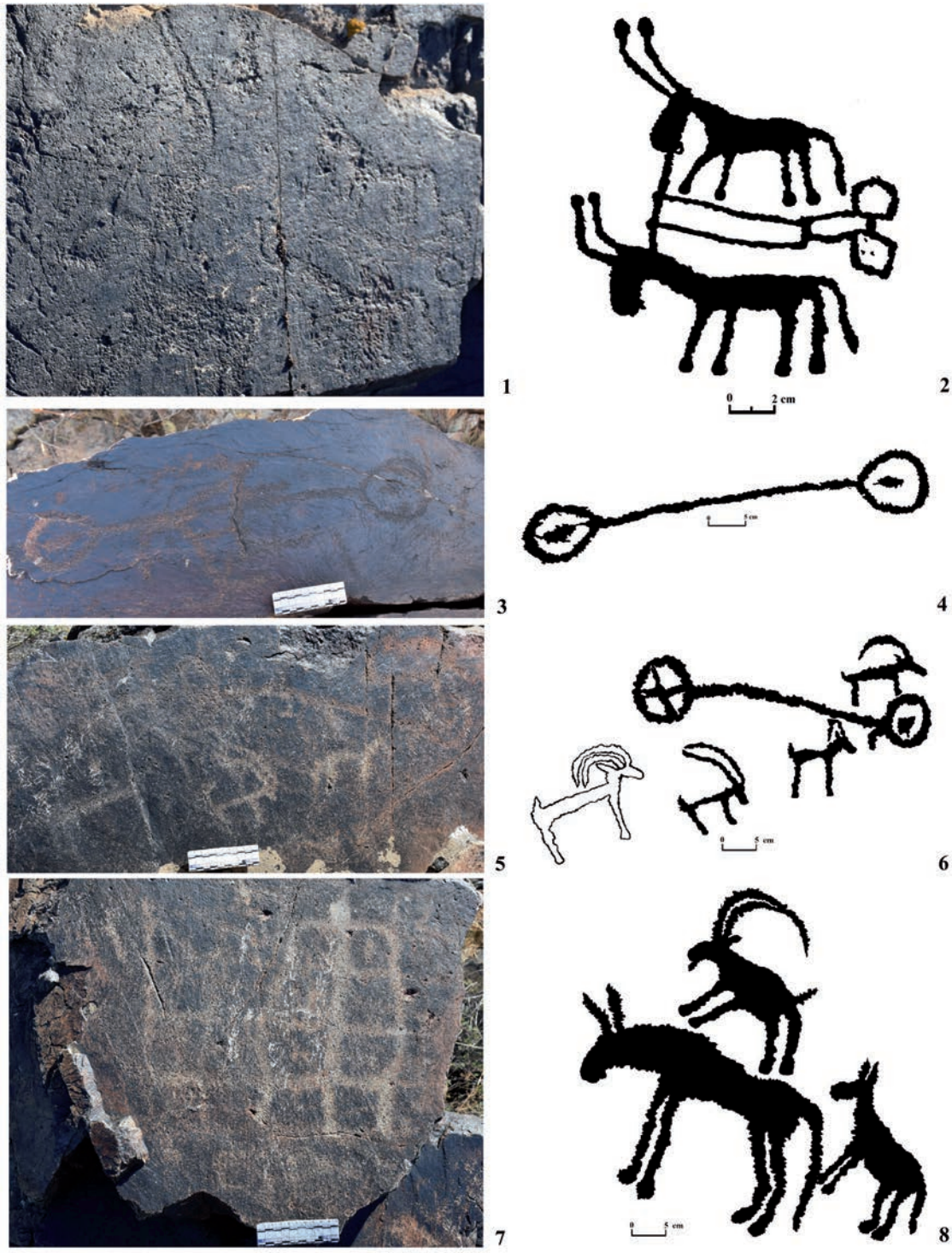


Рис. 2. Комплекс Жаман-Сарыбулак. Петроглифы эпохи бронзы
2-сур. Жаман-Сарыбұлақ кешені. Қола дәуірі петроглифтері
Fig. 2. The Zhaman-Sarybulak complex. Petroglyphs of the Bronze Age

позволяет предположить небольшой размер повозки. Наиболее ранние повозки данного типа известны в петроглифах Саймалы-Таша [Мартынов и др. 1992: рис. 77, 81–83, 86, 87]. В отличие от многочисленных изображений этого времени повозки как знака в различных петроглифических комплексах Жетысу, широко распространённые в эпоху бронзы в центрально-азиатском регионе [Шер 1980: 197–200; Новгородова 1984: рис. 24; Горячев и др. 2020: 83, табл. 9], здесь она изображена как транспортное средство [Марьяшев, Потапов 1992: 212–222]. Подобные повозки, отмеченные В.А. Новоженовым в материалах раннеандроновских могильников, вероятно, отражали местную традицию их изготовления [Новоженов 2020: 199–202].

Другую группу сюжетов эпохи бронзы в данном скоплении составляют очковидные знаки. Один из них располагается в предвершинной части на горизонтальной плите, обращённой вверх (рис. 2, *3–4*). В абрисе он представлен двумя концентрическими кругами, соединённых прямой длинной линией, внутри кругов выбиты удлинённые пятна. По центру рисунка просматривается более позднее изображение козла, под фигурой которого выявляется примыкающая к оси (?) неясная геометрическая фигура в виде «прямоугольника». Ещё один очковидный знак подобной конфигурации показан в окружении козлов (рис. 2, *5–6*). Его особенностью является крестообразный символ внутри концентрического круга с западной (левой) стороны. Иконография подобных рисунков позволяет отнести их к солярным символам [Марьяшев, Горячев 2002: 55]. Аналогии им имеют широкое распространение в петроглифах Жетысу, различных сопредельных регионов Южного Казахстана (Каратау) и Средней Азии (Саймалы-Таш, Ферганский хребет), а также в петроглифах Центральной Азии (Алтай, Южная Сибирь, Монголия, Тува) [Бернштам 1952: 50–68; Дорж, Новгородова 1975: 220; Максимова и др. 1985: 12–13; Дэвлет 1992: 207–209; Мартынов и др. 1992: рис. 19–28; Марьяшев, Горячев 2002: табл. XXII, *6–30*; Кадырбаев, Марьяшев 2007: 55]. Вместе с тем семантика подобных знаков, по мнению специалистов, определяется контекстом сопутствующих сюжетов [Дэвлет 1992: 209].

Кроме очковидных встречен и знак «решётки», нанесённый выбивкой на горизонтальную плоскость вертикально расположенного камня на площадке вершины сопки (рис. 2, *7*). Он относится к древнейшим культовым сюжетам, аналоги которому известны в Центральной и Средней Азии в эпоху ранней бронзы, где они интерпретируются как символы жилища [Мартынов и др. 1992: рис. 2–7; Савинов 2011: 80–89]. Интересны параллели этому знаку в Жетысу, среди которых встречаются как абсолютно аналогичные изображения на отдельных скальных плитах петроглифов близ комплекса Архарлы, так и во взаимодействии с фигурами культовых животных подобные сюжетам известного комплекса Танбалытас (Тамгалы), либо юртообразных жилищ из Серектаса и Ордакуля [Марьяшев, Горячев 2002: фото 14, 23, 24; Рогожинский 2011: 183, рис. 147; Горячев и др. 2023: табл. 8, *8*; 2023**а**: 18, рис. 8, *5*].

Изображения людей в петроглифах эпохи бронзы данного скопления редки. В основном это фигуры лучников или человека в сопровождении животных – козлов и архаров. Зооморфные изображения также маловыразительны и могут быть отнесены к ранним этапам только по степени патинизации. Лишь в одной из композиций выделяется крупная фигура волка и копытных, выполненных в тамгалинской традиции эпохи бронзы: конечности животных близки округлым формам (рис. 2, *8*).

Определяя хронологию и типологический ряд древних рисунков ущелья Жаман-Сарыбулак, можно отметить стилистическую близость многих из них петроглифам Тамгалы и его округи, что позволяет сделать вывод о хронологических параллелях с данной традицией [Марьяшев, Горячев 2002: 35; Рогожинский 2011: 181]. Отсутствие признаков художественной традиции эпохи поздней бронзы, характерной для расположенных вблизи комплексов Ешкиольмес и Баян-Журек (техника резьбы и миниатюрные фигуры животных) [Марьяшев, Горячев 2002: 37; Байпаков и др. 2005: 64–65], даёт основание предполагать, что данное скопление сформировалось на более раннем

историческом этапе эпохи бронзы, чем известные группы петроглифов гор Ешкиольмес, Баянжурек и основной части ур. Ордакуль.

Наскальные изображения раннего железного века в скоплении Жаман-Сарыбулак составляют незначительную группу (около 20%), что необычно по сравнению с соседними петроглифическими комплексами западных отрогов Жетысу Алатау. Также не столь ярко представлены стилистические признаки звериного стиля, характерного для этой группы рисунков. В скоплении преобладают отдельные фигуры животных или бытовые сюжеты, но отсутствуют многофигурные композиции. Среди них традиционно встречаются фигуры козлов, архаров, лошадей, верблюдов оленей и хищников (рис. 3).

Изображения животных раннего железного века в основном профильные, силуэтные, выполнены точечной выбивкой. Козлы показаны с субтильными телами, высокими рогами, бородками, выделенными копытами, иногда вырисованным глазом (рис. 3, *4*). Такими же простыми формами выполнены корпуса других животных, выделены длинные хвосты, а в изображении лошади показан глаз и узда (рис. 3, *1*). Интересен сюжет, где крупная фигура верблюда показана в сопровождении небольших по размерам козлов, архара и собаки (рис. 3, *5*). В более позднее время на верблюда «посажен» всадник, фигура которого выполнена прошлифовкой.

Датировка столь невыразительных рисунков затруднительна, по степени патинизации и иконографии некоторых образов они могут быть в целом отнесены к раннему железному веку. Из присущих этому времени признаков в данных рисунках присутствует традиция изображения трёх животных (одного или разных видов) друг над другом и выделение глаза в виде концентрического круга. Параллели этим сюжетам имеются как в петроглифах ближних хребтов Ешкиольмес и Архарлы, так и Шу-Илейских гор [Марьяшев, Горячев 2002: 115, 136, 140, фото 19, 20; Байпаков и др. 2005: 175, 178; Горячев и др. 2020: рис. 10, 11; 2023: рис. 14, 119, 177, 200, 295, 305].

В раннем Средневековье в петроглифах региона становятся популярными изображения всадников на лошадях, которые в скоплении Жаман-Сарыбулак нашли своё выражение (рис. 4). Конные всадники показаны в уверенной посадке: левой рукой они держат повод, правая чуть согнутая отведена за спину, свесившиеся ноги размещены по сторонам крупа животного, детали в целом подчеркивают упряжную лошадь (рис. 4, *3, 4*). Фигура породистого коня и уверенно сидящего на нём всадника в шапке с прикреплённым сзади длинным волчьим хвостом передают значимость этого образа (рис. 4, *4*). Голова всадника не оформлена схематично, в передней лицевой части выделяется удлиненный нос, возможно, художник стремился передать пластичные формы лица.

Подобные образы воинов-всадников прослеживаются в средневековых петроглифах различных комплексов региона, но наиболее яркие образцы известны в горах Ешкиольмес и Баян-Журек [Марьяшев, Горячев 2002: табл. 23, 13–19; Самашев 2006: 133; 2012: 145, 151]. Они имеют аналогии в наскальных рисунках древнетюркского времени как в других регионах Казахстана, так и Южной Сибири, Монголии [Окладников, Запорожская 1959: 119, рис. 59, табл. IX, рис. 317; Самашев 2013: 270–277], где датируются VI–VIII вв. н.э.

На скальных плоскостях выбиты и конные знаменосцы древнетюркского времени (рис. 4, *1, 2, 5*). Знамёна в рисунках возвышаются над седоками, держащими их в правой руке на длинном остроконечном древке, полотнища имеют свисающие кисти в верхней и нижней частях. Форма знамени в тюркских петроглифах Жетысу – важный атрибут для культурно-хронологических определений. Аналогии иконографии знамён комплекса Жаман-Сарыбулак прослеживаются в петроглифах урочищ Тамгалы и Каракыр гор Анрахай, что существенно отличает их от рисунков полотнищ раннего Средневековья в других микрорайонах [Рогожинский 2011: 202–203; Егорова Т., Егорова К. 2014: табл. 1, 6, 7, 9, 11]. Подобные знамёна определяются как штандарты, символизирующие воинские группы у древних тюрков [Самашев 2013: 260].

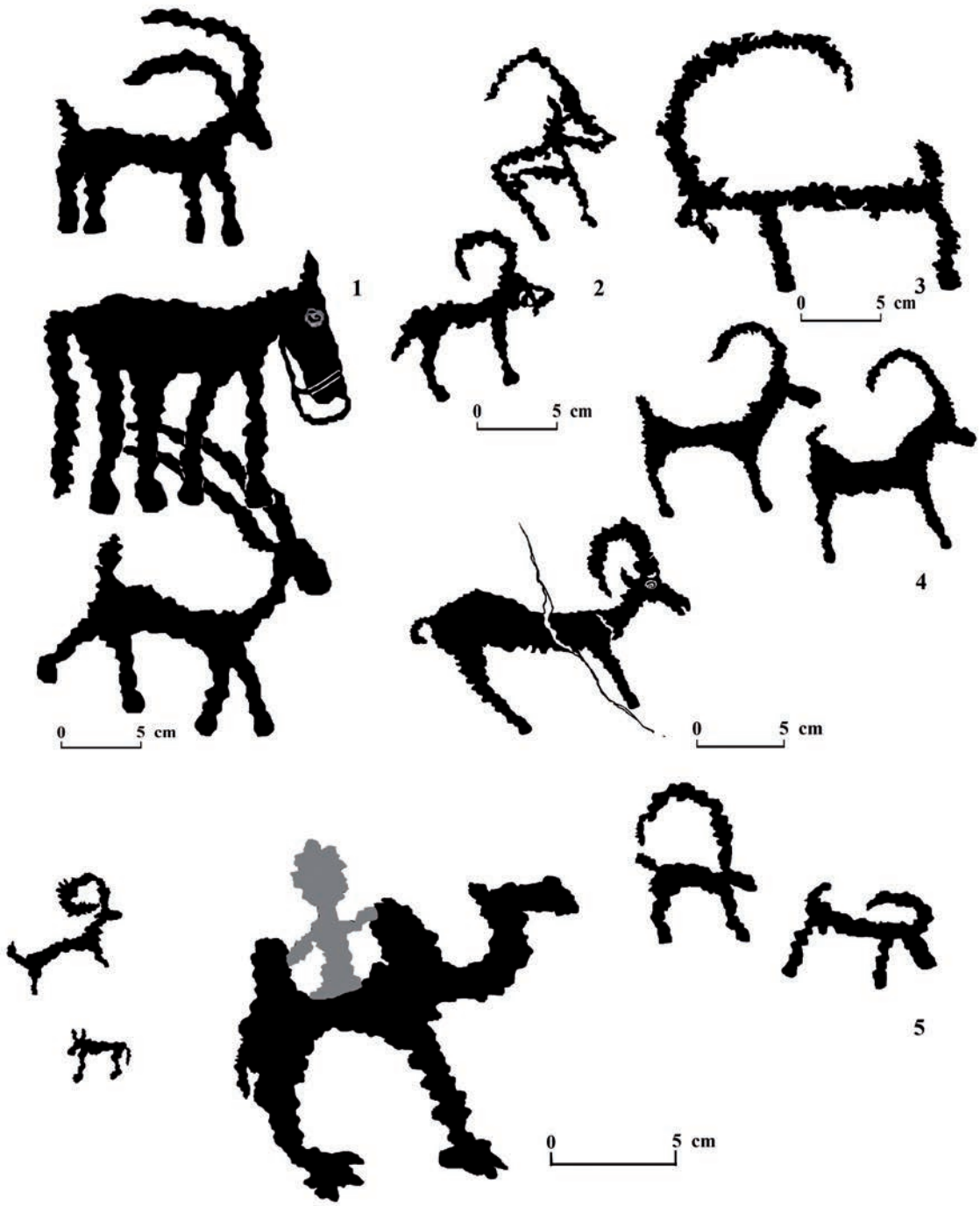


Рис. 3. Комплекс Жаман-Сарыбулак. Петроглифы раннего железного века
3-сур. Жаман-Сарыбұлақ кешені. Ерте темір дәуірі петроглифтері
Fig. 3. The Zhaman-Sarybulak complex. Petroglyphs of the Early Iron Age

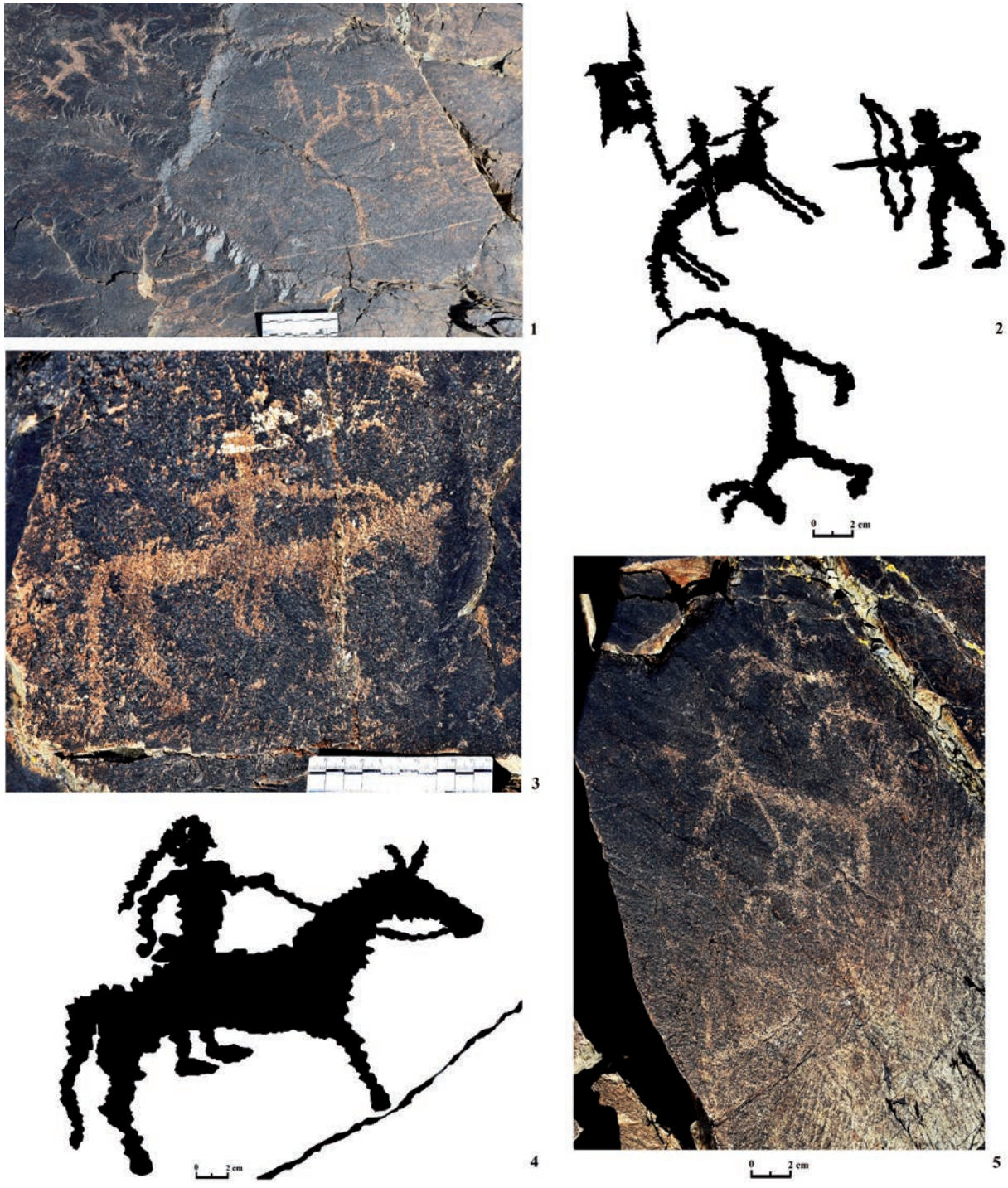


Рис. 4. Комплекс Жаман-Сарыбулак. Петроглифы раннего Средневековья
4-сур. Жаман-Сарыбұлақ кешені. Ерте орта ғасыр петроглифтері
Fig. 4. The Zhaman-Sarybulak complex. Petroglyphs of the Early Middle Ages

Среди других рисунков раннего Средневековья отмечена фигура человека, держащего верблюда в поводу (рис. 4, *1*). Образ верблюда в наскальном искусстве получил распространение в тех районах, где он активно использовался в хозяйственных нуждах. Его изображения известны как в памятниках западных отрогов Жетысу Алатау (Ешкиольмес, Баян-Журек, Ордакул, Архарлы и др.), так и в Шу-Илейских горах (горы Хантау – Шолак-Жиделисай, Костобе, Сункар, Таракбай; горы Анрахай – Тамгалы, Каракыр, Ак-Кайнар; горы Кулжабасы и Киндыктас), где они показаны пасущимися в стаде и запряжными, что отражает традиционный тип хозяйствования населения этого времени [Горячев и др. 2020: 170, 175; 2023: табл. 20, *7–12*]. В целом, средневековые наскальные рисунки комплекса Жаман-Сарыбулак показывают развитие художественных традиций своего времени, где наиболее яркие рисунки связаны с образами воинов-всадников и знаменосцев, что отражало воинскую идеологию древнетюркского общества.

Петроглифы позднего Средневековья и Нового времени представлены в основном изображениями козлов, архаров, оленей (рис. 5), исполнялись протиркой или процарапыванием, вследствие чего они контрастируют с древними рисунками. Как правило, подобные фигуры животных наносились

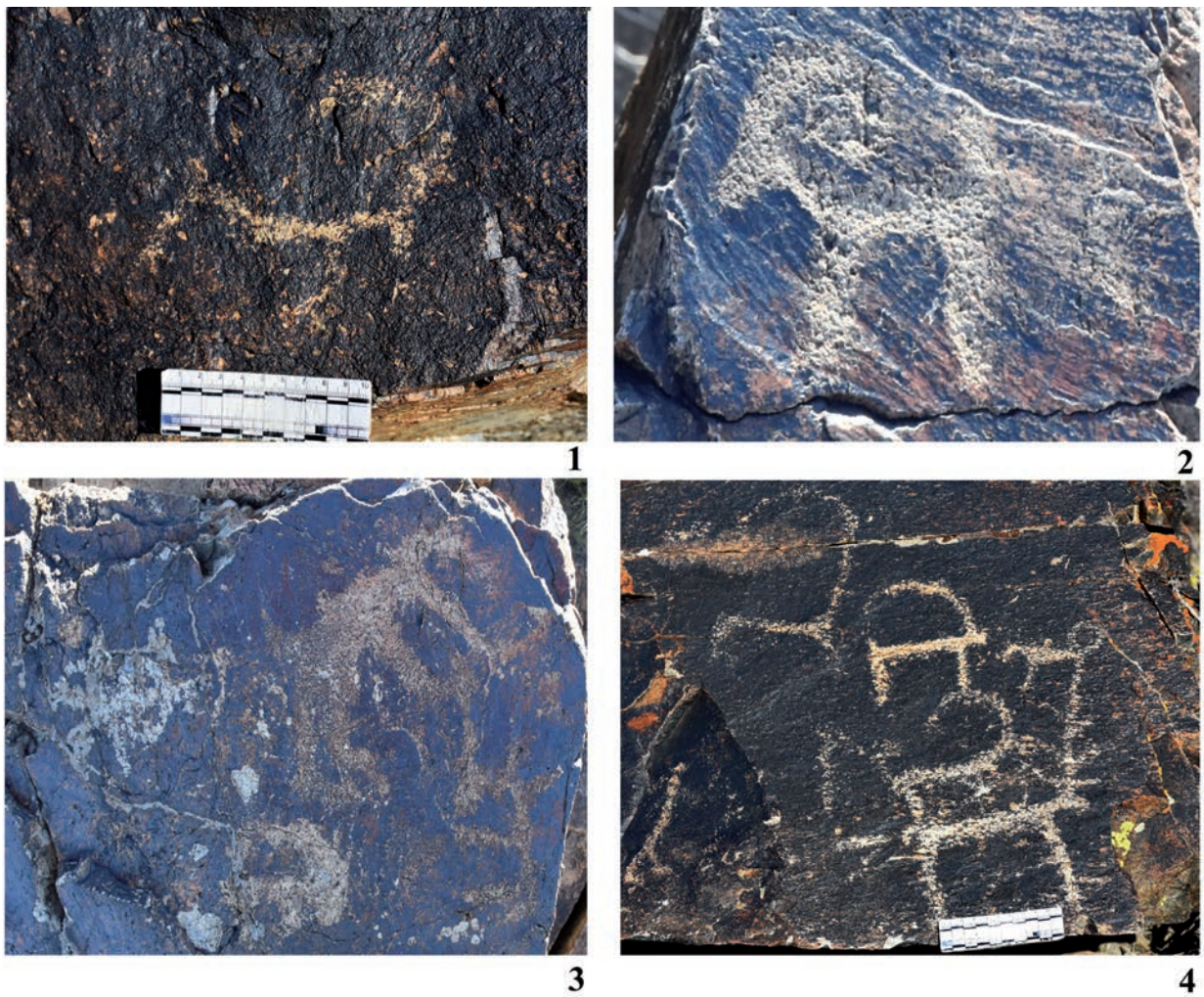


Рис. 5. Комплекс Жаман-Сарыбулак. Петроглифы позднего Средневековья и Нового времени
5-сур. Жаман-Сарыбұлақ кешені. Кейінгі орта ғасыр және Жана заман петроглифтері
Fig. 5. The Zhaman-Sarybulak complex. Petroglyphs of the Late Middle Ages and the Modern Era

на скальные плиты вдоль скотопрогонной тропы. Выявлены некоторые дополнения к более ранним композициям, в частности, отмечен сюжет, где в древнюю сцену с животными пририсован лучник Нового времени (рис. 5, *3*). Фигура лучника отличается схематичным изображением, светлой патинизацией, резко отличающей его от фигур древних животных. Подобное подновление в древний рисунок с животными изменило сюжет кардинальным образом в сцену охоты.

Выводы

Таким образом, набор сюжетов и культурно-хронологическая атрибуция комплекса Жаман-Сарыбулак представляет все основные исторические этапы освоения региона в древности и Средневековье [Марьяшев, Горячев 2002: 16–23; Самашев 2012: 35–46]. Наиболее ранние из них датируются эпохой бронзы, а стилистические особенности рисунков тамгалинской традиции предполагают их более раннее происхождение, чем петроглифы ближайшей округи. Изображения раннего железного века представлены в скифо-сибирском зверином стиле. В петроглифах раннего Средневековья традиционно выделяются основные образы тюркского наскального искусства – всадники на лошадях и конные знаменосцы. Разведка и документирование данного памятника стала началом изучения археологических памятников микрорайона. Сведения о возможных новых скоплениях вдоль русел двух основных притоков одноимённой реки дают основание предполагать здесь наличие значительного пласта историко-культурного наследия региона Жетысу, что определяет актуальность и необходимость продолжения исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1 *Байпаков К.М., Марьяшев А.Н.* Петроглифы Ак-Кайнара. Алматы: ИД «Credo», 2009. 104 с.
2 *Байпаков К.М., Марьяшев А.Н., Горячев А.А., Потапов С.А.* Наскальные изображения в горах Ешкиольмес. Алматы: OST XXI век, 2005. 226 с.
3 *Бернштам А.Н.* Наскальные изображения Саймалы-Таша // СЭ. 1952. № 2. С. 50–68.
4 Горячев и др. 2023**а**: *Горячев А.А., Галимжанов С.Э., Егорова Т.А., Гумирова О.Н.* Археологические исследования петроглифического комплекса Ордакул на территории Жетысуской области в 2022 году // Маргулановские чтения–2023. В 2-х т. Т. 2 / Гл. ред. А. Онгарулы; отв. ред. Т.Б. Мамиров. Алматы: ИА КН МНВО РК, 2023. С. 7–20.
5 *Горячев А.А., Егорова Т.А., Егорова К.А.* Петроглифы эпохи палеометалла в горах Хантау / Хантауский транзитный коридор в эпоху палеометалла // ИАС. Вып. 7 / Отв. ред. А.А. Горячев. Алматы: ИА КН МОН РК, 2020. С. 158–178.
6 Горячев и др. 2023: *Горячев А.А., Казизов Е.С., Егорова Т.А., Гумирова О.Н.* Петроглифы гор Архарлы / Материалы и исследования по археологии Казахстана. Т. XV. Алматы: ИА КН МНВО РК, 2023. 392 с.
7 *Дорж Д., Новгородова Э.А.* Петроглифы Монголии. Улан-Батор: АН МНР, 1975. 282 с.
8 *Дэвлет Е.Г.* О семантике «очковидных» изображений // Маргулановские чтения (1990): м-лы конф. Ч. 1 / Отв. ред. З.С. Самашев. М.: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 1992. С. 207–209.
9 *Егорова Т.А., Егорова К.А.* К вопросу об иконографических традициях изображений воинов-знаменосцев в петроглифах Жетысу // Кадырбаевские чтения–2014 (г. Актобе, 9–10 октября 2014 г.) / Отв. ред. А.А. Бисембаев. Астана: Мега принт, 2014. С. 234–242.
10 *Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н.* Петроглифы хребта Каратау: 2-е изд. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2007. 147 с.
11 *Максимова А.Г., Ермолаева А.С., Марьяшев А.Н.* Наскальные изображения урочища Тамгалы. Алма-Ата: Өнер, 1985. 144 с.
12 *Мартынов А.И., Марьяшев А.Н., Абетеков А.К.* Наскальные изображения Саймалы-Таша. Алма-Ата: КазГПУ им. Абая, 1992. 110 с.
13 *Марьяшев А.Н., Горячев А.А.* Наскальные изображения Семиречья. Изд. 2-е. Алматы: Фонд XXI век, 2002. 264 с.
14 *Марьяшев А.Н., Горячев А.А., Егорова Т.А., Сараев В.В.* Древние наскальные рисунки хребта Киндыктас // Хантауский транзитный коридор в эпоху палеометалла. ИАС. Вып. 7. Алматы: ИА КН МОН РК, 2020. С. 179–193.
15 *Марьяшев А.Н., Железняков Б.А.* Древности Кулжабасы. Алматы: ИА КН МОН РК, 2013. 150 с.

16 *Марьяшев А.Н., Потапов С.А.* Культовые сюжеты в петроглифах эпохи энеолита и бронзы // Маргулановские чтения (1990): м-лы конф. Ч. 1 / Отв. ред.: З.С. Самашев. М.: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 1992. С. 212–222.
17 *Новгородова Э.А.* Мир петроглифов Монголии. М.: Наука, ГРВЛ, 1984. 169 с.
18 *Новоженов В.А.* О древнейших миграциях в Центральной Азии: Туранский коммуникационный канал // Хантауский транзитный коридор в эпоху палеометалла. ИАС. Вып. 7. Алматы: ИА КН МОН РК, 2020. С. 199–221.
19 *Окладников А.П., Запорожская В.Д.* Ленские писаницы. Наскальные рисунки у деревни Шишкино. М.; Л.: АН СССР, 1959. 198 с., 52 табл.
20 *Рогожинский А.Е.* Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы. Алматы: Signet Print, 2011. 346 с.
21 *Савинов Д.Г.* «Женщина-Дом» (Интерпретация одного из петроглифических сюжетов Калбак-Таша, Горный Алтай) // Вопросы археологии Урала. Вып. 26. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. С. 80–89.
22 *Самашев З.* Петроглифы Казахстана. Алматы: Өнер, 2006. 200 с.
23 *Самашев З.* Наскальные изображения Жетысу. Баянжурек. Астана: ФИА, 2012. 240 с.
24 *Самашев З.* Древнетюркская графика. Астана: Prosper Print, 2013. 316 с.
25 *Херманн Л.* Наскальное искусство местности Аккайнар // Жетысуские древности. Археологические памятники Жамбылского района. Алматы: заповедник-музей «Танбалы», 2016. С. 52–72.
26 *Шер Я.А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 236 с.

REFERENCES

1 Baipakov, K. M., Maryashev, A. N. 2009. *Petroglify Ak-Kainara (Petroglyphs of Ak-Kainar).* Almaty: “Credo” Publ. (in Russian).
2 Baipakov, K. M., Maryashev, A. N., Goryachev, A. A., Potapov, S. A. 2005. *Naskalnye izobrazheniya v gorah Eshkiolmes (Rock Images in the Eshkiolmes mountains).* Almaty: “OST 21st century” Publ. (in Russian).
3 Bernshtam, A. N. 1952. In *Sovetskaya ehtnografiya (Soviet ethnography)* 2, 50–68 (in Russian).
4 Goryachev et al. 2023**a**: Goryachev, A. A., Galimzhanov, S. E., Egorova, T. A., Gumirova, O. N. 2023. In *Margulanovskie chteniya–2023 (Margulan readings–2023).* In 2 vol. Vol. 2, 7–20 (in Russian).
5 Goryachev, A. A., Egorova, T. A., Egorova, K. A. 2020. In: Goryachev, A. A. (ed.). *Hantauskiy tranzitnyi koridor v epohu paleometalla. Istoriya i arheologiya Semirechiya (Khantau transit corridor in the paleometallic epoch. History and archaeology of the Semirechye).* Issue 7. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 158–178 (in Russian).
6 Goryachev et al. 2023: Goryachev, A. A., Kazizov, E. S., Egorova, T. A., Gumirova, O. N. 2023. *Petroglify gor Arkharly (Petroglyphs of the Arkharly Mountains). Materialy i issledovaniya po archeologii Kazahstana.* Vol. XV. Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
7 Dorzh, D., Novgorodova, E. A. 1975. *Petroglify` Mongolii (Petroglyphs of Mongolia).* Ulan-Bator: Academy of Sciences of the MPR (in Russian).
8 Devlet, E. G. 1992. In: Samashev, Z. S. (ed.). *Margulanovskie chteniya (1990) (Margulan readings–1992).* Part 1. Moscow: Margulan Institute of archaeology, 207–209 (in Russian).
9 Egorova, T. A., Egorova, K. A. 2014. In: Bissembaev, A. A. (ed.). *Kadyrbaevskie chteniya–2014 (Kadyrbayev readings–2014)*. Astana: “Mega print” Publ., 234–242.
10 Kadyrbayev, M. K., Maryashev, A. N. 2007. *Naskalnye izobrazhenia hrebta Karatau (Rock art of the Karatau Ridge).* 2nd edition. Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
11 Maximova, A. G., Ermolaeva, A. S., Maryashev, A. N. 1985. *Naskalnye izobrazheniya urochishcha Tamgaly (Rock images of the Tamgaly tract).* Alma– Ata: “Oner” Publ. (in Russian).
12 Martynov, A. I., Maryashev, A. N., Abetekov, A. K. 1992. *Naskalnye izobrazheniya Saimaly-Tasha (Rock Images of Saimaly-Tash).* Almaty: Abay University (in Russian).
13 Maryashev, A. N., Goryachev, A. A. 2002. *Naskalnye izobrazheniya Semirechiya (Rock images of Semirechye*). 2nd edition. Almaty: “21th Century Foundation” Publ. (in Russian)
14 Maryashev, A. N., Goryachev, A. A., Egorova, T. A., Saraev, V. V. 2020. In: Goryachev, A. A. (ed.). *Hantauskiy tranzitnyi koridor v epohu paleometalla. Istoriya i arheologiya Semirechiya (Khantau transit corridor in the paleometallic epoch. History and archaeology of the Semirechye).* Issue 7. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 179–193 (in Russian).
15 Maryashev, A. N., Zheleznyakov, B. A. 2013. *Drevnosti Kulzhabasy (Antiquities of Kulzhabasy).* Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
16 Maryashev, A. N., Potapov, S. A. 1992. In: Samashev, Z. S. (ed.). *Margulanovskie chteniya (1990) (Margulan readings–1990).* Moscow: Margulan Institute of Archaeology, 212–222 (in Russian).

17 Novgorodova, E. A. 1984. *Mir petroglifov Mongolii (The world of petroglyphs in Mongolia).* Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
18 Novozhenov, V. A. 2020. In: Goryachev, A. A. (ed.). *Hantauskiy tranzitnyi koridor v epohu paleometalla. Istoriya i arheologiya Semirechiya (Khantau transit corridor in the paleometallic epoch. History and archaeology of the Semirechye).* Issue 7. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 199–221 (in Russian).
19 Okladnikov, A. P., Zaporozhskaya, V. D. 1959. *Lenskie pisanitsy. Naskalnye risunki u derevni Shishkino (Lena Pisanits. Rock paintings near the village of Shishkino).* Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences (in Russian).
20 Rogozhinskiy, A. E. 2011. *Petroglify arheologicheskogo landshafta Tamgaly (Petroglyphs of Tamgaly archaeological landscape).* Almaty: “Signet Print” Publ. (in Russian).
21 Savinov, D. G. 2011. In: *Voprosy` archeologii Urala (Issues of the Ural Archaeology).* Issue 26. Ekaterinburg; Surgut: “Magellan” Publ., 80–89 (in Russian).
22 Samashev, Z. 2006. *Petroglify Kazahstana (Petroglyphs of Kazakhstan).* Almaty: “Oner” (in Kazakh, Russian, English).
23 Samashev, Z. 2012. *Naskalnye izobrazheniya Zhetisu. Bayanzhurek (Rock art of Zhetisu. Bayanzhurek).* Astana: Brunch of the Margulan Institute of Archaeology in Astana (in Kazakh, Russian, English).
24 Samashev, Z. 2013. *Drevnetyurkskaya grafika (Ancient Turkic graphics).* Astana: “Prosper Print” Publ. (in Kazakh, Russian, English).
25 Hermann, L. 2016. In: *Zhetysuskie drevnosti. Arheologicheskie pamyatniki Zhambylskogo rajona (Zhetisu antiquities. Archaeological sites of Zhambyl district).* Almaty: “Tanbaly” Museum, 52–72 (in Russian).
26 Sher, Y. A. 1980. *Petroglify Sredney i Tsentralnoy Azii (Petroglyphs of Middle and Central Asia)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

About the Authors
Goryachev Alexander – Senior Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan.
ORCID: 0000-0001-6952-5567 E-mail: aga.2805@mail.ru
Egorova Tatyana – specialist philologist, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan.
ORCID: 0000-0002-8914-0936 E-mail: ega.0108@mail.ru

Авторлар туралы мәліметтер
Александр Анатольевич Горячев – аға ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы, Қазақстан
Татьяна Александровна Егорова – филолог-маман, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы, Қазақстан

Сведения об авторах
Александр Анатольевич Горячев – старший научный сотрудник, Институт археологии имени А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан
Татьяна Александровна Егорова – специалист-филолог, Институт археологии имени А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 09.03.2024.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 17.04.2024.
Авторлар жұмысқа бірдей үлес қосты. / Авторы внесли равноценный вклад в работу.
/ The authors have made an equal contribution to the work.

ҚЫСҚАРТУЛАР ТІЗІМІ

List of abbreviations

Список сокращений

CNRS	– Centre national de la recherche scientifique. Paris
INQUA	– International Union for Quaternary Research
NAS RK	– National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Almaty
SA MIA SC MSHE RK	– Scientific Archive of the Margulan Institute of Archaeology of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan. Almaty
АГПИ	– Алматинский государственный педагогический институт. Алматы
АН	– Академия наук
АН КазССР	– Академия наук Казахской ССР. Алма-Ата
АН МНР	– Академия наук Монгольской Народной Республики. Улан-Батор
АН СССР	– Академия наук СССР. Москва
БКИЧП	– Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода
БФАН	– Башкирский филиал АН СССР. Уфа
ВДИ	– Вестник древней истории. Москва
ВКО	– Восточно-Казахстанская область
ҒА	– Ғылым Академиясы
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева	– Евразийский Национальный университет им. Л.Н. Гумилева. Астана
ЗКО	– Западно-Казахстанская область
ИА КН МНВО РК	– Институт археологии имени А.Х. Маргулана КН МНВО РК. Алматы
ИА КН МОН РК	– Институт археологии имени А.Х. Маргулана КН МОН РК. Алматы
ИА РАН	– Институт археологии РАН. Москва
ИАС	– История и археология Семиречья. Алматы
ИАЭт СО РАН	– Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН. Новосибирск
ИИАЭ АН Каз ССР	– Институт истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата
ИИЯЛ УНЦ РАН	– Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. Уфа
ИМКУ	– История материальной культуры Узбекистана. Ташкент
КазГПУ	– Казахский государственный педагогический университет им. Абая. Алматы
КарГУ	– Карагандинский государственный университет им. академика Е.А. Букетова. Караганда
КН МНВО РК	– Комитет науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан. Астана

КН МОН РК – Комитет науки Министерства образования и науки Республики Казахстан. Астана
КСИА – Краткие сообщения Института археологии. Москва
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Москва
КСРО ҒА – Кеңес Социалистік Республикалар Одағы Ғылым академиясы
ҚазКСР ҒА – Қазақ Кеңес Социалистік Республикасы Ғылым академиясы
ҚР ҒЖБМ – Қазақстан Республикасының Ғылым және Жоғары білім министрлігі. Астана
ЛГУ – Ленинградский государственный университет. Ленинград
МГУ – Московский государственный университет. Москва
МИА – Материалы и исследования по археологии
МИАК – Материалы и исследования по археологии Казахстана
МКТУ – Международный казахско-турецкий университет им. Х.А. Ясави. Туркестан
ММТИ – Материалдық мәдениет тарихы институты. Санкт-Петербург
НА ИА – Научный архив Института археологии
НА ИА КН МНВО РК – Научный архив Института археологии имени А.Х. Маргулана КН МНВО РК. Алматы
НАН РК – Национальная Академия наук Республики Казахстан. Алматы
НГУ – Новосибирский государственный университет. Новосибирск
НИЦИА «Бегазы-Тасмола» – Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола». Алматы
НТО ЦКГУ – Научно-техническое общество Центрально-Казахстанского геологического управления
ОАК – Отчеты археологической комиссии
ОҚАЭ – Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясы
РАН – Российская академия наук. Москва
РҒА – Ресей Ғылым Академиясы
РИЦ ЗКГУ – Редакционно-издательский центр Западно-Казахстанского государственного университета им. М. Утемисова. Уральск
СА – Советская археология. Москва
САИ – Свод археологических источников. Москва.
САЭ – Семиреченская археологическая экспедиция
СКГУ им. М. Козыбаева – Северо-Казахстанский государственный университет имени М. Козыбаева. Петропавловск
СКО – Северо-Казахстанская область
СО РАН – Сибирское отделение РАН. Новосибирск
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург
СЭ – Советская этнография. Москва
ТАЭИ – Тарих, археология және этнография институты. Алма-Ата
ТГУ – Томский государственный университет. Томск
ТИИАЭ – Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Алма-Ата
ТХЭ – Труды Хорезмской экспедиции. Москва

УАВ	– Уфимский археологический вестник. Уфа
УПАСК	– Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция
УПИ	– Уральский педагогический институт им. А.С. Пушкина. Западно-Казахстанский государственный университет им. М. Утемисова. Уральск
УрГУ	– Уральский государственный университет. Екатеринбург
УрО РАН	– Уральское отделение РАН. Екатеринбург
ФАН	– Издательство Академии наук Узбекской ССР. Ташкент
ФИА	– Филиал Института археологии имени А.Х. Маргулана в г. Астане. Астана
ХАЭЭ	– Хорезм археологиялық-этнографиялық экспедициясы
ЦГА РК	– Центральный государственный архив Республики Казахстан. Алматы
ЦГМ РК	– Центральный государственный музей Республики Казахстан. Алматы
ЦКАЭ	– Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция
ЮКГПУ	– Южно-Казахстанский государственный педагогический университет им. Узбекали Жанибекова. Шымкент
ЮККАЭ	– Южно-Казахстанская комплексная археологическая экспедиция
ЮНЦ РАН	– Южный научный центр РАН. Ростов-на-Дону

АВТОРЛАРҒА АРНАЛҒАН ЕРЕЖЕ

SUBMISSIONS – ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Авторлар үшін мақалаларды беруге, оларды қарау тәртібіне, рецензиялауға, материалдарды рәсімдеу бойынша нұсқаулықтар мен ұсынымдарға, автор мен баспагердің өзара қарым-қатынасын реттейтін сұрақтарға қатысты барлық мәліметтер жинақтың archeo-margulan.kz сайтында көрсетілген.

Ресімделуі көрсетілген талаптарға сәйкес келмейтін қолжазбаларды редакциялық алқа қарастырмайды!

Осы ереже жинақта және жинақтың сайтында жарияланған күннен бастап күшіне енеді.

***

All information for authors regarding the submission of articles, the procedure for their consideration, peer review, instructions and recommendations for the design of materials, issues regulating the relationship between the author and publisher are presented on the Proceedings's website at: archeo-margulan.kz

Manuscripts that do not adhere to the specified requirements will not be considered by the editorial board!

These rules come into force from the moment of publication in the Proceedings and on the above-mentioned website.

***

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов, регулирующих взаимоотношения автора и издателя, представлены на сайте сборника по адресу: archeo-margulan.kz

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в сборнике и на сайте сборника.

МАЗМҰНЫ

СОДЕРЖАНИЕ

Қазақстанның археологиялық ескерткіштерінің зерттелу тарихы
История изучения археологических памятников Казахстана

Musagalieva A., Khabdulina M. *(Astana, Kazakhstan)*
The Great Silk Road in the works of Alkey Margulan 11

Айтбаева А.Е. *(Алматы, Қазақстан)*
Алматы және Жетісу облыстары аумағында XX ғ. 30 жылдарынан бастап жүргізілген археологиялық зерттеулер тарихынан 20

Мамедов А.М., Мамиров К.Б., Амелин В.А., Жолдыбай Е.Б. *(Ақтөбе, Қазақстан)*
Мәртөк ауданының археологиялық ескерткіштерінің зерттелу тарихы 32

Mussayeva R., Kazizova A. *(Almaty, Kazakhstan)*
The Bronze Age monuments of the West Kazakhstan region in the heritage of G.A. Kushaev 43

Тас және палеометалл дәуірі
Эпоха камня и палеометалла

Волошин В.С*. (Астана, Казахстан)*
Палеолитический памятник Батпак 17 в Центральном Казахстане 55

Плешаков А.А. *(Петропавловск, Казахстан)*
К вопросу о культурной принадлежности неолитических памятников Урало-Иртышского междуречья 67

Мерц В.К. *(Павлодар, Казахстан)*
Работы на поселении Костомар 82

Утубаев Ж.Р. *(Алматы, Қазақстан),* ***Дүйсенбай Д.Б.*** *(Астана, Қазақстан),* ***Кучеров П.Ю****. (Петропавловск, Қазақстан)*
Шығыс Сарыарқадағы Аршалы қонысы: алдын ала нәтижелері..... 92

Щербаков Н.Б., Гольева А.А., Шутелева И.А., Леонова Т.А. *(Уфа, Россия)*
Антропогенные ландшафты позднего бронзового века Южного Приуралья: влияние пасторализма на экологию 101

Киясбек Г.К. *(Алматы, Казахстан),* ***Ташманбетова Ж.Х.*** *(Сент-Луис, США),* ***Доумани Дюпюй П.Н.*** *(Астана, Казахстан)*
Результаты полевых археологических исследований на поселении и могильнике Тасбас в 2023 г. 117

Горячев А.А., Егорова Т.А. *(Алматы, Казахстан)*
Результаты археологической разведки древних памятников долины реки Шелек в 2023 году 126

Ткачев А.А. *(Тюмень, Россия)*
Металлические изделия эпохи бронзы и раннего железа из Восточного Казахстана 143

Ерте темір дәуірі
Ранний железный век

Амиров Е.Ш., Умиткалиев Д.Б., Ахметов И.Д., Каримов А.М. *(Караганды, Казахстан)*
Исследование могильника Ортенжал IV в 2023 г. 155

Байтлеу Д.А. *(Астана, Казахстан),* ***Ескендиров К.З.*** *(Алматы, Казахстан),*
Кучеров П.Ю., Шульга В.А., Кучерова Т.А. *(Петропавловск, Казахстан)*
Результаты аварийно-спасательных работ на кургане Берёзовский в Северо-Казахстанской области 164

Ержанова А.Е., Чотбаев А.Е., Ботанов Д.Е. *(Алматы, Казахстан)*
Поселение раннего железного века Акбауыр 1 179

Бисембаев А.А. *(Актобе, Казахстан),* ***Хаванский А.И.*** *(Москва, Россия),*
Жанузак Р.Ж. *(Алматы, Казахстан)*
Исследования памятников позднесарматского времени в Западном Казахстане в 2023 году 192

Мамедов А.М., Баиров Н.М., Уразмагамбетов Н.Н.,
Амелин В.А. *(Актобе, Казахстан)*
Итоги археологических исследований могильника Аккисык I в 2023 году 200

Джумабекова Г.С, Жамбулатов К.А., Сеитов А.М.,
Ахияров И.К. *(Алматы, Казахстан),* ***Лопатин В.А.*** *(Житикара, Казахстан),*
Базарбаева Г.А. *(Алматы, Казахстан)*
Каратобе-3 – комплекс сарматского времени близ г. Житикара (Северный Казахстан): предварительное сообщение 215

Захаров С.В., Марыксин Д.В. *(Алматы, Казахстан)*
Курганный могильник Чеботарево IV в среднем течении р. Жайык 226

Ярыгин С.А., Кудабаев Ч.А. *(Алматы, Казахстан)*
Материалы исследования археологического комплекса Таусамалы 244

Торежанова Н.Ж., Мякишева О.А., Ильясов Н., Балмагамбет С.С-М.,
Шергазынулы М., Малик Н. *(Алматы, Казахстан)*
Археологические исследования курганов раннего железнего века ущелья Комирши 259

Тулегенов Т.Ж., Амаргазиева Ә.Ж. *(Есік, Қазақстан)*
Жетісу сақтарының ғұрыптық-жерлеу тәжірибесін реконструкциялау: Өрнек қорымы негізінде (мәдени-хронологиялық талдау) 273

Podushkin A., Stamkulova G. *(Shymkent, Kazakhstan)*
Excavations of catacomb 4 of the Silbelitobe 1 necropolis in 2023 288

Курманкулов Ж. *(Алматы, Казахстан),* ***Болелов С.Б.*** *(Москва, Россия),*
Утубаев Ж.Р. *(Алматы, Казахстан)*
Археологические исследования на городище Бабиш мола 1 в 2023 году 299

Утубаев Ж.Р., Шагирбаев М.С. *(Алматы, Қазақстан)*
Бәбіш мола кешенінің археозоологиялық материалдары
(2023 жылғы қазба бойынша) 322

Тәжекеев Ә.Ә. *(Астана, Қазақстан)***, *Оңғарұлы А.*** *(Алматы, Қазақстан)***,**
Дарменов Р.Т. *(Астана, Қазақстан)***, *Сұлтанжанов Ж.Қ.*,**
Шораев Б.*Қ. (Қызылорда, Қазақстан)*
Құрайлы асар қорымындағы 2023 жылғы археологиялық зерттеулер 336

Горячев А.А., Егорова Т.А. *(Алматы, Казахстан)*
Петроглифический комплекс Жаман-Сарыбулак на территории
Каратальского района Жетысуской области 346

Қысқартулар тізімі – Список сокращений 359

Авторларға арналған ереже – Правила для авторов 362

CONTENT

The history of the study of archaeological sites in Kazakhstan

A. Musagalieva, M. Khabdulina *(Astana, Kazakhstan)*
The Great Silk Road in the works of Alkey Margulan (in English) 11

A. Aitbayeva *(Almaty, Kazakhstan)*
The history of archaeological research conducted on the territory of Almaty and Zhetisu regions since the 30s of the 20th century (in Kazakh) 20

A. Mamedov, K. Mamirov, V. Amelin, Y. Zholdybay *(Aktobe, Kazakhstan)*
The history of research of archaeological monuments of Martuk district (in Kazakh) 32

R. Mussayeva, A. Kazizova *(Almaty, Kazakhstan)*
The Bronze Age monuments of the West Kazakhstan region in the heritage of G.A. Kushaev (in English) 43

The Stone Age and Paleometal

V. Voloshin *(Astana, Kazakhstan)*
The Palaeolithic site Batpak 17 in Central Kazakhstan (in Russian) 55

A. Pleshakov *(Petropavlovsk, Kazakhstan)*
On the question of the cultural affiliation of the Neolithic monuments of the Ural-Irtysh interfluves (in Russian) 67

V. Merts *(Pavlodar, Kazakhstan)*
Works at the Kostomar settlement (in Russian) 82

Z. Utubayev *(Almaty, Kazakhstan)*, ***D. Duisenbay*** *(Astana, Kazakhstan)*, ***P. Kucherov*** *(Petropavlovsk, Kazakhstan)*
Arshaly settlement in Eastern Saryarka: preliminary report (in Kazakh) 92

N. Shcherbakov *(Ufa, Russia)*, ***A. Golyeva*** *(Moscow, Russia)*, ***I. Shuteleva, T. Leonova*** *(Ufa, Russia)*
Anthropogenic landscapes of the Late Bronze Age of the Southern Trans-Urals: the impact of pastoralism on ecology (in Russian) 101

G. Kiyasbek *(Almaty, Kazakhstan)*, ***Z. Tashmanbetova*** *(St. Louis, USA)*, ***P. Doumani Dupuy*** *(Astana, Kazakhstan)*
Results of archaeological field research at the site of Tasbas in 2023 (in Russian) 117

A. Goryachev, T. Egorova *(Almaty, Kazakhstan)*
Results of archaeological reconnaissance of ancient monuments of the Shelek River valley in 2023 (in Russian) 126

A.A. Tkachev *(Tyumen, Russia)*
Metal items from the Bronze Age and Early Iron Age from East Kazakhstan (in Russian) 143

Early Iron Age

Y. Amirov, D. Umitkaliev, I. Akhmetov, A. Karimov *(Karaganda, Kazakhstan)*
The study of the Ortenzhal IV burial ground in 2023 (in Russian) 155

D. Baitileu *(Astana, Kazakhstan)*, ***K. Yeskendirov*** *(Almaty, Kazakhstan)*, ***P. Kucherov***, ***V. Shulga, T. Kucherova*** *(Petropavlovsk, Kazakhstan)*
Results of emergency rescue operations on the Beryozovsky kurgan in the North Kazakhstan region (in Russian) 164

A. Yerzhanova, A. Chotbayev, D. Botanov *(Almaty, Kazakhstan)*
Early Iron Age settlement Akbauyr 1 (in Russian) 179

A. Bissembaev *(Almaty, Kazakhstan)****, A. Khavansky*** *(Moscow, Russia),*
R. Zhanuzak *(Almaty, Kazakhstan)*
Research of monuments of the late Sarmatian period
in Western Kazakhstan in 2023 (in Russian) 192

A. Mamedov *(Aktobe, Kazakhstan)****, N. Bairov*** *(Elista, Russia),*
N. Urazmagambetov, V. Amelin *(Aktobe, Kazakhstan)*
Results of archaeological research of the Akkisyk I burial ground in 2023 (in Russian) 200

G. Jumabekova, K. Zhambulatov, A. Seitov, I. Akhiyarov *(Almaty, Kazakhstan)****,***
V. Lopatin *(Jitiqara, Kazakhstan)****, G. Bazarbayeva*** *(Almaty, Kazakhstan)*
Karatobe-3 – a Sarmatian time complex near the town of Jitiqara (Northern Kazakhstan):
preliminary report (in Russian) 215

S. Zakharov, D. Maryxin *(Almaty, Kazakhstan)*
Kurgan burial ground Chebotarevo IV in the middle reaches of the river Zhayik (in Russian) 226

S. Yarygin *(Astana, Kazakhstan)****, C. Kudabaev*** *(Almaty, Kazakhstan)*
Materials from the study of the archaeological complex of Tausamaly (in Russian) 244

N. Torezhanova, O. Myakisheva, N. Ilyasov, S. Balmagambet,
M. Shergazynuly, M. Nurbolat *(Almaty, Kazakhstan)*
Archaeological studies of the kurgans of the early Iron Age
of the Komirshi gorge (in Russian) 259

T. Tulegenov, A. Amargazieva *(Esik, Kazakhstan)*
Reconstruction of the funeral and memorial practice of the Sakas of Zhetisu:
based on materials from the Ornek burial ground
(cultural-chronological analysis) (in Russian) 273

A. Podushkin, G. Stamkulova *(Shymkent, Kazakhstan)*
Excavations of catacomb 4 of the Silbelitobe 1 necropolis in 2023 (in English) 288

Z. Kurmankulov *(Almaty, Kazakhstan)****, S. Bolelov*** *(Moscow, Russia),*
Z. Utubayev *(Almaty, Kazakhstan)*
Archaeological research at the site of Babish Mola 1 in 2023 (in Russian) 299

Z. Utubayev, M. Shagirbayev *(Almaty, Kazakhstan)*
Archaeozoological materials of the Babish Mola complex
(based at the excavations of 2023) (in Kazakh) 322

A. Tazhekeyev, A. Onggaruly *(Almaty, Kazakhstan)****, R. Darmenov*** *(Astana, Kazakhstan),*
Z. Sultanzhanov, B. Shorayev *(Kyzylorda, Kazakhstan)*
Archaeological research at the Kuraily-asar burial ground in 2023 (in Kazakh) 336

A. Goryachev, T. Egorova *(Almaty, Kazakhstan)*
Petroglyphic complex Zhaman-Sarybulak on the territory of Karatal district
of Zhetisu region (in Russian) 346

List of Abbreviations 359

Submissions 362

Ғылыми басылым
Марғұлан оқулары – 2024: халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары
(Баянауыл, Павлодар, 23–25 мамыр 2024 ж.). 2 томдық. 1-том.
Алматы: Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, 2024.

Scientific edition
Margulan readings – 2024: proceedings of the International scientific and practical conference
(Bayanaul, Pavlodar, 23–25 May, 2024). In 2 vol. Vol. 1. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 2024.

Научное издание
Маргулановские чтения – 2024: материалы международной научно-практической конференции
(Баянаул, Павлодар, 23–25 мая 2024 г.). В 2-х т. Т. 1. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2024.

О.В. Кузнецова – компьютерлік беттеу және дизайн
Ә.М. Манапова, А.Е. Айтбаева – қазақ тіліндегі мәтіндерді редакциялау және қазақ тіліне аудару
Я.С. Шаяхметова, Г.А. Қалдыбаева – ағылшын тіліндегі мәтіндерді редакциялау және ағылшын тіліне аудару

Computer layout and design – Olga Kuznetsova
Kazakh translation and editing – Aliya Manapova, Aigerim Aitbayeva
English translation and editing – Yana Shayakhmetova, Gaukhar Kaldybayeva

Компьютерная вёрстка и дизайн – О.В. Кузнецова
Перевод и редактура текстов на казахском языке – А.М. Манапова, А.Е. Айтбаева
Перевод и редактура текстов на английском языке – Я.С. Шаяхметова, Г.А. Калдыбаева

Түпнұсқа макет Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтында дайындалды
050010, Алматы қаласы, Достық даңғылы, 44
Баспаға 23.08.2024 ж. қойылды. Пішім 84×108 $^{1}/_{16}$
Шартты б. т. 38,64. Calibri гарнитурасы.

Original layout prepared at the Margulan Institute of Archaeology
050010 Almaty, Dostyk Ave., 44
Signed to print 23.08.2024. Format 84×108 $^{1}/_{16}$
Printed sheet 38,64. Calibri headset

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии имени А.Х. Маргулана
050010, г. Алматы, пр. Достык, 44
Подписано в печать 23.08.2024 г. Формат 84×108 $^{1}/_{16}$
Усл. п. л. 38,64. Гарнитура Calibri.

«Хикари» баспаханасында басылған
Printed in the printing house «Hikari»
Отпечатано в типографии «Хикари»

16+

hikari.kz24.online